A. 634/4

A 1656.

NAZIONALE
BIBLIOTECA
CENTRALE V. E. II
GOGOL
B
3522 /4
ROMA

J 51/4
№ 16556.

ЖИЗНЬ

НАПОЛЕОНА БОНАПАРТЕ.

ЖИЗНЬ

НАПОЛЕОНА БОНАПАРТЕ,

ИМПЕРАТОРА ФРАНЦУЗОВЪ.

Сочиненіе

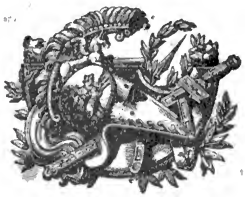
Сира Валтеръ-Скотта.

Перевелъ съ Англійскаго

С. де Шаплетъ.

ТОМЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

ЧАСТИ 12. 13. 14.



САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи И. Глазунова и К°.

—

1837.

cod. 3.372/4

Печатать позволяется,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлены были въ Цензурный Комитетъ три экземпляра. С. Петербургъ, 1 Декабря 1835 года

Цензоръ П. Гаевскій.

Изъ типографіи Ильи Ив. Глазунова и К°.

BVE0352034
4 BVE0352.04

ЖИЗНЬ
НАПОЛЕОНА БОНАПАРТЕ.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Викторъ и другіе Французскіе Маршалы признаютъ Временное Правительство. — Мармонтъ заключаетъ отдѣльный договоръ, но присутствуетъ въ Парижскихъ засѣданіяхъ, передавъ начальство надъ арміею Сугаму. — Маршалы имѣютъ свиданіе съ Императоромъ Александромъ. — Сугамъ переходитъ со своею арміею къ Союзникамъ, въ слѣдствіе чего Союзные Государи настоятельно требуютъ безусловнаго отреченія Наполеона. — Поступки его, когда онъ узналъ объ этомъ рѣшеніи, — и пехотинцы, съ которымъ онъ наконецъ соглашается. — Условія, ему данныя. — Разсмотрѣніе оныхъ въ политическомъ отношеніи. — Неодобреніе оныхъ Лордомъ Кастельригомъ. — Всѣ оставляютъ Наполеона. — Императрица Марія Луиза возвращается подъ покровительство своего родителя. — Смерть Іозефины. — Странный разсказъ Барона Феша, Наполеонова Секретаря, о покушеніи Императора лишить себя жизни. — Послѣ сего онъ показываетъ болѣе твердости. — Виды его на счетъ политики, наиболѣе приличной Бурбонамъ, его преемникамъ. — Онъ отправляется изъ Фонтенбло на островъ Ельбу 20 Апрѣля.

Уполномоченнымъ Наполеона приказано было повидаться съ Мармонтомъ въ Essonъ, на пути своемъ къ столицѣ. Исполнивъ сіе, они узнали отъ него такія вещи, которыя заставили ихъ поспѣшить исполненіемъ своей порученности. Многіе Генералы, небывшіе въ Фонтенбло и не участвовавшіе въ собранномъ тамъ Военномъ Совѣтѣ, сочли, что указъ Сената, подтвержденный согласіемъ прочихъ присутственныхъ мѣстъ, рѣшительно прекращалъ царствованіе Бонапарте или долженствовалъ произвесть междоусобную войну. Большая часть изъ нихъ держалась того мнѣнія, что польза человѣка, коего таланты столь же были опасны для Франціи, какъ добродѣтели Кесаря для Рима, не долженствовала

перевѣшивать блага столицы и цѣлаго народа. Въ слѣдствіе сего Викторъ, Герцогъ Беллунскій, призналъ Временное Правительство, и примѣру его послѣдовали многіе другіе.

Но болѣе важный человѣкъ, перешедшій на Королевскую сторону, былъ Маршалъ Мармонтъ, Герцогъ Рагузскій, который стоялъ въ Ессонѣ съ десятью или съ двѣнадцатью тысячами войскъ, составлявшихъ авангардъ Французской арміи. Считая себя въ правѣ, подобно всякому Французу, помышлять въ эту опасную минуту о благѣ Франціи, болѣе чѣмъ о выгодахъ Наполеона, и желая избавить свою отчизну отъ бѣдствій междоусобной войны, онъ воспользовался своимъ положеніемъ, дававшимъ ему такой вѣсъ, котораго никто другой не могъ имѣть въ эту минуту. Маршалъ Мармонтъ, по сношенію съ Временнымъ Правительствомъ и съ Княземъ Шварценбергомъ, заключилъ договоръ, по которому предводительствуемый имъ отрядъ вступалъ въ черту расположенія Союзныхъ войскъ, и чрезъ сіе отказывался отъ всякаго участія въ продолженіи войны. Съ другой стороны Маршалъ выговорилъ, чтобы Наполеонъ сохранилъ свою свободу и чтобы съ нимъ было поступлено съ надлежащимъ уваженіемъ на случай, если онъ попадетъ въ руки Союзниковъ. Онъ условился также, чтобы войску его дозволено было итти въ Нормандію. Договоръ сей подписанъ въ Шевильи 3 Апрѣля.

Сей поступокъ Генерала Мармонта былъ сочтенъ измѣною; но почему же выборъ между Временнымъ Правительствомъ и Императоромъ есть измѣна со стороны сего Генерала больше, чѣмъ отъ всѣхъ прочихъ Маршаловъ и присутственныхъ мѣстъ, сдѣлавшихъ то же самое? И если Герцогъ Рагузскій воспрепятствовалъ симъ дальнѣйшему пролитію крови, то не должно ли радоваться, (по выраженію, заимствованному у Талейрана при подобномъ сему случаѣ), что часы Маршала нѣсколькими минутами опередили часы его товарищей?

Когда Макдональдъ и Ней сообщили Мармонту, что они везутъ отреченіе Наполеона и что онъ также причисленъ къ ихъ посольству, то Маршалъ спросилъ, почему его не пригласили въ Совѣтъ, происходившій въ Фонтенбло, и объявилъ имъ о договорѣ, который онъ заключилъ отъ своего имени. Герцогъ Тарентскій представилъ ему, какія невыгоды могутъ произойти отъ несогласія между главными военачальниками. На счетъ Совѣта въ Фонтенбло, онъ сказалъ ему, что Совѣтъ сей составился такъ внезапно, и въ такихъ крайнихъ обстоятельствахъ, что не было времени пригласить никого, кромѣ тѣхъ Маршаловъ, которые случились поблизости, дабы Наполеонъ между тѣмъ не двинулся съ арміею. Уполномоченные просили Мармонта отложить исполненіе его отдѣльнаго договора и ѣхать съ ними для совѣщаній въ Парижъ. Онъ согласился и сѣлъ въ карету Маршала Нея, оставя Генерала Сугама, который зналъ тайну договора, какъ и всѣ прочіе Генералы сего отряда, за исключеніемъ двухъ, —

начальникомъ войска, приказавъ ему стоять на мѣстѣ.

Маршалы, прибывъ въ Парижъ, нашли, что народъ сильно расположенъ въ пользу Бурбоновъ, коихъ символы были повсюду приняты; и на улицахъ раздавался кликъ: *Да здравствуетъ Король!* Чернь повидимому показывала къ нимъ столько же восторга, сколько она за нѣсколько дней обнаруживала равнодушія. Это было дурнымъ предзнаменованіемъ для успѣха посольства, имѣвшаго цѣлью учрежденіе Регентства.

Имена и извѣстность уполномоченныхъ доставили имъ немедленный доступъ къ Императору Александру, который принялъ ихъ со свойственною Ему вѣжливостью. «На счетъ главной цѣли вашего посольства,» сказалъ Онъ имъ: «Я не могу ничего рѣшить иначе, какъ съ общаго согласія Союзниковъ.» Но Онъ распространился относительно самого Наполеона: «Онъ былъ Моимъ другомъ,» сказалъ Императоръ: «Я его любилъ и уважалъ. Его честолюбіе принудило Меня къ кровопролитной войнѣ, въ слѣдствіе коей столица Моя сожжена и владѣнія Мои подверглись жесточайшимъ бѣдствіямъ; но онъ въ несчастіи — и Я забываю его вину. Не желаете ли вы чего либо собственно для него? Я охотно буду его ходатаемъ.» Маршалы отвѣтствовали, что Наполеонъ не упоминалъ ни о какихъ условіяхъ, лично до него касающихся. Императоръ едва могъ сему повѣрить; но они показали Ему свои наставленія, относившіяся только до общественныхъ дѣлъ. Императоръ спросилъ тогда, не желаютъ ли они выслушать на этотъ счетъ Его предложеніе. Они отвѣтствовали Ему съ приличною почтительностью и благодарностью. Тогда Онъ сообщилъ имъ предположеніе, въ послѣдствіи исполненное: чтобы Наполеонъ удержалъ Императорскій титулъ, царствуя надъ небольшою землею съ достаточнымъ доходомъ, съ гвардіею и съ другими признаками сего сана. «Эта земля,» продолжалъ Россійскій Императоръ: «можетъ быть Эльба или какой либо другой островъ.» Послѣ сего объявленія, уполномоченные Наполеона были на этотъ вечеръ отпущены.

Маршалъ Мармонтъ сдѣлалъ все, что могъ, дабы остановить исполненіе предположеннаго имъ движенія, вѣроятно считая за лучшее дѣйствовать совокупно со своими сподвижниками, чѣмъ принять на себя одного такую отвѣтственность; но непредвидѣнный случай ускорилъ мѣру, которой исполненіе онъ хотѣлъ было задержать. Наполеонъ потребовалъ къ себѣ Графа Сугама, начальствовавшаго войсками въ Ессонѣ, за отсутствіемъ Мармонта. Приказъ сей ничѣмъ не объяснялся и отъ посланнаго нельзя было добиться, какая причина подала къ оному поводъ. Это заставило Сугама подозрѣвать, что Наполеонъ узналъ о заключенномъ въ Шевильи договорѣ. Колеблемый опасеніями, онъ собралъ ночью прочихъ Генераловъ, знавшихъ тайну, которые вмѣстѣ съ нимъ положили немедленно исполнить договоръ и вступить въ черту, занимаемую Союзными войсками, не ожидая дальнѣйшихъ приказаній отъ Маршала Мармонта. Ди-

визія тронулась 5 Апрѣля въ пять часовъ утра, и нѣсколько времени шла въ порядкѣ, предполагая, что ее ведутъ для нападенія на флангѣ Союзниковъ; но замѣтивъ, что Баварскій отрядъ, не препятствуя имъ, наблюдаетъ за ними, солдаты начали подозрѣвать настоящую цѣль своего похода. Когда сіе обнаружилось, то произошелъ родъ возмущенія, и нѣсколько Польскихъ Улановъ, оставя ряды свои, поскакали обратно въ Фонтенбло; но духъ подчиненности превозмогъ, и офицерамъ удалось привести солдатъ въ новыя квартиры, въ Версаль. Они однако же очень неблагопріятно смотрѣли на поступокъ, который ихъ заставили сдѣлать, и чрезъ нѣсколько дней между ими вспыхнулъ настоящій бунтъ, который не безъ труда успѣли унять.

Между тѣмъ уполномоченные Наполеона были допущены въ полное собраніе Союзныхъ Государей и Министровъ; что вѣроятно было сдѣлано болѣе для вида, дабы оказать приличное уваженіе представителямъ Французской арміи, чѣмъ съ тою цѣлью, чтобы измѣнить планъ Союзныхъ Государей, объявленный уже ими Манифестомъ, и на основаніи коего тысячи человѣкъ дѣйствовали. Не взирая на то, вопросъ — принять ли основою соглашенія предлагаемое Регентство, или возстановленіе Бурбоновъ? — былъ объявленъ цѣлью разсужденій сего собранія. Маршалы ходатайствовали о Регентствѣ. Генералы Бёрнонвиль и Дессоль начали было возражать противъ Фонтенблосскихъ уполномоченныхъ, какъ вдругъ, прежде еще окончанія преній, получено извѣстіе о движеніи Мармонтовой дивизіи въ Версаль. Уполномоченные были изумлены сею неожиданною вѣстью; а Императоръ Россійскій, воспользовавшись симъ случаемъ, объявилъ, что Союзники не иначе будутъ договариваться съ Наполеономъ, какъ по сдѣланіи имъ безусловнаго отреченія. Съ этимъ отвѣтомъ, смягченнымъ предложеніемъ независимой области ихъ бывшему Повелителю, Маршалы возвратились въ Фонтенбло, а Сенатъ занялся составленіемъ свободной Конституціи, съ которою Бурбоны призывались на престолъ.

Наполеонъ въ своемъ Фонтенблосскомъ уединеніи усматривалъ въ будущемъ мало надеждъ на выгоды отъ посольства своихъ Маршаловъ. Онъ предвидѣлъ, что если Союзные Государи и склонятся на предложенное Регентство, то они потребуютъ самаго строгаго обезпеченія противъ участія съ его стороны въ правительствѣ; и что подъ Регентствомъ жены его, Маріи Луизы, не имѣвшей способности къ Государственнымъ дѣламъ, Франція вѣроятно будетъ управляема Австрійскимъ Кабинетомъ. Онъ опять вздумалъ было воевать, и вѣроятно исполнилъ бы сіе намѣреніе, болѣе сообразное съ его духомъ, если бъ Полковникъ Гурго не привезъ ему извѣстіе, что отрядъ Мармонта вступилъ въ черту непріятельскаго расположенія, утромъ 5 Апрѣля. «Неблагодарный человѣкъ!» вскричалъ онъ: «но онъ будетъ еще несчастнѣе меня.» Ему бы слѣдовало удовольствоваться этимъ замѣчаніемъ, которое, не смотря на несправедливость онаго относитель-

но къ Маршалу, всякой бы изъ состраданія извинилъ. Но на другой день онъ издалъ къ арміи родъ воззванія, на счетъ важности воинскаго долга, болѣе по словамъ его священнаго, чѣмъ обязанность человѣка къ его отечеству; отъ чего ему тѣмъ благовиднѣе было бы повоздержаться, что всѣ уже знали, до какой степени простиралась у него страсть къ самовластію.

По возвращеніи Маршаловъ, онъ выслушалъ извѣстіе о неуспѣхѣ ихъ переговоровъ, какъ о событіи, котораго онъ ожидалъ. Но, къ удивленію ихъ, послѣ безкорыстія, оказаннаго имъ при ихъ отправленіи, онъ почти въ ту же минуту спросилъ ихъ, какое распоряженіе сдѣлано на счетъ его самого и какъ съ нимъ будетъ поступлено? Они донесли ему, что его полагаютъ сдѣлать независимымъ владѣльцемъ острова Ельбы, или какого либо другаго мѣста. Наполеонъ съ минуту молчалъ. «Или какого либо другаго мѣста,» воскликнулъ онъ: «это должна быть Корсика. Нѣтъ, нѣтъ! Я не хочу имѣть дѣла съ Корсикою. Островъ Ельба! Кто знаетъ островъ Ельбу? Сыщите мнѣ офицера, которому извѣстенъ островъ Ельба! Достаньте мнѣ книгъ и ландкартъ, изъ которыхъ можно бы получить какія нибудь свѣдѣнія объ островѣ Ельбѣ.»

Въ минуту, онъ такъ сильно занялся положеніемъ и способами небольшаго островка сего, какъ будто бы онъ никогда не бывалъ Императоромъ Франціи и даже почти цѣлаго Свѣта. Но Бонапарте былъ чрезвычайно себялюбивъ. Онъ очень зналъ, сколь неприлично было бы Императору, отрекающемуся отъ престола, договариваться о томъ, чѣмъ ему впредь быть; и имѣлъ причины предполагать, что, обнаруживъ при этомъ случаѣ великодушіе, онъ лучше могъ возбудить соотвѣтственную оному щедрость въ тѣхъ, съ которыми онъ договаривался. Но когда кости были брошены и судьба его опредѣлилась, то онъ подробно разсмотрѣлъ то, что въ послѣдствіи онъ долженствовалъ считать единственнымъ своимъ достояніемъ. Обратить свои помышленія отъ Франціи къ Ельбѣ, значило подражать слону, который, будучи въ состояніи ворочать пушки, сталъ бы подбирать своимъ хоботомъ булавки. Но Наполеонъ былъ способенъ и къ тому и къ другому, поелику онъ смотрѣлъ на эти два предмета не по разницѣ ихъ между собою, но по праву владѣнія, которое онъ имѣлъ надъ тѣмъ и надъ другимъ.

Послѣ проведенной въ размышленіяхъ ночи, отрѣшенный властитель рѣшился и отправилъ Коленкура съ Макдональдомъ еще разъ въ Парижъ, договариваться съ Союзниками на основаніи безусловнаго отреченія отъ Имперіи. Бумага сія состояла въ слѣдующемъ: «По объявленію Союзныхъ Державъ, что Императоръ Наполеонъ есть единственная преграда къ возстановленію мира въ Европѣ, онъ объявляетъ, что отказывается за себя и за своихъ наслѣдниковъ отъ престола Франціи и Италіи, ибо нѣтъ пожертвованія, не исключая самой жизни, котораго онъ бы не готовъ былъ сдѣлать для пользы Франціи.»

Не взирая на сіе, принятое имъ намѣреніе, Наполеонъ, до окончательнаго утвержденія договора, все еще питалъ мысль прервать оный. Онъ замышлялъ перенести войну за Луару — соединиться съ Ожеро — итти въ Италію для совокупнаго дѣйствія съ Принцемъ Евгеніемъ. Однажды онъ даже вздумалъ было призвать войска свои опять къ оружію, въ слѣдствіе извѣстія, слишкомъ поспѣшно сообщеннаго весьма преданнымъ ему Генераломъ (кажется намъ, Генераломъ Аликсомъ,) будто бы Императоръ Австрійскій недоволенъ мѣрами, принимаемыми противъ его зятя, и рѣшился ему содѣйствовать. По этому свѣдѣнію, которое въ послѣдствіи оказалось совершенно неосновательнымъ, Наполеонъ потребовалъ у Маршаловъ обратно актъ своего отреченія. Но поелику онъ былъ уже подписанъ и законнымъ образомъ утвержденъ, то Маршалы обязанностью сочли удержать въ своихъ рукахъ бумагу, представляющую единственное средство спасти Францію въ этомъ ужасномъ случаѣ.

Бонапарте осмотрѣлъ свою Старую Гвардію на дворѣ замка; ибо число ея такъ уменьшилось, что она могла помѣститься на этомъ тѣсномъ пространствѣ. Усердныя восклицанія привѣтствовали его по прежнему; но, увидя такую убыль въ ихъ рядахъ, онъ почувствовалъ, что сердце его стѣснилось; возвратясь во дворецъ, онъ потребовалъ къ себѣ Удино. «Могу ли я полагаться на войска?» спросилъ онъ у него. Удино отвѣчалъ ему отрицательно, и напомнилъ, что онъ отрекся отъ престола. — «Такъ, но съ условіями,» сказалъ Наполеонъ. — «Солдаты не знаютъ ни о какихъ условіяхъ,» возразилъ Маршалъ: «они считаютъ вашу власть уже не существующею.» — «Въ такомъ случаѣ объ этомъ и говорить нечего,» прибавилъ Наполеонъ: «подождемъ извѣстій изъ Парижа.»

Макдональдъ, Коленкуръ и Ней вскорѣ послѣ сего прибыли въ Фонтенбло съ договоромъ, заключеннымъ ими на условіяхъ, уже объявленныхъ Императоромъ Россійскимъ, принимавшимъ главное участіе въ составленіи онаго. По его ходатайству, уполномоченные получили такія условія, какія никогда еще не бывали даваемы лишенному престола Государю, и вѣроятно никогда и впредь не будутъ даны, пока Исторія сохранитъ воспоминаніе объ этомъ достопамятномъ событіи. По симъ условіямъ Бонапарте оставался Императоромъ, но власть его долженствовала ограничиться лежащимъ на Средиземномъ морѣ островомъ Ельбою, имѣющимъ двадцать миль въ окружности и около двѣнадцати тысячъ жителей. Его признавали одною изъ Коронованныхъ главъ Европы, — предоставляя ему имѣть гвардію и флотъ, соразмѣрно съ пространствомъ его владѣній. Для поддержанія же его сана, ему назначалось ежегодно по шести милліоновъ франковъ, независимо отъ доходовъ, получаемыхъ съ острова Ельбы. Два съ половиною милліона были также назначены братьямъ его, Іозефинѣ и другимъ лицамъ его семейства, — доходъ, болѣе огромный, чѣмъ какой Король Англійскій когда либо имѣлъ

въ своемъ распоряженіи. Съ основательностью было замѣчено, что если Бонапарте заслуживалъ столь выгодныя условія, то его не слѣдовало бы лишать престола. Названіе, санъ, военная власть и самодержавіе Императора, данныя владѣльцу такого Лилипутскаго царства, были странны, если бъ предположить, что Наполеонъ будетъ смирно сидѣть въ нихъ, и опасны въ случаѣ, если бъ ему опять вздумалось тревожить Европу.

Нельзя было надѣяться угодить Наполеону, облекши его пустымъ призракомъ его прежняго могущества, тогда какъ въ новомъ его положеніи, самою почетною для него долею была бы личная безопасность, съ достаточнымъ содержаніемъ, а не безполезная пышность, которою его окружили, какъ будто бы въ насмѣшку надъ тѣмъ, чѣмъ онъ былъ прежде. Къ несчастію, опытъ показалъ, какъ многіе съ самаго начала полагали, что едва только геній его возьметъ полетъ свой за тѣсный кругъ, ему предначертанный, то Императорскій титулъ и санъ, съ помощью вѣрной его гвардіи и искусныхъ совѣтниковъ, будутъ достаточны этому смѣлому человѣку для того, чтобы отважиться вновь на опытъ пріобрѣтенія потеряннаго имъ Государства. Притомъ же и положеніе острова Ельбы, его новаго царства, казалось, долженствовало содѣйствовать когда либо его будущему возстанію.

Прочія статьи сего необычайнаго договора раздѣляли часть назначаемаго Наполеону дохода между членами его семейства. Самымъ основательнымъ изъ всѣхъ распоряженій было то, которое предоставляло Маріи Луизѣ и сыну ея Герцогства Парму, Піаченцу и Гвасталлу въ полное владѣніе. За исключеніемъ сего, всѣ прочія статьи были поставлены на счетъ Франціи, которой Временное Правительство даже не было спрошено о согласіи на оныя.

Не прежде, какъ испытавъ уже послѣдствія сего необычайнаго трактата, спросили, на какомъ основаніи онъ былъ составленъ. Главное при этомъ участіе приписывалось Императору Александру, который, будучи одаренъ столь многими превосходными, высокими качествами, и будучи однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ, самыхъ важныхъ членовъ Европейскаго Союза, не могъ совершенно устранить въ этомъ дѣлѣ свойственной Ему чувствительности и заградить слухъ Свой ко всеобщимъ кликамъ одобренія. Желаніе заглушить всякую искру неудовольствія и явить Свое великодушіе въ минуту успѣха, — все сіе повидимому увлекло сердце Александра за предѣлы необходимой въ такихъ обстоятельствахъ осторожности. Великодушно давать, еще того великодушнѣе прощать; но осыпать дарами и прощеніемъ, устроивъ будущую судьбу соперника, распростертаго у ногъ его, слышать со всѣхъ сторонъ благодаренія и привѣтствія, даже изъ устъ имъ побѣжденныхъ — есть самое лестное торжество для побѣдоноснаго Монарха. Одни только послѣдствія показываютъ ему, что такое щедрое великодушіе часто дѣлается опаснымъ. Прочія лица, дѣйствовавшія

при составленіи сего договора, были Король Прусскій, который не имѣлъ никакихъ причинъ не одобрить плана, составленнаго Союзникомъ его, Александромъ, и Императоръ Австрійскій, которому разборчивость не позволила бы возражать противъ статей, сдѣланныхъ въ пользу его зятя.

Съ другой стороны Маршалы съ радостью приняли то, чего вѣроятно они никогда бы сами не требовали. Они вѣдали, что армію можно преклонить всякимъ знакомъ уваженія, оказаннымъ бывшему Императору и, можетъ быть, зная свойства Наполеона, полагали, что онъ будетъ доволенъ сохраненіемъ хоть наружныхъ символовъ Императорскаго сана, не взирая на ограниченность оныхъ. Была Держава, коей представитель, предвидя бѣдствія, могшія произойти отъ подобнаго договора, представилъ свои противъ онаго возраженія. Но дѣло было сдѣлано и статьи утверждены прежде, чѣмъ Лордъ Кастельригъ прибылъ въ Парижъ. Видя, что Императоръ Россійскій поступилъ такъ отъ имени прочихъ Союзниковъ, дабы устроить все къ лучшему, Англійскій Министръ не захотѣлъ подвергнуться опасности нарушить миръ, заключенный въ такихъ крайнихъ обстоятельствахъ, настаивая въ своихъ возраженіяхъ. Онъ отказался однако же отъ имени своего Правительства быть участникомъ въ заключеніи сего договора, кромѣ согласія своего на распоряженія о земляхъ; но рѣшительно отказалъ въ признаніи Англіею Императорскаго титула, предоставленнаго симъ договоромъ Наполеону.

Изложивъ свободно всѣ возраженія, къ которымъ повидимому Фонтенблоскій трактатъ подаетъ поводъ, мы должны однако же сознаться, что Союзные Государи послѣдовали внушенію здравой политики, скорѣе согласясь заключить миръ на какихъ бы то ни было условіяхъ, чѣмъ возобновить войну, доведя Наполеона до отчаянія и принудивъ Маршаловъ, по чувству чести, опять къ нему присоединиться.

Выслушавъ договоръ, Наполеонъ въ послѣдній разъ обратился къ своимъ Маршаламъ, убѣждая ихъ слѣдовать съ нимъ къ Луарѣ или за Альпы для избѣжанія сего унизительнаго, по его мнѣнію, распоряженія. Отвѣтомъ ему было всеобщее молчаніе. Генералы, къ которымъ онъ обращался, слишкомъ чувствовали, что всѣ усилія, которыя онъ могъ бы сдѣлать, были бы усиліями партизана, продовольствующаго войско свое грабежемъ собственной земли своей, а не воинственнаго Монарха, ведущаго борьбу съ какою нибудь цѣлью и съ регулярнымъ воинствомъ. Наполеонъ прочиталъ въ ихъ взорахъ, на что они рѣшились и распустилъ совѣтъ своей, обѣщая въ наискорѣйшемъ времени дать отвѣтъ; но между тѣмъ уклонился отъ утвержденія договора, и даже потребовалъ у Коленкура обратно свое отреченіе, въ чемъ Министръ сей вновь ему отказалъ.

Бѣдствія такъ быстро сбирались вокругъ Наполеона, что ихъ, казалось, было достаточно для преклоненія самаго упорнаго ума.

Мало по малу войска Союзниковъ дошли до береговъ Луары. Фонтенбло былъ окруженъ ихъ отрядами; повсюду Французскіе офицеры и солдаты покидали службу Наполеона, и онъ даже не имѣлъ средствъ безопасно выѣхать изъ дворца своего.

Парижъ, такъ недавно бывшій его столицею, гдѣ воля его считалась закономъ и гдѣ произнесенное противъ него слово показалось бы непростительнѣе богохульства, сдѣлался мѣстомъ торжества его соперника и его униженія. Клики, коими обыкновенно привѣтствовали Императора, произносились теперь для встрѣчи въ Тюлери брата возстановленнаго Короля, прибывшаго въ качествѣ намѣстника Королевства; — типографіи, которыя столь долго разсѣвали хвалы Императору, употребляли теперь все свое искусство и язвительность для того, чтобы выставить сдѣланныя имъ ошибки и приписать ему такія, которыхъ вовсе не существовало. Онъ былъ въ положеніи охотника, растерзаннаго своими собственными псами.

Еще того болѣе было видѣть, что царедворцы, чиновники и даже слуги, существовавшіе, такъ сказать, его улыбками, удалялись подъ разными предлогами съ тѣмъ, чтобы явиться къ Бурбонамъ и обезпечить свою судьбину въ новомъ свѣтѣ, который теперь начинался въ Парижѣ. Можетъ быть, въ такую-то минуту свойства человѣка обнаруживаются въ самомъ дурномъ видѣ; ибо самыя низкія, себялюбивыя черты характера, которыя въ теченіе обыкновенной жизни, можетъ статься, никогда не имѣютъ случая быть видимыми, оказываются и дѣлаются главнымъ закономъ при такихъ переворотахъ. Люди находятся иногда въ положеніи благородныхъ, знатныхъ особъ, перенесенныхъ изъ обыкновенныхъ мѣстъ, гдѣ они сбирались въ свалку черни, гдѣ они вскорѣ начинаютъ внимать только гласу собственнаго сохраненія или удобства, нисколько не обращая вниманія на другихъ по чувству эгоизма, которое правила свѣтской вѣжливости воздерживали, но не изгладили изъ ихъ сердца.

Друзья и служители оставили несчастнаго Наполеона, подобно какъ листья опадаютъ съ засохшаго дерева; и тѣ, которыхъ стыдъ или состраданіе удерживали еще при немъ, ожидали только благовиднаго предлога, подобно какъ кормщикъ ждетъ попутнаго вѣтра для отплытія.

Измѣна сія обуяла всѣхъ, начиная съ Бертье, который, раздѣлял всѣ тайны Императора, рѣдко отъ него отлучался, до Мамелюка Рустана, который спалъ передъ дверьми его комнаты и былъ безсмѣннымъ его стражемъ. Несправедливо было бы осуждать поступокъ сего бѣднаго Африканца, * по отъѣздѣ Бертье стоитъ быть замѣченнымъ. Онъ просилъ позволенія побывать въ Парижѣ по какимъ-то дѣламъ, говоря, что возвратится на другой день. «Онъ не воротится,» сказалъ Напо-

* Человѣкъ сей могъ быть извиненъ желаніемъ жить съ женою и съ дѣтьми, вмѣсто того, чтобы возвратиться въ личное, суровое рабство.

леонъ хладнокровно Герцогу Бассано — «Какъ!» возразилъ Министръ сей: «неужели Бертье такимъ образомъ съ вами разстанется?» — «Говорю тебѣ, что онъ не воротится.» Лишенный престола Государь имѣлъ однако же утѣшеніе видѣть, что привязанность многихъ вѣрныхъ служителей пребыла испытанною и очищенною, подобно злату въ горнилѣ.

Родственники Наполеона и самые близкіе друзья его были разлучены съ нимъ при этомъ всеобщемъ кораблекрушеніи. Читатели помнятъ, что за день до битвы подъ Парижемъ многіе Члены Императорскаго правленія уѣхали отъ боя вмѣстѣ съ Императрицею Луизою. Они остановились въ Блуа, гдѣ къ нимъ прибыли Іосифъ и другіе члены Наполеоновой фамиліи. Нѣсколько времени сіе собраніе поддерживало видъ и языкъ совѣта Регентства, издавало воззванія и старалось дѣйствовать какъ правительство. Вѣсть о взятіи Парижа и послѣдовавшія за тѣмъ событія заставили Іосифа и Іеронима Бонапарте удалиться въ области, лежащія за Луарою. Но Марія Луиза отказалась имъ сопутствовать, и во время происшедшихъ на счетъ сего споровъ, Графъ Шуваловъ, одинъ изъ Австрійскихъ Министровъ, прибылъ съ тѣмъ, чтобы взять ее подъ свое покровительство. Однодневное Регентство пало и разъѣхалось въ разныя стороны; братья Бонапарте отправились въ Швейцарію, а Кардиналъ Фешъ и мать Наполеона удалились въ Римъ.

Марія Луиза нѣсколько разъ покушалась уѣхать къ своему супругу, но ее отклонилъ отъ того самъ Наполеонъ, который, продолжая думать о средствахъ къ возобновленію войны, не могъ желать, чтобы Императрица находилась при исполненіи столь отважнаго замысла. Вскорѣ послѣ того Императоръ Австрійскій, посѣтивъ дочь свою и ея сына, находившихся тогда въ Рамбулье, убѣдилъ Марію Луизу, что ей слѣдуетъ, по крайней мѣрѣ, хоть на нѣкоторое время разлучиться съ мужемъ, и что она и сынъ ея возвратятся съ нимъ вмѣстѣ въ Вѣну. Въ слѣдствіе сего она отдалась подъ покровительство отца своего.

Здѣсь должно также замѣтить, какъ въ добавокъ къ этому повѣствованію бѣдствій, что Іозефина, первая супруга Бонапарте, не долго пережила его паденіе. Казалось, какъ будто бы Мартиникская ворожея предрекла правду; ибо съ той минуты, какъ Бонапарте развелся съ первою подругою своей жизни, величіе его начало приходить въ упадокъ и смерть ея послѣдовала чрезъ нѣсколько недѣль послѣ того, какъ онъ былъ лишенъ престола и изгнанъ. Императоръ Россійскій посѣтилъ сію Государыню и оказалъ ей особенную вѣжливость, чѣмъ Наполеонъ, по причинамъ, которыхъ мы не можемъ постигнуть, очень былъ недоволенъ. Фонтенблосскимъ трактатомъ ей опредѣлено значительное содержаніе, но она не долго имъ пользовалась; ибо вскорѣ занемогла и умерла въ прекрасномъ своемъ замкѣ Мальмезонѣ. Ее погребли, 3 Іюня, въ деревнѣ Рюелѣ. Великое число простаго народа провожало ея по-

хороны; ибо она вполнѣ заслужила свое названіе покровительницы бѣдныхъ.

Изображая громаду бѣдствій, опять-чившихъ Наполеона въ эту грозную эпоху, кажется, какъ будто Фортуна хотѣла показать, что она не намѣрена останавливать теченіе превратностей, обыкновенный удѣлъ человѣчества, даже въ пользу того, который столь долго былъ ея любимцемъ; но что она предоставила себѣ власть низрунуть безвѣстнаго воина, коего она возвела на степень почти Царя Европы, въ такое же униженіе, какъ пышно было его величіе. Все то, что три года тому назадъ казалось нераздѣльнымъ съ его особою, было теперь насильственно у него исторгнуто. Побѣдитель былъ разбитъ, Монархъ свергнутъ съ престола; тотъ, который столь много бралъ плѣнниковъ, самъ находился въ плѣну; полководецъ былъ оставленъ своими солдатами; господинъ своими слугами; братъ разлученъ съ братьями, мужъ съ супругою и у отца былъ отнятъ единственный сынъ его. Въ утѣшеніе о потерѣ прекраснѣйшей, обширнѣйшей Имперіи, надъ которою когда либо царствовало честолюбіе, ему былъ оставленъ какъ бы въ насмѣшку титулъ Императора, дабы управлять маленькимъ островкомъ, куда онъ долженъ былъ удалиться, сопровождаемый состраданіемъ тѣхъ друзей, которые дерзали еще обнаруживать свои чувства, проклятіями великаго числа его бывшихъ подданныхъ, которые не соглашались счесть настоящее его униженіе достаточною мздою за претерпѣнное ими отъ него во время его владычества, и худо скрываемымъ торжествомъ враговъ, къ коимъ онъ попалъ въ руки.

Римлянинъ, удрученный такимъ множествомъ золъ, пронзилъ бы мечемъ грудь свою; Христіанинъ обратилъ бы взоры на свое прежнее поведеніе и увидя, что первою причиною таковыхъ бѣдствій было дурное употребленіе, сдѣланное имъ изъ благоденствія, терпѣливо, безъ жалобъ, перенесъ бы слѣдствія своего честолюбія. Наполеонъ принадлежалъ къ школѣ Римской Философіи; и многіе люди, а въ особенности Баронъ Фенъ, Секретарь его, разсказываютъ, хотя сему и не всѣ вѣрятъ, что онъ хотѣлъ въ эту тягостную минуту избавиться отъ бремени жизни посредствомъ самоубійства.

Императоръ, какъ говоритъ Баронъ Фенъ, всегда носилъ при себѣ со времени отступленія своего изъ Москвы, опіумъ, составленный подобно тому, коимъ Кондорсетъ лишилъ себя жизни. Ночью, съ 12 на 13 Апрѣля, камердинеръ его услыхалъ, что онъ, вставъ, высыпалъ что-то въ стаканъ съ водою, выпилъ и опять легъ въ постелю. Вскорѣ послѣ того заглушаемые вздохи и стоны обратили на себя его вниманіе; въ замкѣ поднялась тревога — нѣкоторые изъ главнѣйшихъ его приближенныхъ были разбужены и поспѣшили въ комнату Наполеона. Врачъ, доставившій ему ядъ сей, также былъ позванъ; но узнавъ, что Императоръ жалуется на нескорое дѣйствіе яда, онъ перепугался и поспѣшно убѣжалъ изъ

Фонтенбло. Наполеонъ принялъ данныя ему лекарства, и погрузился въ продолжительное усыпленіе, произведшее обильную испарину. Проснувшись сильно изнуреннымъ и удивясь тому, что еще живъ, онъ воскликнулъ послѣ минутнаго размышленія: «Судьбѣ то не угодно;» и съ этой минуты повидимому рѣшился покориться своему жребію, не покушаясь болѣе на жизнь свою. Различныя мнѣнія существуютъ, какъ мы уже сказали, на счетъ причины Наполеонова недуга: нѣкоторые приписываютъ оный только несваренію желудка. Неоспоримо однако жъ то, что онъ былъ очень нездоровъ. Одинъ изъ главнѣйшихъ Генераловъ, утромъ 13 Апрѣля, занимался дѣлами съ Наполеономъ, который былъ блѣденъ и изнуренъ, какъ будто бы послѣ трудной болѣзни. Онъ былъ въ халатѣ и въ туфляхъ, наливая себѣ отъ времени до времени стоявшаго подлѣ него настоя или чего-то жидкаго, и говоря, что онъ очень страдалъ почью, но что теперь болѣзнь его миновалась.

Послѣ сего перелома и утвердивъ заключенный Маршалами для него договоръ, Наполеонъ повидимому такъ успокоился, какъ ужъ давно съ нимъ не было, и началъ дружески разсуждать со своими приближенными о дѣлахъ Франціи.

Онъ сознался, что сообразивъ все, правленіе Бурбоновъ есть для Франціи самое приличное, ибо оно примиритъ всѣ партіи. «Лудовикъ,» сказалъ онъ: «имѣетъ умъ и таланты; онъ старъ и немощенъ; полагаю, что онъ не пожелаетъ дать свое имя дурному царствованію. Если онъ захочетъ сдѣлать лучшее, то ему должно лечь въ мою постелю, перемѣнивъ только простыни. «Но,» прибавилъ онъ: «онъ долженъ хорошо обходиться съ войскомъ и не оглядываться на прошедшее; а иначе царствованіе его не долго продлится.»

Онъ сказалъ также, что неприкосновенность продажи недвижимыхъ народныхъ имуществъ есть нить, которою вся ткань держится. «Обрѣжьте эту нить,» прибавилъ онъ: «и все распадется.» О прежнемъ дворянствѣ и о знатныхъ людяхъ онъ упомянулъ съ язвительностью, сказавъ, что они составляютъ въ сердцѣ Франціи Англійскую колонію, ищущую однѣхъ только своихъ выгодъ и столько же готовую дѣйствовать за него, какъ и противъ него.

«Если бъ я былъ на мѣстѣ Лудовика,» сказалъ онъ: «то я бы не оставилъ у себя Императорской Гвардіи; я такъ хорошо содержалъ ее, что она слишкомъ ко мнѣ привязана; благоразуміе требуетъ, чтобы онъ распустилъ ее, давъ значительные пансіоны офицерамъ и солдатамъ, которые захотятъ выйти изъ службы, и повышеніе въ арміи тѣмъ, которые предпочтутъ остаться; послѣ чего ему должно выбрать себѣ другую гвардію изъ всей арміи.»

Послѣ сихъ достопамятныхъ замѣчаній, которыхъ справедливость такъ оправдалась послѣдствіями, Наполеонъ посмотрѣлъ на окружающихъ его офицеровъ и сдѣлалъ имъ слѣдующее увѣщаніе: «Господа! когда меня не будетъ съ вами и когда

вы получите другое правительство, то вы должны питать къ нему искреннюю привязанность и служить ему столь же вѣрно, какъ вы мнѣ служили; прошу васъ о томъ и даже, если нужно, то приказываю. И такъ всѣ тѣ, которые пожелаютъ ѣхать въ Парижъ, могутъ отправляться: я имъ позволяю; тѣ же, которые останутся здѣсь, хорошо сдѣлаютъ, пославъ письменно, что они признаютъ правленіе Бурбоновъ.» Между тѣмъ однако же очевидно, что Наполеонъ, обращаясь столь приличнымъ и благороднымъ образомъ къ своимъ приближеннымъ, питалъ въ сердцѣ своемъ тайную увѣренность, что Бурбоны окружены слишкомъ большими затрудненіями для того, чтобы преодолѣть ихъ, и что Судьба еще предназначаетъ ему блистательную ролю въ лѣтописяхъ Европы.

Въ частномъ свиданіи съ Макдональдомъ, о поступкѣ коего при отреченіи мы упомянули, онъ засвидѣтельствовалъ живѣйшее свое удовольствіе о его поведеніи, и сожалѣя, что не раньше узналъ настоящую ему цѣну, предложилъ ему принять отъ него прощальный подарокъ. «Это,» прибавилъ онъ, желая предупредить возраженія Маршала: «только подарокъ солдата своему товарищу.» И дѣйствительно, выборъ сего подарка показывалъ большую разборчивость: это была превосходная Турецкая сабля, которую самъ Наполеонъ получилъ отъ Ибрагимъ-Бея, въ бытность свою въ Египтѣ.

Наполеонъ, рѣшась уже совершенно покориться своей участи, какова бы она ни была, приготовился 20 Апрѣля отправиться къ мѣсту своего назначенія. Но прежде сего ему еще предстояла тягостная обязанность проститься съ войскомъ, которое ему столь было предано и къ которому самъ онъ столько былъ привязанъ, — съ его знаменитою Императорскою Гвардіею. Вся она, сколько набралось, была построена на пути его. Невольныя слезы исторглись изъ глазъ его и на лицѣ его изобразилось сильное волненіе, когда онъ смотрѣлъ въ послѣдній разъ, какъ ему по всѣмъ вѣроятностямъ долженствовало казаться, на товарищей своихъ въ столькихъ побѣдахъ. Подъѣхавъ къ нимъ верхомъ, онъ сошелъ съ лошади и торжественно съ ними простился. «Храбрые друзья мои!» сказалъ онъ имъ: «я васъ оставляю; Союзныя Державы вооружили противъ меня всю Европу; часть арміи измѣнила своему долгу, и сама Франція пожелала другаго жребія. Съ вами и съ храбрыми воинами, сохранившими ко мнѣ вѣрность, я бы могъ еще три года вести междоусобную войну, но Франція была бы несчастлива, а это противно цѣли, мною себѣ предположенной. Будьте вѣрны,» прибавилъ онъ (и слова сіи достопамятны), «новому Государю, котораго избрала себѣ Франція. Не соболѣзнуйте о моей судьбинѣ: я всегда буду счастливъ, если узнаю, что вы благополучны. Я бы могъ умереть: ничего не могло быть для меня легче; но я буду всегда итти путемъ чести. Я опишу великія дѣла, нами вмѣстѣ свершенныя. Не могу обнять всѣхъ

васъ, но я обниму вашего Генерала (онъ прижалъ Генерала Пепи къ своему сердцу). «Подайте мнѣ орла — (поцѣловавъ знамя, онъ сказалъ въ заключеніе:) «Драгоцѣнный орелъ! да отзовется поцѣлуй мой въ сердцахъ всѣхъ храбрыхъ! Прощайте, дѣти мои! Прощайте, мои храбрые товарищи! Окружите меня еще разъ. Прощайте.....»

Съ глубокою скорбью сіи заслуженные воины приняли прощаніе свергнутаго съ престола вождя своего; рыданія и ропотъ раздались въ рядахъ ихъ; но они не дозволили себѣ ни жалобъ, ни угрозъ. Они, казалось, рѣшились лишиться своего Полководца и, подобно ему, уступить необходимости.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Комисары, назначенные для сопровожденія Наполеона. — Онъ выѣзжаетъ изъ Фонтенбло 20 Апрѣля. — Свиданіе его съ Ожеро въ Валансѣ. — Народная ненависть къ Наполеону въ Южной Франціи. — Страхъ на счетъ его личной безопасности. — Боязнь его и взятыя имъ предосторожности. — По прибытіи въ Фрежюсъ, онъ садится на корабль Ентрепидъ съ Британскимъ и Австрійскимъ Комисарами. — Приплывъ къ Ельбѣ, 4 Мая, онъ пристаетъ въ Порто-Ферраіо.

Въ непріятномъ своемъ путешествіи Наполеонъ имѣлъ спутниками Бертрана и Друо, которые благородно сохранили вѣрность къ несчастному своему повелителю, бывшему во время его могущества ихъ благодѣтелемъ. Четыре повѣренныхъ отъ Союзныхъ Державъ сопровождали его въ новыя его владѣнія. Это были: Генералъ Шуваловъ отъ Россіи; Австрійскій Генералъ Колеръ; Полковникъ Сиръ Ниль Камбель, представитель Великобританіи; и Генералъ Баронъ Трухсесъ Вальдбургъ, повѣренный Пруссіи. Наполеонъ принялъ первыхъ трехъ съ большою вѣжливостью; но, повидимому вознегодовалъ, усмотря въ числѣ Комисаровъ повѣреннаго Пруссіи, которую онъ презиралъ и ненавидѣлъ. Ему казалось очень обиднымъ, что она также присвоиваетъ себѣ право располагать его судьбою.

Изъявивъ Англійскому Комисару особенное уваженіе, онъ сказалъ, что желаетъ отплыть къ Ельбѣ на Англійскомъ кораблѣ и что ему бы очень хотѣлось имѣть при себѣ для сопровожденія Англійскаго офицера. «Народъ вашъ,» сказалъ онъ: «имѣетъ возвышенность духа, которую я очень уважаю. Мнѣ бы хотѣлось довести и Французовъ до такихъ же высокихъ чувствъ, но.....» Онъ остановился, повидимому, въ сильномъ волненіи. Онъ очень благосклонно разговаривалъ съ Австрійскимъ Генераломъ Колеромъ, но съ нѣкоторою горечью отзывался о Россіи. Онъ даже намекнулъ Австрійскому повѣренному, что на случай, если онъ не будетъ доволенъ пріемомъ, который ему сдѣлаютъ на островѣ Ельбѣ, то онъ, можетъ быть, наберетъ себѣ убѣжище въ Великобританіи; и спросилъ у Генерала Колера, полагаетъ ли онъ, что его тамъ хорошо примутъ. «О, конечно, Государь,» отвѣтствовалъ Австріецъ:

«тѣмъ болѣе, что Ваше Величество никогда тамъ не воевали.»

Наполеонъ допустилъ тогда къ себѣ проститься Герцога Бассано и разсердился, когда Генералъ Бертранъ прислалъ къ нему адъютанта съ извѣщеніемъ, что назначенный для отъѣзда часъ наступилъ. «Вотъ еще новость,» сказалъ онъ: «давно ли часы Г. Обер-Гофмаршала стали управлять нашими движеніями? Мы поѣдемъ, когда намъ вздумается, — а можетъ быть, и вовсе не поѣдемъ.» Однако жъ это былъ только минутный порывъ нетерпѣнія.

Наполеонъ выѣхалъ изъ Фонтенбло 20 Апрѣля 1814 года, въ одиннадцать часовъ утра. Свита его занимала четырнадцать каретъ, для коихъ требовалось шестьдесятъ лошадей. Онъ ѣхалъ, по крайней мѣрѣ въ первые дни, открытымъ образомъ, приглашая къ себѣ мѣстное начальство городовъ, имъ проѣзжаемыхъ и разспрашивая ихъ о состояніи оныхъ, какъ онъ прежде обыкновенно дѣлывалъ. Клики: *Да здравствуетъ Императоръ!* часто раздавались, и повидимому одушевляли его новою жизнью. Съ другой стороны Меры и Подпрефекты, которыхъ онъ разспрашивалъ о причинѣ упадка многихъ городовъ, огорчали его, приписывая оный войнѣ и Конскрипціи; а въ иныхъ мѣстахъ народъ надѣвалъ бѣлыя кокарды и оскорблялъ его при проѣздѣ кликами: *Да здравствуетъ Король!*

Въ небольшомъ домикѣ, близъ Валанса, Наполеонъ встрѣтилъ, 24 Апрѣля, Ожеро, своего стараго сослуживца въ Италіянскихъ походахъ, и нѣкоторымъ образомъ учителя своего въ военномъ ремеслѣ. Маршалъ былъ оскорбленъ нѣсколькими замѣчаніями, помѣщенными въ бюлетенѣ, гдѣ обсуждались дѣйствія его при защитѣ Ліона. И потому въ приказѣ своемъ къ войскамъ на счетъ происшедшихъ перемѣнъ, онъ отозвался о Наполеонѣ, какъ о человѣкѣ, который былъ самъ виновникомъ своей погибели, и не смѣлъ однако же умереть. Свиданіе ихъ было очень непріязненно, и говорятъ, что между ними произошелъ слѣдующій разговоръ: «У меня есть твой приказъ,» сказалъ Наполеонъ. «Ты измѣнилъ мнѣ.» — «Государь!» отвѣтствовалъ Маршалъ: «вы измѣнили Франціи и арміи, принеся ихъ обѣихъ въ жертву вашему ненасытному честолюбію.» — «Ты выбралъ себѣ другаго повелителя,» воскликнулъ Бонапарте. — «Въ этомъ я не обязанъ давать вамъ отчета,» отвѣчалъ Генералъ. — «Ты не имѣешь мужества,» возразилъ Наполеонъ. — «Самъ ты его не имѣешь,» сказалъ Генералъ, и безъ дальнихъ окончностей оборотился спиною къ своему бывшему Государю.*

Въ Монтелимарѣ изгнанный Императоръ видѣлъ послѣдніе знаки уваженія и участія. Приближаясь къ Провансу, гдѣ его никогда не любили, онъ былъ встрѣченъ бранью и

* *Путевыя Записки Бонапарте.* Ожеро былъ старый Республиканецъ и хотѣлъ было воспротивиться Наполеону въ тотъ день, какъ онъ уничтожилъ Законодательный Корпусъ. Онъ покорствовалъ ему во время его царства, но всегда охуждалъ необузданную страсть его къ завоеваніямъ.

криками: — «*Смерть тирану! Долой убійцу дѣтей нашихъ!*» Чѣмъ дальше онъ ѣхалъ, тѣмъ сильнѣе обнаруживалось негодованіе. Въ понедѣльникъ, 25 Апрѣля, по прибытіи въ Авиніонъ Сира Нилл Камбеля, который уѣхалъ отъ Наполеона впередъ, караульный офицеръ съ безпокойствомъ спросилъ, довольно ли сильна сопровождавшая Императора стража для того, чтобы отразить народный мятежъ, который уже начинавъ обнаруживаться при полученіи извѣстія о томъ, что онъ ѣдетъ. Англійскій повѣренный просилъ его употребить всѣ возможныя средства для охраны Наполеона во время его проѣзда. Условились, чтобы свѣжія лошади были приготовлены въ другомъ мѣстѣ города, а не тамъ, гдѣ ихъ обыкновенно перемѣняли. Однако жъ толпа, узнавъ о томъ, окружила ихъ, и Наполеона съ трудомъ спасли отъ яростной черни. Подобныя опасности ожидали его въ другихъ мѣстахъ и, дабы не быть убитымъ, бывшій Французскій Императоръ принужденымъ нашелся переодѣваться почтальономъ или служителемъ, перемѣняя по временамъ свою одежду, приказывая слугамъ курить въ его присутствіи, и прося ѣхавшихъ съ нимъ Комисаровъ свистать или пѣть, дабы раздраженный народъ не зналъ, что онъ сидитъ въ каретѣ. Въ Оргонѣ чернь носила по улицамъ портретъ его, обрызганный кровью, и остановила его карету для того, чтобы показать ему оный; однимъ словомъ, съ Авиніона до Ла Калада онъ былъ грубо оскорбляемъ во всѣхъ городахъ и деревняхъ, такъ что безъ попеченій и посредства Комисаровъ, его вѣрно бы растерзали. Народная вражда, казалось, производила на него сильное впечатлѣніе. Онъ даже проливалъ слезы, и очень боялся, чтобы его не умертвили, не смотря на свою, всѣмъ извѣстную храбрость; но должно вспомнить, что опасность, которой онъ подвергался, была совсѣмъ особеннаго рода и столь страшна, что могла возбудить боязнь даже въ томъ, который привыкъ ко всѣмъ ужасамъ на полѣ битвы. Храбрѣйшій воинъ содрогнулся бы при мысли о такой смерти, какой подверглись Витты.* Въ Ла Каладѣ страхъ его усилился, и онъ изъявилъ большое опасеніе, чтобы не быть отравленнымъ. По прибытіи его въ Э, отряду Жандармовъ и Союзныхъ войскъ приказано было охранять его личную безопасность. ** Въ замкѣ Бульду онъ имѣлъ свиданіе съ сестрою своею, Полиною. Хозяйка дома и двѣ или три дамы, изъ любопытства, также пробрались къ нему. Онѣ увидѣли офицера въ Австрійскомъ мундирѣ. «Кого вамъ угодно видѣть, милостивыя государыни?» — «Императора Наполеона.» — «Это я самъ.» — «Вы шутите, сударь,» возразили дамы. — «Какъ? а! понимаю, вы во-

* Два брата Витты были умерщвлены въ Англіи раздраженною чернью, въ царствованіе Карла II.

** Сіи предосторожности были уже предварительно взяты, и значительные отряды войскъ разставлены для его защиты въ Греноблѣ, въ Гапѣ и въ Систеронѣ, чрезъ которые думали, что онъ поѣдетъ; но, можетъ быть, желая испытать духъ жителей, онъ избралъ дорогу, нами описанную.

ображали, что я гораздо сердитѣе съ вида. О! признайтесь, ст. тѣхъ поръ, какъ судьба мнѣ измѣнила, я долженъ походить на плута, на злодѣя, на разбойника. Но знаете ли вы, отъ чего все это произошло? Единственно отъ того, что я хотѣлъ поставить Францію выше Англіи.»

Наконецъ онъ прибылъ въ Фрежюсъ, въ тотъ самый портъ, къ которому онъ присталъ, возвращаясь изъ Египта, при вступленіи на то удивительное поприще, которое теперь, по всѣмъ вѣроятностямъ, долженствовало кончиться на той самой точкѣ, откуда оно началось. Запершись одинъ въ горницѣ, онъ сталъ ходить по ней нетерпѣливыми, большими шагами, по временамъ останавливаясь и поглядывая въ окно, не пришли ли корабли, изъ коихъ одинъ долженствовалъ перевезти его, и, повидимому, навсегда изъ Франціи. Французскій фрегатъ Дріада и бригъ Елисонстанъ пришли изъ Тулона, и приготовились для исполненія сей обязанности. Но, не желая, можетъ быть, отправиться подъ флагомъ Бурбоновъ, Наполеонъ предпочелъ сѣсть на корабль Его Британскаго Величества Ундаунтедъ, подъ начальствомъ Капитана Ушера. Поелику корабль сей состоялъ въ вѣдѣніи Англійскаго повѣреннаго, то Сиръ Ниль Камбель охотно согласился на желаніе Наполеона переѣхать на немъ до Ельбы. 28 числа, въ 11 часовъ ночи, онъ отправился на немъ и былъ салютованъ двадцатью однимъ выстрѣломъ. «Прощай Кесарь и судьба его!» сказалъ Русскій повѣренный. Австрійскій и Британскій Комисары сопутствовали ему въ этомъ переѣздѣ. *

Во время переѣзда Бонапарте, казалось, воспріялъ свое присутствіе духа и разговаривалъ съ большою откровенностью и непринужденностью съ Капитаномъ Ушеромъ и съ Сиромъ Нилемъ Камбелемъ. Онъ въ особенности любилъ распространяться передъ ними о великихъ замыслахъ, которые онъ принужденнымъ нашелся оставить неисполненными, помѣщая по временамъ язвительныя насмѣшки надъ своими непріятелями и показывая большое презрѣніе къ ихъ оборонительнымъ средствамъ. Слѣдующія подробности любопытны, и, сколько намъ извѣстно, до сихъ поръ не были еще обнародованы.

Онъ подробно разспрашивалъ обо всемъ, относящемся до управленія кораблемъ, хваля существовавшій на ономъ порядокъ, и увѣряя Капитана Ушера, что если бъ владычество его продлилось еще пять лѣтъ, то онъ бы имѣлъ триста линей-

* Прусскій Комисаръ написалъ отчетъ о семъ путешествіи, подъ заглавіемъ: *Путевыя Записки Бонапарте, до отправленія его на корабль изъ Фрежюса. Парижъ*, 1815. — Описанное имъ, вполнѣ подтверждено свидѣтельствомъ его сопутниковъ. Наполеонъ всегда считалъ книгу Генерала Трухесеса Вальдбурга, равно какъ описаніе Прадтова Посольства въ Польшѣ, сочиненіями, наиболѣе для него оскорбительными. Можетъ быть, онъ чувствовалъ, что въ продолженіе своего путешествія онъ не поддержалъ геройскаго духа, или, можетъ быть, ему досадно было видѣть обнародованіе сильной ненависти, питаемой къ нему въ Южной Франціи.

выхъ корабле́й. Капитанъ Ушеръ весьма естественно спросилъ: кѣмъ бы они были управляемы? Наполеонъ отвѣтствовалъ, что онъ вознамѣрился сдѣлать морскую Конскрипцію во всѣхъ портахъ и на приморскихъ берегахъ Франціи, дабы получить людей для своего флота, который сталъ бы пріучаться въ Зюйдеръ-Зее до тѣхъ поръ, пока бы онъ сдѣлался способнымъ выйти въ открытое море. Англійскій офицеръ, съ трудомъ удержавшись отъ улыбки, отвѣтствовалъ, что морскіе Конскриптны были бы жалкими людьми во время бури.

Австрійскому Повѣренному Наполеонъ безпрестанно твердилъ о распространившемся могуществѣ Россіи, говоря, что если ей удастся присоединить къ своей арміи Поляковъ, то она одолѣетъ всю Европу.

При другомъ случаѣ, Императоръ позабавилъ своихъ слушателей новымъ и любопытнымъ разсказомъ о причинахъ возобновленія войны съ Англіею. По словамъ его, островъ Малта былъ только предлогомъ. Вскорѣ послѣ заключенія Амієнскаго мира, сказалъ онъ: Г. Аддингтонъ, бывшій тогда въ Англіи Первымъ Министромъ, предложилъ ему возобновленіе Питтова торговаго трактата съ Франціею; но что онъ, Бонапарте, желая поощрить внутреннюю промышленность Франціи, отказалъ приступить къ заключенію сего договора иначе, какъ на условіяхъ взаимности; а именно, если Франція пріобрѣтетъ на столько-то милліоновъ Англійскихъ товаровъ, то и Англія обязывалась бы взять такое же количество Французскихъ произведеній. На сіи условія Г. Аддингтонъ не согласился; а Наполеонъ объявилъ, что договоръ не можетъ быть заключенъ иначе, какъ на этомъ основаніи. «Когда такъ,» возразилъ Г. Аддингтонъ, по показанію Наполеона: «то придется воевать; ибо если Англійскій народъ не получитъ въ торговлѣ выгодъ, къ коимъ онъ уже привыкъ, то я долженъ буду объявить войну.» — Такимъ образомъ война возгорѣлась, и настоящею причиною оной, подтвердилъ Наполеонъ: была принятая Англіею рѣшительность непремѣнно имѣть тѣ же выгоды, которыя существовали въ торговомъ договорѣ, заключенномъ между Верженномъ и Питтомъ.

«*Теперь*,» продолжалъ онъ, разгорячась: «нѣтъ власти, которая могла бы воспрепятствовать системѣ Англіи. Она можетъ привесть ее въ совершенное исполненіе. Заключать на неравныхъ условіяхъ договоръ, который лишитъ Французскія мануфактуры всякаго поощренія. Бурбоны бѣдные люди....» Тутъ онъ поправился и сказалъ: «Это большіе господа, очень довольные тѣмъ, что они получаютъ обратно свои земли и соберутъ доходы; но если Французскій народъ это замѣтитъ и разсердится, то Бурбоны будутъ черезъ полгода высланы.» Тутъ онъ опять, казалось, спохватился, какъ человѣкъ, который чувствуетъ, что онъ слишкомъ много сказалъ, и во весь тотъ день былъ уже гораздо осторожнѣе.

Эта любопытная выходка была сдѣлана совершенно во вкусѣ Напо-

леона, который въ разговорахъ охотно смѣшивалъ правду съ тѣмъ, что благопріятствовало его собственнымъ видамъ; и прибавляя къ тому такое множество лжей и обмановъ, что объ рѣчахъ его можно сказать то же, что Англійскій поэтъ Драйденъ сказалъ о Католическомъ заговорѣ:

Some truth there was, but mix'd
and dash'd with lies. *

Вѣроятно, что послѣ Аміенскаго мира, Лордъ Сидмоутъ могъ желать возобновленія торговаго трактата; но совершенно ложно, будто бы отказъ Наполеона имѣлъ малѣйшее вліяніе на возобновленіе враждебныхъ дѣйствій. Пророчество его, что вслѣдъ за его паденіемъ Англія принудитъ Францію къ безвыгодному договору, также оказалось несправедливымъ; и довольно странно, что тотъ же самый человѣкъ, который въ это время объявилъ, что принятіе такой мѣры погубитъ Бурбоновъ — находясь на островѣ Св. Елены, смѣялся надъ Лордомъ Кастельригомъ и охуждалъ его за то, что онъ не обезпечилъ Англіи сего торговаго первенства, которое онъ предполагалъ способнымъ произвесть такія послѣдствія. Такимъ образомъ краски его, если не событія, измѣнялись, смотря по тому, въ какомъ онъ былъ расположеніи духа.

Во время сего переѣзда Наполеонъ весьма свободно говорилъ о удобствѣ, съ которымъ онъ обманулъ и разбилъ Союзниковъ въ послѣднюю кампанію. «Силезская армія,» говорилъ онъ: «надѣлала мнѣ наиболѣе зла; этотъ старый чертъ Блюхеръ, едва только былъ разбитъ, какъ опять лѣзъ драться.» Но онъ считалъ побѣду надъ Шварценбергомъ вѣрною, если бъ не отложеніе Мармонта. Онъ говорилъ еще многое, съ совершенною, повидимому, откровенностью и, казалось, старался сдѣлаться во всѣхъ отношеніяхъ пріятнымъ своимъ спутникамъ. Даже самые матросы, которые въ началѣ смотрѣли на него съ удивленіемъ, смѣшаннымъ со страхомъ, не избѣгли дѣйствій очаровательной его ласковости, и всѣ подпали вліянію оной, кромѣ боцмана Гинтона, * стараго моряка, который никогда не могъ слушать разсказовъ Наполеона, не сказавъ слова: *вздоръ!* себѣ подъ носъ.

Съ такою же снисходительностью Бонапарте дозволялъ всякія шутки, хотя бы сказанныя и на его счетъ. Прошедъ Корсику, онъ просилъ Капитана Ушера выпалить пушку, дабы подозвать къ себѣ рыбачье судно, отъ котораго онъ надѣялся узнать какія нибудь новости. Капитанъ Ушеръ извинился тѣмъ, что такой непріязненный поступокъ противъ нейтральнаго судна былъ бы противенъ понятіямъ самого Наполеона о правахъ, народному флагу присвоенныхъ. Императоръ опъ ду-

* Была и правда въ немъ, но помраченная лжами.

* Честный боцманъ постигъ однако же и оцѣнилъ, въ чемъ состояло настоящее достоинство Наполеона. Имѣвъ порученіе поблагодарить Императора отъ имени всего экипажа за подаренные имъ опому 200 луйдоровъ, онъ пожелалъ *его чести* добраго здоровья и болѣе счастія на будущій разъ.

ши смѣялся. Въ другой разъ онъ очень забавлялся, предполагая, къ какимъ карикатурамъ подастъ въ Лондонѣ поводъ его путешествіе. Ему, казалось, былъ очень знакомъ этотъ родъ сатиры, хотя въ особенности свойственный Англичанамъ.

Пришедъ 4 Мая на видъ Порто-Ферраіо, главнаго города Ельбы, имѣющаго превосходную гавань, они нашли островъ въ волненіи. Жители онаго недавно взбунтовались противъ Французовъ, которые усмирили ихъ тѣмъ, что Губернаторъ и войска признали наконецъ правленіе Бурбоновъ. Такое положеніе вещей естественнымъ образомъ усилило страхъ Наполеона, который все еще не могъ успокоиться послѣ опасностей, которымъ онъ подвергался въ Провансѣ. Даже находясь на кораблѣ Уидаушедѣ, онъ просилъ, чтобы морской урядникъ спалъ у дверей его каюты, между тѣмъ какъ внутри оной находился на стражѣ одинъ изъ надежныхъ слугъ его. При входѣ въ гавань, ему очень не хотѣлось, чтобы корабль прошелъ прямо подъ батареями; когда же онъ въ первый разъ съѣхалъ на берегъ утромъ, то это было очень рано, переодѣвшись и взявъ отъ Капитана Ушера отрядъ матросъ съ унтеръ-офицеромъ для своего охраненія.

Возвратясь на корабль къ завтраку, послѣ перваго, скрытнаго посѣщенія своего острова, Императоръ Ельбы, какъ теперь можно называть его, торжественно вышелъ на берегъ въ два часа, съ Комисарами, и будучи привѣтствованъ при съѣздѣ съ Уидаушеда Королевскимъ самопомъ. На берегу онъ былъ встрѣченъ Губернаторомъ, Префектомъ и прочими главными чиновниками, со всѣми бывшими въ ихъ власти почестями, и отведенъ въ Городскую Ратушу, съ предшествіемъ жалкаго хора музыкантовъ. Жители привѣтствовали его громкими кликами. Хотя они и не любили Бонапарте, какъ Императора Франціи, но надѣялись получить значительныя выгоды отъ пребыванія его у нихъ въ званіи ихъ собственнаго Государя.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

=

Ельба — Образъ жизни и занятія Наполеона. Дѣйствіе пребыванія его на островѣ Ельбѣ на сосѣдственное съ нимъ Королевство Италію. — Его посѣщаютъ мать его; Принцесса Полина — и одна Польская госпожа. — Сиръ Ниль Камбель остается только одинъ Комисаромъ на Ельбѣ. — Разговоры Наполеона о состояніи Европы. — Нужда его въ деньгахъ, и опасенія, чтобъ не быть умерщвленнымъ. — Нетерпѣливость его при изложеніи жалобъ по симъ предметамъ. — Пестрота его Двора. — Онъ ограждаетъ себя придворными формами отъ всякихъ сношеній съ Сиромъ Камбелемъ. — Признаки приближающагося переворота. Часть Старой Гвардіи распущена и возвращается во Францію. — Наполеонъ уходитъ съ Ельбы — Сиръ Ниль Камбель тщетно его преслѣдуетъ.

—

Ельба, въ предѣлахъ коей заключалась теперь могущественная Имперія Наполеона, есть островъ, лежащій противъ береговъ Тосканы и имѣющій около шестидесяти миль въ окружности. Воздухъ здоровъ, кромѣ тѣхъ мѣстъ, которыя находятся по сосѣдству съ болотистыми солончаками. Страна гориста и имѣетъ почти всѣ цвѣтущія произрастенія Италіи, что придаетъ ей живописный видъ. Она производитъ мало хлѣба, но въ ней много выдѣлывается винъ, а желѣзные рудники ея славились еще во времена Виргилія. Есть также и другія минеральныя руды. Островъ имѣетъ двѣ хорошія гавани и почва изобильно производитъ виноградъ, оливки, плоды и кукурузу. Если бъ можно было предположить существованіе Имперіи въ столь тѣсныхъ предѣлахъ, то Ельба имѣетъ довольно красотъ и разнообразія для того, чтобы представиться во снѣ Государствомъ. Бонапарте, казалось, предался сему очарованію, тогда какъ онъ, въ сопровожденіи Сира Ниля Камбеля, поѣхалъ обозрѣвать свое небольшое царство. Онъ осмотрѣлъ желѣзные рудники, и узнавъ, что они приносятъ ежегодно 500.000 дохода: «Такъ слѣдовательно эти деньги мнѣ принадлежатъ?» сказалъ онъ. Но когда ему напомнили, что онъ самъ отдалъ доходъ сей Почетному Легіону, то онъ воскликнулъ: «Гдѣ у меня былъ умъ, когда я сдѣлалъ эту отдачу? Но я издалъ много глупыхъ указовъ такого рода.»

Одинъ или двое изъ бѣднѣйшихъ жителей преклонили колѣна и даже

простерлись передъ нимъ, попавъ ему на встрѣчу Это показалось ему отвратительнымъ, и онъ приписалъ сію унизительную подлость дурному ихъ воспитанію подъ руководствомъ монаховъ. Въ этихъ поѣздкахъ онъ столько же боялся быть умерщвленнымъ, какъ и въ путешествіи своемъ до Фрежюса. Два вооруженные всадника ѣздили впереди его и осматривали всѣ подозрительныя мѣста Но въѣхавъ на гору, находящуюся за Порто Ферраіо и увидѣвъ океанъ со всѣхъ сторонъ почти у себя подъ ногами, онъ не могъ не воскликнуть съ веселою улыбкою: «Должно признаться, что островъ мой не великъ.»

Онъ однако жъ объявилъ, что совершенно покорствуетъ судьбѣ своей; часто называлъ себя человѣкомъ, политически умеренимъ, и приписывалъ себѣ право судить о дѣлахъ общественныхъ, какъ не принимая уже въ нихъ болѣе никакого участія. Онъ изъявлялъ намѣреніе совершенно посвятить себя Наукамъ и Литературѣ. Иногда говаривалъ онъ, что хочетъ жить на небольшомъ своемъ островѣ, подобно мирному судьѣ въ Англійскомъ городкѣ.

Однако жъ Наполеонъ худо зналъ самого себя, если онъ дѣйствительно полагалъ, что его дѣятельный и высокій духъ можетъ удовольствоваться изысканіемъ отвлеченныхъ истинъ или литературными занятіями. Онъ сравнивалъ свое отреченіе съ Карломъ V, забывая, что сей Австрійскій Императоръ добровольно сошелъ съ престола; что онъ имѣлъ склонность къ механическимъ занятіямъ, и что даже при этихъ способахъ развлеченія, Карлу скоро наскучило его уединеніе. Свойства же Наполеона были совершенно противоположны такому уединенному образу жизни. Онъ продолжалъ обнаруживать на островѣ Ельбѣ тѣ же самыя склонности, которыя столь долго тревожили и устрашали Европу. Перемѣнять наружный видъ всего, его окружающаго; затѣвать обширныя работы, не соображая въ точности средствъ къ ихъ исполненію; производить въ небольшихъ своихъ владѣніяхъ всевозможныя преобразованія, какія только дозволялись ихъ предѣлами; однимъ словомъ, возобновлять въ маломъ размѣрѣ тѣ самыя перемѣны, которыя онъ прежде замышлялъ въ бо́льшемъ и великолѣпнѣйшемъ видѣ; примѣнять къ Ельбѣ ту политическую систему, которую онъ столь долго употреблялъ въ Европѣ, — было единственнымъ средствомъ занять нетерпѣливую пылкость характера, привыкшаго съ самой ранней юности управлять другими, но могущаго прійти въ усыпленіе, сдѣлаться недовольнымъ и угрюмымъ, когда, по недостатку занятій, ему приходилось обращаться только къ самому себѣ.

Въ продолженіе первыхъ двухъ или трехъ недѣль пребыванія его на островѣ Ельбѣ, Наполеонъ уже предположилъ усовершенствованія или измѣненія и новизны, коихъ исполненіе съ бывшими у него во власти средствами потребовало бы всей его жизни. Не удивительно, что сдѣлавъ привычку повелѣвать только для того, чтобы ему повиновались, и смотрѣть на предполагаемыя

имъ усовершенствованія, какъ слѣдуетъ владыкѣ Великой Имперіи, онъ не обращалъ вниманія на то, что настоящія его дѣйствія относились къ небольшому островку, гдѣ пышные его замыслы долженствовали ограничиваться недостаткомъ денегъ.

Проѣздивъ два или три дня съ такою же поспѣшностью, съ которою онъ дѣлалъ свои частыя путешествія по Франціи, и обнаруживая ту же нетерпѣливость на счетъ покоя или замедленія, Наполеонъ осмотрѣлъ всѣ мѣста небольшаго своего острова, рудники, лѣса, солончаки, гавани, укрѣпленія, все, заслуживающее вниманіе, и предположилъ для каждаго изъ нихъ перемѣны и улучшенія. Пока онъ не кончилъ сего, онъ не могъ ни на минуту вкусить покоя; а кончивъ, не имѣлъ никакого занятія.

Однимъ изъ главныхъ и наиболѣе характеристическихъ проектовъ было распространеніе его Лилипутскихъ владѣній чрезъ занятіе необитаемаго острова Ріанозы, который былъ оставленъ въ запустѣніи, по причинѣ частыхъ посѣщеній онаго морскими разбойниками. Онъ послалъ тридцать своихъ стражей и десять человѣкъ обитателей острова въ сію экспедицію — (какая противоположность съ тѣми, которыя онъ учреждалъ прежде!), составилъ планъ укрѣпленіямъ сего острова и, шутя, воскликнулъ: «Европа, пожалуй, скажетъ, что я ужъ опять сдѣлалъ завоеваніе.»

Въ невѣроятно короткое время Наполеонъ предположилъ нѣсколько дорогъ; придумалъ средство провести воду изъ горъ въ Порто-Ферраіо; начерталъ планы двумъ дворцамъ, одного для деревни, другаго для города, конюшенъ на сто пятьдесятъ лошадей, лазарета, зданія для рыбной ловли и новаго устройства соловариницъ въ Порто-Лонгонѣ. Императоръ Ельбскій намѣревался также купить нѣсколько помѣстій и велѣлъ сдѣлать оцѣнку оныхъ; ибо согласіе владѣльцевъ считалось для сего ненужнымъ. Наконецъ онъ учредилъ для себя четыре мѣстопребыванія въ разныхъ частяхъ острова; и какъ вся забава его состояла въ перемѣнахъ, то онъ безпрестанно переѣзжалъ съ мѣста на мѣсто, также неупомимо, какъ сидящая въ клѣткѣ птица, которая прыгаетъ съ жерди на жердь, будучи лишена свободы летать по воздуху, своей природной стихіи. Казалось, какъ будто его не столько занимала важность предмета, а довольно было того, чтобы онъ доставилъ ему собою случай предаться постоянному и безпрерывно подстрекаемому своему желанію къ дѣятельности. Онъ походилъ на отважнаго игрока, который, будучи лишенъ средствъ дѣлать значительныя ставки, предпочитаетъ продолжать небольшую игру тому, чтобы совсѣмъ отъ нея отстать.

Наполеонъ учредилъ и Дворъ свой съ честолюбіемъ, болѣе соотвѣтственнымъ тому состоянію, въ коемъ онъ столь долго находился, чѣмъ тому, въ которое онъ теперь попалъ, между тѣмъ какъ мебели и внутреннее удобство Императорскаго дворца его во многомъ уступали жилищу обыкновеннаго Англійскаго

помѣщика. Объявленіе Французскаго Губернатора о сдачѣ имъ власти Наполеону, было хорошо и въ приличныхъ выраженіяхъ написано; но духовное воззваніе Генералъ-Викарія Арриги, Наполеонова родственника, которымъ онъ хотѣлъ поздравить жителей Ельбы съ тѣмъ, что они сдѣлались подданными Великаго Наполеона, до чрезвычайности было странно. Вмѣняя себѣ въ великую почесть принятіе Помазанника Божія, онъ говорилъ о неистощимыхъ сокровищахъ, которыми осыплютъ народъ чужестранцы, пріѣдущіе смотрѣть на героя. Это воззваніе какъ будто бы возвѣщало, что островъ сдѣлался пребываніемъ какого либо чуднаго, неизвѣстнаго звѣря, котораго станутъ показывать за деньги.

Придворный штатъ Наполеона, хотя и ограничившійся тридцатью пятью особами, сохранялъ однако же титла и чины, приличные Императорскому Двору, и мы ниже увидимъ, что Государь сего небольшаго царства скоро сдѣлалъ изъ нихъ политическое употребленіе. Онъ принялъ національный флагъ, имѣющій на бѣломъ полѣ красную полосу съ тремя пчелами. Дабы возвысить величіе своей столицы, узнавъ, что Порто-Ферраіо прежде назывался Комополи (т. е. городъ Комо), онъ приказалъ называть его Космополи, т. е. городъ Всѣхъ Народовъ.

Гвардія его, составленная изъ 700 человѣкъ пѣхоты и 80 человѣкъ конницы, казалось, столько же занимала вниманіе Наполеона, какъ Большая армія прежде. Онъ безпрестанно училъ ее, а въ особенности метанію ядеръ и бомбъ; и вскорѣ замѣтили, что онъ желалъ достать себѣ рекрутъ. Это не трудно было сдѣлать въ такую эпоху, когда по недавнему еще ополченію цѣлаго Свѣта, столь многіе люди, не любившіе мирной жизни, съ сожалѣніемъ отложили оружіе и опять готовы были взять оное.

Еще съ Іюля мѣсяца 1814 года началось сильное броженіе умовъ въ Италіи, куда сосѣдство острова Ельбы, пребываніе тамъ многихъ членовъ Наполеонова семейства и царствованіе Мюрата привлекли великое стеченіе приверженцевъ и друзей Наполеона. Съ каждымъ днемъ волненіе усиливалось и разныя средства были употребляемы, дабы распространить мысль, что Наполеонъ нѣкогда опять воспріиметъ всю власть свою. Многіе небольшіе отряды рекрутъ собирались на Ельбу для поступленія въ его гвардію, и въ Ливорнѣ были задержаны употребленные на сей предметъ два человѣка, у которыхъ найдены списки нѣсколькихъ сотъ людей, готовыхъ служить Наполеону. Сіе возникшее въ Италіи броженіе и неудовольствія были очень усилены неблагоразумными поступками Князя Роспигліози, Гражданскаго Губернатора въ Тосканѣ, который возобновилъ въ полной силѣ всѣ положенія и уставы, существовавшіе прежде при Герцогахъ Тосканскихъ; уничтожилъ Музеумъ, учрежденный сестрою Наполеона, и, возвратясь ко всѣмъ нелѣпостямъ прежняго правительства, не уменьшилъ ничѣмъ наложенныхъ Французами податей.

Объ обхожденіи Наполеона съ бъ-

глецами, пріѣзжавшими къ нему на островъ Ельбу, можно судить по слѣдующему примѣру. 11 Іюля, Коломбони, баталіонный Командиръ стоявшаго въ Италіи Четвертаго линейнаго полка, былъ представленъ Императору, какъ вновь прибывшій. «И такъ, Коломбони, за какимъ дѣломъ ты пріѣхалъ на Ельбу? — «Первое, засвидѣтельствовать Вашему Величеству мое почтеніе; а второе, проситься къ вамъ въ службу рядовымъ вашей Гвардіи.» — «Это мѣсто слишкомъ для тебя низко: ты долженъ имѣть получше его,» сказалъ Наполеонъ; и тотчасъ назначилъ ему 1200 франковъ въ годъ жалованья хотя, повидимому, Императоръ самъ очень нуждался въ деньгахъ.

Около половины лѣта, Наполеона посѣтили мать его и сестра его, Принцесса Полина. Въ это же время онъ, казалось, надѣялся увидѣться съ супругою своею, Маріею Луизою, которая, какъ говорили, ѣхала принять свои Италіянскія владѣнія. Разлука ихъ и событія, происшедшія предъ Парижемъ, были единственными предметами, выводившими его изъ терпѣнія. Онъ никогда не говорилъ объ нихъ иначе, какъ съ досадою и съ сердцемъ. Онъ повторялъ, что препятствія къ соединенію его съ женою и съ сыномъ были вообще всѣми охуждаемы въ Вѣнѣ — что въ новѣйшія времена не было еще примѣра такого безчеловѣчія и несправедливости — что Императрица содержится подъ стражею, и что приставленный къ ней офицеръ повсюду ее сопровождаетъ — наконецъ, что ей было обѣщано при выѣздѣ изъ Орлеана, что ей позволено будетъ пріѣхать къ нему на островъ Ельбу, и что теперь ей въ томъ отказываютъ. Въ этомъ разлученіи, продолжалъ онъ: можно видѣть тѣнь политики, хотя въ немъ нѣтъ искры справедливости. Австрія соединила дочь своего Монарха съ Императоромъ Франціи, но хотѣла прервать связь сію съ Императоромъ Ельбы, опасаясь, чтобы уваженіе, слѣдующее Принцессѣ Габсбургскаго Дома, въ случаѣ, если бъ она стала жить со своимъ супругомъ, не озарило слишкомъ большимъ блескомъ лишеннаго престола Государя.

Съ другой стороны, Австрійскій Комисаръ, Генералъ Колеръ, утверждалъ, что сія разлука произошла съ собственнаго согласія Императрицы Луизы и даже по просьбѣ ея, намекая, что желаніе Наполеона быть съ нею вмѣстѣ, происходитъ отъ другихъ чувствъ, а не отъ семейной привязанности. Но и предположивъ, что Наполеонъ, при желаніи своемъ соединиться съ супругою, имѣлъ политическіе виды, мы не можемъ ни оправдать, ни открыть причины отказа въ просьбѣ, въ которой удовлетворили бы даже человѣка, осужденнаго къ ссылкѣ.

Мы не сочли нужнымъ прерывать описаніе важныхъ событій изображеніемъ подробностей, которыя кажутся скорѣе принадлежащими роману; но говоря теперь о частныхъ свойствахъ Наполеона, мы можемъ упомянуть объ одномъ таинственномъ обстоятельствѣ. Въ концѣ Августа 1814 года пріѣхала изъ Ливорны на островъ Ельбу госпожа съ мальчикомъ, лѣтъ шести. Она

была принята Наполеономъ съ большимъ уваженіемъ, но и съ великою скрытностью, и помѣщена въ небольшой, уединенной дачѣ, въ самомъ дальнемъ концѣ острова, откуда черезъ два дня отправилась въ Неаполь. Жители Ельбы естественнымъ образомъ заключили, что это должна быть Императрица Марія Луиза съ сыномъ. Но приближенные Наполеона знали, что это Польская госпожа изъ Варшавы, и что мальчикъ былъ плодомъ связи, существовавшей между ею и Наполеономъ за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ. Причиною ея скораго отъѣзда могла быть разборчивость на счетъ Маріи Луизы, и опасеніе, чтобы не подать Вѣнскому Двору предлога продолжить разлуку, на которую Наполеонъ жаловался. Дѣйствительно, Австрійцы въ извиненіе своихъ поступковъ ссылались на погрѣшности въ поведеніи самого Бонапарте; но разбирать справедливость сего обвиненія не слишкомъ было бы назидательно.

Около половины Мая, Баронъ Колеръ простился съ Наполеономъ, отправляясь обратно въ Вѣну. Онъ былъ высокаго чина и извѣстный своими достоинствами Австрійскій Генералъ; искренній другъ и соученикъ Князя Шварценберга. Прощанье Наполеона съ этимъ Генераломъ было очень чувствительно со стороны Императора. Онъ проливалъ слезы, обнимая Генерала Колера, и заклиналъ его содѣйствовать, если можно, соединенію его съ женою и съ сыномъ — называлъ его спасителемъ своей жизни — жалѣлъ о своей бѣдности, не позволявшей сдѣлать ему драгоцѣннаго на память подарка — наконецъ, прижавъ Австрійскаго Генерала къ груди своей, онъ продержалъ его такимъ образомъ нѣсколько времени, повторяя выраженія живѣйшей привязанности. Эта чувствительность была только съ одной стороны; ибо на вопросъ одного Англичанина, бывшаго свидѣтелемъ сей сцены, сдѣланный Генералу Колеру, о чемъ онъ думалъ, находясь въ объятіяхъ Императора. — «Объ Іудѣ Искаріотскомъ,» отвѣтствовалъ Австріецъ.

По отъѣздѣ Барона Колера, Полковникъ Сиръ Ниль Камбель одинъ только изъ четырехъ Комисаровъ продолжалъ оставаться на островѣ Ельбѣ, по приказанію Британскаго Кабинета. Трудно опредѣлить, въ чемъ именно состояла его порученность, или какія были ему даны наставленія. Онъ не имѣлъ ни власти, ни правъ, ни средствъ вступаться въ дѣйствія Наполеона. Императоръ былъ признанъ по договору — хорошо сіе было или дурно, а ужъ опровергать было поздно — независимымъ Государемъ. Слѣдовательно только какъ Посланникъ Сиръ Ниль Камбель могъ имѣть дозволеніе находиться при Дворѣ его; и не какъ обыкновенный Посланникъ, живущій по дѣламъ своего Правительства, но съ порученіемъ такого рода, которое не объявляется, а именно съ порученіемъ наблюдать за поступками Государя, при которомъ находится. Въ самомъ дѣлѣ, Сиръ Ниль Камбель не имѣлъ никакой прямой, явной порученности, и Французскій Министръ острова Ельбы вскорѣ тѣмъ воспользовался. Друо, Порто-Феррайскій Губернаторъ, дѣлалъ такіе настоя-

шельные запросы о званіи Англійскаго Повѣреннаго и о срокѣ пребыванія его на островѣ Ельбѣ, что сей послѣдній принужденнымъ нашелся объявить, что ему приказано оставаться тамъ до окончанія Конгресса, занимавшагося устройствомъ Европейскихъ дѣлъ; но что если ему повелѣно будетъ оставаться послѣ срока, то онъ истребуетъ, чтобы званіе его было явно признано, и не сомнѣвается, что сіе будетъ сдѣлано почетнымъ образомъ.

Наполеонъ не противился и не роптал на пребываніе Сира Ниля Камбеля на островѣ Ельбѣ, не взирая на двусмысленность онаго; онъ, напротивъ того, показывалъ, что онъ даже очень тѣмъ доволенъ. Долгое время онъ повидимому даже искалъ сообщества Англійскаго уполномоченнаго, имѣлъ съ нимъ частыя свиданія, и съ видомъ откровенности разсуждалъ съ нимъ о дѣлахъ общественныхъ. Записки о сихъ разговорахъ лежатъ предъ нами; и хотя съ одной стороны очевидно, что Наполеонъ вообще говорилъ по предварительно обдуманному плану, но съ другой достовѣрно и то, что въ жару сужденій пылкій нравъ его часто обнаруживалъ тайныя помышленія, которымъ въ хладнокровную минуту онъ бы не дозволилъ у себя вырваться.

16 Сентября 1814 года, напримѣръ, Сиръ Камбель имѣлъ трехъчасовую аудіенцію, въ продолженіе которой Наполеонъ, по своему обыкновенію, не терпя сидѣть на мѣстѣ, ходилъ изъ одного конца горницы въ другой, и безпрестанно говорилъ. Онъ очень радовался, по словамъ его, тому, что Сиръ Ниль живетъ на Ельбѣ, дабы уничтожить мечту, будто бы онъ, Бонапарте, имѣлъ замыслы вновь нарушить спокойствіе Европы. «Я ни о чемъ не думаю дальше границъ моего небольшаго островка,» продолжалъ онъ: «я бы могъ продлить войну еще двадцать лѣтъ, если бъ я хотѣлъ. Я теперь покойникъ. Я ничѣмъ болѣе не занимаюсь, какъ моимъ семействомъ, моимъ уединеніемъ, моимъ домомъ, моими коровами и моимъ скотнымъ дворомъ.» Потомъ говорилъ онъ наиуважительнѣйшимъ образомъ объ Англійскомъ характерѣ, утверждая, что онъ всегда любилъ его, не взирая на дѣланныя на него Англіею нападки. Онъ просилъ Британскаго уполномоченнаго, не теряя времени, достать ему Англійскую Грамматику. — Жаль, что боцманъ Гиппонъ не былъ тутъ для того, чтобы отвѣчать на эти похвалы своею любимою поговоркою.

При концѣ сего разговора, Ельбскій Императоръ обратился къ болѣе важнымъ предметамъ. Онъ съ участіемъ разспрашивалъ о настоящемъ положеніи Франціи. Сиръ Ниль Камбель увѣдомилъ его, что по всѣмъ, полученнымъ имъ свѣдѣніямъ, Короля и Правительство хвалятъ за великую ихъ мудрость и умѣренность; но сознался, что люди, лишившіеся выгодныхъ мѣстъ, воспоплѣнные, возвратившіеся въ отечество, и большая часть находящихся еще на службѣ войскъ, привязаны къ Наполеону. Въ отвѣтѣ своемъ Бонапарте, казалось, вѣрилъ, что тронъ можетъ устоять, будучи поддержи-

ваемъ Маршалами и великими сановниками, по насмѣхался надъ мыслью дать Франціи свободную Конституцію. Онъ говорилъ, что покушеніе подражать въ этомъ Великобританіи, есть не что иное, какъ фарса, какъ карикатура. Невозможно, прибавилъ онъ, учредить двѣ Парламентскія Палаты; ибо почтенныя фамиліи, изъ которыхъ составлена Англійская Аристократія, не существуютъ уже во Франціи. Онъ съ досадою упомянулъ объ уступкѣ Бельгіи, и объ отдачѣ Франціею Антверпена. «Я говорю,» сказалъ онъ: «какъ зритель, не имѣющій тутъ ни надеждъ, ни выгодъ; но оскорблять такимъ образомъ Французовъ, значитъ не знать ихъ народнаго характера. Главныя ихъ чувства суть гордость и слава, и Союзникамъ нельзя надѣяться, чтобы они остались довольными и спокойными при такихъ обстоятельствахъ, въ которыхъ Франція теперь находится. Французы,» заключилъ онъ: «побѣждены только превосходствомъ числа, но не смирены; и народонаселеніе ихъ столь много не пострадало, какъ утверждаютъ: ибо я всегда берегъ жизнь Французовъ, а употреблялъ въ опасности Италіянцевъ, Нѣмцевъ и другихъ чужестранцевъ.» Онъ замѣтилъ, что признательность Лудовика XVIII къ Англіи оскорбительна для Франціи, и что его въ насмѣшку называютъ Вице-Королемъ Англійскаго Государя.

Въ послѣднихъ мѣсяцахъ 1814 года, Сиръ Ниль Камбель началъ замѣчать, что Бонапарте старается удалить его изъ своего присутствія, сколько сіе можно было сдѣлать безъ явной невѣжливости. Онъ вдругъ окружилъ себя всѣми обрядами Императорскаго Двора; и не подавъ Англійскому уполномоченному никакого явнаго предлога жаловаться, ни даже права требовать объясненія, онъ успѣлъ до нѣкоторой степени совершенно лишить его возможности съ нимъ разговаривать. Единственные случаи имѣть доступъ къ Наполеону были тогда, какъ онъ возвращался изъ краткихъ поѣздокъ въ Ливорну и во Флоренцію, ибо тогда, по придворному этикету, ему слѣдовало быть при выходѣ.

При такихъ случаяхъ Наполеонъ своими пророчествами грозилъ миру Европы. Онъ безпрестанно твердилъ объ униженіи, нанесенномъ Франціи, взятіемъ у ней Бельгіи и его любимаго Антверпена. 30 Октября, распространяясь на счетъ сего предмета, онъ сказалъ, что весь народъ находится въ раздраженіи: ибо каждый Французъ считаетъ Рейнъ естественною границею земли своей, и что ничѣмъ нельзя перемѣнить сего мнѣнія. «Франція,» сказалъ онъ: «не имѣетъ недостатка въ народонаселеніи, воинственномъ болѣе всѣхъ прочихъ народовъ, по врожденному расположенію, по слѣдствіямъ Революціи и по любви къ славѣ. Лудовикъ XIV, по словамъ его, не взирая на всѣ, причиненныя имъ Государству бѣдствія, былъ еще любимъ за блескъ побѣдъ его и за пышность его Двора. Росбахская битва произвела Революцію. Лудовикъ XVIII совершенно ошибался въ характерѣ Французовъ, предполагая, что убѣжденіями, доводами или даромъ сво-

бодной Конституціи ихъ можно заставить томиться въ положеніи мирной промышленности. Онъ говорилъ, что пребываніе Лорда Веллингтона въ Парижѣ есть обида для Французскаго народа; что сильное несогласіе царствуетъ въ цѣломъ Государствѣ, и что Король имѣетъ мало приверженцевъ, какъ въ арміи, такъ и въ народѣ. Король конечно могъ бы избавиться отъ части арміи, пославъ ее на Сен-Доминго, но этотъ способъ скоро бы для всѣхъ обнаружился; онъ самъ, къ несчастію, это испыталъ съ потерею 30,000 человѣкъ, доказавшею безполезность такихъ экспедицій.

Тутъ онъ пріостановился, стараясь доказать, что чувства, имъ изъясняемыя, не имѣютъ въ себѣ ничего личнаго, и что онъ ничего не ожидаетъ отъ переворотовъ, имъ предсказываемыхъ. «Я человѣкъ умершій,» сказалъ онъ: «я родился солдатомъ, достигъ престола, сошелъ съ него и готовъ ко всякому жребію. Меня можно сослать въ отдаленный край, или здѣсь умертвить; я открою грудь мою предъ кинжаломъ. Будучи только Генераломъ Бонапарте, я имѣлъ собственность, мною пріобрѣтенную, теперь же я всего лишенъ.»

При другомъ случаѣ онъ говорилъ о возникающемъ во Франціи волненіи, о которомъ, по словамъ его, онъ узналъ изъ переписки его гвардейцевъ съ ихъ отечествомъ; и позабывъ свою ролю покойника, ясно сказалъ, что настоящія неудовольствія вспыхнутъ со всею яростью прежней Революціи и потребуютъ его воскресенія: «Ибо тогда,» прибавилъ онъ: «Европейскіе Государи, для ихъ собственной пользы, принуждены будутъ призвать МЕНЯ для возстановленія спокойствія.»

Этого рода разговоры были, можетъ статься, лучшимъ средствомъ для скрытія тайныхъ его умысловъ отъ Англійскаго Комисара. Сиръ Ниль Камбель, хотя и питая нѣкоторыя подозрѣнія, счелъ однако же невозможнымъ, сообразивъ все, чтобы Наполеонъ замышлялъ что либо необычайное, если только не представится соблазнительный къ тому случай во Франціи, или въ Италіи.

Наполеонъ говорилъ и другимъ тѣ же самыя рѣчи, какъ Англійскому уполномоченному. Онъ былъ снисходителенъ и даже (повидимому) ласковъ къ великому числу чужестранцевъ, которые изъ любопытства пріѣзжали на него смотрѣть; говорилъ о своемъ уединеніи, подобно какъ Діоклитіанъ могъ бы говорить въ садахъ Салоникскихъ; казалось, считалъ свое политическое поприще конченнымъ, и называлъ главною своею цѣлью стараться объяснить черты своей жизни, толкуемыя свѣтомъ неблагопріятнымъ для него образомъ. Отвѣчая свободно и охотно на вопросы разговаривавшихъ съ нимъ людей и въ особенности знатныхъ Англичанъ, Бонапарте доставилъ себѣ тѣмъ возможность сообщить публикѣ такія объясненія на счетъ своей прошедшей жизни, которыя наиболѣе благопріятствовали его желаніямъ. Такимъ образомъ, вмѣсто того, чтобы отрицаться, онъ по возможности смягчалъ намѣреніе отправить ядомъ военноплѣнныхъ въ Си-

рія, убійство въ Яффѣ, умерщвленіе Герцога Ангенскаго и другія преступленія. Императора, завоевателя, переставшаго воевать и лишеннаго власти, нельзя не слушать благопріятно тѣмъ, которые имѣютъ романическое удовольствіе внимать, какъ самъ онъ защищаетъ свое дѣло. Смягченныя описанія всѣхъ мѣръ его начали распространяться по Европѣ и любопытство видѣть плѣненнаго Государя и удивляться ему, заставляло людей забывать опустошенія, произведенныя имъ тогда, какъ онъ былъ свободенъ.

При наступленіи зимы можно было замѣтить перемѣну въ образѣ жизни и въ привычкахъ Наполеона. Предположенныя имъ на его островѣ улучшенія не столько ужъ его занимали; онъ по временамъ отказывался отъ сильнаго движенія, которое дѣлалъ сначала; ѣздилъ въ каретѣ, а не верхомъ, и впадалъ иногда въ припадки глубокой задумчивости, смѣшанной съ безпокойствомъ.

Онъ также испыталъ затрудненія, которыхъ прежде никогда еще не зналъ, происходящія отъ недостатка въ деньгахъ. Онъ сдѣлалъ безразсудныя, непомѣрныя издержки, не сообразивъ своихъ способовъ съ тѣмъ, чего будутъ стоить предполагаемыя имъ перемѣны. Привезенныя имъ изъ Франціи наличныя деньги скоро были истрачены, и дабы достать себѣ оныхъ, онъ приказалъ жителямъ острова внести въ Іюнѣ мѣсяцѣ подати за годъ. Это подало поводъ къ прошеніямъ, къ личнымъ просьбамъ и къ неудовольствіямъ. Ему представили, что обитатели острова, не продавшіе нисколько вина своихъ въ послѣдніе мѣсяцы, были такъ бѣдны, что онъ доведетъ ихъ до послѣдней крайности, настаивая въ своемъ требованіи. Въ нѣкоторыхъ деревняхъ Императорскимъ сборщикамъ оказали сопротивленіе и обиды. Наполеонъ послалъ часть войскъ къ непослушнымъ поселянамъ на постой съ ихъ содержаніемъ, до тѣхъ поръ, пока они не заплатятъ требуемыхъ податей.

Такимъ образомъ, въ управленіи его небольшаго Государства, видна та же мудрость и тѣ же погрѣшности, чрезъ которыя Бонапарте пріобрѣлъ и потерялъ владычество свое надъ Свѣтомъ. Придуманные имъ планы усовершенствованій и внутреннихъ улучшеній конечно были хороши сами по себѣ; но онъ приступилъ къ исполненію оныхъ слишкомъ съ необдуманною поспѣшностью, слишкомъ съ твердою настойчивостью дѣлать что ему угодно, не уважая чужихъ мнѣній.

Поелику подати представляли весьма слабое пособіе, тѣмъ болѣе, что ихъ едва можно было исторгать у бѣдныхъ обитателей острова, то Наполеонъ прибѣгъ къ другимъ средствамъ, долженствовавшимъ казаться тягостными человѣку столь горделиваго ума. Но какъ доходы, имъ получаемые, простирались не свыше 300,000 франковъ, а расходы доходили по крайней мѣрѣ до милліона, то онъ принужденнымъ нашелся убавить жалованья большей части Двора своего, уменьшить плату рудокопамъ, доставать себѣ деньги продажею заготовленнаго для войскъ продовольствія, и даже уступкою Артиллерійскаго парка Герцогу То-

скапскому. Онъ продалъ также нѣкоторыя помѣстья и большой домъ, служившій казармою; а наконецъ даже вознамѣрился сбыть съ рукъ и городской домъ свой въ Порто-Ферраіо.

Мы сказали, что нетерпѣливость Наполеона при исполненіи замысловъ, представлявшихся его обильному воображенію, была первоначальною причиною сего недостатка въ деньгахъ. Но тѣмъ не менѣе должно приписать оный неблагородному и недостойному поведенію Французскихъ Министровъ. Французское Правительство, изъ всѣхъ прочихъ, было наиболѣе обязано по совѣсти, чести и политикѣ, считая Фонтенблосскій договоръ первою ступенью, по коей Лудовикъ XVIII вошелъ на возстановленный престолъ свой, — въ точности соблюдать его относительно къ Наполеону. Шестою статьею сего договора было положено, чтобы два милліона пять сотъ тысячъ франковъ ежегоднаго дохода были заносимы въ Государственную Книгу Франціи, и выплачиваемы безъ всякаго вычета или удержанія Наполеону Бонапарте. Этотъ годовой доходъ былъ выговоренъ Маршалами Макдональдомъ, Неемъ, цѣною Наполеонова отреченія, и Французскіе Министры не могли отказать въ платежѣ онаго безъ вопіющей несправедливости противъ Бонапарте, и не оскорбляя въ то же время Союзныхъ Державъ. Не взирая на то, не только пансіонъ сей не былъ съ точностью выдаваемъ, но мы даже не нашли доказательствъ, чтобы Наполеонъ получилъ хотя что либо въ счетъ онаго. Британскій уполномоченный, замѣчая, сколько Императоръ затруднялся чрезъ недостатокъ въ деньгахъ, неоднократно повторялъ: «что если Наполеонъ долѣе будетъ терпѣть такую нужду, не дозволяющую ему поддерживать наружный видъ Двора своего, то онъ въ состояніи сдѣлать со своими войсками высадку въ Піомбино, или свершить какое либо другое безразсудство.» Таково было мнѣніе, сообщенное 31 Октября 1814 года Сиромъ Нилемъ Камбелемъ, и Лордъ Кастельригъ сдѣлалъ по сему предмету сильное представленіе, хотя Великобританія, какъ единственная Держава, не участвовавшая въ Фонтенблосскомъ договорѣ, могла бы предоставить другимъ заботу наблюдать за исполненіемъ онаго. Французы не устыдились оправдываться тѣмъ, что пансіоны выдаютъ не прежде, какъ по истеченіи года; что̀ не можетъ быть принято въ отговорку; ибо какъ деньги сіи назначались на содержаніе, то ихъ слѣдовало выдавать по третямъ и впередъ. Требованія по сему предмету были еще нѣсколько разъ возобновлены Сиромъ Нилемъ Камбелемъ, но Французское Министерство, повидимому, и не думало перемѣнить свое поведеніе, которое происходило ли оно отъ духа мщенія, или отъ скупости, или отъ собственнаго недостатка въ деньгахъ, а было равно безчестно и неблагоразумно.

Другія заботы также тревожили духъ Наполеона. Онъ страшился Алжирскихъ пиратовъ, и просилъ себѣ противъ нихъ помощи у Англіи. Онъ

вѣрилъ, или показывалъ видъ, что вѣритъ, будто бы Брюларъ, Губернаторъ Корсики, бывшій вождемъ Шуановъ, другомъ Пишегрю и проч., былъ посланъ туда Правительствомъ Лудовика XVIII съ тѣмъ, чтобы умертвить его, и что ловкіе агенты были отправлены изъ Корсики на Ельбу съ этою цѣлью. * Кромѣ того, онъ говорилъ, будто бы извѣстился, что замышляютъ нарушить Фонтенблосскій трактатъ, увезти его изъ настоящаго мѣстопребыванія и заключить на островъ Св. Елены или на Сен-Луцію. Можетъ статься, что опасенія сіи были и не совсѣмъ притворны; ибо хотя ничто не доказываетъ, чтобы Союзники имѣли такой недостойный умыселъ, однако жъ слухъ о томъ носился вездѣ во Франціи, въ Италіи, на берегахъ Средиземнаго Моря, и былъ распространяемъ тѣми, которые желали, чтобы Наполеонъ опять явился на сценѣ. Бонапарте дѣйствительно показывалъ большое безпокойство на счетъ сего предмета, то объявляя, что онъ будетъ защищаться до послѣдняго издыханія, то показывая видъ, будто бы онъ думаетъ, что ему назначатъ жить въ Англіи, къ чему онъ не обнаруживалъ личнаго отвращенія, приводя тому причины, которыя уже сами по себѣ достаточны были для того, чтобы сему воспрепятствовать. По словамъ его, онъ надѣялся имѣть тамъ личную свободу и возможность разсѣять предубѣжденія, противъ его возникшія и еще не уничтоженныя, но, въ заключеніе, онъ намекалъ, что, живя въ Англіи, ему гораздо удобнѣе будетъ вступить въ сообщеніе съ Франціею, гдѣ онъ имѣлъ по четыре приверженца на каждаго сообщника Бурбоновъ. Наговорившись объ этомъ предметѣ, онъ опять обращался къ жалобамъ на суровость и жестокость, съ которыми его лишали сообщества съ женою и съ сыномъ.

Между тѣмъ какъ Бонапарте, раздраженный нуждою въ деньгахъ и прочими причинами къ неудовольствіямъ, и волнуемый дѣятельностью ума, неспособнаго къ воздержанію, говорилъ рѣчи, которыя возбуждали подозрѣнія и долженствовали бы побудить къ взятію предосторожностей, Дворъ его началъ принимать весьма страшный видъ, совершенно противоположный тому, который имѣютъ Дворы мелкихъ владѣльцевъ на Твердой Землѣ. Въ послѣднихъ

* Бонапарте имѣлъ особенныя причины страшиться Брюлара. Этотъ Шуанскій вождь былъ одинъ изъ числа тѣхъ, которые положили оружіе при назначеніи Наполеона Консуломъ и которымъ дозволено было жить въ Парижѣ. Пріятель Брюлара, гораздо болѣе подозрительный, чѣмъ самъ онъ, желалъ получить позволеніе возвратиться изъ Англіи, куда онъ убѣжалъ. Онъ обратился къ Наполеону чрезъ Брюлара, котораго Императоръ обнадежилъ въ томъ, что другъ его можетъ безопасно возвратиться во Францію. Но едва только онъ туда пріѣхалъ, какъ былъ схваченъ и казненъ. Брюларъ уѣхалъ въ Англію, приведенный въ отчаяніе и въ ярость тѣмъ, что его сдѣлали орудіемъ смерти его друга. Въ жару своего негодованія, онъ написалъ къ Наполеону письмо, грозя умертвить его своими руками. Воспоминаніе объ этой угрозѣ встревожило Бонапарте, когда онъ узналъ, что Брюларъ находится такъ близко отъ него, въ Корсикѣ.

чаруетъ какая-то старинная важность, прикрывающая недостатокъ пышности и настоящаго могущества. Многосложный составъ такихъ независимыхъ Государствъ примѣнетъ къ управленію владѣніями, уступающими въ величинѣ помѣстьямъ многихъ частныхъ людей; всѣ дѣла идутъ трудно, медленно, и лишь бы только наружность соотвѣтствовала древнимъ обрядамъ величія, а Государь и совѣтники его не заботятся ни о походахъ, ни о завоеваніяхъ, ни о какихъ политическихъ предметахъ.

Порто-Ферраійскій Дворъ представлялъ совершенно сему противное. Дѣйствительно, городъ сей заслуживалъ данное ему Наполеономъ имя Космополитна. Онъ походилъ на дворъ большой казармы наполненный военными, жандармами, полицейскими всѣхъ родовъ, бѣглецами изъ всѣхъ земель, людьми принадлежащими ко Двору, слугами и протлецами, которые всѣ были въ связяхъ съ Наполеономъ и получали отъ него милости, или ожидали оныхъ. Всякаго рода слухи носились въ этой смѣшанной толпѣ, подобной рою мошекъ на солнечномъ сіяніи. Подозрительныя лица являлись и опять исчезали, не оставляя никакихъ слѣдовъ своей поѣздки или побудительныхъ причинъ оной. Гавань была наполнена судами изъ всѣхъ мѣстъ Италіи. Правда, что это происходило отъ необходимости доставлять продовольствіе на островъ, котораго народонаселеніе вдругъ такимъ необычайнымъ образомъ возрасло; и кромѣ того, суда всѣхъ земель останавливались въ Порто-Ферраіо, изъ любопытства, по торговымъ видамъ или за противными вѣтрами. Четыре вооруженные Наполеоновы корабля и семнадцать судовъ, принадлежавшіе къ рудникамъ, безпрестанно ходили въ разныя мѣста Италіи и привозили откуда или отвозили обратно на твердую землю Италіянцевъ, Сицилійцевъ, Французовъ и Грековъ, которые всѣ повидимому имѣли дѣла, но не объявляли причинъ своихъ поѣздокъ. Доминикъ Еттори, убѣжавшій изъ монастыря своего монахъ, и Грекъ Ѳеологъ, считались главнѣйшими агентами въ этой шайкѣ.

Положеніе Сира Ниля Камбеля сдѣлалось очень затруднительнымъ. Наполеонъ, показывая болѣе, чѣмъ когда либо, притязаній на права своего сана, не только удалялъ Британскаго Уполномоченнаго изъ своего присутствія, но даже препятствовалъ ему посѣщать мать его и сестру. И потому единственно чрезъ свиданія съ самимъ Наполеономъ, онъ могъ надѣяться получить какія либо свѣдѣнія; а дабы до сего достичь, Сиръ Ниль, какъ уже упомянуто, принужденъ былъ уѣзжать иногда съ Ельбы, что доставляло ему способъ просить себѣ аудіенціи при отъѣздѣ и при возвращеніи. Во время пребыванія его на островѣ, его оставляли въ удаленности, не обращая на него никакого вниманія; но сіе дѣлалось такъ искусно, что ему не возможно было жаловаться, тѣмъ болѣе, что онъ не имѣлъ явнаго званія и находился почти въ положеніи гостя, который, вошедъ въ домъ безъ приглашенія, состоитъ въ распоряженіяхъ хозяина онаго.

Признаки какого-то приближающагося переворота не могли однако же укрыться отъ глазъ Британскаго Уполномоченнаго. Наполеонъ имѣлъ со своею матерью свиданія, послѣ коихъ она казалась сильно встревоженною и говорила о трехъ посольствахъ, полученныхъ имъ изъ Франціи. Сверхъ того, сочли весьма подозрительнымъ, что Наполеонъ далъ отставки и отпуски двумъ или тремъ стамъ человѣкъ своей Старой Гвардіи, которые, какъ въ послѣдствіи открылось, подговорили и склонили къ измѣнѣ войска во Франціи, приготовя умы ихъ къ тому, что долженствовало произойти. Нельзя предполагать, чтобы такому множеству людей была рѣшительно открыта тайна; но каждый изъ нихъ былъ расположенъ превозносить похвалами изгнаннаго Императора, и всѣ они вѣрили и старались распространить слухъ, что онъ скоро явится отыскивать права свои.

Наконецъ Маріотти, Французскій Консулъ въ Ливорнѣ, и Спаноки, Тосканскій Губернаторъ сего города, извѣстили Сира Ниля Камбеля о рѣшительно принятомъ Наполеономъ на Ельбѣ намѣреніи, отправиться со своею Гвардіею на твердую землю. Сиръ Ниль Камбель получилъ сію вѣсть, находясь въ Ливорнѣ, и оставилъ военный шлюпъ *Патриджъ* для наблюденія за Ельбою. Весьма естественно предполагали, что Италія есть цѣль Наполеона и что онъ отправится туда, дабы присоединиться къ зятю своему, Мюрату, который въ сіе время, по несчастію для себя, развернулъ свое знамя.

25 Февраля шлюпъ *Патриджъ* пришелъ въ Ливорну за Сиромъ Нилемъ Камбелемъ. Приближаясь на обратномъ пути своемъ къ Порто-Ферраіо и увидавъ на башняхъ Народную Стражу вмѣсто Гренадеровъ Императорской Гвардіи, Британскій Уполномоченный тотчасъ догадался о происшедшемъ. Приставъ къ берегу, онъ нашелъ мать и сестру Наполеона въ хорошо сыгранномъ, смертельномъ безпокойствѣ о судьбѣ Императора, о которомъ онѣ притворились, будто бы ничего не знаютъ, кромѣ того, что онъ направилъ путь свой къ Варварійскимъ берегамъ. Онѣ чрезвычайно какъ упрашивали Сира Камбеля остаться съ ними. Но, воспротивясь ихъ просьбамъ и настоятельнымъ убѣжденіямъ Губернатора, который, казалось, расположенъ былъ употребить даже силу для удержанія его, Британскій Уполномоченный сѣлъ опять на шлюпъ и пустился за бѣглецомъ въ погоню. Но уже было поздно; и шлюпъ *Патриджъ* только издали успѣлъ увидать флотилію послѣ того, какъ Бонапарте и войска его пристали уже къ берегу.

Происшедшія во Франціи перемѣны, которыя поощрили къ сему, столь отважному предпріятію, составляютъ содержаніе слѣдующей главы.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

—

Взглядъ на предшествовавшія событія. — Возстановленіе Бурбоновъ не нравится солдатамъ, но пріятно народу. — Снисходительныя условія, дарованныя Франціи Союзниками. — Негодованіе на то, какимъ образомъ была дана Хартія. — Другія причины неудовольствія. — Боязнь, чтобы духовныя и казенныя имѣнія не были отобраны. — Возстаніе Якобинской партіи. — Усиливающіяся неудовольствія въ арміи. — Сужденіе въ пользу Эмигрантскихъ правъ въ Палатѣ Депутатовъ — Предложеніе Маршала Макдональда. — Затрудненія въ финансахъ. — Ограниченіе свободы книгопечатанія.

—

Мы должны теперь обратиться назадъ къ эпохѣ восшествія на престолъ Бурбоновъ въ 1814 году, къ событію, происшедшему при столь необычайныхъ обстоятельствахъ, что оно породило надежды на всеобщее благоденствіе; подобно ранней веснѣ, которая тѣмъ горчѣе обманываетъ ожиданія земледѣльца, чѣмъ больше она радовала его изобиліемъ и блескомъ цвѣтовъ. Нѣсколько времени все было весело и въ розовыхъ оттѣнкахъ. Французы лучше всѣхъ другихъ народовъ умѣютъ наслаждаться настоящимъ, не жалѣя о прошедшемъ и не предвидя ничего неблагопріятнаго въ будущемъ. Лудовикъ XVIII, почтенный своими литературными свѣдѣніями и семейными добродѣтелями, любезный соединеніемъ добродушія и остроумія, былъ принятъ въ своей столицѣ съ кликами, которые одни только солдаты не охотно повторяли, имѣя мрачный, печальный и недовольный видъ. Солдаты бывшей Императорской, а теперь Королевской Гвардіи, своею свирѣпою угрюмостью обнаруживали, что они считаютъ себя скорѣе плѣнниками, ведомыми при торжествѣ, чѣмъ воинами, раздѣляющими оное.

Но высшія и среднія сословія общества, кромѣ тѣхъ людей, которые чрезъ низверженіе Наполеона чего нибудь лишились, взирали съ искреннимъ удовольствіемъ на будущность, обѣщавшую миръ, спокойствіе и освобожденіе отъ самовластныхъ притѣсненій. Если не всѣ были одушевлены личною преданностью къ особамъ бывшаго столь долго чуждымъ для Франціи Дома, чего и нельзя бы предполагать, то по крайней мѣрѣ можно было надѣяться, что чувство сіе замѣнится ожиданіями благосостоянія и безопасности, которыя обѣщало ихъ возвращеніе.

союзные Монархи со своей стороны дѣлали всевозможное въ пользу Бурбоновъ, отмѣнивъ большую часть суровыхъ, непріятныхъ условій, помѣщенныхъ ими въ договорѣ, который былъ заключенъ съ Наполеономъ; какъ бы желая доставить законному наслѣднику престола возможность похвалиться предъ своимъ народомъ тѣмъ, что онъ въ одно время и спасъ честь его, и исходатайствовалъ болѣе выгодныя для него условія.

Французы благопріятно оцѣнили сію снисходительность и, по способности своей примѣнять свои чувства къ настоящей минутѣ, нѣсколько времени, казалось, ощущали всѣ выгоды сей перемѣны и обнаруживали желаніе, какъ можно долѣе пользоваться онымъ. Разсказываютъ давнишнюю сказку объ одномъ Французскомъ солдатѣ, который въ пьяномъ видѣ наговорилъ грубостей своему Генералу; будучи же на другой день приведенъ къ нему и спрошенъ, онъ ли сдѣлалъ эту вину, отвѣтствовалъ, что не *онъ*, а дерзкій бездѣльникъ, который ушелъ отъ него въ четыре часа утра—т. е. когда обвиненный проснулся, совершенно протрезвясь. Французы, подобно сему гулякѣ, полагали различіе между тѣмъ, чѣмъ они были прежде, и тѣмъ, чѣмъ они были тогда. Они, по словамъ ихъ, не были ужъ больше ни республиканцы, свершившіе столько свирѣпствъ въ своемъ отечествѣ, ни подданные Императора, произведшіе такія опустошенія въ другихъ земляхъ; и Богу не угодно, дабы проступки тѣхъ или другихъ падали на перерожденееся племя Роялистовъ-Французовъ, преданныхъ своимъ законнымъ Государямъ, вѣрныхъ своимъ Союзникамъ и желающихъ только внѣшняго мира и внутренняго спокойствія.

Этотъ образъ мыслей, вѣроятно нѣсколько времени искренній и поддерживаемый естественнымъ стараніемъ Монарха исходатайствовать сколь можно благопріятнѣйшія для своего Государства условія, былъ принимаемъ за наличную монету безъ строгаго разсмотрѣнія. Казалось, какъ будто бы Бонапарте, удалясь на островъ Ельбу, унесъ съ собою всѣ вины Французскаго народа, подобно очистительному козлу, котораго Еврейскій законъ повелѣлъ изгнать въ пустыню, обремененнаго всѣми грѣхами чадъ Израиля. Союзныя Державы, во всѣхъ своихъ поступкахъ съ Французами, показывали не только умѣренность, но даже тщательную разборчивость, похожую на романическое великодушіе. Онѣ, казалось, столько же старались скрыть свои побѣды, сколько Парижане усиливались утаить свои пораженія. Сокровища искусствъ, бывшія добычею, похищенною въ чуждыхъ странахъ и долженствовавшія по всей справедливости возвратиться къ своимъ прежнимъ владѣльцамъ, были оставлены Французскому народу, дабы удовлетворить тщеславію столицы. По уступчивости, еще болѣе пагубной и объявленной въ минуту такого великодушія, о коемъ мы выше упомянули, всѣ Французскіе военноплѣнные, не разбирая образа ихъ мыслей и участія, какое они могли принять въ будущихъ междоусобіяхъ, были воз-

вращены на родину. Это значило поступать съ Французскимъ народомъ такъ, какъ поступаютъ съ избалованнымъ ребенкомъ, давая эму въ руки ножъ, котораго онъ съ крикомъ проситъ. Пагубныя слѣдствія сей неумѣстной снисходительности въ скоромъ времени оказались.

Сенатъ Наполеона, призывая Бурбоновъ на престолъ, положилъ притомъ условія для народа и для самого себя. На счетъ первой статьи онъ издалъ указъ, «призывающій на престолъ Лудовика, Станислава Ксавье, брата послѣдняго Короля,» но съ тѣмъ условіемъ, что онъ приметъ Конституцію, Сенатомъ составленную. Къ этому, присвоенному, имъ себѣ праву предписать Конституцію и назначить Короля для народа, было присовокуплено еще другое постановленіе, объявляющее наслѣдственнымъ званіе Сенаторовъ и предоставляющее имъ и наслѣдникамъ ихъ навсегда чины, почести и содержаніе, которыми они пользовались при Наполеонѣ только пожизненно.

Король отказалъ признать право Сената, предписывать условія восшествія его на престолъ, принадлежащій ему по рожденію и на который онъ никогда не терялъ правъ своихъ, и присвоивать себѣ въ исключительную собственность мѣста и содержаніе, данныя Наполеономъ. И такъ, вступивъ на престолъ какъ законный, настоящій преемникъ того, который послѣдній носилъ корону, онъ издалъ свою собственную Конституціонную Хартію, какъ уступку, которой требовалъ духъ времени и отъ которой самъ онъ вовсе не желалъ уклониться.

Возникшія противъ сего поступка возраженія на дѣлѣ были не важны. Для Французскаго народа мало было нужды въ томъ, чтобы Конституція была предложена Королю народными представителями или дана имъ отъ Короля, лишь бы она содержала въ неизмѣнныхъ формахъ обезпеченіе народной независимости. Но если бъ Король призналъ себя избраннымъ отъ Сената, то это значило бы въ одно время признать всѣ прошедшія жестокости революціи и подтвердить покушенія къ новизнамъ, могущія впредь случиться; ибо тѣ, которые жалуютъ въ Короли и учреждаютъ власти, должны имѣть нераздѣльное съ симъ право свергать ихъ съ престола и отрѣшать ихъ. Не должно забывать, какъ поступилъ Британскій народъ въ великихъ политическихъ переворотахъ Возстановленія и Революціи, призвавъ въ томъ и въ другомъ случаѣ давлемое происхожденіемъ право наслѣдовать престолъ, упраздненный чрезъ умерщвленіе Карла I или чрезъ отреченіе Іакова II. Сверхъ того, можно замѣтить, что у всѣхъ нынѣшнихъ Европейскихъ народовъ Государь есть источникъ законодательства и правосудія; что законы объявляются и приговоры произносятся отъ Его имени, хотя, впрочемъ, онъ произвольно не перемѣняетъ ни тѣхъ, ни другихъ. И слѣдовательно хотя Французская Конституція была дана въ обыкновенномъ видѣ Королевской Хартіи, но Король не болѣе имѣлъ права

разрушать ее или дѣлать въ ней измѣненія, какъ Король Іоаннъ перемѣнять Большую Англійскую Хартію. Братъ Короля, при торжественномъ своемъ въѣздѣ въ Парижъ, обѣщалъ отъ его имени, что Лудовикъ принаетъ составленную Сенатомъ Конституцію. Обѣщаніе сіе было совершенно выполнено Хартію, и умные люди скорѣе бы позаботились о томъ, чтобы воспользоваться благодѣяніями, ею дарованными, чѣмъ со строгостью разбирать способъ, какъ она была дана.

Дѣйствительно, Лудовикъ принялъ для сего форму, не только наиболѣе сообразную съ древнимъ обычаемъ, но и такую, которую онъ считалъ наиболѣе способною удовлетворить и Роялистовъ и Республиканцевъ. Онъ восшелъ на престолъ по природному на оный праву; и возсѣвъ на него, охотно даровалъ народу въ неизмѣнномъ видѣ самыя существенныя основы свободной Конституціи. Но обѣ партіи скорѣе были недовольны тѣмъ, что онѣ считали потерянныя, чѣмъ радовались тому, что онѣ дѣйствительно чрезъ сіе распоряженіе выиграли. Роялисты считали Конституцію съ ея уступками добровольнымъ отреченіемъ отъ Королевскихъ правъ, между тѣмъ какъ Республиканцы кричали, что получить Хартію отъ Короля въ видѣ указа, его волею изданнаго, есть уже само по себѣ признакъ рабства; и что сіе же самое Королевское право, дарованнее эти преимущества, будучи однажды принято, можетъ удержать при себѣ власть измѣнить или уничтожить ихъ по своему произволу. Такимъ-то образомъ безуміе, духъ партій, гордость и страсти могутъ представлять въ дурномъ видѣ самыя мудрыя постановленія, и до такой степени отправлять всеобщее мнѣніе, что даже дарованіе преимуществъ, которыхъ всѣ желали, становится предметомъ новыхъ жалобъ.

Составленіе Министерства подало болѣе важный поводъ къ хулѣ и къ опасеніямъ. Разныя Государственныя званія, по возстановленіи Бурбоновъ, были оставлены тѣмъ, коихъ назначило Временное Правительство. Всѣ члены Временнаго Государственнаго Совѣта сдѣлались Королевскими Министрами. Большая часть изъ нихъ, хотя одаренные великими талантами, были составлены въ различныхъ переворотахъ Революціи люди, не имѣвшіе и не могшіе имѣть довѣренности Короля, которая бы простиралась далѣе отрасли управленія, имъ ввѣренной.

Талейранъ, Министръ Иностранныхъ Дѣлъ, котораго таланты и опытность могли бы дать ему право на званіе Перваго Министра, былъ не любимъ за его политическую перемѣнчивость; и чрезъ нѣсколько времени сочли болѣе приличнымъ отправить его на Вѣнскій Конгрессъ, дабы онъ могъ употребить дипломатическое свое искусство для устроенія внѣшнихъ сношеній Франціи съ прочими Европейскими Державами. Однако жъ отсутствіе сего отличнаго Государственнаго сановника много повредило дѣламъ Короля. Умѣнье его сохранить себѣ жизнь, почести, а часто и власть въ продолженіе такого множества Революціонныхъ пере-

воротовъ, показывало, по выраженію стараго Графа Пемброка, что столь гибкій человѣкъ созданъ изъ ивы, а не изъ дуба. Но, согласно съ мнѣніемъ умнѣйшихъ людей во Франціи, судя по времени, въ которомъ онъ жилъ, не слѣдовало осуждать преданность его къ разнымъ лицамъ и отложеніе отъ оныхъ, обращая вниманіе только вообще на поступки его и на правила, относительно къ выгодамъ Франціи. Справедливо сказано, что послѣ первыхъ погрѣшностей и броженія революціоннаго усердія, на этомъ основаніи объ немъ нельзя было заключить иначе, какъ благопріятнымъ образомъ. Совѣты, которые онъ давалъ Наполеону, какъ говорятъ, всѣ клонились ко благу народа, равно какъ и мѣры, предложенныя имъ Королю. Это большею частью было точно справедливо; но разсматривая постоянство правилъ Князя Беневентскаго, нельзя не вспомнить ту маркитантшу, которой добродѣтель состояла въ томъ, чтобы сохранять вѣрность солдатамъ Гренадерской роты.

Дюпонъ былъ сдѣланъ Военнымъ Министромъ, вѣроятно за гоненіе, которое онъ претерпѣлъ отъ Наполеона въ слѣдствіе сдачи его въ Байленѣ Испанцамъ. Сульта назначили потомъ въ сіе важное званіе; по чьему ходатайству, безполезно было бы разыскивать. Когда Бонапарте узналъ объ этомъ назначеніи отъ Англійскаго Уполномоченнаго, то онъ замѣтилъ, что выборъ сей хорошъ и благоразуменъ, если во Франціи не будетъ партіи *патріотовъ;* но ясно сказалъ, что если оная возникнетъ, то Бурбонамъ нельзя полагаться на вѣрность Сульта къ ихъ дѣлу; что̀ послѣдствія и доказали.

Неудобства такого управленія увеличились тѣмъ, что Лудовикъ XVIII имѣлъ любимца, хотя у него и не было Перваго Министра. Графъ Блакасъ д'Ольпъ, Министръ Двора, давнишній, довѣренный приверженецъ Короля во время его изгнанія, сдѣлался посредникомъ, чрезъ коего Королевскія приказанія сообщались другимъ Министрамъ; и покровительство его считалось самою вѣрною дверью къ милостямъ.

Не оказывая Государю своему услугъ Перваго Министра, и не имѣя ни власти, ни отвѣтственности сего званія, Графъ Блакасъ вполнѣ однако жъ возбудилъ къ себѣ ненависть, обыкновенно съ онымъ неразлучную. Роялисты, обращавшіеся къ нему съ просьбами по дѣламъ, принадлежащимъ къ вѣдомству другихъ Министровъ, негодовали, если онъ уклонялся за нихъ ходатайствовать, говоря, что, удовлетворивъ своему собственному честолюбію, онъ не заботится о выгодахъ тѣхъ, съ коими онъ вмѣстѣ страдалъ въ изгнаніи. Противная же партія называла Графа Блакаса самовластнымъ Министромъ и покровителемъ Эмигрантовъ, ревностнымъ Роялистомъ и, слѣдовательно, врагомъ всякихъ Конституціонныхъ постановленій въ пользу свободы. Достовѣрно, что нерасположеніе къ Г. Блакасу всѣхъ званій и всѣхъ партій въ Государствѣ произвело самое дурное вліяніе для дѣлъ Короля; и какъ милость, коею онъ пользовался, была приписана столь

же слѣпой, какъ упрямой привязанности со стороны Лудовика: то весьма естественно, что Монархъ раздѣлилъ общее нерасположеніе къ Министру Двора своего.

Мирныя условія, какъ уже сказано, были тщательно соображены такъ, чтобы сдѣлать ихъ удовлетворительными для Французскаго народа. Правда, что Франція была лишена того необъятнаго владычества, которое подвергало опасности независимость прочихъ Европейскихъ Государствъ; и говоря вообще, заключена въ предѣлы, которые она занимала съ 1 Января 1792 года. Но сіе приведено въ исполненіе не слишкомъ съ большою суровостью. Многія небольшія прибавки были оставлены ей въ Германіи и въ Нидерландахъ, а къ сторонѣ Савоіи значительные города: Шамбери, Анеси, Авиніонъ, съ Графствомъ Венесенъ и Монбеліардомъ, были включены въ ея предѣлы. Но эти уступки мало произвели впечатлѣнія; и глядя на потерянное, многіе Французы, забывъ отчасти ужасы войны, отъ коей они избавились, весьма естественно, хотя и неосновательно, были расположены къ ропоту за такое уменьшеніе земель ихъ, требуя, чтобы по крайней мѣрѣ хоть Бельгія была имъ оставлена. Это мнѣніе было подстрекаемо и распространяемо Бонапартистами, которые тѣмъ болѣе негодовали за уступку сей области, что, сколько было извѣстно, Англія въ особенности на счетъ сего настаивала.

Однако жъ если Англія поступила кичливо, то и не безъ великодушія. Ей нечего было требовать возврата, ибо она не лишилась никакихъ земель въ продолженіе всѣхъ военныхъ дѣйствій. Война, почти разорившая многія другія Государства, доставила Британіи владѣніе всѣми колоніями Франціи, не оставя послѣдней Державѣ ни одного корабля, ни одного порта въ Восточной и въ Западной Индіяхъ; и, словомъ сказать, вся соединенная Европа не въ состояніи была бы отнять у Англіи силою какое либо изъ завоеваній, такимъ образомъ ею сдѣланныхъ. Слѣдовательно, вопросъ состоялъ только въ томъ, что Британія добровольно уступитъ непріятелю, который ничего не могъ дать ей за то въ возмездіе, кромѣ обѣщанія принять впредь лучшія правила и не тревожить болѣе Европы. Число и цѣнность сихъ уступокъ доказали, что Англія очень далека отъ низкой и своекорыстной цѣли сдѣлаться единственною владычицею колоній, и отъ желанія уничтожить всякую возможность соперничества въ торговлѣ. Все было возвращено Франціи, кромѣ только Табаго и острова Маврикія.

Эти пожертвованія, ознаменованныя желаніемъ мира и умѣренностью, были не тщетно сдѣланы. Они возбудили признательность и уваженіе къ Британіи въ другихъ Державахъ, и показавъ съ ея стороны справедливость и безпристрастіе, составляющія лучшую силу народовъ, увеличили ея вліяніе и гораздо болѣе возвысили ее въ просвѣщенномъ свѣтѣ, чѣмъ она была бы, сохранивъ неоспориваемое владѣніе надъ всѣми полями хлопчатой бумаги и надъ всѣ-

ми сахарными островами Запада и Востока. Но для Франціи высокая степень, на которую стала Англія, не была побудительною причиною къ миру. Соперничество, столь давно уже называемое народнымъ и столь тщательно питаемое офиціяльными бумагами и политическими статьями, которыя были издаваемы съ дозволенія Наполеона, жило еще въ умахъ самыхъ великодушныхъ и почтенныхъ людей; и предразсудки имѣютъ такую силу при заключеніяхъ, дѣлаемыхъ страстями, что, ошибаясь въ обоюдныхъ народныхъ чувствахъ, многіе Французы готовы были вѣрить, что высота, до коей достигла Великобританія, была въ нѣкоторой степени обидою и униженіемъ для Франціи.

И дѣйствительно, все, что долженствовало бы успокоить и удовлетворить Французскій народъ, сдѣлалось, чрезъ подстреканія и чрезъ искусныя лжетолкованія, предметомъ жалобъ и неудовольствій.

Правленіе Наполеона было столь самовластно, сколько оно могло таковымъ сдѣлаться въ такой просвѣщенной землѣ, какъ Франція, гдѣ общественное мнѣніе не допускало еще довести оное до крайностей. Напротивъ того, чрезъ Хартію даровались Франціи начальныя основы свободной Конституціи. Король принялъ въ оной во всемъ, относящемся до народной независимости, статьи составленной Сенатомъ Конституціи, которую онъ въ цѣломъ отвергнулъ.

Палата Перовъ и Палата Депутатовъ были названія, данныя аристократической и народной отраслямъ правленія вмѣсто прежняго Сената и Законодательнаго Корпуса. Обязанности сихъ Палатъ раздѣлялись подобно тому, какъ въ Англіи въ Верхнемъ и въ Нижнемъ Парламентахъ. Независимость званія законовѣдцевъ была признана, а военнымъ утверждены чины ихъ и получаемое жалованье. Члены Палаты Перовъ назначались Королемъ, коему была предоставлена власть жаловать ихъ по смерть или наслѣдственно, по своему благоусмотрѣнію. Доходы уничтоженнаго Сената обращены въ казну, кромѣ конфискованныхъ имуществъ, отданныхъ опять законнымъ владѣльцамъ. Католическая вѣра объявлена господствующею; но всѣ прочія Христіанскія исповѣданія долженствовали пользоваться равнымъ съ оною покровительствомъ. Королю присвоивались совершенное начальство надъ войсками и исключительная власть заключать миръ и объявлять войну. Свобода книгопечатанія дана, но съ нѣкоторыми ограниченіями; Конскрипція уничтожена; на Министровъ возложена отвѣтственность; и можно сказать, что вообще Конституція, уже основанная на превосходныхъ началахъ, была способна къ принятію въ послѣдствіи всѣхъ улучшеній, которыхъ потребовали бы время и опытность. Хартія была представлена Законодательному Корпусу самимъ Королемъ, который произнесенною имъ рѣчью объявилъ, что правила, въ оной заключающіяся, суть тѣ же самыя, которыя изложены въ завѣщаніи его несчастнаго брата, Лудовика XVI.

Не взирая однако жъ на то, что

сею Хартіею добровольно уступалась большая часть Королевскихъ правъ, которыми пользовался древній родъ Бурбоновъ, и все, присвоенное Наполеономъ самовластіе, а мы видѣли, что она не понравилась дѣятельной и сильной въ Государствѣ партіи, которой не угодно было принять обезпеченіе собственности и свободы въ видѣ старинной Феодальной Хартіи, и по предположенію коей она долженствовала быть издана прямо отъ народа. Мы, не обинуясь, скажемъ, что это столь же было разсудительно, какъ поведеніе избалованнаго ребенка, который не беретъ того, что ему *даютъ*, потому, что ему не позволяли самому то взять; или какъ прихоть голоднаго человѣка, который бы отказался отъ обѣда по той причинѣ, что ему не понравилось блюдо, на которомъ ему оный поданъ.

Такова точка, съ которой должно смотрѣть на сей предметъ. Если Конституція содержала въ себѣ надлежащее обезпеченіе политической свободы, жизни и собственности; если она могла считаться твердымъ оплотомъ независимости Франціи, и такимъ постановленіемъ, которое конечно подлежало улучшеніямъ по обоюдному согласію Государя и законныхъ представителей народа, но не могло быть уничтожено ни которою изъ сихъ властей отдѣльно или совокупно: то какая нужда въ томъ, было ли сіе сдѣлано чрезъ Хартію, дарованную Королемъ, или чрезъ условія, предложенныя народомъ своему Государю. Но обративъ взоры на кратковременность существованія всѣхъ бывшихъ до сихъ поръ Французскихъ Конституцій, кромѣ той, коею Бонапарте поработилъ себѣ народъ, можетъ возникнуть вопросъ: которая изъ двухъ формъ, феодальная или революціонная, болѣе была способна къ измѣненіямъ? — или въ другихъ словахъ: кому удобнѣе будетъ нарушить принятыя теперь постановленія, Королю или сословію, представляющему собою народъ?

Принимая пагубное основаніе, что на сторона, отъ имени коей условія Конституціи изложены, имѣетъ право останавлять дѣйствія оныхъ, измѣнять ихъ и уничтожать, — здравая политика требовала, чтобы наружная власть даровать оныя была предоставлена той сторонѣ, въ коей менѣе можно было предполагать силы и воли къ перемѣнѣ или къ уничтоженію уступки, ею сдѣланной. Смотря съ этой точки, можно было предположить, что Король, — поддерживаемый только Роялистами, кои были не многочисленны, не пользовались народнымъ расположеніемъ, и въ настоящую минуту не имѣли въ своихъ рукахъ существенной власти надъ войсками, — не захочетъ подвергать опасности свое владычество чрезъ покушеніе перемѣнить что либо въ Хартіи, имъ самимъ народу дарованной. Напротивъ того, условія, составленныя и опредѣленныя Наполеоновымъ Сенатомъ, въ случаѣ воспріятія перевѣса народною партіею, могли бъ быть перемѣнены или уничтожены Палатами съ тѣмъ же легкомысліемъ и непостоянствомъ, которыя Французскій народъ или по крайней мѣрѣ представители онаго столь часто

обнаруживали. Слѣдовательно, для обезпеченія прочности Конституціи, лучше было, чтобы она произошла отъ стороны, имѣющей наиболѣе выгодъ сохранять оную и наименѣе возможности ее нарушать; а въ томъ положеніи, въ коемъ тогда находилась Франція, сею стороною неоспоримо былъ Государь. Въ Великобританіи прочность Конституціи обезпечивается наиболѣе тѣмъ, что Король есть источникъ всѣхъ законовъ, почестей и всей Министерской и исполнительной власти, и тѣмъ, что онъ отвѣтствуетъ предъ народомъ въ лицѣ своихъ Министровъ за употребленіе, изъ сей власти дѣлаемое. Всякое другое распоряженіе подвергло бы отрасли законодательства несогласіямъ и борьбѣ, коихъ по возможности не должно допускать.

Ревностные поборники свободы во Франціи рѣшились однако же возстать противъ имени, подъ которымъ имъ была дана свободная Конституція, и лучше призвать опять Наполеона, уничтожившаго даже тѣнь независимости, чѣмъ принять изъ рукъ миролюбиваго Монарха степень свободы, имъ даруемой. Послѣдствія покажутъ, какія они пріобрѣли чрезъ сіе выгоды.

Такимъ-то образомъ, пускаясь въ различные, противоположные толки о свойствахъ и о происхожденіи новой Конституціи, существовавшія во Франціи партіи считали оную скорѣе крѣпостью, которую слѣдовало осаждать и оборонять, чѣмъ храмомъ, предъ которымъ всѣмъ людямъ должно бы благоговѣть.

Французы въ эту эпоху могли быть раздѣлены на три отличительныя и дѣятельныя партіи: на Роялистовъ, на Либераловъ всѣхъ родовъ, полагая въ числѣ ихъ и Республиканцевъ; и на Бонапартистовъ. Мы должны сказать нѣсколько словъ о каждой изъ нихъ.

Роялисты, придавая мало существенной силы Королю числомъ своимъ, возбуждали много зависти знатнымъ своимъ происхожденіемъ и кичливыми своими притязаніями. Они запутывали дѣла его своимъ неблагоразумнымъ усердіемъ; тревожили его своими, впрочемъ справедливыми и естественными жалобами, и дѣлали его правленіе подозрительнымъ всякой разъ, какъ онъ старался чѣмъ либо услужить имъ и улучшить ихъ жребій. Они состояли большею частью изъ бывшихъ въ изгнаніи дворянъ и изъ духовенства.

Первое сословіе очень уменьшилось въ числѣ своемъ чрезъ войну и изгнаніе; такъ что въ Палатѣ Перовъ, состоявшей болѣе чѣмъ изо ста семидесяти членовъ, находилось только тридцать изъ стараго Французскаго дворянства. Остальные были счастливые Маршалы и Генералы, коимъ Революціонныя войны доставили чины и богатство, и государственные сановники, изъ коихъ многіе достигли сей степени возвышенія менѣе почетными средствами. Старинные дворяне, коихъ молодость миновалась, имѣнія уничтожились и твердость духа упала въ продолженіе времени, проведеннаго ими въ изгнаніи съ Бурбонами, видѣли возстановленіе Монархіи; но возвратясь сами во Францію, нашли помѣстья свои во владѣніи у другихъ,

а наслѣдственныя мѣста ихъ при особѣ Монарха заняпыми счастливыми сынами Революціи. Подобно Англійскимъ Всадникамъ (при возстановленіи на престолъ Карла II), они имѣли право пожаловаться на то, что хотя никто усерднѣе ихъ не желалъ возвращенія законнаго Государя, а никто не получилъ менѣе участія въ благахъ, оному сопутствовавшихъ. По естественному, хотя и несправедливому убѣжденію, бѣдствія, ими претерпѣнныя, дѣлали ихъ подозрительными всѣмъ прочимъ сословіямъ и партіямъ въ Государствѣ. Сопровождая Короля въ его изгнаніи, они были соединены съ нимъ узами дружбы и имѣли близкій къ нему доступъ по праву своего рожденія. Спрашивали, естественно ли было, чтобы Лудовикъ взиралъ на ихъ страданія, не стараясь помочь имъ? и могъ ли онъ сіе сдѣлать въ настоящемъ положеніи Франціи иначе, какъ къ ущербу тѣхъ, которые занимали или имѣли въ виду какое нибудь гражданское или военное мѣсто, или которые пріобрѣли въ продолженіе Революціи недвижимыя имѣнія, принадлежавшія нѣкогда симъ дворянамъ? Однако жъ страхи сіи основывались болѣе на подозрѣніяхъ, чѣмъ на дѣлѣ. О производствѣ Эмигрантовъ въ арміяхъ мы ниже упомянемъ, но по гражданской части очень немногіе изъ прежнихъ дворянъ получили мѣста. Примѣромъ тому можетъ служить то, что въ теченіе одиннадцати мѣсяцевъ тридцать семь Префектовъ были назначены въ Департаменты, между тѣмъ какъ въ спискѣ ихъ нѣтъ ни одного изъ Эмигрантовъ, возвратившихся во Францію съ Лудовикомъ, и очень малое число такихъ, коихъ изгнаніе кончилось прежде сей эпохи. Дворяне, огорчась симъ лишеніемъ Королевскихъ милостей, начали жаловаться и нѣкоторые столь неблагоразумно, что присоединили къ тому угрожающій намекъ, что день ихъ торжества можетъ наступить. Эти рѣчи и кичливый, надменный видъ ихъ, принимаемый ими для поддержанія знатности своего рода, которая одна только у нихъ и оставалась, были всѣми замѣчаемы, и послужили новымъ поводомъ къ упрекамъ противъ Короля.

Предполагали, что дворяне получаютъ особенныя милости отъ Принцевъ Крови, между тѣмъ какъ они болѣе были пренебрежены, чѣмъ отличены Лудовикомъ, который — какъ многіе изъ нихъ не обинулись говорили — держался невеликодушнаго правила, стараясь угодить врагамъ своимъ и пренебрегая тѣхъ, которые по своимъ понятіямъ не могли быть ничѣмъ иначе, какъ его друзьями. Можетъ статься, они не соображали всѣхъ затрудненій, представлявшихся Королю при управленіи Франціею въ столь критическое время.

Теперь должно разсмотрѣть положеніе духовенства. Говоря вообще, оно было искренно предано Королю; и если бы оно владѣло своими прежними имѣніями и пользовалось бы такимъ же вліяніемъ на духъ общественный, то преданность его могла бы принести ему великую пользу. Но безъ сего вліянія и безъ богатства, или по крайней мѣрѣ не будучи обезпечено своимъ состоя-

ніемъ, духовенство въ политическомъ отношеніи столько же было безполезно, какъ ключъ, который не отпираетъ замка, для коего онъ сдѣланъ. Такое положеніе вещей, по многимъ отношеніямъ несчастное, происходило отъ правила, принятаго во время Революціи и поддержаннаго Наполеономъ, который имѣлъ причины опасаться вліянія духовенства. «Мы не станемъ уничтожать духовнаго сословія силою,» говаривалъ онъ: «но заморимъ его голодомъ.» Въ слѣдствіе сего, всѣ дары и завѣщанія въ пользу Церкви были ограничены и обременены такими условіями и стѣсненіями, что этотъ способъ пріобрѣтенія, столь обильный въ Католическихъ земляхъ, почти прекратился; между тѣмъ какъ жалованье, даваемое отъ казны священникамъ, простиралось не свыше 500 франковъ въ годъ. Безъ сомнѣнія, всякому приходу дозволялось прибавлять что ему угодно къ сему ничтожному содержанію; но во Франціи, исключивъ тѣхъ, которые вовсе не заботятся о вѣрѣ, и тѣхъ, которыхъ усердіе къ оной не простирается до того, чтобы платить деньги, остается очень мало людей, готовыхъ на такія пожертвованія. Отъ сего произошло, что при возстановленіи Бурбоновъ, многіе приходы были, и нѣсколько лѣтъ оставались, безъ всякаго Богослуженія. Невѣжество до невѣроятной степени усилилось. «Мы извѣстились,» писалъ Бонапарте къ одному изъ своихъ Префектовъ: «что опасныя сочиненія распространяются въ вашемъ Департаментѣ.» — «Если бъ всѣ дороги были усѣяны ими,» отвѣтствовалъ сей сановникъ; «то Вашему Величеству нечего бы опасаться вліянія оныхъ; ибо у насъ нѣтъ человѣка, который бы сталъ и могъ читать ихъ.» — Если прибавить къ сему распутство нравовъ, стараніе, съ которымъ при началѣ Революціи искореняли всякое чувство вѣры, насмѣхаясь надъ тѣми, кто еще питалъ оную, — господство воинственнаго духа, столь сильное во Франціи и столь неблагопріятствующее набожности; наконецъ, если вспомнить, что всѣ церковныя сокровища достались мірянамъ, которые крѣпко ихъ держали и трепетали о томъ, чтобы оныя у нихъ не были исторгнуты: — то читатель изъ всѣхъ сихъ причинъ можетъ заключить, въ какомъ унизительномъ положеніи находились во Франціи вѣра и духовенство.

Усердіе, обнаруженное Королемъ и Королевскимъ Домомъ къ возстановленію обрядовъ Римской Церкви и къ учрежденію мѣстъ для воспитанія молодыхъ людей, назначаемыхъ въ духовное званіе, равно какъ другихъ духовныхъ заведеній, возбудило въ Парижанахъ чувство ненависти и презрѣнія. Должно также сознаться, что хотя побудительная причина была и весьма похвальна, а неблагоразумно было опять вводить въ народѣ всѣ излишніе обряды Папской вѣры, которые задолго еще до Революціи существовали только по причинѣ своей давности, и потеряли всякое вліяніе на духъ общественный.

Эти общія чувства были еще усилены частными обстоятельствами. Возникли бунты противъ исполненія

устава, недостойнаго Христіанскаго образованнаго общества, по которому всѣ актеры считались постоянно отлученными отъ Церкви. По случаю отказа въ погребеніи дѣвицы Рокуръ, актрисы благопристойнаго поведенія и доброй нравственности, возникъ родъ бунта, принудившій Правительство приказать похоронить ее съ обыкновенными обрядами.

Приказъ о строжайшемъ соблюденіи воскресныхъ дней, оправдываемый и вѣрою и нравственностью, также весьма огорчилъ обитателей столицы. Погребальный обрядъ, свершенный надъ смертными остатками Лудовика XVI и его супруги, при коемъ оные были перенесены изъ наскоро устроенной для нихъ могилы въ Королевскій мавзолей въ Сен-Дени, это дѣйствіе братской любви, согласное съ обрядами Католической Церкви, — также увеличило предубѣжденіе противъ Короля, какъ будто бы почестью, возданною имъ этимъ печальнымъ остаткамъ, онъ имѣлъ цѣль показать ненависть свою къ Революціи, и то, что онъ помнитъ обиды, ею нанесенныя. Нѣкоторыя почести и награды, дарованныя немногимъ, оставшимся въ живыхъ Вандейскимъ вождямъ, также подали поводъ къ неблагопріятнымъ толкамъ. Словомъ сказать, все, сдѣланное Лудовикомъ XVIII, что имѣло хоть малѣйшій видъ награды тѣмъ, которые за него пострадали, было сочтено вѣроломствомъ противъ свободы и противъ правилъ Революціи.

Ни одно изъ сихъ, приведенныхъ нами обстоятельствъ, не произвело однако жъ на духъ общественный такого впечатлѣнія, какъ страхъ, чтобы Лудовикъ, въ слѣдствіе уваженія своего къ вѣрѣ и къ духовенству, не вздумалъ возвратить Церковныя помѣстья. Сіи помѣстья, взятыя въ казну по декретамъ Народнаго Собранія, были теперь раздѣлены между множествомъ владѣльцевъ, которые съ внимательнымъ безпокойствомъ взирали на эти предварительныя мѣры, страшась, чтобы наконецъ не лишиться своихъ имуществъ. Неблагоразумные священники усиливали боязнь сію и недовѣрчивость, возставая съ каѳедры противъ владѣющихъ Церковными имѣніями и отказывая имъ въ отпущеніи грѣховъ, пока они не возвратятъ ихъ или не сдѣлаютъ за нихъ вознагражденія. Страхъ сей не ограничился одними только настоящими владѣльцами Церковныхъ имѣній; ибо если имъ угрожали потерею помѣстій, пріобрѣтенныхъ съ утвержденія существовавшаго тогда правительства, то весьма было вѣроятно, что возстановятъ тогда Церковное право на десятинный сборъ со всѣхъ земныхъ произведеній — что весьма близко касалось выгодъ всѣхъ помѣщиковъ и мызниковъ во Франціи.

Изъ всего сказаннаго нами очевидно, что Роялисты, какъ свѣтскаго, такъ и духовнаго званія, были столь мало способны оказать Королю, въ случаѣ борьбы, существенную помощь, что между тѣмъ какъ преданность ихъ и страданія долженствовали бы возбудить его къ нимъ расположеніе и привязанность, каждый знакъ сихъ чувствъ, имъ об-

наруженный, содѣйствовалъ къ тому, чтобы сдѣлать его правленіе болѣе подозрительнымъ и нелюбимымъ.

Между тѣмъ какъ Роялисты, окружая престолъ, болѣе вредили ему, чѣмъ его поддерживали, всѣ ошибки ихъ были тщательно замѣчаемы, разглашаемы и преувеличиваемы *Якобинскою* или, какъ она себя называла, *Патріотическою партіею.* Эта партія, не многочисленная, но страшная своею смѣлостью, своимъ согласіемъ и грознымъ воспоминаніемъ ея прежняго могущества и правилъ, состояла изъ отставныхъ Генераловъ, коихъ лавры увяли вмѣстѣ съ Республикою; изъ бывшихъ Министровъ и чиновниковъ, которые лишились мѣстъ своихъ и вліянія при паденіи Директоріи; изъ Литераторовъ, которые ласкали себя надеждою править Государствомъ чрезъ воззванія и журналы; и изъ философовъ, которые, въ тщеславныхъ и восторженныхъ своихъ понятіяхъ считали отвлеченныя мечты о недостижимой свободѣ и объ опасномъ равенствѣ драгоцѣннѣе цѣлаго океана крови и всѣхъ злодѣяній и бѣдствій, коихъ они уже стóили и могли опять стóить. Нельзя отвергнуть, что, разсуждая о правахъ человѣческаго рода и объ уставахъ общественныхъ, многіе изъ сихъ людей показали отличные таланты, и что они имѣли цѣлью поддержать всеобщую любовь къ свободѣ, показавъ начала, на коихъ любовь сія основывалась. Къ несчастію однако же, составленіе умозрительныхъ Конституцій отвлекло ихъ вниманіе отъ существенныхъ основъ Правительства, обративъ оное только на внѣшнія его формы, такъ что они, напримѣръ, предпочли Республику, въ коей временной Диктаторъ производилъ всякаго рода насильства, ограниченной Монархіи, обезпечивающей жизнь, особу и собственность гражданъ. Начальники сей партіи были надменные, неустрашимые люди, которые, испытавъ уже неоднократныя неудачи въ своихъ политическихъ предпріятіяхъ, тѣмъ не менѣе готовы были опять пуститься на оныя, нимало не колеблясь и съ такою же ложною надеждою на успѣхъ. Они никогда не довольствовались ничѣмъ, ими сдѣланнымъ; ибо нѣтъ границъ мечтамъ о совершенствѣ въ дѣлахъ человѣческихъ; почему они безпрестанно передѣлывали, какъ будто бы цѣль, при основаніи правительства, состояла въ томъ, чтобы оно безпрестанно было исправляемо. Опасности не устрашали мудрецовъ этой школы. Многіе изъ нихъ были коротко съ оными знакомы, и не боялись самыхъ отчаянныхъ революціонныхъ козней, совершенно зная пружины, приводившія ихъ въ движеніе; такъ что они готовы были опять приняться за свое опасное дѣло съ такою же малою предусмотрительностью, какъ работники на пороховой мельницѣ, которая на ихъ памяти уже десять разъ взлетала на воздухъ, погубивъ множество ихъ товарищей. Тщеславіе и себялюбіе были господствующими чувствами этихъ самозванцевъ - философовъ и дѣятельныхъ бунтовщиковъ. Тщеславіе убѣждало ихъ, что при ихъ искусствѣ сами они избѣгнутъ опасности, а себялюбіе отдаляло отъ

нихъ заботу о безопасности другихъ.

Во время владычества Наполеона, эта Якобинская партія была удерживаема его мощною рукою. Онъ по многимъ опытамъ зналъ безпокойныя, пронырливыя и опасныя свойства людей, ее составляющихъ. Они также вѣдали его силу и страшились средствъ, имъ употребляемыхъ. Возвращеніе Бурбоновъ оживило ихъ, какъ солнце оживляетъ замерзшую ехидну; но они показали только ненависть къ лучу, ихъ опогрѣвшему. Царствованіе Бурбоновъ и воспоминанія, съ онымъ неразлучныя, казались этимъ людямъ главною препоною ихъ любимой Революціи; и они со тщательною злобою разсматривали степень свободы, дарованную имъ Народною Хартіею, не съ тѣмъ, чтобы насладиться ею или защитить ее, но дабы воспользоваться оною для ниспроверженія престола и Конституціи.

Карно и Фуше, люди страшные и съ юныхъ лѣтъ своихъ поборники Революціи, были главными вождями сей дѣятельной партіи; и большая часть оставшихся въ живыхъ Республиканцевъ соединилась подъ ихъ предводительствомъ. Эти бунтовщики, сохранивъ еще нѣкоторое вліяніе на чернь, были увѣрены, что найдутъ средства усилить оное въ минуту народнаго возстанія. Чернь большихъ городовъ бываетъ часто наклонна къ демократическимъ и мятежнымъ чувствамъ; ибо для ея тщеславія лестно обѣщаемое ей господство надъ народомъ; бѣдность ея и развратъ соблазняются случаемъ пограбить, а принужденіе, налагаемое на нея законами и благоустройствомъ, она считаетъ всегданнимъ и коренным врагомъ своимъ. Къ этой-то развратной толпѣ, къ симъ-то пагубнымъ страстямъ, Революціонные химики всегда примѣняли свою опытную философію. Однако же съ нѣкотораго времени сношенія между зачинщиками Революціи и этими понятными ихъ учениками были почти совершенно прерваны. Бонапарте, какъ мы сказали, мощною рукою придавилъ этихъ распространителей ученія; между тѣмъ какъ блескъ побѣдъ его, щедроты и огромныя постройки, доставлявшія работу множеству людей, отняли у нихъ большую часть ихъ простонародныхъ сообщниковъ, которые, со свойственными имъ непостоянствомъ и легкомысліемъ, превратились въ приверженцевъ Императора, не потерлвъ однако же своей врожденной наклонности къ тому, чтобы при первомъ соблазнительномъ случаѣ опять сдѣлаться Якобинцами.

Партія Имперіялистовъ или *Бонапартистовъ*, если не считать войска, была неважна и малочисленна. Люди, у которыхъ Король отнялъ выгодныя мѣста, ими при Императорѣ занимаемыя, — царедворцы, Префекты и разные мелкіе чиновники, которые лишились средствъ къ существованію и ничего не предвидѣли для себя въ будущемъ, какъ недовольные, съ сожалѣніемъ обращали взоры свои къ острову Ельбѣ. Находившіеся въ близкихъ связяхъ съ Наполеоновымъ Домомъ, любимцы и Министры бывшаго Императора, гордясь пріобрѣтеннымъ ими богат-

ствомъ, и негодуя за ничтожность, въ которую привело ихъ возвращеніе Бурбоновъ, сообщали сей партіи дѣятельность, всегда производимую деньгами и навыкомъ къ политическимъ козням. Но настоящая и страшная сила Бонапартистовъ состояла въ привязанности войскъ къ бывшему вождю ихъ. Она была тѣмъ грознѣе, что время, обстоятельства и господствовавшій во Французскомъ народѣ воинственный духъ, превратили солдатъ изъ слугъ государства въ отдѣльное, разсуждающее сословіе, коего выгоды не имѣли ничего общаго съ выгодами народа, ибо военное ремесло внушаетъ людямъ склонность къ войнѣ, которая для всѣхъ прочихъ сословій въ Государствѣ, за исключеніемъ только самой арміи, можетъ считаться необходимымъ и неизбѣжнымъ зломъ, но никогда не доставляетъ собою существенной пользы.

Короля нельзя было обвинить въ томъ, что онъ не старался пріобрѣсть любовь, смягчить предразсудки и выполнить желанія арміи. Безпримѣрная затруднительность его положенія заставляла его склонять къ себѣ лестью, ласками и самыми неблагоразумными милостями ту часть своихъ подданныхъ, которая во всякомъ благоустроенномъ Государствѣ должна непремѣнно состоять въ строгой подчиненности. Онъ не забылъ ничего для удовлетворенія желаніямъ войскъ своихъ, и сдѣлалъ всѣ возможныя усилія, дабы привесть ихъ въ устройство, одѣть и снабдить лошадьми. Число ихъ увеличилось болѣе чѣмъ 150,000-ми воеиноплѣнныхъ, которые вообще были одушевлены желаніемъ отмстить за стыдъ и страданіе своего пораженія и плѣна, и которыхъ прибытіе очень содѣйствовало къ увеличенію какъ неудовольствій, такъ и силы Французской арміи.

Между тѣмъ какъ Король столь неудачно старался пріобрѣсть любовь солдатъ, онъ былъ гораздо счастливѣе въ преклоненіи къ себѣ Маршаловъ, коимъ онъ оказывалъ наивеличайшую благосклонность и уваженіе. Они были признательны за такое вниманіе, и какъ многіе изъ нихъ имѣли недавнія еще причины негодовать на Бонапарте, то можетъ статься, если бъ они пользовались надлежащею надъ войсками властью, что возникшія вскорѣ послѣ того въ Государствѣ волненія вовсе бы не произошли. Но Наполеонъ, держа отъ себя своихъ Маршаловъ въ томъ разстояніи, въ которомъ подданнымъ прилично быть отъ Государя, часто дружески обходился съ низшими офицерами и съ солдатами, стараясь быть у нихъ на глазахъ и обращать на себя лично ихъ вниманіе. Онъ хотѣлъ, чтобы Генералы его походили на рукоять меча, которая можетъ быть по произволу перемѣнена, между тѣмъ какъ армія составляла бы клинокъ, сохраняющій остроту свою, не взирая на сію перемѣну. Такимъ образомъ прямое, личное участіе, принимаемое солдатами въ Императорѣ, пересиливало въ умѣ ихъ привязанность къ его полководцамъ.

Безполезно объяснять причины, по которымъ Французская армія была такъ привязана къ Наполеону.

Нельзя предполагать, чтобы она забыла длинную цѣпь побѣдъ, одержанныхъ ею подъ его знаменами — имѣнія, дарованныя имъ ей въ чужихъ земляхъ и теперь отнятыя — и самовольный грабежъ, который былъ ей дозволяемъ въ безпрестанныхъ походахъ Императора. Теперь она полагала, что Король намѣревается уменьшить число ея, какъ только ему можно будетъ съ безопасностью сіе сдѣлать, и безпокоилась даже на счетъ своего существованія.

Но не однѣ только личныя выгоды были причиною неудовольствій арміи. Бонапарте внушилъ, такъ названное, чувство чести или, лучше сказать, тщеславіе военнаго могущества и народнаго возвышенія, всѣмъ сословіямъ своихъ подданныхъ и въ особенности сподвижникамъ своимъ на ратномъ полѣ. По ихъ мнѣнію, слава Франціи возсіяла съ Наполеономъ и съ нимъ же вмѣстѣ навѣки угасла, не чрезъ превосходство непріятельскихъ силъ, какъ они говорили, а чрезъ измѣну Мармонта и другихъ Генераловъ, которыхъ онъ удостоилъ своею довѣренностью. Это мнѣніе перешло изъ солдатскихъ рядовъ въ прочія сословія общества, которыя всѣ во Франціи весьма чувствительны къ тому, что они считаютъ народною славою, и отразилось опять въ войскѣ отголоскомъ изъ деревень, изъ мастерскихъ и съ фабрикъ. Всѣ начали сознаваться въ томъ, что они приняли Бурбоновъ изъ рукъ иноземныхъ побѣдителей, и что Король вступилъ на престолъ единственно потому, что Франція была завоевана, а Парижъ сдался. Они вспоминали, что по объявленію Союзниковъ, вмѣстѣ съ возстановленіемъ древняго Королевскаго Дома, Франція стѣснена въ свои прежнія границы; и что въ слѣдствіе сего, первымъ дѣйствіемъ Королевскаго брата, какъ Намѣстника Государства, была сдача болѣе чѣмъ пятидесяти заграничныхъ крѣпостей, которыя, по мнѣнію ихъ, содѣйствовали бы Наполеону къ возврату завоеваній, потерянныхъ имъ на время по судьбѣ и чрезъ измѣну. Послѣдній деньщикъ въ арміи обижался на свою долю народнымъ стыдомъ потери областей, на которыя Франція не имѣла другихъ правъ, кромѣ даваемыхъ завоеваніемъ. Надежда, что Правительство по крайней мѣрѣ постарается пріобрѣсть обратно Бельгію, столь приличную для Франціи и входившую, по ихъ мнѣнію, въ черту естественныхъ границъ ея, нѣсколько времени обуздывала сіи чувства; но когда ясно увидѣли, что Французское Правительство не намѣрено заводить никакой внѣшней войны, ни по этому, ни по какому либо другому поводу, то неудовольствіе арміи сдѣлалось всеобщимъ, и ее можно было считать готовою на всякое отчаянное дѣло.

Между войсками, бывшая Императорская Гвардія отличалась своею угрюмою враждою противъ новаго порядка вещей, и сочла себя оскорбленною тѣмъ, что охраненіе Королевской особы было ввѣрено избраннымъ изъ Роялистовъ тѣлохранителямъ. Армія также негодовала за слишкомъ щедрую раздачу ордена Почетнаго Легіона, какъ будто бы съ намѣреніемъ уронить цѣну онаго. Но производство въ чины

сдѣлалось главнымъ предметомъ неудовольствій. Король пожаловалъ Принцевъ Крови Генералъ-Полковниками; и армія вскорѣ увидѣла или вообразила себѣ, что подъ ихъ главнымъ начальствомъ, высшія званія въ войскѣ будутъ заняты Эмигрантами, коихъ военная служба считалась за все то время, пока они сопутствовали Королю въ изгнаніи. Такимъ образомъ возникло самое неприличное соперничество между тѣми, коихъ права основывались на усердной ихъ преданности къ Бурбонскому Дому, и тѣми, которые, состоя во Французской службѣ, противъ онаго воевали. Въ существѣ же, разстройство финансовъ и зависть Министровъ, изъ коихъ каждый хотѣлъ быть въ своемъ Департаментѣ полнымъ господиномъ, не оставили Королю другаго легчайшаго средства заплатить свои долги признательности и пристроить своихъ друзей и приверженцевъ, какъ давъ имъ мѣста въ арміи. Мѣра сія, хотя, можетъ статься, неизбѣжная, была бы весьма нежелательна. Старики, миновавшіе способный для службы возрастъ, и молодые люди, вовсе оной не знавшіе, въ слѣдствіе сихъ притязаній получили мѣста, которыя слѣдовало бы дать настоящимъ воинамъ, заслужившимъ оныя своими лаврами и ранами. Появленіе сихъ устарѣлыхъ Эмигрантовъ въ должностяхъ, не соотвѣтствующихъ ни лѣтамъ ихъ, ни недугамъ, породило презрѣніе и насмѣшки въ Наполеоновыхъ солдатахъ, между тѣмъ какъ патриційская кичливость и безразсудное тщеславіе молодыхъ дворянъ возбуждали ихъ негодованіе. Агенты и друзья Наполеона не допускали охладѣвать симъ страстямъ. «Роялисты противъ васъ въ заговорѣ,» безпрестанно твердили они полкамъ, въ которые опредѣлялись сіи новые офицеры; «Бурбоны не могутъ считать себя въ безопасности до тѣхъ поръ, пока тѣ, которые участвовали въ торжествахъ Наполеона, сохранятъ честь свою и существованіе. Надъ вами дѣлаютъ начальниками болтуновъ, которые никогда не обнажали меча въ бою и служили только въ эмигрантскихъ войскахъ Конде, между Шуанами и Вандейскими бунтовщиками. Чѣмъ вы обезпечены, что васъ вдругъ не исключатъ изъ службы? И если Правительство соединено съ вами лишь такими узами, которые по видимому столь легко разорвать, то почему вамъ должно считать болѣе неприкосновенными тѣ, которыми вы оному обязаны?» Такіе намеки и доводы поджигали предубѣжденія арміи; неудовольствіе распространилось въ рядахъ ея, и гораздо еще прежде смѣлой попытки Наполеона, прежніе его солдаты почти всѣ были готовы содѣйствовать его возвращенію.

Мы такимъ образомъ описали положеніе существовавшихъ во Франціи политическихъ партій; но, какъ обыкновенно водится, народъ вообще былъ равнодушенъ къ ихъ правиламъ до той минуты, когда поднималось волненіе. Партіи въ Государствѣ, относительно къ народу, суть то же, что вѣтры для океана. Тотъ, который пересиливаетъ, гонитъ предъ собою волны; на другой день вѣтръ перемѣ-

пяется и волны покорствуютъ другому вліянію. Народъ Французскій ненавидѣлъ Республиканцевъ и Якобинцевъ. Онъ слишкомъ помнилъ тиранскіе ужасы, произведенные этими политическими изувѣрами для того, чтобы взирать на нихъ иначе, какъ съ трепетомъ. Столь же мало былъ онъ расположенъ къ Бонапартистамъ; ибо онъ страшился безпокойнаго права человѣка, именемъ коего называлась сія партія, и зналъ, что пока онъ будетъ владѣть Франціею, война не прекратится. Его нельзя было назвать Роялистами, ибо для многихъ имя Бурбоновъ потеряло свою прелесть; и имущество, благосостояніе великаго числа жителей было такъ тѣсно связано съ дѣйствіями Революціи, что мало существовало желающихъ возстановленія Монархіи на ея прежнемъ основаніи.

Вообще этотъ классъ Французовъ, коихъ можно назвать Умѣренными или Конституціонистами, и который заключалъ въ себѣ великое число помѣщиковъ, достаточныхъ, воспитанныхъ людей, надѣялся добра отъ царствованія Короля. Здравый умъ его, человѣколюбіе, правосудіе, умѣренность и другія драгоцѣнныя качества внушали имъ къ нему уваженіе, и они полагали, что возстановленіе его обезпечитъ долговременный миръ съ прочими Европейскими Державами. Но они боялись и хотѣли избѣгнуть противореволюціоннаго дѣйствія, какъ сіе тогда называлось, и которое было почитаемо цѣлью Принцевъ Крови, дворянства и духовенства. Имущество великаго числа Умѣренныхъ состояло въ пріобрѣтенныхъ ими народныхъ недвижимыхъ имѣніяхъ, и они съ сомнѣніемъ и боязнью наблюдали за каждымъ шагомъ, который возвращавшіеся во Францію Эмигранты и духовные, казалось, расположены были сдѣлать для вступленія въ прежнія права свои.

Сего-то особенно опасалась партія Умѣренныхъ, и происшедшій въ Палатѣ Депутатовъ случай озарилъ яркимъ свѣтомъ состояніе общественнаго духа. Посему мы должны обратить туда вниманіе читателя.

Маловажная ссора на счетъ первенства произошла въ Дюрнакской церкви, между помѣщиковъ того прихода и областнымъ Меромъ. Меръ представилъ дѣло сіе Палатѣ Депутатовъ, горько жалуясь на все сословіе Эмигрантовъ, которыхъ онъ обвинялъ въ томъ, что они хотятъ первенствовать надъ мѣстными властями и поступать съ Франціею, какъ съ завоеванною землею. Палата 20 Ноября 1814 года объявила жалобу сію клеветою, а предметъ ссоры незаслуживающимъ ея вниманія. Но это дѣло возбудило подозрѣнія, что существуетъ глухой, тайный умыселъ, коего цѣль состоитъ въ томъ, чтобы посѣять сѣмя раздора и безпокойства между гражданами и возбудить несовмѣстныя съ законами притязанія. «Необходимо,» сказалъ членъ, о семъ разсуждавшій: «убѣдить всѣ сословія Французовъ въ великой истинѣ, что нѣтъ иной безопасности для Франціи, для Короля и для членовъ общества, какъ въ ненарушимомъ поддержаніи правилъ Конституціи

на которыхъ основаны законы всеобщаго покровительства.»

Притязанія Эмигрантовъ, о возвратѣ имъ взятыхъ у нихъ въ казну имѣній, были въ существѣ своемъ столько же справедливы и законны, какъ притязанія Короля на престолъ. Но политическія послѣдствія сего возврата были бы таковы, что всякое общее покушеніе къ исполненію сей мѣры произвело бы конечно междоусобную брань, которая вѣроятно окончилась бы вторичнымъ изгнаніемъ Королевской фамиліи и ея приверженцевъ. Въ этомъ затрудненіи Правительство, кажется, всячески старалось найти какое нибудь средство помочь Эмигрантамъ, не нарушая статьи Хартіи, утверждающей продажу недвижимыхъ имѣній. Г. Ферранъ сдѣлалъ въ Палатѣ Депутатовъ предложеніе о возвратѣ Эмигрантамъ тѣхъ имѣній, которыя остались еще не проданными. Но принятіе сего предложенія подало бы поводъ къ отысканію правъ своихъ гораздо многочисленнѣйшему классу людей, которыхъ имѣнія, взятыя въ казну, были проданы лицамъ, за коими оныя утверждались Хартіею. Если эти помѣщики не могли по закону вступить обратно во владѣніе своими имѣніями, какъ сіе предлагалось для нихъ, болѣе счастливыхъ собратій, то они по крайней мѣрѣ имѣли право получить взятыя за ихъ имѣнія казною деньги.

Противъ сихъ предложеній возсталъ Г. Дюрбакъ, обвинившій Феррана въ пагубномъ умыслѣ выставить затруднительный вопросъ о недвижимыхъ имѣніяхъ. «Уже,» продолжалъ ораторъ: «слова Министра раздались на концахъ Государства подобно предшествующимъ бурѣ громовымъ ударамъ. Дѣйствіе, ими произведенное, было столь быстро и столь всеобще, что всѣ гражданскія дѣла вдругъ остановились. Всеобщая недовѣрчивость и чрезмѣрный страхъ произвели задержку, коей послѣдствія ощутились даже въ Государственномъ Казначействѣ. Владѣльцы купленныхъ у казны имѣній не могутъ ни продавать, ни закладывать своихъ помѣстій. Они вдругъ повержены въ нищету изъ лона изобилія. Отъ чего же произошло сіе бѣдствіе? Причиною онаго есть сдѣланное Министромъ объявленіе, что имѣнія, которыми они владѣютъ, не законно принадлежатъ имъ; ибо таково есть въ существѣ слѣдствіе его предложенія о признаніи закономъ Эмигрантскихъ правъ.»

Знаменитый Маршалъ Макдональдъ, другъ Монархіи и свободы, Франціи и Бурбоновъ, вздумалъ было сочинить планъ удовлетворенія Эмигрантовъ, сколько сіе позволяло положеніе Государства; сдѣлавъ въ то же время нѣкоторое вознагражденіе за пансіоны, назначенные Наполеономъ его заслуженнымъ воинамъ и платимые въ продолженіе его царствованія съ земель, лежащихъ внѣ границъ Франціи до отступленія изъ Москвы, послѣ чего оные совершенно прекратились. Составленное Маршаломъ обозрѣніе о продажѣ народныхъ недвижимыхъ имѣній показываетъ, сколь ужасенъ долженствовалъ бы быть ударъ, имѣющій уничтожить сію огромную передачу имѣній, поелику число

лицъ, прямо или косвенно участвовавшихъ въ сихъ имѣніяхъ, простиралось до девяти или до десяти милліоновъ. «Тщетны были бы обыкновенныя усилія,» сказалъ Маршалъ: «противъ сего колосса, котораго высота неизмѣрима для глаза; но мудрость Короля предвидѣла сію опасность даже въ пользу тѣхъ, которые имѣли неосторожность оной подвергнуться.» Онъ съ большимъ краснорѣчіемъ превознесъ похвалами поступки Эмигрантовъ, изъявилъ свое уваженіе къ ихъ особамъ, состраданіе къ ихъ бѣдствіямъ, отдалъ честь ихъ преданности и замѣтилъ, что существованіе сихъ прежнихъ владѣльцевъ, имѣющихъ права на помѣстья, пріобрѣтенныя другими, ничѣмъ не обезпечено. Въ слѣдствіе сего онъ предложилъ, чтобы Государство удовлетворило правамъ сихъ несчастныхъ владѣльцевъ, если не вполнѣ, то по крайней мѣрѣ на такомъ основаніи, на которомъ были удовлетворены другія государственныя обязательства. Онъ расчитывалъ, что двѣнадцати милліоновъ ливровъ ежегодно будетъ достаточно для удовлетворенія требованій всѣхъ Эмигрантовъ. Потомъ онъ изобразилъ картину нищеты заслуженныхъ воиновъ, которая происходила отъ прекращенія выдачи пансіоновъ, купленныхъ ими цѣною своей крови въ тысячѣ битвахъ. Еще трехъ милліоновъ ливровъ въ годъ считалъ онъ достаточнымъ для уплаты сего священнаго долга.

Планъ Маршала Макдональда дышалъ мудростью, благородствомъ и великодушіемъ; и если бъ была возможность привесть оный въ исполненіе, то онъ успокоилъ бы большую часть страховъ и опасеній владѣльцевъ недвижимыхъ имѣній, показавъ безпристрастіе къ пристрастіямъ Эмигрантовъ и армій, и удовлетворивъ тѣ и другія. По несчастію, въ деньгахъ оказался недостатокъ, и Королевское Правительство не только не могло сдѣлать новаго расхода по пятнадцати милліоновъ въ годъ, но и не въ состояніи было удовлетворить разнымъ другимъ требованіямъ, не прибѣгая къ притѣснительнымъ налогамъ.

Дѣйствительно, разстройство въ финансахъ и налоги были причинами почти всѣхъ революцій у просвѣщенныхъ народовъ; и трудно рѣшить, какъ долго притѣсненіе можетъ быть переносимо, пока оно щадитъ копельки частныхъ лицъ, и сколь мало нужно времени для того, чтобы нѣсколько усиленный налогъ, хотя даже и необходимый, произвелъ возмущеніе. Безъ тягостныхъ податей, коими Испанцы обременили Голландцевъ, послѣдніе врядъ ли бы противъ нихъ взбунтовались; налоги возмутили Швейцарцевъ противъ Австрійцевъ; если бъ не законъ о штемпеляхъ, то Американская революція могла бы долго замедлиться; и если бъ не разстройство Французскихъ финансовъ, то Лудовикъ XVI никогда бы не имѣлъ нужды созывать Народное Собраніе. Франція была теперь вновь волнуема однимъ изъ тѣхъ лихорадочныхъ припадковъ, которые возникаютъ при опасеніяхъ подданныхъ о своемъ имуществѣ.

Докладъ о состояніи Государ-

ственныхъ финансовъ, сдѣланный Аббатомъ Монтескіу, представилъ странное доказательство лживой политики Наполеона. Ежегодные отчеты о доходахъ и расходахъ Государства были своевременно объявляемы съ тѣхъ поръ, какъ онъ взялъ бразды правленія, и поелику они, какъ казалось, состояли въ равновѣсіи, то можно было надѣяться, что сборъ государственныхъ доходовъ предупредитъ всякаго рода недочеты. Но въ существѣ, великое число чрезвычайныхъ расходовъ было скрыто отъ глазъ публики, между тѣмъ какъ съ другой стороны, сумма сборовъ была преувеличена. Такимъ образомъ двѣ росписи 1812 и 1813 годовъ, при тщательномъ ихъ разсмотрѣніи, представляли недостатокъ, превышающій триста двѣнадцать милліоновъ франковъ. Бонапарте зналъ сіе, но скрывалъ отъ народа, въ надеждѣ пополнить сей недостатокъ, какъ онъ дѣлывалъ во времена болѣе счастливыя, податьми съ чужихъ земель; а между тѣмъ въ счетъ того забиралъ изъ другихъ суммъ; подобно какъ невѣрный бухгалтеръ сводитъ счеты, чтобы провести своего хозяина, и прикрываетъ обманъ свой проворствомъ въ переставленіи цифръ. Вообще долги Франціи, въ продолженіе тринадцати лѣтъ, казалось, возросли до 1,645,469,000 франковъ.

Эти затрудненія въ финансахъ не соотвѣтствовали несчастному и слишкомъ поспѣшно сдѣланному обѣщанію Королевскаго Брата, что тягостная пошлина, извѣстная подъ именемъ Соединенныхъ - Податей (Droits réunis), будетъ уничтожена; онъ далъ сіе обѣщаніе тотчасъ по прибытіи своемъ во Францію, когда, колеблемый между страхомъ и надеждою, онъ старался всѣми возможными средствами пріобрѣсть приверженцевъ Королевскому дѣлу. Съ другой стороны и самъ Король, вступивъ на престолъ, обязался, можетъ быть слишкомъ необдуманно, удовлетворить всѣмъ обязательствамъ, сдѣланнымъ въ предшествовавшее царствованіе. Исполнить сіи два обѣщанія, была вещь невозможная; ибо безъ сихъ тягостныхъ и ненавистныхъ податей, казна не имѣла средствъ выплатить Государственный долгъ. Тщетно былъ предложенъ Жалабертомъ планъ замѣнить утѣснительный налогъ сей пошлиною на вино; предложеніе его было внесено въ Комитетъ Палаты Депутатовъ; но кажется, что замѣнъ сей найденъ невозможнымъ. Лудовикъ весьма естественно замѣнилъ обѣщаніе его брата своимъ, болѣе обдуманнымъ обязательствомъ. Но тѣмъ не менѣе справедливо, что чрезъ продолженіе сбора Соединенныхъ-Пошлинъ, многіе люди, не имѣвшіе другихъ причинъ возставать противъ Королевскаго правленія, сочли себя въ правѣ обвинять Короля въ нарушеніи даннаго имъ своимъ подданнымъ слова, не внимая тому, что можно было сказать въ его защиту по такому дѣлу, гдѣ немногіе способны къ убѣжденію въ противность ихъ собственнымъ выгодамъ.

Была еще другая причина къ страху и къ опасеніямъ, вооружавшая не однихъ только тѣхъ, которые

желали Революціи или думали только о своихъ выгодахъ, но и другихъ, которые, будучи пламенно привязаны къ благоденствію Франціи, желали подъ скипетромъ законнаго Монарха пользоваться народною независимостью. Они, къ несчастію, увидѣли сдѣланное на сію независимость посягательство чрезъ ограниченіе свободы книгопечатанія.

Бонапарте, по системѣ своего управленія, держалъ въ желѣзныхъ рукахъ это могущественное орудіе, очень хорошо зная, что его притѣснительное самовластіе не удержалось бы и шести мѣсяцевъ, если бъ дѣла его были выставляемы на общенародный судъ и если бъ на доводы его можно было писать возраженія и опроверженія. По снятіи Бурбонами цѣпи, коею оковывалась свобода книгопечатанія, духъ литературныхъ и политическихъ преній сорвался съ оной съ такимъ адскимъ нахальствомъ, что изумилъ и устрашилъ тѣхъ, которые выпустили его изъ заключенія. Тма жестокихъ ругательствъ, изрыгнутыхъ противъ Бурбоновъ, доказала, что сочинители оныхъ знаютъ искусство проклинать. Для обузданія сего браннаго духа, 4 Іюля 1814 года было сдѣлано предложеніе, подчинять цензурѣ сочиненія, заключающія въ себѣ менѣе извѣстнаго числа страницъ, и отдать подъ надзоръ Правительства газеты и журналы.

Объ этомъ важномъ предметѣ было разсуждаемо въ Палатѣ Депутатовъ съ большимъ мужествомъ и искусствомъ. Должно сознаться, поелику нѣтъ добра безъ примѣси зла, что неограниченная свобода книгопечатанія влечетъ за собою очевидныя неудобства, которыя, если народъ находится въ раздражительномъ состояніи, дѣлаютъ употребленіе оной чрезвычайно опаснымъ. Это въ особенности случается тогда, какъ народъ, подобно какъ въ то время Французы, вдругъ получаетъ независимость и, подобно закусившему удила молодому коню, готовъ сдѣлать самое безразсудное употребленіе изъ свободы. Когда умы не приготовлены еще къ разсужденіямъ, когда они напитаны ложными политическими понятіями, причинившими свѣту гораздо болѣе зла, чѣмъ могло бы сдѣлать совершенное невѣжество, и когда они способны покориться руководству всякаго сочинителя, угождающаго господствующимъ въ нихъ страстямъ, подобно какъ рѣчи народныхъ ораторовъ льстили Аѳинянамъ, — то, по мнѣнію многихъ Государственныхъ людей, отнятіе у такого народа свободы книгопечатанія есть такая мѣра, которая оправдывается и разсудкомъ и необходимостью. Должно, говорятъ они, соразмѣрять свободу со способностью оною пользоваться. Смирному и разсудительному человѣку позволяютъ безъ надзора гулять и даже даютъ ему, въ случаѣ нужды, оружіе; но дѣтей удерживаютъ помочами, буяна обезоруживаютъ, а бѣшенаго сажаютъ на цѣпь. Для чего же — спрашиваютъ они — народу, одержимому горячкою, оказывать снисходительность, которая непремѣнно должна усилить его

недугъ? При такихъ обстоятельствахъ и въ настоящемъ положеніи Франціи, всѣ болѣе ощутили сожалѣнія, чѣмъ удивились тому, что Министры Лудовика XVIII вознамѣрились ограничить свободу книгопечатанія и подчинить цензурѣ народное просвѣщеніе.

Но самая побѣда, ими посему одержанная, была пагубна для Правительства. Отъ исполненія сего закона подъ разными предлогами уклонялись; сочиненія, которыхъ распространенію хотѣли воспрепятствовать, стали считать болѣе важными и начали усерднѣе ихъ отыскивать, потому именно, что они были запрещены; и мѣра сія заставила многихъ людей, безъ сего благопріятствовавшихъ Дому Бурбоновъ, ощутить недовѣрчивость къ намѣреніямъ ихъ на счетъ народной свободы.

Такимъ образомъ, раздѣленная на партіи, угнетаемая налогами, волнуемая темными, таинственными страхами, составляющими тѣмъ опаснѣйшій предметъ неудовольствія, что его нельзя ни объяснить, ни опровергнуть, Франція была наполнена горючими веществами, и слѣдующая глава покажетъ, что не было недостатка въ искрѣ для воспламененія оныхъ.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

—

Меморія Карно о положеніи общественныхъ дѣлъ. — Фуше, не успѣвъ войти къ Королю въ милость, переходитъ къ Якобинцамъ. — Разные замыслы сей партіи, которая наконецъ соединяется съ Бонапартистами. — Начало дѣятельныхъ козней. — Вѣнскій Конгрессъ. — Мюратъ, устрашенный дѣйствіями онаго, входитъ въ сношенія съ Наполеономъ. — Планы заговорщиковъ. — Бонапарте уходитъ съ Ельбы. — Пристаетъ въ Каннѣ и идетъ во Францію. — Въ Греноблѣ присоединяются къ нему 5000 человѣкъ войска. — Остановясь въ Лионѣ, онъ учреждаетъ Министерство и издаетъ многіе указы. — Страхъ Королевскаго Правительства. — Происки Фуше. — Измѣна Нея. — Возмущеніе арміи Бурбоновъ въ Мелёнѣ. — Король оставляетъ Парижъ, а Бонапарте туда пріѣзжаетъ. — Пріемъ, ему сдѣланный.

—

Мы неоднократно упоминали въ этой Исторіи о Карно, какъ о товарищѣ и о сообщникѣ Робеспьера въ продолженіе всего Владычества Ужаса. Приверженцы его утверждаютъ, будто бы, принявъ на себя только управленіе войною съ чужеземцами, онъ предоставилъ своимъ товарищамъ въ Комитетѣ Общественнаго Благосостоянія исключительное попеченіе о тѣхъ мѣрахъ, коихъ ужасовъ никакой человѣческій языкъ не можетъ удовлетворительно выразить, но посредствомъ коихъ они достигли власти и удержали оную. По показанію сихъ снисходительныхъ защитниковъ, герой ихъ прешелъ все царствованіе Ужаса, не запятнавъ себя ни одною каплею крови, подобно какъ Арешуза мчала струи свои чрезъ Океанъ, не смѣшиваясь съ его волнами! Многіе изъ читателей столь же легко повѣрятъ древнему чуду, какъ и новѣйшему. Однако жъ Карно имѣлъ довольно твердости духа для того, чтобы воспротивиться покушенію Наполеона захватить престолъ, и оставался въ неизвѣстности до 1814 года, т. е. до тѣхъ поръ, пока онъ былъ употребленъ, какъ Инженеръ, для защиты Антверпена. Очень поздно и неохотно изъявивъ согласіе на возстановленіе Бурбоновъ, онъ былъ утвержденъ въ званіи своемъ Генералъ-Инспектора Инженеровъ. Но это не воспрепятствовало ему принимать дѣятельнѣйшее участіе въ заговорѣ о низверженіи Монарха, которому онъ присягнулъ въ вѣрности, и который далъ ему чинъ и содержаніе.

Карно изъявилъ свое мнѣніе о дѣлахъ общественныхъ изданною въ Сентябрѣ мѣсяцѣ 1814 года мемо-

ріею, которая была вмѣстѣ и похвалою Якобинской партіи, и явнымъ нападеніемъ на царствующую династію. Мы непремѣнно должны съ подробностью разсмотрѣть документъ сей, ибо въ немъ обнаружены причины, по коимъ авторъ онаго и съ нимъ вмѣстѣ тысячи другихъ людей, въ забошливой попечительности своей о пользахъ свободы Франціи, думали, что пользы сіи будутъ лучше обезпечены преломленіемъ скипетра миролюбиваго, хотя нѣсколько и слабаго Монарха, коего царствованіе текло въ мирѣ и спокойствіи, и призывомъ вновь на престолъ самовластнаго Государя, который управлялъ державою по военнымъ уставамъ и котораго первый шагъ къ трону долженствовалъ ознаменоваться войною со всею Европою.

Въ этомъ странномъ и слишкомъ хорошо подѣйствовавшемъ сочиненіи, всѣ ошибки, сдѣланныя членами возстановленнаго Дома, были преувеличены; и всѣ они, равно какъ приверженные къ нимъ вельможи, подъ легкою завѣсою мнимаго къ Королю уваженія, выставлены безумцами, неумѣвшими управлять Франціею, и предателями, замышлявшими ея погибель. Умерщвленіе Лудовика XVI, съ насмѣшкою столь же язвительною, какъ и несправедливою, представлено происшедшимъ не отъ насильства и жестокости его гонителей, а отъ трусости его вельможъ, которые сперва возбудили негодованіе народа, а потомъ убѣжали изъ Королевства, тогда какъ имъ слѣдовало бы собраться вокругъ своего Государя, если бъ они были ему преданы. Рѣчь сія въ устахъ цареубійцы походитъ на то, какъ если бъ разбойникъ сталъ приписывать убійство не своему преступному насилію, а трусости слугъ умерщвленнаго, которые были бы должны оному воспротивиться. Притомъ же никто не зналъ лучше Карно, посредствомъ какихъ хитростей Лудовикъ XVI былъ постепенно доведенъ до устраненія всѣхъ оборонительныхъ способовъ, доставляемыхъ ему его положеніемъ, и до того, чтобы предаться правдолюбію и вѣрноподданнической присягѣ тѣхъ, которые осудили его на смерть. Столь же странны, какъ и неубѣдительны были примѣры и доводы, приведенные Карно для оправданія его обвиненія.

Ничего столь нелѣпаго не было еще написано со времени закрытія Якобинскаго клуба; но цѣлью Карно было не то, чтобы извинять преступленіе (которое онъ вѣроятно предпочелъ бы превозносить похвалами), а то, чтобы выходками своего краснорѣчія и силою вліянія своего на духъ общественный, возбудить ярость прочихъ партій противъ Бурбоновъ и ихъ приверженцевъ. Онъ обвинялъ Короля въ неблагодарности къ народному призыву (котораго онъ конечно никогда бы не услыхалъ безъ пушекъ Союзниковъ), — въ наименованіи себя Королемъ Божіею милостью, — въ отдачѣ Бельгіи тогда, какъ Карно былъ Губернаторомъ Антверпена, — въ предпочтеніи Шуановъ, Вандейцевъ, Эмигрантовъ, Казаковъ и Англичанъ воинамъ, коихъ побѣды дер-

жали его въ изгнаніи, и только въ слѣдствіе разбитія коихъ онъ получилъ обратно престолъ своихъ предковъ. Эмигранты представлены имъ отчаянною, но презрительною шайкою. Словомъ сказать, авторъ явно обнаруживалъ, какіе люди тутъ дѣйствуютъ и какая цѣль ихъ замысловъ. Вся сія бумага была написана въ видѣ воззванія къ Французскому народу, глухо, но ясно возвѣщая существованіе грознаго заговора; правила, по коимъ члены его дѣйствовали, и причины, по которымъ они надѣялись успѣха онаго.

Самъ Карно говорилъ, будто бы это сочиненіе предназначалось имъ только для искреннихъ друзей его. Но оно не произвело бы ожидаемаго отъ него дѣйствія, если бъ оно не было напечатано и распространено въ народѣ съ необычайнымъ стараніемъ. Небольшія телѣжки развозили по бульварамъ экземпляры онаго для продажи народу, дабы избѣгнуть наказанія, коему бы подверглись книгопродавцы, торговавшіе такимъ возмутительнымъ сочиненіемъ. Не взирая на сію уловку, Правительство хотѣло было взыскать съ издателей и разнощиковъ сей книжки; но уголовный судъ не утвердилъ обвинительнаго опредѣленія, и эта неудача еще болѣе ободрила Якобинскую партію. Мѣры, принятыя Министрами, дабы запретить сіе сочиненіе, больше раздражили, чѣмъ испугали тѣхъ, которые принимали въ немъ участіе. По мнѣнію ихъ, мѣры сіи показывали трусость и мстительность, ибо нападали на низшихъ участниковъ сего, между тѣмъ какъ Министры не смѣли потребовать къ суду сочинителя. Справедливость сего разсужденія была неоспорима; ибо принятыя по сему мѣры клонились къ тому, чтобы стѣснить свободу книгопечатанія, вмѣсто того, чтобы явно, открыто наказать тѣхъ, которые употребляли оную во зло.

Жить посреди такихъ многосложныхъ политическихъ козней, не принимая въ нихъ участія, было бы для Фуше почти также невозможно, какъ искрамъ не разлетаться. Положеніе, въ которомъ онъ находился, не благопріятствовало однако жъ ролѣ, которую онъ бы желалъ играть. Содѣйствовавъ Наполеону къ низверженію Директоровъ, онъ долго умышлялъ, какъ бы свергнуть самого Бонапарте и учредить вмѣсто его Регентство или какое либо другое Правительство, при которомъ онъ бы могъ сдѣлаться Первымъ Министромъ. Чрезъ эти замыслы онъ неоднократно подвергалъ опасности жизнь свою, и очень былъ радъ, что ему удалось отдѣлаться почетною ссылкою. Мы уже сказали, что онъ потерялъ самый благопріятный случай извлечь пользу изъ своихъ политическихъ талантовъ, не находясь въ Парижѣ, тогда какъ оный былъ взятъ Союзниками. Фуше однако жъ старался обратить на себя вниманіе возстановленнаго Монарха и войти къ Лудовику въ милость. Когда сей знаменитый поборникъ Революціи въ первый разъ явился при Дворѣ, то насмѣшливая улыбка показалась на устахъ Роялистовъ, тамъ собранныхъ; воспользовавшись симъ случаемъ, онъ далъ имъ урокъ, до-

казавшій, что Министръ Полиціи, даже и лишившійся своего мѣста, не такой человѣкъ, надъ которымъ можно бы издѣваться. «Вы, сударь,» сказалъ онъ одному царедворцу: «кажется, очень гордитесь лиліею, васъ украшающею. А помните ли вы рѣчи, которыя вы говорили о Бурбонахъ въ такомъ-то обществѣ? — А вы, сударыня,» продолжалъ онъ, обращаясь къ одной госпожѣ: «вы, получившія отъ меня отправленіе въ Англію, можетъ быть, довольны будете, вспомнивъ о томъ, что произошло между нами, касательно Лудовика XVIII?» Совѣсть не дозволила насмѣшникамъ отвѣтствовать, и Фуше былъ введенъ въ Королевскій кабинетъ.

Планъ, предложенный Королю отъ Фуше, какъ можно было ожидать, отличался величайшею хитростью и лукавствомъ. Онъ совѣтовалъ Королю принять національную кокарду, трехъ-цвѣтное знамя и объявить себя главою Революціи. Это, по словамъ его, было бы со стороны Лудовика XVIII такое же пожертвованіе, какое сдѣлалъ Генрихъ IV, согласясь ходить къ обѣднѣ. Онъ бы могъ прибавить, что такое же пожертвованіе сдѣлалъ Лудовикъ XVI, которому оно стоило жизни. — Цѣль, къ коей Фуше чрезъ это стремился, была очевидна. Онъ желалъ привесть Короля въ такое положеніе, чтобы онъ принужденнымъ нашелся ввѣриться поборникамъ Революціи, съ коими онъ не могъ бы войти въ сношенія иначе, какъ чрезъ посредство Герцога Отранскаго, который такимъ образомъ сдѣлался бы Первымъ Министромъ. Но во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, Король, принявъ сей совѣтъ, надѣлъ бы на себя лицемѣрную, низкую личину, которая возбудила бы къ нему отвращеніе даже въ тѣхъ, коихъ бы онъ старался къ себѣ привлечь.

Принявъ цвѣта Революціи, Король Французскій неизбѣжно долженствовалъ бы признать и всѣ перемѣны, ею произведенныя. Правда, что Революція произвела во Франціи многія усовершенствованія въ теоріи и въ практикѣ правительства, которыя Королю конечно слѣдовало сохранить для пользы народа. Но хоть мы и благодарны за выгоды, доставляемыя нашему здоровью и плодородію почвы проливнымъ дождемъ; хоть мы и готовы собирать выкидываемыя ярящимся океаномъ сокровища, а никто, кромѣ ослѣпленнаго язычника, не обожаетъ бурю и не приноситъ жертвъ волнамъ. Король, потворствуя убійцамъ своего брата, возбудилъ бы даже въ нихъ самихъ отвращеніе къ такому лицемѣрству, и справедливо потерялъ бы любовь и уваженіе не только Роялистовъ, но и всѣхъ честныхъ людей.

Дабы еще болѣе войти въ милость у Бурбоновъ, Фуше написалъ къ Наполеону странное посланіе, въ коемъ онъ старался убѣдить его, что титулъ Государя небольшаго островка Ельбы неприличенъ тому, кто владѣлъ обширною Имперіею. Онъ замѣчалъ Наполеону, что пребываніе его на этомъ островѣ не сообразно съ намѣреніемъ его жить въ удаленіи по близкому его сосѣдству съ мѣстами, гдѣ его присутствіе можетъ произвесть опасное волненіе.

По словамъ его, Наполеонъ могъ быть обвиненъ, не будучи виновнымъ, и могъ безъ намѣренія сдѣлать зло, возбудивъ тревогу. Онъ намекалъ, что Король Французскій, хотя и рѣшившійся дѣйствовать по законамъ справедливости, могъ быть увлеченъ другими къ уклоненію отъ оныхъ. Онъ говорилъ бывшему Императору Франціи, что оставшійся при немъ титулъ служилъ только къ тому, чтобы увеличивать сожалѣніе его о потерѣ настоящей власти; что онъ можетъ даже сдѣлаться для него опаснымъ, возбудивъ подозрѣнія; что онъ сохраняетъ его только съ тѣмъ, чтобы поддержать свои притязанія. Наконецъ, онъ убѣждалъ Наполеона принять званіе частнаго человѣка и удалиться въ Соединенные Американскіе Штаты, въ отчизну Франклина, Вашингтона и Джеферсона.

Фуше никакъ не могъ надѣяться, чтобы это хитрое посланіе сильно подѣйствовало на его бывшаго Императора; ибо онъ слишкомъ хорошо зналъ свойства Наполеона. Но какъ оно могло говорить въ его пользу членамъ Королевскаго Дома, то онъ послалъ съ него копію брату Короля, приложивъ къ оной приличное толкованіе (точно оправданное обстоятельствами), что спокойствіе народовъ и Государей никогда не будетъ обезпечено, пока Наполеонъ останется въ настоящемъ его положеніи, и что пребываніе его на островѣ Ельбѣ то же для Франціи, что Везувій для Неаполя. Изъ сего слѣдовало заключить, что небольшое насиліе удалить Наполеона, было бы дѣломъ Государственной политики, въ случаѣ, если бъ бывшій Императоръ не имѣлъ самъ довольно патріотической добродѣтели для того, чтобы уѣхать въ Америку. Почтенный и великодушный Принцъ, къ которому Фуше обратился, имѣлъ слишкомъ благородныя чувства для того, чтобы принять совѣтъ его; и эта попытка подбиться въ милость къ Бурбонамъ, оказалась совершенно неудачною. Но козни были стихіею Фуше; и повидимому онъ мало заботился о томъ, съ кѣмъ онъ вступалъ въ сообщество, лишь бы только ему принимать участіе въ опважной политической игрѣ. Уѣхавъ въ свою деревню, онъ завелъ связи съ прежними своими друзьями, Якобинцами, которые очень были рады воспользоваться обширными его свѣдѣніями обо всѣхъ политическихъ козняхъ.

Цѣлью сей партіи было то, чтобы выставлять ошибки Королевской фамиліи и питаемое оною предубѣжденіе противъ людей и мѣръ той эпохи, когда Франція торжествовала во внѣшнихъ войнахъ своихъ, противъ сановниковъ, устроивавшихъ ея исполинскія предпріятія, и противъ воиновъ, исполнявшихъ оныя. Король, — говорили они — претерпѣвъ бѣдствія, не пріобрѣлъ мудрости; онъ не способенъ сдѣлать ни шага за черту старинныхъ предубѣжденій; Франція приняла его отъ руки чужеземныхъ завоевателей, окруженнаго толпою нищихъ дворянъ, коихъ притязанія были столь же стары и нелѣпы, какъ ордена ихъ и ухватки. Правительство его, какъ они утверждали, клонилось къ то-

му, чтобы раздѣлить Французовъ на двѣ стороны, противоположныя одна другой своимъ достоинствомъ и выгодами: на Эмигрантовъ, которыхъ однихъ только Лудовикъ считалъ своими вѣрноподданными, и на остальную часть народа, въ коей Бурбоны видѣли много что раскаевающихся бунтовщиковъ. Они утверждали, будто Король и Министры его, не отваживаясь еще нанести открытаго удара, изыскиваютъ всѣ возможныя средства, дабы лишить мѣстъ и удалить всѣхъ, принимавшихъ участіе въ Революціи, и уклониться отъ исполненія обѣщаннаго ими всепрощенія. Подъ предлогомъ Государственной бережливости, они распускаютъ армію и отрѣшаютъ чиновниковъ, лишая тѣмъ военныхъ и гражданскихъ служителей Франціи мѣстъ, бывшихъ цѣною ихъ долговременной службы. Лудовикъ — прибавляли они, — оскорбилъ честь Франціи и унизилъ ея героевъ, отвергнувъ цвѣты и символы, освященные двадцати-пяти-лѣтними побѣдами; онъ отрекся отъ короны, предложенной ему народомъ, и взялъ ее самъ по праву наслѣдства. Права Французовъ, избирать себѣ владыку, наслѣдственны и неоспоримы; и народъ долженъ предъявить ихъ или сдѣлаться предметомъ презрѣнія Европы, вмѣсто того, чтобъ быть отъ нея уважаемымъ и внушать ей страхъ.

Таковы были рѣчи, огорчавшія и тревожившія праздныхъ Парижанъ, которые въ эту минуту позабыли, какъ Наполеонъ самъ взялъ корону съ алтаря Нотр-Дамской церкви и надѣлъ ее себѣ на голову, почти не поблагодаривъ за то Бога, и конечно не изъявивъ даже тѣни признательности народу. Для возбужденія неудовольствія въ провинціяхъ, прибѣгли къ другимъ средствамъ. Главнымъ изъ нихъ было уже нѣсколько разъ упомянутое нами стараніе возбуждать безпокойство на счетъ владѣнія недвижимыми имѣніями. Не довольствуясь повсемѣстнымъ распространеніемъ слуховъ, — что настоящимъ владѣльцамъ угрожаетъ опасность уничтоженія правъ на всѣ купленныя ими помѣстья дворянъ или духовенства, которые будто бы даже не скрываютъ надеждъ своихъ и намѣреній, — употребили странную уловку, дабы вселить вѣру къ такимъ молвамъ. Тайные агенты были отправлены въ департаменты, гдѣ продавались имѣнія. Эти посланные освѣдомлялись на счетъ сихъ имѣній, какъ будто бы желая купить оныя, и узнавъ, что права на нихъ основывались на Революціонной описи въ казну, объявляли сіе обезпеченіе недостаточнымъ, и отказывались отъ сдѣланныхъ ими предложеній, — заставляя тѣмъ владѣльца и всѣхъ, находившихся въ томъ же положеніи, думать, что права ихъ недѣйствительны, поелику Правительство Бурбоновъ намѣревается уничтожить оныя.

Вообще полагаютъ, что сначала козни сіи производились не въ пользу Наполеона. Его страшилась и ненавидѣла Якобинская партія, зная, какъ мало надеждъ представляетъ его желѣзное владычество къ исполненію мечты ихъ о чистой Республикѣ или о Республиканской Монархіи. Полагали, что виды ихъ пред-

почтительно обращались на Герцога Орлеанскаго. Они вѣроятно надѣялись на силу соблазна, и думали, что свергнувъ со престола Лудовика XVIII и посадивъ на его мѣсто его родственника, они съ одной стороны получатъ себѣ Короля, пріобрѣтшаго власть свою чрезъ Революцію, а съ другой сдѣлаютъ угодное чужестраннымъ Державамъ внѣ Государства и поборникамъ Конституціи внутри онаго, избравъ себѣ Монарха изъ Дома Бурбоновъ. Осторожнѣйшіе изъ участниковъ сего замысла держались того мнѣнія, чтобы не предпринимать ничего во время жизни царствующаго Государя; другіе были болѣе нетерпѣливы и менѣе благоразумны; и вышеупомянутый Принцъ былъ извѣщенъ о планѣ ихъ безъименною запискою, содержащею только сіи слова: «Мы сдѣлаемъ это безъ васъ; мы сдѣлаемъ это, не взирая на васъ; мы сдѣлаемъ это для васъ;» какъ будто бы предоставляя ему на выборъ быть главою или жертвою замышляемой Революціи.

Герцогъ Орлеанскій былъ слишкомъ правдолюбивъ и благороденъ для того, чтобы его могли вовлечь въ этотъ мрачный и таинственный заговоръ; онъ представилъ полученное имъ письмо Королю, и поступалъ во всѣхъ отношеніяхъ такъ осторожно, что отнялъ всѣ надежды, которыя основывала на немъ Революціонная партія. Необходимо было прибѣгнуть къ какому либо другому средству. Иные предлагали Евгенія Богарне героемъ предпамѣреваемаго движенія, другіе думали учредить временное правительство, а нѣкоторые желали возстановленія еще разъ Республики. Но вѣроятно, что ни одинъ изъ сихъ плановъ не понравился бы арміи. Кликъ: *Да здравствуетъ Республика!* уже устарѣлъ; власть, которую нѣкогда имѣли Якобинцы для взволнованія народа, очень уменьшилась; и по преданности арміи къ Наполеону, должно было ожидать, что въ случаѣ какого либо народнаго мятежа, не въ его пользу устроеннаго, она пойдетъ съ начальствующими ею Маршалами и Генералами противъ всякаго Революціоннаго движенія. Если жъ, напротивъ того, вмѣшать бы тутъ выгоды Наполеона, то не было никакого сомнѣнія въ полученіи сильнаго содѣйствія войскъ. Если онъ и воротится опять съ тѣми же правилами самовластія, съ которыми онъ прежде царствовалъ, то они по крайней мѣрѣ избавятся отъ Лудовика и отъ Хартіи — двухъ главныхъ предметовъ ихъ ненависти: отъ Лудовика, какъ отъ Короля, даннаго Хартіею, а отъ Хартіи, какъ отъ закона, даннаго Королемъ.

Эти причины вскорѣ побудили Якобинцевъ присоединиться къ Бонапартистамъ. Первые походили на шайку воровъ, которые, будучи не въ состояніи сами вломиться въ домъ, возобновляютъ свое предпріятіе, взявъ себѣ въ предводители товарища, у котораго есть въ рукахъ ломъ. Когда и какъ составился этотъ союзъ — какое обезпеченіе было дано Якобинцамъ въ томъ, что Бонапарте, свергнутый съ престола какъ военный деспотъ, вступитъ опять на оный съ Конституціонными ограниченіями — намъ сіе не

извѣстно. Но едва только этотъ союзъ былъ заключенъ, какъ хвалы Наполеону раздались со всѣхъ сторонъ и даже изъ устъ самихъ Якобинцевъ, бывшихъ до сихъ поръ его явными врагами. Большая часть Французской публики была расположена думать о Бонапарте на Ельбѣ благопріятнѣе, чѣмъ о Наполеонѣ въ Тюлієри. Постепенно, новизною и странностью своего положенія, онъ началъ возбуждать къ себѣ участіе, совсѣмъ отличное отъ того, которое ощущали къ деспоту, взявшему столько Конскрипцій и принесшему столько милліоновъ людей въ жертву своему честолюбію. Каждое доказательство дѣятельности, обнаруживаемой имъ въ небольшомъ кругу его владѣній, было выставляемо его приверженцами въ противоположность съ Конституціоннымъ бездѣйствіемъ возстановленнаго Монарха. Для Франціи, — говорили они — столь же искусной въ мирѣ, какъ и въ войнѣ, недостаетъ только могущественной десницы и неутомимаго глаза Наполеона для того, чтобы сдѣлаться предметомъ зависти вселенной, при тѣхъ обстоятельствахъ, коими Бурбоны тогда пользовались. Эти намеки, сперва шопотомъ, а потомъ громогласно дѣлаемые, наконецъ произвели обыкновенное свое дѣйствіе на непостоянную публику; и по мѣрѣ, какъ временной восторгъ въ пользу Бурбоновъ переходилъ въ равнодушіе и въ отвращеніе, всеобщій ужасъ, внушенный честолюбіемъ и тираніею Наполеона, началъ уступать мѣсто воспоминанію о его дѣятельности, величіи духа и предпріимчивости.

Перемѣна сія, кажется, скоро сдѣлалась извѣстною тому, кто былъ предметомъ оной. Говорятъ, что на пути его къ Ельбѣ у него вырвалось выраженіе, показывающее тайное предчувствіе, что онъ можетъ нѣкогда опять пріобрѣсть высокій санъ, имъ потерянный. «Если бъ Марій,» замѣтилъ онъ: «лишилъ себя жизни въ болотахъ Минтурнскихъ, то ему бы не бывать въ седьмой разъ Консуломъ.» То, что сначала, можетъ статься, было лишь темнымъ, неопредѣлительнымъ желаніемъ пылкой души, борющейся съ судьбою, сдѣлалось по обстоятельствамъ, въ коихъ находилась Франція, вѣроятною и основательною надеждою. Слѣдовало только завести сношенія съ многочисленными и усердными его приверженцами, сообщить имъ, какія они могли подавать надежды Якобинцамъ для привлеченія ихъ подъ его знамена, воспользоваться возрастающимъ во Франціи неудовольствіемъ и поджечь распрю; заговоръ былъ уже совершенно составленъ безъ большихъ усилій того, который вскорѣ сдѣлался предметомъ онаго и главою.

Учредили разныя общества для набора сообщниковъ. Дамы бывшаго Императорскаго Двора, униженныя при Королѣ предпочтеніемъ, отданнымъ знатности рода, сдѣлались усерднѣйшими помощницами сихъ политическихъ замысловъ; ибо оскорбленная гордость всегда готова къ мщенію. Кошельки мужей и любовниковъ были открыты для сихъ прекрасныхъ заговорщицъ, и многія изъ нихъ отдали даже свои бриліанты на споспѣшествованіе дѣлу Револю-

цін. Главною изъ сихъ заговорщицъ была Гортензія Богарне, супруга Лудовика Бонапарте, но находившаяся тогда въ разводѣ со своимъ мужемъ и носившая титулъ Герцогини Сен-Лё. Она была женщина съ отличными талантами, чрезвычайно дѣятельная и искусная. Въ Пантеррѣ, въ Нёльи и въ Сен-Лё происходили собранія заговорщиковъ, и говорятъ, что госпожа Амеленъ, повѣренная Герцогини, помогала ей укрывать главнѣйшихъ агентовъ.

Герцогини Бассано и Монтебелло (вдова Маршала Ланна), ревностно участвовали въ этомъ же дѣлѣ. Въ происходившихъ у сихъ заговорщицъ собраніяхъ составлялись и устроивались всѣ возмутительныя средства, начиная съ политической лжи, распространяемой въ народѣ, до сатиръ и стишковъ, подобныхъ ракетѣ, которая производитъ забаву или пожаръ, смотря по свойству веществъ, посреди коихъ она брошена. Изъ сихъ сборныхъ мѣстъ заговорщики отправлялись въ порученные имъ округи, запасшись всѣми приманками, могущими воспламенить встревоженнаго помѣщика, привлечь праздного Парижанина, прельстить мечтателя, желающаго испытать свои Утопійскія теоріи въ настоящемъ правительствѣ, а главное, обратить на свою сторону военныхъ, — начиная съ офицера, которому показывали вдали ордена, Фельдмаршальскій жезлъ и даже корону, до гренадера, ограничивавшаго свои желанія водкою, грабежемъ и даровыми квартирами.

Низшія сословія черни, и въ особенности жители двухъ большихъ предмѣстій Сен-Марсо и Св. Антонія, были расположены къ этому дѣлу по врожденному своему легкомыслію и любви къ перемѣнамъ; по боязни, чтобы Король не прекратилъ огромныхъ построекъ, при коихъ Наполеонъ давалъ имъ работу; по Якобинской ненависти къ законному титулу Лудовика, соединенной съ сожалѣніемъ о минувшихъ дняхъ свободы и равенства; наконецъ по склонности, всегда питаемой чернью, сбросить съ себя иго закона, который ее обуздываетъ и котораго она по глупости считаетъ естественнымъ врагомъ своимъ. Вліяніе Ришара Лепуара принесло особенную пользу заговорщикамъ. Это былъ богатый бумажный фабрикантъ, который собралъ и приготовилъ въ мастерскихъ своихъ не менѣе трехъ тысячъ ремесленниковъ, для принятія участія въ бунтѣ, при первомъ знакѣ. Роялисты прозвали Лепуара Сантерромъ II, говоря, что, подобно сему знаменитому пивовару, онъ также добивался чести сдѣлаться вождемъ Санкюлотовъ. Лепуаръ былъ привязанъ къ выгодамъ Наполеона бракомъ дочери своей съ Генераломъ Лофебвромъ Денуетомъ, любимцемъ Бонапарте, не взирая на то, что онъ нарушилъ слово свое, убѣжавъ изъ Англіи, гдѣ онъ содержался въ плѣну. Такимъ образомъ, подобно озеру, волнуемому подводнымъ землетрясеніемъ, революціонныя движенія начали обнаруживаться между чернью. По временамъ, подъ предлогомъ неимѣнія хлѣба или работы, буйныя толпы сбирались на Тюлерійской площади съ восклицаніями, напоминавшими Герцогинѣ Ангулемской тѣ,

за которыми послѣдовало заключеніе и смерть ея родныхъ. Полиція на время ихъ разгоняла; но при взятіи кого либо подъ стражу, всегда оказывалось, что это были бродяги, кричавшіе только въ слѣдъ за другими, и никакихъ мѣръ не было принято для открытія настоящихъ зачинщиковъ такихъ возмутительныхъ сборищъ.

Парижская Полиція находилась тогда подъ начальствомъ Г. Дандре, бывшаго прежде откупщикомъ. Вѣрность его къ Королю не подлежитъ никакому сомнѣнію; но нельзя того же сказать о его благоразуміи и дѣятельности; повидимому, онъ или не зналъ совершенно всѣхъ обязанностей своего званія, или не имѣлъ надлежащихъ орудій для выполненія оныхъ. Эти орудія или, въ другихъ словахъ, подчиненные агенты и офицеры, равно какъ и весь составъ Полиціи, остались въ томъ же видѣ, со времени управленія сею грозною частью Генераломъ Саварі, главнымъ Наполеоновымъ шпіономъ и довѣреннымъ Министромъ. Это сословіе подобно арміи, чувствовало, что почетная его служба много потеряла своей важности и выгодъ со дня паденія Наполеона, и съ огорченіемъ вспоминало о тѣхъ временахъ, когда оно было употребляемо по тайнымъ, мрачнымъ и хорошо награждаемымъ порученіямъ, неизвѣстнымъ при миролюбивомъ, Конституціонномъ Правительствѣ. Подобно злымъ духамъ, подчиненнымъ доброму волшебнику, эти Полицейскіе офицеры служили Королю нехотя и противъ воли; они пренебрегали своею обязанностью, когда могли сіе дѣлать безнаказанно, и, казалось, потеряли свою дѣятельность и всевѣдѣніе на службѣ законнаго Государя.

И такъ чрезъ потворство, если не чрезъ одобреніе Полиціи, заговоръ принялъ болѣе открытый, болѣе смѣлый видъ. Многія сомнительныя мѣста, а въ особенности Монтанзіерскій Кофейный Домъ, были сборищемъ низшихъ повѣренныхъ по этому дѣлу, и предлагаемыя тамъ здоровья, куплеты, пѣсни и разговоры всѣ намекали на славу Наполеона, жалѣли о его отсутствіи, и показывали желаніе его возврата. Дабы выразить надежду свою, что сіе сбудется весною, заговорщики приняли себѣ символомъ *Фіалку;* и въ послѣдствіи наименовали самого Бонапарте *Капраломъ Фіалкою* (Caporal la Violette). Цвѣтокъ сей и цвѣтъ онаго были явно носимы, какъ отличительный знакъ сей партіи, между тѣмъ, какъ Дворъ нисколько не думалъ тревожиться; и здоровье Наполеона подъ именемъ *Капрала Фіалки* или *Жана де л'Епе,* было пито многими Роялистами безъ всякаго подозрѣнія о скрытномъ смыслѣ сихъ словъ.

Парижъ былъ центромъ заговора; но вѣтви онаго простирались по всей Франціи. Въ главныхъ областныхъ городахъ составились клубы, между коими и столицею были учреждены постоянныя сношенія. Говорятъ, что сношеніямъ симъ много благопріятствовалъ Лавалетъ, который, бывъ долгое время Директоромъ Почтъ при Наполеонѣ, сохранилъ большое вліяніе на чиновниковъ сего вѣдомства, изъ коихъ ни одинъ не лишился своего

мѣста при возвращеніи Короля. По свидѣтельству Г. Ферранда, Главнаго Директора при Королѣ, кажется, что многіе изъ почтовыхъ чиновниковъ, подобно солдатамъ и Полицейскимъ офицерамъ, находя себѣ менѣе выгодъ при Королѣ, чѣмъ при Наполеонѣ, склонились на сторону своего прежняго Повелителя. Доказано, что переписка о заговорѣ была доставляема чрезъ Королевскіе Почтамты, что пакеты оной были заклеймены печатью Короля и разносимы носившими его мундиръ почталіонами.

Такіе явные признаки измѣны не избѣгли вниманія Роялистовъ и, кажется, что объ нихъ было сообщаемо съ разныхъ сторонъ Министрамъ. Даже утверждаютъ, будто бы письма, содержавшія извѣщеніе о замышляемомъ Наполеономъ бѣгствѣ, были дѣйствительно найдены въ столикѣ одного изъ Министровъ непрочитанныя и нераспечатанныя. Дѣйствительно, каждый изъ сихъ сановниковъ, повидимому ограничивался одними только дѣлами своего департамента; такъ что обстоятельства, важныя по отношенію своему къ цѣлому Государству, считались, каждымъ изъ нихъ дѣломъ, до него не касающимся. Когда же бѣда случилась, то они старались свалить вину одинъ на другаго, подобно слугамъ въ многолюдномъ, но дурно управляемомъ домѣ; и хотя всѣ сознавались въ томъ, что тутъ было сдѣлано грубое упущеніе, но никто не принималъ на себя вины онаго. Такое всеобщее упорство съ перваго взгляда удивительно; но Небо, которое часто наказываетъ людей исполненіемъ ихъ глупыхъ, безразсудныхъ желаній, опредѣлило, чтобы миръ былъ возстановленъ въ Европѣ чрезъ истребленіе той арміи, которая столько оный ненавидѣла; а для сего необходимо было, чтобы ей удался отчаянный замыселъ свергнуть съ престола своего миролюбиваго, Конституціоннаго Монарха, и возстановить самовластнаго Повелителя, долженствовавшаго вскорѣ довести ее къ концу ея судьбы и своей собственной.

Между тѣмъ какъ во Франціи подъ Королевское Правительство постепенно подводили подкопъ, долженствующій произвесть взрывъ, остальная часть Европы походила на океанъ, успокоивающійся послѣ сильной бури, когда видимы обломки кораблекрушеній, плавающіе по волнамъ, менѣе яростнымъ, но угрожающимъ еще бо́льшими бѣдствіями, прежде чѣмъ онѣ совершенно затихнутъ.

Конгрессъ изъ представителей главныхъ Европейскихъ Державъ собрался въ Вѣнѣ съ тѣмъ, чтобы устроить многочисленныя дѣла, возникшія во время столь продолжительныхъ войнъ и превратностей. Двадцать пять лѣтъ безпрестанной войны и переворотовъ произвели такія перемѣны, не только въ общественныхъ отношеніяхъ и въ силѣ Европейскихъ Державъ, но въ привычкахъ, въ чувствахъ и въ правилахъ жителей, что казалось почти невозможнымъ возстановить первоначальную систему, существовавшую до 1792 года. Твердая Земля походила на развалины города Лондона послѣ великаго пожара въ

1666 году, когда границы владѣльцевъ домовъ такъ изгладились и смѣшались, что Король принужденнымъ нашелся въ этой крайности сдѣлать новое и нѣкоторымъ образомъ самовластное раздѣленіе земель, съ тѣмъ, чтобы выстроить вновь улицы болѣе правильнымъ и болѣе соотвѣтственнымъ усовершенствованіямъ времени образомъ. То, что принесло пользу Лондону, можетъ быть, доставитъ такія же благопріятныя послѣдствія просвѣщенному Свѣту и подастъ надежды о лучшемъ, болѣе прочномъ порядкѣ вещей, вмѣсто того, который уничтожился. Въ такомъ случаѣ, будущее поколѣніе пожнетъ счастливые плоды бури, отъ которой отцы его столько потерпѣли. Мы однако жъ вовсе не одобряемъ сдѣланныхъ при этомъ случаѣ присвоеній; и если бъ не стѣсняли насъ предѣлы сей Исторіи, то мы бы распространились на счетъ правилъ, по которымъ дѣйствовали Союзники.

Посреди трудовъ сего Конгресса, вниманіе его обратилось на Королевство Неаполитанское; и Талейранъ въ особенности настаивалъ въ томъ, что оставлять Мюрата владыкою сего прекраснаго Государства, значило бы подвергать опасности будущее благоденствіе Европы, утвердивъ существованіе царства, основаннаго на правилахъ Наполеона и находящагося подъ властью его зятя. Ему справедливо отвѣтствовали, что теперь уже поздно было оспоривать у Мюрата право владычества, когда помощь его охотно была принята и доставила пользу въ войнѣ противъ Наполеона. Талейранъ, представя Герцогу Веллингтону переписку Бонапарте съ сестрою его, Каролиною, и съ Мюратомъ, старался доказать, что послѣдній поступалъ неискренно, показывая видъ, будто бы онъ дѣйствуетъ за одно съ Союзниками. Герцогъ былъ того мнѣнія, что письма не заключаютъ въ себѣ никакого предательства, хотя въ нихъ и обнаруживается, какъ того можно было ожидать, что Мюратъ весьма неохотно дѣйствуетъ противъ своего тирана и благодѣтеля. О дѣлѣ семъ было на Конгрессѣ разсуждаемо, и Мюратъ, опасаясь потерять свою державу, принялъ отважное намѣреніе еще разъ перейти на другую сторону и возобновить сношенія съ Наполеономъ. Близость острова Ельбы отъ Неаполя дѣлала сіи сношенія весьма удобными, и притомъ же онымъ очень содѣйствовала Полина, безпрестанно ѣздившая изъ Италіи къ небольшому Двору своего брата и обратно. Наполеонъ однако жъ всегда рѣшительно отрицался отъ того, что онъ имѣлъ какое либо опредѣлительное свѣдѣніе о замыслѣ Мюрата.

Король Французскій между тѣмъ вызвалъ манифестомъ всѣхъ Французовъ, находившихся въ Неаполитанской службѣ, и приказалъ исключить имя Короля Іоахима изъ придворнаго своего календаря.

Мюратъ, встревоженный сими непріязненными признаками, завелъ съ Франціею тайную переписку, изъ коей было перехвачено письмо къ Королю Неаполитанскому отъ Генерала Ексельмана, увѣрявшаго

его отъ себя и отъ имени многихъ другихъ въ совершеннѣйшей преданности, съ обнадеженіемъ, что тысячи офицеровъ, образовавшіеся въ его школѣ и подъ его глазами, будутъ готовы явиться на призывъ его, если дѣла не примутъ благопріятнаго оборота. Въ слѣдствіе сего письма, Генералъ Ексельманъ былъ смѣщенъ на половинное жалованье и получилъ о выѣздѣ изъ Парижа приказъ, котораго онъ ослушался. Его отдали подъ военный судъ, коимъ однако же онъ былъ торжественно оправданъ. Король допустилъ его къ рукѣ своей, и онъ поклялся ему въ *неизмѣнной* вѣрности. Мы скоро увидимъ, какъ онъ сдержалъ свое слово. Между тѣмъ Король имѣлъ большую нужду въ вѣрныхъ слугахъ, ибо пити заговора болѣе и болѣе его опутывали.

Заговоръ, составленный противъ Лудовика XVIII, заключалъ въ себѣ два предпріятія. Первое состояло въ высадкѣ Наполеона съ острова Ельбы тогда, какъ вообще расположеніе солдатъ, страхъ, внушаемый его именемъ и свойствами, равно какъ подозрѣнія и намеки противъ Бурбоновъ, повсюду распространяемые вмѣстѣ съ надеждою возвратить потерянную, по мнѣнію народа, славу Франціи, удостовѣрили бы въ благопріятномъ ему отъ всѣхъ пріемѣ. Другая, второстепенная отрасль заговора, имѣла цѣлью возмущеніе корпуса войскъ, подъ предводительствомъ Генерала Лалемана, который стоялъ въ сѣверо-восточной Франціи и которому поручалось пресѣчь Королю и Королевской фамиліи бѣгство изъ Парижа и, захвативъ ихъ, удержать заложниками, для отдачи ихъ на волю возстановленному Императору.

Невозможно узнать, въ какую именно эпоху пребыванія своего на островѣ Ельбѣ Наполеонъ далъ рѣшительное согласіе на сдѣланное ему предложеніе и принялъ ролю, назначенную ему въ этой необычайной драмѣ. Мы должны однако жъ предполагать, что онъ рѣшился на сіе около того времени, какъ онъ совершенно перемѣнилъ свое обхожденіе съ Британскимъ Уполномоченнымъ, находившимся при небольшомъ Дворѣ его, и когда онъ принялъ на себя Императорскій недоступный видъ, дабы держать отъ себя въ приличномъ разстояніи, какъ досаднаго надзорщика, Сира Ниля Камбеля, къ коему онъ сначала показалъ было расположеніе. Поступки его съ тѣхъ поръ описаны, такъ какъ мы имѣли случай узнать объ оныхъ. Въ Воскресенье, 26 Февраля, Наполеонъ, сѣвъ со своею гвардіею на флотилію, состоявшую изъ брига *Енконстана* и изъ шести другихъ, небольшихъ судовъ, отправился въ одну изъ самыхъ необычайныхъ и самыхъ опасныхъ экспедицій, которыя когда либо были предприняты. Сила, съ коею онъ еще разъ замышлялъ перемѣнить судьбу Франціи, простиралась не свыше тысячи человѣкъ. Дабы скрыть въ тайнѣ сіе предпріятіе, сестра его, Полина, дала балъ въ ночь, предшествовавшую его отплытію, и офицеры, по возвращеніи ихъ съ праздника, внезапно получили приказъ сѣсть на суда.

При этомъ переѣздѣ, Наполеонъ

подвергался двумъ большимъ опасностямъ. Первая произошла отъ встрѣчи съ Французскимъ Королевскимъ фрегатомъ, который опросилъ бригъ *Енконстанъ*. Гвардейцамъ приказано было снять свои мѣховыя шапки и сойти внизъ, или лечь на палубѣ, между тѣмъ какъ Капитанъ брига привѣтствовалъ начальника фрегата, съ коимъ онъ случайно былъ знакомъ; почему ему и дозволено было продолжать путь свой безъ дальнѣйшихъ разспросовъ. Вторая опасность была причинена погонею на военномъ шлюпѣ *Патриджъ* Сира Ниля Камбеля, который, отправясь съ Ельбы, гдѣ онъ узналъ о побѣгѣ Наполеона, съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы захватить сію флотилію или потопить ее, издали только усмотрѣлъ суда, когда они уже высадили своихъ пассажировъ.

1-го Марта Наполеонъ, приказавъ своимъ спутникамъ надѣть трехцвѣтныя кокарды, вышелъ на берегъ въ Каннѣ, небольшой гавани въ Жуанскомъ заливѣ близъ Фрежюса, который нѣкогда видѣлъ его приставшаго какъ частнаго человѣка, по возвратѣ его изъ Египта для завоеванія великой Имперіи, который видѣлъ его въ униженіи отправлявшагося къ мѣсту своей ссылки и вновь узрѣлъ отважнаго пришлеца, прибывшаго съ тѣмъ, чтобы достать себѣ тронъ или могилу. Нѣсколько человѣкъ его гвардіи явились въ Антибѣ, но были взяты въ плѣнъ Генераломъ Корсенемъ, тамошнимъ Губернаторомъ.

Неустрашенный этою неудачею, Наполеонъ тотчасъ двинулся со своимъ отрядомъ, изъ тысячи человѣкъ состоящимъ во внутренность Королевства, изъ коего онъ былъ изгнанъ съ ненавистью и гдѣ соперникъ его въ мирѣ царствовалъ на наслѣдственномъ престолѣ. Нѣсколько времени жители смотрѣли на него съ сомнѣніемъ и изумленіемъ, не рѣшаясь, помогать ли ему какъ другу, или воспротивиться какъ врагу. Нѣкоторые поселяне закричали: *Да здравствуетъ Императоръ!* Но пришлецы наши не видѣли ни содѣйствія, ни сопротивленія со стороны высшихъ сословій. Въ вечеру, 2 Марта, черезъ полтора дня послѣ выхода ихъ на берегъ, небольшой отрядъ сей достигъ Серпона, покинувъ на дорогѣ свою малочисленную артиллерію, для того, чтобы итти скорѣе. По приближеніи Наполеона къ Дофине, названному колыбелью Революціи, поселяне весьма благопріятно его встрѣтили, однако жъ ни помѣщики, ни духовенство, ни мѣстные начальники не являлись. Но онъ ужъ былъ близко тѣхъ, отъ которыхъ долженствовалъ зависѣть успѣхъ или гибель сего предпріятія.

Военный Министръ Сультъ приказалъ многочисленнымъ отрядамъ войскъ двинуться въ страну между Ліономъ и Шамбери, для поддержанія, какъ онъ говорилъ послѣ, рѣчей Талейрана на Конгрессъ, что Франція готова къ войнѣ. Если Маршалъ принялъ сію мѣру дѣйствительно по этой причинѣ безъ всякаго другаго умысла, то по крайней мѣрѣ должно согласиться, что она была весьма несчастлива; ибо, какъ онъ при оправданіи своемъ и самъ сознается, войска сія были двину-

ты туда, какъ будто съ умысломъ поставить ихъ на самомъ пути Наполеона и, къ несчастію, состояли изъ людей, наиболѣе преданныхъ бывшему Императору. 7 Марта, седьмой линейный полкъ, подъ начальствомъ Полковника Лабедойера, пришелъ въ Гренобль. Лабедойеръ былъ благороднаго происхожденія, красивый собою и отличный по своей службѣ молодой человѣкъ. Вступивъ чрезъ бракъ свой въ родство со знатнымъ, преданнымъ Королю семействомъ Дамаса, онъ получилъ отъ Лудовика XVIII чинъ и мѣсто по ходатайству сей фамиліи, которая поручилась за его вѣрность. Однако жъ Лабедойеръ, завлеченный Камброномъ въ Ельбскій заговоръ, возпамѣрился употребить ввѣренное ему начальство къ погубленію Монарха, давшаго ему полкъ.

Подходя къ Греноблю, Наполеонъ встрѣтилъ высланные изъ гарнизона отводные караулы, которые пошли было противъ него, но показывали нерѣшительность. Бонапарте, остановивъ небольшой отрядъ свой, пошелъ одинъ впередъ, открылъ грудь свою и воскликнулъ: «Если кто хочетъ убить своего Императора, то вотъ онъ.» Этому призыву невозможно было воспротивиться: солдаты побросали свое оружіе, окружили вождя, столь часто водившаго ихъ къ побѣдамъ, и воскликнули: — «*Да здравствуетъ Императоръ!* Между тѣмъ Лабедойеръ съ двумя баталіонами вышелъ изъ Гренобльскихъ воротъ. Приближаясь, онъ выставилъ орла, который, подобно тому, коему покланялся Римскій заговорщикъ Марій, былъ тщательно скрываемъ, дабы сдѣлаться хоругвью междоусобной войны; въ то же время онъ роздалъ солдатамъ своимъ трехцвѣтныя кокарды, спрятанныя въ барабанѣ. Онѣ были приняты съ восторгомъ. Въ эту самую минуту прибылъ туда Генералъ де Виліеръ, начальникъ Лабедойера, и, встревоженный происходившимъ, началъ укорять молодаго воина-фанатика и солдатъ его. Но онъ принужденъ былъ удалиться. Генералъ Маршанъ, вѣрный Гренобльскій Комендантъ, никакъ не могъ справиться съ оставшимися у него войсками: они захватили его подъ стражу и отдали городъ Наполеону. Такимъ образомъ Бонапарте увидѣлъ у себя три тысячи человѣкъ солдатъ, съ соотвѣтственнымъ количествомъ артиллеріи и зарядовъ. Онъ поступилъ съ умѣренностью, которую удобно могъ оказать по одержанному имъ успѣху, и выслалъ безнаказанно Генерала Маршана.

Когда первая вѣсть о прибытіи Наполеона достигла Парижа, то она произвела болѣе изумленія, чѣмъ страха; но когда узнали, что онъ идетъ впередъ, не встрѣчая нигдѣ никакого сопротивленія, то начали вообще страшиться какого либо необычайнаго, обширнаго заговора. Бурбоны сами вступились за свое дѣло; Королевскій Братъ и Герцогъ Орлеанскій отправились въ Ліонъ, а Герцогъ Ангулемскій въ Нимъ. Законодательныя Палаты и большое число гражданъ высшихъ сословій объявили себя за Короля. Послапники разныхъ Державъ спѣшили увѣрить Лудовика въ помощи своихъ

Государей. Отряды охотниковъ были набраны изъ Роялистовъ и Умѣренныхъ. Самыя сильныя превозглашенія призывали народъ къ оружію. Воззваніе, сочиненное знаменитымъ Бенжаменомъ Констаномъ, однимъ изъ извѣстнѣйшихъ членовъ Умѣренной партіи, отличалось своимъ краснорѣчіемъ. Въ немъ была самымъ разительнымъ образомъ выставлена противоположность между законнымъ правленіемъ Конституціоннаго Монарха и хищнымъ владычествомъ Аттилы, или Чингиса, который царствовалъ только посредствомъ меча своихъ Мамелюковъ. Оно напоминало Франціи ненависть, съ которою Бонапарте былъ изгнанъ изъ Государства, и возвѣщало о презрѣніи Европы къ тѣмъ Французамъ, которые добровольно протянутъ руки къ оковамъ, ими разорваннымъ и опять купленнымъ. Всѣ были призываемы къ оружію, а въ особенности тѣ, которые дорожили свободою, ибо торжество Наполеона навѣки погребло бы оную. — «Съ Лудовикомъ,» говорило сіе посланіе: «мы имѣемъ миръ и благоденствіе; съ Наполеономъ будетъ война, нищета и опустошеніе.» Еще сильнѣе сего воззваніе было сдѣлано къ народу женщиною, которая на лѣстницѣ Тюльерійскаго дворца восклицала: «Если у Короля мало мужчинъ для того, чтобы защитить его, то пусть онъ призоветъ женщинъ, которыхъ Наполеонъ лишилъ мужей и сыновей.»

Не взирая на всѣ сіи изъявленія усердія, народный духъ былъ сильно настроенъ причинами неудовольствій, которыя въ продолженіе нѣсколькихъ уже мѣсяцевъ столь вѣроломно были преувеличиваемы. Рѣшительные Роялисты были малочисленны, а Конституціонисты охладѣли. Съ каждою минутою становилось очевиднѣе, что не гласъ народа, а мечъ арміи рѣшитъ споръ сей. Сультъ, — возбудившій своими поступками большое подозрѣніе, которое еще усилилось предложеніемъ его призвать офицеровъ, смѣщенныхъ по возвращеніи Бурбоновъ на половинное жалованье, — оставилъ свое званіе, и вмѣсто его назначенъ Кларкъ, Герцогъ Фельтрскій, не столь знаменитый воинъ, но болѣе вѣрный подданный. Въ Мелёнѣ былъ учрежденъ лагерь и собраны такія войска, на которыхъ наиболѣе можно было положиться по Королевскому дѣлу.

Между тѣмъ счастіе еще не совершенно оставило Бурбоновъ. Часть заговора Бонапартистовъ, долженствовавшая исполниться на сѣверѣ, была обнаружена и писпровергнута. Лефебвръ Денуэтъ, съ неблагопріятной стороны извѣстный въ Англіи по причинѣ нарушеннаго имъ слова, и два Генерала Лалеманы, были начальники сего заговора. 10 Марта, Лефебвръ Денуэтъ двинулъ полкъ свой на встрѣчу къ Наполеону; но офицеры открыли его умыселъ, и онъ принужденнымъ нашелся бѣжать, дабы не быть задержаннымъ подъ стражею. Лалеманы взбунтовали шеститысячный Лильскій гарнизонъ подложными приказами, объявляющими о возмущеніи Парижа. Но Маршалъ Мортье, встрѣтивъ войска на походѣ, разстроилъ заговоръ, имѣвшій цѣлью, въ случаѣ успѣха, задержаніе Короля и Королевской фамиліи. Два

Лалемана были взяты и казнь ихъ на мѣстѣ, какъ измѣнниковъ, поразила бы спасительнымъ страхомъ тѣхъ офицеровъ, которые еще колебались; но Королевскіе Министры не имѣли довольно рѣшительности для такого опаснаго случая.

Успѣхи Наполеона между тѣмъ не прерывались. Тщетно въ Ліонѣ Королевскій Братъ и Герцогъ Орлеанскій совѣтами и содѣйствіемъ Маршала Макдональда старались удержать войска и жителей въ вѣрности къ Королю. Послѣдніе, большею частью фабриканты, страшась выгодъ, предоставленныхъ въ торговлѣ Англичанамъ, явно кричали: *Да здравствуетъ Императоръ!* Линейныя войска хранили угрюмое безмолвіе. «Какъ будутъ вести себя ваши солдаты?» спросилъ Королевскій Братъ у Полковника 15 Драгунскаго полка. Полковникъ донесъ, что люди его сами на сіе отвѣтятъ, и они откровенно отозвались, что будутъ сражаться только за Наполеона. Братъ Королевскій, сошедъ съ лошади, вступилъ съ солдатами въ разговоръ. Одному израненому и украшенному медалями ветерану Принцъ сказалъ: — «Такой храбрый солдатъ, какъ ты, вѣрно закричитъ: *Да здравствуетъ Король!*» — «Вы ошибаетесь,» отвѣтствовалъ солдатъ: «никто здѣсь не станетъ сражаться противъ отца своего.... Я закричу: *Да здравствуетъ Наполеонъ!*» — Усилія Макдональда были также безполезны. Онъ послалъ было два баталіона съ тѣмъ, чтобы воспрепятствовать вступленію Наполеонова авангарда; но едва только солдаты завидѣли другъ друга, какъ они смѣшались при всеобщемъ восклицаніи: «*Да здравствуетъ Императоръ!*» Макдональдъ былъ бы взятъ въ плѣнъ, но войска, состоявшія подъ его начальствомъ, до того не допустили. Королевскій Братъ принужденнымъ нашелся почти одинъ бѣжать изъ Ліона. Почетная стража, составленная изъ гражданъ для сопровожденія Перваго Принца Крови, предложила Наполеону свои услуги; но онъ съ презрѣніемъ отвергъ оныя, между тѣмъ какъ послалъ крестъ Почетнаго Легіона простому драгуну, который имѣлъ довольно преданности и вѣрности для того, чтобы проводить Королевскаго Брата въ его бѣгствѣ.

Бонапарте, овладѣвъ древнею столицею Галліи, и имѣя у себя семь тысячъ человѣкъ войска, былъ признанъ Макономъ, Шалономъ, Дижономъ и почти всею Бургундіею. Но Марсель и весь Провансъ объявили себя противъ хищника, и Марсель даже назначилъ цѣну за его голову.

Наполеонъ счелъ нужнымъ остановиться въ Ліонѣ, дабы дать отдыхъ своимъ войскамъ; и по прибытіи туда нѣкоторыхъ гражданскихъ чиновниковъ, державшихъ его сторону, онъ занялся образованіемъ правленія и присутственныхъ мѣстъ. До сихъ поръ изданныя имъ воззванія были всѣ написаны въ военномъ духѣ, изобилуя восточными изрѣченіями, которыя Наполеонъ считалъ необходимыми въ краснорѣчіи: въ нихъ сказано было, что сама Побѣда пойдетъ на приступъ, и что орлы съ народнымъ знаменемъ полетятъ съ колокольни на колокольню до ба-

шенъ Нотр-Дамскаго Собора. Объявленные имъ въ Ліонѣ указы были совсѣмъ уже другихъ свойствъ, и относились къ внутреннему устройству его будущаго правленія.

Камбасересъ былъ сдѣланъ Министромъ Юстиціи; Фуше Министромъ Полиціи (въ угодность Республиканцамъ), а Даву Военнымъ Министромъ. Быстропта, съ коею одинъ указъ слѣдовалъ за другимъ, показала, чѣмъ Наполеонъ занимался на островѣ Ельбѣ, когда полагали, что онъ сочиняетъ свои записки. Указы сіи писаны именемъ Наполеона, Божіею Милостью Императора Французовъ, отъ 13 Марта, хотя и были изданы не прежде 21 числа того же мѣсяца. *Первый* изъ нихъ уничтожалъ всѣ перемѣны, сдѣланныя въ судилищахъ и въ присутственныхъ мѣстахъ въ продолженіе отсутствія Наполеона. *Второй* отрѣшалъ всѣхъ офицеровъ, принадлежащихъ къ сословію Эмигрантовъ и опредѣленныхъ Королемъ въ армію. *Третій*, уничтожая орденъ Св. Лудовика, бѣлое знамя и кокарду, равно какъ прочіе Королевскіе знаки, возстановлялъ трехъ-цвѣтное знамя и всѣ Императорскіе символы Наполеоновой власти. Тѣмъ же указомъ уничтожалась Швейцарская гвардія и дворцовая Королевская Стража. *Четвертый* описывалъ въ казну имѣніе Бурбоновъ. Тѣмъ же указомъ отбирались помѣстья, возвращенныя семействамъ Эмигрантовъ, и статья сія такъ искусно была изложена, что внушала собою мысль о большихъ перемѣнахъ, долженствующихъ чрезъ сіе произойти въ имѣніяхъ. *Пятый* Ліонскій указъ, уничтожая прежнее дворянство и феодальные титулы, торжественно утверждалъ права владѣльцевъ недвижимыхъ имѣній. *Шестой* осуждалъ къ изгнанію всѣхъ Эмигрантовъ, неисключенныхъ изъ списка до возвращенія Бурбоновъ, описывая притомъ въ казну ихъ имѣнія. *Седьмой* возстановлялъ Почетный Легіонъ со всѣми правами, коими онъ пользовался при Императорѣ, присовокупляя къ оному доходы, отобранные у ордена Св. Лудовика. *Осьмой*, и послѣдній указъ, былъ самый важный изъ всѣхъ. Подъ предлогомъ, что Эмигранты, воевавшіе противъ Франціи, вступили въ сословіе Перовъ и что засѣданіямъ Палаты Депутатовъ минулъ уже срокъ, Наполеонъ уничтожалъ обѣ сіи Палаты, приглашая Избирательныя Коллегіи Имперіи составить въ будущемъ Маѣ мѣсяцѣ чрезвычайное Собраніе на Майскомъ-Полѣ. Сіе Собраніе, для котораго придумавшій оное взялъ имя изъ Исторіи древнихъ Франковъ, долженствовало имѣть двѣ цѣли: *первое*, сдѣлать въ Конституціи Имперіи такія перемѣны и измѣненія, какихъ требовали обстоятельства; *второе*, присутствовать при коронаціи Императрицы и Римскаго Короля.

Мы не можемъ остановиться для разсмотрѣнія всѣхъ сихъ различныхъ мѣръ; нельзя однако жъ вообще не замѣтить, что онѣ удивительно какъ хорошо были соображены съ выгодами Наполеона. Онѣ казались лестными для арміи, и въ то же время питали ненависть оной противъ Эмигрантовъ, напоминая ей, что она была принесена Лудовикомъ въ жертву выгодамъ сихъ его привержен-

цевъ. Люнскіе указы повидимому обѣщали Республиканцамъ опись въ казну имѣній, изгнанія и перемѣны въ правленіи; между тѣмъ какъ приверженцы Императора были осыпаны пансіонами, мѣстами и знаками отличія. Владѣльцамъ недвижимыхъ имѣній обѣщано обезпеченіе ихъ правъ; Парижанамъ зрѣлище Майскаго-Поля, а всей Франціи миръ и спокойствіе, поелику возвращеніе Императрицы съ сыномъ, полагаемое весьма близкимъ, долженствовало быть залогомъ дружбы Австріи. Утверждали, что Россія также расположена къ Бонапарте, чему въ доказательство приводили поступки Императора Александра съ членами Наполеоновой фамиліи. Англія ужъ конечно ему доброжелательствовала, ибо иначе, какъ бы онъ могъ уйти съ острова, окруженнаго ея морскими силами? Слѣдовательно одна только Пруссія могла питать къ нему непріязненныя чувства и мстительность; но безъ содѣйствія прочихъ Державъ, она должна была отъ оныхъ воздержаться, или скоро могла бъ быть усмирена. Живое удовольствіе унизить по крайней мѣрѣ хоть одного изъ Парижскихъ завоевателей, придавало какую-то пріятность и привлекательность сей перемѣнѣ, которую содѣйствіе другихъ великихъ Державъ, по увѣренію Наполеона, долженствовало сдѣлать легкою и мирною. Эти вѣсти были тщательно распространены по Франціи Наполеоновыми приверженцами. Предшествуя ему, онѣ располагали народъ принять его, какъ предназначеннаго оному владыку.

13 числа Наполеонъ опять пустился въ путь и, прошедъ чрезъ Маконъ, Шалонъ и Дижонъ, достигъ Оксерра 17 Марта. Онъ ѣхалъ болѣе какъ Государь, который, утомясь заботами о своей Державѣ, старается по возможности уклониться отъ дѣлъ, чѣмъ какъ прошлецъ, идущій съ мятежнымъ войскомъ похитить корону съ чела законнаго Монарха. Онъ по цѣлымъ часамъ ѣхалъ впереди своей арміи, безъ всякаго сопровожденія, кромѣ нѣсколькихъ Польскихъ Улановъ. Страна, имъ проходимая, благопріятствовала его замысламъ: она много потерпѣла отъ военныхъ движеній Союзниковъ въ послѣднюю кампанію, и ненависть пострадавшихъ жителей простиралась на Королевскій Домъ, восшедшій на престолъ съ помощью сихъ чужестранцевъ. И такъ, когда они увидѣли своего бывшаго Императора посреди себя, безъ стражи, разспрашивающаго со свойственнымъ ему видомъ дѣятельнаго участія о понесенныхъ ими потеряхъ и обѣщающаго щедро вознаградить ихъ за оныя, то не удивительно, что они скорѣе вспомнили о битвахъ, которыя онъ имѣлъ за нихъ съ чужеземцами, чѣмъ представили себѣ вѣроятность, что прибытіе его навлечетъ на нихъ второе нашествіе враговъ.

Революціонная горячка, предшествовавшая Наполеону, походила на заразу. Стоявшій въ Оксеррѣ 14-й Уланскій полкъ истоптали ногами бѣлую кокарду при первомъ, поданномъ ему знакѣ; 6-й Уланскій полкъ также объявилъ себя за Наполеона и, не ожидая приказаній, овладѣлъ Монтеросскою казармою, важною

шочкою, повелѣвавшею переправою чрезъ Сену.

Страхъ Королевскаго Правленія при возмущеніи Ліона очень усилился чрезъ ложные слухи, предварительно распространенные объ одержанной будто бы Роялистами предъ симъ городомъ побѣдѣ. Заговоръ такъ укоренился и такъ захватилъ всѣ отрасли Правительства, что сіе донесеніе было отправлено въ Парижъ въ полуофиціяльномъ видѣ посредствомъ телеграфа. Оно произвело желаемое дѣйствіе тѣмъ, что сперва пріостановило пріуготовленія преданной Королю партіи, а потомъ усилило болѣзнь, ее обуявшую, когда Королевскій Братъ почти неожиданно возвратился съ извѣстіемъ о своей неудачѣ.

Въ эту отчаянную минуту, Фуше предложилъ свои услуги Королю, оставшемуся почти безъ защиты. Вѣроятно, что чѣмъ болѣе размышлялъ онъ о свойствахъ своего бывшаго повелителя, Наполеона, тѣмъ сильнѣе убѣждался въ томъ, что они слишкомъ хорошо знаютъ другъ друга для того, чтобы между ими могла возникнуть взаимная довѣренность. И потому, не будучи остановленъ открытыми имъ съ приверженцами Императора сношеніями, онъ потребовалъ у Короля тайнаго свиданія. Въ этомъ ему было отказано, но посредство его принято чрезъ двухъ надежныхъ особъ, назначенныхъ для сего Лудовикомъ. Фуше заговорилъ съ ними языкомъ смѣлаго шарлатана, къ которому несчастные прибѣгаютъ въ минуту крайности и который, не обинуясь, берется лечить самыя безнадежныя болѣзни. Подобно ему, онъ потребовалъ совершеннаго довѣрія къ его искусству — строжайшаго повиновенія его приказамъ — и величайшей награды за обѣщаемыя имъ услуги, говоря съ наивеличайшею увѣренностью о дѣйствительности своихъ средствъ, но соблюдая величайшую таинственность на счетъ свойствъ оныхъ и способа ихъ употребленія. Онъ требовалъ отъ Лудовика XVIII, чтобы Герцогъ Орлеанскій былъ облеченъ всею исполнительною властью, а чтобы все Министерское управленіе было ввѣрено ему, Фуше, и людямъ, имъ назначеннымъ. На сихъ двухъ условіяхъ онъ брался положить конецъ успѣхамъ Наполеона. Изъ Записокъ сего смѣлаго кознодѣя, мы видимъ, что онъ намѣревался, собравъ всѣхъ остальныхъ поборниковъ Революціи, противопоставить возгласъ свободы и равенства проповѣдываемаго Наполеономъ ученію о славѣ Франціи. Какія средства сіе сборище политиковъ противопоставило бы Французскому воинству, объ этомъ Фуше насъ не извѣщаетъ; но вѣроятно, что, дабы остановить движеніе десяти тысячъ вооруженныхъ людей, противъ коихъ Республиканцы врядъ ли бы могли ополчить шайку городской черни, — бывшій Министръ Полиціи замышлялъ короткій, сильный способъ умертвить Наполеона; для исполненія чего онъ, лучше всякаго другаго, умѣлъ бы сыскать надежныхъ людей.

Поелику Король отвергъ сіи предложенія, клонившіяся къ тому, чтобы сохранить ему скипетръ такими средствами, которыя, по сказан-

ному нами, должны были казаться въ нравственномъ отношеніи весьма подозрительными, — то Фуше принужденнымъ нашелся обратить свои козни на пользу бывшаго своего повелителя. Въ слѣдствіе сего онъ возбудилъ такое сильное подозрѣніе Роялистовъ, что его приказано уже было взять подъ стражу. Явившимся для сего къ нему Полицейскимъ чиновникамъ, служившимъ прежде у него подъ начальствомъ, онъ объявилъ, что приказъ о его задержаніи незаконнымъ образомъ написанъ и, вошедъ въ свой кабинетъ, какъ будто для того, чтобы написать возраженіе, онъ спустился по потайной лѣстницѣ въ садъ, гдѣ перелѣзъ чрезъ стѣну. Ближайшею его сосѣдкою и хозяйкою сада, куда онъ спасся, была Герцогиня де Сен-Лё; такъ что онъ, какъ будто посредствомъ волшебства, вдругъ попалъ въ среду самыхъ жаркихъ Бонапартистовъ, которые съ торжествомъ его приняли и сочли приходъ его къ нимъ несомнѣннымъ доказательствомъ его къ нимъ преданности.*

Лудовикъ XVIII въ такой бѣдѣ прибѣгъ къ помощи другаго поборника Революціи, который не имѣя талантовъ Фуше, можетъ статься, еще лучше его могъ бы услужить Королю, если бъ онъ только былъ расположенъ сіе сдѣлать. Маршалъ Ней былъ назначенъ предводителемъ арміи, долженствующей напасть на Бонапарте съ фланга и съ тыла, между тѣмъ какъ другія войска воспротивятся въ Мелёнѣ движенію его на Парижъ. Представясь Королю 9 Марта, онъ принялъ сіе назначеніе, съ изъявленіемъ неизмѣнной своей преданности къ особѣ Его Величества, и объявилъ, что привезетъ Наполеона въ Парижъ, какъ звѣря въ желѣзной клѣткѣ. Маршалъ, пріѣхавъ въ Безансонъ, узналъ тамъ, 11 Марта, что Бонапарте овладѣлъ уже Ліономъ. Онъ однако жъ продолжалъ готовиться къ отпору, и собралъ, сколько могъ, войскъ изъ окрестныхъ гарнизоновъ. Тѣмъ, которые, замѣчая дурное расположеніе солдатъ, полагали, что ихъ трудно будетъ заставить драться, Ней рѣшительно отвѣтствовалъ: «Они *будутъ* драться; я возьму солдатское ружье и самъ начну бой; — я воткну мою шпагу по ефесъ въ грудь перваго, который не послѣдуетъ моему примѣру.» Военному Министру написалъ онъ, что всѣ ослѣплены дѣятельностью и быстрыми успѣхами хищника; что Наполеону благопріятствуютъ солдаты и простой народъ; но что офицеры и мѣстныя начальства сохраняютъ вѣрность, и что онъ надѣется «видѣть счастливый конецъ сему безразсудному предпріятію.»

Въ такомъ расположеніи Ней дошелъ до Лон-ле-Солнье. Здѣсь, ночью съ 13 на 14 Марта, получилъ онъ отъ Наполеона письмо, приглашающее его присоединиться къ Импера-

* Въ *Запискахъ Фуше* сказано, что этотъ приказъ, о взятіи его подъ стражу, былъ давъ не по политическимъ причинамъ, но по зависти Савари, который, предвидя, что Фуше опять получитъ мѣсто Министра Полиціи, коего онъ самъ желалъ по причинѣ огромныхъ суммъ, предоставляемыхъ въ распоряженіе сего сановника, надѣялся чрезъ сіе устранить своего соперника.

торскимъ знаменамъ, какъ *храбрѣйшаго изъ храбрыхъ*, каковое имя не могло не возбудить въ немъ тысячи воспоминаній. Вывѣдавъ чувства своихъ офицеровъ и солдатъ, онъ зналъ уже рѣшительное ихъ намѣреніе перейти къ Наполеону. Слѣдовательно ему предстоялъ только выборъ удержать свое званіе, перешедъ къ Императору, или воротиться къ Королю, не сдѣлавъ даже никакой попытки къ исполненію того, чѣмъ онъ хвалился, и безъ войска, надъ которымъ, по его увѣренію, онъ имѣлъ столь много власти.

Маршалъ Ней былъ человѣкъ простаго происхожденія, но достигшій посредствомъ необычайной своей храбрости первыхъ чиновъ въ арміи. Первоначальное его воспитаніе не сообщило ему понятій объ истинной чести и о правилахъ возвышенной нравственности, которымъ онъ и въ послѣдствіи не научился. Онъ повидимому былъ человѣкъ слабый, болѣе тщеславный, чѣмъ горделивый и слѣдовательно, болѣе чувствительный къ потерѣ чиновъ своихъ, чѣмъ своего нравственнаго достоинства. Въ слѣдствіе чего онъ рѣшился перейти къ Наполеону. Чувствуя неприличіе такой внезапной съ его стороны перемѣны, онъ принялъ на себя видъ человѣка, расчитывающаго вѣроятности замышляемаго имъ преступленія, вмѣсто того, чтобы выставить себя такимъ, какимъ онъ точно былъ, т. е. легкомысленнымъ безумцемъ, не имѣющимъ ни разсудка, ни правилъ. Онъ началъ утверждать, будто бы предпріятіе Наполеона давно уже было условлено между имъ и прочими Маршалами. Но мы охотнѣе согласимся предположить, что это было имъ выдумано, чѣмъ думать, что присяга въ вѣрности, произнесенная имъ за пять дней предъ тѣмъ въ Тюлери, была со стороны этого несчастнаго человѣка заранѣе обдуманнымъ предательствомъ.

Маршалъ отдалъ приказъ, возвѣщающій, что дѣло Бурбоновъ безвозвратно потеряно. Приказъ сей былъ принятъ солдатами въ восторгомъ, и они тотчасъ выставили Наполеоновъ цвѣтъ и знамя. Многіе изъ офицеровъ однако же воспротивились оному и покинули мѣста свои. Одинъ изъ нихъ переломилъ свою шпагу и бросилъ ее Нею подъ ноги, сказавъ: «Благородному человѣку легче сломить сталь, чѣмъ нарушить свое слово.»

Ней былъ принятъ Наполеономъ съ отверстыми объятіями. Измѣна его причинила Королевскому дѣлу наивеличайшій вредъ, показавъ, что духъ предательства, обуявшій солдатъ, распространился выше и заразилъ даже главныхъ военачальниковъ.

Между тѣмъ Король, не взирая на всѣ сіи неблагопріятныя обстоятельства, всячески старался удержать своихъ подданныхъ въ вѣрности къ себѣ. Онъ лично присутствовалъ въ засѣданіи Палаты Депутатовъ, и былъ принятъ съ такими доказательствами восторга, что иной бы подумалъ, что въ слѣдъ за симъ будутъ приняты самыя дѣятельныя мѣры. Послѣ того Король сдѣлалъ смотръ 25,090 Народной Гвардіи, которая изъявила такіе же

знаки приверженности. Онъ также осмотрѣлъ 6000 линейныхъ войскъ, но они приняли его двусмысленно. Въ знакъ уваженія, они надѣли кивера свои на штыки, но ничего не кричали.

Нѣкоторые изъ окружавшихъ Лудовика, продолжали думать, что эти люди преданы Королю и что ихъ должно послать въ Малёнскій лагерь, единственное мѣсто, гдѣ Королевскіе приверженцы могли еще надѣяться дать отпоръ.

Прибѣгнувъ къ послѣднему средству, Лудовикъ созвалъ общій совѣтъ въ Тюліери, 18 Марта. Бывшіе на ономъ Генералы объявили, что нѣтъ никакой возможности сопротивляться Наполеону. Преданные Королю вельможи возразили имъ, и послѣ нѣсколькихъ жаркихъ споровъ, безъ всякаго уваженія къ Королевскому присутствію, Лудовикъ принужденнымъ нашелся прекратить собраніе и приготовиться къ выѣзду изъ столицы, гдѣ перевѣсъ его враговъ и несогласіе между его друзьями не оставляли ему никакой надежды найти себѣ защиту.

Между тѣмъ обѣ арміи подходили къ Мелёну; Королевская была предводительствуема вѣрнымъ Макдональдомъ. 20 числа онъ выстроилъ свои войска въ три линіи, дабы встрѣтить бунтовщиковъ, которые, какъ сказывали, шли отъ Фонтенбло. Тутъ произошло продолжительное ожиданіе, которое почти всегда располагаетъ людей къ сильнымъ и внезапнымъ впечатлѣніямъ. Площадки лѣса и косогоры, къ оному идущіе, были заняты Королевскою арміею, но представляли видъ совершеннаго уединенія. Все безмолствовало, кромѣ музыки въ полкахъ, которая, по приказанію офицеровъ своихъ, вообще сохранившихъ вѣрность, играла: *Vive Henri IV, — O Richard, — Charmante Gabrielle* и другіе марши, присвоенные дѣлу и семейству Бурбоновъ. Звуки сіи не возбудили соотвѣтственныхъ онымъ чувствъ въ солдатахъ. Наконецъ, около полудня раздался конскій топотъ и показалась, въ сопровожденіи нѣсколькихъ гусаровъ, открытая коляска, запряженная четырьмя лошадьми. Она подъѣхала во весь духъ — и Наполеонъ, выскочивъ изъ нея, очутился посреди тѣхъ, которыхъ привели съ нимъ сражаться. Сопровождавшіе его, соскочивъ съ лошадей, вмѣшались въ толпу своихъ старыхъ товарищей, и убѣжденія ихъ мгновенно подѣйствовали на людей, почти уже готовыхъ къ такой перемѣнѣ. Всѣ воскликнули: *Да здравствуетъ Наполеонъ!* — Послѣднее войско Бурбоновъ перешло къ нему, и никакой преграды не осталось болѣе между Наполеономъ и столицею, въ коей ему еще разъ приходилось — но ужъ на короткое время — пожить какъ Государю.

Лудовикъ XVIII слишкомъ хорошо предвидѣлъ долженствовавшую произойти измѣну для того, чтобы ожидать послѣдствій оной. Король выѣхалъ изъ Парижа, въ сопровожденіи своей Дворцовой Стражи, во второмъ часу утра 20 Марта. Даже въ это позднее время дворецъ былъ окруженъ Народною Гвардіею и многими гражданами, которые со слезами убѣждали Короля остаться, вызываясь пролить за него послѣднюю

каплю крови. Но Лудовикъ благоразумно отказался отъ пожертвованій, которыя не принесли бы ему никакой пользы. Подъ прикрышіемъ своей Дворцовой Стражи, онъ отправился въ Лиль. Маршалъ Макдональдъ, возвратясь изъ роковой позиціи подъ Мелёнемъ, принялъ начальство надъ этимъ небольшимъ отрядомъ, который увеличился многими охотниками, болѣе думавшими объ исполненіи своего долга, чѣмъ о возможности къ сопротивленію. Несчастію Короля оказывали однако же состраданіе и уваженіе, и онъ проѣхалъ чрезъ Аббевиль и чрезъ другіе, занятые войсками города, гдѣ солдаты встрѣчали его съ безмолвнымъ почтеніемъ; и хотя обнаруживали свое намѣреніе перейти къ его сопернику, но не думали оскорблять его особу или издѣваться надъ его злополучіемъ. Въ Лилѣ онъ надѣялся было остановиться, но Маршалъ Макдональдъ, представя ему неудовольствіе и буйное расположеніе гарнизона, убѣдилъ его, для спасенія своей жизни, продолжать путь; и, принужденный ко вторичному бѣгству, онъ отправился въ Остенде, а оттуда въ Гентъ, гдѣ учредилъ изгнанный Дворъ свой. Маршалъ Макдональдъ простился съ Его Величествомъ на границѣ, будучи увѣренъ, что, выѣхавъ изъ своего отечества, онъ лишится впредь всякой надежды быть полезнымъ Франціи или ея Монарху. Дворцовая Стража, за исключеніемъ двухъ сотъ человѣкъ, также была на границѣ отпущена. На возвратномъ пути на этихъ воиновъ нападали отряды легкой кавалеріи, и между тѣмъ какъ они по одиначкѣ пробирались въ свои домы, нѣкоторые изъ нихъ были убиты и почти всѣ ограблены и обижены.

Между тѣмъ бунтъ вполнѣ обнаружился въ Парижѣ. Лавалетъ, одинъ изъ усерднѣйшихъ Наполеоновыхъ приверженцевъ, поспѣшилъ изъ убѣжища, въ коемъ онъ скрывался, къ принятію отъ имени Наполеона главнаго начальства надъ Почтами, которое онъ имѣлъ въ прежнее его царствованіе. Это доставило ему возможность перехватить Королевскія воззванія и офиціяльно объявить во всѣхъ Департаментахъ о возстановленіи Императора. Ексельманъ, который такъ недавно еще клялся Королю въ *неизмѣнной* вѣрности, сорвалъ бѣлый флагъ, развѣвавшійся надъ Тюлери, и выставилъ трехцвѣтное знамя.

Поздно уже вечеромъ Наполеонъ прибылъ въ той же самой открытой коляскѣ, въ которой онъ ѣхалъ отъ самаго выхода своего на берегъ. Странную противоположность представлялъ въѣздъ его съ выѣздомъ Короля. Послѣдняго сопровождали рыданія, слезы и мольбы всѣхъ гражданъ, которые желали мира и спокойствія, жалобы тѣхъ, которые оставались безъ защиты, и опасенія умныхъ, осторожныхъ людей. Первый въѣхалъ въ городъ при громкихъ кликахъ войскъ, которыя, дыша только войною и опустошеніемъ, привѣтствовали военными восклицаніями вождя, долженствовавшаго опять ввесть ихъ въ ихъ стихію. Жители предмѣстій радовались, въ надеждѣ получить работы и милости, или внушеніями своихъ вождей, руководствуемыхъ Полиціею, были приго-

товлены къ сему событію. Но между множествомъ Парижскихъ граждань, столпившихся для того, чтобы видѣть сіе необычайное зрѣлище, мало или вовсе не осталось такихъ, которые бы раздѣляли сію радость. Гвардейскіе солдаты, раздраженные ихъ молчаніемъ, приказывали зрителямъ кричать, били ихъ плашмя саблями, и грозили имъ пистолетами; но даже и этими военными средствами не могли исторгнуть у нихъ желанныхъ кликовъ: *Свобода* и *Наполеонъ!*, хотя поступками своими они ясно доказывали, что по крайней мѣрѣ послѣдній возвратился къ Парижанамъ. На Карусельной площади и передъ Тюлерійскимъ дворцемъ всѣ приверженцы бывшаго Императорскаго правленія, равно какъ и тѣ, которые, оставя Наполеона, спѣшили скорѣе, признавъ его, загладить тѣмъ вину свою, — собрались для того, чтобы привѣтствовать его пріѣздъ восклицаніями, которыя нѣсколько вознаградили царствовавшее въ улицахъ молчаніе. Они такъ тѣсно вокругъ него столпились, что принудили его воскликнуть: «Друзья мои, вы меня душите!» и адъютанты вынесли его на рукахъ до большой лѣстницы, ведущей въ Королевскіе покои, гдѣ онъ принялъ поздравленіе отъ главныхъ начальниковъ и зачинщиковъ сего необычайнаго замысла.

Никогда, на самыхъ кровопролитныхъ и побѣдоносныхъ боевыхъ поляхъ, ужасное могущество Наполеонова генія не оказывалось въ такой силѣ, какъ на походѣ или, лучше сказать, на переѣздѣ его отъ Канна до Парижа. Человѣкъ, который оставилъ сей же самый берегъ, переодѣтый подобно рабу, и проливая какъ женщина слёзы отъ страха быть умерщвленнымъ, возвращался въ полномъ величіи, подобно обратной волнѣ, которая тѣмъ ужаснѣе и сильнѣе ударяетъ въ берегъ, чѣмъ дальше она была отброшена. Взоръ его, казалось, обладалъ мнимою властью сѣверныхъ волшебниковъ очаровывать мечи и копья. Храбрѣйшій изъ Храбрыхъ, шедшій для того, чтобы сразиться съ нимъ, какъ съ дикимъ звѣремъ, увидя его, призналъ его превосходство и вступилъ въ число его спутниковъ. Однако жъ блескъ, озаряющій Наполеона, не походилъ на свѣтъ планеты, движущейся въ своей правильной сферѣ, а на сіяніе кометы, предвѣщающей язву, смерть и разрушеніе.

Послѣдствія сего предпріятія были слѣдующимъ образомъ описаны Сиромъ Макинтошемъ, однимъ изъ краснорѣчивѣйшихъ и наиболѣе свѣдущихъ Британскихъ сановниковъ:

«Можно ли,» говоритъ сей отличный витія: «изобразить словами это великое зло? Войны, которыя двадцать пять лѣтъ свирѣпствовали въ Европѣ; которыя разливали кровь и опустошенія отъ Кадикса до Москвы, отъ Неаполя до Копенгагена, которыя изсушили источники человѣческихъ наслажденій и ниспровергли способы къ усовершенствованію общества; которыя грозили распространить въ Европѣ буйство, свирѣпость солдатъ, грабителей, — наконецъ, посредствомъ одной изъ сихъ превратностей, которыя поселяютъ недовѣрчивость къ человѣческой предусмотрительности, —

войны сіи приведены къ окончанію со счастіемъ, превышавшимъ всякія надежды, безъ потрясенія независимости народовъ, при соглашеніи настоящихъ мнѣній съ уваженіемъ къ стариннымъ постановленіямъ; безъ слишкомъ явнаго или оскорбительнаго торжества надъ законными выгодами или чувствами великаго числа людей; и въ особенности безъ возмездій противъ народовъ или партій, производящихъ новыя волненія, часто столь же ужасныя, какъ тѣ, которыя ими окончаны, и передающихъ мщеніе, ненависть и кровопролитіе изъ вѣка въ вѣкъ. Европа, казалось, отдохнула отъ ея страданій. Посреди сихъ утѣшительныхъ надеждъ Наполеонъ бѣжитъ съ Ельбы; три небольшія судна достигаютъ береговъ Прованса, и всѣ надежды сіи мгновенно уничтожаются; дѣло храбрости нашей и труды наши ниспровергнуты; кровь Европы тщетно проливалась —

«Jbi omnis efusus labor!»*

* Здѣсь пропали всѣ труды.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

—

Разныя, неудачныя попытки къ защитѣ Бурбоновъ. — Бонапартъ, возсѣвъ опять на Французскій престолъ, желаетъ остаться въ мирѣ съ Союзниками — но не получаетъ отвѣта на свои письма. — Вѣнскій Трактатъ. — Доводы Наполеона въ оправданіе принятой имъ мѣры. — Пренія въ Британской Палатѣ Депутатовъ о возобновленіи войны. — Мюратъ занимаетъ Римъ съ 50,000 человѣкъ — воззваніе его, призывающее всѣхъ Италіянцевъ къ оружію. — Онъ идетъ противъ Австрійцевъ — опрокинутъ при Оккіо-Белло — разбитъ при Толентино и бѣжитъ въ Неаполь, а оттуда, переодѣтый, во Францію, гдѣ Наполеонъ отказывается принять его.

—

Чрезъ потерю Парижа власть Бурбоновъ совершенно уничтожилась; и попытки нѣкоторыхъ членовъ сего Дома, воспротивиться злой судьбинѣ, сдѣлали честь ихъ храбрости, но не принесли никакой пользы ихъ дѣлу.

Герцогъ Ангулемскій принялъ начальство надъ значительнымъ отрядомъ войскъ, набранныхъ городомъ Марселемъ и Прованскими Роялистами. Но, окруженный Генераломъ Жилли, онъ принужденъ былъ положить оружіе съ условіемъ, чтобы сподвижники его получили прощеніе, а ему самому дозволено было выѣхать изъ Франціи. Генералъ Груши отказался утвердить сію капитуляцію, пока не будетъ извѣстна воля Наполеона. Но возстановленный Императоръ, желая, можетъ быть, показать свое великодушіе, дозволилъ Герцогу Ангулемскому отправиться моремъ изъ Сеута, поручивъ ему только просить Лудовика XVIII о возвращеніи казенныхъ бриліантовъ, которые Король увезъ съ собою въ Гентъ.

Герцогъ Бурбонскій пріѣхалъ въ Вандею, дабы собрать храбрыхъ Роялистовъ сей вѣрной области. Но она была ужъ прежде его занята преданными Наполеону войсками, такъ расположенными, что ее никакъ невозможно было ополчить; и Герцогъ принужденнымъ нашелся отправиться моремъ изъ Нанта.

Герцогиня Ангулемская, послѣдняя, оставшаяся въ живыхъ дочь Лудовика XVI, которая съ самыхъ юныхъ лѣтъ своихъ съ такою благородною твердостью переносила столь много превратностей и бѣдствій, доказала въ эти дни испытаній, что она при всякихъ обстоятельствахъ обладаетъ мужествомъ, приличнымъ

отрасли столь древняго Королевскаго рода. Она отправилась въ Бордо, гдѣ преданность Городскаго Мера, Графа Лепша, и всѣхъ вообще жителей, обѣщали ей дѣятельное пособіе, и Принцесса явилась посреди ихъ подобно героинямъ Рыцарскихъ временъ, коихъ взоры и слова въ минуту опасности придавали двойную силу мечамъ и воспламеняли сердца. Но, по несчастію, въ Бордо стоялъ гарнизономъ многочисленный отрядъ войскъ, зараженныхъ духомъ всеобщаго возмущенія. Притомъ же Генералъ Клозель подходилъ къ городу со значительными силами, преданными Наполеону. Герцогиня сдѣлала послѣднее усиліе, собравъ всѣхъ офицеровъ и напомнивъ имъ о ихъ обязанности, въ самыхъ трогательныхъ и сильныхъ выраженіяхъ. Но, видя холодность ихъ и слыша пустыя ихъ отговорки, она съ презрѣніемъ отъ нихъ отвернулась: «Вы боитесь,» сказала она: «вы мнѣ жалки; освобождаю васъ отъ вашихъ клятвъ.» Она сѣла на Англійскій фрегатъ, а городъ Бордо, отворивъ ворота свои Генералу Клозелю, призналъ Императора. Такимъ образомъ, хотя возвращеніе Наполеона и не было пріятно вообще всѣмъ Французамъ, а всякое открытое сопротивленіе его владычеству прекратилось, и онъ былъ признанъ Императоромъ черезъ двадцать дней послѣ того, какъ онъ вышелъ на берегъ въ Каннѣ съ тысячью человѣкъ приверженцевъ.

Но хотя Наполеонъ такимъ образомъ и возсѣлъ опять на престолъ, а оный не былъ обезпеченъ до тѣхъ поръ, пока Союзные Европейскіе Государи не признаютъ его въ званіи, котораго они такъ недавно еще лишили его своимъ оружіемъ. Правда, что онъ намекалъ своимъ солдатамъ на войну, порицая сдѣланную Бурбонами уступку, такъ называемыхъ имъ, Французскихъ земель. Правда, что съ тѣхъ поръ и до самой смерти своей, онъ продолжалъ питать упрямую мысль, что Бельгія, пріобрѣтенная Франціею двадцать лѣтъ тому назадъ, составляетъ нераздѣльную часть сего Государства. Правда, что Антверпенъ и пять сотъ линейныхъ кораблей, которые предполагалось тамъ выстроить, продолжали во всю его жизнь занимать его воображеніе. Слѣдовательно умыселъ будущей войны таился у него въ сердцѣ. Но чувствуя, сколько теперь необходимо для его выгодъ удостовѣрить Французовъ въ томъ, что возвращеніе его не разрушитъ Парижскаго договора, хотя онымъ Нидерланды и отданы были Голландіи, онъ не щадилъ никакихъ средствъ, дабы распространить слухъ о наклонности своей къ миру.

При самомъ началѣ его похода приверженцы его разгласили, что онъ везетъ съ собою договоръ, заключенный на двадцать лѣтъ со всѣми Европейскими Державами. Въ то же время увѣряли, будто бы Марія Луиза съ сыномъ вскорѣ прибудетъ во Францію, какъ залогъ примиренія съ Императоромъ Австрійскимъ; когда же она не явилась, то стали говорить, будто бы отецъ удерживаетъ ее въ обезпеченіе того, что Бонапарте исполнитъ свое обѣщаніе дать Французамъ сво-

бодную Конституцію. Къ такимъ-то уловкамъ онъ принужденъ былъ прибѣгать, дабы не обнаружить, что возвращеніе его причинитъ возобновленіе войны со всею Европою.

Между тѣмъ Наполеонъ не замедлилъ сообщить Министрамъ Союзныхъ Державъ готовность свою приступить къ Парижскому договору; хотя, по его всегдашнему убѣжденію, договоръ сей составлялъ униженіе и позоръ Франціи. Онъ написалъ письма ко всѣмъ Государямъ, изъявляя желаніе свое утвердить съ ними миръ на тѣхъ же условіяхъ, на которыхъ оный былъ заключенъ съ Бурбонами. Письма сіи остались безъ отвѣта. Намѣреніе Союзниковъ было уже принято.

Вѣнскій Конгрессъ, къ счастію, еще не разъѣхался, когда вѣсть о побѣгѣ Наполеона съ острова Ельбы была сообщена оному Талейраномъ, 11 Марта. Удивительное, подобно какъ и высокое, близко къ смѣшному; и въ физіологическомъ отношеніи любопытно замѣтить, что первая вѣсть о событіи, угрожавшемъ разрушить всѣ труды Конгресса, столь походила на сцену изъ комедіи, что смѣхъ былъ первымъ чувствомъ, которое она возбудила почти во всѣхъ присутствующихъ. Сіе веселіе не долго однако же продлилось, ибо этимъ нельзя было шутить. Конгрессу слѣдовало опредѣлительно объявить чувства свои на счетъ сего необычайнаго случая. Сіе объявленіе было издано 13 Марта, и по изложеніи происшедшаго, содержало въ себѣ слѣдующее:

«Нарушивъ договоръ, помѣстившій его на островъ Ельбу, Бонапарте ниспровергъ единственное, законное право, отъ коего зависѣло его существованіе; и, явясь во Франціи съ замыслами безпорядковъ и возмущеній, онъ лишилъ себя покровительства законовъ и доказалъ вселенной, что съ нимъ не можетъ существовать ни мира, ни согласія.

«Въ слѣдствіе сего, Союзныя Державы объявляютъ, что Наполеонъ Бонапарте поставилъ себя внѣ гражданскихъ и общественныхъ сношеній, и что, какъ нарушитель всемірнаго спокойствія, онъ симъ навлекъ на себя всеобщую месть. Онѣ также объявляютъ, что, твердо рѣшась блюсти Парижскій договоръ 30 Мая 1814 года, и статьи, онымъ положенныя, равно какъ и тѣ, которыя были въ послѣдствіи сдѣланы, или тѣ, которыя впредь могутъ быть въ пополненіе оныхъ присовокуплены, онѣ употребятъ всѣ средства, соединятъ всѣ свои усилія, дабы общій миръ, предметъ желаній Европы, и постоянная цѣль ихъ трудовъ, не могъ болѣе быть нарушенъ, и дабы предупредить всѣ замыслы, угрожающіе вновь погрузить миръ въ революціонные смуты.»

Непосредственно за симъ манифестомъ послѣдовалъ договоръ между Великобританіею, Австріею, Пруссіею и Россіею, возобновляющій союзъ, заключенный между сими Державами въ Шомонѣ. Первою статьею онаго объявлялось намѣреніе Высокихъ договаривающихся Державъ поддержать и возобновить Парижскій Трактатъ, отрѣшающій Наполеона отъ Французскаго пре-

стола, и дать болѣе силы исполненію вышеупомянутаго, произнесеннаго противъ него приговора. 2. Каждая изъ договаривающихся Державъ обязывалась имѣть постоянно въ полѣ по 150,000 человѣкъ, съ соотвѣтственнымъ тому числомъ конницы и артиллеріи. 3. Онѣ обязывались не класть оружія безъ общаго согласія до тѣхъ поръ, пока цѣль войны не достигнется, или пока Бонапарте будетъ приведенъ въ несостояніе нарушать спокойствіе Европы. Послѣ другихъ, не столь важныхъ статей, 7-ю опредѣлялось, чтобы прочимъ Европейскимъ Державамъ было предложено приступить къ сему союзу; а 8-ю, чтобы Король Французскій былъ особенно приглашенъ къ участію въ ономъ. Особою статьею предоставлялось Королю Англійскому на выборъ представить свой участокъ людьми или вмѣсто ихъ платить по 30 фунтовъ стерлинговъ въ годъ за каждаго коннаго и по 2 ф. с. за каждаго пѣхотнаго солдата. По утвержденіи сего договора Принцемъ Регентомъ, къ нему было приложено объявленіе относительно 8-й статьи онаго, что Его Британское Величество не считаетъ себя обязаннымъ продолжать войну съ тѣмъ, чтобы противъ воли Франціи учредить въ ней какой либо образъ правленія. Прочія договаривающіяся Державы согласились принять утвержденіе Его Королевскаго Высочества съ этимъ объясненіемъ и ограниченіемъ.

Этотъ Вѣнскій договоръ можетъ быть разсмотрѣнъ съ двухъ сторонъ: во-первыхъ, касательно причинъ, а во-вторыхъ, касательно употребленныхъ въ ономъ выраженій; и въ обоихъ сихъ отношеніяхъ было объ немъ разсуждаемо въ Британской Палатѣ Депутатовъ. Польза войны оспоривалась многими Членами Оппозиціи по причинѣ изнуренія Великобританіи; но всѣ вообще соглашались въ томъ, что побѣгъ Наполеона есть достаточная причина для возобновленія военныхъ дѣйствій. Великій Государственный сановникъ и законовѣдецъ, о которомъ мы уже упомянули, изложилъ отъ себя и отъ имени тѣхъ, которые съ нимъ соглашались, мнѣніе въ самыхъ опредѣлительныхъ выраженіяхъ:

«Нѣкоторые намеки,» сказалъ Сиръ Макинтошъ: «были сдѣланы о существующемъ въ Палатѣ различіи мнѣній на счетъ зла, долженствующаго произойти отъ бѣгства Наполеона. Мы не вѣримъ возможности сего. Всѣ согласно жалѣютъ о случаѣ, который дѣлаетъ возобновленіе войны столь вѣроятнымъ, если не неизбѣжнымъ. Всѣ друзья мои, коихъ чувства мнѣ извѣстны, полагаютъ, что по духу правъ общественныхъ, сіе новое похищеніе Наполеономъ власти есть достаточная причина Союзникамъ для возобновленія войны съ Франціею. Очевидно, что отреченіе Наполеона отъ престола и отъ верховнаго владычества было главнѣйшимъ изъ условій, на которыхъ Союзники даровали миръ Франціи. Фонтенблосскій договоръ и Парижскій трактатъ равно служили основаніями для возстановленія дружбы между Франціею и Европою. Въ слѣдствіе миролюбиваго, беззащитнаго положе-

нія Франціи по взятіи у ней страшнаго вождя ея, Союзная Европа даровала ей болѣе умѣренныя, болѣе благопріятныя условія мира. Но какъ только Франція нарушила сіе важное условіе, вновь признавъ власть Наполеона, то Союзники освобождались отъ своихъ обязательствъ и пріобрѣтали право воевать.»

Причины жалобъ, приводимыя Наполеономъ (которыя кажутся совершенно мнимыми, особенно на счетъ будто бы существовавшаго умысла лишить его свободы), были во-первыхъ, разлука его съ семействомъ. Но эта статья относилась исключительно до Австріи; ибо какая власть могла принудить Императора Франциска разлучиться съ дочерью, послѣ того, какъ жребій войны привелъ ее подъ его покровительство? Чувства Наполеона въ его положеніи были весьма естественны; но нельзя осудить и Императора, который, заботясь о чести и о благополучіи своей дочери, разлучилъ ее съ человѣкомъ, способнымъ на самыя отчаянныя средства для возстановленія своей падшей Фортуны. Дѣло сіе конечно наиболѣе зависѣло отъ воли самой его супруги; но, даже и предположивъ, что она была удерживаема родительскою властью, развѣ Наполеонъ могъ чрезъ сіе почесть себя въ правѣ къ возобновленію войны, въ родѣ Троянской, со всѣми Державами Европы, дабы возвратить себѣ жену или думать, что, будучи разлученъ съ нею чрезъ суровость отца ея, онъ властенъ вторгнуться во Французское Королевство и покорить себѣ оное? Вторая жалоба, которую мы считаемъ основательною, состояла въ томъ, что Наполеонъ былъ оставленъ въ нуждѣ, которой бы ему не слѣдовало терпѣть чрезъ невыдачу Франціею назначеннаго ему пансіона до истеченія года. За это конечно можно было жаловаться; но на кого? Ужъ конечно не на Союзниковъ, до тѣхъ поръ, пока Бонапарте не обратился бы къ нимъ съ просьбою о посредствѣ противъ Франціи, не выполняющей условій, ими постановленныхъ. Англія, которая лишь косвенно участвовала въ договорѣ семъ, вступилась уже за Наполеона, и нѣтъ никакого сомнѣнія, что удовлетвореніе было бы сдѣлано Союзными Державами, которыя не могли уклониться отъ содѣйствія исполненію заключеннаго ими договора. Нельзя отвергнуть того, что ручательство сихъ Державъ давало Наполеону право просить и жаловаться; но чтобы оно давало ему право прибѣгать къ насилію безъ всякихъ предварительныхъ представленій, это противно понятіямъ о правахъ народныхъ, по которымъ никакое оскорбленіе не можетъ счесться законнымъ поводомъ къ войнѣ до тѣхъ поръ, пока въ удовлетвореніи за оное будетъ отказано. Это однако жъ не что иное, какъ простой доводъ опроверженія. Бонапарте вторгся во Францію не потому, что она не выдавала ему пансіона; онъ вторгся въ нея потому, что имѣлъ сильныя надежды возсѣсть на престолъ; и слѣдовательно нельзя повѣрить, чтобы милліоны золота воспрепятствовали ему воспользоваться этимъ случаемъ.

Главная же причина, которою онъ оправдывался, состояла въ томъ, что онъ былъ призванъ всеобщимъ гласомъ Французскаго народа; но это показаніе опровергалось дѣломъ. Союзъ его съ Революціонистами заключался противъ воли народа, и притомъ сія партія не составляла значительной части онаго. «Избраніе его,» какъ говоритъ Граттанъ: «было военное; и поелику армія располагала Гражданскимъ Правительствомъ, то онъ шелъ какъ военный вождь въ покоренной землѣ. Народъ не возсталъ для того, чтобы защитить Бурбоновъ или воспротивиться Наполеону, потому, что онъ не могъ возстать противъ арміи. Духъ Франціи и ея Конституціи потеряли на это время всякую возможность сопротивляться. Они по неволѣ уступили превосходной силѣ.»

Словомъ сказать, мнѣніе Палаты Депутатовъ было столь единогласно на счетъ бѣдственныхъ послѣдствій ухода Наполеона съ острова Ельбы, что противъ Министровъ возникли обвиненія, почему они не приняли болѣе дѣйствительныхъ мѣръ для воспрепятствованія его побѣгу. На эти обвиненія отвѣтствовано, что Британія не была его тюремщикомъ; что не возможно было обложить кругомъ островъ Ельбу; а если бъ и было возможно, то Британія не имѣла права мѣшать Наполеону въ небольшихъ поѣздкахъ, которыя онъ могъ предпринимать безъ всякаго умысла къ побѣгу; хотя однако жъ сознавались, что если бъ Англійскій корабль встрѣтилъ его плывущаго съ войскомъ для вторженія во Францію, то онъ, не взирая ни на что, былъ бы остановленъ. Сверхъ того представляли, что ни по какому праву нельзя было учредить надзора на островѣ, коимъ полное управленіе было предоставлено признанному надъ онымъ Императору, или окружить его морскою силою, дабы остановить его въ случаѣ покушенія къ побѣгу. Обѣ сіи мѣры были бы явнымъ нарушеніемъ Фонтенблосскаго трактата, на который Англія согласилась, хотя она и не была въ числѣ договаривавшихся Державъ.

Выраженія, употребленныя въ объявленіи Союзниковъ, еще болѣе были порицаемы въ Британскомъ Парламентѣ, чѣмъ намѣреніе оныхъ возобновить войну. Говорили, что, лишая Наполеона покровительства законовъ, акпъ сей столько же подвергалъ его кинжаламъ убійцъ, какъ и мечу правосудія. Противъ сего обвиненія въ поощреніи къ убійству, сообщники Министровъ сильно возстали. «Цѣль сего объявленія,» говорили они: «была единственно та, чтобы выставить Наполеона предъ Французскимъ народомъ, какъ такого человѣка, который лишился своихъ гражданскихъ правъ, поставя себя, вопреки договору, въ то положеніе, въ коемъ по праву его, свойствамъ и воинскимъ талантамъ, онъ долженствовалъ вновь сдѣлаться предметомъ подозрѣній и ужаса для цѣлой Европы. Его непреклонная рѣшительность, его безпредѣльное честолюбіе, личный геній его и власть надъ умами другихъ людей, — словомъ сказать, великіе его воин-

скіе таланты, столь важные въ войнѣ и столь опасные въ мирѣ, были достаточными причинами къ заключенію Парижскаго мира, которымъ Наполеонъ былъ отрѣшенъ отъ престола. Нарушивъ сей миръ, торжественно заключенный со всею Европою, Наполеонъ потерялъ свои политическія права, и въ этомъ только отношеніи онъ былъ поставленъ внѣ закона. — Въ слѣдствіе сей рѣшимости, принятой въ Вѣнѣ и въ Лондонѣ, вся Европа поспѣшила приготовиться къ войнѣ; и число войскъ, съ коими Союзники намѣревались вступить во Францію, простиралось до одного милліона одиннадцати тысячъ человѣкъ.*

Прежде, чѣмъ мы пойдемъ далѣе, надобно сказать нѣсколько словъ о Мюратѣ. Его нѣсколько времени тревожилъ страхъ, весьма естественно возбужденный нападками на его Правительство, которыя Талейранъ сдѣлалъ на Конгрессѣ. Правда, что Союзныя Державы не приняли въ слѣдствіе сего никакихъ мѣръ противъ этого Государя, но, кажется, онъ узналъ, что Генералъ Нюдженитъ и Лордъ Вилiамъ Бентинкъ согласно доносили объ немъ, что въ послѣднюю войну онъ велъ себя скорѣе какъ нерѣшительный переметчикъ, чѣмъ какъ искренній союзникъ, какимъ онъ себя выставлялъ. Можетъ статься, что онъ по совѣсти чувствовалъ справедливость сего обвиненія; ибо достовѣрнымъ кажется, что Евгенія можно было бы гораздо сильнѣе стѣснить, если бъ Мюратъ показалъ расположеніе усердно дѣйствовать въ пользу Союзниковъ. И потому, почувствовавъ, что тронъ Танкреда подъ нимъ колеблется, онъ отважно рѣшился тотчасъ ополчиться противъ опасности, не дожидаясь того, чтобы время отвратило оную. Мюратъ находился въ сношеніяхъ съ островомъ Ельбою, и нельзя, чтобъ ему было неизвѣстно, съ какимъ намѣреніемъ Наполеонъ уѣзжалъ оттуда; но въ то же время ему бы слѣдовало сообразить, что въ случаѣ какого либо успѣха его шурина, союзъ съ нимъ сдѣлается столь необходимымъ для Австріи, усильно старавшейся сохранить себѣ сѣверъ Италіи, что она купитъ оный на какихъ ему угодно условіяхъ.

Вмѣсто того однако жъ, чтобы подождать случая, который бы доставило ему покушеніе Наполеона, непремѣнно долженствовавшее произойти, Мюратъ рѣшился самъ пуститься за себя въ борьбу. Выступивъ съ 50,000 арміею, и не объявляя своихъ намѣреній, онъ занялъ Римъ, изъ коего Папа и Кардиналы спаслись бѣгствомъ. Онъ угрожалъ всей линіи рѣки По, которую Австрійцы не могли защитить своими войсками; и 31-го Марта издалъ ко всѣмъ Италіянцамъ воззваніе, приглашая ихъ ополчиться для освобожденія земли своей. И такъ очевиднымъ казалось, что этотъ сынъ пирожника замышляетъ сдѣлать изъ всей Италіи одно Государство и возсѣсть на тронъ Ке-

* Участки, представленные разными Державами, были слѣдующіе: Австрія 300,000 человѣкъ; Россія 225,000; Пруссія 236,000; Германскія Государства 150,000; Великобританія 50,000; Голландія 50,000; всего 1,011,000 воиновъ.

сарей. Воззваніе было подписано: Іоахимъ Наполеонъ; ибо въ эту критическую минуту, онъ опять принялъ имя, имъ откинутое. Воззваніе его къ Италіянцамъ было тщетно. Ссоры между небольшими Державами такъ были часты, притязанія ихъ такъ между собою противоположны и чрезъ слабость свою онѣ такъ часто дѣлались добычею разныхъ завоевателей, что Италіянцы видѣли мало привлекательности въ предложеніи союза, обѣщающаго имъ какую-то мнимую независимость. И потому воззваніе мало на кого подѣйствовало, кромѣ какъ на нѣсколькихъ Болонскихъ студентовъ. Мюратъ пошелъ однако же къ сѣверу, гдѣ, по превосходству своему въ числѣ, онъ разбилъ Австрійскаго Генерала Біанки и занялъ Модену и Флоренцію.

Дѣйствія Мюрата встревожили Европу. Если бъ онъ проникъ въ Ломбардію, то могъ бы воевать совокупно съ Наполеономъ, который вновь возсѣлъ на престолъ и вѣроятно былъ бы усиленъ нѣсколькими тысячами ветерановъ арміи Вице-Короля Евгенія. Посему Австрія пожелала мира и предложила ему свое ручательство за безпрепятственное владѣніе Королевствомъ Неаполитанскимъ, съ присовокупленіемъ того, чего онъ давно добивался, а именно, всѣхъ земель до Римской Области. Британія въ то же время объявила, что поелику она заключила съ Іоахимомъ миръ по примѣру Австріи, то миръ сей не продлится долѣе, какъ доброе его согласіе съ ея союзницею. Мюратъ отвергнулъ предложенія первой Державы и пренебрегъ представленія второй. «Теперь ужъ поздно,» сказалъ онъ: «Италія достойна свободы — и она будетъ свободна.» Этимъ прекратились всѣ надежды на миръ. Австрія, объявивъ Мюрату войну, ускорила высылкою въ Испанію подкрѣпленій; а Британія готовилась сдѣлать высадку въ его Неаполитанскія владѣнія, гдѣ Фердинандъ имѣлъ еще много приверженцевъ.

Тактическіе таланты Мюрата очень уступали тѣмъ, которые онъ обнаружилъ въ званіи воина на ратномъ полѣ; и онъ былъ еще худшимъ политикомъ, чѣмъ полководцемъ. Отпоръ, сдѣланный ему при покушеніи перейти чрезъ По при Окхіо-Белло, повидимому разстроилъ весь его планъ кампаніи, и ему ужъ невозможно было возобновить переговоровъ, столь опрометчиво имъ прерванныхъ. Судя по военнымъ его движеніямъ, онъ, казалось, сознался въ томъ, что планъ, имъ задуманный, превышаетъ его силы и понятія. Онъ повсемѣстно отступилъ, оставя Парму, Реджіо, Модену, Флоренцію и всю Тоскану, и открывъ чрезъ сіе послѣднее движеніе Австрійцамъ лучшій и кратчайшій путь къ Риму. Въ слѣдствіе сего, по стѣсненіи его съ фронта и съ тыла, онъ принужденнымъ нашелся дать сраженіе близъ Толентино. Бой продолжался два дня (2 и 3 Мая); но Неаполитанцы не могли устоять противъ могучихъ Австрійцевъ. Тщетно Мюратъ, поставя пушки въ тылу атакующихъ колоннъ своихъ, приказалъ стрѣлять по тѣмъ, которые обратятся

въ бѣгство; тщетно самъ онъ показывалъ наипочтаяннѣйшую храбрость. Неаполитанская армія побѣжала въ совершенномъ разстройствѣ. Пушки ея, снаряды, казна и обозъ достались въ добычу Австрійцамъ; и при переходѣ чрезъ Аббруцскія горы Мюратъ потерялъ половину войскъ своихъ, не обнаживъ меча.

Разбитый Государь былъ преслѣдуемъ до самыхъ его Неаполитанскихъ владѣній, гдѣ онъ узналъ, что Калабрійцы возмутились и что Англійскій флотъ, сопровождающій присланныя противъ него изъ Сициліи войска, появился въ Неаполитанскомъ заливѣ. Армія его, — превратившаяся въ горсть людей чрезъ частыя стычки, въ которыхъ онъ дрался съ отчаяніемъ, заставившимъ сподвижниковъ своихъ думать, что онъ ищетъ себѣ смерти, — получила приказаніе запереться въ Капуѣ. Самъ онъ, оставившій Неаполь, по своему обыкновенію, въ пышной одеждѣ и предводительствуя многочисленнымъ войскомъ, возвратился въ свою столицу одинъ, въ сопровожденіи только четырехъ улановъ, и, сошедъ съ коня передъ дворцемъ, предсталъ предъ Королеву блѣдный, разстроенный, съ всклокоченными волосами и со всѣми признаками чрезвычайной усталости и унынія. Онъ поздоровался съ Королевою сими трогательными словами: «Государыня! я не нашелъ себѣ смерти.» Онъ вскорѣ увидѣлъ, что ему нельзя оставаться въ Неаполѣ, не подвергая опасности свою свободу, а можетъ быть и жизнь. Онъ простился съ Королевою, коей вскорѣ предназначено было лишиться сего пиита, обстригъ себѣ волосы и, переодѣвшись въ сѣрый кафтанъ, ушелъ на небольшой островъ Искію, а оттуда прибылъ 25 Мая въ Каппъ, гдѣ за нѣсколько недѣль предъ тѣмъ присталъ Наполеонъ. Супруга его, вскорѣ послѣ того, устрашенная расположеніемъ Неаполитанской черни къ бунту, отдалась Командору Камбелю и была принята имъ на корабль *Тремендосъ* (Грозный).

Гонецъ возвѣстилъ о прибытіи Мюрата во Францію Наполеону, который, вмѣсто того, чтобы послать утѣшенія своему несчастному родственнику, какъ сказываютъ, спросилъ съ горькимъ презрѣніемъ: «Заключенъ ли миръ между Неаполемъ и Франціею со временъ войны 1814 года?» Отвѣтъ сей, кажется, обнаруживаетъ, что хотя покушенія Іоахима и Наполеона, судя по времени и по другимъ обстоятельствамъ, могли быть сочтены составленными по взаимному соглашенію, но что не было опредѣлительныхъ сношеній, а еще того менѣе, настоящаго договора между сими двумя отважными родственниками. Дѣйствительно, Наполеонъ всегда отрицался отъ всякаго участія въ безразсудномъ предпріятіи Мюрата, и утверждалъ, что считаетъ оное для себя оскорбительнымъ. Наполеонъ говоритъ, что при отъѣздѣ своемъ съ острова Ельбы, онъ написалъ къ Мюрату письмо, прощая ему все, между ними происшедшее, и совѣтуя своему зятю сохранить миръ съ Австрійцами, противоставъ имъ только тогда, если бъ онъ увидѣлъ, что они хотятъ итти на

Францію; онъ также предлагалъ утвердить за нимъ его Королевство. Мюратъ отвѣтствовалъ ему съ изъявленіемъ преданности, обязываясь доказать Наполеону впредь своими поступками, что онъ болѣе достоинъ его сострадания, чѣмъ гнѣва, не требуя никакого обезпеченія, кромѣ слова Императора, и объявляя, что преданность во всю остальную часть его жизни загладитъ воспоминаніе объ его измѣнѣ. «Но,» продолжаетъ Наполеонъ: «Мюрату было суждено губить меня, одинъ разъ объявивъ себя противъ меня, а въ другой разъ взявъ не кстати мою сторону.» Онъ пошелъ противъ Австріи съ недостаточными силами и, по уничтоженіи надеждъ его, лишилъ Италію державы, которая одна только могла еще быть уравновѣшивающимъ оплотомъ. Съ этой минуты Наполеонъ не имѣлъ уже никакой возможности къ переговорамъ съ Австріею.

Принимая точность сего Наполеонова показанія и допуская, что оба они съ Мюратомъ дѣйствовали каждый для себя отдѣльно, нельзя предполагать, чтобы между ими не было никакого взаимнаго соглашенія. Каждый изъ нихъ конечно хотѣлъ обработать свое собственное дѣло, зная, что можетъ надѣяться на помощь другаго, смотря по тому, каковы будутъ его успѣхи и не хотя притомъ отказаться отъ права, въ случаѣ нужды, заключить миръ, отрекшись отъ всякаго участія въ замыслахъ побѣжденнаго. Не взирая на великолѣпныя подробности, помѣщенныя въ *Монитёрѣ* о предпріятіи Мюрата, тогда, какъ оно обѣщало еще успѣхи, достовѣрно, что Бонапарте старался склонить къ себѣ Австрію предложеніемъ оставить Мюрата; и что Мюратъ, если бы вняли его предложеніямъ послѣ разбитія при Окхіо-Белло, опять согласился бы отложиться отъ Наполеона, коего имя онъ такъ недавно вновь на себя принялъ. Запутавшись въ этомъ лабиринтѣ себялюбивой политики, Мюратъ имѣлъ огорченіе быть презрѣннымъ Наполеономъ, для коего онъ сдѣлался бы только бременемъ, а не помощью. Если бъ онъ пришелъ въ Миланъ побѣдителемъ и простеръ бы Наполеону чрезъ Альпы дружескую руку, то сколь отличенъ былъ бы пріемъ, ему оказанный! Но Бонапарте не хотѣлъ даже видѣть его въ бѣдствіи, и не дозволилъ ему пріѣхать въ Парижъ, радуясь тому, что зрѣлище его злополучія съ горечью опровергнетъ басни, которыя Французскіе журналы нѣсколько времени писали о его успѣхахъ. Фуше послалъ къ нему гонца, очень похожаго на того, который былъ отправленъ къ обиженнымъ посламъ Соломона, чтобъ они сидѣли въ Іерихонѣ до тѣхъ поръ, пока у нихъ выростутъ бороды. Мюрату повелѣвалось остаться въ удаленіи до тѣхъ поръ, пока воспоминаніе о его стыдѣ изгладится новыми предметами общей пользы.

Бонапарте думалъ было призвать Мюрата къ арміи; но онъ опасался огорчить этимъ Французскихъ солдатъ, которые не иначе, какъ съ отвращеніемъ и съ ужасомъ увидѣли бы человѣка, измѣнившаго Франціи. «Я не полагалъ возможнымъ призвать его подъ Ватерло,» говорилъ онъ спут-

никамъ своимъ на островѣ Св. Елены: «а онъ бы могъ содѣйствовать мнѣ къ одержанію побѣды: ибо въ продолженіе боя было много минутъ, когда для склоненія оной достаточно было опрокинуть два или три Англійскихъ баталіона; а Мюратъ былъ именно такой человѣкъ, какихъ тутъ надобно. Для сдѣланія кавалерійскаго натиска не было офицера, болѣе рѣшительнаго, болѣе храбраго и болѣе блистательнаго.»

Такимъ образомъ Мюрату запретили показываться при Тюлерійскомъ Дворѣ, гдѣ измѣна его могла быть забыта, но гдѣ разбитіе его считалось непростительною виною. Онъ оставался въ безвѣстности близъ Тулона до тѣхъ поръ, пока судьба призвала его въ другое мѣсто послѣ рѣшительной Ватерлоской битвы. * Отъ сего важнаго эпизода нашей исторіи, мы обращаемся къ Франціи и къ главному нашему предмету.

* Извѣстно, что Іоахимъ Мюратъ, съ трудомъ убѣжавъ изъ Франціи, ушелъ въ Корсику, и что онъ могъ бы получить дозволеніе безопасно жить въ Австрійскихъ владѣніяхъ. Онъ однако жъ питалъ о возвращеніи себѣ короны безразсудную мысль, заставившую его отвергнуть сіи благопріятныя условія и вторгнуться съ двумя стами человѣкъ въ Неаполитанскія владѣнія. Дабы сдѣлать свой замыселъ совершенною пародіею Наполеонова предпріятія въ Канъ, онъ издалъ напыщенныя, исполненныя лжей воззванія. Буря разбила его флотилію. Самъ онъ, 8 Октября, присталъ къ берегу въ небольшомъ рыбачьемъ мѣстечкѣ близъ Монте-Леоне. На него напали поселяне, съ коими онъ, по обыкновенію своему, храбро дрался, но былъ разбитъ, взятъ въ плѣнъ, отданъ подъ военный судъ и приговоренъ къ смерти. Королевско-Сицилійскій Домъ не показалъ милосердія; ибо можно бы помиловать человѣка, который, хотя и перешелъ теперь въ частное званіе, но такъ недавно еще былъ Королемъ, что съ его стороны извинительно было забыть, что онъ ужъ не въ правѣ заключать миръ или начинать войну, не подвергаясь личной отвѣтственности. Мюратъ встрѣтилъ судьбу свою, какъ слѣдовало *Красивому Наѣзднику*. Онъ повѣсилъ себѣ на грудь портретъ жены своей, не позволилъ завязать себѣ глазъ, получилъ стоя шесть пуль въ сердце и обрѣлъ смерть, которую онъ столь безпаказанно пренебрегалъ въ такомъ множествѣ битвъ.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

—

Покушенія Наполеона расположить къ себѣ Англію. — Заговоръ, увезти Марію Луизу, не удается. — Образъ мыслей во Франціи, на счетъ возвращенія Наполеона. — Армія. — Якобинцы. — Конституціонисты. — Фуше и Сіесъ сдѣланы Перами. — Свобода книгопечатанія дарована и нарушена. — Смѣлый поступокъ Г. Конта, издателя *Цензора*. — Неудовольствія низшихъ сословій. — Часть оныхъ остается преданною Наполеону. — Они сбираются предъ Тюлери и рукоплещутъ Императору. — Праздникъ Федератовъ. — Новая Конституція — принята съ неудовольствіемъ. — Собраніе на Майскомъ-Полѣ для утвержденія оной. — Адресы Наполеона къ Палатамъ Перовъ и Представителей. — Духъ Якобинства господствуетъ въ послѣдней.

—

Между тѣмъ какъ Мюратъ боролся со своею злою судьбиною, Бонапарте поспѣшалъ приготовиться къ предстоящей войнѣ. Первымъ его стараніемъ, какъ мы уже видѣли, было расположить къ себѣ Союзныя Державы. Желая угодить Великобританіи, онъ издалъ указъ, уничтожающій торгъ невольниками, и сдѣлалъ нѣкоторыя распоряженія на счетъ общественнаго воспитанія, съ похвалами отзываясь о способахъ Беля и Ланкастера. Мѣры сіи были благопріятно приняты нѣкоторыми изъ нашихъ законовѣдцевъ, чѣмъ доказывалось, что Бонапарте постигалъ духъ нашего народа. Дабы повѣрить, что въ продолженіе его десятимѣсячнаго уединенія, онъ дѣятельно занимался бѣдствіями Негровъ, или жалкимъ невѣжествомъ, въ которое собственныя его мѣры и недостатокъ первоначальнаго воспитанія погрузили Французское юношество, должно было забыть его склонность къ честолюбію. Думать же, напротивъ того, что по прибытіи своемъ во Францію, онъ желалъ чрезъ нѣкоторыя пожертвованія расположить къ себѣ своихъ могущественныхъ и страшныхъ сосѣдовъ, было болѣе сообразно съ его планами, выгодами и характеромъ. Средства, избранныя имъ для пріобрѣтенія пріязни Британіи, были однако жъ весьма благоразумны. Уничтоженіе рабства Негровъ и воспитаніе бѣдныхъ были (къ чести нашего законодательства) предметами частыхъ и жаркихъ преній въ Палатѣ Депутатовъ; а ничѣмъ нельзя столько польстить людямъ, какъ стараясь имъ подражать. Честь Англіи не могла равнодушно видѣть, что самый явный врагъ ея старался пріобрѣсть ея хорошее мнѣніе, не уступкою какихъ либо народныхъ выгодъ, но содѣйствіемъ къ мѣрамъ

общественнаго благоденствія. Однако жъ характеръ Наполеона былъ слишкомъ хорошо извѣстенъ, и стараніе его поддѣлаться подъ чувства Великобританіи, слишкомъ обнаруживало притворство для того, чтобы произвесть общее или сильное впечатлѣніе въ его пользу.

Съ Австріею Наполеонъ поступилъ иначе. Онъ зналъ, что ему не удастся склонить Императора Франциска или Министра его, Меттерниха, къ тому, чтобы онъ, согласно съ его обѣщаніемъ, представилъ народу жену свою и сына на Майскомъ Полѣ. Хитрость оставалась единственнымъ средствомъ; и нѣкоторые, бывшіе въ Вѣнѣ Французы вмѣстѣ съ приближенными къ Маріи Луизѣ людьми, вознамѣрились увезти Императрицу Французскую и ея сына. Заговоръ былъ обнаруженъ и предупрежденъ; послѣ чего немедленно принята самая явная мѣра, дабы показать, что Австрія считаетъ узы свои съ Наполеономъ навѣки расторгнутыми. Марія Луиза, по приказанію отца своего, оставя ливрею и гербы своего супруга, бывшіе до сихъ поръ на ея свитѣ и экипажахъ, приняла знаки Австрійскаго Дома. Это рѣшительное дѣйствіе положило конецъ столь долго питаемымъ Наполеономъ надеждамъ, что ему удастся найти какое либо средство для пріобрѣтенія дружбы своего тестя.

Прочія Европейскія Державы не болѣе показали готовности внять его предложеніямъ. И такъ онъ остался только съ одними своими приверженцами во Французскомъ народѣ и съ тѣми, которыхъ бы ему удалось къ нимъ присоединить.

Армія показала достаточную къ нему преданность, по причинамъ, которыя легко себѣ представить. Сословіе чиновниковъ, равнодушныхъ къ имени того, кому они служили, лишь бы получать свое содержаніе, было весьма многочисленно и важно. И хотя, — не будучи доведены политическими обстоятельствами до необходимости потерять наши способы существованія или покориться перемѣнѣ Правительства — мы можемъ удивляться перемѣнчивости Французовъ, слыша имена почтенныхъ, знаменитыхъ мужей, избравшихъ послѣднюю изъ сихъ дорогъ, однако жъ взглядъ на Британію во время частыхъ переворотовъ ея въ XVII столѣтіи, заставитъ насъ вмѣсто: бѣдная Франція! воскликнуть: бѣдное человѣчество! Богомолы Кромвелевыхъ временъ, которые набожно именовали себя учениками Провидѣнія, потому, что они покорялись всякой послѣдней перемѣнѣ; и секта рабовъ обстоятельствъ, въ коей находился тотъ честный патріотъ, который при возстановленіи Стуартовъ жаловался на то, что онъ въ продолженіе года служилъ семи Правительствамъ и лишился мѣста за то, что не поспѣлъ скоро принесть свою покорность послѣднему, — могли бы въ свое время составить такой же длинный и забавный списокъ, какъ знаменитый *Словарь Флюгеровъ*. Въ дѣлахъ, зависящихъ отъ внезапнаго порыва чувствъ, Французъ, болѣе вѣтреный и легкомысленный, скорѣе способенъ перемѣниться, чѣмъ хладнокровный,

медлительный Англичанинъ; но когда подуетъ постоянно вѣтръ денежныхъ выгодъ, то люди всѣхъ земель и народовъ оказываютъ то же непреодолимое расположеніе направлять по немъ свои парусы; и въ политикѣ, такъ же какъ въ нравственности, ежеминутно должно бы молить Бога о томъ, чтобы Онъ не вводилъ насъ во искушеніе.

Кромѣ тѣхъ, которые были привязаны къ Императору своими выгодами, признательностью или уваженіемъ къ его талантамъ, Бонапарте имѣлъ еще приверженцевъ или, лучше сказать, невольныхъ союзниковъ въ Якобинцахъ, принужденно сдѣлавшихъ его главою Правительства, которое они надѣялись преобразовать. Къ нимъ должно присовокупить гораздо болѣе многочисленное и болѣе почетное сословіе тѣхъ, которые усильно противились его возвращенію, но видя дѣло Бурбоновъ совершенно погибшимъ, согласились принять Наполеона съ тѣмъ условіемъ, что Франція получитъ свободную Конституцію. Всѣ сіи люди были побуждаемы разными причинами; но если отъ насъ потребуютъ общаго имъ опредѣленія, то мы уподобимъ ихъ тѣмъ честнымъ Англійскимъ *Вигамъ*, которыхъ, устраняя всякой духъ партій, мы считаемъ людьми умѣренными и разсудительными, страстно любящими законы и свободу, уважающими Государей и ихъ семейства, поелику они необходимы для общественнаго блага; и столь мало различествующими отъ истинныхъ *Тори*, что если бъ между тѣми и другими возникъ какой либо основательный споръ на счетъ важныхъ статей Конституціи, то врядъ ли между ними послѣдовало бы разногласіе. Такова, по нашему мнѣнію, разница между разсудительными поборниками Конституціи и Роялистами во Франціи; и безъ сомнѣнія, между тѣмъ какъ чувства послѣднихъ заставляли ихъ съ ужасомъ взирать на владычество хищника, многіе изъ первыхъ, страшась для независимости Франціи посредства чужеземныхъ Державъ, полагали, что, защищая дѣло Наполеона, они дѣлаютъ изъ необходимости добродѣтель и играютъ въ азартную игру столь искусно, сколько позволяли имѣвшія у нихъ на рукахъ карты. Многіе умные, любящіе отечество люди, которые питали еще мысль о свободѣ въ продолженіе всѣхъ правительствъ и безначалій, существовавшихъ двадцать лѣтъ, пользуясь замѣшательствомъ Наполеона, старались составить планъ Правительства, основаннаго на свободныхъ понятіяхъ. Они полагали, что стѣсняемый извнѣ и неподдерживаемый внутри Государства никѣмъ, кромѣ солдатъ, онъ принужденъ будетъ искать подпоры своего народа, снисходя къ общему мнѣнію и учредивъ свободное Правительство. Въ этомъ убѣжденіи великое число такихъ людей, болѣе или менѣе склонныхъ къ умѣренной, ограниченной Монархіи, было готово признать владычество Бонапарте сообразно съ тѣмъ, какъ онъ окажется сего достоинъ чрезъ свою уступчивость.

Другая часть поборниковъ Конституціи, въ поведеніи своемъ и въ

доводахъ, сходствовала съ умѣренными разсудительными Тори въ Англіи. Люди сіи не отступались отъ своего законнаго Монарха, потому, что Фортуна временно противъ него возстала. По ихъ мнѣнію, для прочности Конституціи должно было, чтобы Монархъ, такъ же какъ и народъ, имѣлъ свои права; и что если признать хищника на какихъ бы то ни было условіяхъ, то по одержаніи имъ побѣдъ мечемъ своимъ, народъ вновь подвергнется притѣсненіямъ. Лудовикъ, — могли говорить сіи люди — не сдѣлалъ никакого преступленія; онъ былъ только жертвою обстоятельствъ, заставившихъ предполагать, будто бы онъ намѣревается сдѣлать перемѣны въ Конституціи и въ Хартіи, оную утверждавшей. Безчестно было покидать добраго, миролюбиваго Короля по приказу взбунтовавшейся арміи и изгнаннаго хищника. Они жалѣли о томъ, что Государь ихъ восшелъ на престолъ съ помощью иноземныхъ штыковъ; но, можетъ быть, для Французовъ лучше было, чтобы миролюбивое, умѣренное Правительство хоть такимъ образомъ возстановилось, чѣмъ терпѣть насильственное самовластіе собственныхъ солдатъ своихъ. Разсуждавшіе такимъ образомъ смѣялись ожиданію свободной Конституціи — отъ Наполеона, который въ свое прежнее царствованіе не допускалъ свободы мыслей, словъ и дѣйствій — и отъ бывшихъ поборниковъ Революціи, которые во времена своего владычества не могли удовольствоваться никакою степенью свободы, до тѣхъ поръ, пока ниспровергли всѣ, соединявшіе общество узы, и уподобили страну свою огромному дому сумасшедшихъ, зажженному самими больными, которые пляшутъ посреди пламени.

Таковы, по нашему мнѣнію, правила, коими бы долженствовали руководствоваться умные и умѣренные люди всѣхъ партій въ эту бурную эпоху. Легко себѣ вообразить, что мнѣнія ихъ не могли не измѣняться, смотря по ихъ характеру, предразсудкамъ, предубѣжденіямъ, страстямъ и личнымъ выгодамъ, и что многіе изъ нихъ впали въ крайности, названныя тогда — *ультрацизмомъ*.

Между тѣмъ Наполеонъ дѣлалъ все, что могъ, дабы пріобрѣсть любовь народа и показать, что онъ искренно желаетъ даровать Франціи обѣщанную имъ свободную Конституцію. Онъ совѣтовался съ Карно, съ Сіесомъ, съ Фуше и, конечно, много извлекъ пользы изъ ихъ наставленій. Онъ сдѣлалъ сіе однако же съ условіемъ, чтобы Карно и Сіесъ вступили въ Члены Палаты Перовъ, дабы показать, что они совершенно примирились съ Императорскимъ правленіемъ, и оба эти бывшіе Республиканца согласились промѣнять свои *красныя шапки* на Герцогскія короны, которыя, по ихъ же мнѣнію, не совсѣмъ были имъ къ лицу.

Но хотя союзъ приверженцевъ Императора и народной партіи былъ скрѣпленъ общею непріязнью къ Бурбонамъ и поддерживаемъ страхомъ, внушеннымъ Королевскими друзьями внутри и Союзниками внѣ Государства, а сѣмена раздора веко-

рѣ обнаружились между Императоромъ и народными вождями. Между тѣмъ какъ первый тщился могущественною рукою захватить скипетръ, обратно имъ полученный, послѣдніе безпрестанно напоминали ему, что онъ взялъ его съ тѣмъ, дабы царствовать ограниченно, какъ главѣ свободнаго Правительства, пользующемуся исполнительною властью, но обузданному народною Конституціею. Наполеонъ въ частыхъ спорахъ, возникавшихъ о семъ важномъ предметѣ, принужденъ былъ уступать демагогамъ въ доводахъ, ими приводимыхъ. Но тогда, для безопасности государства, угрожаемаго внѣшними и внутренними бѣдами, онъ настаивалъ, что необходимо облечь главу Правительства диктаторскою властью, хотя временною, но столь же неограниченною, какая давалась въ древнихъ Республикахъ, когда оныя бывали въ большой опасности. Карно и Фуше съ другой стороны расчитывали, что хотя повидимому весьма было сомнительно и легко предоставить такую власть на настоящее время, но что послѣ народу не удастся уже исторгнуть оную обратно изъ рукъ Наполеона. Такимъ образомъ Императоръ и Министры его дѣйствовали безъ взаимнаго довѣрія, но, напротивъ того, съ подозрительностью, слегка прикрытою со стороны Наполеона притворнымъ уваженіемъ, а со стороны его совѣтниковъ наружною почтительностью.

Первая жертва, которую Императоръ принесъ свободѣ, обратилась противъ его Правительства. Это была свобода книгопечатанія. Правда, что его Министръ Полиціи умѣлъ косвенными средствами подчинить своему вліянію большую часть журналовъ, такъ что изъ шестидесяти писателей, постоянно занимавшихся повременными изданіями, только пять остались вѣрными Королевскому дѣлу. Перья прочихъ, которыя за нѣсколько дней тому назадъ представляли Наполеона демономъ, пожравшимъ цвѣтъ Французскаго юношества, теперь превозносили его какъ героя и избавителя. Однако жъ, по учрежденіи свободы книгопечатанія, невозможно было похитить у нея права ея, и скоро нашлись писатели, которые стали защищать Бурбоновъ, по правиламъ своимъ, изъ прихоти, или по склонности къ противорѣчію.

Наполеонъ, который всегда обращалъ большое вниманіе на цензуру, учредилъ надсмотрщиковъ надъ книгопродавцами. Министръ Полиціи, другъ свободы, — но, какъ основательно замѣчалъ Г. Коншъ, Издатель *Цензора*, свободы во вкусѣ господина Фуше — всею силою своей власти старался остановить столь быструю заразу вольности. Этотъ Г. Коншъ былъ отважный и вѣрный неизмѣнный защитникъ свободы. Онъ одобрялъ возвращеніе Наполеона, полагая, что оно послужитъ къ лучшему; но, увидя великій перевѣсъ военной власти, онъ написалъ нѣсколько строгихъ замѣчаній на счетъ незаконныхъ правъ, присвоиваемыхъ себѣ арміею въ Государственныхъ дѣлахъ, которыя, сказалъ онъ на отрѣзъ, приведутъ Францію въ положеніе Рима, когда Имперія была управляема Преторіанскою Стражею. Это задѣло

Наполеона за живое — журналъ былъ схваченъ Полиціею и Министръ, желая прикрыть сей поступокъ, объявилъ въ *Монитёръ*, что хотя журналъ и былъ взятъ Полиціею, но что онъ немедленно возвращенъ. Но Контъ былъ не такой человѣкъ, чтобы замолчать; онъ напечаталъ противъ сего офиціяльнаго отзыва возраженіе, объявляя, что журналъ его не возвращенъ. Его на другой день потребовали къ Префекту, который попеременно то грозилъ ему, то его ласкалъ, упрекая его въ неблагодарномъ сопротивленіи Императору и совѣтуя ему подумать о томъ, сколько Правительство можетъ доставить ему выгодъ. Недоступный никакимъ просьбамъ и предложеніямъ, Контъ просилъ только, чтобы ему было дозволено воспользоваться возстановленною свободою книгопечатанія; и почтенный сановникъ никакъ не могъ вразумить его въ томъ, что если Наполеонъ и дозволилъ печатать всякому, что ему угодно, то не иначе, какъ съ тѣмъ, чтобы сіе было также угодно Префекту и Министру Полиціи. Контъ имѣлъ смѣлость обнародовать все сіе дѣло.

Между тѣмъ воззванія Лудовика, воспрещающія платить подати и объявляющія о походѣ 1,200,000 подъ стѣны Парижа, были каждую ночь прилѣпливаемы къ стѣнамъ домовъ на зло Полиціи. Журналъ *Лиліи*, державшій сторону Бурбоновъ, также былъ тайно, но повсемѣстно распространяемъ. Въ лучшихъ сословіяхъ общества, гдѣ Наполеона боялись и ненавидѣли, ходили по рукамъ пѣсни, сатиры и пасквили, осмѣивающіе его самого, Министровъ его и Правительство съ наивеличайшею язвительностью. Его осыпали краснорѣчивыми ругательствами, спрашивая, что въ немъ есть общаго со свободою, которую онъ, по словамъ его, вводитъ въ свое царствованіе. Онъ былъ — говорили его противники — непримиримый врагъ свободы, убійца Республики, разрушитель правъ Франціи, за которыя она столь дорого заплатила; а призракъ свободы, имъ показанный, есть не что иное, какъ фигляреская комедія, съигранная съ помощью штыковъ. Такъ-то онъ заботился о свободѣ, уничтоживъ народное представительство въ Сен-Клу, — заведя восточный деспотизмъ въ просвѣщенной Франціи — прекративъ свободныя сообщенія между гражданами, — изгнавъ всѣ независимыя, философическія понятія подъ общимъ именемъ идеологизма. «Можно ли забыть,» продолжали они: «что небеса и адъ менѣе между собою несовмѣстны, чѣмъ Бонапарте и свобода? Даже самое слово Свобода было изгнано въ его желѣзное царство и обрадовало Французовъ въ первый разъ послѣ двѣнадцати лѣтъ уничиженія и отчаянія при счастливомъ возстановленіи Лудовика XVIII. — «Жалкій обманщикъ!» восклицали они: «сталъ ли бы онъ говорить о свободѣ, если бъ возвращеніе Лудовика не ознакомило насъ со свободою и съ миромъ?» — Духъ непріязни распространился и въ нѣкоторыхъ сословіяхъ черни. Рыбныя торговки (Les dames de la Halle), столь страшныя во времена Фрондскаго заговора и въ первые годы

Революціи возстаніемъ своимъ противъ Двора, приняли теперь Королевскую сторону съ такимъ же шумомъ, какъ и обыкновенно. Онѣ сложили, или какой нибудь Роялистъ сочинилъ для нихъ пѣсню, которой припѣвъ требовалъ возвращенія Короля подъ именемъ отца изъ Гента. * Онѣ осыпали насмѣшками и грубостями полицейскихъ, старавшихся прекратить эти изъявленія неудовольствія; и, окруживъ ихъ начальника, начинали плясать, припѣвая свою двусмысленную пѣсню, до тѣхъ поръ, пока Фуше, устыдясь того, что онъ не оправдываетъ дарованной Наполеономъ свободы мыслить и говорить, приказалъ своимъ офицерамъ не мѣшать этимъ Амазонкамъ на счетъ ихъ политическихъ чувствъ.

Между тѣмъ какъ Бонапарте не могъ расположить къ себѣ высшихъ сословій, и какъ даже самыя рыбныя торговки противъ него бунтовались, онъ имѣлъ на своей сторонѣ полчища живущей въ предмѣстіяхъ черни, сихъ знаменитыхъ копейщиковъ Революціи, коихъ грубость и звѣрство увеличили ея ужасы. Мы вовсе не намѣрены осуждать честную промышленность или презирать бѣдствія нищеты. Не нищета, но невѣжество и пороки черни большихъ городовъ дѣлаютъ ее всегда отвратительною, а по временамъ ужасною. Она имѣетъ право на покровительство законовъ и на милости Государя; но тотъ, кто вздумаетъ употребить ее какъ политическое орудіе, призоветъ къ себѣ на помощь рыкающаго звѣря съ тысячью головами, съ когтями для того, чтобы раздирать, съ пастьми для того, чтобы ревѣть, но неимѣющаго ни языка для того, чтобы говорить дѣло, ни ушей, дабы внимать увѣщаніямъ, ни глазъ, дабы видѣть, ни разсудка, дабы понимать.

Чрезъ нѣсколько времени послѣ возвращенія Наполеона, толпы ремесленниковъ, самаго низшаго разряда, собрались подъ окнами Тюлієри и объявили свое желаніе видѣть Императора, котораго, при его появленіи, они привѣтствовали именемъ дающаго ремесленникамъ работу *Великаго Подрядчика* (Le Grand Entrepreneur), на грубомъ языкѣ, украшенномъ тѣми цвѣтками краснорѣчія, которые употреблялись во времена Ужаса. Собранія сіи продолжались, благодаря раздаваемымъ крикунамъ деньгамъ.

При всемъ своемъ отвращеніи къ такимъ позорнымъ буйствамъ, Бонапарте чувствовалъ, что ему нельзя обойтиться безъ сихъ полчищъ, и принужденъ былъ учредить торжественный ходъ и пиршество для этихъ людей, которыхъ, по образу ихъ набора, назвали Федератами (Союзными).

14 Мая, пестрыя, безпорядочныя ихъ толпы, собравшіяся по этому достопамятному случаю, представили взорамъ устрашенныхъ и гнушающихся ими зрителей все, что есть самаго закоснѣлаго въ порокахъ и распутствѣ. Эти страшныя полчища двинулись по булеварамъ на Тюлієрійскій дворъ съ кликами, въ которыхъ хвала Императору смѣши-

* Donnez-nous notre paire de gants, произносится одинаково, какъ и notre père de Gand.

валась съ проклятіями и съ Революціонными пѣснями (давно не слыханными въ Парижѣ) — *La Marseillaise, la Carmagnole, le Chant du Départ.* Наружность сихъ людей, выходцевъ съ фабрикъ изъ мастерскихъ и изъ тюремъ; ихъ рубища, неопрятность и пьянство; порывы ихъ свирѣпства или богохульной радости, показывали, что они ежемгнутно готовы возобновить ужасы Революціи. Внимательные наблюдатели замѣтили, что самъ Бонапарте съ ужасомъ удалился изъ сего сборища, имъ же самимъ приглашеннаго. Гвардія его стояла подъ ружьемъ, а заряженныя пушки были наведены на Карусельную площадь, наполненную сими пестрыми толпами, въ коихъ рѣзко отличались своимъ цвѣтомъ одежды хлѣбниковъ и угольниковъ, названныхъ въ шутку бѣлыми и черными мушкатерами. Наполеонъ поспѣшилъ распустить сихъ отвратительныхъ сподвижниковъ, осыпавъ ихъ похвалами и напоивъ водкою. Народная Гвардія обидѣлась тѣмъ, что ее принудили быть въ строю при проходѣ Федератовъ. Линейныя войска почувствовали уничиженіе Императора. Горделивыя свойства Французскихъ солдатъ не дозволяли имъ дружиться съ чернью, даже по дѣлу Императора. На пути отъ Канна замѣчено, что они переставали кричать: *Да здравствуетъ Императоръ!* когда, при вступленіи въ какой нибудь большой городъ, чернь на площадяхъ подхватывала кликъ сей, и скорѣе прекращали свои восклицанія, чѣмъ соглашались произносить оныя вмѣстѣ съ бродягами, ими презираемыми. Теперь они роптали между собою — видя, какъ Наполеонъ угождаетъ этимъ презрѣннымъ ремесленникамъ — что побѣдитель Маренгскій и Ваграмскій сдѣлался атаманомъ народной сволочи. Словомъ сказать, этотъ презрительный союзъ Наполеона съ чернью не могъ даже быть раскрашенъ на ласкательныхъ страницахъ *Монитёра*, который, при блистательномъ описаніи сего достопамятнаго сборища, принужденнымъ нашелся сознаться, что въ иныхъ мѣстахъ къ имени Императора неприлично примѣшивали выраженія и клики, напоминающіе *эпоху*, *къ несчастію*, *слишкомъ знаменитую.*

Тревожимый внѣшними опасностями и внутренними волненіями, равно какъ унизительною необходимостью каждый вечеръ являться черни, которая безъ околичностей привѣтствовала его именемъ *Отца Фіалки*, и въ особенности выводимый изъ терпѣнія докуками своихъ совѣтниковъ-философовъ, которые, между прочими новизнами, желали, чтобы онъ, сложивъ съ себя титулъ Императора, принялъ названіе Президента или Великаго Генерала Республики, Наполеонъ — дабы избавиться отъ докукъ, оскорбительныхъ для его гордости, уѣхалъ изъ Тюлери въ уединенный дворецъ Елизе-Бурбонъ и, казалось, опять сдѣлался Императоромъ, какимъ онъ былъ до своего отреченія. Здѣсь, съ помощью Бенжаменъ Констана и другихъ сановниковъ, онъ занялся составленіемъ Новой Конституціи. Она заключала въ себѣ всѣ уравновѣшенія власти, считаемыя необхо-

димыми въ составѣ Вольнаго Правительства, и очень походила въ духѣ своемъ на ту, которая была дана Королевскою Хартіею. * Не взирая на то, она была чрезвычайно какъ дурно принята всѣми партіями, а въ особенности тѣми, которыя надѣялись получить отъ Наполеона Конституцію, болѣе свободную, чѣмъ та, которую они уничтожили, свергнувъ Лудовика XVIII съ престола. Другія важныя возраженія были также сдѣланы противъ сего образа правленія.

Во-первыхъ, противъ сего Императорскаго дара было сказано то же, что говорили противъ Королевской Хартіи, а именно, что это не былъ договоръ между народомъ и Государемъ, коимъ первый призывалъ послѣдняго на престолъ съ извѣстными условіями, — но признаніе Государемъ правъ народа. По смыслу Ліонскихъ указовъ, собраніе на Майскомъ Полѣ долженствовало быть созвано съ тою главною цѣлью, чтобы представить новую Конституцію и судить объ оной; но теперь остался только выборъ принять или отвергнуть то, что было сочинено Наполеономъ. Философы сіи очень огорчились, не въ состояніи будучи наслаждаться свободою, если она не происходила прямо отъ народа и не была утверждена народными преніями. Но Наполеонъ опредѣлилъ, чтобы собраніе 10 Мая не имѣло въ Конституціи другаго участія, кромѣ принятія того, что имъ будетъ предложено. Онъ не намѣренъ былъ представлять на разсмотрѣніе сего собранія законы, посредствомъ коихъ ему слѣдовало царствовать.

Второе. Сія новая Конституція, хотя утвержденная совершенно на иномъ основаніи Правительства, была обнародована подъ страннымъ титуломъ: «Дополнительнаго Акта къ

---

* Вотъ сокращеніе оной:

Законодательная власть предоставляется Императору и двумъ Палатамъ.

Палата Перовъ наслѣдственна: Императоръ ихъ назначаетъ; число ихъ неограниченно.

Вторая Палата избирается народомъ и состоитъ изъ шести сотъ двадцати девяти членовъ, которые должны быть не моложе двадцати пяти лѣтъ. Президентъ оной назначается Членами съ утвержденіемъ Императора.

Члены получаютъ содержаніе, которое будетъ назначено Учредительнымъ Собраніемъ.

Палата должна быть возобновляема чрезъ каждые пять лѣтъ.

Императоръ можетъ отсрочить, отложить или распустить Палату Представителей.

Засѣданія оной будутъ всенародны.

Избирательныя Коллегіи утверждаются.

Подати поземельныя и прямыя должны быть опредѣляемы на одинъ только годъ. Непрямыя могутъ быть полагаемы на нѣсколько лѣтъ

Никакой наборъ людей, ни обмѣнъ землями не можетъ быть сдѣланъ иначе, какъ посредствомъ закона.

Подати должны быть предлагаемы Палатою Представителей.

Министры подлежатъ отвѣтственности.

Судьи не могутъ быть смѣнены.

Присяжные учреждаются.

Дается право подавать просьбы, — свобода богослуженій — и неприкосновенность собственности.

Въ послѣдней статьѣ сказано: «Французскій народъ объявляетъ, что онъ не присвоиваетъ себѣ права возстановить Бурбоновъ или какого бы то ни было Принца изъ сего Дома, даже въ случаѣ отрѣшенія отъ престола Императорской династіи» —

Уставамъ Имперіи,» и чрезъ то составляла родъ приложенія къ великой громадѣ неотмѣненныхъ коренныхъ законовъ, изъ коихъ многіе были несообразны съ Дополнительнымъ Актомъ по своему смыслу и духу.

Тѣ, которые пользовались довѣренностью Императора при составленіи сего Акта, старались убѣдить себя въ томъ, что Наполеонъ искренно поступаетъ съ Франціею; однако жъ они не могли не сознаться, что его трудно вразумить на счетъ ограниченной Монархіи. Они чувствовали, что хотя Императоръ и склонится раздѣлить власть свою, но что тою, которая у него останется, онъ будетъ пользоваться съ бо́льшею, чѣмъ когда либо независимостью, и что онъ будетъ считать Министровъ лишь исполнителями своей воли, отвѣтствующими только предъ нимъ одинмъ; и станетъ по прежнему посылать имъ для исполненія запечатанные приказы, на счетъ коихъ не сочтетъ за нужное съ ними совѣтоваться.

Роялисты восторжествовали при обнародованіи сего Дополнительнаго Акта: «Для того ли,» говорили они: «вы нарушили ваши клятвы и изгнали вашего Короля, чтобы вамъ были предписаны указомъ въ видѣ Турецкаго фирмана, тѣ же, или почти тѣ же самые законы, которыми вы прежде пользовались по Хартіи; и для сего вы перемѣнили миролюбиваго Монарха, коего самая слабость васъ обезпечивала, на честолюбиваго воина, который угнететъ васъ своею силою? Для сего-то вы вторично идете войною противъ всей Европы — для Дополнительнаго Акта и для Майскаго Поля!

Упрямые Республиканцы, кромѣ возраженій своихъ противъ Верхней Палаты, которую Императоръ могъ наполнять своими приверженцами для противодѣйствія народнымъ представителямъ, не видѣли въ предложенной Конституціи ничего для себя пріятнаго. Въ ней не было никакого признанія отвлеченныхъ преимуществъ; никакихъ положеній на счетъ правъ властителей и подвластныхъ; никакихъ метафизическихъ разсужденій о происхожденіи законовъ; и они столько же были огорчены и обманутыя въ своихъ надеждахъ, какъ святоша, который слышитъ нравственное поученіе вмѣсто Богословской рѣчи. Несчастный Дополнительный Актъ сдѣлался предметомъ нападковъ и насмѣшекъ со всѣхъ сторонъ; и его считали столь недолговѣчнымъ, что одинъ книгопродавецъ, у коего покупщикъ потребовалъ экземпляръ онаго, отвѣчалъ, что онъ не торгуетъ повременными изданіями. *

При этихъ обстоятельствахъ учреждено Майское Поле, и дабы сдѣлать несовмѣстность полнѣе, его открыли 1 Іюня. Депутаты собрались туда изо всѣхъ Департаментовъ, но не съ тѣмъ, какъ сначала было положено, чтобы разсмотрѣть

* Онъ однако жъ, не взирая на то, былъ представленъ съ обыкновеннымъ успѣхомъ Избирательнымъ Корпусамъ, которые, по добротѣ своей, никогда не отвергали Конституціи, предлагаемой существующимъ Правительствомъ. Число подавшихъ въ пользу онаго голоса свои превышало милліонъ, что едва ли составляло десятую долю имѣвшихъ право подавать голоса.

новую Конституцію, а съ тѣмъ, чтобы присягнуть въ исполненіи оной; не съ тѣмъ, чтобы ѣстрѣтить Императрицу Марію Луизу и сына ея, а для того, чтобы зрѣть роковые орлы — символы скорой, кровопролитной войны, раздаваемые Императоромъ солдатамъ.

Наполеонъ и братья его, коихъ онъ еще однажды собралъ вокругъ себя, явились на Майскомъ Полѣ въ великолѣпныхъ одеждахъ; онъ какъ Императоръ, а они какъ Принцы Крови — другая причина къ неудовольствію Республиканцамъ. О собранныхъ голосахъ объявили, избиратели присягнули Дополнительному Акту, барабаны забили, трубы затрубили и пушки загремѣли. Но клики были немногочисленны и принужденны. Императоръ, казалось, смотрѣлъ на все сіе, какъ на пустой обрядъ, до тѣхъ поръ, пока ему пришлось раздавать орлы вновь избраннымъ полкамъ; и тогда, посреди символовъ прошедшаго, и, какъ онъ могъ думать, посреди надеждъ будущихъ побѣдъ, онъ явился такимъ, какъ былъ прежде. Но вообще Майское Поле, по выраженію Парижанъ, была *неудачная піеса, освистанная фарса*, за которою долженствовала послѣдовать кровавая трагедія.

Послѣ сего запались собраніемъ Палатъ. Палата Перовъ не заключала въ себѣ, подобно Англійской, Членовъ знатнаго рода, съ великимъ богатствомъ, съ независимостью правилъ и съ воспитаніемъ, соотвѣтствующими ихъ званію наслѣдственныхъ законодателей. Она состояла изъ Принцевъ Наполеоновой царской крови, къ коимъ былъ присоединенъ Луціанъ, столь долго устраняемый отъ совѣтовъ его брата, но который теперь, будучи движимъ братскою любовью или наскучивъ литературными занятіями, послѣ представленія имъ эпической поэмы неблагодарной, неуважительной публикѣ, старался помочь брату своему въ настоящихъ затруднительныхъ его обстоятельствахъ, подобно какъ онъ мужествомъ своимъ и присутствіемъ духа содѣйствовалъ ему въ Брюмерскую Революцію. Тамъ находилось еще около ста другихъ сановниковъ, изъ коихъ болѣе половины военныхъ, и въ томъ числѣ два или три бывшихъ Якобинца, такихъ, какъ Сіесъ и Карно, которые приняли титла, кресты и чины, несообразные со всею ихъ жизнью. Остальные были люди, возвысившіеся въ прежнее царствованіе Наполеона и нѣсколько литераторовъ, преданныхъ его дѣлу и недавно возведенныхъ въ дворянское достоинство. На это сословіе, немогшее имѣть другой воли, кромѣ того, что будетъ угодно Императору, Республиканцы и Конституціонисты смотрѣли съ завистью, а сограждане съ презрѣніемъ. Самъ Бонапарте объявилъ на счетъ онаго свое мнѣніе, близкое къ послѣднему чувству. Едва устроивъ свои орудія, онъ, кажется, удостовѣрился въ недѣйствительности ихъ и въ маломъ вліяніи ихъ на духъ общественный. *

* Парижскіе остроумцы называли Лабедойера, Друо, Нея и Лальмана; les quatre pairs fides perfides (вероломные), между тѣмъ какъ Вандамъ и прочіе были наименованы освистанными: les pairs siffléés.

Совсѣмъ другое было во Второй Палатѣ, гдѣ засѣдали старинные поборники Революціи и новые ихъ сотоварищи, которые надѣялись, что Бонапарте сдѣлается Государемъ патріотомъ и своими воинскими талантами спасетъ Францію собственно для нея, а не для себя. Въ послѣднемъ разрядѣ находилось много мужей, не только съ талантами, но добродѣтельныхъ и исполненныхъ любви къ отечеству; съ великимъ числомъ людей, тщетно вздыхавшихъ о Республиканской свободѣ, о которой самые пылкіе изъ нихъ долженствовали бы оставить помышленія послѣ столькихъ лѣтъ кровопролитной, безполезной опытности — какъ о несовмѣстной съ положеніемъ земли и съ духомъ Французскаго народа.

Распри Представительной Палаты съ Правительствомъ начались 4 Іюня, въ первый день ея засѣданій, и подобно, какъ и у ихъ предшественниковъ, за пустое несоблюденіе обряда. Они избрали Ланжюине своимъ Предсѣдателемъ; и сей выборъ человѣка, который былъ защитникомъ Лудовика XVI, который сильно, рѣшительно сопротивлялся власти Робеспьера, и въ особенности того, который, исчисливъ преступленія, въ слѣдствіе коихъ Наполеонъ отрѣшенъ отъ престола въ 1814 году, не могъ быть пріятенъ Императору. Когда Наполеону представили выборъ сей на утвержденіе, то онъ отвѣтствовалъ, что Камергеръ его завтра пришлетъ Комитету отвѣтъ чрезъ дежурнаго пажа. Палата вспыхнула, и Наполеонъ принужденнымъ нашелся дать немедленно, хотя и не охотно, свое утвержденіе на сей выборъ. Другимъ достопримѣчательнымъ признакомъ чувствъ Палаты была внезапная выходка члена оной, Сибюе, противъ употребленія титуловъ Герцога, Графа и другихъ почетныхъ названій въ Палатѣ Представителей. Поелику Сибюе читалъ рѣчь свою, что противно уставу Палаты, то онъ былъ остановленъ; но на другой день, или чрезъ короткое время онъ выучилъ ее наизусть, и Палата принуждена была до конца его выслушать. Въ тотъ же день у Карно, какъ у Министра, потребовали списка особъ, назначенныхъ въ Перы; но онъ отказалъ дать оный, пока начнется засѣданіе. Это произвело также большой шумъ и волненіе, съ трудомъ унятые Предсѣдателемъ посредствомъ безпрестаннаго звона въ колокольчикъ. Присяга, которую долженствовали произнесть Депутаты, нѣсколько разъ подвергалась балотированію, и приверженцы Наполеона съ трудомъ успѣли въ томъ, чтобы она была произнесена Императору и Конституціи, не упоминая о народѣ.

Второе засѣданіе 7 Іюня было столь же шумно, какъ и первое. Феликсъ Лепелетье предложилъ, чтобы Палата поднесла Наполеону титулъ спасителя отечества. Сему воспротивились, опираясь на то, что отечество еще не спасено; и Палата единогласно положила, оставя сіе дѣло, перейти къ другимъ занятіямъ.

Не взирая на эти явные признаки возрожденія Якобинскаго духа, или по крайней мѣрѣ сопротивленія

Императорской волѣ, положеніе Наполеона заставляло его на это время обращаться къ симъ непокорнымъ людямъ, имъ созваннымъ, съ такою же довѣренностью, какую, какъ сказываютъ, чародѣи изъявляли злому духу, ими вызванному. Адресъ его къ обѣимъ Палатамъ былъ умно, съ твердостью и прилично написанъ. Онъ отказался предъ ними отъ всякихъ притязаній на самовластіе, и объявилъ себя другомъ свободы; требовалъ содѣйствія Палатъ по части финансовъ, изъявлялъ желаніе обуздать нѣсколько злоупотребленія книгопечатанія и убѣждалъ представителей подать собою примѣръ довѣрчивости, силы и любви къ отечеству для отраженія угрожающихъ оному опасностей. Перы отвѣтствовали приличнымъ образомъ. Но не такъ поступила Вторая Палата; ибо, не взирая на стараніе преданныхъ Императору людей, отвѣтъ оной сильно отзывался духомъ сопротивленія. Правда, что Палата обѣщала единодушно содѣйствовать отраженію иноземныхъ враговъ; но объявляла, что она еще намѣрена разсмотрѣть изложенную въ Дополнительномъ Актѣ Конституцію и, выставя погрѣшности ея и недостатки, предложить средства къ исправленію оныхъ. Она также дѣлала нѣкоторыя умѣренныя замѣчанія на счетъ честолюбія Наполеона. «Народъ нашъ,» говорила она, «не питаетъ никакого желанія о распространеніи предѣловъ. Даже воля самого побѣдоноснаго Государя не заставитъ его выйти изъ границъ обороны.» Въ отвѣтѣ своемъ Наполеонъ не оставилъ безъ вниманія этихъ намековъ. Онъ старался внушить сему непокорному собранію уваженіе къ его Конституціи, названной имъ «Полярною звѣздою въ бурѣ,» и основательно замѣтилъ, «что нечего опасаться соблазна славы, когда еще слѣдуетъ сражаться за свое существованіе. Упомянувъ о важности предстоящаго перелома, онъ увѣщевалъ Палату не подражать поступкамъ, въ послѣднія времена Имперіи, Римскаго народа, который съ буйствомъ вступалъ въ отвлеченныя пренія тогда, какъ общій врагъ разбивалъ уже врата столицы.»

Такъ Бонапарте разстался со своими Законодательными Палатами; онъ поѣхалъ искать счастія на полѣ битвы, а онѣ занялись измѣненіемъ и передѣлкою его законовъ, дабы придать имъ болѣе народнаго духа и доставить владычеству Якобинцевъ перевѣсъ надъ властью Императора. Всѣ видѣли, что Имперіялисты и Республиканцы ждутъ побѣды только съ тѣмъ, чтобы оспорить другъ у друга добычу; и народъ такъ мало былъ расположенъ одобрять сихъ буйныхъ демагоговъ, упорно возстававшихъ противъ Императора, что почти всѣ предсказывали вѣроятность ихъ изгнанія, мечемъ ли Наполеона или Бурбоновъ.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

—

Приуготовленія къ возобновленію войны. — Расположеніе Союзныхъ войскъ, простирающихся до милліона человѣкъ. — Силы Бонапарте, не превышающія 200,000 человѣкъ. — Онъ не отваживается сдѣлать Конскрипцію. — Народная Гвардія — нерасположеніе оной къ службѣ. — Многія области оказываютъ непріязнь къ дѣлу Наполеона. — Докладъ Фуше обнаруживаетъ всеобщее нерасположеніе. — Возмущеніе Вандеи усмирено. — Военные способы Франціи. — Наполеоновъ планъ кампаніи. — Парижъ приведенъ въ оборонительное положеніе. — Пограничные города и проходы также укрѣплены. — Генералы, поступившіе въ службу къ Наполеону. — Онъ объявляетъ намѣреніе свое сразиться съ Веллингтономъ.

—

Мы теперь разсмотримъ пріуготовленія, сдѣланныя для нашествія на Францію по всей восточной границѣ — средства къ отпору, которыя таланты Императора противопоставляли многочисленнымъ врагамъ его — и внутреннее положеніе самого Государства.

Между тѣмъ какъ дѣла, нами описанныя, происходили во Франціи, Союзники дѣлали самыя исполинскія пріуготовленія къ возобновленію войны. Англійскій Канцлеръ Казначейства выдалъ въ заемъ тридцать шесть милліоновъ фунтовъ стерлинговъ, и деньги сіи весьма много содѣйствовали движенію Союзныхъ войскъ.

Пребываніе Конгресса было перенесено изъ Вѣны во Франкфуртъ, дабы приблизить оный къ театру войны. Императоры Россійскій и Австрійскій, равно какъ и Король Прусскій, опять приняли начальство надъ своими арміями. Всей восточной границѣ угрожали страшныя силы. Сто пятьдесятъ тысячъ Австрійцевъ, раздѣлавшись съ Мюратомъ, могли вступить во Францію чрезъ Швейцарію, ибо Кантоны также приступили къ Союзу. Такой же силы армія угрожала Верхнему Рейну. Шварценбергъ былъ главнымъ предводителемъ Австрійцевъ, имѣя у себя подъ начальствомъ Бельгарда, Фримона, Біанки и Винцентa. Двѣсти тысячъ Русскихъ шли къ границамъ Альзаса. Цесаревичъ Константинъ былъ назначенъ Главнокомандующимъ, а подъ Нимъ начальствовали: Барклай де Толли, Сакенъ, Ланжеронъ и проч. Сто пятьдесятъ тысячъ Прусаковъ, подъ предводительствомъ Блюхера,

занимали Фландрію, соединясь съ восмью-десятью тысячами Британскихъ или содержимыхъ Британіею войскъ, имѣвшихъ вождемъ Герцога Веллингтона. Тамъ же находились участки разныхъ Германскихъ Принцевъ, такъ что всѣхъ Союзныхъ силъ вообще считалось болѣе милліона человѣкъ. Читатель не долженъ однако же полагать, чтобы такое огромное воинство могло вдругъ быть двинуто впередъ. Оно по необходимости было расположено въ разныхъ линіяхъ, дабы обезпечить продовольствіе и привесть ихъ въ возможность одна другую подкрѣплять.

Для отпора сей огромной арміи, Наполеонъ, со свойственнымъ ему искусствомъ и быстротою, умѣлъ найти, удивляющія своею обширностью, средства. Регулярная армія, — уменьшена Бурбонами, — презъ призывъ отставныхъ офицеровъ и уволенныхъ отъ службы солдатъ, усилилась отъ 100,000 человѣкъ до двойнаго противъ сего числа опытныхъ, отличныхъ войскъ. Но этого все еще было весьма недостаточно; Конскрипція такъ тѣсно соединялась съ бѣдственными войнами Наполеона, что онъ не смѣлъ предложить, и Представительная Палата не согласилась бы принять сей старый, ненавистный способъ набора, посредствомъ коего Наполеонъ однако жъ надѣялся пріобрѣсть, еще въ теченіе Іюня мѣсяца, 300,000 человѣкъ. Между тѣмъ было предложено обратить въ подвижные, двѣсти баталіоновъ Народной Гвардіи, избравъ для сего самыхъ способныхъ людей, что бы составило 112,000 человѣкъ. Предлагали также набрать въ Департаментахъ, сколько будетъ можно, Федератовъ, т. е. охотниковъ изъ низшихъ сословій. Отправленіе въ походъ Народной Гвардіи было повелѣно Императорскимъ указомъ 5 Апрѣля 1815 года, и Комисары, большею частью изъ Якобинцевъ, были разосланы по разнымъ Департаментамъ; ибо Наполеонъ очень желалъ и употребить ихъ на службу, и избавить Парижъ отъ ихъ присутствія. Имъ однако жъ не удалось воспламенить народнаго усердія; ибо, или сами они ослабѣли духомъ, или народъ слишкомъ привыкъ уже къ этому образу краснорѣчія для того, чтобы оно могло на него подѣйствовать. Слова: Свобода и Братство, не служили ужъ болѣе знакомъ соединенія, и призывъ къ оружію — указами, столь же самовластными, какъ и предписывавшіе Конскрипцію, хотя подъ другимъ именемъ, возбуждалъ всеобщее отвращеніе во многихъ Департаментахъ сѣверной Франціи, въ коихъ, такъ же какъ и въ Бретаии, непріязнь жителей обнаруживалась скорѣе угрюмымъ упрямствомъ, чѣмъ явнымъ сопротивленіемъ волѣ Наполеона. Народная Гвардія не хотѣла итти; когда же ее къ тому принудили, то она пользовалась всѣми случаями къ побѣгамъ и къ возвращенію домой; такимъ образомъ часто случалось, что шестисотный баталіонъ уменьшался пятою долею, не прошедъ и двухъ миль.

Въ Департаментахъ: Гардскомъ, Марнскомъ и Нижне-Лоарскомъ бѣлое знамя было поднято и, водруженное во многихъ мѣстахъ послѣ возста-

новленія Наполеона древо вольности исторгнуто. Народный духъ въ большей части областей оказывался весьма неблагопріятнымъ Наполеону.

Фуше, въ докладѣ своемъ, живо изобразилъ сіе неудовольствіе. Наполеонъ всегда сочинялъ докладъ сей написаннымъ съ тою цѣлью, чтобы повредить дѣламъ его, и какъ этотъ перемѣнчивый сановникъ находился тогда въ тайныхъ сношеніяхъ съ Союзниками, то вѣроятно, что онъ сочинилъ его для того, чтобы ободрить Роялистовъ и настращать приверженцевъ Императора. Этотъ великій кознодѣй, которому, по выраженію Юнія, само вѣроломство не могло бы ввѣриться, едва было не запутался въ своихъ собственныхъ сѣтяхъ; и хотя онъ велъ дѣло съ чрезвычайнымъ искусствомъ, а Наполеонъ посадилъ бы его въ тюрьму, или велѣлъ бы его разстрѣлять, если бъ Карно не замѣтилъ ему, что онъ послѣ того и часу не будетъ царствовать.*

Такимъ образомъ Бонапарте былъ почти доведенъ до званія какъ бы

* Подробности сего дѣла показываютъ, съ какою смѣлостью и при какихъ опасностяхъ Фуше плавалъ или погружался въ мутныя воды политики, бывшія его стихіею. Князь Меттернихъ прислалъ въ Парижъ агента, дабы войти въ сообщеніе съ Фуше отъ имени Австрійскаго Правительства. Возбудивъ подозрѣніе нѣкоторыми банковыми сдѣлками, агентъ сей былъ обвиненъ предъ Наполеономъ и захваченъ его собственною Полиціею, которая, по необходимой въ благоустроенныхъ Правительствахъ предосторожности, наблюдала за главною Полиціею Фуше. Человѣкъ сей былъ приведенъ къ Наполеону, который погрозилъ ему, что тутъ же на мѣстѣ велитъ его разстрѣлять, если онъ не откроетъ всей истины. Тогда агентъ признался, что Меттернихъ прислалъ его къ Фуше, съ просьбою отправить вѣрнаго человѣка въ Базель для свиданія съ Уполномоченнымъ отъ Австрійскаго Министра, котораго посланный отъ Фуше узнаетъ по особому знаку, также имъ показанному. — «Исполнилъ ли ты свое порученіе относительно Фуше?» спросилъ Императоръ. — «Исполнилъ,» отвѣчалъ Австрійскій агентъ. — «А послалъ ли онъ кого въ Базель?» — «Это мнѣ не извѣстно.» — Агентъ былъ посаженъ въ тайную темницу, а находившійся при томъ Баронъ Флёри де Шабулонъ, немедленно отправленъ въ Базель подъ видомъ агента, который долженствовалъ быть посланъ туда отъ Фуше, дабы извѣдать, какъ далеко простиралась сдѣлка между Французскимъ и Австрійскимъ Министрами. Фуше скоро узналъ, что присланный къ нему отъ Меттерниха агентъ пропалъ; онъ догадался о его участи, и тотчасъ потребовалъ себѣ свиданія у Императора. Поговоривъ о другихъ дѣлахъ, онъ вдругъ какъ будто бы вспомнилъ, и съ притворнымъ равнодушіемъ попросилъ извиненія въ томъ, что онъ тотчасъ не доложилъ о дѣлѣ, довольно важномъ, но о которомъ онъ забылъ въ громадѣ другихъ обязанностей. «Австрійское Правительство присылало ко мнѣ агента,» сказалъ онъ: «прося, чтобы я отправилъ въ Базель вѣрнаго человѣка для переговоровъ съ Уполномоченнымъ отъ Меттерниха, и я прівхалъ просить у Вашего Величества дозволенія воспользоваться этимъ случаемъ, дабы узнать тайные замыслы непріятеля.» — Наполеонъ не былъ обманутъ этою хитростью. Въ горницѣ было множество зеркалъ, и онъ могъ видѣть въ оныхъ и насладиться дурно скрытымъ замѣшательствомъ своего вѣроломнаго Министра. — «Господинъ Фуше,» сказалъ онъ: «поберегитесь меня дурачить: агентъ вашъ у меня задержанъ; и я проникъ всѣ ваши козни: отправили ль вы кого въ Базель?» — «Нѣтъ, Государь.» — «Счастіе ваше;

только Главнаго Правителя Государства; и нашлись люди, которые осмѣлились убѣждать его, для исцѣленія ранъ Франціи, вторично отказаться отъ престола въ пользу своего сына, — полагая, что сею мѣрою отвратится предстоящая опасность вторженія.

Между тѣмъ около половины Мая въ Вандеѣ вдругъ вспыхнуло возмущеніе, подъ предводительствомъ д'Ошшампа, Зюзанне, Сапино и въ особенности храбраго Ла-Рош-Жакелена. Война сія не была ни продолжительна, ни кровопролитна; ибо огромныя силы двинулись противъ бунтовщиковъ, подъ начальствомъ Генераловъ Лемарка и Траво. Народъ дурно Приготовился къ сопротивленію, и правительство угрожало ему наивеличайшими строгостями; ибо наставленія, данныя отъ Карно войскамъ, сильно отзывались образованіемъ его въ Школѣ Ужаса. Однако жъ Палата Депутатовъ не совершенно утвердила всѣ принятыя Правительствомъ строгія мѣры. Когда членъ Легевель предложилъ о наказаніи западныхъ Роялистовъ, то Собраніе терпѣливо и съ одобреніемъ выслушало его предложеніе, чтобы помѣстья и земли бунтовщиковъ (коихъ онъ называлъ разбойниками, священниками и Роялистами), были описаны въ казну; но когда онъ прибавилъ, что не только сами мятежники, а и всѣ ихъ ближайшіе родственники долженствуютъ быть лишены покровительства законовъ, то всеобщій крикъ негодованія согналъ оратора съ каѳедры.

Послѣ сраженія при Ла-Рош-Сервіерѣ, стóившаго жизни храброму Ла-Рош-Жакелену, остальные вожди подписали договоръ, по коему они распускали свои войска, положивъ оружіе, между тѣмъ какъ продержавшись еще нѣсколько дней, они бы узнали о Ватерлоскомъ сраженіи. Освободясь отъ междоусобной войны, Наполеонъ сталъ готовиться только къ внѣшнему бою.

Средства, употребленныя Французскимъ Правительствомъ, и нами

если бъ вы это сдѣлали, то вамъ бы пришлось умереть.» — Флёри не могъ извлечь ничего важнаго отъ Вернера, Меттерниха повѣреннаго, котораго онъ нашелъ въ Базелѣ. Австріецъ, казалось, ожидалъ предложеній отъ Фуше, не располагая самъ дѣлать опытъ. Флёри коснулся замысла умертвить Наполеона; но Вернеръ отвергъ его съ ужасомъ, какъ мысль, вовсе несвойственную Меттерниху или Союзникамъ. Они условились о вторичномъ свиданіи, но между тѣмъ Фуше извѣстилъ Австрійца о происшедшемъ, и Баронъ Флёри, при вторичной своей поѣздкѣ въ Базель, не нашелъ уже тамъ Вернера.

Бонапарте почти также разсказываетъ объ этомъ дѣлѣ въ Разговорахъ своихъ на островѣ Св. Елены, какъ и Фуше въ своихъ Запискахъ. Но Наполеонъ ничего не упоминаетъ о заступничествѣ Карно противъ умерщвленія Фуше безъ суда и безъ закона. «Вы можете сегодня же разстрѣлять Фуше,» сказалъ старый Якобинецъ: «но завтра вы перестанете царствовать. Поборники Революціи дозволяютъ вамъ сидѣть на престолѣ только съ тѣмъ условіемъ, чтобъ вы соблюдали права ихъ. Они считаютъ Фуше своимъ сильнѣйшимъ обезпеченіемъ. Если онъ виноватъ, то его должно судить по закону.» — Посему Бонапарте, не получивъ никакихъ противъ Фуше доказательствъ чрезъ поѣздку Флёри, принужденъ былъ закрыть глаза на то, что онъ очень ясно видѣлъ.

уже описанныя, доставили Карно возможность дать народнымъ силамъ грозный видъ. Докладомъ своимъ объемъ Палатамъ, онъ доносилъ, что 1 Апрѣля 1814 года, армія состояла изъ 450,000 человѣкъ, и была уменьшена Бурбонами до 175,000. Со времени возвращенія Наполеона число сіе было увеличено до 375,000 разнаго рода воиновъ; и что къ 1 Августа есть надежда довести армію до полумилліона. Императорская Гвардія, названная лучшею красою отечества въ мирное время и надежнѣйшимъ оплотомъ онаго въ военное, простиралась до 40,000 человѣкъ.

Посредствомъ чрезвычайныхъ усилій — говорилъ докладъ сей — замѣнены потери, понесенныя артиллеріею въ три бѣдственные года 1812, 1813 и 1814. Заряды, аммуниція и всякаго рода оружіе запасены съ изобиліемъ. Кавалерія приведена вновь въ удивительное устройство. Наконецъ была еще въ запасѣ вся *мѣстная* Народная Гвардія, названная такимъ образомъ потому, что она не вошла въ составъ баталіоновъ оной, обращенныхъ въ подвижные. Но эти *мѣстные* воины, или были неспособны къ службѣ, или неохотно исполняли оную, такъ что на нихъ можно было надѣяться только для соблюденія общественнаго спокойствія. Отряды Федератовъ были набраны во всѣхъ Департаментахъ, гдѣ только могли призвать ихъ къ оружію.

Изъ сихъ войскъ Наполеонъ избралъ Большую армію, подъ личнымъ своимъ предводительствомъ. Выборъ людей, равно какъ обмундированіе оныхъ и снабженіе всѣмъ нужнымъ было сдѣлано съ наивеличайшею тщательностью. Количество оной простиралось до 150,000 человѣкъ — самое великое число, какое вѣроятно можетъ дѣйствовать по одному плану и подъ руководствомъ одного вождя. Надобно однако жъ исключить разные расходы войскъ для опредѣленія настоящей его силы.

Судя по такимъ пріуготовленіямъ, нельзя было сомнѣваться въ томъ, что Бонапарте самъ начнетъ кампанію наступательными дѣйствіями. Ожидать, пока непріятель сберетъ на его границахъ всѣ свои силы, было несовмѣстно ни съ его духомъ, ни съ обстоятельствами. По всегдашнему его способу, по его расположенію и для выгодъ его, гораздо лучше было напасть на какую либо отдѣльную армію Союзниковъ, захватить ее — по его собственному выраженію — на мѣстѣ преступленія, и разбитіемъ или уничтоженіемъ оной ободрить Францію, побудить ее къ новымъ за него усиліямъ, устрашить Союзныя Державы, и, выигравъ время, посѣять между ними сѣмя раздора. Даже самые Роялисты, коихъ выгоды столь тѣсно соединялись съ пораженіемъ Наполеона, были устрашены при видѣ такихъ исполинскихъ пріуготовленій, и печально предвидѣли, что дѣло начнется побѣдами, хотя они и надѣялись, что, подобно какъ въ 1814 году, Наполеонъ наконецъ будетъ ниспроверженъ превосходствомъ числа и настоятельными усиліями.

Но хотя всѣ соглашались на счетъ способа, который Наполеонъ употребитъ для войны своей, а суще-

ствовали разныя мнѣнія о томъ, въ какомъ мѣстѣ онъ начнетъ свои первыя дѣйствія; и вообще думали, что, положась на сильную оборону Лилля, Валансіена и другихъ укрѣпленныхъ городовъ на Фландрской границѣ, первая его атака, не взирая на производимыя въ другихъ мѣстахъ диверсіи, будетъ сдѣлана на Маугеймъ съ тою цѣлью, чтобы раздѣлить Австрійскую и Русскую арміи въ самую минуту ихъ соединенія, или еще лучше, напасть на нихъ по одиначкѣ, дабы предупредить оное. Если бъ ему удалось такимъ образомъ опрокинуть наступательныя арміи Австрійцевъ и Русскихъ, двинувъ туда свои главныя силы прежде, чѣмъ онѣ совершенно успѣютъ изготовиться къ отпору, то полагали, что онъ симъ разстроитъ планы Союзниковъ на сію кампанію.

Но Бонапарте желалъ нанесть рѣшительные удары самымъ предпріимчивымъ и самымъ отважнымъ изъ непріятельскихъ вождей. Онъ зналъ Блюхера и слыхалъ о Веллингтонѣ; почему и рѣшился итти противъ сихъ Генераловъ, между тѣмъ какъ крѣпкія стѣны городовъ обезпечивали его отъ болѣе медленныхъ и болѣе осторожныхъ движеній Австрійскаго полководца Шварценберга, и надѣясь, что, по отдаленію, Русскіе не поспѣютъ еще къ дѣлу.

Сообразно съ симъ общимъ распоряженіемъ, Парижъ, подъ руководствомъ Генерала Гаксо, съ сѣверной стороны былъ приведенъ въ полное оборонительное положеніе двойною линіею укрѣпленій, такъ что въ случаѣ взятія первой линіи, защитники могли отступить во вторую, вмѣсто того, чтобъ быть принужденными, подобно какъ въ предъидущемъ году, къ оставленію высотъ и къ удаленію въ городъ. Монмартръ былъ сильно укрѣпленъ. Южная часть города на противоположномъ берегу Сены защищена лишь нѣсколькими полевыми укрѣпленіями, коихъ время и открытая мѣстность не дозволяли усилить. Но и самую Сену считали оплотомъ, какъ то доказалъ опытъ въ 1814 году.

На границахъ были взяты такія же предосторожности. Въ главныхъ пяти проходахъ Вогезскихъ горъ устроены укрѣпленія, и всѣ тѣсины и крѣпкія мѣста Лотарингіи приведены въ наилучшее оборонительное положеніе. Всѣ мѣста по внутренней линіи укрѣплены съ величайшимъ тщаніемъ. Превосходная военная позиція подъ стѣнами Ліона усовершенствована съ великими издержками и трудами. Предмостное укрѣпленіе построено въ Бротто; подъемный мостъ и рогатки защитили Гиліотіерское предмѣстіе; между Саоною и Ропомъ, на высотахъ Ньеръ-Анснзъ и Сен-Жанъ, воздвигнуты редуты. Гизъ, Витри, Суассонъ, Шато-Тьери, Лангръ и всѣ города, способные къ оборонѣ, были по возможности укрѣплены палисадами, редутами и полевыми постройками. Русская армія, не взирая на быстрый походъ свой, не прибыла еще къ мѣсту дѣйствій; и Наполеонъ безъ сомнѣнія надѣялся, что эти преграды остановятъ Австрійцевъ, по весьма извѣстной тактикѣ ихъ полководцевъ, не дозволяющей имъ оставить у себя въ тылу крѣпости

или города, занятые непріятелемъ, сколь бы ни незначительна была ихъ сила и сколь бы ни удобно было ихъ обложить.

Предъ начатіемъ дѣйствій Наполеонъ собралъ къ себѣ своихъ лучшихъ и опытнѣйшихъ Генераловъ. Сультъ, бывшій при Лудовикѣ XVIII Военнымъ Министромъ, сдѣланъ Дежурнымъ Генераломъ. Онъ повиновался — по словамъ его — не какъ врагъ Короля, но какъ гражданинъ и воинъ, который обязанъ покорствовать всякому главѣ Правительства, подобно какъ во времена Кромвеля Брайскій Викарій покорствовалъ духомъ всякому Главѣ Церкви *pro tempore*. Ней получилъ приказъ прибыть къ Лильской арміи, «если онъ желаетъ,» по словамъ сего приказа: «быть свидѣтелемъ первой битвы.» Макдональда сильно упрашивали вступить въ службу, но онъ съ пренебреженіемъ отказался. Военный Министръ Даву вздумалъ было склонять его, и упомянулъ о томъ, чего требуетъ честь. «Не у васъ,» отвѣчалъ ему Маршалъ: «буду я учиться правиламъ чести;» и настоялъ въ своемъ отказѣ. Д'Ерлонъ, Рейль, Вандамъ, Жераръ и Мутонъ - Дюверне были Генералъ - Лейтенантами. Кавалерія ввѣрена предводительству Груши (котораго Наполеонъ пожаловалъ Маршаломъ.) Пажоль, Ексельманъ, Мило и Келлерманъ начальствовали подъ нимъ. Флаго, Дежанъ, Лабедойеръ и другіе отличные офицеры служили у Императора адъютантами. Артиллерія состояла изъ трехъ сотъ орудій; кавалеріи было до двадцати пяти тысячъ; гвардіи такое же число; и пѣшъ сомнѣнія, что вся армія простиралась до 130,000 человѣкъ отлично одѣтыхъ и вооруженныхъ, которые шли на войну, ими же произведенную, подъ предводительствомъ Императора, посаженнаго ими на престолъ, и съ твердою въ сердцѣ рѣшительностью умереть или побѣдить.

Для обороны прочихъ мѣстъ во время похода Наполеона во Фландрію, Сюшету было ввѣрено главное начальство на Швейцарскихъ границахъ, съ приказаніемъ напасть на Монмеліанъ, какъ только будетъ можно, послѣ 14 Іюня, назначаемаго Наполеономъ для начатія войны. Массенѣ приказано было отправиться въ Мецъ для принятія начальства надъ сею важною крѣпостью, равно какъ надъ 3 и 4 дивизіями. По сдѣланіи такимъ образомъ всѣхъ пріуготовленій, Наполеонъ наконецъ открылъ то, что давно уже въ тайнѣ занимало его мысли. «Я ѣду,» сказалъ онъ, садясь въ карету при отправленіи своемъ къ арміи: «я ѣду помѣряться силами съ Веллингтономъ.»

Но хотя рѣчи Наполеона показывали увѣренность и отважность, а внутреннія его чувства были не таковы. «Я уже не ощущалъ,» говорилъ онъ послѣ въ своемъ изгнаніи: «той полной увѣренности въ окончательномъ успѣхѣ, которая была неразлучна съ моими прежними предпріятіями, потому ли, что я уже достигъ того возраста жизни, когда люди не имѣютъ болѣе правъ на дары фортуны, или потому, что путь мой казался преграждепнымъ собственнымъ глазамъ моимъ и воображенію; вѣрно, что я ощущалъ какой-

то упадокъ духа. Фортуна, которая обыкновенно мнѣ сопутствовала, осыпая меня своими благосклонностями, сдѣлалась строгою, суровою богинею, у коей я съ трудомъ могъ исторгнуть немногія милости, платя за нихъ дорогою цѣною; едва одерживалъ я какой либо успѣхъ, какъ за нимъ тотчасъ слѣдовало пораженіе.» Съ такими-то предчувствіями, основанными на обстоятельствахъ и оправданными событіями, Наполеонъ началъ свою краткую и послѣднюю кампанію.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

—

Армія Веллингтона прикрываетъ Брюссель — а войска Блюхера сосредоточиваются на Самбрѣ и на Маасѣ. — Наполеонъ осматриваетъ свою Большую армію 14 Іюня. — Онъ идетъ къ Шарлькруа. — Умыселъ его, раздѣлить армии двухъ непріятельскихъ вождей, не удается. — Свиданіе Веллингтона съ Блюхеромъ въ Бри. — Британская армія сосредоточена при Катр-Бра. — Наполеоновъ планъ атаки. — Сраженіе при Линьи, и разбитіе Блюхера 16 Іюня. — Дѣло при Катр-Бра въ тотъ жѣ день. — Англичане удерживаютъ за собою поле сраженія. — Блюхеръ уходитъ отъ непріятельской погони. — Наполеонъ соединяется съ Неемъ. — Отступленіе Англичанъ къ Ватерло, гдѣ Веллингтонъ рѣшается остановиться. — Мѣстоположеніе сего знаменитаго поля.

—

Тройная цѣпь грозныхъ крѣпостей, принадлежащихъ Французамъ на Бельгійской границѣ, служила Наполеону какъ бы щитомъ, за которымъ онъ могъ по произволу составлять свои наборы и сводить свои силы, между тѣмъ какъ Союзные вожди не имѣли никакой возможности наблюдать за его движеніями или взять мѣры къ отраженію атакъ, оными приготовляемыхъ. Для его же наблюденій Бельгійская граница была совершенно открыта, и онъ обстоятельно зналъ общее расположеніе Союзныхъ силъ.

Если бъ Французы были готовы сдѣлать замышляемое ими на Фландрію нападеніе въ Маѣ мѣсяцѣ, то они бы не встрѣтили никакихъ силъ, могщихъ имъ воспротивиться: ибо въ то время войска Прусскаго Генерала Клейста и Наслѣднаго Принца Оранскаго не превышали вмѣстѣ 50,000 человѣкъ. Но возвращеніе Наполеона, вновь воспламенившее войну, было столь же неожиданно во Франціи, какъ во Фландріи; и посему Французы также мало приготовились къ нападенію, какъ Союзники къ отпору. Такимъ образомъ, пока Наполеонъ набиралъ себѣ войска выше изложенными средствами, Герцогъ Веллингтонъ, прибывшій въ Брюссель изъ Вѣны въ началѣ Апрѣля мѣсяца, имѣлъ время снабдить гарнизонами и продовольствіемъ крѣпости Остенде, Антверпенъ и Ніенпортъ, которыхъ Французы не разрушили, и укрѣпить Ипръ, Турней, Монсъ и Атъ. Онъ также успѣлъ получить подкрѣпленія изъ Англіи и собрать Германскія, Голландскія и Бельгійскія вспомогательныя войска.

Такимъ образомъ сосредоточенная и усиленная армія Герцога Веллингтона заключала въ себѣ до 30,000 Англичанъ. Это однако жъ были не тѣ старые воины, которые служили съ нимъ на войнѣ Пиренейскаго Полуострова и которыхъ цвѣтъ погибъ въ Американскомъ походѣ. Большая часть ихъ состояла изъ полковъ, недавно пополненныхъ новыми наборами. Иноземцевъ было: пятнадцать тысячъ Ганноверцевъ, со знаменитымъ осьмитысячнымъ Германскимъ Легіономъ, столь часто отличавшимся въ Испаніи; пять тысячъ Брауншвейгцевъ, съ ихъ храбрымъ Герцогомъ; и около семнадцати тысячъ Бельгійцевъ, Голландцевъ и Нассауцевъ, подъ предводительствомъ Принца Оранскаго.

Германцамъ по справедливости была оказана полная довѣренность; но на счетъ постоянства Бельгійскихъ войскъ сомнѣвались. Между ними возникли неудовольствія, превратившіяся даже въ явный бунтъ, который не могъ быть унятъ безъ пролитія крови. Многіе изъ нихъ служили во Французскихъ рядахъ; почему опасались, дабы они не сохранили дружественныхъ воспоминаній и сношеній, опасныхъ для общаго дѣла. Бонапарте былъ того же мнѣнія. Онъ имѣлъ у себя множество Бельгійскихъ офицеровъ, полагая, что произойдетъ въ его пользу движеніе, какъ только онъ вступитъ въ Нидерланды. Но Фламандцы народъ умный и разсудительный. Не взирая на внушенныя имъ опасенія на счетъ ихъ религіи и правъ подъ владычествомъ Голландскаго Государя, исповѣдующаго Протестантскую вѣру, опасенія сіи разсѣялись отъ страха о возвращеніи Наполеонова притѣснительнаго самовластія. Нѣкоторыя изъ сихъ войскъ отличились своею храбростью, и большая часть поддержали свою древнюю славу. Голландскія же войска вообще показали пламенную преданность къ Принцу Оранскому и къ дѣлу независимости.

Прусская армія была приведена въ полный военный составъ въ невѣроятно короткое время, по полученіи извѣстія о возвратѣ Наполеона, и удивительнымъ образомъ усилилась чрезъ усердное содѣйствіе жителей. Сильная ихъ ненависть къ Французамъ, произведенная воспоминаніемъ о прежнихъ обидахъ и о недавнихъ надъ ними успѣхахъ, была одушевляема чувствомъ торжества и мести. Пруссаки шли на войну сію, какъ въ народный, крестовый походъ противъ закоренѣлаго врага, который былъ распростертъ у ногъ ихъ и съ которымъ они слишкомъ милосердо поступили. Блюхеръ однако же лишился значительной части своей арміи чрезъ неудовольствія, возникшія между Саксонскими войсками. Они взбунтовались, когда Конгрессъ объявилъ о намѣреніи своемъ присоединить часть Саксонскихъ владѣній къ Пруссіи; по этому случаю много было пролито крови, и сочли благоразумнымъ оставить Саксонскія войска для содержанія гарнизоновъ въ Германскихъ крѣпостяхъ.

Князь Блюхеръ пришелъ въ Литтихъ съ Прусскою арміею, которая сосредоточилась на рѣкахъ Сам-

брѣ и Маасѣ, занявъ Шарлеруа, Намюръ, Живе и Литтихъ. Герцогъ Веллингтонъ прикрывалъ Брюссель и учредилъ тамъ свою главную квартиру, имѣя сообщеніе своимъ лѣвымъ крыломъ съ правымъ Прусаковъ. Вообще полагали, что Наполеонъ устремится къ Намюру, и онъ конечно менѣе встрѣтилъ бы сопротивленія въ этомъ городѣ, лишенномъ своихъ укрѣпленій.

Первый корпусъ Герцога Веллингтона, подъ предводительствомъ Принца Оранскаго, составленный изъ двухъ Англійскихъ, двухъ Ганноверскихъ и двухъ Бельгійскихъ дивизій, занималъ Ангенъ, Бреп-ле-Коннтъ и Нивель, служа резервомъ предводительствуемой Цитеномъ Прусской дивизіи, которая находилась въ Шарлеруа. Второй корпусъ, подъ начальствомъ Лорда Гилля, заключалъ въ себѣ двѣ Англійскія, двѣ Ганноверскія и одну Бельгійскую дивизіи. Онъ стоялъ въ Галлѣ, Уденардѣ и Граммонтѣ. Резервъ, предводительствуемый Пиктономъ, который, по убѣжденію Герцога Веллингтона, принялъ подъ нимъ начальство, состоялъ изъ остальныхъ двухъ Англійскихъ дивизій и изъ трехъ Ганноверскихъ, занимая Брюссель и Гентъ. Кавалерія стояла въ Граммонтѣ и въ Нievѣ.

Англо-Бельгійская армія была расположена такимъ образомъ для того, чтобы ея дивизіи вмѣстѣ съ Прусскими могли начать совокупныя дѣйствія при первой вѣсти о выступленіи въ походъ непріятеля. Въ то же время было нѣкоторымъ образомъ необходимо отдѣлить одинъ отъ другаго корпуса сіи, какъ для удобнѣйшаго продовольствія (въ особенности кавалеріи), такъ и потому, что невозможность предузнать, куда Французскій Императоръ устремится, заставляла растягивать оборонительную линію, дабы быть въ готовности встрѣтить его на всѣхъ точкахъ. Это есть неизбѣжное неудобство оборонительной позиціи; ибо, если бъ сосредоточить всѣ силы въ одной какой либо точкѣ защищаемой линіи, то непріятель конечно устремился бы на другое мѣсто, которое ослабѣло бы чрезъ такое сосредоточеніе силъ.

Между тѣмъ самъ Наполеонъ подвигался къ Вервену 12 Іюня со своею гвардіею, пришедшею изъ Парижа. Прочія его дивизіи подошли къ границамъ, и вся армія, состоявшая изъ пяти пѣхотныхъ и четырехъ кавалерійскихъ дивизій, собралась въ Бомонтѣ, 14 числа того же мѣсяца, съ тайною и съ быстротою, показавшими обыкновенный геній ея предводителя. Наполеонъ самъ осмотрѣлъ свои войска, напомнилъ имъ, что день сей есть день знаменитыхъ побѣдъ при Маренго и Фридландѣ, и подтвердилъ, что непріятель, ими тогда разбитый, есть тотъ же самый, съ коимъ они теперь сразятся. «Развѣ они и мы не тѣ же люди?» спросилъ онъ. Рѣчь сія произвела сильнѣйшее впечатлѣніе на духъ Французскихъ солдатъ, всегда пламенно любящихъ военную и народную славу.

15 Іюня Французская армія со всѣхъ мѣстъ двинулась. Составленный изъ легкихъ войскъ авангардъ ея, очистивъ западный берегъ Сам-

бры отъ всѣхъ Союзныхъ наблюдательныхъ отрядовъ, пошелъ къ Шарлеруа, защищаемому Прусаками, подъ предводительствомъ Генерала Цитена, который наконецъ принужденнымъ нашелся отступить къ большой деревнѣ Госсели. Здѣсь ему пресѣкла путь вторая дивизія Французской арміи, и Цитенъ поворотилъ къ Флёрусу, гдѣ онъ соединился съ Прусскою арміею, расположенною около деревень Линьи и Сент-Амана. Прусскій Генералъ выполнилъ однако же данное ему повелѣніе, сопротивляясь довольно времени для того, чтобы прочія войска успѣли выйти на тревогу. При сей, сдѣланной на него атакѣ и при отступленіи, онъ потерялъ четыре или пять пушекъ, и значительное число убитыми и ранеными.

Чрезъ сіе движеніе обнаружился планъ Наполеона. Онъ былъ смѣлъ и искусно соображенъ. По числу своихъ войскъ онъ бы не могъ вступить въ бой съ соединенными арміями Блюхера и Веллингтона; но врѣзавшись между ними такъ, чтобы раздѣлить ихъ, онъ доставлялъ себѣ выгоду ударить на каждаго изъ нихъ по одиначкѣ всею громадою силъ своихъ, удерживая другаго своими отдѣльными отрядами. Для исполненія сего искуснаго движенія, необходимо было устремиться на часть Англійскаго авангарда, занимающую позицію при Катр-Бра и на выдавшееся впередъ мѣстечко Франъ, гдѣ находилось нѣсколько Нассаускихъ войскъ. Но чрезмѣрная быстрота Наполеоновыхъ ускоренныхъ маршей нѣсколько помѣшала исполненію сего плана; ибо войска его такъ растянулись, что въ то время, когда былъ дорогъ каждый часъ, онъ принужденнымъ нашелся ждать въ Шарлеруа, пока собрались утомленныя походомъ его войска.

Между тѣмъ Ней былъ отряженъ противъ Франа и Катр-Бра; но Нассаускія войска удержались до вечера 15 числа. Можетъ быть, что Французскій Маршалъ одержалъ бы успѣхъ, напавъ на Франъ со всѣми своими силами; но услыхавъ въ направленіи къ Флёрусу пушечную пальбу (происходившую при дѣлѣ Цитена), онъ послалъ туда дивизію для подкрѣпленія Французовъ. За это самовольное дѣйствіе, вмѣсто точнаго исполненія даннаго ему приказа, Ней получилъ выговоръ, представляющій странную противоположность со случаемъ, происшедшимъ съ Груши, на котораго Наполеонъ сложилъ всю вину Ватерлоскаго пораженія, потому, что онъ *въ точности исполнилъ* данный ему приказъ и прямо шелъ на Прусаковъ при Ваврѣ, вмѣсто того, чтобы уклониться отъ сей цѣли, услыхавъ у себя въ лѣвѣ канонаду.

Такимъ образомъ предположенный Наполеономъ планъ не удался, хотя онъ и близокъ былъ къ исполненію. Онъ однако жъ продолжалъ держаться своего намѣренія, отрѣзать Англійскую армію отъ Прусаковъ.

Британскій вождь получилъ вѣсть о движеніи Французовъ, въ Брюсселѣ, въ шесть часовъ вечера 15 числа; но вѣсть сія была еще не столь достовѣрна, чтобы по оной двинуть армію, въ такомъ случаѣ, когда ошибочное движеніе могло бы

произвесть невозвратную бѣду. Около одиннадцати часовъ въ ту же ночь пришло въ Брюссель вѣрное донесеніе, что Французскій авангардъ достигъ линіи Самбры. Подкрѣпленія были тотчасъ посланы въ Катр-Бра, куда Герцогъ Веллингтонъ самъ прибылъ рано утромъ, 16 числа, и немедленно отправился оттуда въ Бри, гдѣ онъ имѣлъ свиданіе съ Блюхеромъ. Въ это время казалось, что всѣ Французскія силы устремятся на Прусаковъ.

Блюхеръ былъ готовъ ихъ встрѣтить. Три изъ его дивизій, въ числѣ 80,000 человѣкъ, занимали позицію по цѣпи небольшихъ холмовъ, простирающейся отъ Бри къ Сомбрефу; впереди ихъ находились деревни Большой и Малый Сенти-Аманъ и Линьи, сильно защищенныя. Оконечностью праваго крыла своего Блюхеръ могъ сообщаться съ Англичанами въ Катр-Бра, куда Герцогъ Веллингтонъ какъ возможно поспѣшнѣе старался сдвинуть свою армію. Четвертная Прусская дивизія Генерала Бюлова, стоявшая между Литтихомъ и Гентегау, была слишкомъ далеко для того, чтобы поспѣть во время, не взирая на всѣ сдѣланныя для сего усилія. Блюхеръ однако жъ вознамѣрился, не смотря на отсутствіе Бюлова, принять бой въ этой позиціи, надѣясь на помощь Англійской арміи, которая флангового движеніемъ влѣво долженствовала подкрѣпить его.

Наполеонъ между тѣмъ, расположилъ свой планъ сраженія. Онъ рѣшился оставить Нея съ сорока пяти-тысячною дивизіею для вытѣсненія Англичанъ изъ Катр-Бра, прежде чѣмъ они успѣютъ сосредоточить и усилить свою армію, и дабы предупредить тѣмъ соединеніе ихъ съ Блюхеромъ, между тѣмъ, какъ самъ онъ съ главными силами нападетъ на Прусскую позицію при Линьи. Такимъ образомъ Ней находился на лѣвомъ крылѣ Французской арміи при Франѣ и Катр-Бра, Наполеонъ на правой сторонѣ при Линьи, а десятитысячная дивизія, подъ начальствомъ д'Ерлона, служа арміи центромъ, была поставлена близъ Мартіенна, откуда она могла удобно двинуться на помощь къ Нею или къ Наполеону, смотря по надобности. Поелику два отдѣльныя сраженія произошли 16 Іюня, то необходимо описать особенно каждое изъ нихъ.

Главное дѣло произошло при Линьи. Французскій Императоръ не могъ собрать свои силы для нападенія на Прусаковъ раньше трехъ часовъ по полудни, и тогда онъ ударилъ съ наивеличайшею яростью на всю Прусскую линію. Послѣ двухъ-часоваго боя, Французамъ удалось овладѣть только частью деревни Сенти-Аманъ. Однако жъ позиція Прусаковъ была такъ дурна, что большая часть ихъ арміи отступила на высоты, и подкрѣпленія, посылаемыя къ войскамъ, оставшимся въ деревняхъ у подножія оныхъ, подвергались при сходѣ своемъ огню расположенной на лугахъ Французской артиллеріи. Не взирая на сію невыгоду, чрезъ которую Прусаки много пострадали, Наполеонъ считалъ столь сомнительнымъ успѣхъ сей битвы, что послалъ за дивизіею д'Ерлона, стоявшею, какъ вы-

ше сказано, близъ Мартіенна, между Катр-Бра и Линьи. Между тѣмъ, замѣтивъ, что Блюхеръ подводитъ свои резервы въ Сент-Амапу, онъ перемѣнилъ точку своего нападенія, устремивъ всѣ свои силы противъ деревни Линьи, которою, послѣ отчаяннаго сопротивленія, онъ наконецъ овладѣлъ. Французская гвардія, подкрѣпленная тяжелою кавалеріею, взошла на высоту и напала на Прусаковъ позади Линьи. Поелику Прусскіе пѣхотные резервы были посланы къ Сент-Амапу, то Блюхеръ не имѣлъ средствъ отразить сію атаку иначе, какъ конницею. Принявъ самъ надъ оною начальство, онъ ударилъ на непріятеля съ величайшею храбростью, но безуспѣшно, и кавалерія его была въ безпорядкѣ опрокинута.

Прусскій военачальникъ, при отступленіи своемъ, попалъ въ кавалерійскую стычку; лошадь его была убита ядромъ, и самъ онъ упалъ на землю. Адъютантъ его бросился къ нему, вознамѣрясь раздѣлить съ нимъ жребій, и прикрылъ его плащемъ для предосторожности, чтобы Французы его не узнали. Непріятельскіе кирасиры промчались черезъ него, и не прежде, какъ по отраженіи ихъ Прусскою кавалеріею, храбрый старецъ былъ поднятъ съ земли и опять посаженъ на лошадь. Смерть или взятіе въ плѣнъ Блюхера въ такую важную минуту могли бы имѣть для кампаніи самыя гибельныя послѣдствія; ибо послѣ такого кровопролитнаго и несчастнаго дѣла, врядъ ли Прусаки, безъ личнаго вліянія и предводительства сего вождя, согласились бы сразиться въ достопамятный день 18 Іюня. Поднявшись и сѣвъ опять на коня, Блюхеръ направилъ отступленіе къ Тилли, и свершилъ оное, не будучи болѣе потревоженъ непріятелемъ, который не простеръ своего преслѣдованія далѣе оставленныхъ Прусаками высотъ.

Такова была битва при Линьи, въ коей Прусаки, какъ Блюхеръ справедливо сказалъ, потеряли поле сраженія, но не честь свою. Побѣда сія не имѣла ни одного изъ тѣхъ рѣшительныхъ послѣдствій, коими обыкновенно ознаменовывались успѣхи Наполеона. Ни одинъ корпусъ не былъ отрѣзанъ или разсѣянъ; ни одинъ полкъ не побѣжалъ или не положилъ оружія; нигдѣ оборонительная линія не была разорвана, и никакихъ существенныхъ выгодъ не пріобрѣтено. Сверхъ всего, ни одинъ человѣкъ не оробѣлъ и не лишился своей храбрости. Полагаютъ, что Прусаки потеряли въ этомъ кровопролитномъ дѣлѣ по крайней мѣрѣ 10,000 человѣкъ; *Монитёръ* возвысилъ число сіе до 15,000 убитыми и ранеными, а Генералъ Гурго, недовольный этимъ и безъ того уже щедрымъ исчисленіемъ, писавъ со словъ Наполеона, полагаетъ сію потерю не менѣе 25,000 человѣкъ. Уронъ побѣдителей, по офиціяльнымъ ихъ извѣстіямъ, простирался до 3000 человѣкъ, число коихъ должно бы болѣе, чѣмъ утроить. Однако жъ Французскій Императоръ нанесъ великій ударъ — опрокинулъ упорнаго, непримиримаго врага своего, и открылъ кампанію благопріятнымъ для себя образомъ. Между тѣмъ выгоды, которыя Наполеону могло бы

доставить отступленіе Прусаковъ, были очень уменьшены совершенно незначительнымъ успѣхомъ Нея надъ силами Герцога Веллингтона. Мы изобразимъ здѣсь сіе второе дѣло.

Франъ былъ очищенъ Англичанами, которые утромъ 16 числа прибыли въ позицію при Катр-Бра, важное мѣсто, откуда идутъ въ разныя стороны четыре дороги, такъ что Англійскій Генералъ могъ сообщаться лѣвымъ крыломъ своимъ съ правымъ Прусаковъ въ Сенти-Аманѣ, имѣя позади себя открытый путь для отступленія. На лѣвой сторонѣ дороги, ведущей изъ Шарлеруа въ Брюссель, находится Лѣсъ Горбатыхъ (Bois de Bossu), который въ продолженіе цѣлаго утра былъ сильно оспориваемъ съ обѣихъ сторонъ стрѣлками, но наконецъ взятъ Французами, и на нѣсколько времени удержанъ. Около трехъ часовъ по полудни началась главная атака, но была отражена. Однако жъ Британская пѣхота и въ особенности 42-й Горскій полкъ, много пострадали отъ внезапнаго нападенія Уланъ, коихъ приближеніе было скрыто плетнями и растущимъ хлѣбомъ. Двѣ роты сихъ Горцевъ, неимѣвшія времени построиться въ каре, были отрѣзаны, а прочія въ порядкѣ отступили, давъ отпоръ Уланамъ. Тогда Ней сдѣлалъ общую атаку тяжелою кавалеріею; но она была встрѣчена такимъ сильнымъ огнемъ Англійской пѣхоты и изъ двухъ пушекъ, что не могла онаго выдержать; вся дорога покрылась людьми, лошадьми и бѣглецами, которые объявили назади о потерѣ дѣла, вовсе еще нерѣшенаго; ибо Англичане мало имѣли пѣхоты и артиллеріи, хотя резервы той и другой быстро подходили.

Французы, какъ уже выше сказано, около трехъ часовъ овладѣли Лѣсомъ Горбатыхъ и выгнали изъ онаго Бельгійцевъ. Сами они въ свою очередь были оттуда вытѣснены Британскою гвардіею, которая успѣшно воспротивилась всѣмъ покушеніямъ Французовъ проникнуть въ продолженіе дня въ лѣсъ сей.

Поелику Англійскія подкрѣпленія постепенно подходили, то Ней увидѣлъ необходимость увеличить силы свои, и послалъ за дивизіею д'Ерлона, стоявшею, какъ сказано, близъ Мартіенна. Но войскамъ симъ ужъ прежде сего приказано было итти на помощь къ арміи самого Наполеона. Однако жъ, поелику дѣло при Линьи кончилось еще до прибытія оныхъ, то эта дивизія была обращена назадъ къ Франу, на помощь Нею, но его бой также ужъ кончился; и такимъ образомъ дивизія д'Ерлона проходила съ одного фланга на другой, не выстрѣливъ изъ ружья въ теченіе цѣлаго дня. Сраженіе при Катр-Бра прекратилось съ наступленіемъ ночи. Англичане остались владѣльцами поля битвы, которое они оспоривали съ такимъ упорствомъ; ибо Герцогъ Веллингтонъ, увѣренный въ томъ, что Блюхеръ удержится на своемъ мѣстѣ при Линьи, желалъ, чтобы арміи сохранили ту же линію сообщеній, въ коей онѣ стояли утромъ.

Но Прусаки, очистивъ всѣ деревни, которыми они владѣли въ окрестностяхъ Линьи, сосредоточили свои силы для того, чтобы отступить

къ рѣкѣ Дилю, близъ Вавра. Чрезъ сіе движеніе они отодвинулись миль за шесть назадъ отъ своей прежней позиціи, соединясь съ дивизіею Бюлова, которая не была въ дѣлѣ при Линьи. Блюхеръ произвелъ сіе отступленіе не только безъ погони отъ Французовъ, но даже такъ, что они нѣсколько времени не знали, въ которую сторону онъ пошелъ.

Эта неизвѣстность, о избранномъ Блюхеромъ пути, произвела въ движеніяхъ Французовъ недоумѣніе и остановку, имѣвшія для нихъ самыя гибельныя послѣдствія. Наполеонъ, или Генералъ Гурго отъ его имени, не колеблясь, утверждаютъ, что виновникъ сей остановки Маршалъ Груши, коему было поручено преслѣдовать Прусаковъ. «Если бъ Маршалъ Груши,» говоритъ Наполеонъ: «находился 17 числа въ Вавръ и въ сообщеніи съ правымъ крыломъ моимъ, то Блюхеръ не посмѣлъ бы послать противъ меня 18 числа ни одного отряда своей арміи; а если бъ онъ сіе сдѣлалъ, то я бы его разбилъ.» Но Маршалъ сей весьма удовлетворительно въ этомъ оправдывается. Груши говоритъ, что онъ искалъ Императора ночью 16 числа, какъ только Прусаки начали отступать, но что онъ не могъ увидѣть его прежде возвращенія въ Флёрусъ; что ему не дано было никакого отвѣта на его требованіе пѣхотныхъ войскъ, дабы совокупно съ его кавалеріею преслѣдовать отступающаго Блюхера, кромѣ того, что онъ на другой день получитъ приказаніе. И такъ онъ возвратился въ главную квартиру утромъ 17 числа, чувствуя всю важность немедленнаго преслѣдованія Прусаковъ, но не могъ увидѣть Наполеона ранѣе половины осьмаго часа и потомъ принужденъ былъ ѣхать съ нимъ на поле вчерашней битвы, прежде чѣмъ получилъ отъ него приказанія. Наполеонъ разговаривалъ со многими другими о разныхъ предметахъ, все еще ничего не приказывая Груши почти до полудня, когда онъ вдругъ приплелъ намѣреніе послать Маршала съ тридцати двухъ-тысячною арміею не въ Вавръ, ибо онъ не зналъ, что Прусаки пошли въ ту сторону, но для преслѣдованія Блюхера, гдѣ бы онъ ни находился. Наконецъ Груши утверждаетъ, что войска Жерара и Вандама, отданныя подъ его начальство, не поспѣли къ выступленію раньше, какъ въ три часа. Такимъ образомъ, по этому ложному показанію Маршала, первый приказъ о преслѣдованіи былъ данъ около полудня 17 числа, и войска не могли исполнить оный прежде трехъ часовъ. Въ этой медленности Груши обвиняетъ Ексельмана и Жерара, подъ нимъ начальствовавшихъ. Какъ бы то ни было, а войска его двинулись не ранѣе какъ въ три часа 17 числа.

Выступивъ, онъ не могъ еще навѣрное итти прямо къ Вавру. Первые слѣды Прусаковъ, имъ открытые, напротивъ того показывали, что они отступили къ Намюру, что заставило Груши преслѣдовать непріятеля въ этомъ направленіи, и причинило потерю еще нѣсколькихъ часовъ. По стеченію всѣхъ сихъ обстоятельствъ, Маршалъ ясно выводитъ, что онъ никакъ не могъ поспѣть въ Вавръ вечеромъ 17 Іюня,

поелику онъ до полудня не получалъ приказа итти туда, и войска не были для сего готовы раньше трехъ часовъ; и поелику ни Наполеонъ, ни Генералъ его не имѣли никакихъ свѣдѣній о движеніяхъ Блюхера, по которымъ бы можно предполагать, что онъ отступитъ къ Вавру. Не прежде, какъ нашедъ Англичанъ, остановившихся при Ватерло и увидя, что Прусаки рѣшились вступить съ ними въ сообщеніе, Наполеонъ увидѣлъ условленный между Веллингтономъ и Блюхеромъ планъ, сосредоточить Прусскую и Англійскую армію при Ватерло. Это-то была загадка, отъ коей зависѣла его участь, и онъ не могъ разгадать ее. Но Наполеону показалось удобнѣе сложить вину на Груши, чѣмъ сознаться, что самъ онъ былъ внезапно захваченъ обстоятельствами, въ которыхъ онъ очутился 18 числа.

Между тѣмъ, пославъ Груши преслѣдовать Прусаковъ, самъ Наполеонъ пошелъ къ Франу, и тамъ соединился съ корпусомъ Маршала Нея. Онъ намѣренъ былъ напасть на Веллингтона, надѣясь найти его еще въ позиціи при Катр-Бра.

Но, около семи часовъ утра, Герцогъ, получивъ извѣстіе объ отступленіи Фельдмаршала Князя Блюхера къ Вавру, двинулся самъ назадъ къ Ватерло, дабы возстановить свое сообщеніе съ Прусаками и опять приступить къ исполненію плана совокупнаго съ ними дѣйствія, нѣсколько разстроеннаго внезапнымъ нападеніемъ Французовъ и потерею Прусаками битвы при Линьи. Отступленіе было произведено въ наивеличайшемъ порядкѣ, хотя оно, какъ обыкновенно, очень не понравилось солдатамъ. Извѣстіе о битвѣ при Линьи распространилось въ рядахъ, и даже самые отважные не смѣли питать надежды, чтобы Прусаки скоро могли быть опять употреблены въ дѣло. Погода была весьма дурна, и дождь шелъ ливнемъ, чрезъ что поля сдѣлались для конницы непроходимыми; а сіе обстоятельство весьма благопріятствовало Англичанамъ, поелику они не были тревожимы на походѣ своемъ Французскою кавалеріею, коей дѣйствія ограничивались только дорогами.

Однако жъ въ Женапѣ, небольшомъ городкѣ, гдѣ къ узкому мосту чрезъ рѣку Диль можно подойти только по примыкающей къ оному улицѣ, на Англичанъ было сдѣлано сзади нападеніе, котораго Англійская легкая кавалерія не могла отразить; но когда послали туда тяжелую конницу, то она опрокинула Французовъ, которые ужъ больше не тревожили тылъ арміи въ теченіе сего дня.

Въ пять часовъ вечера, Герцогъ Веллингтонъ прибылъ на достопамятное Ватерлоское поле, которое онъ давно уже предназначалъ себѣ точкою, гдѣ, въ случаѣ извѣстныхъ обстоятельствъ, ему слѣдовало остановиться для прикрытія Брюсселя.

Мѣсто, гдѣ происходило сіе знаменитое дѣло, должно быть извѣстно бо́льшей части нашихъ читателей, по описанію или по воспоминаніямъ. Англійская армія занимала цѣпь высотъ, простирающихся отъ оврага и деревни Мерк-Бренъ на правой сторонѣ до мѣстечка Тер-

ла-Ге на лѣвой. Противъ сихъ высотъ лежатъ параллельно съ оными другія, на коихъ расположились Французы. Небольшая долина разстилается между ними, измѣняясь въ широтѣ своей, но нигдѣ не превосходя полумили. Скатъ съ обѣихъ сторонъ въ долину перовенъ, но вообще пологъ, хотя и измѣняется отъ бугристаго мѣстоположенія. Поле пересѣкается двумя большими дорогами, ведущими въ Брюссель, — одна изъ Шарлеруа чрезъ Катр-Бра и Женапъ, по которой Англійская армія отступила, а другая изъ Нивеля. Эти дороги, пересѣкая долину, сходятся близъ деревни Мон-Сен-Жанъ, находившейся въ тылу Британской арміи. Мыза Мон-Сен-Жанъ, которую должно отличить отъ деревни сего же имени, была гораздо ближе сей послѣдней къ Британскому аріергарду. На Шарлеруаской дорогѣ, впереди боевой линіи, находится другая мыза, называемая Ла-Ге-Сентъ, лежащая у подножія ската, по коему спускаются въ долину. На противоположныхъ высотахъ деревня Бель-Аліансъ даетъ свое имя всей цѣпи холмовъ. Она лежитъ прямо противъ Мон-Сен-Жана, и эти двѣ точки составляли центры Французской и Англійской позицій.

Старинной Фламандской постройки загородный домъ, называемый Гумонъ или Гугомонъ, стоитъ посреди долины, будучи окруженъ садами, службами и высокимъ буковымъ лѣсомъ, занимающимъ почти двѣ десятины. За Мон-Сен-Жанскими высотами мѣстность опять спускается въ лощину, служившую нѣкоторымъ прикрытіемъ второй Британской линіи. Въ тылу сей второй лощины находится большой Суаньнеский лѣсъ, чрезъ который идетъ дорога въ Брюссель. На этой дорогѣ, въ двухъ миляхъ позади Британской арміи, лежитъ небольшой городокъ Ватерло.

ГЛАВА ОСЬМНАДЦАТАЯ.

—

Надежда Наполеона, что Священный Союзъ разрушится, если онъ повѣдитъ Англичанъ въ Бельгіи. — Англійская армія занимаетъ мѣста свои 17 Іюня, а Французская въ слѣдующее утро. Силы обѣихъ армій. — Планы ихъ полководцевъ. — Ватерлоская битва, начатая утромъ 18 Іюня. — Французы устремляются на Британскій центръ. — Кирасирскій натискъ — и отраженіе онаго. — Прибытіе Прусаковъ. — Атака Нея съ Императорскою Гвардіею. — Онъ отраженъ — и Наполеонъ приказываетъ отступить. — Свиданіе двухъ побѣдоносныхъ вождей въ Бель-Альансѣ. — Поступки Наполеона во время боя. — Блюхеръ преслѣдуетъ Французовъ. — Потеря Англичанъ и Французовъ. — Покушеніе Наполеона унизить воинскіе таланты Герцога Веллингтона — отвѣтъ на сіе. — Несправедливое его осужденіе Генерала Груши. — Опроверженіе мнѣнія, будто бы Англичане проигрывали сраженіе въ ту минуту, какъ прибыли Прусаки.

—

Много найдется различныхъ мнѣній на счетъ военнаго вопроса: долженъ ли былъ Англійскій вождь отваживаться на бой для защиты Брюсселя, или, отступивъ въ крѣпкій городъ Антверпенъ, ему слѣдовало продержаться въ немъ до прибытія ожидаемыхъ подкрѣпленій. Но въ нравственномъ и въ политическомъ отношеніяхъ защита Брюсселя была чрезвычайно какъ важна. Наполеонъ объявилъ, что если бъ ему удалось выиграть Ватерлоское сраженіе, то онъ бы могъ возмутить Бельгію; и хотя сіе объявленіе, можетъ быть, не совсѣмъ вѣрно, но неоспоримо, что Французы имѣли много сообщниковъ въ странѣ, находившейся столь долго подъ ихъ властью. Выигранная при Линьи битва не имѣла значительныхъ послѣдствій, а еще менѣе того нерѣшенное сраженіе при Кватр-Бра; но если бъ за оными произошло отступленіе Англичанъ въ Антверпенъ и взятіе Брюсселя, главнаго города Нидерландовъ, то эти два дѣла можно бы поставить на ряду съ самыми большими и рѣшительными побѣдами.

Наполеонъ предвидѣлъ еще болѣе блистательныя послѣдствія отъ такой побѣды, и ожидалъ не менѣе, какъ расторженія Европейскаго Со-

юза отъ разбитія Англичанъ въ Бельгіи. Пока еще не обнаружено, какими средствами онъ бы сіе исполнилъ, тѣ, которые не менѣе имѣли довѣрія къ политическимъ козням Наполеона, какъ и къ его воинскимъ талантамъ, должны были предполагать, что онъ уже приготовилъ при иноземныхъ Державахъ какой нибудь глубокомысленный планъ, клонившійся къ тому, чтобы разстроить Союзъ ихъ, какъ только онъ достигнетъ нѣкоторой, извѣстной степени успѣха. Но когда открывается, что сіи великія надежды основывались только на предположеніи Наполеона, что разбитіе Веллингтона произведетъ совершенную перемѣну Правительства въ Англіи; что въ слѣдствіе сей перемѣны, члены Оппозиціи, занявъ Государственныя мѣста, тотчасъ заключатъ съ нимъ миръ; и что Союзъ, лишась чрезъ сіе денежныхъ пособій, долженъ будетъ немедленно отозвать войска, занимавшія всѣ сѣверныя и восточныя границы Франціи: — то Наполеоновы безразсудныя предположенія показываютъ только, какъ онъ мало зналъ Англійскій народъ, съ которымъ онъ такъ долго воевалъ. Война съ Франціею продолжалась болѣе двадцати лѣтъ, и хотя многіе изъ сихъ годовъ были ознаменованы неудачами и пораженіями, однако жъ Англія настаивала въ своемъ сопротивленіи, которое напослѣдокъ кончилось совершеннымъ торжествомъ. Народное мнѣніе о великомъ вождѣ, предводительствовавшемъ Британскими войсками, было слишкомъ твердо для того, чтобы поколебаться отъ одного пораженія; и развязка кампаніи 1814 года, въ которую Наполеонъ, неоднократно побѣждавшій, былъ наконецъ совершенно разбитъ и низверженъ съ престола, побудила бы народъ, и болѣе непостоянный, чѣмъ каковы Англичане, къ продолженію войны, не смотря на одно пораженіе, если бъ такая бѣда, по несчастію, и случилась. Герцогъ имѣлъ у себя въ тылу почти неприступную крѣпость и гавань Антверпенъ, гдѣ онъ могъ бы дождаться подкрѣпленій изъ Англіи. Блюхеръ часто доказывалъ, какъ мало онъ робѣетъ при пораженіяхъ; и самымъ худшимъ было бы то, что ему бы пришлось отступить на встрѣчу къ двухъ-сотъ-тысячной Россійской арміи, идущей къ Рейну. Посему, надежду, что выигрышъ Французами Ватерлоскаго сраженія прекратилъ бы войну, должно отложить какъ мечту, принимая въ соображеніе твердость и мужество человѣка, управлявшаго Англіею — расположеніе Нижней Палаты, въ коей многіе знаменитые члены Оппозиціи согласились съ Министрами на счетъ войны — и общія чувства всего народа, негодующаго на новое вторженіе Наполеона. Нельзя однако жъ оспорить, что одержанные Наполеономъ въ эту первую кампанію успѣхи весьма бы усилили вліяніе его во Франціи и въ другихъ земляхъ, и могли бы подвергнуть опасности обладаніе Фландріею. Посему Герцогъ Веллингтонъ рѣшился, если можно, защитить Брюссель, даже отважась на общее сраженіе.

Движеніемъ своимъ отъ Катр-Бра въ Ватерло, Герцогъ возстановилъ съ Блюхеромъ сообщеніе, которое

пресѣклось было чрезъ отступленіе Прусаковъ къ Вавру. Расположась тамъ, Блюхеръ опять сталъ въ одну линію съ Англичанами, въ разстояніи отъ его праваго крыла до лѣваго Англичанъ около пяти съ половиною миль. Мѣстности между сими двумя крайними точками, называемая Сен-Ламбертскими высотами, была чрезвычайно какъ неровна и лѣсиста; а пересѣкающія оную дороги, единственное сообщеніе между Англичанами и Прусаками, ужасно испортились отъ бывшей ненастной погоды.

Герцогъ извѣстилъ Князя Блюхера о положеніи своемъ передъ Ватерло, сообщивъ ему съ тѣмъ вмѣстѣ, что онъ рѣшился дать Наполеону битву, которой сей послѣдній повидимому такъ желалъ, если только Князь пришлетъ ему въ помощь двѣ дивизіи Прусской арміи. Отвѣтъ былъ достоинъ сего храбраго, неутомимаго старца, который, не взирая ни на какое пораженіе, всегда былъ готовъ на другой же день опять сразиться. Онъ отвѣтствовалъ, что двинется на подкрѣпленіе Герцога Веллингтона, не только съ двумя дивизіями, но со всею своею арміею; а для приготовленія къ сему просилъ не болѣе времени, какъ сколько нужно для раздачи солдатамъ хлѣба и патроновъ.

Въ три часа по полудни 17 числа, Англичане пришли на поле и расположились на ночь биваками въ томъ самомъ боевомъ порядкѣ, въ которомъ имъ слѣдовало на другой день сразиться. Гораздо позднѣе того самъ Наполеонъ прибылъ на Бель-Аліанскія высоты; армія же его собралась туда не раньше, какъ утромъ 18 числа. Большая часть Французовъ провела ночь въ деревенькѣ Женапѣ, а Наполеонова главная квартира была на мызѣ Каліу, около мили позади Бель-Аліанса.

Утромъ, когда Наполеонъ устроилъ свой боевой порядокъ, братъ его, Іеронимъ, обладавшій, по его мнѣнію, большими воинскими способностями, получилъ въ свое начальство лѣвое крыло — Графы Рель и д'Ерлонъ центръ — а Графъ Лобо правое крыло. Маршалы Сультъ и Ней начальствовали подъ руководствомъ самого Императора. Силы Французовъ на полѣ битвы долженствовали простираться до 75,000. Англійская армія, по самому большому счету, не превосходила ихъ числомъ. Каждая армія имѣла начальникомъ вождя, съ которымъ она бы пошла противъ цѣлаго свѣта. До сихъ поръ все было равно. Но Французы имѣли ту великую выгоду, что войско ихъ состояло изъ пріученныхъ, опытныхъ солдатъ, одного племени; между тѣмъ какъ въ арміи Герцога Веллингтона число Англичанъ не превышало 35,000; и хотя Германскій легіонъ заключалъ въ себѣ старыхъ воиновъ, но прочія силы его состояли изъ Германскихъ вспомогательныхъ войскъ, недавно набранныхъ, непріученныхъ къ дѣлу, и, судя по нѣкоторымъ примѣрамъ, не слишкомъ пламенно преданныхъ дѣлу, за которое они ополчились; такъ что неблагоразумно было бы надѣяться на ихъ помощь и содѣйствіе болѣе того, что ужъ казалось неизбѣжнымъ. По расчету Наполеона, который полагалъ Француза равнымъ въ бою Англича-

нину, а одного Англичанина или Француза на двухъ человѣкъ другихъ народовъ, неравенство силъ со стороны Герцога Веллингтона было весьма значительно.

Британская армія, такимъ образомъ составленная, раздѣлялась на двѣ линіи. Правое крыло первой линіи заключало въ себѣ 2 и 4 Англійскія дивизіи, 3 и 6 Ганноверскія и первый корпусъ Бельгійцевъ — подъ начальствомъ Лорда Гилля. Центръ состоялъ изъ корпуса Принца Оранскаго съ Брауншвейгскими и Нассаускими войсками, съ гвардіею, предводительствуемою Генераломъ Кукомъ на правомъ и съ дивизіею Генерала Альтена на лѣвомъ флангахъ. Лѣвое крыло состояло изъ дивизій Пиктона, Ламберта и Кемта. Вторая линія была составлена большею частью изъ войскъ, менѣе заслуживающихъ довѣренность, или такихъ, которыя, сильно потерпѣвъ въ сраженіи 16 числа, не могли быть употреблены въ дѣло иначе, какъ въ крайности. Сія линія была поставлена за скатомъ высотъ, въ тылу, дабы предохранить ее отъ пальбы; но она много пострадала въ продолженіе боя отъ картечныхъ выстрѣловъ. Кавалерія стояла сзади по всей линіи, но въ особенности за лѣвымъ флангомъ центра къ востоку отъ Шарлеруаской дороги. Мыза Ла-Ге-Сентъ, передъ центромъ, была занята войсками, но не достало времени, дабы привесть ее, какъ слѣдуетъ, въ оборонительное положеніе. Загородный домъ Гугомонъ, сады его и дворъ составляли сильный передовой постъ предъ центромъ праваго крыла. Вся Англійская позиція образовала родъ кривой линіи, коей средина была ближе къ непріятелю, а оконечности и въ особенности правая, значительно загнуты назадъ.

Планы сихъ двухъ великихъ Полководцевъ были весьма просты. Цѣль Герцога Веллингтона состояла въ томъ, чтобы удержать свою оборонительную линію до тѣхъ поръ, пока прибытіе Прусаковъ доставитъ ему рѣшительное превосходство силъ. Они были ожидаемы около одиннадцати или двѣнадцати часовъ; но непорченныя сильною бурею дороги задержали ихъ еще нѣсколько часовъ.

Планъ Наполеона былъ столь же ясенъ и рѣшителенъ. Онъ надѣялся, напавъ съ обыкновенною своею быстротою, опрокинуть и разбить Британскую армію прежде прихода Прусаковъ на поле битвы; послѣ чего думалъ управиться и съ Прусаками, атаковавъ ихъ на неровной мѣстности, отдѣляющей ихъ отъ Англичанъ. Въ успѣхѣ сего онъ тѣмъ болѣе былъ увѣренъ, что считалъ силы Груши — посланнаго 17 числа преслѣдовать Блюхера — достаточными для задержанія, если не для совершеннаго пресѣченія пути Прусакамъ. Причины, на которыхъ онъ основывалъ сіе мнѣніе, какъ мы ниже покажемъ, были весьма неосновательны.

Начавъ дѣло обыкновеннымъ своимъ способомъ, Наполеонъ поставилъ гвардію свою въ резервъ, дабы атаковать оною тогда, какъ повторенныя нападенія колоннами и эскадронами заставятъ утомленнаго непріятеля нѣсколько поколебаться. Но движенія Наполеона были не

слишкомъ быстры. Армія его потерпѣла отъ бури, даже больше, чѣмъ Англичане, которые стояли уже на своихъ бивакахъ съ трехъ часовъ по полудни 17 Іюня, между тѣмъ какъ Французы находились еще на походѣ, и не прежде достигли Бель-Аліанскихъ высотъ, какъ въ десять или въ одиннадцать часовъ 18 числа. Чрезъ сіе Англійская армія имѣла нѣсколько времени для подкрѣпленія себя пищею и приготовленія къ бою оружія; а Наполеонъ потерялъ нѣсколько часовъ прежде, чѣмъ онъ могъ начать свое нападеніе. Время было для обѣихъ сторонъ неоцѣненно, и каждый часъ, даже каждая минута была чрезвычайно важна. Но на это Бонапарте меньше обратилъ вниманія, чѣмъ Герцогъ Веллингтонъ.

Буря, которая во всю ночь ужасно свирѣпствовала, къ утру стихла, но погода въ продолженіе цѣлаго дня была дурна и ненастна. Въ двѣнадцатомъ часу предъ полуднемъ достопамятнаго 18 Іюня, началась сія ужасная, рѣшительная битва открытою Французами пушечною пальбою, за которою тотчасъ послѣдовало нападеніе Іеронима на передовой постъ Гугомонъ. Нассаускія войска, занимавшія лѣсъ вокругъ замка, были выгнаны изъ онаго Французами; но, не взирая на величайшія свои усилія, нападающіе не успѣли овладѣть самымъ домомъ, садомъ и службами, которые отрядъ гвардіи защищалъ съ самою непоколебимою храбростью. Французы удвоили силу своего натиска и бросились въ большомъ числѣ на наружный плетень, прикрывавшій садовую стѣну, не подумавъ, можетъ быть, о томъ, что сія послѣдняя представитъ имъ сильную преграду. Многіе изъ нихъ пали отъ огня осажденныхъ, отъ коего они ничѣмъ не были закрыты. Однако жъ великое число непріятельскихъ войскъ доставило имъ возможность, овладѣвъ лѣсомъ, обложить на нѣсколько времени Гугомонъ, и напасть своею конницею и артиллеріею на правое крыло Британцевъ, которые построились въ каре для отпора. Огонь не прерывался, но не доставляя ни которой сторонѣ видимыхъ выгодъ. Атака наконецъ была отражена; Британцы возстановили свое сообщеніе съ Гугомономъ, и важный постъ сей былъ усиленъ Полковникомъ Гепбёрномъ съ отрядомъ Англійской гвардіи.

Между тѣмъ пушечный огонь распространился по всей линіи, и главная Французская атака обратилась на Англійскій центръ. Она была сдѣлана съ самою отчаянною яростью и встрѣчена съ самою упорною непоколебимостью. Приступъ къ мызѣ Сен-Жанъ произведенъ четырью пѣхотными колоннами и большимъ отрядомъ кирасиръ, которые пошли впередъ. Кирасиры подвигались съ величайшею неустрашимостью по Женапской дорогѣ, гдѣ ихъ встрѣтила и атаковала Англійская тяжелая кавалерія, съ коею они вступили въ рукопашный бой, продолжавшійся до тѣхъ поръ, пока Французы были откинуты въ свою прежнюю позицію, гдѣ ихъ защитила артиллерія. Четыре Французскія пѣхотныя колонны, употребленныя для сего же приступа, дошли до мызы Ла-Гесентъ, и разбивъ Бельгійскій полкъ,

располагались было утвердиться въ центрѣ Британской позиціи, какъ въ самое это время онѣ были атакованы бригадою Генерала Пака, приведенною изъ второй линіи Генераломъ Пикпономъ, между тѣмъ какъ бригада Англійской тяжелой кавалеріи, обскакавъ свою пѣхоту, ударила во флангъ атакующіія Французскія колонны въ ту минуту, какъ онѣ нѣсколько смѣшались отъ сильнаго ружейнаго огня. Послѣдствія были рѣшительны. Французскія колонны съ великимъ урономъ опрокинуты, и два орла взяты вмѣстѣ съ 2000 плѣнныхъ. Послѣдніе тотчасъ были отправлены въ Брюссель.

Британская кавалерія слишкомъ далеко однако же погналась за своими выгодами. Покавъ въ средину Французской пѣхоты и посланнаго къ ней въ подкрѣпленіе кавалерійскаго отряда, она принужденною нашлась отступить со значительнымъ урономъ. Въ эту минуту храбрый Генералъ Пикпонъ, столь отличный своимъ мужествомъ и предпріимчивостью, обрѣлъ смерть, равно какъ и Генералъ Понсонби, начальствовавшій кавалеріею.

Около сего времени Французы овладѣли мызою Ла-Ге-Сентъ, перебивъ до двухъ сотъ Ганноверскихъ стрѣлковъ, храбро ее защищавшихъ. Французы удерживали сіе мѣсто нѣсколько времени, пока были оттуда выгнаны бомбами.

Вскорѣ послѣ того бой опять возгорѣлся на правомъ крылѣ, гдѣ Французская кавалерія сдѣлала общее нападеніе на пѣхотные каре, особенно къ срединѣ праваго Британскаго крыла или между онымъ и дорогою. Она бросилась съ наивеличайшею неустрашимостью, не взирая на безпрестанный огонь изъ тридцати пушекъ, и заставила артиллерійстовъ, изъ оныхъ дѣйствовавшихъ, скрыться въ средины каре. Однако жъ непріятель не имѣлъ никакой возможности взять пушки или даже заколотить оныя, и при каждой благопріятной минутѣ, Англійскіе артиллерійсты, выходя изъ своихъ убѣжищъ, вновь заряжали свои орудія и стрѣляли по нападающимъ, — дѣйствіе, которое, кажется, въ особенности свойственно Британской службѣ. * Кирасиры продолжали однако жъ свой ужасный напискъ, и бросились на каре въ полномъ увѣреніи, что собьютъ оные своею стремительностью. Борьба сія походила на яростныя морскія волны, разбивающіяся о цѣпь утесовъ. Англичане стояли твердо, и не прежде стрѣляли по конницѣ, какъ подпустивъ ее на тридцать футовъ разстоянія, отъ чего люди бросались въ одну сторону, лошади въ другую, и кирасиры повсюду были отражаемы.

Французскіе писатели говорятъ, будто бы каре сіи были опрокину-

* Баронъ Муфлингъ, описывал сіе обстоятельство, говоритъ: «Въ Англійской артиллеріи положено правиломъ не отвозить назадъ пушекъ при нападеніи на оныя кавалеріи въ оборонительной позиціи. Изъ орудій стрѣляютъ до послѣдней минуты, и тогда люди, скрываясь въ ближайшій каре, уносятъ съ собою принадлежность, которую они при пушкахъ употребляли. Если атака отражена, то артиллерійсты возвращаются къ своимъ орудіямъ и стрѣляютъ по отступающему непріятелю. Этотъ способъ, можетъ быть, превосходенъ, если только пѣхота расположена соотвѣтственнымъ оному образомъ.

пы и нѣсколько знаменъ взято; однако жъ, по единогласному свидѣтельству всѣхъ находившихся тамъ Англійскихъ офицеровъ, сіе показаніе совершенно ложно. Въ этомъ однако жъ не виноваты кирасиры, показавшіе почти бѣшеную храбрость. Они неоднократно сбирались и вновь нападали такъ, что Англичане могли даже узнавать въ лицо отраженныхъ уже ими непріятелей. Нѣкоторые бросались прямо на штыки, и, выстрѣливъ изъ пистолетовъ, начинали рубиться палашами съ безпримѣрною быстротою и храбростью. Иные, останавливаясь въ изумленіи, были убиваемы изъ ружьевъ и изъ пушекъ. Нѣсколько эскадроновъ, проскакавъ сквозь интервалы первой линіи, ударили на стоявшіе сзади Бельгійскіе каре съ такимъ же малымъ успѣхомъ. Наконецъ кирасиры такъ много пострадали, что принужденными нашлись оставить свою попытку, сдѣланную ими съ такою непоколебимою и отчаянною храбростью. Въ этой неслыханной борьбѣ бо́льшая часть Французской тяжелой кавалеріи была совершенно истреблена. Бонапарте говоритъ объ этомъ въ своемъ бюлетенѣ, какъ о покушеніи, сдѣланномъ безъ всякаго на то приказа и поддержанномъ только отчаянною храбростью солдатъ и офицеровъ. Достовѣрно, что чрезъ погибель сего славнаго отряда кирасиръ, онъ лишился войска, которое наилучшимъ образомъ прикрыло бы его отступленіе. По разсѣяніи остатковъ сей мужественной конницы, Французы нѣсколько времени ограничивались одною только сильною пальбою, отъ коей Англичане частью укрылись, прилегши на землю, между тѣмъ какъ непріятель приготовлялъ въ другомъ мѣстѣ нападеніе, намѣреваясь повести его инымъ образомъ.

Было около шести часовъ, и въ продолженіе сихъ неоднократныхъ, яростнѣйшихъ натисковъ, Французы не пріобрѣли никакихъ успѣховъ, кромѣ того, что заняли на нѣкоторое время окружающій Гугомонъ лѣсъ, изъ коего они были вытѣснены, и мызу Ла-Ге-Сентъ, которая также скоро была отбита назадъ. Съ другой стороны, и Британцы сильно пострадали, но не потеряли ни шага земли, кромѣ двухъ мѣстъ, обратно ими взятыхъ. Десять тысячъ человѣкъ были однако жъ убиты и ранены; нѣсколько изъ иностранныхъ полковъ обратилось въ бѣгство, между тѣмъ какъ другіе показали самую непоколебимую храбрость. Число войскъ уменьшилось какъ бѣглецами, такъ и отсутствіемъ тѣхъ, которые ушли съ кроваваго поля для отпоски раненыхъ, и не слишкомъ торопились воротиться на роковое поприще.

Но Французы, кромѣ потери 15,000 человѣкъ и двухъ-тысячнаго отряда, взятаго въ плѣнъ, были еще потревожены движеніями Прусаковъ на правомъ ихъ флангѣ; и тайна Герцога Веллингтона обнаружилась. Блюхеръ, вѣрный своему слову, рано утромъ двинулъ дивизію Бюлова, которая не была въ дѣлѣ при Линьи, для того, чтобы, вступивъ въ сообщеніе съ Англійскою арміею, ударить съ праваго фланга и съ тыла на Французовъ. Но, не взирая на то, что между Вавромъ

и Ватерлоскимъ полемъ было не болѣе пятнадцати или четырнадцати миль, а переходъ сей, по неизбѣжнымъ обстоятельствамъ, весьма замедлился. Неровное мѣстоположеніе и испорченныя дороги, о коихъ часто упоминалось, очень препятствовали Прусакамъ на пути ихъ, тѣмъ болѣе, что они везли съ собою значительный отрядъ артиллеріи. Притомъ же пожаръ, происшедшій въ Ваврѣ утромъ 18 числа, помѣшалъ корпусу Бюлова пройти чрезъ городъ, и заставилъ его обойти кругомъ по дальней и трудной дорогѣ. Пробравшись съ большимъ трудомъ проселочными путями чрезъ Шапель-Ламбертъ, Бюловъ съ 4-мъ Прусскимъ корпусомъ, коего Герцогъ Веллингтонъ ожидалъ около одиннадцати часовъ, возвѣстилъ издалека о своемъ прибытіи пушечными выстрѣлами въ половинѣ пятаго часа. Первый Прусскій корпусъ, слѣдовавшій по одной дорогѣ съ Бюловымъ, пришелъ уже послѣ него. Вторая дивизія подошла стороною по тому же направленію, какъ четвертая и первая, но чрезъ мѣстечко Огенъ, ближе къ Англійскому флангу. Императоръ тотчасъ отрядилъ противъ Блюхера, показавшагося гораздо прежде прочихъ, 6-й Французскій корпусъ, который онъ для этого случая держалъ въ запасѣ; и поелику прибылъ еще одинъ только авангардъ, то ему удалось на время остановить Прусаковъ. Первый и второй Прусскіе корпусы явились на поле битвы еще послѣ четвертаго. Третій корпусъ двинулся было по тому же направленію, но на него стремительно напали Французы, подъ предводительствомъ Маршала Груши, отряженнаго, какъ выше сказано, для того, чтобы отвлечь Блюхера, коего онъ полагалъ, что видитъ передъ собою всѣ силы.

Вмѣсто того, чтобы изумиться, какъ бы то сдѣлалъ обыкновенный Генералъ, при этомъ нападеніи на его аріергардъ, Блюхеръ удовольствовался только тѣмъ, что послалъ начальствующему третьимъ корпусомъ, Генералу Тильману, приказаніе защищаться, какъ можетъ, на линіи Диля. Между тѣмъ, не ослабляя собственной своей арміи чрезъ посылку части оной на помощь къ Тильману, ветеранъ болѣе ускорилъ, чѣмъ замедлилъ походъ свой къ полю битвы, на коемъ онъ предвидѣлъ столь совершенную развязку войны, что всѣ побѣды и пораженія въ другихъ мѣстахъ долженствовали уже сдѣлаться второстепенными предметами.

Послѣ половины седьмаго часа, вторая большая дивизія Прусской арміи начала вступать въ сообщеніе съ Англійскимъ лѣвымъ флангомъ чрезъ деревню Огенъ, между тѣмъ какъ Блюхеръ наступалъ изъ Шапель-Ламберта на правый флангъ и тылъ Французовъ чрезъ лощину Фришмонъ. Тогда обнаружилось, что Прусаки хотятъ принять рѣшительное участіе въ битвѣ и съ великими силами. Наполеонъ имѣлъ еще средство воспротивиться имъ и отступить, хотя онъ навѣрное былъ бы на другой день атакованъ соединенными Англійскою и Прусскою арміями. Знаменитая его гвардія не участвовала еще въ дѣлѣ, и

могла доставить ему прикрытіе послѣ битвы, въ коей онъ подвергался неудачамъ, но не претерпѣлъ еще пораженія. Но обстоятельства, въ коихъ онъ находился, не могли не смущать духъ его. Ему не откуда было ждать помощи; соединеніе съ Груши оставалось единственнымъ средствомъ къ подкрѣпленію силъ его; Русскіе быстро шли къ Рейну; Республиканцы въ Парижѣ устроивали козни противъ его Правительства. Казалось, что все долженствовало рѣшиться въ этотъ день и на этомъ полѣ. Встревоженный такими неблагопріятными предзнаменованіями, онъ вообразилъ себѣ, что отчаянное усиліе къ одержанію побѣды — прежде чѣмъ Прусаки вступятъ въ дѣло — можетъ вытѣснить Англичанъ изъ ихъ позиціи, и рѣшился пуститься на эту смѣлую попытку.

Около семи часовъ Наполеонова гвардія построилась въ двѣ колонны подъ его глазами, при подошвѣ ската Бель-Аліанской высоты, и была ввѣрена предводительству неустрашимаго Нея. Наполеонъ сказалъ солдатамъ и даже сообщилъ ту же басню ихъ начальнику, будто бы Прусаки, коихъ они видѣли у себя въ правѣ, отступаютъ передъ Груши. Можетъ быть, что онъ и самъ такъ думалъ. Гвардія въ послѣдній разъ отвѣтствовала ему кликомъ: *Да здравствуетъ Императоръ!* и рѣшительно двинулась впередъ, имѣя у себя въ резервѣ четыре баталіона Старой Гвардіи, готовые подкрѣпить своихъ товарищей. Боевая линія Англичанъ постепенно измѣнилась отъ безпрерывныхъ и всегда отражаемыхъ натисковъ непріятеля. Правое ихъ крыло, которое при началѣ боя составляло выпуклую дугу, вогнулось теперь внутрь, поелику правая оконечность, откинутая назадъ, подалась теперь впередъ, такъ что пушечный и ружейный огонь билъ во флангъ Французовъ, которые подвергались еще огню, направленному на нихъ съ противолежащихъ высотъ. Британцы стали въ четыре шеренги, ожидая натиска подходящихъ колоннъ Французской гвардіи, которую они осыпали градомъ пуль, ни на минуту не прерывавшимся. Солдаты стрѣляли рядами, то есть, что каждый человѣкъ заряжалъ ружье свое и выстрѣливалъ изъ онаго, какъ только могъ успѣть. Наконецъ Англичане двинулись впередъ, какъ бы для того, чтобы обступить головы колоннъ, продолжая между тѣмъ стрѣлять во флангъ непріятеля. Французы храбро рѣшились выстроить фронтъ для отраженія сего удара. Но, усиливаясь сіе сдѣлать подъ такимъ убійственнымъ огнемъ, они остановились, поколебались, разстроились, столпились въ кучу и наконецъ обратили тылъ, отступивъ, или лучше сказать, побѣжавъ въ наивеличайшемъ безпорядкѣ. Это было послѣднее усиліе непріятеля, и Наполеонъ далъ приказъ къ отступленію, для прикрытія коего у него ужъ не оставалось никакихъ войскъ, кромѣ послѣднихъ четырехъ баталіоновъ Старой Гвардіи, шедшихъ за атакующими колоннами. Построясь въ каре, они твердо стояли. Но въ эту минуту Герцогъ Веллингтонъ

приказалъ двинуться впередъ всей Англійской линіи, такъ что, не взирая на опытную храбрость сихъ мужественныхъ ветерановъ, они также были опрокинуты и вовлечены въ общее пораженіе, вопреки усиліямъ Нея, который, потерявъ въ бою лошадь, дрался пѣшій съ саблею въ рукѣ передъ фронтомъ до самой послѣдней минуты. Сей Маршалъ, коего по крайней мѣрѣ воинскіе таланты не могутъ быть оспорены, лично свидѣтельствовалъ противъ двухъ обстоятельствъ, искусно разсѣянныхъ друзьями Наполеона. Одинъ изъ сихъ вымысловъ встрѣчается въ его собственномъ бюлетенѣ, коимъ онъ приписываетъ потерю сраженія паническому страху, произведенному вѣроломствомъ неизвѣстныхъ людей, которые закричали: *Спасайся, кто можетъ!* Другая сказка, которой вѣрили въ Парижѣ, состояла въ томъ, что четыре баталіона Старой Гвардіи, послѣдніе, сохранившіе еще тѣнь порядка, на предложеніе сдаться, великодушно отвѣтствовали: *Гвардія умираетъ, а не сдается;* послѣ чего баталіоны будто бы сошлись въ кружокъ и выстрѣлили изъ своихъ ружей другъ въ друга для того, чтобы не умереть отъ рукъ Англичанъ. Ни отвѣтъ сей, ни мнимая жертва гвардіи, не имѣютъ ни малѣйшаго основанія. Камбронъ, въ уста коего этотъ отзывъ вложенъ, самъ отдалъ свою шпагу и взятъ въ плѣнъ; а подвигъ Французской гвардіи гораздо болѣе заслуживаетъ похвалы за непоколебимое мужество, съ коимъ она дралась до послѣдней крайности, чѣмъ за это приписанное ей военное самоубійство на потерянномъ полѣ битвы. Воины сіи имѣютъ полное право на имя храбрыхъ людей, и не въ похвалу имъ было бы, если бъ ихъ назвать безумцами. Были ли слова сіи произнесены Камброномъ или нѣтъ, а гвардія заслуживаетъ, чтобы оныя начертать на ея памятникѣ.

Пока сіе рѣшительное движеніе происходило, Бюловъ — сосредоточившій свои силы и наконецъ приведенный въ возможность дѣйствовать — взялъ деревню Планшнуа въ тылу Французовъ, и началъ такъ сильно стрѣлять въ правое ихъ крыло, что пальба его воспрепятствовала Англичанамъ преслѣдовать непріятеля. Двигаясь косвенно, Британская и Прусская арміи сошлись на высотахъ, которыя еще такъ недавно были заняты Французами, и торжествовали побѣду громкими кликами взаимныхъ поздравленій.

Французская армія претерпѣла совершенное пораженіе; и побѣдоносные вожди, съѣхавшись въ Бель-Аліанской мызѣ, положили, чтобы Прусаки, гораздо менѣе уставшіе, преслѣдовали непріятеля, чего Англичане, утомленные осьмичасовою битвою, не въ состояніи были бы сдѣлать.

Въ продолженіе всего дѣла Наполеонъ сохранялъ величайшее спокойствіе духа. Стоя на Бель-Аліанской высотѣ близъ центра, онъ могъ обозрѣвать все поле битвы, имѣющее въ длину не болѣе полуторы милн. Долгое время онъ не показывалъ ни малѣйшаго опасенія на счетъ судьбы сраженія, замѣчалъ дѣйствія каждаго полка, и нѣсколь-

ко разъ хвалилъ Англичанъ, не переставая однако жъ считать ихъ вѣрною своею добычею. Когда гвардія его построилась для сдѣланія своего послѣдняго, роковаго усилія, то онъ спустился къ ней по Бель-Аліанской дорогѣ для того, чтобы сдѣлать ей прощальное увѣщаніе. Онъ внимательно смотрѣлъ на ея движеніе въ зрительную трубу, и не хотѣлъ слушать одного или двухъ адъютантовъ, прискакавшихъ въ эту минуту съ праваго фланга съ донесеніемъ о появленіи Прусаковъ. Наконецъ, увидѣвъ, что атакующія колонны поколебались и разстроились, — говоритъ сообщившій намъ сіе — онъ поблѣднѣлъ какъ полотно и, произнеся про себя: «Они совершенно смѣшались,» сказалъ окружавшимъ его: «Теперь все погибло!» и поскакалъ съ поля, не останавливаясь и не переводя духу, до Шарлеруа, гдѣ онъ отдохнулъ нѣсколько минутъ на лугу въ разбитой для него палаткѣ.*

Между тѣмъ Блюхеръ не переставалъ съ величайшею дѣятельностью преслѣдовать разбитую Французскую армію. Онъ ускорилъ движеніе своего авангарда, и отправилъ всю свою конницу въ погоню за бѣгущими Французами. Въ Женапѣ они покушались было удержаться, загородивъ улицы и мостъ; но Прусаки мгновенно ихъ опрокинули, и хотя Французовъ было достаточное количество для сдѣланія отпора, однако жъ они такъ разстроились и до такой степени оробѣли, что ихъ били какъ овецъ и гнали съ мѣста на мѣсто, между тѣмъ какъ они не показали и тѣни обыкновеннаго своего мужества. Сто пятьдесятъ пушекъ досталось Англичанамъ, и такое же число было взято Прусаками во время преслѣдованія. Послѣдніе захватили также весь обозъ Наполеона и карету его, гдѣ, между прочими любопытными вещами, найдено воззваніе, которое предполагалось объявить на другой день въ Брюсселѣ.

Уронъ, понесенный Англичанами въ этомъ ужасномъ бою, по словамъ Герцога Веллингтона, неохотника до преувеличеній, былъ *чрезвычайно великъ*. Сто офицеровъ убитыхъ, пять сотъ раненыхъ, изъ коихъ многіе смертельно, пятнадцать тысячъ рядовыхъ, убитыхъ и раненыхъ (кромѣ потери Прусаковъ подъ Вавромъ), облекли половину Британіи въ трауръ. Многіе отличные офицеры пали. Вся слава и всѣ великія выгоды, доставленныя симъ безсмертнымъ днемъ, едва могли утѣшить въ томъ, чего онъ стоилъ. Главнокомандующій, будучи принужденъ самъ вездѣ находиться, неоднократно подвергался величайшимъ опасностямъ. Только самъ Герцогъ и одинъ офицеръ изъ его многочисленнаго Штаба не были ранены или не лишились лошадей своихъ.

Трудно было бы исчислить обширность понесеннаго Французами урона. Кромѣ падшихъ въ бою и при

* Эти подробности сообщилъ намъ Фламандскій крестьянинъ Лакостъ, который, попавъ къ Наполеону въ проводники, находился при немъ въ продолженіе всего дѣла и сопутствовалъ ему въ Шарлеруа. Онъ былъ повидимому человѣкъ весьма разсудительный, и разсказывалъ свою повѣсть чрезвычайно просто. Авторъ видѣлъ его, и слышалъ разсказъ сей вскорѣ послѣ дѣла.

бѣгствѣ, великое число отлучилось изъ рядовъ своихъ. Мы не думаемъ, чтобы изъ 75,000 человѣкъ осталась въ строю хоть половина.

Изобразивъ сію достопамятную битву, мы обязанностью считаемъ представить сужденія объ оной и замѣчанія самого Наполеона, дабы пояснить наше повѣствованіе, а болѣе для того, чтобы выставить его характеръ.

Описаніе Ватерлоской битвы — которое Гурго писалъ со словъ Наполеона и которое Генералъ Груши называетъ военнымъ романомъ, наполненнымъ мнимыми предположеніями, обманами и явною ложью — обвиняетъ начальствовавшихъ подъ Наполеономъ Генераловъ въ томъ, что они совершенно перемѣнились въ своихъ прежнихъ свойствахъ. Ней и Груши особенно въ ономъ выставлены: первый по имени, а послѣдній чрезъ ясный намекъ. Тамъ сказано, что они потеряли непоколебимость и предпріимчивость, которыми они прежде отличались и которымъ Франція обязана за свои побѣды. Они сдѣлались боязливыми и осторожными во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ и, не взирая на оставшуюся въ нихъ личную храбрость, думали только о томъ, какъ бы менѣе подвергать себя опасности. Это общее замѣчаніе — сдѣланное умышленно съ тою цѣлью, чтобы сложить съ Императора на его Генераловъ вину неудачъ сей кампаніи — столько же несправедливо, какъ и неблагодарно. Потеряли ль свою непоколебимость тѣ, которые дрались до послѣдней минуты на Ватерлоскомъ полѣ, спустя долгое время послѣ того, какъ Императоръ съ онаго уѣхалъ? Показалъ ли Груши въ своихъ дѣйствіяхъ нерѣшительность тѣмъ, что онъ благополучно привелъ въ Парижъ свою дивизію, не взирая на всѣ препятствія, противопоставляемыя ему побѣдоносною арміею, втрое противъ него многочисленнѣйшею? Оба сіи Генерала лишились для Наполеона чиновъ и жалованья, которыми они спокойно могли бы пользоваться при Бурбонахъ. Думали ль они о томъ, чтобы менѣе подвергать себя опасности, когда, для присоединенія къ нему въ его отважной попыткѣ, они забыли не только выгоды свои и безопасность, но и честь свою предъ лицемъ Европы, обрекая себя на вѣрную смерть въ случаѣ, если Бурбоны восторжествуютъ? Тѣ, которые дрались, имѣя веревку на шеѣ, что рѣшительно можно было сказать о Груши и о Неѣ, должны были внимать одному отчаянію; и при такихъ обстоятельствахъ, сообразно ли съ природою человѣческою полагать, чтобы тѣ, коихъ счастіе и безопасность зависѣли отъ побѣды, обладая личною храбростью, въ нихъ признаваемою, стали бы прятаться тогда, какъ собственный ихъ жребій былъ на вѣсахъ?

Отъ того, который былъ несправедливъ противъ своихъ сподвижниковъ, едва ли можно ожидать искренности на счетъ непріятеля. Герцогъ Веллингтонъ всегда охотно отдавалъ воинскимъ талантамъ Наполеона справедливость, которую всякой великодушный человѣкъ спѣшитъ оказать своему сопернику и

добровольно сознается, что подвиги Бонапарте и войскъ его при этомъ достопамятномъ случаѣ вполнѣ соотвѣтствовали высокой ихъ славѣ. Можетъ быть, скажутъ, что побѣдителю легко хвалить побѣжденнаго, но что требуется высшей степени искренности для того, чтобы побѣжденный могъ хвалить своего побѣдителя. Но кажется, что Наполеонъ не имѣлъ этой благородной возвышенности духа; ибо, какъ самъ онъ, такъ и люди, коихъ онъ употреблялъ для распространенія своихъ показаній, прибѣгли къ мелочнымъ средствамъ, дабы извинить Ватерлоское пораженіе оправданіями, основанными большею частью на ложныхъ показаніяхъ. Мы необходимостью считаемъ сказать здѣсь объ этомъ нѣсколько словъ, и по порядку разсмотримъ показанія, клонящіяся къ тому, чтобы доказать неспособность Англійскаго вождя и выставить, что Ватерлоское сраженіе было потеряно только чрезъ необычайное стеченіе роковыхъ обстоятельствъ.

Первое изъ нихъ, и чаще упоминаемое, есть обвиненіе Герцога Веллингтона въ томъ, что 15 числа онъ подвергся внезапному нападенію, стоя на мѣстахъ и не могши довольно скоро собрать силы свои при Катр-Бра. Въ этомъ конечно Герцога весьма бы можно обвинить, если бъ Наполеонъ особымъ извѣщеніемъ или какимъ либо опредѣлительнымъ движеніемъ обнаружилъ, на какую точку онъ намѣревается итти. По рыцарскій обычай, назначать мѣсто боя, давно уже вышелъ изъ употребленія; и Наполеонъ болѣе всѣхъ прочихъ полководцевъ обладалъ искусствомъ закрывать свои движенія и обманывать непріятеля на счетъ точки, на которую онъ намѣревался напасть. Посему Герцогъ и Князь Блюхеръ принуждены были расположить въ разныхъ мѣстахъ сосредоточеніе силъ своихъ, смотря по тому, какъ обнаружится выборъ Наполеона; и дабы имѣть возможность собрать свои силы во всякой точкѣ, гдѣ потребуется, имъ слѣдовало растянуть свои кантониръ-квартиры, чрезъ что общія движенія необходимо долженствовали нѣсколько замедлиться. Герцогъ не могъ двинуться изъ Брюсселя или сосредоточить свои силы прежде полученія достовѣрныхъ свѣдѣній о движеніяхъ непріятеля, и говорятъ, что одинъ Французскій Министръ, обѣщавшій доставить ему Наполеоновъ планъ кампаніи, употребилъ политическую уловку для того, чтобы не сдержать своего слова.* Мы не отвер-

* Это былъ Фуше, который повидимому находился въ тайной перепискѣ со всѣми воюющими Державами, занимая при Наполеонѣ мѣсто Министра Полиціи. Въ Запискахъ своихъ онъ хвалится средствомъ, которое онъ употреблялъ для сдержанія своего слова предъ Герцогомъ Веллингтономъ, пославъ Наполеоновъ планъ кампаніи съ женщиною, Фламандскою содержательницею почты, которую самъ же приказалъ подстеречь и захватить на границѣ. Такимъ образомъ онъ сдержалъ свое обѣщаніе на словахъ, но не исполнилъ его на дѣлѣ.

Мы имѣемъ причины вѣрить справедливости сего случая. Но одинмъ изъ чудесъ нашего времени можно счесть то, какъ Фуше, бывшій зачинщикомъ такого множества умысловъ и заговоровъ, революціонныхъ и противореволюціонныхъ козней, могъ найти средство умереть на своей постелѣ.

гаемъ талантовъ и дѣятельности, обнаруженныхъ Наполеономъ, который, если бъ онъ только могъ привесть всю свою армію вечеромъ 15 Іюня, вѣроятно успѣлъ бы воспрепятствовать предположенному между Блюхеромъ и Веллингтономъ соединенію. Но извѣстная мольба къ богамъ объ уничтоженіи времени и пространства, столь же была бы безразсудна въ устахъ полководца, какъ въ устахъ любовника; и связанный препятствіями, коихъ уничтоженія требуетъ скромная мольба сія, Бонапарте не успѣлъ во время привести достопамятное число войскъ для того, чтобы одолѣть непріятеля въ Катр-Бра; между тѣмъ какъ Герцогъ Веллингтонъ, по тѣмъ же препятствіямъ отъ времени и пространства не могъ собрать достаточныхъ силъ, дабы, оттѣснивъ предъ собою Нея, итти самому на помощь къ Блюхеру въ дѣлѣ при Линьи. *

Въ выборѣ Ватерлоскаго поля также упрекаютъ Герцога Веллингтона, какъ въ дѣлѣ, доказывающемъ слабоуміе; поелику, хотя оно и представляло всѣ средства для того, чтобы дать сраженіе и воспользоваться побѣдою, соединяя притомъ удобство сообщенія съ Прусскою арміею, но по мнѣнію Императора, не обезпечивало отступленія, ибо оно имѣло у себя въ тылу одинъ только путь — Брюссельскую дорогу, между тѣмъ какъ остальная часть позиціи была заслонена Суаньисскимъ лѣсомъ, предъ которымъ Англійская армія стояла и чрезъ который отступленіе считалось невозможнымъ.

Положивъ, что сіе замѣчаніе основательно, на оное можно отвѣтствовать, что полководецъ никогда бы не могъ расположить свой лагерь или сразиться, если бъ онъ не долженъ былъ вступать въ бой иначе, какъ на такомъ мѣстѣ, которое имѣетъ всѣ предписанныя теоріею выгоды. Предводитель долженъ смотрѣть на то, удобна ли мѣстность для настоящей потребности, не обращая вниманія на обстоятельства, менѣе важныя. Бывали полководцы, предпочтительно избиравшіе такія позиціи, съ коихъ нельзя было отступить; подобно какъ завоеватели сожигали корабли свои для того, чтобы привесть себя въ необходимость до конца исполнить свое предпріятіе. И хотя обезпеченіе отступленія конечно желательно, однако жъ хорошіе Генералы часто онымъ не озабочивались, и никто сего столь часто не дѣлалъ, какъ самъ Наполеонъ. Развѣ Еслингская битва не была дана безъ всякой возможности къ отступленію, кромѣ плохихъ мостовъ чрезъ Дунай? Развѣ Ваграмскій бой происходилъ не при такихъ же обстоятельствахъ? — И въ довершеніе всего, Наполеонъ, порицавшій Герцога Веллингтона за то, что онъ распоможе

* Нѣкоторые люди, по простотѣ своей, сочли неудивительнымъ, что Герцогъ Веллингтонъ былъ озадаченъ вѣстью о движеніи Французовъ, поелику онъ получилъ ее, находясь на балѣ. По понятіямъ своимъ о войнѣ, эти добрые люди конечно думаютъ, что полководецъ долженъ вѣчно стоять на часахъ со своимъ предводительскимъ жезломъ въ рукѣ, подобно статуѣ на площади, до тѣхъ поръ, пока придетъ вѣсть, призывающая его на поле битвы.

жился передъ лѣсомъ, не пошелъ ли самъ въ бой, имѣя позади себя лишь тѣснину, составляемую узкими улицами и узкимъ мостомъ въ Женапѣ, по однимъ коимъ, въ случаѣ пораженія, онъ могъ перейти чрезъ Диль? — Слѣдовательно, можно предположить, что Герцогъ Веллингтонъ, избирая позицію, изъ коей отступить было бы трудно, считалъ сіе отступленіе невѣроподобнымъ, и былъ въ твердой надеждѣ удержаться до прихода Прусаковъ.

Но это еще не все; ибо Англійскіе Генералы согласно признаютъ Суаньнскій лѣсъ весьма выгоднымъ для позиціи; и не только не страшась имѣть его у себя въ тылу, Герцогъ Веллингтонъ полагалъ, что въ случаѣ, если первая и вторая его линіи будутъ, по несчастію, опрокинуты, то онъ удержится въ немъ противъ всей Французской арміи. Деревня Мон-Сен-Жанъ, лежащая впереди, представляла превосходный ключъ позиціи для арміи, принужденной занимать лѣсъ, который повсюду былъ проходимъ для конныхъ и пѣшихъ, ибо состоялъ изъ высокихъ деревьевъ, неимѣющихъ низко отъ земли сучьевъ. По рѣдкому согласію мнѣній, мы не видали ни одного Англійскаго офицера, который бы не считалъ Суаньнскій лѣсъ весьма удобнымъ для сдѣланія послѣдняго отпора. Доказательствомъ сему можетъ служить оборона Лѣса Горбатыхъ (Bois de Bossu), близъ Катр-Бра, противъ неоднократныхъ нападеній Маршала Нея. И потому сіе обвиненіе, сдѣланное противъ Герцога Веллингтона, можетъ быть опровергнуто тѣмъ, что оно не сообразно съ правилами Британской Тактики. Можно только прибавить, что есть обстоятельства, въ коихъ народныя свойства и привычки дѣлаютъ позицію выгодною для солдатъ одной земли, между тѣмъ какъ она опасна и гибельна для иноземцевъ.

Слѣдующая статья сего завистливаго порицанія такъ странна, что если бъ она не происходила отъ великаго мужа, угнетеннаго бѣдствіемъ, то могла бы показаться даже смѣшною. Наполеонъ изъявилъ свое неудовольствіе за то, что онъ былъ побѣжденъ простымъ, обыкновеннымъ способомъ боя, а не особенными движеніями и обнаруженіемъ военнаго искусства со стороны побѣдителя. Но если сіе можетъ доставить какое либо утѣшеніе тѣмъ, для коихъ драгоцѣнна его слава, то легко доказать, что Наполеонъ палъ жертвою плана, заблаговременно составленнаго и исполненнаго, не взирая на обстоятельства, по которымъ люди обыкновенные отъ онаго бы отказались; и что одна только непоколебимая храбрость и неограниченная увѣренность могла побудить вождей къ окончанію ихъ предпріятія; что Наполеонъ не прежде проникъ намѣренія Союзныхъ Генераловъ, какъ тогда, когда уже было поздно воспрепятствовать уничтоженію его арміи — словомъ сказать, что онъ былъ побѣжденъ воинскимъ искусствомъ, достойнымъ сравненія съ его собственными, удивительными походами.

Для доказательства сказаннаго

нами, достаточно замѣтить, что основныя точки и пути къ отступленію Прусской и Англійской армій были различны; ибо первая имѣла оные на Маастрихтъ, а вторая на Антверпенъ, откуда каждая изъ нихъ ожидала себѣ подкрѣпленій. Не взирая на сіе и съ полною другъ къ другу довѣренностью, Фельдмаршалъ Князь Блюхеръ и Герцогъ Веллингтонъ согласились дѣйствовать совокупно противъ Французской арміи. Соединенію ихъ силъ, къ коему оба они приготовились, предназначено было произойти при Линьи, гдѣ Герцогъ долженствовалъ подкрѣпить Прусаковъ и гдѣ Блюхеръ отважился на бой, въ надеждѣ на помощь своего Союзника. Быстрыя движенія Наполеона и невозможность, въ коей были Англичане, сосредоточить при Катр-Бра достаточное количество войскъ для того, чтобы опрокинуть Нея и войска, противъ ихъ находившіяся, воспрепятствовали имъ сдѣлать боковое движеніе, дабы помочь Блюхеру въ эту опасную минуту. Если бъ не сіе, то роли въ этой кровавой драмѣ перемѣнились бы, и Англійская армія двинулась бы на помощь Прусакамъ къ Линьи, такъ какъ Прусаки пришли на помощь Британцамъ къ Ватерло.

Бонапарте умѣлъ на время разстроить планъ сей; но онъ не зналъ и не могъ узнать того, что Союзные Генералы, послѣ потери сраженія при Линьи, продолжали держаться того же намѣренія, которое было принято ими при началѣ похода. Онъ и всѣ его окружавшіе воображали, что Блюхеръ долженъ отступить къ Намюру или въ другомъ направленіи, которое отдѣлитъ его отъ Англичанъ: ибо естественно было предполагать, что разбитая армія скорѣе будетъ стараться сблизиться со своими пособіями, чѣмъ замышлять о новыхъ наступательныхъ дѣйствіяхъ. Какъ бы то ни было, а Наполеонъ въ этомъ отношеніи чрезвычайно какъ ошибся, полагая, что если Блюхеръ и отступитъ по той же линіи, гдѣ находились Англичане, то средства, оставшіяся у Прусаковъ для содѣйствія ихъ Союзникамъ, такъ ограниченны и — какъ онъ вѣроятно воображалъ — вождь ихъ такъ упалъ духомъ, что Маршалъ Груши съ 32,000 человѣкъ очень легко удержитъ всѣ Прусскія силы. И такъ Маршалъ сей, какъ мы уже видѣли, былъ посланъ, но слишкомъ поздно, и безъ всякихъ другихъ наставленій, кромѣ того, чтобы преслѣдовать Прусаковъ и занимать ихъ собою. Обманутый ложнымъ движеніемъ Блюхера, онъ сначала пошелъ было по дорогѣ къ Намюру и такимъ образомъ, безъ всякой со своей стороны ошибки, потерялъ драгоцѣнное время.

Бонапарте, при разборѣ сего дѣла, винитъ Маршала Груши въ томъ, что онъ не открылъ настоящаго направленія Блюхера, чего онъ не имѣлъ никакой возможности сдѣлать, и въ томъ, что онъ не исполнилъ приказъ, который никогда не былъ, да и не могъ быть ему данъ, ибо Наполеонъ такъ же, какъ и его Маршалъ, не зналъ того, что Блюхеръ рѣшился, во что бы ни стало, соединиться съ Веллингтономъ. Этотъ

замыселъ совокупнаго дѣйствія былъ загадкою для Французскаго Императора, побѣжденнаго отъ того, что онъ не угадалъ его. Онъ даже насмѣхался надъ этою мыслью. Баронъ Муфлингъ говоритъ, что когда одинъ изъ его офицеровъ намекнулъ было о возможности такого соединенія Прусской арміи съ Веллингтономъ, то Бонапарте презрительно усмѣхнулся. «Прусская армія!» сказалъ онъ: «она разбита; она раньше трехъ дней не сберется: у меня семьдесятъ пять тысячъ человѣкъ, а у Англичанъ только пятьдесятъ тысячъ; Брюссель простираетъ ко мнѣ руки; Англійская оппозиція только и ждетъ моихъ успѣховъ для того, чтобы возстать. Тогда прощай денежныя пособія и прощай Союзъ!» Бонапарте, находясь на кораблѣ *Нортумберландъ*, признался также, что, никакъ не полагая со стороны Герцога Веллингтона намѣренія сразиться, онъ не озаботился тѣмъ, чтобы съ надлежащею точностью осмотрѣть мѣстность. Извѣстно, что увидѣвъ Англичанъ въ позиціи утромъ 18 числа, онъ воскликнулъ: «Наконецъ эти Англичане мнѣ попались!»

Около половины двѣнадцатаго часа, въ самое то время, какъ началось Ватерлоское сраженіе, Груши, какъ уже сказано, наткнулся на Прусскій аріергардъ. Многочисленное войско, показавшееся цѣлою Прусскою арміею, стояло передъ Французскимъ Маршаломъ, который, по свойству мѣстоположенія, никакъ не могъ ни удостовѣриться въ числѣ онаго, ни открыть, что три дивизіи Блюхеровой арміи двинулись уже вправо чрезъ Сен-Ламбертскій проходъ, и что это былъ только Тильмановъ отрядъ, оставшійся на Дилѣ. Еще меньше того могъ онъ знать, извѣстное только Герцогу и Блюхеру, что Англичане рѣшились дать сраженіе при Ватерло. Правда, что онъ слышалъ въ этомъ направленіи сильную пальбу; но она могла происходить при нападеніи на Англійскій аріергардъ, ибо по всеобщему мнѣнію Французской арміи, Герцогъ отступалъ къ Антверпену. Во всякомъ случаѣ, по даннымъ Маршалу приказаніямъ, ему слѣдовало атаковать находившагося передъ нимъ непріятеля. Онъ не могъ забыть сдѣланнаго Нею выговора за то, что 16 числа онъ отрядилъ часть своихъ силъ, услыхавъ вдали пальбу, и конечно желалъ избѣгнуть нареканія за такую же вину. Даже если бъ Наполеонъ и точно дрался съ Англичанами, то Груши могъ счесть обязанностью занять многочисленное войско, усмотрѣнное имъ въ Ваврѣ и, расположась по рѣкѣ Дилю, препятствовать всякому покушенію противъ Наполеона, если бъ, противъ всѣхъ вѣроятностей, Императоръ вступилъ въ общій бой. Наконецъ, находясь въ тѣхъ мысляхъ, что видитъ передъ собою всю Прусскую армію, полагаемую до 80,000 человѣкъ, ему бы невозможно было изъ тридцатидвухъ-тысячной своей арміи отдѣлить значительный отрядъ на помощь къ Наполеону; и сдѣлавъ нападеніе съ такими неравными силами, онъ доказалъ свою преданность, подвергаясь опасности быть совершенно уничтоженнымъ.

Онъ однако жъ, нимало не колеблясь, вступилъ въ бой и атаковалъ Прусскую линію вдоль по Дилю во всѣхъ точкахъ: у Вавра, на Біельжской мельницѣ и при деревнѣ Лималъ. Атакованные Прусаки, подъ предводительствомъ Тильмана, такъ отчаянно защищались, что Груши могъ занять только ту часть Вавра, которая находилась по сю сторону Диля. Около четырехъ часовъ, т. е. тогда, какъ судьба Ватерлоскаго сраженія почти уже рѣшалась, Груши получилъ отъ Маршала Сульта единственный приказъ, достигшій до него въ теченіе дня, чтобы онъ двинулся для присоединенія къ правому флангу Императора, и въ то же время сообщившій ему извѣстіе (ложное), что битва при Ватерло выиграна. Приписка увѣдомляла Груши, что Бюловъ появился на правомъ флангѣ Наполеона, и что подоспѣвъ во время, онъ захватитъ Прусаковъ на самомъ дѣлѣ.

Приказанія сіи были ясны. Но дабы исполнить оныя, требовалось двѣ вещи. Первое, Груши долженъ былъ раздѣлаться съ Тильманомъ, съ которымъ онъ находился въ жаркомъ бою и который не преминулъ бы преслѣдовать Французскаго Маршала, если бъ онъ отступилъ или двинулся мимо его лѣваго фланга, не опрокинувъ его. Во-вторыхъ, ему необходимо было перейти чрезъ небольшую рѣчку Диль, защищаемую Тильмановою дивизіею, поелику дорога чрезъ Шапель-Ламбертскій лѣсъ была самая удобная, по коей онъ бы могъ достигнуть Ватерло. Груши удвоилъ свои усилія, чтобы пробиться черезъ Диль, но не могъ успѣть въ томъ прежде ночи, и то лишь только частью; ибо Прусаки продолжали занимать Біельжскую мельницу и стояли въ большомъ числѣ на пушечный выстрѣлъ отъ позиціи Груши.

Поутру, Маршалъ, желая съ достовѣрностью узнать о судьбѣ Наполеона, хотя по письму Сульта онъ и считалъ его побѣдителемъ, послалъ для развѣдыванія отрядъ. Узнавъ же истину, онъ началъ отступать съ такимъ искусствомъ, что, не взирая на жаркое преслѣдованіе Прусаковъ, воспламененныхъ духомъ побѣды, хотя и не безъ значительной потери, а ему удалось однако же привесть свой корпусъ въ цѣломъ составѣ къ стѣнамъ Парижа. Сообразивъ всѣ сіи обстоятельства, кажется, что Бонапарте не имѣлъ никакого права надѣяться на подкрѣпленіе Груши, а тѣмъ еще менѣе порицать сего Генерала за то, что онъ не пришелъ къ нему на помощь, поелику онъ въ точности исполнилъ данныя ему наставленія; когда же въ четыре часа приказано ему было Сультомъ, оставя нападеніе на Прусаковъ, примкнуть къ правому крылу Наполеона, то Груши находился въ жаркомъ бою съ Тильманомъ, котораго ему слѣдовало разбить прежде, чѣмъ онъ могъ перейти чрезъ Диль, дабы свершить предполагаемое соединеніе.

Слѣдовательно движеніе Блюхера было внушено мужествомъ и разсудкомъ, поелику Маршалъ оставилъ одну дивизію своей арміи для поддержанія сомнительнаго боя съ Груши, а самъ съ остальными тремя произвелъ чрезъ Сен-Ламбертскій лѣсъ

фланговый походъ, которымъ онъ вполнѣ заплатилъ Наполеону за такое же движеніе, сдѣланное имъ предъ Шампобертскимъ и Монмиральскимъ дѣлами въ 1814 году.

Сообразно съ тою цѣлью, которая заставила Блюхера двинуться, Герцогу Веллингтону слѣдовало удержаться въ своей позиціи, ограничиваясь одною только обороною. Британцы, не обольщаясь никакими временными успѣхами, долженствовали, во что бы то ни стало, сохранить мѣста свои. Каждый шагъ назадъ, къ которому они принудили бы Французовъ до прибытія Прусаковъ, былъ бы невыгоденъ; ибо цѣль состояла не въ томъ, чтобы разбить непріятеля одними только Англійскими войсками, что при настоящемъ положеніи армій доставило бы только временную поверхность; но въ томъ, чтобы удержаться въ Бель-Аліанской позиціи до прихода Блюхеровой арміи. И потому, когда Наполеонъ порицаетъ Герцога Веллингтона за то, что онъ 18 числа ранѣе не двинулся, то онъ осуждаетъ именно то обстоятельство, которое сдѣлало побѣду рѣшительною. Онъ самъ былъ задержанъ въ этой позиціи до тѣхъ поръ, пока погибель его сдѣлалась неизбѣжною.

Почти всѣ Французскіе и даже нѣкоторые Англійскіе писатели утверждали, будто бы Англичане были близки къ пораженію тогда, какъ подоспѣли Прусскія войска. Это вовсе несправедливо. Французы нападали и Англичане сопротивлялись имъ отъ одиннадцати почти до семи часовъ; и хотя бой былъ весьма кровопролитенъ, но первые не пріобрѣли никакихъ успѣховъ, кромѣ овладѣнія Гугомонскимъ лѣсомъ и высотою Ла-Ге-Сентъ, которые вскорѣ были отбиты обратно. Баронъ Муэлингъ представляетъ самое ясное тому свидѣтельство, говоря: «что битва не доставила бы непріятелю благопріятнѣйшихъ послѣдствій, если бъ Прусаки и не пришли.» Онъ очевидецъ и неоспоримый судья; и конечно, пожелалъ бы превозносить славу своихъ соотчичей, сколько бы сего дозволила правда и честь въ этомъ достопамятномъ дѣлѣ, въ которомъ и самъ онъ лично участвовалъ. Тогда какъ Наполеонъ дѣлалъ послѣднее усиліе, Бюлова дивизія дѣйствительно была уже на полѣ сраженія, но она еще не принимала участія въ битвѣ, и приходъ ея не возбудилъ никакого страха. Наполеонъ, собравъ свою гвардію и построивъ ее для сего послѣдняго подвига, объявилъ, что Прусаки, которыхъ они видятъ, тѣсно преслѣдуются Французскою арміею Груши. Можетъ быть, что и самъ онъ находился въ этомъ убѣжденіи, ибо пушечные выстрѣлы Груши, коего предполагали въ полуторѣ милѣ, но который находился въ трехъ миляхъ, были явственно слышимы; и когда кто-то изъ Наполеоновыхъ приближенныхъ усмотрѣлъ дымъ, поднявшійся съ Ваврскихъ высотъ, то онъ воскликнулъ: — «Сраженіе выиграно; надобно сбить Англичанъ съ позиціи и опрокинуть ихъ въ дефилеи. — *Идемъ! Гвардія впередъ!*» * Въ слѣд-

* Наполеонъ самъ сообщилъ тѣ же самыя подробности, находясь на кораблѣ *Нортумберландѣ*. Генералъ Гурго несправедливо

ствіе сего они пошли въ эту атаку вечеромъ тогда, какъ Французская армія была уже совершенно опрокинута и сбита съ мѣстъ своихъ. Такимъ образомъ, прежде чѣмъ Прусаки вступили въ настоящее дѣло, Наполеонъ испыталъ уже всѣ бывшія въ его власти усилія, и не имѣлъ ни одного отряда, сохранившаго свое устройство, кромѣ четырехъ баталіоновъ Старой Гвардіи. Посему нельзя сказать, что Союзники наши защитили Англійскую армію отъ непріятеля, совершенно уже разстроеннаго; но Прусаки заслуживаютъ признательность Британіи и Европы за великодушную и храбрую увѣренность, съ которою, подвергаясь столькимъ опасностямъ, они пришли содѣйствовать Веллингтону, и за дѣятельность и усердіе, съ коими они довершили побѣду. Вообще признано, что Англійская армія, утомленная столь продолжительнымъ боемъ, не могла бы по окончаніи онаго воспользоваться разстройствомъ непріятеля; между тѣмъ какъ, напротивъ того, ни что не сравнится съ проворствомъ и быстротою, съ коими Прусаки пустились за нимъ въ погоню. Ватерлоскіе лавры должны быть раздѣлены — Англичане выиграли сраженіе, а Прусаки довершили побѣду и обезпечили плоды ея.

сказалъ, будто бы Императоръ принялъ корпусъ Бюлова за войска Груши. Наполеонъ объяснилъ, что сего не было, но что, отрядивъ достаточныя силы для того числа Прусаковъ, коихъ онъ видѣлъ въ полѣ, онъ заключилъ, что Груши преслѣдуетъ ихъ съ фланга и съ тыла.

ЖИЗНЬ
НАПОЛЕОНА БОНАПАРТЕ.

Т. IV. Ч. 13.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Прибытіе Наполеона въ Парижъ. — Обѣ Палаты, собравшись, принимаютъ мѣры, показывающія ихъ желаніе, чтобы Бонапартъ отрекся отъ престола. — Наполеонъ свиваетъ общій Совѣтъ. — Фуше подноситъ представителямъ актъ отреченія Наполеона, съ условіемъ, чтобы сынъ его былъ ему преемникомъ. — Преувеличенное донесеніе Карно Палатѣ Перовъ на счетъ оборонительныхъ средствъ. — Возраженіе на оное Нея. — Бурныя пренія въ Палатѣ Перовъ объ актѣ отреченія. — Обѣ Палаты уклоняются отъ опредѣлительнаго признанія Наполеона II. — Учрежденіе Временнаго Правительства. — Наполеона приглашаютъ удалиться въ Мальмезонъ. — Предложенныя имъ услуги для защиты Парижа отвергнуты. — Онъ отданъ подъ надзоръ Генерала Беккера. — Мѣры, принятыя въ Рошфорѣ для отъѣзда его въ Соединенные Штаты. — Онъ пріѣзжаетъ въ Рошфоръ 3 Іюля. — Временное Правительство тщетно старается вступить въ переговоры съ Союзниками или возбудить Французовъ къ сопротивленію. — Союзники идутъ къ Парижу; и, по заключеніи перемирія, вступаютъ въ оный 7 Іюля. — Палата Перовъ расходится, а члены Нижней Палаты выгнаны изъ залы своихъ засѣданій. — Лудовикъ XVIII возвращается въ Парижъ 8-го Іюля. — Размышленія о семъ вторичномъ возстановленіи Бурбоновъ.

Сколь ни велики были прямыя, непосредственныя выгоды, доставленныя Ватерлоскою битвою, которая причинила потерю кампаніи и совершенное уничтоженіе превосходной Наполеоновой арміи, а даже отдаленныя событія, отъ оной возникшія, ознаменовались такою важностью, что можно усомниться, производило ли когда либо какое великое сраженіе въ просвѣщенномъ мірѣ столь необычайныя послѣдствія.

Часть Французской арміи, уцѣлѣвшая отъ Ватерлоскаго пораженія, бросилась въ величайшемъ безпорядкѣ къ границамъ Франціи. Самъ Наполеонъ продолжалъ свое бѣгство изъ Шарлеруа, въ окрестностяхъ коего онъ для отдыха остановился, къ Филипвилю. Отсюда, какъ говорятъ,

онъ намѣревался отправиться для принятія начальства надъ арміею Груши. Но какъ войска еще не собрались и какъ Шарлеруа почти въ слѣдъ затѣмъ былъ занятъ Прусаками, то разнесся слухъ, что весь сей отрядъ уничтоженъ и что самъ Груши взятъ въ плѣнъ. Почему Наполеонъ отправился далѣе, отдавъ приказъ, не приведенный въ исполненіе, чтобы остатки арміи собрались въ Авенѣ. Но не ближе, какъ въ Лаонѣ, Сульту удалось собрать нѣсколько тысячъ человѣкъ. Между тѣмъ Бонапарте на почтовыхъ лошадяхъ пріѣхалъ въ Парижъ, и самъ привезъ туда извѣстіе о своемъ пораженіи.

19-го Іюня сто пушечныхъ выстрѣловъ возвѣстили жителямъ о побѣдѣ при Линьи, и журналы наполнились самыми преувеличенными, самыми лживыми извѣстіями объ этомъ дѣлѣ, о переходѣ чрезъ Самбру, о битвахъ при Шарлеруа и при Катр-Бра. Приверженцы Императора находились въ величайшемъ восторгѣ, Республиканцы въ сомнѣніи, а Роялисты въ страхѣ. Утромъ 21 числа, на третій день послѣ роковаго Ватерлоскаго дѣла, начали, сперва шопотомъ, а потомъ и громко говорить, что Наполеонъ возвратился одинъ изъ арміи въ прошедшую ночь и находится теперь во дворцѣ Елизе-Бурбонъ. Ужасная истина не замедлила обнаружиться — онъ проигралъ великое, кровопролитное сраженіе, и Французская армія, выступившая изъ столицы съ такою увѣренностью, съ такими надеждами, съ такою гордостью и рѣшительностью, была совершенно уничтожена.

Много приводили причинъ для оправданія Наполеона въ томъ, что при этомъ случаѣ онъ не остался въ арміи и не постарался по крайней мѣрѣ хоть нѣсколько ее устроить; но тайна сія, кажется, объясняется тѣмъ, что онъ опасался замысловъ Республиканцевъ и Конституціонистовъ въ Парижѣ. Онъ помнилъ, что Фуше и другіе его соумышленники совѣтовали ему положить конецъ бѣдствіямъ Франціи, отрекшись отъ престола, еще прежде, чѣмъ онъ отправился для принятія начальства надъ арміею. Онъ чувствовалъ, что если ужъ они осмѣлились упоминать объ этомъ во время его могущества, то конечно не остановятся просить, и даже требовать того въ минуту его пораженія, и что Палата Представителей постарается пріобрѣсть миръ, принеся его въ жертву. «Извѣстно,» говоритъ одинъ приведенный уже нами авторъ, защитникъ Наполеоновой славы: «что послѣ бѣдственнаго Русскаго похода, онъ сказалъ, что поразитъ Парижанъ своимъ присутствіемъ и, подобно грому, ударитъ въ среду ихъ. Но есть вещи, имѣющія успѣхъ только потому, что онѣ прежде никогда не были дѣланы и которыхъ по этой причинѣ не должно ужъ никогда повторять. Сей пятый побѣгъ отъ арміи лишилъ его остальныхъ приверженцевъ и охладилъ къ его дѣлу тѣхъ, которые могли бы простить ему его несчастія, но хотѣли по крайней мѣрѣ, чтобы онъ

первый возсталъ послѣ удара, его поразившаго.» *

Царствовавшій тогда въ Парижѣ общественный духъ, довольно любопытно обнаружился тѣмъ, что при извѣстіи объ этой страшной бѣдѣ, курсъ поднялся, какъ только прошло причиненное онымъ изумленіе, т. е. какъ только успѣли расчитать вѣроятныя послѣдствія успѣха Союзниковъ. Казалось, будто общественный кредитъ возродился при первомъ извѣстіи, хотя и бѣдственномъ, обѣщающемъ конецъ Наполеонова царствія.

Предчувствія Наполеона его не обманули. Ясно было, что, не взирая на уваженіе, оказанное ему Якобинцами, когда онъ находился въ силѣ, они не имѣли къ нему никакого сострадания въ минуту его слабости. Они увидѣли благопріятный случай отъ него избавиться, и нисколько не скрывали, что намѣрены онымъ воспользоваться.

Обѣ Палаты поспѣшно собрались. Ла Файетъ заговорилъ въ засѣданіи Представителей языкомъ старшинаго поборника свободы, упомянулъ о распространившихся неблагопріятныхъ слухахъ и пригласилъ членовъ собраться подъ трехцвѣтное знамя свободы, равенства и общественнаго устройства, объявивъ: 1. что народная независимость въ опасности; 2. что Палаты учреждаются безсмѣнными, и что всякое покушеніе, уничтожить оныя, будетъ сочтено Государственною измѣною; 3. что войска заслужили благодарность отечества; 4. чтобы созвать Народную Гвардію, и 5. чтобы пригласить Министровъ къ немедленному прибытію въ собраніе.

Эти предложенія показывали страхъ Представительной Палаты, быть вторично разогнанною военною силою, обнаруживая въ то же время намѣреніе завладѣть правленіемъ, не заботясь больше объ Императорѣ. Всѣ сіи предложенія были приняты, кромѣ четвертаго, касательно Народной Гвардіи, которое сочтено преждевременнымъ. Реніо де Сен-Жан-д'Анжели вздумалъ было читать нелѣпое, ложное донесеніе о происшедшихъ на границахъ дѣлахъ; но Представители зашумѣли, требуя Министровъ. Наконецъ, по прошествіи трехъ, или четырехъ часовъ, Карно, Коленкуръ, Даву и Фуше вошли въ залу съ Луціаномъ Бонапарте.

Палата отрядила отъ себя тайный Комитетъ, предъ коимъ Министры изложили всю обширность бѣдствія, объявивъ, что Императоръ назначилъ Коленкура, Фуше и Карно уполномоченными для переговоровъ о мирѣ съ Союзниками. Члены Республиканской партіи, и въ особенности Генрихъ Лакостъ, безъ обиняковъ, напомнили Министрамъ, что нельзя входить ни въ какіе переговоры отъ имени Императора, поелику Союзныя Державы объявили войну противъ Наполеона, который, какъ многіе изъ членовъ прямо говорили, есть единственная преграда къ миру. Всеобщія рукоплесканія раздались во всѣхъ концахъ залы, и Луціанъ удостовѣрился, что Представители намѣрены отложить-

* Письма изъ Парижа, писанныя въ продолженіе послѣдняго царствованія Наполеона.

ся отъ его брата. Онъ употребилъ всѣ средства убѣжденія, не щадя никакихъ просьбъ, и — вѣроятно болѣе краснорѣчивый въ прозѣ, чѣмъ въ стихахъ, — обратился къ ихъ великодушію, любви къ славѣ, къ вѣрности и къ клятвамъ, столь недавно ими произнесеннымъ. «Мы были вѣрны,» возразилъ Ла Файетъ: «мы шли за братомъ вашимъ на пески Египта, — на снѣга Россіи. Кости Французовъ, разсѣянныя по всѣмъ землямъ, свидѣтельствуютъ о нашей вѣрности.» Всѣ повидимому единодушно полагали, что отреченіе Наполеона необходимо. Военный Министръ Даву всталъ и объявилъ, что онъ не намѣренъ ни въ чемъ поступать противно свободѣ и независимости Палаты. Это значило на дѣлѣ, принять ея сторону. Комитетъ изъ пяти членовъ былъ отряженъ для соглашенія о необходимыхъ мѣрахъ съ Министрами. Совѣтники сіи, хотя и назначенные Императоромъ, не слишкомъ ревностно были ему преданы. Карно и Фуше всегда почитались главами народной партіи, а Коленкуръ находился не въ ладахъ съ Наполеономъ; почему Министры казались готовыми предпочесть выгоды Палаты его собственнымъ. Луціанъ видѣлъ, что власть его брата кончилась, если она не поддержится силою. Въ Палатѣ Перовъ можно было ожидать болѣе расположенія къ Императору, но по составу своему она столь же мало имѣла увѣренности въ самой себѣ, какъ и вѣсу въ народѣ. Она приняла первыя три предложенія Нижней Палаты и учредила Комитетъ Общественнаго Благосостоянія.

Путь, по коему хотѣли слѣдовать Представители, былъ теперь ясенъ: они объявили, что требуемая отъ Наполеона жертва состоитъ въ отреченіи. Оставалось только узнать, будетъ ли Императоръ сопротивляться, или онъ покорится сему послѣгательству на власть его. Если бъ можно разбирать права тамъ, гдѣ обѣ стороны были такъ много виноваты, то права Наполеона были конечно сильнѣе. Эти самые Представители, по собственному ихъ согласію, по долгу ихъ и присягѣ, были его подданные, созванные его именемъ и не имѣвшіе другаго политическаго существованія, кромѣ того, какъ по званію членовъ его новаго, Конституціоннаго Правленія. Сколь ни велики были вины его противъ Французскаго народа, но онъ ни въ чемъ не проступился противъ сихъ сообщниковъ въ похищеніи имъ власти, которые были законодателями на томъ же основаніи, на которомъ онъ былъ Императоръ. Право ихъ, устранять его и попирать его ногами въ несчастіи, основывалось единственно на томъ, что они въ состояніи были сіе сдѣлать; и поспѣшность, съ которою они воспользовались сею властью, столь же мало дѣлала чести данной ими присягѣ, какъ и ихъ великодушію. Между тѣмъ сострадание наше къ падающему величію подавляется чувствомъ возмездія, по которому сообщники похитителя власти всегда дѣлаются первыми орудіями его низложенія.

Наполеонъ, по возвращеніи своемъ въ Парижъ, прежде всѣхъ встрѣтился съ Карно, у котораго онъ потре-

бовалъ, со свойственною ему повелительностью, въ ту же минуту денегъ и трехъ-сотъ-тысячнаго набора. Министръ отвѣтствовалъ, что онъ не можетъ дать ни того, ни другаго. Наполеонъ велѣлъ тогда позвать къ себѣ Маре, Герцога Бассано, и другихъ довѣренныхъ особъ Двора своего. Но когда они заговорили о защитѣ, то онъ укоризненно воскликнулъ: «Ахъ! моя Старая Гвардія; если бъ хоть она еще могла защищаться!» тягостно сознавшись тѣмъ, что воинскій жезлъ, драгоцѣннѣйшій для него символъ могущества, сокрушился въ рукѣ его. Луціанъ убѣждалъ своего брата удержать при себѣ власть и силою разогнать Палаты; но Наполеонъ, зная, что Народная Гвардія можетъ взять сторону Представителей, не согласился прибѣгнуть къ столь отважной мѣрѣ. Даву однако жъ былъ спрошенъ, станетъ ли онъ дѣйствовать противъ Палатъ; но онъ рѣшительно отъ того отказался. Фуше совѣтовалъ было Наполеону объявить себя Диктаторомъ; но это предложеніе было явно сдѣлано только съ тѣмъ, чтобы его потѣшить. Между тѣмъ пришла вѣсть о послѣдствіяхъ засѣданія тайнаго Комитета Представителей.

Жребій былъ брошенъ; и Наполеону приходилось или открыто воспротивиться, или уступить; — объявить себя самовластнымъ и распустить Палаты, или отречься отъ короны, столь недавно имъ воспріятой. Луціанъ, видя его въ такой нерѣшимости, безъ обиняковъ сказалъ, что дымъ Мон-Сен-Жанской битвы помрачилъ его разсудокъ. И дѣйствительно, поступки его въ эту важную минуту не показывали величія. Онъ не смѣлъ ни отважиться на отчаянныя мѣры, которыми ему бы удалось на нѣсколько времени поддержать власть свою, ни принять благородную рѣшительность, показавъ, хоть для вида, что онъ добровольно отрекся отъ престола. Онъ удерживалъ еще при себѣ то, что не могло принесть ему болѣе никакой пользы, подобно преступнику, который въ минуту казни не имѣетъ довольно присутствія духа для того, чтобы самому предаться судьбѣ своей и ждетъ, чтобы палачъ столкнулъ его съ эшафопа. *

Ночью 21 числа, Бонапарте созвалъ родъ общаго Совѣта, въ коемъ находились всѣ Министры, Президентъ и четыре члена Палаты Перовъ, Президентъ и четыре Вице-Президента Палаты Представителей и многіе другіе Государственные сановники. Императоръ представилъ сему собранію положеніе Государства, и просилъ его совѣтовъ. Реніо (бывшій обыкновенно Императорскимъ ораторомъ) сдѣлалъ тогда предложеніе пополнить наборами геройскую армію и спасти, удачно такъ имъ названнаго, изумленнаго орла. Въ слѣдствіе сего онъ предлагалъ, чтобы Палаты сдѣлали воззваніе къ Французской храбрости, между тѣмъ ихъ Императоръ будетъ съ твердостью и съ благородствомъ договариваться о мирѣ. Ла Файетъ возразилъ, что сопротивленіе увеличитъ бѣдствія Фран-

* Извѣстно, что въ Англіи преступниковъ, осужденныхъ къ смертной казни, вѣшаютъ.

ціи; что Союзники еще при началѣ войны условились потребовать особенной жертвы, и не вѣроятно, чтобы они отказались отъ нея послѣ этой рѣшительной побѣды. Онъ видѣлъ одно только средство спасти отечество отъ губительной, кровопролитной войны, и не сомнѣвался, что великая, возвышенная душа Императора побудитъ его рѣшиться на оное. Маре, Герцогъ Бассано, бывшій съ давнихъ временъ искреннѣйшимъ другомъ Наполеона и коего дружество тѣмъ болѣе было пагубно, что, какъ царедворецъ, а не какъ Государственный человѣкъ, онъ болѣе заботился о томъ, чтобы укрощать гнѣвъ его, чѣмъ о томъ, чтобы руководствовать его своими совѣтами — вспыхнулъ при этомъ намекѣ. Онъ требовалъ строгихъ мѣръ противъ Роялистовъ и недовольныхъ: онъ хотѣлъ революціонной полиціи и наказаній. «Если бъ къ нимъ прежде прибѣгли,» воскликнулъ онъ: «то одинъ изъ тѣхъ, которые меня слушаютъ (конечно разумѣя подъ симъ Фуше), не смѣялся бы въ эту минуту надъ бѣдствіями своего отечества, и Веллингтонъ не шелъ бы къ Парижу.» Рѣчь сія была принята съ ропотомъ неудовольствія, котораго не могло унять даже самое присутствіе Императора, за коего Маре такъ горячо вступился; свистъ и шумъ заглушили голосъ оратора. Карно, основательнѣе знавшій силы или, лучше сказать, слабость Франціи въ эту минуту, не взирая на свои демократическія правила, желалъ удержать еще для общей пользы таланты Наполеона. Говорятъ, что онъ пролилъ слезы, когда стали настаивать объ отреченіи. Ланжюине и Бенжаменъ-Констанъ подкрѣпили чувства Ла Файета. Но Императоръ обнаружилъ угрюмость, неудовольствіе, нерѣшительность, и Совѣтъ разошелся, ничего не опредѣливъ.

Другая ночь протекла въ тревогѣ, а Бонапарте еще ни на что не рѣшился. Если бъ народъ и Министры приняли единодушное намѣреніе защищаться, и если бъ Наполеонъ на сіе согласился, то конечно Франція подверглась бы наивеличайшимъ крайностямъ въ борьбѣ сей; хотя, судя потому, въ какое короткое время Союзники ввели въ границы Франціи 800,000 человѣкъ войска, и сомнительно, чтобы сіе сопротивленіе могло увѣнчаться какимъ либо успѣхомъ. Несправедливо было бы отказать Наполеону въ чувствѣ сострадания къ бѣдствіямъ, которыя долженствовали бы постигнуть Францію при такомъ продолженіи борьбы, и намъ пріятно думать, что онъ бы не захотѣлъ, для удержанія еще на нѣсколько времени короны, сдѣлаться виновникомъ совершенной гибели прекрасной земли, надъ которою онъ столь долго царствовалъ. Подобно какъ случается со всѣми людьми, въ бѣдѣ находящимися, ему предложили болѣе совѣтовъ, чѣмъ услугъ. Лучшее средство, кажется, было представлено однимъ Американцемъ, который совѣтовалъ ему немедленно отправиться въ Сѣверо-Американскіе Штаты, гдѣ онъ конечно не могъ бы пользоваться Царскимъ титломъ и пышностью, къ коимъ онъ болѣе былъ

привязанъ, чѣмъ то дозволяется философіею, но гдѣ ему оказали бы всеобщее уваженіе, возбужденное его великими талантами и превратностью его удивительной судьбины. Но и тутъ, подобно какъ въ Москвѣ, онъ слишкомъ долго не могъ принять рѣшительнаго намѣренія; ибо хотя настойчивость друзей его и соперниковъ и исторгла у него актъ отреченія, всѣми громогласно требуемый, однако въ немъ были помѣщены условія, сдѣланныя не иначе, какъ въ надеждѣ удержать верховное вліяніе надъ Правительствомъ, долженствовавшимъ заступить его мѣсто.

22-го Іюня, по прошествіи только четырехъ дней послѣ Ватерлоскаго пораженія, Палата Представителей собралась въ девять часовъ утра, требуя съ наивеличайшею нетерпѣливостью акта отреченія. Дюшенъ предложилъ было настоятельно вытребовать оный у Императора, какъ въ самое это время, собственное его согласіе сдѣлало ненужнымъ сію насильственную мѣру. Вѣстникомъ сего былъ Фуше, коего всѣ козни до сихъ поръ увѣнчевались успѣхомъ. Отреченіе заключалось въ слѣдующихъ словахъ:

«Французы! Начиная войну за народную независимость, я надѣялся на соединеніе всеобщихъ усилій и воли, на содѣйствіе всѣхъ мѣстныхъ начальствъ. Я имѣлъ причины ожидать успѣха, и потому презрѣлъ всѣ сдѣланныя Союзными Державами противъ меня объявленія.

«Обстоятельства, повидимому, перемѣнились. Предлагаю себя въ жертву ненависти враговъ Франціи, желая, чтобы объявленія ихъ были исполнены и чтобы они точно воевали только противъ одного меня? Политическая жизнь моя кончилась, и я объявляю сына моего, подъ именемъ Наполеона II, Императоромъ Французовъ.

«Нынѣшніе Министры составятъ временной Правительствующій Совѣтъ. Участіе, принимаемое мною въ сынѣ моемъ, побуждаетъ меня пригласить Палаты къ немедленному утвержденію Регентства своимъ опредѣленіемъ.

«Соединитесь всѣ для общаго блага и для того, чтобы остаться независимымъ народомъ.

(*Подписано*) НАПОЛЕОНЪ.»

Республиканская партія, одержавъ такимъ образомъ побѣду, немедленно предложила нѣсколько новыхъ Конституцій, въ замѣну той, которой, ровно три недѣли тому назадъ, присягали на Майскомъ полѣ. Это показалось нѣсколько поспѣшнымъ, и на то время положили удовольствоваться учрежденіемъ Временнаго Правительства, составленнаго изъ облеченныхъ исполнительною властью пяти членовъ — изъ коихъ два долженствовали быть выбраны въ Наполеоновой Палатѣ Перовъ, а три въ Палатѣ Представителей.

Между тѣмъ, дабы сохранить надлежащія приличія противъ бывшаго Императора, Палата отрядила отъ себя депутатовъ для поднесенія ему благодарственнаго адреса, въ коемъ она тщательно избѣгла того, чтобы упомянуть о его сынѣ и признать его. Наполеонъ въ послѣдній

разъ принялъ сихъ депутатовъ въ Императорской одеждѣ, окруженный своими Государственными сановниками и гвардіею. Онъ былъ блѣденъ и задумчивъ, но показалъ твердость и рѣшительность, выслушавъ съ холоднымъ равнодушіемъ похвалы, коими его осыпали за его патріотическое пожертвованіе. Въ отвѣтѣ своемъ онъ убѣждалъ ихъ о единодушіи и о необходимости немедленно приготовить оборонительныя средства; но въ заключеніе напомнилъ, что отреченіе его было сдѣлано съ тѣмъ условіемъ, чтобы сынъ его сохранилъ права свои.

Ланжюине, Президентъ Палаты, съ глубочайшимъ почтеніемъ отвѣтствовалъ, что Палата не дала ему на этотъ счетъ никакихъ приказаній. «Я говорилъ тебѣ,» возразилъ Наполеонъ, обращаясь къ брату своему, Луціану: «что они этого не сдѣлаютъ. Скажите собранію,» сказалъ онъ Президенту: «что я поручаю его покровительству моего сына. Въ пользу его я отрекся отъ престола.»

Такимъ образомъ признаніе Наполеона II сдѣлалось предметомъ преній между отрекшимся отъ престола Императоромъ и Законодательными Палатами. Такое признаніе конечно не было бы одобрено Союзниками; и вліяніе, которое Бонапарте и его приверженцы вѣроятно имѣли бы на Регентство, послужило сильнымъ доводомъ для всѣхъ противниковъ его въ борьбѣ сей, совокупившихся для того, чтобы устранить его Домъ и династію.

Въ тотъ же день, 22 Іюня, странная сцена произошла въ Палатѣ Перовъ. Правительство получило вѣсть, что Маршалъ Груши, — коего мы оставили на берегахъ Диля, близъ Вавра, въ дѣлѣ съ Тильманомъ — узнавъ о потерѣ Ватерлоскаго сраженія, искуснымъ образомъ отступилъ чрезъ Намюръ, отразилъ нѣсколько сдѣланныхъ на него нападеній, и наконецъ прибылъ въ Лаонъ. Ободренный этою благопріятною новостью, Карно представилъ Палатѣ въ блистательномъ видѣ положеніе дѣлъ: что Груши предводительствуетъ неразстроенною еще 60-ти-тысячною арміею (хотя всѣ силы Груши въ Ваврѣ простирались не свыше 32.000 человѣкъ); что Сультъ сбираетъ 20.000 Старой Гвардіи въ Мезіерѣ; что 10.000 вновь набранныхъ войскъ будутъ туда же отправлены, равно какъ 200 пушекъ. Ней, взбѣшенный этими преувеличенными показаніями и негодуя за несправедливость, съ которою Наполеонъ отзывался объ немъ въ своихъ бюлетеняхъ, вдругъ всталъ и началъ говорить, подобно какому нибудь вдохновенному жрецу. Въ противорѣчіи его Министру замѣтно было какое-то отчаяніе. Казалось, что оспоривая его, онъ хотѣлъ ниспровергнуть весь міръ. «Это ложь,» вскричалъ онъ: «во всѣхъ отношеніяхъ ложь. Посмѣютъ ли очевидцы бѣдствій 18 числа сказать, что мы еще имѣемъ шестьдесятъ тысячъ войска? У Груши не можетъ быть больше двадцати или много что двадцати пяти тысячъ человѣкъ. Если бъ онъ былъ сильнѣе, то онъ прикрылъ бы собою отступленіе, и Императоръ предводительствовалъ бы еще на границахъ войскомъ.

Ни одного человѣка гвардіи больше не соберешь,» прибавилъ онъ. «Я самъ начальствовалъ ею — я былъ свидѣтелемъ совершеннаго ея истребленія прежде, чѣмъ я оставилъ поле битвы — она уничтожена — непріятель находится въ Нивеллѣ съ осьмьюдесятью тысячами человѣкъ; онъ можетъ, если захочетъ, въ шесть дней дойти до Парижа. Для Франціи нѣтъ другаго спасенія, кромѣ немедленнаго предложенія мира.» На возраженіе, сдѣланное противъ сего Генераломъ Флаго, Ней съ бо́льшею силою повторилъ свое зловѣщее показаніе; и наконецъ, вдругъ коснувшись предмета, который у всѣхъ былъ на языкѣ, но о которомъ никто не смѣлъ упомянуть, онъ сказалъ тихимъ, но явственнымъ голосомъ: — «Да! повторяю, вамъ осталось одно только средство: переговоры; вы должны призвать опять Бурбоновъ; что касается до меня, я ѣду въ Соединенные Штаты.»

За эти послѣднія слова Ней былъ осыпанъ самыми горькими укоризнами. Лавалетъ и Карно въ особенности на него вознегодовали. Ней отвѣчалъ съ угрюмымъ пренебреженіемъ тѣмъ, которые порицали его поступокъ: «Я не изъ тѣхъ людей, для которыхъ польза ихъ есть главная вещь; что̀ я выиграю чрезъ возвращеніе Бурбоновъ, кромѣ того, что меня разстрѣляютъ, какъ бѣлеца? Но я долженъ говорить правду, когда дѣло идетъ о благѣ моего отечества.»

Эта странная сцена сдѣлала сильное впечатлѣніе на умныхъ людей, убѣдивъ ихъ на будущее время въ томъ, что громкія мѣры и бурныя пренія Палатъ суть не иное что, какъ безполезный шумъ, когда Государство не имѣетъ уже болѣе способовъ.

Послѣ этого спора, на счетъ состоянія оборонительныхъ средствъ, возникъ въ Палатѣ Перовъ другой, не менѣе того шумный, при чтеніи акта отреченія. Луціанъ Бонапарте заговорилъ о наслѣдствѣ престола, и потребовалъ немедленнаго признанія его племянника, на основаніи уставовъ Конституціи. Графъ Понтекуланъ прервалъ оратора, спросивъ: по какому праву Луціанъ, Италіянскій Принцъ и чужестранецъ, позволяетъ себѣ назначать Государя Французской Имперіи, когда самъ онъ не уроженецъ Франціи? На сіе возраженіе, — довольно странное, если вспомнить, что оно произнесено тѣми самыми устами, которыя за двадцать два дня предъ тѣмъ присягнули Конституціи, признавшей Луціана не только уроженцемъ, но Принцемъ крови Франціи, — Луціанъ отвѣтствовалъ, что онъ Французъ по чувствамъ своимъ и по закону. Тогда Понтекуланъ привелъ другое возраженіе, сказавъ, что невозможно признать Государемъ ребенка, живущаго въ чужой землѣ; а Лабедойеръ, замѣтивъ, что собраніе колебленся, вскочилъ и, въ ярости своей, изъявилъ къ Наполеону ту же пылкую, слѣпую привязанность, которая побудила его подать примѣръ измѣны въ Греноблѣ.

«Императоръ,» вскричалъ онъ: «отрекся только въ пользу своего сына. Отреченіе его недѣйствительно, если сынъ его тотчасъ не будетъ признанъ. И кто же тѣ, которые

противятся сей великодушной рѣшимости? — люди, которые ползали у ногъ Императора во время его благоденствія и которые теперь спѣшатъ преклониться подъ чужеземное иго. Такъ,» продолжалъ сей пылкій, молодой человѣкъ,» сопровождая слова свои самыми буйными тѣлодвиженіями и заглушая своимъ крикомъ возникшій въ собраніи ропотъ: «если вы откажетесь признать Наполеона II, то Императоръ долженъ будетъ опять обнажить мечъ; кровь опять польется. Предводительствуя храбрыми Французами, израненными при его защитѣ, мы сберемся вокругъ него; и горе вѣроломнымъ Генераламъ, которые, можетъ быть, въ самую эту минуту замышляютъ новыя измѣны! Я требую, чтобы они были суждены какъ бѣглецы отъ народнаго знамени; чтобъ имена ихъ были выставлены на позоръ, домы ихъ срыты, семейства ихъ изгнаны. Мы не потерпимъ измѣнниковъ посреди насъ. Наполеонъ, отрекшись отъ престола для спасенія Франціи, сдѣлалъ то, чѣмъ онъ былъ обязанъ самому себѣ; но Франція не стóитъ его, когда она вторично принудила его къ отреченію — она, которая клялась защищать его въ счастіи и въ несчастіи!» Слова сего смѣлаго изступленника, которыя впрочемъ могли назваться отголоскомъ чувствъ бóльшей части Французской арміи, были наконецъ заглушены всеобщимъ крикомъ: *Въ порядокъ!* «Вы забываетесь!» вскричалъ Массена. «Вы думаете, что вы въ караульнѣ,» сказалъ Ламетъ. Лабедойеръ хотѣлъ было опять возвысить голосъ, но принужденнымъ нашелся замолчать отъ всеобщаго ропота, который напослѣдокъ положилъ конецъ этой неприличной сценѣ.

Послѣ Перы, подобно Представителямъ Нижней Палаты, уклонились отъ признанія Наполеона II, то обѣ Палаты приступили къ назначенію членовъ Временнаго Правительства. Избрали къ сему: Карно, Фуше, Коленкура, Гренье и Кинетта. Въ изданномъ ими манифестѣ было сказано, что Наполеонъ отрекся отъ престола и что сынъ его объявленъ ему преемникомъ (что, между прочимъ, было несправедливо); призывая народъ къ усиліямъ, къ пожертвованіямъ, къ единодушію, и обѣщая, если не совершенно новую Конституцію, какъ это въ подобныхъ случаяхъ водилось, то по крайней мѣрѣ полное исправленіе и передѣлку прежней, три недѣли уже существовавшей, и которая чрезъ сіе во всѣхъ отношеніяхъ замѣнить новую.

Объявленіе сіе мало подѣйствовало на войска и на Федератовъ, которые, подобно Лабедойеру, были того мнѣнія, что отреченіе Наполеона могло быть принято только на условіяхъ, имъ предложенныхъ. Эти люди, собравшись съ оружіемъ, проходили толпами подъ окнами Наполеона во дворцѣ Елизе-Бурбонъ. Розданныя имъ деньги и вино усилили крикъ ихъ: *Да здравствуетъ Наполеонъ! Да здравствуетъ Императоръ!* Они ругали Народную Гвардію и, казалось, намѣревались напасть на домъ, въ коемъ жилъ Фуше. Съ другой стороны, Народная Гвардія, состоявшая изъ 30,000 че-

ловѣкъ, была готова поддержать порядокъ, и бо́льшая часть оной склонялась въ пользу Лудовика XVIII. Междоусобіе казалось неизбѣжнымъ; ибо говорили, что если Наполеонъ II не будетъ тотчасъ признанъ, то Бонапарте придетъ разгонять Палату вооруженною рукою.

Въ засѣданіи, 24 Іюня, важный вопросъ о преемникѣ былъ разрѣшенъ, или лучше сказать, устраненъ слѣдующимъ образомъ: — Мапосель, вообще считаемый орудіемъ Фуше въ Палатѣ Представителей, произнесъ длинную рѣчь, для доказательства, что нѣтъ необходимости признавать преемникомъ Наполеона II, поелику, по смыслу Конституціи, онъ уже владѣлъ престоломъ. По сдѣланіи ораторомъ сего глубокомысленнаго довода, что Государь ихъ не могъ быть ни признанъ, ни объявленъ единственно потому, что онъ уже *былъ* ихъ Государемъ, всѣ вспали и воскликнули: *Да здравствуетъ Наполеонъ II!* Но когда было предложено присягнуть новому Императору, то всѣ закричали: «Не надо присяги! Не надо присяги!» какъ будто бы Палата убѣдилась, что она слишкомъ была щедра на сіи клятвы, столь часто нарушаемыя, и что она чувствовала отвращеніе, вновь вступить на путь къ вѣроломству.

Такимъ образомъ Палата Представителей принудила къ молчанію, если не удовлетворила Бонапартистовъ этимъ наружнымъ и какъ бы отрицательнымъ признаніемъ правъ на престолъ юнаго Наполеона; между тѣмъ какъ объявивъ, что Временное Правительство необходимо для обезпеченія блага подданныхъ, она воспрепятствовала симъ Наполеону и его приверженцамъ вмѣшиваться въ управленіе. Однако жъ, не взирая на неискренность, съ коею было принято главное условіе Наполеонова отреченія, Палаты и Временное Правительство потребовали отъ отрекшагося Государя столь же строгаго исполненія договора, какъ если бъ они заплатили ему условленную цѣну настоящими деньгами, а не фальшивою монетою. Такъ они исторгли у него приказъ отъ его имени къ арміи, подтверждающій его отреченіе, чему войска не хотѣли вѣрить, не будучи извѣщены о томъ имъ самимъ. Въ этомъ приказѣ были однако жъ выраженія, показывавшія, что онъ сильно чувствовалъ дѣлаемое ему притѣсненіе. Убѣждая солдатъ продолжать путь чести и увѣривъ ихъ въ участіи, которое онъ всегда будетъ принимать въ ихъ подвигахъ, онъ говоритъ: — «Васъ и меня оклеветали; люди, неспособные цѣнить наши подвиги, въ знакахъ изъявляемой вами мнѣ привязанности видятъ усердіе, исключительно ко мнѣ только одному относящееся. Покажите имъ вашими будущими успѣхами, что, повинуясь мнѣ, вы служили отечеству; и что если я пользовался вашею преданностью, то я обязанъ былъ за оную пламенной любви моей къ Франціи, нашей общей матери.»

Эти выраженія весьма не понравились Палатѣ Представителей, которая нашла, что присутствіе Наполеона въ столицѣ опасно и для ея собственныхъ правъ, и для общественнаго спокойствія. Предмѣстія,

съ ихъ свирѣпыми обитателями, продолжали волноваться, и солдаты, уцѣлѣвшіе отъ Ватерлоскаго пораженія, ежедневно сбирались въ стѣнахъ Парижа, негодуя за свою послѣднюю неудачу и требуя, чтобы Императоръ велъ ихъ къ мести. Кажется, что малаго недоставало къ тому, дабы Наполеонъ принялъ опять начальство надъ этимъ малочисленнымъ, но грознымъ войскомъ. Чтобы избавить его отъ сего соблазна, Временное Правительство пригласило его удалиться въ Мальмезонскій дворецъ, близъ Сен-Жермена, бывшій столь долго любимымъ мѣстопребываніемъ изгнанной Іозефины. Едва Наполеонъ пробылъ тамъ сутки, какъ окруженный со всѣхъ сторонъ Полиціею Фуше, увидѣлъ, что онъ, который за мѣсяцъ тому назадъ располагалъ жизнью милліоновъ людей, не былъ уже господиномъ своихъ собственныхъ поступковъ. За всѣми малѣйшими его дѣйствіями наблюдали и надзирали, хотя не употребляя насилія, и онъ тутъ въ первый разъ почувствовалъ, что значитъ потерять свободу, которой его самовластіе столь долгое время лишало такую великую часть рода человѣческаго. Однако жъ онъ повидимому равнодушно покорился судьбѣ своей, и былъ выводимъ изъ терпѣнія только докуками своихъ личныхъ заимодавцевъ, которые, зная, что онъ по всѣмъ вѣроятностямъ не долго пробудетъ во Франціи, домогались получить обезпеченіе своего иска. Эти небольшія гоненія были поощряемы самимъ Правительствомъ, какъ одно изъ средствъ, употребленныхъ для того, чтобы сократить пребываніе его во Франціи. А если бъ всѣ они не удались, то оно могло еще прибѣгнуть къ силѣ.

Невѣроятнымъ покажется, что, не взирая на краткость времени, проведеннаго Наполеономъ въ Мальмезонѣ, онъ былъ почти совершенно забытъ въ Парижѣ. «Никто,» говоритъ одинъ достовѣрный писатель, жившій въ столицѣ во время сего переворота: «кромѣ ближайшихъ участниковъ въ Правительствѣ, не зналъ, находится ли онъ еще въ Мальмезонѣ или повидимому всѣ считали, что объ этомъ не стóитъ спрашивать. Въ прошедшую Субботу Графъ М*** видѣлъ его тамъ: онъ былъ спокоенъ, но погруженъ въ глубокую думу. Друзья его полагаютъ, что по возвращеніи его съ острова Ельбы, онъ ужъ былъ совсѣмъ не тотъ человѣкъ, какъ прежде.» Продолжая однако жъ пребываніе свое въ Мальмезонѣ, онъ могъ имѣть къ тому причину, болѣе почетную, чѣмъ свойственную всякому человѣку, неохоту подвергнуться неизбѣжному бѣдствію.

Англійскія и Прусскія войска быстро приближались къ Парижу; ибо имъ сдавались всѣ города, на которые была надежда, что они ихъ задержатъ. Когда Парижу грозила вновь осада вражескихъ армій, то благородное чувство и политика могли побудить Наполеона надѣяться, что Представители, устранивъ личную непріязнь, прибѣгутъ къ его необычайнымъ талантамъ и къ власти его надъ умами войскъ и Федератовъ, которые одни только могли бы защитить столицу, и дозво-

лить ему еще однажды обнажить мечъ для обороны Парижа. Онъ предлагалъ предводительствовать арміею отъ имени своего сына. Онъ предлагалъ содѣйствовать обороне въ званіи простаго гражданина. Но внутренній раздоръ слишкомъ былъ силенъ. Господствовавшая тогда народная сторона видѣла болѣе опасности въ успѣхахъ Наполеона, чѣмъ въ торжествѣ Союзниковъ, которыхъ она надѣялась преклонить посредствомъ договора, основательно полагая, что имъ невозможно противостать силою; но если бъ Наполеону удалось сдѣлать успѣшный отпоръ, то она страшилась его воинскаго первенства по крайней мѣрѣ столько же, какъ владычества Союзниковъ. И потому услуги его были отринуты.

Подобно искуснымъ рыболовамъ, члены Временнаго Правительства, постепенно окруживъ Наполеона своими сѣтьми, разсудили, что пора уже ихъ выпаскивать. Они начали тѣмъ, что помѣстили его, какъ бы подъ стражу, поручивъ Генералу Беккеру, лично Наполеономъ недовольному, наблюдать за его движеніями и даже, въ случаѣ нужды, ограничивать оныя, дабы чрезъ то лишить его возможности къ побѣгу и употребить всѣ средства для склоненія его къ отправленію изъ Мальмезона въ Рошфоръ, гдѣ было все приготовлено для отъѣзда его изъ Франціи. Въ то же время двумъ фрегатамъ дано приказаніе перевезть его въ Соединенные Американскіе Штаты; а Генералу Беккеру и Полиціи поручено наблюдать за Императоромъ до тѣхъ поръ, пока онъ сядетъ на суда сіи. Причемъ предписывалось принять всѣ возможныя мѣры для личной безопасности Наполеона. Такой же приказъ былъ присланъ отъ Даву, который, употребивъ уловку для соглашенія своихъ чувствъ съ обязанностью и съ выгодами, самъ не подписалъ онаго, а приказалъ сіе сдѣлать своему секретарю, что, какъ онъ замѣтилъ, было одно и то же.

Наполеонъ покорился судьбѣ своей съ рѣшительностью и съ приличіемъ. Онъ принялъ Генерала Беккера безъ замѣшательства и даже ласково; а сей послѣдній, по чувству, дѣлающему ему честь, нашелъ данную ему порученность тѣмъ болѣе тягостною, что онъ прежде испыталъ на себѣ личную непріязнь человѣка, ввѣреннаго теперь его стражѣ. Около сорока особъ разныхъ чиновъ и званій великодушно предложили свои услуги бѣдствующему Императору, которому они служили во время его благоденствія.

Однако жъ посреди всѣхъ сихъ приготовленій къ отъѣзду, Бонапарте все еще питалъ надежду избавиться отъ изгнанія. Онъ слышалъ отдаленную пальбу съ такими же чувствами, съ какими боевой конь внимаетъ трубному звуку. Онъ вновь вызвался итти противъ Блюхера въ званіи простаго охотника, предлагая, по сдѣланіи непріятелю отпора, выѣхать изъ Франціи. Онъ такъ надѣялся на принятіе сдѣланнаго имъ предложенія, что держалъ въ готовности лошадей своихъ, дабы тотчасъ отправиться къ арміи. Но Временное Правительство опять отринуло его вызовъ, коего приня-

тіе дѣйствительно бы разрушило всѣ надежды на заключеніе договора съ Союзниками. Говорятъ, что Фуше, услыхавъ о предложеніи Наполеона, воскликнулъ: — «Смѣется онъ, что ли, надъ нами?» И въ самомъ дѣлѣ, прибывъ къ арміи, онъ скоро бы сдѣлался повелителемъ судьбы Временнаго Правительства, каковъ бы ни былъ конецъ его предпріятія.

29-го Іюня Наполеонъ отправился изъ Мальмезона; а 3 Іюля онъ прибылъ въ Рошфоръ. Генералъ Бекеръ сопутствовалъ ему, и въ продолженіе сего переѣзда не случилось ничего достопримѣчательнаго. Куда онъ ни пріѣзжалъ, вездѣ войска принимали его съ восклицаніями; граждане же, уважая бѣдствія человѣка, бывшаго почти владыкою міра, сохраняли безмолвіе, не смѣя его привѣтствовать.

Такимъ образомъ царствованіе Императора Наполеона совершенно кончилось. Но прежде, чѣмъ обратимся къ дальнѣйшей судьбѣ его, мы должны изобразить въ нѣсколькихъ словахъ послѣдствія его отреченія и представить обстоятельства, посредствомъ коихъ оно было получено или, лучше сказать, исторгнуто.

Временное Правительство послало уполномоченныхъ къ Герцогу Веллингтону просить пропусковъ для проѣзда Наполеона въ Американскіе Штаты. Герцогъ не имѣлъ отъ своего Правительства никакого повелѣнія на счетъ выдачи оныхъ. Прусскіе и Англійскіе Генералы равномѣрно отвергли всѣ сдѣланныя имъ предложенія о признаніи настоящаго Временнаго Правительства или всякаго другаго, какое бы вздумалось учредить, кромѣ возстановленія на престолъ Бурбоновъ. Члены Временнаго Правительства столь же безуспѣшно старались возбудить духъ народнаго сопротивленія. Они потеряли всякую власть надъ войскомъ. Понятія о любви къ отечеству были для арміи неразлучны съ особою и съ талантами Наполеона. Тщетно Представители, напыщенными воззваніями о народныхъ правахъ и старыми Революціонными возгласами, старались возбудить духъ 1794 года. Солдаты и ополченные угрюмо отвѣтствовали: «Къ чему намъ долѣе сражаться? У насъ ужъ нѣтъ Императора.»

Между тѣмъ Роялистская партія, ободрясь, въ иныхъ Департаментахъ ополчилась, въ другихъ управляла общественнымъ духомъ и пріобрѣтала себѣ множество сообщниковъ изъ Конституціонистовъ. И дѣйствительно, если нѣкоторые изъ сихъ послѣднихъ продолжали еще страшиться возстановленія Бурбоновъ, то это происходило лишь отъ опасенія, чтобы торжествующіе Роялисты не стали искать себѣ возмездія и чтобы Лудовикъ, огорченный послѣдними событіями, не вздумалъ выйти изъ Конституціонныхъ границъ, и не прибѣгнулъ бы къ мѣрамъ самовластія, посредствомъ коихъ предки его правили Государствомъ. Люди, питавшіе такія опасенія, не могли не сознаться, что этому виною непостоянство и неблагодарность самого народа, который показалъ себя недостойнымъ жить подъ кроткими, снисходитель-

ными законами ограниченной Монархіи и такъ легко допустилъ вовлечь себя въ заговоръ противъ оной. Но, не взирая на то, могли бы произойти ужасныя послѣдствія, если бъ Король захотѣлъ быть строгимъ и мстительнымъ; такимъ образомъ эти опасенія однихъ, страхъ другихъ на счетъ личныхъ послѣдствій, угрюмый стыдъ остальныхъ и ненависть войскъ къ Государю, коему они измѣнили, продолжили на нѣсколько дней существованіе Временнаго Правительства.

Сіе-то заставило Палаты столь долго противиться принятію законнаго Монарха, хотя онѣ и не въ состояніи были возбудить другаго восторга, кромѣ мгновенныхъ вспышекъ, которыя возникали въ ихъ же собраніяхъ, не льстя ни чьему слуху и не воспламеняя ни чьихъ умовъ, кромѣ ихъ собственныхъ. Между тѣмъ арміи Сульта и Груши были оттѣснены подъ стѣны Парижа, куда въ слѣдъ за ними пришли Англичане и Прусаки. Природная храбрость Французовъ внушила имъ тогда мысль дать отпоръ, почетный для ихъ оружія, хотя и совершенно безуспѣшный. Союзники, вмѣсто того, чтобы возобновить сомнительный приступъ къ Монмартру, перешли чрезъ Сену и грозили Парижу съ незащищенной стороны. Тогда ужъ не было, какъ въ 1814 году, непріятельской арміи, которая могла бы подвергнуть опасности тылъ ихъ. Французы однако жъ показали большую храбрость въ покушеніи защитить Версаль и въ приступѣ, сдѣланномъ Генераломъ Ексельманомъ для взятія обратно сего города. Но наконецъ, въ слѣдствіе Военнаго Совѣта, составленнаго въ Парижѣ ночью со 2 на 3 Іюля, было заключено перемиріе, по которому столица сдалась Союзникамъ, а Французская армія долженствовала отступить за Луару.

Союзники пріостановили свои дѣйствія до тѣхъ поръ, пока Французскія войска склонились къ предположенному отступленію, противъ коего они, въ безполезномъ пылу своемъ, съ негодованіемъ возставали. Дабы дать имъ время успокоиться, занятіе Парижа отложено до 7 Іюля, пока онъ былъ совершенно очищенъ. Тогда Британцы и Прусаки вступили въ городъ, съ соблюденіемъ наистрожайшаго порядка; но съ чувствами, совершенно отличными отъ тѣхъ, которыя были обнаружены съ обѣихъ сторонъ при радостномъ шествіи Союзниковъ по бульварамъ въ 1814 году. Временное Правительство продолжало свои дѣйствія, хотя Фуше, глава онаго, давно ужъ устроивалъ ковы (и со времени Ватерлоскаго сраженія, повидимому искренно) о вторичномъ возстановленіи Бурбонскаго Дома на такихъ условіяхъ, которыя обезпечивали бы свободу Франціи. 6-го Іюля получено окончательное рѣшеніе Союзныхъ Государей, что Они считаютъ всякую власть, учрежденную хищничествомъ Наполеона, недѣйствительною и уничтоженною; и что Лудовикъ XVIII, находившійся теперь въ Сен-Денн, завтра или послѣ завтра будетъ имѣть въѣздъ въ свою столицу для воспріятія своей Королевской власти.

7-го Іюля Временное Правитель-

ство прекратило свои засѣданія. Палата Перовъ, выслушавъ договоръ о сдачѣ, въ безмолвіи разошлась; но Представители еще нѣсколько часовъ продолжали присутствовать, подавать голоса и спорить. Наконецъ Предсѣдатель закрылъ собраніе до осьми часовъ слѣдующаго утра, не взирая на крикъ многихъ членовъ, которые требовали, чтобы Палата не расходилась. На другой день утромъ члены, явившіеся въ Палату, нашли тамъ стражу изъ Народной Гвардіи, которая преградила имъ путь, не смотря на крикъ ихъ и жалобы. Обманувшіеся и раздраженные законодатели подверглись насмѣшкамъ собравшихся зрителей, которые встрѣчали и провожали каждаго члена со смѣхомъ и съ восклицаніями, смотря по степени изъявляемаго имъ негодованія.

8-го Іюля Лудовикъ въѣхалъ въ свою столицу, въ сопровожденіи многочисленнаго отряда Народной Гвардіи и Королевскихъ Волонтеровъ, равно какъ и своей Дворцовой Стражи. За сими войсками слѣдовалъ многочисленный Штабъ, въ которомъ отличались Маршалы: Викторъ, Мармонтъ, Макдональдъ, Удино, Гувіонъ-Сен-Сиръ, Моисей и Лефебвръ. Многочисленныя толпы гражданъ встрѣтили восклицаніями своего законнаго Монарха; и замѣчено, что женщины съ особеннымъ усердіемъ изъявляли свою радость. Такимъ образомъ Лудовикъ опять вступилъ во дворецъ своихъ предковъ, на которомъ вновь было поднято бѣлое знамя. Симъ кончилась краткая эпоха Ста Дней, исполненная столькихъ чудесъ, заключавшая въ себѣ, какъ казалось, событія цѣлаго вѣка. Прежде продолженія нашей Исторіи, которая будетъ уже теперь повѣстью частнаго лица, не лишнее будетъ бросить взоръ назадъ, на заключающіяся въ семъ періодѣ происшествія, и сдѣлать нѣсколько замѣчаній о политическомъ ихъ свойствѣ и цѣли.

Безполезно было бы напоминать читателю, что возведеніе Наполеона на престолъ было совокупнымъ дѣломъ двухъ партій. Одна изъ нихъ заключала въ себѣ армію, желавшую пріобрѣсть обратно свою честь, помраченную послѣдними пораженіями, и сдѣлать Императора опять своимъ вождемъ, дабы онъ избавилъ ее отъ уничтоженія и повелъ бы ее къ новымъ побѣдамъ. Другая партія состояла изъ тѣхъ людей, которые не только желали, чтобы Государство получило приращеніе свободы, но находили для себя выгоднымъ возстановленіе Революціонныхъ уставовъ, и въ особенности того изъ нихъ, который давалъ народу, или присвоившимъ себѣ званіе Представителей онаго, право по произволу измѣнять Конституцію и властвовать надъ своимъ Государемъ. Эта партія, воспользовавшись нѣкоторыми ошибками царствующаго Дома, приписавъ ему еще болѣе того вовсе небывалыхъ, и посѣявъ темныя подозрѣнія, возбудила всеобщее чувство неудовольствія противъ Бурбоновъ. Но хотя она, безъ сомнѣнія, наконецъ прибѣгла бы къ силѣ, а невѣроятнымъ кажется, чтобы этимъ людямъ удалось ниспровергнуть Коро-

левское Правительство безъ помощи солдатъ. Армія, которая такъ охотно пошла на призывъ Наполеона, не имѣла въ чувствахъ своихъ ничего общаго съ Якобинцами; и если бъ не явился прежній ея вождь, то нѣтъ сомнѣнія, что она осталась бы въ повиновеніи у своихъ Маршаловъ, которые почти всѣ были преданы Королевскому Дому. И потому привязанность войскъ къ ихъ прежнему начальнику доставила успѣхъ сему предпріятію, на которое Якобинцы одни тщетно бы покушались.

Республиканская или Якобинская партія сговорилась со своею могущественною союзницею; предводители оной получили отъ нея пишла, мѣста, и сдѣлались членами Верхней и Нижней Палатъ, созванныхъ ея властью. Палаты сіи признали Наполеона Императоромъ, получили отъ него за то новую Конституцію, и предъ лицемъ Франціи присягнули въ вѣрности Конституціи и Государю. Въ такомъ-то расположеніи Императоръ и Законодательный Корпусъ разстались 7 Іюня. Между ими конечно существовала нѣкоторая недовѣрчивость; но по наружности Государь и народъ разстались взаимно другъ другомъ довольными. Чрезъ одиннадцать дней произошла Ватерлоская битва со всѣми ея послѣдствіями. Мудрая и благородная политика внушила бы Палатамъ поддержать Императора, ими на престолъ возведеннаго, предоставить ему власть, которой требовали обстоятельства, и воспользоваться его рѣдкими воинскими талантами, дабы хоть сколько нибудь остановить успѣхи непріятелей. Даже самый стыдъ долженъ бы удержать ихъ отъ содѣйствія къ ниспроверженію трона, у ступеней коего они такъ недавно преклоняли колѣна. Но они разсудили иначе. Съ той минуты, какъ Наполеонъ сдѣлался несчастнымъ, онъ престалъ быть ихъ Императоромъ, источникомъ ихъ власти и могущества. Они видѣли въ немъ только уязвленнаго оленя, котораго должно отдѣлить отъ стада — Іову на кораблѣ, котораго должно бросить въ море. И потому, когда Наполеонъ сталъ говорить имъ о войскахъ и объ оружіи, то они отвѣтствовали ему словами: *равенство и права человѣка.* Всякая надежда, поправить слѣдствія Ватерлоской битвы, исчезла, и избранный ими Императоръ былъ, если не явно, то по крайней мѣрѣ существенно окруженъ стражею и отправленъ на морской берегъ, подобно осужденному къ ссылкѣ преступнику. Поступки ихъ однако же ясно показали, что Наполеонъ сдѣлался Императоромъ не по свободному выбору Французскаго народа, и что въ особенности онъ не былъ призванъ на престолъ тѣми, которые именовали себя друзьями свободы.

Показавъ такимъ образомъ, сколь для нихъ было легко избавиться отъ Монарха, давшаго имъ политическое существованіе, Палаты обратились къ Союзникамъ, приглашая ихъ содѣйствовать къ избранію новаго Государя и къ воздвиженію новаго престола на зыбучемъ пескѣ, только-что поглотившемъ тронъ Наполеона. Въ одномъ только от-

пошеніи они не были настойчивы. Они мало заботились о томъ, кто будетъ симъ Государемъ: Герцогъ Орлеанскій, или Принцъ Оранскій, Англичанинъ Веллингтонъ или Казацкій Атаманъ Платовъ; лишь бы только Государь сей не имѣлъ другихъ правъ, кромѣ тѣхъ, которыя они сами дадутъ ему; и лишь бы имъ предоставлена была власть отнять ихъ у него, когда имъ заблагоразсудится. И нѣтъ сомнѣнія, что какой бы ни былъ новый Государь или Конституція, учрежденные такими людьми, а у нихъ скоро бы опять начались революціонныя буйства, до тѣхъ поръ, пока закружась, подобно изступленнымъ дервишамъ, Французы опять бы успокоились подъ желѣзною лозою самовластія.

Союзные Государи неблагопріятно взяли симъ предложеніямъ, какъ по свойству оныхъ, такъ и по качествамъ людей, которыя ихъ дѣлали. Почетнѣйшими изъ нихъ были Фуше, Герцогъ Отрантскій, Карно, коего имя находится на кровавыхъ спискахъ Робеспьера, и многіе, отличившіеся въ дни Революціи. Рѣчи ихъ уже отзывались демократическимъ духомъ; и хотя между ими находилось много благонамѣренныхъ, искусныхъ людей, однако жъ не слѣдовало забывать, сколько въ Народномъ Собраніи было таковыхъ людей, которые не сдѣлали ничего, кромѣ того, что запечатлѣли своею кровью умѣренность и благоразуміе своихъ политическихъ правилъ. Необходимо было избѣгнуть всего, что могло бы подать случай къ возобновленію такихъ постыдныхъ сценъ, и Союзные Монархи обезпечились противъ возвращенія оныхъ, настаивая, чтобы Лудовикъ XVIII восшелъ на престолъ, какъ законный владѣлецъ онаго.

Уставъ наслѣдственной Монархіи, неприкосновенности Короля и отвѣтственности Министровъ, былъ признанъ Конституціонною Хартіею Франціи. Слѣдовательно Лудовикъ XVIII въ продолженіе года, предшествовавшаго возвращенію Наполеона, былъ законнымъ Государемъ Франціи, и должно доказать, чрезъ какое нарушеніе Конституціи онъ потерялъ свои законныя права. Если читателю угодно будетъ взглянуть обратно на XIII главу предъидущей части, то онъ вѣроятно будетъ одного съ нами мнѣнія, что погрѣшности Королевскаго правленія были не только въ меньшемъ числѣ, чѣмъ сколькихъ можно бы ожидать при такихъ новыхъ и затруднительныхъ обстоятельствахъ, но что по свойству ихъ, честная, благородная и благонамѣренная оппозиція легко бы оныя могла исправить; онъ найдетъ, что ни одна изъ сихъ погрѣшностей не могла быть приписана лично Лудовику XVIII, и что онъ не только не сдѣлалъ ничего, по чему бы ему слѣдовало лишиться законныхъ правъ своихъ, но что въ эти немногіе мѣсяцы онъ пріобрѣлъ сильныя права на любовь, уваженіе и признательность своихъ подданныхъ. Паденіе его произошло отъ прихотей и безразсудства людей, служащихъ при фамиліи и при Дворѣ его — отъ неосновательной недовѣрчивости и подозрѣній, коими бунтовщики всегда облекаютъ дѣла свои — отъ

легкомыслія Французскаго народа, которому наскучило его простое, порядочное и мирное правленіе; а болѣе всего отъ неудовольствій буйныхъ солдатъ, которые все себѣ позволили, потому что имъ дана была воля, и клубовъ своевольныхъ сорванцевъ, которые тужили о временахъ безпорядка и всеобщихъ переворотовъ. Принужденный отъѣздъ Лудовика XVIII, происшедшій отъ такихъ причинъ, не могъ расторгнуть торжественнаго договора, заключеннаго Франціею со всею Европою, тогда какъ она приняла своего законнаго Монарха изъ рукъ своихъ великодушныхъ завоевателей; тогда какъ съ нимъ и для него она получила такія мирныя условія, какихъ бы она въ ея положеніи не могла требовать, и которыя безъ того никогда бы ей не были даны. Несчастіе Короля, какъ не происходящее ни отъ какой вины его, не могло лишить его правъ, коими онъ былъ облеченъ. Европа, какъ блюстительница Парижскаго трактата, также по всей справедливости могла, приведя обратно вооруженною и побѣдоносною рукою законнаго Монарха, требовать отъ Франціи возвращенія ему правъ его; и предлагая на семъ условіи кончить войну, она столько же показала справедливости и благородства, сколько поведеніе Союзныхъ Государей въ эту краткую кампанію было почетно и увѣнчано успѣхомъ.

На такіе доводы безпристрастный человѣкъ врядъ ли бы нашелъ что возразить; но народная партія тщилась найти причину противиться вторичному возстановленію Бурбоновъ, даже въ самомъ Манифестѣ Союзниковъ. Этимъ Манифестомъ объявлено, говорили они, что война ведена лично противъ Наполеона, и что, по низложеніи его, Союзные Государи намѣрены предоставить Французамъ на волю выборъ ихъ внутренняго правленія. Въ особенности опирались на объявленіе Принца Регента, въ которомъ сказано, что Вѣнскій договоръ, опредѣлившій низложеніе Наполеона, не обязывалъ Англійское Правительство настаивать о возстановленіи Бурбонскаго Дома, какъ о необходимомъ условіи мира. Тѣ, которые на сіе ссылались, не принимали или не хотѣли принять въ соображеніе существенныхъ свойствъ договора, къ коему относилась сія оговорка. Цѣлью Вѣнскаго трактата было именно возстановленіе Лудовика XVIII, и Принцъ Регентъ приступилъ къ оному для того, чтобы съ своей стороны всячески содѣйствовать оному. Вышеупомянутая оговорка была сдѣлана только потому, что Его Королевское Высочество не намѣревался обязываться, *для одного* сего возстановленія, доводить войну до послѣдней крайности. Много могло случиться вещей, которыя бы сдѣлали исполненіе такого безъизъятнаго обязательства весьма затруднительнымъ; но поелику ни одна изъ сихъ вещей не случилась и поелику возстановленіе Бурбоновъ, въ слѣдствіе Ватерлоской побѣды, сдѣлалось удобоисполнимымъ, то изъ сего необходимо слѣдовало, что оно долженствовало быть приведено въ исполненіе по смыслу Вѣнскаго договора.

Но даже, если бъ Союзные Государи въ Манифестахъ своихъ и рѣшительно объявили, что они будутъ соображаться съ волею Французскаго народа, то какое имѣла право Законодательная Палата, составленная Наполеономъ, присвоивать себѣ званіе Французскаго народа? Она не имѣла никакого вѣса, ни вліянія на Государство, кромѣ временнаго обладанія властью, едва ли гдѣ нибудь признаннаго. Прекращеніе владычества Наполеона не придало правамъ ея болѣе законности. Напротивъ того, происходя отъ него, она долженствовала пасть вмѣстѣ съ его державою. Или Палата сія была составлена Наполеономъ и обязана предъ нимъ всѣми возможными клятвами и долгомъ; или она не долженствовала имѣть никакихъ притязаній на политическое свое званіе.

Ла Файетъ утверждалъ, будто бы настоящіе Представители Франціи находящіеся въ томъ же самомъ положеніи, какъ Конвентъ Англійскаго Парламента и армія, стоявшая лагеремъ при Гоунсло-Гитѣ, во время Англійской Революціи при Іаковѣ II. — Дабы сдѣлать сіе сравненіе справедливымъ, то должно бы, чтобъ тутъ была та же мудрость, которою ознаменовались частныя обстоятельства великаго событія 1688 года. Французы могли бы тогда извинить свои поступки притѣсненіями, оказанными имъ изгнаннымъ Монархомъ, и всеобщимъ, почти единогласнымъ желаніемъ народа. Но Англійская Исторія дѣйствительно представляетъ примѣръ собранія, сходнаго съ ихъ Палатою совершеннымъ отсутствіемъ всякихъ правъ и преувеличеніемъ притязаній; и примѣръ сей мы видимъ въ Парламентѣ (the Rump Parliament), который хотѣлъ было отнять власть у Ричарда Кромвеля, подобно какъ Временное Парижское Правительство хотѣло чрезъ хитрость лишить власти Наполеона II. — Парламентъ сей также нѣсколько времени былъ Правительствомъ и старался передѣлать Конституцію противъ воли цѣлаго Англійскаго народа, который пламенно желалъ возвращенія законнаго своего Монарха; что скоро и обнаружилось, когда явился Генералъ Монкъ съ войскомъ, для подкрѣпленія его, при обнаруженіи имъ настоящихъ его чувствъ. Таково было истинное сходство, представляемое Англійскою Исторіею, съ положеніемъ временнаго Правительства Франціи. Какъ сіе Правительство, такъ и вышепомянутый Парламентъ, неправедно похитили Верховную власть, и были лишены оной при возвращеніи законнаго Монарха.

Между тѣмъ Союзныя Державы — желая, чтобы Король Французскій получилъ обратно престолъ, на который онъ никогда не терялъ правъ своихъ, — чувствовали, а въ особенности Англія, что справедливость и политика требуютъ обезпечить Франціи мудрую, умѣренную свободу, пріобрѣтенную ею чрезъ бурные перевороты, въ ней происходившіе, введя въ то же время въ ея Конституцію всѣ прибавочныя усовершенствованія, коихъ опытъ показалъ пользу. Таковыя усовершенствованія были представлены и усердно просимы знаменитымъ Фу-

ше, который при этомъ случаѣ оказалъ великую услугу своему отечеству. Недовольный однако же симъ первымъ успѣхомъ, онъ долго настаивалъ, чтобы Король, признавъ разныя преимущества, полученныя Франціею чрезъ Революцію, сдѣлалъ нѣчто для признанія и самой Революціи. Онъ требовалъ принятія трехцвѣтнаго знамени, какъ наиважнѣйшей вещи, — походя этимъ на упоминаемаго въ волшебныхъ сказкахъ злаго духа, который, когда несчастные люди, вступившіе съ нимъ въ обязательства, отказываютъ отдать ему, по требованію его, свою душу и тѣло, смягчаетъ свои требованія и довольствуется меньшими жертвами, — обрѣзкомъ ногтя или пучкомъ волосъ, поднесеннымъ ему въ знакъ уваженія и преданности. Но Лудовикъ XVIII былъ не такой человѣкъ, чтобы склониться на признаніе всѣхъ ужасныхъ дѣлъ сей страшной эпохи, что было бы нѣкоторымъ образомъ одобреніемъ даже смерти его невиннаго, умерщвленнаго брата. Сохранить и удержать добро, произведенное Революціею, было совсѣмъ иное дѣло, чѣмъ признать самую Революцію. Буря можетъ выкинуть на берегъ дорогія сокровища и вихрь можетъ очистить воздухъ; но радуясь и пользуясь сими выгодами, никто конечно не потребуетъ, чтобы мы, подобно дикимъ Индійцамъ, боготворили ярящіяся волны и воздвигали алтари бушующимъ вѣтрамъ.

Поелику Король Французскій съ твердостью отвергъ всѣ предложенія, клонившіяся къ тому, чтобы дать его Правительству власть, основанную на Революціи, то Конституція Франціи должна быть сочтена наслѣдственною Монархіею, ограниченною Королевскою Хартіею и свободными уставами. Она такимъ образомъ обезпечиваетъ прочія Европейскія Державы отъ всякаго внезапнаго, опаснаго потрясенія, представляя между тѣмъ въ пользу подданныхъ ограду противъ самовластія и всѣ средства къ усовершенствованію и къ распространенію выгодъ свободныхъ учрежденій, по мѣрѣ, какъ къ тому представится случай и какъ сіе потребуется успѣхами просвѣщенія.

Хотя договоръ, заключенный Союзниками съ Франціею, и не отличался тѣмъ же великодушіемъ, которое было ими показано въ 1814 году, однако жъ они не требовали ничего унизительнаго для народа. Если у Франціи взяли три или четыре пограничныя крѣпости, то сіе было сдѣлано для того, чтобы затруднить на будущее время внезапное вторженіе въ Германію или въ Нидерланды. Значительныя суммы требовались также для уплаты сдѣланныхъ Союзниками огромныхъ издержекъ; но онѣ не превышали того, чему могло удовлетворить богатство Франціи. Часть ея крѣпостей была удержана Союзниками въ залогъ мирнаго поведенія сего Королевства; но онѣ долженствовали быть отданы по истеченіи извѣстнаго срока, и войскамъ Европы, остававшимся на короткое время въ земляхъ Франціи, тогда же предназначалось выйти изъ оной. Наконецъ великолѣпный Музей, собранный правомъ побѣды изъ добычи

столь многихъ земель, былъ отданъ по тому же праву завоеванія, не тѣмъ Союзникамъ, которые имѣли въ полѣ многочисленныя воинства, но бѣднымъ, второстепеннымъ Державамъ, которыхъ страхъ принудилъ отдать Франціи свое достояніе и которыя приняли его обратно отъ Союзниковъ съ изумленіемъ и съ признательностью.

Эти обстоятельства конечно должны были казаться для Франціи тягостными на эту минуту; но они были неизбѣжнымъ послѣдствіемъ положенія, въ которое привела ее Революція Ста Дней. Всѣ пророчества, распространяемыя съ тѣмъ, чтобы вооружить народъ противъ Союзниковъ, и объявлявшія, будто бы они руководствуются только своими выгодами и мстительностью, желая низвести Францію съ высокой степени, занимаемой ею между Европейскими Державами, оказались совершенно ложными. Завоеванныя области, какъ назывались пріобрѣтенія Лудовика XIV, не были отторгнуты отъ Французскаго Государства — и колоніи его оставлены въ томъ же видѣ, какъ при Парижскомъ мирѣ. Англичане не предписали Франціи невыгоднаго торговаго договора, что они, по увѣренію Наполеона, замышляли, и онъ въ послѣдствіи даже самъ порицалъ Англійскихъ Министровъ за то, что они сего не сдѣлали, говоря, что они виновны за пренебреженіе выгодъ Англіи. Франція была оставлена, какъ и долженствовало быть, совершенно независимою и въ блистательномъ могуществѣ.

Столь же неосновательными оказались предсказанія о непрочности новаго Королевскаго Правительства, какъ и пророчества о предполагаемыхъ замыслахъ Союзниковъ. Многіе предрекали скорое паденіе Бурбонскаго Дома. Едва сіи политическіе вѣщуны давали оному сроку существовать до смерти Лудовика XVIII. Онъ почилъ уже въ гробницѣ своихъ предковъ, а наслѣдникъ его, любимый всѣми за его благость и уважаемый за его правосудіе и благородство, царствуетъ надъ свободнымъ, процвѣтающимъ народомъ.* Время, сей великій примиритель, ежедневно смягчаетъ враждебный духъ партій и удаляетъ съ политическаго поприща тѣхъ людей, которые, не сдѣлавъ привычки ко всеобщему, безпристрастному исполненію законовъ, готовы пріобрѣтать всѣ усовершенствованія и рѣшать всѣ политическіе вопросы съ мечемъ въ рукѣ, или, какъ они сами говорятъ, самымъ дѣломъ. Обезпеченіе прочности дарованной имъ свободы составляетъ теперь единственный предметъ заботливости разсудительныхъ Французовъ; и мы увѣрены, что такое безпокойство вовсе неосновательно. Пагубно было бы совѣтовать Французскому Правительству дать малѣйшій предлогъ къ справедливымъ жалобамъ. Изступленные Роялисты или бѣшеные Якобинцы постепенно охладѣли отъ лѣтъ или пожаты смертію. Преемники ихъ, не видавшіе никогда обнаженнаго меча, не такъ охотно бросятся въ междоусобную брань; а искусные, благонамѣренные люди

* Это писано въ 1826 году.

всѣхъ партій, находя въ Палатѣ поприще, гдѣ имъ можно излагать различіе своихъ мнѣній, сдѣлаютъ привычку переносить противорѣчіе безъ неудовольствія и досады; они усомнятся въ томъ, чтобы при несовершенствахъ ума человѣческаго одна политическая сторона могла быть вполнѣ и неизмѣнно права, а противники ея во всемъ, ими требуемомъ, рѣшительно несправедливы. Французы узнаютъ, что чрезъ свободу преній — чрезъ воззваніе не къ оружію, а къ разсудку народа — чрезъ свѣтъ, проистекающій отъ основательныхъ сужденій, а не чрезъ насильственную борьбу, — политическія учрежденія сего умнаго народа долженствуютъ впредь усовершаться.

Жажда Французовъ къ военной славѣ совершенно утолилась во времена, нами описанныя; и если другія земли много пострадали, то и сдѣланное Франціи возмездіе было также довольно ужасно. Счастливое расположеніе къ миру и къ согласію явилось въ послѣдніе годы, даже въ тѣхъ двухъ народахъ, которые, по столь же ложному, какъ и непріязненному выраженію, назывались часто естественными врагами. Свободномысленныя понятія о торговлѣ, по мѣрѣ того, какъ они будутъ распространяемы и лучше постигаемы, можетъ статься, внушатъ болѣе сильныя и непреодолимыя причины къ поддержанію дружественныхъ сношеній, которыя тогда только прочны, когда они основываются на взаимныхъ выгодахъ; ибо торговля идетъ рядомъ съ просвѣщеніемъ, и народъ по мѣрѣ того, какъ онъ чрезъ свою промышленость обогащается, болѣе и болѣе получаетъ вкуса къ предметамъ роскоши и удобства, производимымъ почвою или промышленостью другихъ странъ. Англія, отъ коей Наполеонъ и приверженцы его ожидали одного только своекорыстія — Англія, которая, какъ они говорили, намѣревалась оковать Францію торговымъ договоромъ (вреднымъ для ея собственныхъ мануфактуръ) имѣла честь — открывъ свои гавани мануфактурнымъ издѣліямъ своихъ сосѣдовъ — подать примѣръ новаго, почетнаго рода торговли, выгодной и благословленной для всѣхъ сторонъ.

Для глазъ чужестранца, число новыхъ домовъ, построенныхъ въ Парижѣ и во всей Франціи, гораздо удовлетворительнѣе показываетъ приливъ капиталовъ и дѣятельности, чѣмъ великолѣпныя, полуоконченныя общественныя зданія, которыя Наполеонъ такъ поспѣшно предпринималъ и такъ часто оставлялъ недостроенными. Всеобщее усовершенствованіе нравственныхъ понятій также разительно обнаруживается, если сравнить Французовъ 1815 съ Французами 1826 года, и замѣтить постепенное искорененіе долго питаемыхъ предразсудковъ, равно какъ значительное возвышеніе мыслей. Это движеніе къ лучшему, конечно не можетъ быть постояннымъ: оно должно имѣть свой приливъ и отливъ. Но по всему кажется, что больше есть причинъ, чѣмъ въ какую либо другую эпоху міра, надѣяться, что по крайней мѣрѣ долгое время ничто не потре-

вожитъ всеобщаго мира, и что въ особенности Британія и Франція, довольствуясь воспоминаніемъ о пожатыхъ каждою изъ сихъ странъ на боевомъ полѣ лаврахъ, будутъ впредь состязаться только о первенствѣ въ мирной и просвѣщенной промышленности.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

—

Расположеніе Британскаго флота вдоль западныхъ береговъ Франціи, для воспрепятствованія побѣгу Наполеона. — *Беллерофонъ* поставленъ противъ Рошфора. — Приказанія, данныя Капитану Мейтланду. — Замыселъ, составленный для бѣгства Наполеона. — Обстоятельства, доказывающія, что Бонапарте не могъ не сдаться. — Савари и Ласъ-Казъ вступаютъ въ переговоры съ Капитаномъ Мейтландомъ. — Показаніе Капитана Мейтланда о томъ, что происходило при этихъ свиданіяхъ. — Показаніе Ласъ-Каза. — Сравненіе сихъ двухъ показаній и преимущество, отданное Мейтланду. — Письмо Наполеона къ Принцу Регенту. — Онъ переѣзжаетъ на *Беллерофонъ* 15 Іюля. — Поступки его въ продолженіе переѣзда. — Прибытіе на высоту Торбея — и къ Плимуту. — Великое любопытство Англійскаго народа его увидѣть. — Всякое сообщеніе съ кораблемъ воспрещено. — Окончательное опредѣленіе Англійскаго Правительства о ссылкѣ Бонапарте на островъ Св. Елены, ему объявлено. — Возраженія Наполеона противъ сей мѣры.

—

Повѣствованіе наше обращается теперь къ его главному предмету. Бонапарте прибылъ въ Рошфоръ 3 Іюля; столь кратокъ былъ промежутокъ между кровопролитною Ватерлоскою битвою и его изгнаніемъ! Но даже и этихъ пятнадцати дней было достаточно для того, чтобы сдѣлать побѣгъ его затруднительнымъ, если не невозможнымъ. Правда, что все было приготовлено къ его отъѣзду. Французскіе фрегаты *Саала* и *Медуза*, корветъ *Баядерка* и большой бригъ *Епервіе*, ожидали прибытія Наполеона и, стоя на якорѣ у острова Ре, имѣли приказаніе плыть съ нимъ въ Америку. Но, какъ Наполеонъ вскорѣ послѣ сего самъ сказалъ, повсюду, гдѣ только была вода для плаванія корабля, онъ былъ увѣренъ встрѣтить Англійскій флагъ.

Вѣсть о Ватерлоскомъ пораженіи была для Адмиралтейства знакомъ къ занятію западнаго берега Франціи, дабы предупредить возможность побѣга Наполеона моремъ въ этомъ направленіи. Адмиралъ Лордъ Кейтъ, столь же опытный, какъ и дѣятельный офицеръ, предводительствовавшій тогда въ Каналѣ флотомъ, превосходно разставилъ бывшія подъ его начальствомъ суда, расположивъ внутреннюю линію кораблей разной ве-

личины на высотѣ главныхъ портовъ между Брестомъ и Байонною, а наружную цѣпь, болѣе растянутую, между Уессаномъ и мысомъ Финистерре. Начальникамъ сихъ судовъ дано строжайшее приказаніе не пропускать ни одного корабля, безъ осмотра. Не менѣе тридцати судовъ разной величины содержали сію стражу. По этому распоряженію, Англійскій линейный корабль *Беллерофонъ* стоялъ на высотѣ Рошфора, имѣя при себѣ *Слепел*, *Фебею* и другія мелкія суда, которыя иногда были посылаемы по надобностямъ службы. Капитанъ Мейтланд, начальникъ *Беллерофона*, былъ человѣкъ весьма искусный въ своемъ дѣлѣ, благороднаго происхожденія, твердый духомъ и заслуживший о себѣ во флотѣ самое выгодное мнѣніе. Объ этихъ обстоятельствахъ необходимо упомянуть, поелику честь самой Англіи тѣсно соединена съ честью Капитана Мейтланда въ нижеслѣдующемъ повѣствованіи.

Приказанія, коими офицеръ сей руководствовался, состояли въ томъ, чтобы воспрепятствовать бѣгству Наполеона, и объясняли вѣроятность пути, который онъ для сего изберетъ. Въ послѣдствіи вниманіе его было въ особенности обращено на фрегаты, стоящіе у острова Ре, съ объясненіемъ, для какой повидимому цѣли они предназначались. Наконецъ, 8 Іюля 1815 года, Адмиралъ Готгамъ далъ Капитану Мейтланду слѣдующее предписаніе:

«Поелику Лорды Коммиссары Адмиралтейства имѣютъ основательныя причины полагать, что Наполеонъ Бонапарте намѣревается уѣхать со своимъ семействомъ въ Америку: то, въ слѣдствіе полученнаго мною отъ ихъ Превосходительствъ чрезъ Адмирала Виконта Кейта повелѣнія, предписываю вамъ имѣть бдительнѣйшій надзоръ для преграждения ему пути и строжайше осматривать всѣ суда, которыя вамъ попадутся; если жъ вамъ посчастливится перехватить его на пути, то вы должны, взявъ его и семейство его на корабль, вами командуемый, держать его подъ надежнымъ присмотромъ и наипоспѣшнѣйше возвратиться въ ближайшій Англійскій портъ (въ Торбей предпочтительнѣе Плимута). По прибытіи туда, не имѣйте съ берегомъ никакого сообщенія, кромѣ нижеозначеннаго; и на отвѣтственность вашу возлагается храненіе всего этого дѣла въ тайнѣ, до полученія отъ ихъ Превосходительствъ дальнѣйшихъ приказаній.

«Въ случаѣ, если въ портѣ, къ которому вы прибудете, находится Адмиралъ, то вы донесете ему обо всемъ происшедшемъ, подтвердивъ отправленному съ симъ донесеніемъ на берегъ офицеру, не разглашать объ ономъ; если жъ въ портѣ, въ который вы придете, не будетъ Адмирала, то отправьте донесеніе съ нарочнымъ къ Секретарю Адмиралтейства и таковое же къ Лорду Кейту, съ строжайшимъ подтвержденіемъ посланнымъ о соблюденіи тайны.»

Мы вполнѣ помѣстили сіе предписаніе, дабы показать, что Капитанъ Мейтландъ не имѣлъ права ничего обѣщать и ни о чемъ условливаться въ случаѣ, если бъ Наполеонъ

самъ сдался, ни поступать съ нимъ иначе, какъ съ обыкновеннымъ военноплѣннымъ.

Капитанъ Мейтландъ употребилъ всю бдительность, которой требовало столь важное порученіе; и вскорѣ сдѣлалось очевиднымъ, что присутствіе *Беллерофона* будетъ непреодолимымъ препятствіемъ уходу Наполеона на фрегатахъ, если только онъ не вознамѣрится силою проложить себѣ путь. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ, Англійскій Капитанъ рѣшился напасть на первый изъ нихъ, который покажется, принудить его прекратить огонь свой, и ссадить на него сто избранныхъ для сего Англичанъ, между тѣмъ какъ *Беллерофонъ* на всѣхъ парусахъ пустится въ погоню за другимъ фрегатомъ, и такимъ образомъ овладѣть обоими. Онъ имѣлъ также два небольшихъ судна, *Слепея* и *Фебею*, которыя онъ могъ послать за фрегатомъ, дабы по крайней мѣрѣ не потерять его изъ вида. Этотъ планъ конечно, смотря по обстоятельствамъ, могъ бы и не удаться; но онъ такъ искусно былъ придуманъ, что повидимому обѣщалъ вѣрный успѣхъ; и кажется, что начальники фрегатовъ не предлагали Наполеону сего отчаяннаго средства для ухода отъ его непріятелей.

Послѣ сего думали было устроить бѣгство тайнымъ образомъ. Хотѣли снарядить небольшое судно, употребляемое для прибрежнаго торга, подъ управленіемъ молодыхъ гардемариновъ, думая, что оно будетъ пропущено стоящими около береговъ Англійскими крейсерами; но, выйдетъ въ море, оно конечно сдѣлалось бы подозрительнымъ, и притомъ сомнительно было, чтобы оно могло итти въ Америку. Тогда купили Датскій корветъ; и какъ по выходѣ изъ порта, онъ вѣрно былъ бы остановленъ и осмотрѣнъ Англичанами, то устроили потайное мѣсто для скрытія Наполеона въ бочкѣ, поставленной между грузомъ, съ отверстіями для воздуха. Но чрезвычайная строгость, съ которою вѣроятно сдѣлаютъ обыскъ, и тучность Наполеона, не дозволявшая ему долго оставаться въ такомъ тѣсномъ заключеніи, заставили отказаться отъ сего, равно какъ и отъ другихъ, отчаянныхъ средствъ.

Извѣстно, что въ это время нѣсколько предложеній было сдѣлано изгнанному Императору отъ арміи, которая, будучи принуждена отступить за Луару, одушевлялась еще мщеніемъ и чувствомъ оскорбленной чести. Нѣтъ сомнѣнія, что она приняла бы Наполеона съ восторгомъ; но если ужъ онъ не могъ или не хотѣлъ прибѣгнуть къ такому отчаянному средству въ 1814 году, когда у него оставалось еще многочисленное войско и значительное количество земель, то тѣмъ скорѣе ему слѣдовало отвергнуть оное въ 1815 году, когда силы его находились въ такой несоразмѣрности и когда лучшіе Генералы его перешли на сторону Бурбоновъ или бѣжали изъ Франціи. Сдѣлавъ сіе, Наполеонъ поставилъ бы себя въ званіе предводителя шайки бродягъ, добывающихъ себѣ пропитаніе, которые, бѣдствуя сами и причиняя разореніе мѣстамъ, ими проходимымъ, продолжаютъ драться до тѣхъ поръ, пока превосходныя

силы не разобьютъ ихъ и не уничтожатъ.

По отверженіи сей мѣры, Наполеону оставалось одно только средство: сдаться всѣмъ Союзнымъ Державамъ вообще или которой либо одной изъ нихъ въ особенности. Первое было бы затруднительно выполнить, когда Наполеонъ прежде объ этомъ не позаботился, чего онъ не сдѣлалъ въ надеждѣ уйти моремъ. Ему ужъ нѣкогда было вступать въ переговоры съ которымъ либо изъ Союзныхъ Государей, а воротиться для сего въ Парижъ — было бы неблагоразумно: ибо Роялисты повсюду властвовали, и многіе изъ его Генераловъ пали отъ ихъ ударовъ.

И такъ онъ былъ запертъ въ Рошфорѣ, хотя уже тамъ приготовлялись поднять бѣлый флагъ и хотя Комендантъ почтительно доложилъ ему, что пора отправляться. Наполеонъ долженъ былъ предвидѣть, что онъ скоро лишится защиты батарей острова Ре. Достовѣрно (хотя сіе и не всѣмъ извѣстно), что 13-го Іюля, Лордъ Кастельрегъ писалъ къ Адмиралу Сиру Генриху Готгаму, начальствующему у мыса Финистерре, совѣтуя ему частью силъ своихъ атаковать два фрегата, стоящіе у острова Ре, извѣстивъ сперва Коменданта, что онъ дѣлаетъ сіе въ качествѣ Союзника Короля Франціи, и что на его отвѣтственности останется, если онъ будетъ стрѣлять съ батарей. Наполеонъ конечно не могъ навѣрное знать о такомъ умыслѣ; но онъ долженствовалъ предполагать возможность онаго, видя, что Роялисты повсюду торжествуютъ и что бѣлое знамя развѣвается въ сосѣднемъ городѣ Ла Рошелли. Слѣдовательно напрасно утверждаютъ, будто бы Наполеонъ сдался единственно по добровольной его увѣренности въ благородствѣ Англіи. Онъ находился совершенно въ положеніи Коменданта осажденнаго города, который долженъ или сдаться или подвергнуться опасности приступа. Ему даже нельзя было сослаться на то, что онъ избралъ Британію предпочтительно предъ всѣми другими Державами, дабы договариваться въ этомъ случаѣ. Подобно вышесказанному Коменданту, онъ былъ въ необходимости сдаться тѣмъ, которые непосредственно его осаждали, и слѣдовательно онъ принужденъ былъ обратиться къ тому, кто одинъ только могъ принять его требованія, т. е. къ Фридриху Мейтланду, Капитану корабля *Беллерофона*.

Наполеонъ вступилъ въ переговоры съ симъ офицеромъ чрезъ посредство двухъ своихъ приближенныхъ, Генерала Савари и Графа Ласъ-Каза, подъ предлогомъ, чтобы узнать, полученъ ли пропускъ, котораго Наполеонъ, по его показанію, ожидалъ изъ Англіи, и который былъ ему обѣщанъ, не объявивъ кѣмъ именно. На основаніи сего смѣлаго объявленія, ничѣмъ не подтвержденнаго, Гг. Савари и Ласъ-Казъ желали узнать, пропуститъ ли его Капитанъ Мейтландъ на одномъ изъ фрегатовъ или по крайней мѣрѣ на нейтральномъ суднѣ. Капитанъ Мейтландъ, не колеблясь, объявилъ, что онъ не выпуститъ въ море никакого военнаго судна изъ Рошфора. «Не въ его также власти было,» прибавилъ онъ,

«пропустить Императора на какомъ либо нейтральномъ судѣ, безъ дозволенія Адмирала Готтама, его начальника.» Онъ предложилъ донести объ этомъ сему Адмиралу, и когда Французскіе повѣренные на то согласились, то онъ, въ ихъ присутствіи, написалъ къ своему начальнику, сообщивъ ему объ этомъ посѣщеніи и испрашивая его разрѣшенія. Все это было только приступомъ къ настоящей цѣли переговоровъ. Герцогъ Ровиго (Савари) и Графъ Ласъ-Казъ пробыли на кораблѣ два или три часа, всячески стараясь убѣдить Капитана Мейтланда въ томъ, что Наполеонъ удаляется изъ Европы добровольно, а не по принужденію, и что выгоды Великобританіи требуютъ согласиться на отъѣздъ его въ Америку; къ чему, по словамъ ихъ, онъ побуждался единственно человѣколюбіемъ и желаніемъ избѣгнуть кровопролитія. На сіе Капитанъ Мейтландъ сдѣлалъ имъ весьма естественный вопросъ, буквально нами передаваемый:

«Предположивъ, что Англійское Правительство рѣшилось бы пропустить Наполеона въ Америку, какое онъ можетъ дать поручительство въ томъ, что онъ опять не возвратится и не вовлечетъ Англію, какъ и всю Европу, въ ту же пропасть крови и сокровищъ, которую онѣ уже претерпѣли?»

На сіе Генералъ Савари отвѣтствовалъ: «При первомъ отреченіи Императора, онъ былъ устраненъ съ престола партіею, предводительствуемою Талейраномъ, не спрашивая мнѣнія народа: но теперь онъ добровольно отрекся отъ самодержавія. Вліяніе, которое онъ нѣкогда имѣлъ на Французовъ, миновалось; со времени отъѣзда его на островъ Ельбу произошла великая перемѣна въ чувствахъ, къ нему питаемыхъ, и онъ уже не могъ воспріять прежней власти своей надъ умами. Почему онъ предпочитаетъ мирно кончить дни свои въ какомъ нибудь безвѣстномъ, тихомъ уединеніи; и если бъ даже его приглашали опять вступить на престолъ, то онъ бы отказался.»

«Если такъ,» сказалъ Капитанъ Мейтландъ: «то почему онъ не проситъ себѣ убѣжища въ Англіи?» Савари отвѣтствовалъ: «Много есть причинъ, по которымъ онъ не желаетъ жить тамъ: климатъ слишкомъ сыръ и холоденъ; Англія слишкомъ близка къ Франціи. Онъ будетъ нѣкоторымъ образомъ въ средоточіи всѣхъ могущихъ случиться перемѣнъ и революцій, и неизбѣжно сдѣлается предметомъ подозрѣній. Онъ всегда считалъ Англичанъ самыми непримиримыми своими врагами; а ихъ пріучили смотрѣть на него, какъ на чудовище, чуждое всѣхъ человѣческихъ добродѣтелей.»

Капитанъ Найтъ, командиръ *Фальмоута*, былъ свидѣтелемъ всего этого разговора, изъ котораго Капитанъ Мейтландъ, подобно искусному дипломату, извлекъ заключеніе, совершенно противное тому, которое старались ему внушить; ибо оно убѣдило его, что Бонапарте находится въ крайности.

14-го Іюля, Графъ Ласъ-Казъ опять пріѣхалъ на *Беллерофонъ*, въ сопровожденіи Генерала Графа Лальмана. Предлогъ сего посѣщенія со-

стоялъ въ томъ, чтобы узнать, не получилъ ли Капитанъ Мейтландъ отвѣта отъ Адмирала. Капитанъ Мейтландъ замѣтилъ, что онъ напрасно безпокоились; ибо онъ сообщилъ бы имъ отвѣтъ тотчасъ по полученіи онаго; онъ прибавилъ, что не одобряетъ этихъ частыхъ поѣздокъ подъ переговорнымъ флагомъ, стараясь чрезъ сіе скорѣе удалить ихъ, чѣмъ привлечь. Разговоръ возобновился послѣ завтрака, въ продолженіе коего Капитанъ Мейтландъ послалъ за командиромъ *Слепея*, Капитаномъ Сарторіусомъ, дабы онъ былъ свидѣтелемъ всего, что произойдетъ. При описаніи сего важнаго разговора, несправедливо было бы противъ Капитана Мейтланда употребить другія слова, кромѣ его собственныхъ, выписанныхъ изъ его журнала, въ подлинникѣ намъ сообщеннаго.

«По окончаніи завтрака, мы пошли въ заднюю каюту. Тогда Графъ Ласъ-Казъ сказалъ: «Императоръ столько желаетъ предупредить новое кровопролитіе, что онъ готовъ отправиться въ Америку такъ, какъ сіе покажется предпочтительнѣе Англійскому Правительству, на Французскомъ военномъ кораблѣ, на вооруженномъ купеческомъ судѣ или даже на Англійскомъ военномъ кораблѣ.» На это я отвѣчалъ: — «Мнѣ не дано права дѣлать никакихъ сего рода распоряженій, и я даже не думаю, чтобы Правительство на оныя согласилось; но полагаю, что могу принять его къ себѣ на корабль и отвезти его въ Англію; *хотя*,» прибавилъ я: *«если онъ на сіе и согласится, я не могу ручаться за пріемъ, который ему тамъ сдѣлаютъ; и даже въ упомянутомъ случаѣ, дѣйствуя на свою собственную отвѣтственность, я не могу быть совершенно увѣренъ въ томъ, что Англійское Правительство одобритъ мой поступокъ.*»

«Разговоръ долго касался сего предмета; упоминали о Луціанѣ Бонапартѣ и о томъ, какъ онъ жилъ въ Англіи; но я нѣсколько разъ ясно объявлялъ, что не имѣю права заключать никакихъ условій на счетъ принятія Наполеона въ Англіи. И дѣйствительно, я не могъ поступить иначе; ибо кромѣ приказа (помѣщеннаго на стр. 172), я не имѣлъ никакихъ другихъ наставленій, и совершенно не зналъ дальнѣйшихъ распоряженій Министровъ Его Величества. Отъѣзжая съ корабля, Ласъ-Казъ сказалъ: «Какъ бы то ни было, а я не сомнѣваюсь, что вы увидите Императора на *Беллерофонѣ*.» И дѣйствительно, Наполеонъ рѣшился на сей поступокъ прежде пріѣзда Ласъ-Каза на корабль, ибо письмо его къ Его Королевскому Высочеству Принцу Регенту писано отъ 13 Іюля, наканунѣ того дня, въ который происходилъ сей разговоръ.»

Графъ Ласъ-Казъ почти точно также описываетъ сіи обстоятельства, съ нѣкоторыми лишь преувеличенными оттѣнками и съ измѣненіемъ чиселъ. Надобно также замѣтить, что Ласъ-Казъ притворился незнающимъ Англійскаго языка; и слѣдовательно, если произошло какое либо недоразумѣніе между имъ и Капитаномъ Мейтландомъ, который съ трудомъ объяснялся по-Французски, то онъ долженъ винить въ

томъ самого себя. Описавъ такимъ же образомъ, какъ и Капитанъ Мейтландъ, сдѣланное имъ 10 числа на *Беллерофонъ* посѣщеніе для испрошенія пропусковъ, Графъ прибавляетъ: «Намъ совѣтовали отправиться въ Англію, увѣряя, что мы не должны ожидать себѣ тамъ дурнаго пріема.»

14-го числа, въ день втораго посѣщенія, онъ говоритъ, что приглашеніе ѣхать въ Англію было повторено, и даже прописываетъ слова, въ коихъ оно было сдѣлано. «Капитанъ Мейтландъ увѣрялъ меня,» говоритъ онъ: «что если Императоръ желаетъ тотчасъ отправиться въ Англію, то онъ имѣетъ повелѣніе принять его для отвоза туда.» Это такъ написано, что читатель можетъ подумать, что Капитанъ Мейтландъ говорилъ, основываясь на какихъ либо вновь полученныхъ имъ, касательно Наполеона, приказаніяхъ. Такое заключеніе было бы совершенно ложно. Капитанъ Мейтландъ не получилъ никакихъ новыхъ приказаній, и не въ состояніи былъ бы показать видъ, будто бы онъ получилъ таковыя. Единственный приказъ, ему данный, заключался въ помѣщенномъ на стр. 172 повелѣніи Готгама, коимъ предписывалось, если ему посчастливится перехватить Бонапарте, то взять его къ себѣ на корабль, итти въ Англійскій портъ, а по приходѣ туда, тотчасъ донести обо всемъ находящемуся въ портѣ Адмиралу или Адмиралтейству.

Графъ Ласъ-Казъ говоритъ потомъ, будто бы Капитанъ Мейтландъ увѣрялъ его и Савари въ томъ: «что, по его собственному мнѣнію, Наполеонъ найдетъ въ Англіи все должное къ себѣ уваженіе и почтительность; что тамъ Государи и Министры не пользуются такимъ самовластіемъ, какъ на твердой землѣ; что Англійскій народъ имѣетъ великодушіе чувствъ и свободу мнѣній, превышающія даже самую верховную власть.» Графъ Ласъ-Казъ говоритъ, что самъ онъ отвѣтствовалъ на этотъ панегирикъ Англіи похвальною рѣчью Наполеону, коего онъ изобразилъ человѣкомъ, удаляющимся съ поприща, гдѣ онъ имѣлъ способы еще долго удержаться для того, чтобы имя его и права не послужили предлогомъ къ продолженію междоусобія. Графъ, по его собственнымъ словамъ, въ заключеніе сказалъ: «что, судя по обстоятельствамъ, можетъ быть, что Императоръ пріѣдетъ на *Беллерофонъ* и отправится съ Капитаномъ Мейтландомъ въ Англію, дабы получить себѣ пропускъ въ Америку.» Капитанъ Мейтландъ желалъ, чтобы приняли въ соображеніе, что онъ ничѣмъ не ручается за выдачу онаго.

«Въ глубинѣ моего сердца,» говоритъ Ласъ-Казъ: «я самъ не полагалъ, что намъ дадутъ его; но Императоръ хотѣлъ только жить въ покоѣ; онъ рѣшился не мѣшаться лично въ политическія дѣла; и такъ, мы безъ большаго безпокойства видѣли вѣроятность, что насъ задержатъ въ Англіи; но симъ окончивались всѣ наши страхи и предположенія; также конечно полагалъ и Капитанъ Мейтландъ. Я отдаю справедливость ему и прочимъ офи-

церамъ, вѣря, что они съ искренностью изображали вамъ чувства Англіи.»

Посланные возвратились къ Наполеону, который, какъ повѣствуетъ Ласъ-Казъ, составилъ родъ совѣта для сужденія о всѣхъ сихъ обстоятельствахъ. Бѣгство на Датскомъ или на купеческомъ судне показалось невозможнымъ; Британскіе крейсеры были слишкомъ сильны для того, чтобы сквозь ихъ прорваться. Наполеону предстояло только на выборъ, или ѣхать къ войскамъ и возобновить войну, или принять предложеніе Капитана Мейтланда и отправиться на *Беллерофонъ*. Первая мѣра была отвергнута; послѣдняя принята, и «тогда,» говоритъ Ласъ-Казъ: «*Наполеонъ написалъ къ Принцу Регенту.*» Письмо помѣщено въ слѣдъ за тѣмъ; но должно замѣтить, что число на немъ не выставлено. Вѣроятно, по этому-то Графъ Ласъ-Казъ не замѣтилъ, что память его обманываетъ; ибо число сіе напомнило бы ему, что письмо было написано *прежде*, а не *послѣ* свиданія 14 Іюля.

Изъ вышеприведеннаго явствуетъ: 1. Что никакихъ договорныхъ условій не было заключено съ Капитаномъ Мейтландомъ. 2. Что́ Графъ Ласъ-Казъ старается убѣдить въ томъ, будто бы въ слѣдствіе доводовъ Капитана Мейтланда, подтвержденныхъ присутствовавшими при томъ Англійскими офицерами, онъ предложилъ и Наполеонъ согласился отправиться на *Беллерофонъ*. Но всѣ сіи доводы опровергаются 13-*мъ числомъ Іюля*, выставленнымъ на письмѣ къ Принцу Регенту, которое посему не могло быть написано въ слѣдствіе свиданія Ласъ-Каза съ Капитаномъ Мейтландомъ, и въ слѣдствіе совѣта, составленнаго Наполеономъ съ его офицерами; ибо сіе свиданіе и совѣтъ происходили уже 14 *Іюля*. Намѣреніе было принято, и письмо написано наканунѣ того дня, когда Ласъ-Казъ влагаетъ пылкія описанія свойствъ Англійскаго народа въ уста Капитану Мейтланду, и довѣренность Наполеона основывалась на одномъ только совѣтѣ ѣхать въ Англію, данномъ не ему лично, а Ласъ-Казу и Саварі при первомъ ихъ посѣщеніи *Беллерофона*. Свиданіе же 14 числа, безъ сомнѣнія, утвердило его въ намѣреніи, принятомъ наканунѣ.

Болѣе не медлили. Въ тотъ же день, 14 Іюля, Генералъ Гурго былъ отправленъ съ неоднократно уже упомянутымъ письмомъ къ Принцу Регенту, заключавшимъ въ себѣ слѣдующее:

Рошфоръ, 13 *Іюля* 1815 *г.*

«Ваше Королевское Высочество!

«Сдѣлавшись предметомъ крамолъ земли моей и вражды могущественнѣйшихъ Державъ Европы, я окончилъ мое политическое поприще, и, обращаясь, подобно Ѳемистоклу, къ гостепріимству Британскаго народа, отдаюсь подъ покровительство его законовъ, коего прошу у Вашего Королевскаго Высочества, какъ у самаго сильнаго, у самаго постояннаго, и у самаго великодушнаго изъ моихъ непріятелей.»

НАПОЛЕОНЪ.»

Капитанъ Мейтландъ увѣдомилъ Графа Ласъ-Каза, что онъ тотчасъ отправитъ Генерала Гурго въ Англію на *Сленеть*, и приготовитъ все для принятія Наполеона и его спутниковъ. Генералъ Гурго изъявилъ желаніе тотчасъ написать объ этомъ къ Графу Бертрану; и въ присутствіи Капитановъ Сарпоріуса и Гамбіера, Капитанъ Мейтландъ опять повторилъ, сколь онъ желаетъ, чтобы не вышло какого либо недоразумѣнія при этомъ важномъ случаѣ.

«Когда Генералъ Гурго началъ писать письмо свое, то, для предупрежденія всѣхъ будущихъ недоразумѣній, я сказалъ: «Извольте вспомнить, Г. Ласъ-Казъ, что я не уполномоченъ заключать никакихъ условій на счетъ принятія Наполеона въ Англіи; но что онъ долженъ считать себя отдавшимся въ полное распоряженіе Его Королевскаго Высочества Принца Регента.» — Онъ отвѣтствовалъ: — «Я это совершенно знаю, и донесъ уже Императору о томъ, что вы мнѣ по сему предмету говорили.»

Капитанъ Мейтландъ присовокупляетъ сіе естественное и основательное замѣчаніе:

«Можетъ быть, лучше было бы, когда бы сіе объявленіе сдѣлалось надлежащимъ порядкомъ письменно; и если бъ я могъ предвидѣть споры, въ послѣдствіи отъ сего возникшіе, какъ читатель ниже увидитъ, то я бы непремѣнно сіе исполнилъ; но какъ я сдѣлалъ оное неоднократно въ присутствіи свидѣтелей, то сіе и не показалось мнѣ нужнымъ; и чѣмъ же лучше доказывается, что не было заключено никакихъ условій на счетъ принятія Наполеона въ Англіи, какъ не тѣмъ, что оныя не были изложены письменно? что конечно было бы сдѣлано, если бъ какія либо выгодныя условія были Ласъ-Казомъ испрашиваемы и мною даны.»

Дабы заключить поясненіе сихъ обстоятельствъ, мы прилагаемъ письмо Капитана Мейтланда къ Секретарю Адмиралтейства отъ 14 Іюля.

«Для доклада Лордамъ Коммиссарамъ Адмиралтейства, имѣю честь сообщить вамъ, что Графъ Ласъ-Казъ и Генералъ Лальманъ пріѣхали сего числа на командуемый мною корабль Его Величества съ предложеніемъ отъ Графа Бертрана, принять къ себѣ на корабль Наполеона Бонапарте, желающаго ввѣрить себя великодушію Принца Регента. Считая себя къ тому уполномоченнымъ тайнымъ приказаніемъ Ихъ Превосходительствъ, я согласился на сіе предложеніе, и онъ прибудетъ ко мнѣ на корабль завтра утромъ. Дабы не произошло какого либо недоразумѣнія, я опредѣлительно и ясно объявилъ Графу Ласъ-Казу, что я не имѣю права соглашаться ни на какія условія, но что могу только отвезть Наполеона и спутниковъ его въ Англію, гдѣ они будутъ приняты такимъ образомъ, какъ заблагорассудитъ Его Королевское Высочество.»

Сообразно ли съ природою человѣческою, чтобы Англійскій офицеръ, имѣвшій свидѣтелями двухъ другихъ Капитановъ, послалъ ложное донесеніе въ такомъ дѣлѣ, которое въ

ропно долженствовало быть наистрожайше изслѣдовано?

15-го Іюля 1815 года, Наполеонъ окончательно оставилъ Францію, къ исторіи коей онъ прибавилъ столько побѣдъ и столько пораженій; землю, которую его возвышеніе избавило отъ внутреннихъ раздоровъ и отъ внѣшняго нашествія, и которую паденіе его вновь предавало онымъ; словомъ сказать, ту прекрасную страну, для которой онъ столь долго былъ божествомъ и для которой онъ въ будущемъ долженствовалъ столь же мало значить, какъ послѣдній крестьянинъ! — Ему сопутствовали четыре изъ его Генераловъ: Бертранъ, Савари, Лальманъ и Монтолонъ, и столь часто упоминаемый Графъ Ласъ-Казъ, въ званіи Государственнаго Совѣтника. Изъ нихъ, Бертранъ и Монтолонъ имѣли съ собою супругъ своихъ, съ тремя дѣтьми Графа Бертрана и однимъ Графа Монтолона. Сынъ Ласъ-Каза ѣхалъ при Императорѣ Пажемъ. Было еще девять офицеровъ, младшихъ чинами и тридцать девять служителей. Главныя особы были посажены на *Беллерофонъ*, а прочія на корветъ.

Бонапарте выѣхалъ изъ залива острова Ре на бригѣ *Еперье*. По причинѣ противнаго вѣтра и прилива, Капитанъ Мейтландъ послалъ съ *Беллерофона* катеръ, дабы перевезти его на корабль сей. Большая часть офицеровъ и нижнихъ чиновъ на Французскомъ бригѣ прослезились и провожали Императора кликами, пока онъ могъ ихъ слышать. Онъ былъ принятъ на *Беллерофонѣ* почтительно, но безъ пальбы и безъ всякихъ почестей. Въ ту минуту, какъ Капитанъ Мейтландъ встрѣтилъ его на палубѣ, Наполеонъ снялъ шляпу и, обращаясь къ нему, твердымъ голосомъ сказалъ: «Отдаюсь подъ покровительство вашего Государя и вашихъ законовъ.» Обхожденіе его было чрезвычайно ласково, и онъ съ большимъ искусствомъ пользовался случаями сказать что нибудь пріятное тѣмъ, кого онъ хотѣлъ къ себѣ расположить.

Подобно какъ и при нахожденіи своемъ на кораблѣ Капитана Ушера, Бонапарте очень любопытствовалъ узнать порядокъ морской службы, изъявляя великое удивленіе о томъ, что Англійскіе корабли такъ легко разбиваютъ Французскіе, которые тяжелѣе, больше и многочисленнѣе своими людьми. Капитанъ Мейтландъ приписалъ сіе бо́льшей опытности матросъ и офицеровъ. Бывшій Императоръ осмотрѣлъ также морскихъ солдатъ и, довольный ихъ наружнымъ видомъ, сказалъ Бертрану: «Какъ бы много можно сдѣлать со ста тысячами такихъ людей!» При различныхъ движеніяхъ корабля, онъ наиболѣе удивлялся тишинѣ и порядку, съ которыми оныя исполнялись въ сравненіи съ Французскими кораблями, «гдѣ всякой,» сказалъ онъ: «говоритъ и приказываетъ.» Съѣзжая съ *Беллерофона*, онъ опять обратился къ тому же предмету, замѣтивъ, что на этомъ кораблѣ, имѣющемъ шесть сотъ человѣкъ экипажа, во все время, пока онъ на немъ находился, менѣе было шуму, чѣмъ на бригѣ *Еперье* со ста человѣками

команды, при переѣздѣ его съ острова Ре до Баскской рейды.

Онъ съ такими же похвалами отзывался объ Англійской арміи, и офицеры его тоже подтверждали. На сказанное однимъ изъ нихъ, что Англійская конница превосходна, Капитанъ Мейтландъ замѣтилъ, что въ Англіи болѣе цѣнится пѣхота. «Ваша правда,» отвѣчалъ Французскій офицеръ: «подобной ей нѣтъ въ цѣломъ свѣтѣ; ея ничто не устрашаетъ: она стоитъ какъ стѣна, и огонь ея ужасенъ.» Бертранъ говорилъ Капитану Мейтланду, что Наполеонъ отозвался о Веллингтонѣ слѣдующимъ образомъ: — «Герцогъ Веллингтонъ равняется со мною въ предводительствѣ арміею, и превосходитъ меня своею осторожностью.» Съ такою-то искренностью и безпристрастіемъ одинъ великій вождь всегда бы долженъ судить о другомъ, Жаль, что Наполеонъ, при другомъ случаѣ старался унизить воинскія достоинства своего соперника, говоря объ немъ въ такихъ выраженіяхъ, которыя могли повредить только тому, кто ихъ употреблялъ.

Въ продолженіе всего переѣзда, не взирая на свое положеніе и на тягостную неизвѣстность, Наполеонъ казался спокойнымъ, и даже иногда веселымъ. Онъ съ любовію говорилъ о женѣ своей и о сынѣ, жаловался на разлуку съ ними, и со слезами на глазахъ показывалъ портреты ихъ Капитану Мейтланду. Онъ былъ повидимому совершенно здоровъ; но часто дремалъ, что вѣроятно происходило отъ истощенія физическихъ силъ послѣ столь сильныхъ переворотовъ.

23-го Іюля они прошли островъ Уессанъ. Наполеонъ долго стоялъ на палубѣ, устремивъ печальные взоры на берега Франціи, но не дѣлая никакихъ замѣчаній. На разсвѣтѣ 24 числа *Беллерофонъ* пришелъ на высоту Дармута; и Бонапарте былъ пораженъ сперва видомъ утѣснстаго берега, а потомъ, при входѣ въ Торбейскій заливъ, красотою его мѣстоположенія. «Оно напоминаетъ мнѣ,» сказалъ онъ: «Порто-Ферраіо на Ельбѣ.» Сцѣпленіе мыслей, долженствовавшихъ возбудить странныя воспоминанія въ душѣ низверженнаго Императора.

Едва *Беллерофонъ* бросилъ якорь, какъ получено предписаніе отъ Адмирала Лорда Кейта, а въ слѣдъ за нимъ другое, отъ Адмиралтейства, чтобы никому, не смотря ни на чинъ, ни на званіе, не дозволялось входить на *Беллерофонъ*, кромѣ принадлежащихъ къ экипажу офицеровъ и матросъ. 26 числа кораблю приказано было итти на Плимутскій рейдъ.

Между тѣмъ, полученные на кораблѣ журналы безпокоили и устрашали несчастныхъ изгнанниковъ. Въ нихъ вообще говорили, что Наполеону не дозволятъ выйти на берегъ, но что онъ будетъ отправленъ на островъ Св. Елены, самое надежное мѣсто для содержанія его военноплѣннымъ. Самъ Бонапарте встревожился и пожелалъ увидѣть Лорда Кейта, который былъ ему признателенъ за вниманіе, оказанное Императоромъ его племяннику, Ротмистру 7-го Гусарскаго полка Ель-

финстону, раненому и взятому въ плѣнъ при Ватерло. Сіе свиданіе между Адмираломъ и бывшимъ Императоромъ произошло 28 Іюля, но безъ всякихъ важныхъ послѣдствій, ибо Лордъ Кейтъ не имѣлъ еще рѣшительнаго повелѣнія отъ Англійскаго Правительства.

Бѣшеная страсть народнаго любопытства, господствующая во всѣхъ свободныхъ земляхъ, но доходящая въ Англіи до высочайшей степени, пригнала такое множество судовъ къ *Беллерофону*, что, не взирая на строгія повелѣнія Адмиралтейства и вопреки усиліямъ гребныхъ судовъ, содержавшихъ вокругъ корабля стражу, невозможно было удержать ихъ на предписанномъ разстояніи одного кабельтова.* Они отважились на то, чтобъ быть потопленными и застрѣленными, — чего они по крайней мѣрѣ могли бояться (ибо, для устрашенія ихъ, по нимъ нѣсколько разъ стрѣляли изъ ружей); словомъ сказать, подвергались всѣмъ опасностямъ морской битвы, дабы только не пропустить случая посмотрѣть на Императора, о которомъ они такъ много наслышались. Когда онъ показывался, то его привѣтствовали кликами, на которые онъ отвѣчалъ поклонами; но онъ не могъ не изъявить удивленія своего о любопытствѣ, котораго онъ нигдѣ не видалъ въ такой силѣ.

Вечеромъ 30 Іюля, Генералъ-Маіоръ Сиръ Генрихъ Бёнбёри, одинъ изъ помощниковъ Государственнаго Секретаря, пріѣхалъ съ окончательными повелѣніями Англійскаго Правительства на счетъ Наполеона и его спутниковъ. 31-го числа Лордъ Кейтъ и Сиръ Генрихъ отправились къ бывшему Императору на *Беллерофонъ*, для сообщенія ему непріятныхъ извѣстій. Имъ сопутствовалъ Г. Мейкъ, Секретарь Лорда Кейта, котораго присутствіе было сочтено нужнымъ, дабы быть свидѣтелемъ того, что произойдетъ. Наполеонъ принялъ Лорда Кейта и помощника Государственнаго Секретаря съ приличнымъ спокойствіемъ и важностью. Бывшему Императору прочли письмо Лорда Мельвиля (перваго Лорда Адмиралтейства), возвѣщающее ему о его будущей судьбинѣ. Въ немъ было сказано: «что Британскіе Министры сдѣлались бы виновными противъ своего Государя и противъ Союзниковъ, оставя *Генералу Бонапарте* средства или возможность вновь тревожить миръ Европы — что островъ Св. Елены былъ избранъ для его пребыванія, потому, что мѣстное положеніе онаго дозволяло дать ему болѣе свободы, чѣмъ бы сіе можно было съ безопасностью сдѣлать въ другомъ мѣстѣ — что за исключеніемъ Генераловъ Савари и Лальмана, Генералъ могъ избрать себѣ трехъ офицеровъ для сопутствія ему вмѣстѣ съ врачемъ его на островъ Св. Елены — что ему дозволялось также взять съ собою двѣнадцать служителей.» — Въ той же бумагѣ было сказано: «что особы, которыя съ нимъ поѣдутъ, подвергнутся нѣкоторымъ ограниченіямъ, и что имъ нельзя будетъ уѣхать съ остро-

* 120 саженъ.

ва безъ дозволенія Англійскаго Правительства.» Наконецъ упомянуто, что «Контръ-Адмиралъ Сиръ Жоржъ Кокбёрнъ, назначенный начальникомъ на Мысъ Доброй Надежды, вскорѣ отправится для отвезенія Генерала Бонапарте на островъ Св. Елены, и потому желательно, чтобы онъ немедленно избралъ особъ, долженствующихъ ему сопутствовать.»

Письмо было прочитано Наполеону по-Французски Сиромъ Генрихомъ Бёнбёри. Онъ выслушалъ его безъ нетерпѣливости, безъ волненія и не прерывая. Когда у него спросили, имѣетъ ли онъ что нибудь сказать въ возраженіе, то онъ съ большимъ спокойствіемъ и хладнокровіемъ объявилъ, что онъ торжественно протестуетъ противъ читаннаго ему письма — что Англійское Министерство не имѣетъ права такимъ образомъ располагать его особою — что онъ обращается къ Англійскому народу и законамъ — и спрашивалъ, къ какому судилищу ему обратиться, дабы получить себѣ удовлетвореніе. «Я пріѣхалъ,» прибавилъ онъ: «съ тѣмъ, чтобы добровольно ввѣриться гостепріимству вашего народа; я не военноплѣнный; а если бъ я и былъ таковымъ, то могъ бы ожидать, что со мною поступятъ по народнымъ правамъ. Я пріѣхалъ, какъ пассажиръ на одинъ изъ вашихъ военныхъ кораблей, послѣ предварительнаго соглашенія съ командиромъ онаго. Если бъ онъ объявилъ мнѣ, что я буду плѣнникомъ: то я бы не пріѣхалъ. Я спросилъ у него, приметъ ли онъ меня къ себѣ на корабль для отвезенія въ Англію. *Адмиралъ* Мейтландъ на сіе согласился, сообразно съ полученными имъ отъ его Правительства на счетъ меня приказаніями. Слѣдовательно это были разставленныя мнѣ сѣти. Я пріѣхалъ на Англійскій корабль такъ же, какъ я въѣхалъ бы въ одинъ изъ вашихъ городовъ; корабль, деревня — это все равно. Что касается до острова Св. Елены, это былъ бы для меня смертный приговоръ. Я требую, чтобы меня пришли въ граждане Англіи. Сколько нужно лѣтъ для того, чтобы получить осѣдлость?»

Сиръ Генрихъ Бёнбёри отвѣтствовалъ, что для сего нужно четыре года. «И такъ,» продолжалъ Наполеонъ: «пусть на это время Принцъ Регентъ помѣститъ меня подъ какой ему угодно надзоръ; пусть онъ назначитъ мнѣ жилище въ какомъ нибудь загородномъ домѣ, посреди острова, миляхъ въ тридцати отъ моря; пусть онъ представитъ офицера для наблюденія за моею перепискою и поступками; или, буде онъ хочетъ, пусть потребуетъ отъ меня честнаго слова, которое я, можетъ быть, дамъ ему. Тогда я буду наслаждаться нѣкоторою личною свободою и займусь литературою. На островѣ Св. Елены я не проживу трехъ мѣсяцевъ; съ моими привычками и съ моимъ сложеніемъ — я умру тамъ. Привыкнувъ ѣздить по двадцати миль въ день, что я буду дѣлать на этой маленькой скалѣ на краю свѣта? Нѣтъ, Ботани-Бей лучше Св. Елены. И какую пользу принесетъ

вамъ смерть моя? Я ужъ больше не Государь. Какая можетъ произойти опасность отъ того, что я буду жить, какъ частный человѣкъ въ Англіи съ ограниченіями, которыя Правительство сочтетъ нужными?»

Онъ нѣсколько разъ повторялъ, что онъ добровольно пріѣхалъ на *Беллерофонъ*; что онъ былъ совершенно свободенъ въ своемъ выборѣ, и что онъ предпочелъ ввѣриться гостепріимству и великодушію Англійскаго народа.

«Иначе,» сказалъ онъ: «почему бы мнѣ не ѣхать къ моему тестю или къ Императору Александру, Который ко мнѣ лично расположенъ? Мы поссорились съ Нимъ за Польшу, которой преданность ко мнѣ Его тревожила; по кромѣ этого, Онъ былъ мнѣ другъ и не поступилъ бы со мною такимъ образомъ. Сдѣлавъ сіе, Правительство ваше посрамитъ себя предъ глазами цѣлой Европы. Даже вашъ народъ это осудитъ. Притомъ же вы не знаете, какое впечатлѣніе произведетъ смерть моя во Франціи и въ Италіи. Теперь въ этихъ двухъ земляхъ имѣютъ высокое понятіе объ Англіи. Если вы меня умертвите, то оно пропадетъ, и многіе Англичане пострадаютъ. Кто могъ меня принудить къ сдѣланному мною поступку. Трехцвѣтное знамя развѣвалось еще въ Бормо, въ Нантѣ и въ Рошфорѣ.* Даже армія еще не совершенно покорена. Или, если бъ я предпочелъ остаться во Франціи, то кто бы воспрепятствовалъ мнѣ скрываться многія лѣта посреди народа, мнѣ преданнаго?»

Тогда онъ опять обратился къ переговорамъ своимъ съ Капитаномъ Мейтландомъ, опираясь на вниманіе и почести, оказанныя ему симъ офицеромъ и Адмираломъ Гоггамомъ. «И все это,» сказалъ онъ; «были только сѣти.»* Онъ снова заговорилъ о стыдѣ, который покроетъ Англійское имя. «Я доставляю Принцу Регенту,» сказалъ онъ: «самую блистательную страницу въ Исторіи, отдавшись такимъ образомъ во власть его. Я воевалъ съ вами двадцать лѣтъ, и оказываю вамъ величайшій знакъ довѣренности, предаваясь добровольно въ руки самыхъ закоренѣлыхъ, са-

* Бѣлый флагъ развѣвался въ Ла-Рошелли и на островѣ Олеронѣ. Онъ былъ поднятъ 12 Іюня; послѣ того спущенъ и опять поднятъ 13 числа при окончательномъ низложеніи трехцвѣтнаго знамени.

* Адмиралъ Гоггамъ и Капитанъ Мейтландъ, не имѣя особаго наставленія о томъ, какъ поступать съ этимъ необычайнымъ человѣкомъ, весьма естественно желали почтить въ несчастіи мужа, бывшаго столь великимъ. Эти знаки уваженія ограничились впрочемъ тѣмъ, что люди были поставлены по реямъ, когда онъ ѣздилъ завтракать на *Сюпербъ*, и когда возвратился оттуда на *Беллерофонъ*. Капитанъ Мейтландъ предоставилъ также Наполеону первое мѣсто за обѣдомъ въ столовой каютѣ, — почесть, которую ему и неприлично было бы оспоривать. Впрочемъ эти вѣжливости не могли быть причтены къ свѣтямъ, на которыя Наполеонъ жалуется, или имѣть малѣйшее вліяніе на принятую имъ рѣшительность отдаться Англичанамъ; ибо рѣшительность сія была принята прежде, чѣмъ оказаны вѣжливости, на которыя онъ ссылается. Это подтверждаетъ мнѣніе Нельсона, что Французы, если съ ними уважительно обходятся, основываютъ свои притязанія на уступчивости, дѣлаемой имъ изъ одной только обыкновенной вѣжливости.

мыхъ постоянныхъ приговоръ моихъ. Помните» — продолжалъ онъ — чѣмъ я былъ и какое я занималъ мѣсто между Европейскими Государями. *Тотъ* искалъ моего покровительства, *этотъ* отдалъ мнѣ дочь свою, *всѣ* добивались моей дружбы. Я былъ признанъ Императоромъ всѣми Европейскими Державами, за исключеніемъ Великобританіи, и она сама признала меня Первымъ Консуломъ. Ваше Правительство не имѣло никакого права назвать меня *Генераломъ Бонапарте*,» прибавилъ онъ, указывая пальцемъ на оскорбительное названіе, данное ему въ письмѣ Лорда Мельвиля. Я Принцъ или Консулъ, и со мною должно поступать, какъ съ таковымъ, а не иначе. Находясь на Эльбѣ, я былъ признанъ Государемъ его острова, точно такъ же, какъ Лудовикъ признанъ Королемъ Франціи. Мы оба имѣли свои собственные флаги, флоты и арміи. Мои,» прибавилъ онъ съ улыбкою: «конечно были меньше числомъ: у меня было шесть сотъ человѣкъ войска, а у него двѣсти тысячъ. Наконецъ, я пошелъ противъ него войною, побѣдилъ его и свергнулъ съ престола; но во всемъ этомъ нѣтъ ничего, лишающаго меня званія одного изъ Государей Европы.»

Въ продолженіе сей любопытной сцены, Наполеонъ говорилъ одинъ, и Лордъ Кейтъ съ Сиромъ Генрихомъ Бёнбёри почти его не прерывали, уклоняясь отвѣчать на его возраженія, подъ тѣмъ предлогомъ, что они не уполномочены разсуждать съ нимъ, а обязаны только объявить Наполеону рѣшеніе Правительства и передать оному отвѣтъ его, если онъ имъ таковой сообщитъ. Онъ еще нѣсколько разъ повторилъ, что онъ рѣшился не ѣхать на островъ Св. Елены и желаетъ остаться въ Великобританіи.

Сиръ Генрихъ Бёнбёри сказалъ тогда, что островъ Св. Елены конечно избранъ потому, что положеніе его дозволяло предоставить тамъ Наполеону болѣе свободы, чѣмъ сколько можно бы сдѣлать въ какомъ либо мѣстѣ Великобританіи.

«Нѣтъ, нѣтъ,» повторилъ Бонапарте съ жаромъ: «я туда не поѣду. Вы сами, сударь, находясь на моемъ мѣстѣ, туда бы не поѣхали; ни вы также, Милордъ.» Лордъ Кейтъ, поклонясь, отвѣчалъ, что онъ ужъ четыре раза былъ на островѣ Св. Елены. Наполеонъ продолжалъ возставать противъ плѣна и противъ отсылки его на островъ Св. Елены. «*Я не хочу туда ѣхать*,» повторялъ онъ: «я не Геркулесъ,» прибавилъ онъ съ улыбкою: «а вы не свезете меня на островъ Св Елены. Я предпочитаю смерть на этомъ же мѣстѣ. Вы взяли меня свободнаго; отошлите меня назадъ, поставьте меня въ то же положеніе или отпустите меня въ Америку.»

Онъ очень твердилъ о намѣреніи своемъ умереть скорѣе, чѣмъ ѣхать на островъ Св. Елены; ему нечего было, — говорилъ онъ — слишкомъ желать жизни. Онъ просилъ Адмирала не дѣлать никакихъ распоряженій для переѣзда его на *Нортумберландъ*, пока Правительство не будетъ извѣщено о томъ, что онъ

говорилъ и не сообщитъ своего окончательнаго рѣшенія. Онъ заклиналъ Сира Генриха Бёнбёри немедленно отправить его отвѣтъ Правительству, и предоставилъ ему надлежащимъ образомъ изложить оный на бумагѣ. Послѣ нѣсколькихъ, наскоро сдѣланныхъ вопросовъ съ краткими промежутками, онъ опять обратился къ главному предмету, приводя опять тѣ же самые доводы. Онъ надѣялся — по словамъ его — что ему будетъ дана свобода выйти на берегъ, и поселиться подъ надзоромъ чиновника, который принесъ бы ему большую пользу, научивъ его, въ продолженіе года или двухъ, какъ ему поступать. «Вы бы могли,» сказалъ онъ: «избрать какого либо почтеннаго человѣка; ибо въ Англійской службѣ должны быть офицеры, отличающіеся своею честностью и благородствомъ; а не приставлять ко мнѣ пронырливаго человѣка, который, исправляя должность шпіона, строилъ бы козни.» Онъ еще разъ объявилъ твердую свою рѣшительность не ѣхать на островъ Св. Елены; и это любопытное свиданіе симъ кончилось.

Когда Адмиралъ и Сиръ Генрихъ Бёнбёри вышли изъ каюты, то Наполеонъ кликнулъ назадъ Лорда Кейта, котораго въ слѣдствіе вниманія, оказаннаго имъ прежде племяннику его, Капитану Ельфинстону, онъ могъ считать болѣе къ себѣ расположеннымъ.

Наполеонъ началъ разговоръ, спросивъ у Лорда Кейта совѣта, какъ ему поступить. Лордъ Кейтъ отвѣтствовалъ ему, что онъ офицеръ; что онъ исполнилъ свою обязанность, сообщивъ ему полученныя имъ приказанія; что если онъ желаетъ возобновить сужденія, то должно призвать Сира Генриха Бёнбёри. Бонапарте сказалъ, что это не нужно. «Можете ли вы,» продолжалъ онъ: «послѣ того, что произошло, удержать меня до тѣхъ поръ, пока я получу извѣстія изъ Лондона?» Лордъ Кейтъ отвѣтствовалъ, что это будетъ зависѣть отъ данныхъ другому Адмиралу наставленій, о которыхъ ему ничего неизвѣстно. Онъ прибавилъ, что Англійское Правительство конечно приметъ всѣ мѣры, дабы доставить ему всѣ удобства, дозволяемыя благоразуміемъ. «Какимъ же образомъ?» спросилъ Наполеонъ, взявъ лежащую на столѣ бумагу, и говоря съ жаромъ. На замѣчаніе Лорда Кейта: «что островъ Св. Елены конечно предпочтительнѣе тѣснаго заключенія въ Англіи, или отсылки во Францію, или, можетъ быть, въ Россію — «Въ Россію!» вскричалъ Бонапарте: «Сохрани меня Боже!»

Въ продолженіе сей занимательной сцены, видъ Наполеона былъ совершенно покоенъ, голосъ его ровенъ и твердъ, а измѣненія онаго пріятны. Одинъ только разъ или дважды онъ заговаривалъ съ нѣкоторою поспѣшностью и торопливостью. Онъ дѣлалъ мало тѣлодвиженій, и видъ его не отличался пріятностью; но голова его выражала величіе и осанка была милостива, спокойна, безъ всякихъ признаковъ суровости. Казалось, что онъ настроилъ умъ свой, и предвидя, что

ему объявлять, совершенно приготовился къ отвѣтамъ. Изъявляя твердую свою рѣшительность не ѣхать на островъ Св. Елены, онъ предоставлялъ своимъ слушателямъ угадывать, намѣревается ли онъ предупредить сіе, лишивъ себя жизни, или воспротивясь силою. *

* Пользовавшись неоцѣненною выгодою сравнить записки Сира Генриха Бёнбёри объ этомъ достопримѣчательномъ дѣлѣ съ замѣчаніями Г. Мейка, Секретаря Лорда Кейта, бывшаго также свидѣтелемъ онаго, авторъ имѣлъ возможность представить читателямъ самый вѣрный и обстоятельный отчетъ о свиданіи 31 Іюля, какой до сихъ поръ былъ гдѣ либо напечатанъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

—

Истинныя чувства Наполеона на счетъ отсылки его на островъ Св. Елены. — Доказательства, что Капитанъ Мейтландъ не заключалъ съ нимъ никакихъ условій. — Вѣроятность того, что сіе показаніе сдѣлано Лясъ-Казомъ, негодовавшимъ за неуспѣхъ порученныхъ ему переговоровъ. — Умыселъ, вызвать Бонапарте съ *Беллерофона*, какъ свидѣтеля въ дѣлѣ за сатиру. — Угрозы Наполеона лишить себя жизни — и его привержeнцевъ, что они умертвятъ его, сдѣланныя только съ тѣмъ, чтобы устрашить Правительство. — Наполеонъ переѣзжаетъ на *Нортумберландъ*, который отправляется къ острову Св. Елены — Поведеніе его въ дорогѣ. — Обхожденіе съ нимъ Сира Жоржа Кокбёрна. — Прибытіе къ острову Св. Елены, и выходъ на берегъ 16 Октября.

—

Участіе, внушаемое свиданіемъ, которое Наполеонъ имѣлъ съ особами, посланными для возвѣщенія ему его жребія, теряетъ свою силу, когда размыслишь, что тутъ бо́льшею частью были притворныя чувства, гнѣвъ, сильно выраженный, но не настоящій. Наполеонъ, какъ ниже увидятъ, не отъ искренняго сердца утверждалъ, будто бы Капитанъ Мейтландъ приглашалъ его къ себѣ на корабль иначе, какъ въ качествѣ военноплѣннаго и съ тѣмъ, чтобы предаться въ распоряженіе Принца Регента. Онъ равномѣрно вовсе не имѣлъ намѣренія воспротивиться перевозкѣ его на *Нортумберландъ*, причинивъ насиліе самому себѣ, или кому либо другому. Обѣ сіи пустыя выходки были сдѣланы только для вида: — первая съ тѣмъ, чтобы тронуть Принца Регента и Англійскій народъ за чувствительную струну чести, а другая для того, чтобы возбудить ихъ человѣколюбіе.

Нѣтъ сомнѣнія, что Наполеонъ предвидѣлъ вѣроятность поѣздки своей на островъ Св. Елены уже тогда, какъ онъ сдавался Капитану *Беллерофона*. Онъ утверждалъ, будто бы умыселъ о перевезеніи его на островъ Св. Елены или Луціи, существовалъ еще прежде, чѣмъ онъ ушелъ съ Ельбы; и если онъ считалъ Англичанъ способными отправить его въ такую ссылку тогда,

какъ онъ еще состоялъ подъ покровительствомъ Фоншенблоскаго трактата, то онъ конечно могъ полагать, что они не запрудняются сіе сдѣлать тогда, какъ своими поступками онъ лишилъ себя всѣхъ правъ, предоставленныхъ ему симъ договоромъ.

Не смотря на то, хотя ему и слѣдовало ожидать такого конца своей попытки, однако жъ Наполеонъ могъ питать надежду, что она будетъ имѣть лучшій успѣхъ и что ему удастся склонить Принца Регента и Англійское Правительство къ тому, чтобы они подвергли опасности спокойствіе и миръ Европы, оказавъ романическое великодушіе человѣку, котораго единственное на сіе право состояло въ томъ, что онъ двадцать лѣтъ былъ ихъ смертельнымъ врагомъ. Такія надежды онъ могъ питать; ибо нельзя ожидать, чтобы онъ сознался даже самому себѣ въ томъ, что дѣлало его предъ глазами цѣлой Европы недостойнымъ довѣренности. Судя по всѣмъ вѣроятностямъ, надежды его, на благопріятный пріемъ, не были столь сильны, какъ ожиданія его спутниковъ, которые полагали, что Наполеонъ получитъ отъ Принца Регента орденъ Подвязки; но онъ могъ надѣяться, что ему позволятъ жить въ Англіи на тѣхъ же условіяхъ, какъ брату его, Луціану.

Даже, находясь на островѣ Св. Елены, онъ однажды, въ хорошемъ расположеніи духа, сознался, что, сравнивая сіе мѣсто ссылки съ другими, Св. Еленѣ должно отдать преимущество.» Въ странѣ, болѣе сѣверной — замѣтилъ онъ — мы бы терпѣли отъ стужи; а на другихъ тропическихъ островахъ изжарились бы отъ зноя. На островѣ Св. Елены страна дика и не обработана, климатъ единообразенъ и нездоровъ, но воздухъ вообще тепелъ и пріятенъ.»

Показаніе, на которое Наполеонъ такъ сильно опирался, а именно, будто бы Капитанъ Мейтландъ поручился ему за хорошій пріемъ въ Англіи и принялъ его къ себѣ на корабль, не какъ плѣнника, а какъ гостя, заслуживаетъ быть разсмотрѣннымъ. Во все время нахожденія своего на *Беллерофонѣ*, Наполеонъ оказывалъ Капитану Мейтланду наивеличайшее уваженіе и вѣжливости, которыя были бы несовмѣстны съ мыслью считать его предателемъ. Онъ даже вывѣдывалъ у сего офицера, чрезъ Г-жу Бертранъ, примѣтъ ли онъ въ подарокъ портретъ его, украшенный брилліантами, и Капитанъ Мейтландъ просилъ не дѣлать ему сего подарка, ибо онъ рѣшился не принимать его.

6-го Августа Графъ Ласъ-Казъ въ первый разъ намекнулъ Капитану Мейтланду, будто бы онъ слышалъ отъ него удостовѣреніе на счетъ благосклоннаго пріема Наполеона въ Англіи. Капитанъ Мейтландъ возразилъ, что не возможно, дабы Графъ былъ въ состояніи до такой степени ошибиться, поелику онъ именно объявилъ, что не властенъ дѣлать никакихъ обѣщаній; но что, сообразно съ данными ему повелѣніями, онъ считалъ себя въ правѣ только принять Наполеона къ себѣ на корабль и отвезти его въ Англію. Онъ напомнилъ Графу,

что на сдѣланные ему (т. е. Капитану Мейтланду) неоднократные вопросы о томъ, какъ онъ самъ думаетъ, онъ только отвѣтствовалъ, что нѣтъ никакой причины полагать, что Наполеонъ будетъ дурно принятъ. На сіе Ласъ-Казу нечего было возразить. Въ тотъ же день Наполеонъ самъ заговорилъ объ этомъ предметѣ, и должно замѣтить, сколь различны были рѣчи, сказанныя имъ Капитану Мейтланду, съ тѣми, которыя онъ произносилъ въ его отсутствіи. «Говорятъ,» замѣтилъ онъ: «будто бы я не дѣлалъ никакихъ условій; *дѣйствительно, я ихъ не дѣлалъ.* И можетъ ли частное лице заключать ихъ съ народомъ? Я просилъ у него только гостепріимства или, какъ древніе бы сказали, воды и воздуха. Что касается до васъ, Капитанъ, то я не имѣю никакой причины жаловаться: вы поступили какъ благородный человѣкъ.»

Разборъ сего дѣла не можетъ этимъ кончиться; ибо едва только неосновательное показаніе, будто бы Капитанъ Мейтландъ соглашался на нѣкоторыя условія, явныя или подразумѣваемыя, было отвергнуто, какъ его опять возобновили.

7-го числа Графъ Ласъ-Казъ имѣлъ съ Лордомъ Кейтомъ прощальное свиданіе, дабы вручить ему протестъ Наполеона. «Я сообщилъ ему тогда,» говорилъ Графъ: «что Капитанъ Мейтландъ объявилъ намъ, что онъ можетъ отвезти насъ въ Лондонъ, не говоря, что мы будемъ считаться военноплѣнными, и что Капитанъ самъ не оспоритъ того, что мы свободно, съ увѣренностью къ нему пріѣхали; что письмо Императора къ Принцу Валлійскому, о коемъ былъ извѣстенъ Капитанъ Мейтландъ, необходимо долженствовало подразумѣвать въ себѣ условія, поелику онъ ничего противъ онаго не замѣтилъ.» Здѣсь нетерпѣливость Адмирала или, лучше сказать, гнѣвъ его вспыхнулъ. Онъ съ сердцемъ сказалъ, что въ такомъ случаѣ Капитанъ Мейтландъ сумасшедшій, поелику въ наставленіяхъ его ни слова объ этомъ не упомянуто; въ чемъ онъ, Лордъ Кейтъ, совершенно увѣренъ, ибо наставленія сіи чрезъ него были переданы. Графъ Ласъ-Казъ продолжалъ настаивать на своемъ, замѣтивъ, что Его Превосходительство слишкомъ спѣшитъ изъявлять свой гнѣвъ, за который самъ онъ можетъ подвергнуться отвѣтственности, ибо другіе офицеры, равно какъ и Контръ-Адмиралъ Готгамъ, говорили тоже самое, чего бы не могло случиться, если бъ наставленія были такъ ясно и опредѣлительно изложены, какъ Его Превосходительство повидимому полагаетъ. *

Лордъ Кейтъ, въ слѣдствіе сего показанія Графа Ласъ-Каза, потребовавъ къ себѣ Капитана Мейтланда, приказалъ ему наиподробнѣйше описать сношенія, которыя онъ и-

* Читатель можетъ судить самъ, прочитавъ стр. 172 и 173, гдѣ напечатаны сіи наставленія, что, руководствуясь ими, никакой человѣкъ, кромѣ безумца, какъ Адмиралъ справедливо сказалъ, не заключилъ бы такихъ условій, на какія Капитанъ Мейтландъ, по показанію Графа Ласъ-Каза, согласился.

мѣлъ съ Графомъ до пріѣзда Наполеона на *Беллерофонѣ*. Капитанъ Мейтландъ, повинуясь сему, подробно разсказалъ, какъ Французскіе фрегаты, крѣпко стрегомые, имѣли мало вѣроятности уйти, и какая опасность предстояла имъ, если бъ они вздумали на то покуситься; какъ къ нему обратились, сперва Саварн и Ласъ-Казъ, а потомъ Ласъ-Казъ и Гурго; какъ онъ замѣтилъ имъ, что они слишкомъ часто употребляютъ переговорный флагъ; и отказалъ выпустить Наполеона въ море на Французскомъ военномъ кораблѣ или на нейтральномъ суднѣ; какъ онъ согласился отвезти въ Англію бывшаго Императора и его спутниковъ, для отдачи ихъ на благоусмотрѣніе Принца Регента, повторяя имъ нѣсколько разъ въ присутствіи Капитановъ Сарторіуса и Гамбіера, что онъ не можетъ заключать никакихъ договоровъ и условій. Вышеупомянутые офицеры сіе вполнѣ письменно подтвердили. И такъ, если намекъ Ласъ-Каза и можетъ быть положенъ на вѣсы съ яснымъ, опредѣлительнымъ увѣреніемъ Капитана Мейтланда, то послѣднее должно перевѣсить, хотя бы съ помощью свидѣтельства двухъ другихъ Британскихъ офицеровъ. Наконецъ Капитанъ Мейтландъ ссылается на сознаніе Наполеона и его спутниковъ, что хотя они и обманулись въ своихъ надеждахъ, однако жъ не ставили ему сего въ вину, между тѣмъ какъ они конечно бы сіе сдѣлали, если бъ онъ сдѣлалъ имъ обманчивыя, ненадежныя предложенія для того, чтобы заманить ихъ къ себѣ на корабль. Послѣднимъ доказательствомъ приводилъ онъ разставаньe свое съ Монтолономъ, который опять говорилъ о желаніи Наполеона сдѣлать ему подарокъ, сообщивъ ему, что Императоръ весьма чувствителенъ къ его вѣжливости и къ почетному, благородному поведенію его въ продолженіе всего этого дѣла.

Капитанъ Мейтландъ — говоря его словами — сказалъ тогда: «Мнѣ очень больно, что Графъ Ласъ-Казъ сказалъ Лорду Кейту, будто бы я обѣщалъ, что Наполеонъ будетъ хорошо принятъ въ Англіи, или что я дѣлалъ ему какія либо обѣщанія. Я старался вести себя съ честью и благородствомъ въ продолженіе всего этого дѣла; а потому не могу допустить, чтобы такое обвиненіе осталось неопровергнутымъ. — «О!» отвѣтствовалъ Графъ Монтолонъ: «Графу Ласъ-Казу было поручено это дѣло; оно кончилось совсѣмъ не такъ, какъ мы ожидали. Онъ приписываетъ самому себѣ положеніе, въ которое попалъ Императоръ, и по этой причинѣ старается придать оному какъ можно наилучшій видъ; но увѣряю васъ, что Императоръ совершенно убѣжденъ въ благородствѣ вашего поведенія,» — потомъ, взявъ мою руку и пожавъ ее, онъ прибавилъ: «И я того же самаго мнѣнія.»

Такимъ образомъ Лордъ Кейтъ совершенно убѣдился въ томъ, что сдѣланное противъ Капитана Мейтланда обвиненіе не только не подтверждено никакими доказательствами, но что оно уничтожается показаніемъ двухъ безпристрастныхъ свидѣтелей, равно какъ поступками

и обнаруженными предъ всѣми чувствами тѣхъ людей, которые имѣли наибольшее право жаловаться на дѣйствія сего офицера, если бъ они заслуживали порицаніе. Причина, по которой Ласъ-Казъ настаивалъ въ томъ, что желанія и надежды, имъ питаемыя, основывались на мнимыхъ, поощрительныхъ выраженіяхъ Капитана Мейтланда, кажется, справедливо угадана Монтолономъ. Поступокъ Наполеона, обвиняющаго Капитана Мейтланда въ разставленіи ему сѣтей, между тѣмъ какъ въ душѣ своей онъ самъ, отдавая справедливость сему офицеру, благодарилъ его и хотѣлъ доказать ему болѣе существеннымъ образомъ свое хорошее объ немъ мнѣніе, — поступокъ сей, хоть намъ и больно это сказать, долженъ быть приписанъ пересилившему чувству собственной пользы, коему онъ безъ сожалѣнія принесъ въ жертву честь и имя сего офицера, хотя онъ и во многихъ случаяхъ считалъ себя ему обязаннымъ.

По приведеніи здѣсь скромнаго и благороднаго оправданія Капитана Мейтланда — о предположеніи, будто бы Наполеонъ пріѣхалъ на *Беллерофонъ* иначе, какъ въ качествѣ военноплѣннаго, не должно быть впредь упоминаемо.

Заключивъ разборъ сихъ любопытныхъ обстоятельствъ, мы обращаемся къ тѣмъ, которыя были произведены отъѣздомъ Наполеона изъ Англіи, разсматривая ихъ въ отношеніи исторической ихъ занимательности.

Великое множество гребныхъ судовъ, доходившее иногда до тысячи, съ великимъ трудомъ могло быть удерживаемо стражею, посредствомъ силы, на предписанномъ отъ *Беллерофона* разстояніи 300 ярдовъ. Стеченіе сіе показалось болѣе опаснымъ тогда, какъ Наполеонъ неоднократно объявилъ, что онъ не поѣдетъ на островъ Св. Елены; ибо боялись, чтобы онъ не вздумалъ бѣжать. Посему два фрегата были назначены для стражи Беллерофона, а часовые дневные и ночные удвоены и утроены.

Странный случай, могшій произойти только въ Англіи (ибо хотя необычайныя прихоти могутъ родиться у людей и въ другихъ земляхъ, но онѣ тамъ рѣдко приводятся въ исполненіе), заставилъ удвоить свою бдительность тѣхъ, которымъ была поручена стража сего важнаго плѣнника. Въ одномъ изъ журналовъ (вѣроятно, въ угодность всеобщему любопытству) было сказано, что Наполеонъ долженъ быть привезенъ на берегъ въ силу закона личной свободы (Habeas Corpus). Поелику законъ сей не распространяется на иностранца и на военноплѣннаго, то такая нелѣпость и осталась безъ всякихъ послѣдствій. Но нѣкоторый человѣкъ, позванный къ суду за сатиру на морскаго офицера, вздумалъ призвать туда же Наполеона свидѣтелемъ о состояніи Французскаго флота, что, по его показанію, было необходимо для его защиты. Требованіе объ этомъ было написано на имя Лорда Кейта; но онъ избѣгнулъ отъ приказнаго, привезшаго оное, находясь на своемъ катерѣ, пока тотъ былъ на его кораблѣ и ушедъ отъ него потомъ

на двѣнадцати веслахъ, за которыми не могли поспѣть запыхавшіеся гребцы подъячаго. Хотя все это была одна нелѣпость, достойная только смѣха, съ которымъ приняли анекдотъ о преслѣдованіи приказнаго и о бѣгствѣ отъ него Адмирала, однако жъ это могло имѣть свои неудобства, внушивъ Наполеону мысль, что онъ въ правѣ судебнымъ порядкомъ требовать себѣ защиты Англійскихъ законовъ и поощрить его воспротивиться переѣзду съ *Беллерофона*. 4 Августа, для предупрежденія могущихъ произойти отъ сего послѣдствій, *Беллерофону* приказано было выйти въ море и держаться на высотѣ Старта, куда долженствовала прійти назначенная на островъ Св. Елены эскадра, съ тѣмъ, чтобы Наполеонъ и его спутники тамъ уже перешли на *Нортумберландъ*.

Тогда Бонапарте, казалось, началъ замышлять нѣчто пагубное; и хотя онъ не упоминалъ Капитану Мейтланду о самоубійствѣ иначе, какъ объявляя ему свою твердую рѣшимость не ѣхать на островъ Св. Елены, однако жъ Ласъ-Казу онъ ясно открылъ о намѣреніи своемъ умереть Римскою смертью. Всякой пойметъ, что такіе замыслы не страшны, когда они дѣлаются человѣкомъ, находящимся въ здравомъ разсудкѣ и когда притомъ берутъ предосторожность сообщать объ оныхъ умному другу. Удивительно, съ какою легкостью упорнѣйшая воля уступаетъ любви къ жизни даже у самыхъ отважныхъ людей и въ самыхъ отчаянныхъ обстоятельствахъ. Посему мы не удивляемся, что философическіе доводы Ласъ-Каза убѣдили Наполеона жить и писать свою исторію. Если бъ онъ обратился къ своимъ восшымъ спутникамъ, то получилъ бы онъ ихъ иные совѣты и даже содѣйствіе для исполненія оныхъ. Лальманъ, Монтолонъ и Гурго увѣрили Капитана Мейтланда, что Императоръ скорѣе умеретъ, чѣмъ поѣдетъ на островъ Св. Елены, и что даже, если бъ онъ могъ на то согласиться, то они сами рѣшились лучше лишить его жизни, чѣмъ допустить его до такого безчестія. Капитанъ Мейтландъ, въ отвѣтъ на сіе, замѣтилъ имъ, что висѣлица будетъ наградою такого ихъ поступка.

Савари и Лальманъ находились, по правдѣ сказать, весьма въ тягостномъ положеніи. Они состояли въ спискѣ лицъ, исключенныхъ изъ всепрощенія, дарованнаго Королевскимъ Правительствомъ Франціи, а теперь Англійскіе Министры воспрещали имъ сопутствовать Наполеону на островъ Св. Елены. Они не безъ причины безпокоились о своей участи, страшась, хотя и конечно напрасно, что ихъ выдадутъ Французскому Правительству. Они вознамѣрились было силою воспротивиться разлукѣ съ Императоромъ; но, въ счастію, въ пылу своего гнѣва, имѣли еще столько разсудка, чтобы посовѣтоваться съ знаменитымъ законовѣдцемъ и Государственнымъ сановникомъ, Сиромъ Самуиломъ Ромилли. Самымъ лучшимъ средствомъ помочь симъ несчастнымъ, Сиръ Ромилли счелъ обратиться лично къ Лорду Канц-

леру, который удостовѣрилъ его, что вовсе и не думаютъ о выдачѣ ихъ Французскому Правительству, что дало ему возможность ихъ совершенно въ этомъ отношеніи успокоить. На счетъ же замышляемаго ими сопротивленія и законности онаго, Сиръ Самуилъ Ромилли на вопросъ ихъ отвѣтствовалъ, что если бъ въ такомъ дѣлѣ они лишили кого либо жизни, то по Англійскимъ законамъ сіе сочлось бы убійствомъ. Но какъ того, такъ и другаго не слишкомъ должно было опасаться, и мы полагаемъ, что Наполеонъ и сановники его, при возвѣщеніи такихъ насильственныхъ замысловъ, не имѣли другой цѣли, кромѣ той, чтобы поколебать рѣшимость Англійскаго Министерства. Это имъ совершенно не удалось, и преждевременныя ихъ угрозы имѣли только то послѣдствіе, что у нихъ отобрали оружіе, кромѣ Наполеона, коему оставлена была его шпага. Бонапарте и спутники его были очень огорчены сею мѣрою, показывающею явную къ нимъ недовѣрчивость; и Англійскимъ офицерамъ также тягостно было исполнять приказъ сей, хотя Французамъ и объявили, что это дѣлалось только изъ предосторожности и что оружіе ихъ будетъ тщательно сохранено и имъ обратно отдано. Въ послѣдній день нахожденія своего на *Беллерофонѣ* Наполеонъ написалъ протестъ, присемъ помѣщаемый и второе письмо къ Принцу Регенту.

4-го Августа *Беллерофонъ* снялся съ якоря, а на другой день утромъ встрѣтилъ *Нортумберландъ* и эскадру, назначенную на островъ Св. Елены, равно какъ и *Тоннантъ* подъ флагомъ Лорда Кейта.

Тогда-то Наполеонъ объявилъ Капитану Мейтланду, что онъ рѣшился покориться своему жребію, прося, чтобы Г. О'мерѣ, врачу *Беллерофона*, дозволено было ѣхать съ нимъ на островъ Св. Елены, вмѣ-

---

* *Протестъ Наполеона Бонапарте.*

«Протестую здѣсь торжественно предъ лицемъ Бога и людей, противъ сдѣланнаго мнѣ насилія, противъ нарушенія моихъ священнѣйшихъ правъ, произведеннаго чрезъ употребленіе силы противъ моей особы и свободы.

«Я добровольно пріѣхалъ на *Беллерофонъ*, я не плѣнникъ; я гость Англіи. Я пріѣхалъ по наущенію самого Капитана, объявившаго, что онъ имѣетъ отъ Правительства приказъ принять меня и препроводить въ Англію съ моими спутниками, если мнѣ то будетъ пріятно. Я съ довѣренностію явился, дабы отдаться подъ покровительство Англійскихъ законовъ. Ступивъ на *Беллерофонъ*, я сталъ подъ кровъ Англійскаго народа. Если Правительство, давъ Капитану *Беллерофона* приказъ принять меня и моихъ спутниковъ, разставляло мнѣ только сѣти, то оно нарушило честь и обезславило флагъ свой. Если это дѣло свершится, то тщетно Англичане будутъ твердить Европѣ о своемъ правдолюбіи, о своихъ законахъ и о своей свободѣ. Вѣра къ Британіи *погибнетъ чрезъ гостепріимство Беллерофона*. Взываю къ Исторіи: она скажетъ, что непріятель, двадцать лѣтъ воевавшій съ Англійскимъ народомъ, свободно прибѣгнулъ въ своемъ несчастіи къ покровительству его законовъ. Чѣмъ могъ онъ разительнѣе доказать свое уваженіе и довѣренность! Но какъ отвѣтствовала Англія на такое великодушіе? — Показала видъ, будто бы простираетъ гостепріимную руку сему непріятелю; и когда онъ съ довѣріемъ отдался, то она принесла его въ жертву.

(Подписано) НАПОЛЕОНЪ.

На кораблѣ *Беллерофонѣ*.

4 Августа 1815.»

сто его собственнаго доктора, которому здоровье не позволяло сдѣлать сей поѣздки. Это ясно доказывало, что онъ не намѣренъ былъ дѣлать никакого сопротивленія; и дѣйствительно, едва только Наполеонъ замѣтилъ, что угрозы его не производятъ никакого дѣйствія, какъ онъ тотчасъ покорился съ обыкновеннымъ своимъ равнодушіемъ. Онъ приказалъ также отдать свое оружіе. Пожитки его были осмотрѣны, но ничего не открывая и не развязывая. Казна Бонапарте, состоявшая изъ 4000 Наполеондоровъ, была взята подъ сохраненіе, дабы лишить его сего могущественнаго средства къ побѣгу. Ему дана росписка отъ имени Англійскаго Правительства, ручающагося въ цѣлости сей суммы; а Маршану, любимому его камердинеру, позволено взять столько денегъ, сколько онъ на ту пору считалъ нужнымъ.

Около одиннадцати часовъ утра, 7 Августа, Лордъ Кейтъ пріѣхалъ на своемъ катерѣ, дабы перевезти Наполеона съ *Беллерофона* на *Нортумберлендъ*. Во второмъ часу, когда Наполеонъ объявилъ, что онъ готовъ, то былъ выставленъ Капитанскій караулъ; катеръ Адмирала Кейта приготовленъ; и при проходѣ Наполеона чрезъ шканцы, ему сдѣлали на караулъ и пробили три дроби — почесть, отдаваемая Генераламъ. Походка его была тверда и размѣрена; прощанье съ Капитаномъ Мейтландомъ учтиво и ласково. Офицеръ сей конечно имѣлъ причину сѣтовать на Бонапарте, старавшагося вскелепать на него, будто бы онъ разставлялъ ему сѣти; но искреннее, благородное признаніе о чувствахъ, господствовавшихъ тогда въ умѣ Капитана, при разлукѣ съ нимъ, должно быть здѣсь помѣщено. Чувства сіи придадутъ еще болѣе вѣса, если сіе возможно, его простому, чистосердечному и неухищренному разсказу.

«Удивительнымъ покажется, что могъ существовать Англійскій офицеръ, предупрежденный въ пользу того, который причинилъ столько зла Британіи; но Наполеонъ обладалъ въ такой степени искусствомъ нравиться, что очень мало есть людей, которые, проседѣвъ подобно мнѣ около мѣсяца за однимъ съ нимъ столомъ, могли бы не почувствовать сострадания и даже сожалѣнія, видя, что человѣкъ, одаренный столь привлекательными качествами и занимавшій столь высокую степень въ жизни, осужденъ на такой жребій.»

Наполеонъ былъ принятъ на *Нортумберландѣ* съ тѣми же почестями, которыя были оказаны ему при съѣздѣ съ *Беллерофона*. Сиръ Жоржъ Кокбёрнъ, Англійскій Адмиралъ, коему бывшій Императоръ поручался, былъ во всѣхъ отношеніяхъ способенъ къ исполненію съ разборчивостью сдѣланнаго ему порученія при точномъ исполненіи данныхъ ему наставленій. Знатный родомъ и привыкшій къ высшему кругу общества, пріятный своею наружностью и обхожденіемъ, онъ однако жъ имѣлъ довольно твердости, требуемой его званіемъ для исполненія непріятныхъ вещей, если онѣ были нужны. Во всемъ, не выходящемъ за предѣлы его долга, онъ былъ ласковъ,

вѣжливъ и сговорчивъ; но за сею чертою отличался своею непреклонностью. Такое соединеніе вѣжливости съ твердостью было тѣмъ необходимѣе, что Наполеонъ, а еще много болѣе его спутники, желали во многихъ случаяхъ присвоивать плѣннику Царскій санъ, что Сиру Коккёрну, по причинамъ, о которыхъ мы упомянемъ ниже, было именно воспрещено. Все, что могъ, дѣлалъ онъ съ охотою, исполненною ласки и вѣжливости; но замѣтивъ, что уступчивость его служитъ поводомъ къ притязаніямъ, выходящимъ за предѣлы, онъ далъ замѣтить своимъ Французскимъ гостямъ, что ни досада, ни гнѣвъ ихъ, нисколько на него не подѣйствуютъ.

Слѣдствіемъ сего было, что хотя Наполеонъ, переѣхавъ на *Нортумберландъ*, по приказанію Адмиралтейства, и лишился нѣкоторыхъ изъ почестей, оказываемыхъ ему на *Беллерофонѣ* (гдѣ Капитанъ Мейтландъ, не имѣя на этотъ счетъ никакихъ опредѣлительныхъ наставленій, не хотѣлъ безъ нужды огорчать его отказомъ), однако жъ никакой ссоры, а тѣмъ еще менѣе, вражды не возникло между Наполеономъ и Адмираломъ. Послѣдній сидѣлъ на первомъ мѣстѣ за столомъ своимъ; находясь на палубѣ, накрывался послѣ обычныхъ поклоновъ и не соблюдалъ другихъ обрядовъ чинности, присвоенныхъ коронованнымъ главамъ; но эти поступки произвели только временное охлажденіе, которое, при необращеніи Адмираломъ вниманія на досаду гостей своихъ, скоро уступило мѣсто врожденной склонности Французовъ къ обществу; и Сиръ Жоржъ Коккёрнъ (переставъ быть *Акулою*, какъ, по словамъ Ласъ-Каза, Французы въ минуты досады его называли), дѣлался опять соединеніемъ вѣжливаго человѣка со строгимъ офицеромъ, какимъ и Наполеонъ признавалъ его, когда онъ искренно говорилъ объ этомъ предметѣ.

Въ примѣръ его поведенія можно здѣсь привести, что при переходѣ *Нортумберланда* чрезъ экваторъ, Императоръ, желая оказать щедрости свою матросамъ, хотѣлъ было дать имъ сто луйдоровъ, подъ предлогомъ обычной за сіе подати; но Сиръ Жоржъ Коккёрнъ, нашедъ сію дань Нептуну слишкомъ значительною, не дозволилъ матросамъ принять болѣе десятой части оной; а Наполеонъ, разсердясь за сіе ограниченіе, не далъ ничего. При другомъ случаѣ, въ началѣ путешествія, разница въ народныхъ обыкновеніяхъ произвела одну изъ тѣхъ небольшихъ размолвокъ, о коихъ мы упоминали. Наполеонъ привыкъ, какъ и всѣ Французы, вставать изъ-за стола тотчасъ по окончаніи обѣда, а Сиръ Коккёрнъ съ Англійскими офицерами оставался послѣ него за столомъ; ибо, дозволяя Французамъ поступать какъ имъ угодно, Адмиралъ не считалъ, что Наполеонъ имѣетъ право мѣшать его привычкамъ за собственнымъ его столомъ. Это произвело нѣкоторое неудовольствіе.*

* Ласъ-Казъ въ Запискахъ острова Св. Елены нѣсколько инымъ образомъ говоритъ объ этой бездѣлкѣ, происшедшей, какъ кажется, отъ одного только недоразу-

Не взирая на эти мелочныя размолвки, Ласъ-Казъ сообщаетъ намъ, что Адмиралъ, который повидимому былъ противъ нихъ предубѣжденъ, съ каждымъ днемъ становился дружественнѣе. Императоръ обыкновенно каждый вечеръ бралъ его подъ руку и, прохаживаясь по палубѣ, долго разговаривалъ съ нимъ о предметахъ, касающихся до флота, и вообще о прошедшихъ событіяхъ.

Находясь на *Нортумберландѣ*, бывшій Императоръ по утрамъ писалъ или читалъ; по вечерамъ же прогуливался на палубѣ или игралъ въ карты. Болѣе всего играли въ vingt et un; но когда игра сія ему надоѣдала, то онъ замѣнялъ ее шахматами. Не взирая на великое свое искусство въ тактикѣ, Наполеонъ не очень хорошо игралъ въ эту военную игру, и соперникъ его, Монтолонъ, съ трудомъ успѣвалъ поддаваться Императору.

Въ продолженіе путешествія наступилъ день имянинъ Наполеона, бывшій съ тѣмъ вмѣстѣ и днемъ его рожденія. Это было 15 Августа, которое Папа установилъ праздновать, въ угодность Наполеону. А теперь, какой странный переворотъ! Онъ провелъ день имянинъ своихъ на Англійскомъ военномъ кораблѣ, везущемъ его къ мѣсту заточенія и, какъ въ послѣдствіи оказалось, къ мѣсту его могилы. Однако жъ Наполеонъ въ продолженіе цѣлаго дня казался веселымъ и довольнымъ, и даже былъ радъ, что ему посчастливилось въ игрѣ, считая это хорошимъ признакомъ.

15-го Октября 1815 года *Нортумберландъ* достигъ острова Св. Елены, коего видъ показался не очень пріятнымъ для тѣхъ, которымъ слѣдовало жить на немъ, хотя онъ и часто былъ радостно привѣтствованъ утомленными путемъ мореходцами. Тотъ, коему предназначено было обитать на немъ, вышедъ на палубу, разсматривалъ его въ зрительную трубу. Сенп-Джемсъ-Тонъ, небольшой городокъ, лежалъ передъ нимъ въ узкой долинѣ, обставленный какъ будто рамами безплодными, крутыми утесами чрезвычайной высоты; каждая площадка, каждый выходъ, каждое отверстіе были уставлены пушками. Стоявшій подлѣ него Ласъ-Казъ не замѣтилъ ни малѣйшаго измѣненія на лицѣ его. Повелѣнія Англійскаго Правительства были таковы, чтобы Наполеонъ оставался на кораблѣ до тѣхъ поръ, пока приготовятъ зданіе, приличное для того образа жизни, который ему слѣдовало впредь вести. Но какъ это вѣроятно потребовало бы значительнаго времени, то Сиръ Жоржъ Кокбёрнъ тотчасъ принялъ на свою отвѣтственность свезти пассажировъ на берегъ и озаботиться на счетъ безопасности Наполеоновой особы до тѣхъ поръ, пока ему приготовятъ

мѣнія. Ласъ-Казъ предполагаетъ, будто бы Адмиралъ обижался тѣмъ, что Наполеонъ вставалъ прежде, между тѣмъ какъ Сиръ Жоржъ Кокбёрнъ желалъ только показать, что онъ не считаетъ себя обязаннымъ уходить изъ-за стола тогда, какъ гости его вставали. Кажется однакожъ, что это сдѣлало впечатлѣніе на Бонапарте, который всегда упоминалъ о семъ, когда хотѣлъ изъявить досаду свою противъ Адмирала.

приличное жилище. Въ слѣдствіе сего онъ былъ перевезенъ на берегъ 16-го Октября; и такимъ образомъ Императоръ Франціи, даже почти цѣлой Европы, сдѣлался узникомъ острова Св. Елены.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

—

Причины, оправдывающія Англійское Правительство въ заключеніи Наполеона. — Онъ былъ вокиноплѣнный, и нарушеніемъ Фонтенблоскаго трактата показалъ уже, что къ нему нельзя имѣть довѣренности. — Правительство подверглось даже осужденію за то, что оно не приняло болѣе строгихъ мѣръ для предупрежденія побѣга его съ острова Ельбы. — Желаніе Наполеона удалиться въ Англію происходило отъ того, что, живя неподалеку отъ Франціи, онъ бы опять могъ принять участіе въ дѣлахъ ея. — Причины отнятія у него титула Императора. — Выгоды острова Св. Елены для мѣста ссылки. — Данныя Сиру Жоржу Кокберну наставленія, какъ поступать съ Наполеономъ. — Лонгвудъ назначенъ мѣстопребываніемъ изгнаннаго Императора. — Временное жилище, устроенное для него въ Брейерсе. — Онъ переѣзжаетъ въ Лонгвудъ. — Предосторожности, взятыя для надежнаго охраненія плѣнника. — Правила для приходящихъ къ порту судовъ.

—

Мы теперь должны привести доводы, оправдающіе принятыя Англійскимъ Правительствомъ противъ Наполеона Бонапарте мѣры, по коимъ онъ былъ задержанъ и лишенъ преимуществъ сана, столь настоятельно имъ требуемаго. Здѣсь также слѣдуетъ замѣтить перемѣну, произведенную во всеобщихъ чувствахъ двѣнадцатилѣтнимъ промежуткомъ. Въ 1816 году, когда авторъ сей Исторіи, хотя и неимѣющій довольно искусства для исполненія такой обязанности, сдѣлалъ опытъ описанія сего предмета, то въ Англіи многіе думали, что Британское Правительство лучше выполняло бы долгъ свой предъ Франціею и предъ цѣлою Европою, выдавъ Наполеона Правительству Лудовика XVIII для поступленія съ нимъ такъ же, какъ самъ онъ поступилъ съ Герцогомъ Ангенскимъ. Безполезно было бы теперь объ этомъ разсуждать, или доказывать, что Наполеонъ имѣлъ по крайней мѣрѣ право сохранить жизнь, предавшись Англійскому флагу.

Столь же напрасно было бы обращаться къ предмету, неоднократно уже доказанному, что сдѣлка, происшедшая между Наполеономъ и Капитаномъ Мейтландомъ, долженствуетъ считаться во всѣхъ отношеніяхъ не иначе, какъ безусловною сдачею. Наполеонъ разсмотрѣлъ

всѣ средства къ спасенію, и ни одно изъ нихъ не показалось ему представляющимъ столько безопасности, какъ то, которое онъ, по здравомъ размышленіи, принялъ. Сдача Англичанамъ обезпечивала ему жизнь и давала ему надежды получить другія выгоды отъ великодушія Британскаго народа; ибо если безусловная сдача ничего не обезпечиваетъ, то она ничему и не воспрещаетъ. Генералъ Бертранъ, находясь на *Нортумберландѣ*, сказалъ, что Наполеонъ былъ склоненъ къ сему поступку аббатомъ Сіесомъ, который убѣдительно совѣтовалъ ему ѣхать прямо въ Англію предпочтительно предъ всякимъ другимъ мѣстомъ; чѣмъ доказывается, что намѣреніе его долженствовало быть принято гораздо прежде, чѣмъ онъ увидѣлъ Капитана Мейтланда. Даже Ласъ-Казъ, если со вниманіемъ прочитать его книгу, выводитъ то же заключеніе; ибо онъ сознается въ томъ, что онъ никогда не надѣялся, чтобы Наполеона признали свободнымъ или дали ему пропускъ въ Америку; но думалъ только, что его будутъ содержать не съ такими строгими ограниченіями. Но какъ онъ не сдѣлалъ никакихъ условій на счетъ сихъ ограниченій, то они естественнымъ образомъ долженствовали быть предоставлены на волю побѣдоносной сторонѣ. Слѣдовательно дѣло между Наполеономъ и Англіею шло не о *справедливости*, которая не можетъ быть измѣнена, хотя бы послѣдствія оной причинили даже гибель сторонѣ, оную оказавшей, но о великодушіи и о милосердіи, которыя благоразуміе дозволяетъ оказывать не иначе, какъ съ безопасностью для тѣхъ, кто оными руководствуется.

Наполеонъ, какъ безусловно сдавшійся плѣнникъ, подвергался обыкновеннымъ воинскимъ законамъ, которые даютъ воюющимъ Державамъ право заключать своихъ плѣнниковъ, кромѣ — какъ это водится, тѣхъ, коихъ честь можетъ быть принята достаточною за ихъ порукою, или коихъ власть вредитъ тѣмъ ничтожна, что оною презираютъ. Но Бонапарте не находился ни въ которомъ изъ сихъ положеній. Власть его была велика, искушеніе воспользоваться оною сильно, и довѣренность, которую можно бы имѣть къ рѣшительности или къ обѣщанію его воспротивиться сему соблазну, очень незначительна.

Говорятъ, но безъ доказательствъ, будто бы Лордъ Кастельригъ, при заключеніи Фонтенблоскаго трактата, спросилъ Коленкура, почему Наполеонъ не предпочелъ убѣжища въ Англіи странному титулу Императора Ельбы. Мы очень сомнѣваемся, чтобы Лордъ Кастельригъ это сказалъ. Но если бы, на основаніи сего намека или по своему собственному побужденію, Наполеонъ въ 1814 году ввѣрился Англійскому народу или даже, если бъ жробій войны отдалъ его въ наши руки, то Англія конечно въ столь необычайномъ случаѣ долженствовала бы поступить великодушно и, можетъ быть, дозволила бы Наполеону жить какъ частному человѣку въ ея владѣніяхъ, или отправиться въ Америку. Тогда бы, можно сказать (хотя осторожные люди даже и тогда бы усомнились),

что честное слово воина, столь недавно бывшаго Государемъ, можетъ быть принято въ залогъ соблюденія имъ договора. Можно бы также думать, что дѣятельность и таланты одного лица, предположивъ оные въ высшей степени, до какой можетъ достичь умъ человѣческій, не дадутъ ему возможности, хотя бъ онъ и пожелалъ, вновь потревожить спокойствіе Европы. Въ такомъ предположеніи естественно бы желать, чтобы столь знаменитому мужу дарована была свобода, которую, по нашимъ понятіямъ, онъ бы не могъ и не захотѣлъ бы употребить во зло. Но происшедшее на островѣ Ельбѣ слишкомъ хорошо доказало, сколь мало можно было вѣрить обязательствамъ Наполеона, и какихъ опасностей слѣдовало отъ него страниться даже тогда, какъ жребій его казался столь упадшимъ. Нарушеніе имъ Фонтенблоскаго трактата совершенно измѣнило всѣ его отношенія къ Англіи и къ Европѣ; и поставило его въ положеніе такого человѣка, на слова коего нельзя было полагаться и коего личная свобода несовмѣстна со свободою Европы. Опытъ, ввѣриться его слову, былъ сдѣланъ и не оправдался. Умный можетъ быть обманутъ одинъ только разъ; одни лишь дураки вторично вдаются въ тѣ же сѣти.

Въ пользу Наполеона можно сказать, что побудительною причиною уйти съ острова Ельбы былъ такой соблазнъ, какой только на землѣ могъ представиться столь честолюбивому, какъ онъ, человѣку — необычайность предпріятія съ наградою за оное Императорскимъ престоломъ. Можно также допустить, что Бурбоны, задерживая уплату положенныхъ ему доходовъ, доставили ему, относительно ихъ, нѣкоторый предлогъ къ бунту. Но все сіе лишь служитъ доказательствомъ, что къ нему нельзя было имѣть никакой довѣренности, пока онъ могъ подвергаться такимъ искушеніямъ. Франція находилась тогда въ сильномъ волненіи; остатки охладѣвшей къ Королю арміи поддерживали броженіе въ непостоянномъ народѣ; между тѣмъ какъ Лудовикъ XVIII, для удовлетворенія Союзниковъ, принужденъ былъ наложить большія подати и строго ихъ взыскивать; — онъ всѣхъ сихъ соединенныхъ причинъ могли возникнуть какіе нибудь случаи, при коихъ Наполеонъ, для удовлетворенія ли своимъ личнымъ видамъ, или приглашенный недовольнымъ Французскимъ народомъ, могъ бы возобновить свою достопамятную попытку 28 Февраля. Обязанностью Британскаго Министерства было предупредить всякую къ тому возможность. Не далѣе еще какъ 20 Апрѣля, за нѣсколько мѣсяцевъ предъ тѣмъ, члены оппозиціи потребовали у Министровъ предъ Нижнею Палатою отвѣта, почему они не приняли мѣръ для предупрежденія побѣга Наполеона съ Ельбы. Какой бы отвѣтственности они подверглись, если бъ оставили ему возможность ко вторичному уходу? — По меньшей мѣрѣ на нихъ пала бы вина всѣхъ бѣдъ и кровопролитія, которыя непремѣнно произвело бы такое событіе. Посему правосудіе, столько же, какъ и необходимость, дѣлали законнымъ лишеніе Наполеона свобо-

ды, которою чрезъ его сдачу, Британія пріобрѣла право располагать.

Приводя сіи доводы, мы не ссылались на прежніе поступки самого Наполеона. Мы не говорили о тюрьмѣ Туссена-Лувертюра на Альпійской границѣ, или о заключеніи въ Валенцскомъ замкѣ Фердинанда, довѣрчиваго, обманутаго союзника. Мы не упоминали о наградахъ и мѣстахъ, пожалованныхъ офицерамъ, которые нарушили свое слово, бѣжавъ изъ Англіи, и были съ особенною благосклонностью приняты въ Тюлієри. Не оправдывались мы также великимъ Государственнымъ правиломъ, которое поставляетъ необходимость или политическія отношенія превыше нравственныхъ законовъ. Если бъ Англія стала приводить такія оправданія, то это значило бы отказаться отъ Христіанскаго правила, повелѣвающаго намъ поступать со врагомъ нашимъ, какъ мы бы желали, чтобы онъ поступилъ съ нами, а не такъ, какъ онъ дѣйствительно прошивъ насъ поступилъ — это значило бы руководствоваться кривою, преступною политикою, подъ предлогомъ, что непріятель нашъ подалъ намъ къ тому примѣръ.

Но прежніе поступки Наполеона непремѣнно слѣдовало имѣть въ виду для опредѣленія, какую степень довѣренности можно ему оказывать; и если въ дѣлахъ его обнаружилось вѣроломство, то Министры конечно неизвинительно бы поступили, приведя его въ такое положеніе, чтобы общее спокойствіе зависѣло отъ соблюденія Наполеономъ своего слова. Повидимому, и самъ Ласъ-Казъ сознается, что Императоръ намѣревался удалиться въ Англію съ тою надеждою, дабы въ послѣдствіи опять принять участіе въ дѣлахъ Франціи. Примѣръ Сира Нила Камбеля обнаружилъ, какъ мало присутствіе Комисара обуздывало этого необыкновеннаго человѣка, и воскресеніе его послѣ побѣга съ острова Ельбы достаточно доказало, что нисколько не должно полагаться на вторую политическую смерть, на которую онъ предлагалъ осудить себя, поселясь, какъ частный человѣкъ, въ Англіи.

Говорили однако жъ, что если обстоятельства и личныя свойства Наполеона требовали строгой необходимости лишить его свободы, то заключеніе его должно бы смягчить всѣми знаками отличительныхъ почестей; и что безполезно, жестоко было оскорблять честолюбіе изгнанниковъ, отказывая ему въ титулѣ Императора и въ соблюденіи обрядовъ, коими онъ пользовался во время своего благоденствія и коими онъ такъ дорожилъ въ своемъ несчастіи.

Всякой согласится, что если бъ чѣмъ нибудь можно было, не подвергаясь опасности, избавить Наполеона отъ малѣйшаго огорченія, то сіе конечно бы сдѣлали. Но къ какой стати Британія, не признававшая его Императорскаго титула, даже тогда, какъ онъ дѣйствительно владѣлъ Французскою Имперіею, теперь изъ вѣжливости и изъ состраданія предоставила бы ему оный, и въ особенности тогда, какъ причины, которыя мы ниже приве-

демъ, сильно противились оказанію такой снисходительности.

Мѣсто ссылки Императора также строго было порицаемо; но вопросъ сей совершенно зависитъ отъ права держать его въ заключеніи. Если право сіе недѣйствительно, то и говорить объ этомъ нечего; ибо мѣсто изгнанія, дабы оно исполняло цѣль свою, должно соединять въ себѣ разныя средства къ обезпеченію стражи, изъ коихъ каждое нѣкоторымъ образомъ увеличиваетъ страданія, долженствующія быть долею того, кто осужденъ закономъ на заключеніе. Но если согласятся, что столь страшнаго человѣка, какъ Бонапарте, должно было лишить возможности, воскреснувъ, опять явиться на землѣ: то, можетъ быть, нѣтъ другаго мѣста на земномъ шарѣ, которое бы представляло столь великую безопасность, при дарованіи плѣннику такой личной свободы, какъ островъ Св. Елены.

Здоровый климатъ сего острова лучше всего доказывается донесеніемъ отъ 20 Марта 1820 года, доктора Шорна, главнаго военнаго врача; изъ коего видно, что въ войскахъ, стоявшихъ тогда на островѣ Св. Елены и безпрестанно употребляемыхъ къ трудной службѣ на открытомъ воздухѣ, число больныхъ содержалось только какъ одинъ къ тридцати, даже включая необыкновенные случаи и отправляемыхъ въ госпиталь послѣ показанія. Эту необыкновенную степень здоровости, превышающую всѣ прочія мѣста въ мірѣ, докторъ Шорнъ приписываетъ положенію острова подъ пассатными вѣтрами, коихъ безпрестанное дуновеніе прохлаждаетъ слишкомъ большой зной и уноситъ съ собою всѣ вредныя для человѣческаго здоровья испаренія. Та же самая причина притягиваетъ изъ океана пары, которые, сгущаясь, удерживаютъ солнечные лучи и предохраняютъ отъ сильныхъ, быстрыхъ недуговъ, производящихъ такія опустошенія подъ тропиками. Должно также замѣтить, что климатъ сего острова чрезвычайно какъ постояненъ: ибо онъ не измѣняется болѣе какъ на девять или на десять градусовъ въ продолженіе всего года; каковое равенство воздуха также есть одна изъ главныхъ причинъ здоровости онаго. Правда, что на островѣ Св. Елены довольно жарко, но какъ Наполеонъ родился въ тепломъ климатѣ и боялся — какъ говорятъ — даже стужи Великобританіи, то сіе и не можетъ быть сочтено неблагопріятнымъ обстоятельствомъ.

Что касается до личнаго обхожденія съ Наполеономъ, то Сиръ Жоржъ Кокбёрнъ, тотчасъ по прибытіи своемъ, учредилъ оное сообразно съ данными ему наставленіями, заключавшими въ себѣ слѣдующее:

«Давая Англійскимъ офицерамъ столь важную порученность, Принцъ Регентъ увѣренъ, что не нужно будетъ подтверждать имъ наивеличайшее его желаніе, дабы относительно заключенія и ограниченій плѣнника не была употребляема строгость болѣе той, какая нужна для точнаго исполненія цѣли, которую какъ Адмиралъ, такъ и Губернаторъ острова Св. Елены всегда должны имѣть въ виду — а именно,

совершеннаго обезпеченія особы Генерала Наполеона Бонапарте. Его Королевское Высочество увѣренъ, что Генералу будутъ оказаны всѣ возможныя облегченія, совмѣстныя съ сею главною цѣлью; и онъ надѣется, что по извѣстному усердію и твердости характера Сира Жоржа Кокбёрна, онъ не дозволитъ себѣ никакого неблагоразумнаго отступленія отъ своей обязанности.»

Соображаясь съ сими наставленіями, Сиръ Жоржъ Кокбёрнъ избралъ мѣсто для пребыванія своего важнаго плѣнника, удовлетворяя между тѣмъ и желаніямъ Наполеона во всемъ, въ чемъ только было можно.

Островъ не представлялъ удобствъ, какихъ можно было желать при подобныхъ обстоятельствахъ. На немъ находилось только три казенныхъ зданія, которыя были вовсе неудовлетворительны для такого гостя. Два изъ нихъ, домы Губернатора и Вице-Губернатора острова, не могли быть назначены для жительства Наполеону, поелику они находились въ Жемсъ-Тонѣ, гдѣ по причинамъ, удобопонятнымъ, его не прилично было бы помѣстить. Третьимъ былъ загородный домъ, Плантешенъ-Гоузъ, принадлежащій Губернатору, и лучшее зданіе на цѣломъ островѣ. Англійское Правительство запретило назначить сей домъ для жительства бывшаго Императора. Мы въ этомъ различнаго съ онымъ мнѣнія, ибо удобнѣйшее зданіе конечно долженствовало принадлежать падшему величію; и въ тѣхъ обстоятельствахъ, при всемъ уваженіи къ Губернатору, Наполеона, конечно послѣдняго на всемъ островѣ, слѣдовало лишать удобствъ жизни. Мы не сомнѣваемся, что это такимъ бы образомъ и устроилось, если бъ Императоръ и спутники его не употребляли всякой оказываемой имъ уступчивости къ тому, чтобы дѣлать дальнѣйшія притязанія. Такимъ образомъ вѣжливость, которую оказали Адмиралъ Гоппгамъ и Капитанъ Мейтландъ, поставивъ людей по реямъ, когда Наполеонъ ѣздилъ съ одного корабля на другой, была выставлена доказательствомъ, что сіи офицеры признаютъ его свободу и царскій санъ; и нѣтъ сомнѣнія, что назначеніе для его жительства лучшаго на островѣ дома по тому же образу разсужденія, было бы сочтено доказательствомъ, что надъ Наполеономъ нѣтъ старшаго на всемъ островѣ Св. Елены. Впрочемъ нашли бы средства упять сію склонность къ притязаніямъ, если бъ оная обнаружилась; и мы думаемъ, что лучше было бы подвергнуться могущимъ произойти отъ оной послѣдствіямъ, назначивъ Плантешенъ-Гоузъ для его жительства, поелику это былъ удобнѣйшій домъ на цѣломъ островѣ. Полагаютъ, будто бы мѣстоположеніе возбуждало опасенія, что домъ сей не можетъ быть надлежащимъ образомъ охраняемъ. Правда, что это заключеніе было сдѣлано въ Англіи по планамъ, которые, можетъ быть, не съ совершенною точностью означали настоящую мѣстность; но какъ бы то ни было, а Сиръ Жоржъ Кокбёрнъ, связанный данными ему наставленіями, не могъ въ этомъ случаѣ выбирать.

Кромѣ Плантешенъ-Гоуза, былъ еще загородный домъ, называемый Лонгвудомъ, и предоставленный Вице-Губернатору, который, по осмотрѣ Спромъ Жоржемъ Кокбёрномъ всѣхъ зданій на островѣ, былъ избранъ имъ для будущаго жительства Наполеона. Совершенно отдѣленный отъ прочаго жилья, Лонгвудъ не былъ часто посѣщаемъ сосѣдами, кромѣ тѣхъ, которые приходили туда по дѣламъ. Притомъ онъ лежалъ далеко отъ мѣстъ, гдѣ можно было приставать судамъ; а мѣста сіи слѣдовало достаточно оградить прежде, чѣмъ бы увидѣли ихъ Наполеонъ или его воинственные товарищи. Окружающая Лонгвудъ равнина дозволяла обставить оную для охраненія часовыми, доставляя между тѣмъ удобство для прогулки верхомъ или въ экипажѣ, и по возвышенному своему положенію, мѣсто сіе было прохладнѣе прилежащихъ къ нему узкихъ долинъ. Самый домъ не уступалъ въ удобствѣ своего расположенія прочимъ зданіямъ на островѣ (хотя это и не много еще значило), кромѣ Плантешенъ-Гоуза.

Въ заключеніе скажемъ, что его одобрилъ самъ Наполеонъ, который, осмотрѣвъ оный, такъ былъ доволенъ, что его съ трудомъ могли уговорить оттуда выѣхать. Тотчасъ сдѣлали всѣ пріуготовленія, дабы прибавить то, чего не доставало, и сдѣлать сіе жилище, хотя не такимъ, какого бы желательно, но по крайней мѣрѣ такимъ, какъ позволяли обстоятельства. Дѣйствительно, можно было, приславъ изъ Англіи мастеровыхъ и матеріялы, распространить по надлежащему сіе обиталище. Между тѣмъ, до сдѣланія необходимѣйшихъ исправленій, Генералъ Бертранъ и прочіе спутники Наполеона были помѣщены въ отведенномъ для сего домѣ въ Жемсъ-Тонѣ; а самъ онъ, по собственному его желанію, расположился въ Брейерсѣ, небольшой хижинѣ или домикѣ, живописно расположенномъ неподалеку отъ города, и имѣющемъ только одну маленькую комнату. Сиръ Жоржъ Кокбёрнъ старался было уговорить его, чтобы онъ временно занялъ лучшій домъ, приготовленный для него въ городѣ; но Наполеонъ отклонилъ сіе предложеніе, сославшись на то, что онъ не желаетъ быть у всѣхъ на глазахъ. Притомъ же, царствующее въ Брейерсѣ уединеніе и красоты окружающей его мѣстности, въ особенности пріятныя для тѣхъ, которые, недавно еще плывя на кораблѣ, долгое время не видѣли ничего, кромѣ обширнаго океана, заставили бывшаго Императора избрать Брейерсъ.

Живя въ Брейерсѣ, Наполеонъ заключилъ себя въ предѣлахъ, болѣе тѣсныхъ, чѣмъ сколько сіе было нужно. Отговариваясь часовыми, которые были видны изъ его оконъ, а еще того болѣе стеченіемъ посѣтителей, онъ ограничился бесѣдкою, состоящею изъ одной хорошей комнаты и двухъ небольшихъ покойчиковъ наверху, которая находилась ярдахъ въ десяти отъ дому. Безъ сопровожденія Англійскаго офицера, ему дозволялось ходить не дальше, какъ по принадлежащему къ хижинѣ саду, вокругъ коего были разставлены часовые. Сиръ Жоржъ Кок-

бёръ, принимая участіе въ положеніи своего плѣнника, старался ускорить передѣлки въ Лонгвудѣ, дабы Наполеонъ могъ туда переѣхать. Онъ употребилъ для сего корабельныхъ столяровъ своей эскадры и всѣхъ мастеровыхъ, которыхъ только можно было сыскать на островѣ; «и Лонгвудъ,» говоритъ докторъ О'Мера: «около двухъ мѣсяцевъ представлялъ столь же одушевленную картину, какъ корабельныя верфи Его Величества, когда на нихъ строились въ военное время флоты подъ надзоромъ нашихъ лучшихъ Адмираловъ. Неутомимый въ дѣятельности своей, Сиръ Жоржъ часто являлся въ Лонгвудъ при восходѣ солнца, поощряя своимъ присутствіемъ ремесленниковъ острова Св. Елены, которые, будучи вообще безпечны и неповоротливы, съ изумленіемъ взирали на быстроту и дѣятельность военныхъ мастеровыхъ, которая представляла столь сильную противоположность со свойственною имъ лѣностью.»

Въ продолженіе пребыванія своего въ Брейерсѣ, бывшій Императоръ совершенно удалялся отъ общества, проводя утро въ саду, а по вечерамъ играя въ вистъ на лакомства съ Г. Балькомбомъ, хозяиномъ дома, и съ его семействомъ. Графъ Ласъ-Казъ, который, кажется, изъ всѣхъ пріѣхавшихъ съ Наполеономъ имѣлъ наиболѣе свѣдѣній, былъ избранъ главнымъ, если не единственнымъ сотоварищемъ его утреннихъ занятій и препровожденія времени. Въ такихъ случаяхъ Наполеонъ обыкновенно былъ ласковъ, доступенъ и привлекателенъ своимъ обхожденіемъ.

Преодолѣвъ своею дѣятельностью всѣ затрудненія, происходившія отъ недостатка матеріяловъ, неимѣнія способовъ къ перевозкѣ и всего облегчающаго такія перестройки, Сиръ Жоржъ Кокбёрнъ наконецъ успѣлъ превратить Лонгвудъ въ удобный для жительства домъ, который хотя и не соотвѣтствовалъ прежнему величію того, которому предназначалось обитать въ немъ, но по крайней мѣрѣ былъ прилично устроенъ для плѣнника такого чина, который предоставляло Наполеону Британское Правительство. *

9-го Декабря Наполеонъ переѣхалъ въ Лонгвудъ съ частью своей свиты: съ Графомъ и Графинею Монтолонъ и съ дѣтьми ихъ; съ Графомъ Ласъ-Казомъ и его сыномъ. Генералъ Гурго, докторъ О'Мера, принятый имъ во врачи, и другіе спутники Наполеона, которые не могли помѣститься въ домѣ, расположились на время въ палаткахъ; а Графъ и Графиня Бертранъ, до постройки для нихъ новаго дома, были помѣщены въ небольшой хижинѣ, стоящей на мѣстѣ Гёпсъ-гешъ, почти на самой границѣ того, что можно было назвать заповѣднымъ Лонгвудскимъ пространствомъ. Но хотя и всячески старались сдѣлать

* Покои, приготовленные для жительства самого Бонапарте, состояли изъ гостиной, изъ столовой, изъ библіотеки, изъ кабинета для занятій и изъ спальни. Это жилище конечно представляло странную противоположность съ чертогами, въ коихъ еще недавно обиталъ Наполеонъ; но оно въ той же соразмѣрности было предпочтительно Тауеру въ Тамплѣ или темницѣ Венсенскаго замка.

Лонгвудскій домъ сколько можно для плѣнника удобнымъ, а должно признаться, что этотъ промежутокъ, хотя и необходимый, долженствовалъ казаться очень тягостнымъ для плѣнника, заключеннаго въ Брейерсѣ; и что Лонгвудскій домъ, хотя и снабженный всѣмъ, чѣмъ только обстоятельства позволяли, далеко еще не имѣлъ тѣхъ удобствъ, которыя Англичане пожелали бы доставить плѣннику, содержимому Англіею въ заключеніи.

Дабы помочь недостаткамъ Лонгвуда, предложено было построить приличной величины деревянный домъ, ставя его изъ Англіи по частямъ, которыя пришлось бы на мѣстѣ только сложить; это былъ единственный способъ исполнить желаніе Наполеона; ибо на островѣ почти не было строительныхъ матеріяловъ. Нѣсколько мѣсяцевъ обстоятельства мѣшали привесть въ исполненіе планъ сей; а возникшія между Правительствомъ и плѣнникомъ несчастныя ссоры прибавили еще годы къ сему замедленію; что заставляетъ насъ еще разъ пожалѣть о томъ, что Планшешенъ-Гоузъ не былъ назначенъ для жительства Наполеону.

Мы уже сказали, что къ Лонгвудскому дому примыкало самое большое ровное мѣсто, какое можно было найти во всѣхъ окрестностяхъ для гулянья и для верховой ѣзды. Пространство, въ окружности двѣнадцать миль, было предоставлено для прогулки Наполеону безъ всякаго сопровожденія. Цѣпь часовыхъ окружала сіе мѣсто для воспрепятствованія ему выйти изъ онаго иначе, какъ съ Англійскимъ офицеромъ. Если бъ онъ пожелалъ распространить далѣе свои прогулки, то ему дозволялось ѣздить по всему острову въ сопровожденіи только офицера, наблюдающаго за его движеніями. Такой дежурный офицеръ всегда находился въ готовности сопутствовать ему, по его требованію. Въ предѣлахъ вышеупомянутаго пространства были расположены два лагеря: одинъ 53 полка въ Дидвудѣ, около мили отъ Лонгвуда; а другой въ Гетсъ-гетѣ, гдѣ стоялъ офицерскій караулъ, какъ при главномъ входѣ въ Лонгвудъ.

Мы разсмотримъ теперь мѣры, принятыя для стражи надъ симъ важнымъ плѣнникомъ. Одинъ изъ древнихъ поэтовъ сказалъ, что всякій островъ есть уже темница; но на счетъ трудности побѣга, никакой другой не можетъ сравниться съ островомъ Св. Елены; и вѣроятно, что это было главною причиною, по которой онъ избранъ мѣстомъ заключенія Наполеона.

Докторъ О'Мера, вовсе не пристрастный къ Англичанамъ свидѣтель, сообщаетъ, что, дабы не оскорблять Наполеона и съ тѣмъ вмѣстѣ охранить его особу, стража была разставлена слѣдующимъ образомъ:

«Отводный караулъ былъ поставленъ при входѣ въ Лонгвудъ, шагахъ въ шести стахъ отъ дома, а цѣпь часовыхъ и пикетовъ расположена вокругъ всего пространства. Въ девять часовъ вечера часовые сближались, и вступая между собою въ сообщеніе, окружали домъ такимъ образомъ, что никто не могъ ни

войти въ него, ни выйти, не будучи ими осмотрѣнъ. При самомъ входѣ въ домъ ставили двухъ часовыхъ, и патрули безпрестанно обходили позади его и передъ онымъ. Послѣ девяти часовъ Наполеону не дозволялось выходить изъ дому иначе, какъ въ сопровожденіи офицера, и никого не пропускали безъ письменнаго дозволенія. Это продолжалось до разсвѣта. По всему острову, на каждой пристани и даже на каждомъ мѣстѣ, гдѣ казалось, что можно было пристать, были расположены пикеты, и часовые разставлены на всѣхъ, ведущихъ къ морю тропинкахъ; хотя по правдѣ сказать, затрудненія, созданныя самою природою на всѣхъ путяхъ, ведущихъ къ морскому берегу, были сами по себѣ уже непреодолимою преградою для столь тяжелаго человѣка какъ Наполеонъ.»

Предосторожности, съ коими Сиръ Жоржъ Кокбёрнъ воспользовался естественными способами и расположеніемъ острова, для предупрежденія, чтобы новый его обитатель не ушелъ моремъ, были такъ строги, что даже и безъ окружающей его самого стражи, не было повидимому возможности не только къ побѣгу, но даже и къ покушенію учредить онъ морскаго берега сообщеніе съ заключенными.

«Съ устроенныхъ нарочно для сего мѣстъ,» продолжаетъ докторъ О'Мера въ своемъ описаніи, «корабли усматривались часто за двадцать четыре мили, и всегда прежде, чѣмъ они подходили къ берегу. Два военныхъ корабля безпрестанно ходили около острова, и имъ дѣлались сигналы, какъ только были усматриваемы суда съ берега. Каждое судно, кромѣ Англійскихъ военныхъ кораблей, было сопровождаемо однимъ изъ сторожевыхъ кораблей, который оставался при немъ, пока ему разрѣшалось бросить якорь, или пока оно миновало островъ. Никакому иностранному судну не было дозволяемо становиться на якорь, кромѣ какъ развѣ въ самыхъ крайнихъ обстоятельствахъ; въ какомъ случаѣ, ни одному человѣку съ онаго не позволяли съѣзжать на берегъ, и офицеръ съ командою былъ посылаемъ на оное съ одного изъ сторожевыхъ кораблей наблюдать за ними, пока они простоятъ у острова и препятствовать всякому непозволительному съ онымъ сообщенію. Всѣ принадлежащія острову рыбачьи лодки, были считаемы и отдаваемы на ночь подъ надзоръ флотскаго Лейтенанта. Никакая шлюбка, кромѣ сторожевыхъ судовъ съ военныхъ кораблей, ходившихъ цѣлую ночь вокругъ острова, не могла быть въ морѣ послѣ захожденія солнца. Дежурному офицеру также приказано было два раза въ сутки лично удостовѣряться о присутствіи Наполеона, что было исполняемо съ наивозможною разборчивостью. Словомъ сказать, всѣ человѣческія предосторожности, кромѣ заключенія его или обремененія цѣпьми, были приняты Сиромъ Жоржемъ Кокбёрномъ.»

ГЛАВА ПЯТАЯ.

—

Разсмотрѣніе жалобъ Наполеона. — Право, которое имѣла Великобританія лишить его свободы. — Приличность отнятія у него Императорскаго титула. — Можно ѣы не разсматривать его переписку. — Постановленіе, чтобы Англійскій офицеръ, въ извѣстный часъ, ежедневно навѣщалъ Наполеона — важность сего. — Предѣлы, дозволенные Наполеону для прогулки и верховой ѣзды. — Жалобы Ласъ-Каза на Сира Жоржа Кокберна. — Мѣры, принятыя Европейскими Державами для надежнѣйшаго охраненія Наполеона. — Сиръ Гудзонъ Лоу назначенъ Губернаторомъ острова Св. Елены. — Качества его для исполненія сей должности. — Свѣдѣнія, сообщенныя Правительству Генераломъ Гурго. — Разные замыслы къ освобожденію Наполеона. — Сочиненія о жительствѣ Наполеона на островѣ Св. Елены. — Онъ раздраженъ поступками съ нимъ Сира Гудзона Лоу. — Ихъ свиданія.

—

До сихъ поръ мы располагали описаніе наше такъ, чтобы происшествія каждаго года составляли отдѣльный отрывокъ, который иногда затруднительно было включать въ предѣлы, нами себѣ предписанные, и мы сознаемся, что такое ограниченіе часто вредило важности предмета. Но годы заключенія, протекающіе гораздо съ бо́льшею медленностью для плѣнника, занимаютъ своимъ печальнымъ единообразіемъ малое только число страницъ въ Исторіи; и повѣствованіе о пяти годахъ, проведенныхъ на островѣ Св. Елены, если говорить только о происшествіяхъ, въ оные случившихся, скорѣе можетъ быть сдѣлано, чѣмъ описаніе одного похода, самаго кратчайшаго изъ всѣхъ, свершенныхъ подъ предводительствомъ Наполеона. Однако жъ годы сіи были непріятно ознаменованы и даже отравлены безпрестанными ссорами между плѣнникомъ и офицеромъ, коему была поручена важная и затруднительная обязанность ограничивать его свободу, предупреждая всѣ средства къ побѣгу, и коему слѣдовало соединить съ надлежащею бдительностью столько вѣжливости и даже предупредительности, сколько Наполеону сіе могло быть угодно.

Мы имѣли наилучшій случай собрать на счетъ сего предмета всевозможныя свѣдѣнія; ибо Лордъ Батёрстъ, Государственный Секретарь Департамента Колоній, по благосклонности своей, сообщилъ намъ переписку Сира Гудзона Лоу съ Англійскимъ Правительствомъ. Сіе доставило намъ возможность утвердительно говорить о прави-

лахъ, коими Британское Правительство руководствовалось въ данныхъ имъ Сиру Гудзону Лоу наставленіяхъ и даже о самомъ содержаніи сихъ наставленій. Въ слѣдствіе сего, мы намѣрены разобрать, во-первыхъ, неудовольствія Наполеона на смыслъ самыхъ наставленій Британскаго Правительства; а потомъ, дальнѣйшія его жалобы на то, какъ сіи наставленія исполнялись Губернаторомъ Св. Елены. На счетъ послѣдней статьи мы не можемъ говорить съ такою же увѣренностью; ибо дальность разстоянія, въ коемъ Сиръ Гудзонъ Лоу находился отъ Европы, препятствовала личному изслѣдованію и дѣлала невозможнымъ имѣть безпристрастныхъ свидѣтелей такого множества мелочныхъ случаевъ, изъ коихъ каждый требовалъ подробнаго изслѣдованія и могъ сдѣлаться предметомъ обвиненія или оправданія. Мы однако жъ можемъ нѣчто сказать и объ этомъ предметѣ.

Обстоятельства сдачи Наполеона Англичанамъ безъ всякихъ ограниченій, договоровъ и условій были уже нами разобраны; и читатели видѣли, что если онъ ошибся, сдѣлавшись плѣнникомъ, вмѣсто того, чтобъ быть принятымъ свободнымъ гостемъ въ Великобританіи, то сіе произошло отъ того, что онъ основывалъ надежды свои на однихъ только своихъ собственныхъ расчетахъ, безъ малѣйшаго къ тому поощренія со стороны Капитана Мейтланда. Сомнительно, чтобы даже въ тѣ минуты, когда воображеніе наиболѣе ему льстило, онъ могъ въ самомъ дѣлѣ ожидать пріема, слишкомъ отличнаго отъ того, который ему былъ сдѣланъ; по крайней мѣрѣ онъ мало изъявилъ удивленія, узнавъ о предназначенномъ ему жребіи. Но, во всякомъ случаѣ, онъ былъ военноплѣнный, не пріобрѣтшій своею сдачею никакихъ правъ, кромѣ какъ на жизнь и на свободное владѣніе своими членами. Если бъ Англійское Правительство заманило Наполеона въ договоръ условіями, которыя оно въ послѣдствіи бы нарушило, то онъ попалъ бы въ то же положеніе, какъ Туссенъ Лувертюръ, котораго, не взирая на то, самъ онъ посадилъ въ темницу. Если бъ онъ былъ приглашенъ къ посѣщенію Принца Регента въ качествѣ союзника, принятъ съ вѣжливымъ гостепріимствомъ, а потомъ заключенъ, какъ плѣнникъ, то жребій его имѣлъ бы сходство съ тѣмъ, коему подвергся Фердинандъ Испанскій, завлеченный въ Байону. Но мы бы устыдились оправдывать свое отечество, ссылаясь на дурной примѣръ, поданный нашимъ непріятелемъ. Истина и ложь неизмѣнны и непреложны, и самый величайшій преступникъ долженъ быть судимъ не по тому примѣру, который самъ онъ подалъ, а по общимъ законамъ правосудія. Не взирая однако жъ на то, участіе наше къ жалобамъ чрезвычайно какъ уменьшается, когда ихъ произноситъ такой человѣкъ, который обыкновенно поступалъ съ другими съ тою же неразборчивостью и несправедливостью, въ коихъ онъ упрекаетъ людей, сдѣлавшихся его властелинами.

И такъ, поелику Наполеонъ былъ военноплѣнный, и поелику съ нимъ

имѣли право поступать, какъ съ таковымъ (чего конечно нельзя оспорить), то мы считаемъ вполнѣ доказаннымъ, что онъ не могъ быть оставленъ въ Великобританіи, не потревоживъ чрезъ сіе спокойствія Европы. Выдать его которой либо другой изъ Союзныхъ Державъ было бы конечно предосудительно; ибо, поступивъ такимъ образомъ, Англія нарушила бы противъ него долгъ свой и лишилась бы права покровительствовать его особѣ, къ чему земля, коей онъ сдался, неоспоримо была обязана. Оставалось только держать сего важнаго плѣнника подъ такою стражею, дабы отнять у него всякую возможность сдѣлать вторичный побѣгъ, и опять вовлечь Францію и Европу въ кровопролитную, сомнительную войну. Островъ Св. Елены былъ избранъ мѣстомъ его заключенія и, какъ намъ кажется, весьма прилично; ибо положеніе сего отдѣльнаго острова доставляло лучшія средства безопасности съ наименьшимъ стѣсненіемъ личной свободы знаменитаго плѣнника. Море и окружающіе берега онаго утесы замѣняли стѣны, валы, рвы и запоры крѣпости, и онъ по крайней мѣрѣ могъ безопасно прогуливаться на пространствѣ нѣсколькихъ миль, вмѣсто того, чтобы сидѣть въ тѣсныхъ стѣнахъ какой нибудь цитадели.

Убѣдивъ въ правѣ заключить Наполеона, или по крайней мѣрѣ представя оному доказательства, и оправдавъ выборъ для сего острова Св. Елены, мы, не колеблясь, скажемъ, что, по нашему мнѣнію, должно было сдѣлать все возможное для облегченія тягостныхъ чувствъ, которыя долженствовала возбуждать въ такомъ знаменитомъ мужѣ, какъ Наполеонъ, столь великая перемѣна судьбы. Мы бы не хотѣли вспоминать въ эту минуту, сколько онъ нашихъ соотчичей, мирныхъ путешественниковъ, видѣли погибель надеждъ своихъ, разорились и кончили жизнь во Франціи, будучи задержаны въ противность всѣхъ воинскихъ законовъ просвѣщенныхъ странъ; и мы не сочли бы себя въ правѣ отмщать Наполеону въ несчастіи такими жъ жестокими поступками, какіе политика его, если не характеръ, заставляли его употреблять съ другими. Мы бы не засадили его въ столь же ужасную темницу, въ коей злополучный вождь Негровъ умеръ съ голоду. Мы бы не стали окружать его въ заключеніи шпіонами, подобно какъ то было сдѣлано съ Графомъ Ельгиномъ; не стали бы, какъ Принцу Фердинанду, разставлять сѣтей посредствомъ подсылки подложнаго Барона Колли, который предлагалъ содѣйствовать къ его бѣгству для того, чтобы получить поводъ суровѣе съ нимъ обойтиться. Мы бы забыли всѣ эти дѣла, или, если бъ и не могли истребить ихъ изъ своей памяти, видя, какъ много такіе обманы и такое неблагородное насиліе могутъ унизить человѣка съ геніемъ и сдѣлать владычество его ненавистнымъ: то мы бы помнили объ нихъ, какъ о примѣрахъ, коимъ должно не слѣдовать, а избѣгать оныхъ. Препятствовать плѣннику къ воспріятію власти, столь пагубно имъ употребленной, сочли бы мы обязанностью,

не только одной Британіи, но всей Европы и цѣлаго свѣта. Доставлять ему въ плѣну всѣ облегченія, какія позволяла безопасность содержимой надъ нимъ стражи, былъ долгъ, требуемый, если не тѣмъ, что онъ лично сего заслуживалъ, то по крайней мѣрѣ нашимъ собственнымъ достоинствомъ. Изложивъ такимъ образомъ вообще чувства наши на счетъ сего предмета, мы приступимъ къ разбору, по порядку, самыхъ важныхъ жалобъ, которыя Наполеонъ и его заступники приводили противъ Англійскаго Правительства за поступки онаго со знаменитымъ узникомъ.

Первая причина къ жалобамъ, о коей мы уже упомянули, состояла въ томъ, что Императорскій титулъ не былъ предоставленъ Наполеону и что съ нимъ обращались и оказывали ему уваженіе только какъ высшаго чина Генералу. На этомъ счетъ Наполеонъ въ особенности упрямился. Онъ не былъ изъ числа тѣхъ Государей, которые — по словамъ Горація — въ нищетѣ и въ изгнаніи соображали титла и рѣчи свои со своимъ положеніемъ. Напротивъ того, съ самаго прибытія въ Плимутъ, онъ съ наивеличайшимъ упорствомъ требовалъ, чтобы съ нимъ обходились, какъ съ коронованною Главою; и, какъ мы уже замѣтили, самымъ обильнымъ поводомъ къ ссорамъ между имъ и спутниками его съ одной стороны, а Губернаторомъ Св. Елены съ другой, было упорное притязаніе Наполеона на почести и формы въ обращеніи съ нимъ, между тѣмъ какъ повелѣнія Британскаго Правительства запрещали уступать въ этомъ; и Наполеонъ, зная обязанность воина, кажется бы, не долженъ былъ болѣе настаивать. Но независимо отъ наставленій Правительства, право Наполеона на отличія державной особы долженствуетъ еще быть разсмотрѣно относительно къ лицу, оныхъ домогавшемуся, и къ Правительству, отъ котораго оныя требовались.

Наполеонъ — нельзя того оспорить — былъ не только Императоромъ, но, можетъ быть, могущественнѣйшимъ, чѣмъ какой когда либо существовалъ; и онъ былъ признанъ таковымъ всѣми Державами Твердой Земли. Но въ 1814 году онъ принужденнымъ нашелся отречься отъ Французской Имперіи и принять въ замѣнъ того титулъ Императора Ельбы. Нарушивъ Парижскій трактатъ, онъ по существу дѣла отрекся отъ царства надъ Ельбою, и Союзники такъ мало были расположены признать вторичное его восшествіе на Французскій престолъ, что онъ былъ объявленъ отъ Вѣнскаго Конгресса лишеннымъ покровительства законовъ. И если даже принять, что сіе вторичное восшествіе могло возстановить его права на Императорскій санъ, коего онъ чрезъ нарушеніе договора лишился, то должно вспомнить, что онъ самъ вторично отрекся и во второй разъ торжественно сложилъ съ себя санъ, въ несчастливый часъ имъ воспріятый. И такъ, если Наполеонъ, послѣ своего вторичнаго отреченія, не имѣлъ основательныхъ притязаній на Императорскій титулъ и почести, даже отъ тѣхъ, которые

прежде признавали его Императоромъ Франціи, то онъ тѣмъ меньше имѣлъ права на титулъ, имъ съ себя сложенный, отъ народа, никогда онаго не признававшаго. Никогда Великобританія не признавала его Императоромъ Франціи; и Лордъ Кастельрегъ именно по этому уклонился отъ участія въ Парижскомъ договорѣ, коимъ онъ былъ признанъ Императоромъ Ельбы. Правда, что Наполеонъ ссылался на заключеніе съ нимъ Аміенскаго договора, когда онъ былъ Первымъ Консуломъ Франціи. Но онъ самъ уничтожилъ Консульское Правленіе, коего онъ былъ главою, и бытность его нѣкогда Первымъ Консуломъ не больше давала ему правъ на достоинство Императора, сколько Директорство Барраса дозволяло ему называться въ послѣдствіи Директоромъ. Ни въ какомъ случаѣ, прямо или косвенно, Великобританія не признавала своего плѣнника царствующимъ Государемъ; и конечно поздно ужъ было ожидать въ настоящемъ его положеніи признанія правъ, которыя находили недостаточными тогда, какъ онъ былъ властелиномъ половины Свѣта.

Но противъ сего можно сказать, что при всей неосновательности притязаній Наполеона на обхожденіе съ нимъ, какъ съ Императоромъ — поелику онъ уже столько лѣтъ дѣйствительно сидѣлъ на престолѣ, то Англійскіе Министры могли бы предоставить ему сей титулъ. Небольшая уступчивость на счетъ обрядовъ чинности, по чувствамъ, выше нами объявленнымъ, кажется, могла бы быть оказана померкшей славѣ и падшему величію.

На сіе отвѣтствуемъ, что если бы уступчивость сія не имѣла другихъ послѣдствій, кромѣ того, чтобы смягчить огорченія Наполеона — когда ужъ онъ могъ находить какое либо утѣшеніе въ пустыхъ звукахъ титула, или если бъ соблюденіе обрядовъ чинности могло сдѣлать для него болѣе сноснымъ положеніе свергнутаго съ престола Государя, не касаясь симъ другихъ отношеній — то въ такой снисходительности конечно не слѣдовало бы ему отказывать.

Но настоящая причина желанія его имѣть титулъ и почести Государя, и отказа въ томъ Британскаго Правительства, имѣла гораздо дальнѣйшій источникъ. Правда, что Наполеонъ имѣлъ слабость — происходящую, можетъ быть, отъ того, что онъ былъ *фелицикомъ* между коронованными Главами Европы — показывать во всякомъ случаѣ величайшую взыскательность на счетъ самаго строгаго соблюденія чинности и формъ относительно къ его особѣ и при Дворѣ его. Но предположивъ, что, по тщеславію своему, равно какъ изъ политики, онъ желалъ строгаго соблюденія наружныхъ формъ, часто устраняемыхъ древняго рода Государями, коихъ права неоспоримы — изъ сего еще не слѣдуетъ, чтобы человѣкъ съ его умомъ и способностями могъ удовольствоваться, хотя бы и предоставленными ему знаками наружнаго уваженія, оказываемыми Великому Моголу, съ тѣмъ условіемъ, чтобы, подобно послѣднимъ потомкамъ Тимура, онъ оставался въ тѣсномъ заточеніи. Умыселъ Наполео-

на, при настоятельномъ его требованіи Императорскаго титула, состоялъ въ томъ, чтобы воспользоваться и присвоенными сему сану правами. Онъ испыталъ уже на Ельбѣ пользу этикета, служившаго преградою между его особою и всякимъ непріятнымъ для него посѣтителемъ. По признаніи его Императоромъ, само собою разумѣется, что съ нимъ бы слѣдовало во всякомъ случаѣ обходиться сообразно сему сану, а чрезъ это сдѣлалось бы невозможнымъ наблюдать въ строгости правила, постановленныя для его стражи. Такое преимущество, однажды дарованное, доставило бы Наполеону средство къ возраженію противъ всѣхъ предосторожностей, могущихъ быть принятыми для предупрежденія его побѣга. Слыхано ли, чтобы Императора ограничивали въ его прогулкахъ, или чтобы за нимъ въ извѣстныхъ случаяхъ ходилъ офицеръ и присматривали часовые? И какъ бы стали, не нарушая уваженія къ особѣ коронованной Главы, брать предосторожности противъ его побѣга, хотя сіе, въ положеніи Наполеона Бонапарте, было и необходимо? И такъ тѣ читатели, по мнѣнію коихъ Наполеона слѣдовало лишить свободы, должны также согласиться въ томъ, что Британское Правительство поступило бы неблагоразумно, предоставивъ ему безъ причины званіе, въ коемъ оно до сихъ поръ ему отказывало и притомъ въ такую минуту, когда, сдѣлавъ сіе, оно бы увеличило затруднительность безопаснаго за нимъ надзора.

Дѣло однако жъ даже и симъ еще не оканчивается; ибо не только Великобританія имѣла полную власть отказать Наполеону въ титулѣ, на который права его она никогда не признавала, — не только предоставленіе ему онаго сопряглось бы съ великими, существенными неудобствами, но притомъ она не могла исполнить его желанія, не подавъ сильнаго повода къ жалобамъ Союзнику своему, Королю Французскому. Если бъ Наполеонъ былъ названъ Императоромъ, то сей титулъ могъ бы быть примѣненъ къ одной только Франціи, а если бъ его признать Императоромъ Франціи, то какой же земли былъ бы Королемъ Лудовикъ XVIII? Многія войны не имѣли другой причины, кромѣ того, что Правительство одной какой либо земли давало титулъ Государя и оказывало царскія почести человѣку, отыскивающему престолъ другой страны, и причина сія признается законною для брани по народнымъ правамъ. Правда, что при такихъ обстоятельствахъ Лудовикъ не принялъ бы предполагаемаго признанія царскаго сана его соперника за столь же важное оскорбленіе, какимъ сочла Англія признаніе Лудовикомъ XIV Государями изгнанныхъ Стуартовъ; но все таки сіе вѣроятно бъ сдѣлалось основательнымъ поводомъ къ неудовольствіямъ; тѣмъ болѣе, что признаніе Англіею требуемаго Наполеономъ Императорскаго титула, могло бы возбудить опасныя воспоминанія и поощрить духъ мятежническихъ шаекъ во Франціи.

Но, не взирая на все сказанное нами, мы чувствуемъ, что непри-

лично было бы обходиться съ человѣкомъ, нѣкогда столь могущественнымъ, съ такою же короткостью, какую можно бы ему оказывать тогда, если бъ онъ не болѣе возвысился надъ другими, какъ до званія Генерала Бонапарте. Сиръ Гудзонъ Лоу предлагалъ было, при обращеніи къ плѣннику, употреблять одно имя Наполеонъ, какъ болѣе возвышенное. Кромѣ сего, удобное и приличное средство было во власти самого изгнанника. Наполеону слѣдовало бы только подражать примѣру другихъ Государей, которые, при путешествіяхъ своихъ въ чужія земли, или по инымъ обстоятельствамъ, обыкновенно принимаютъ какое либо условное названіе, не отрекаясь чрезъ сіе отъ правъ своихъ на слѣдующія Монархамъ почести, но освобождая чрезъ то отъ оказанія имъ оныхъ людей, находящихся съ ними въ сношеніяхъ. Лудовикъ XVIII былъ чрезъ то не менѣе законнымъ Королемъ Франціи, что онъ многіе годы и въ разныхъ земляхъ именовался только Графомъ Лильскимъ. Мысль сія представлялась даже самому Наполеону; ибо, говоря однажды объ условіяхъ пребыванія своего въ Англіи, онъ сказалъ, что онъ безпрекословно принялъ бы имя Мірона, одного изъ его адъютантовъ, убитаго подлѣ него въ Аркольскомъ сраженіи. Но кажется, что Наполеонъ, болѣе привязанный къ почестямъ, чѣмъ Государь, привыкшій къ онымъ съ самой колыбели, полагалъ, что, прикрывъ такимъ образомъ свое величество, онъ сдѣлаетъ слишкомъ большую уступку Губернатору Св. Елены. Сиръ Гудзонъ Лоу, желая положить конецъ этимъ глупымъ распрямъ, предложилъ однажды употреблять титулъ Превосходительства, присвоенный Фельдмаршалу; но и на это не послѣдовало согласія. Наполеонъ рѣшился или быть признаннымъ отъ Губернатора Императоромъ или удержать во всей полнотѣ свои причины къ жалобамъ. Никакими средствами не могли сдѣлать ихъ для него болѣе сносными.

Происходило ли сіе упорное требованіе титула, — въ его положеніи страннаго — отъ какихъ либо чувствъ, заставлявшихъ его сомнѣваться въ собственномъ своемъ величіи, когда слуху его не льстили болѣе раболѣпными рѣчами, или вышеприведенные политическіе виды побуждали его отказываться отъ всѣхъ другихъ названій, кромѣ того, чрезъ которое онъ могъ бы пріобрѣсть выгоды и преимущества, присвоенныя сему высокому сану и, можно сказать, съ онымъ неразлучныя — сего мы не въ состояніи рѣшить; тщеславіе и политика могли совокупно утверждать его въ сей упорной настойчивости. Но, для собственной своей пользы, ему бы слѣдовало прекратить споръ сей; ибо если бъ Губернаторъ и самъ пожелалъ исполнить желаніе плѣнника, то не могъ бы, поелику сіе запрещалось данными ему наставленіями. Продолжать безполезную борьбу, значило только подвергаться оскорбительной неудачѣ и отказамъ. Однако жъ Наполеонъ и его приближенные сильно на сіе негодовали; и хотя имъ не могло не быть извѣстно, что эти выраженія пред-

писаны Сиру Гудзону Лоу его Правительствомъ, и что онъ даже не смѣлъ бы употребить другихъ, но это несчастное слово *Генералъ Бонапарте*, такъ часто встрѣчалось въ ихъ перепискѣ, что всякая попытка къ соглашенію дѣлалась только поводомъ къ обидамъ и уподобляла сіи покушенія грубому холсту, еще болѣе растравляющему рану, которую ему бы слѣдовало прикрывать.

Кто бы въ этомъ дѣлѣ ни былъ правъ, Наполеонъ или Британское Министерство, а очевидно, что Сиръ Жоржъ Кокбёрнъ и Сиръ Гудзонъ Лоу, будучи связаны своими наставленіями, не могли выбирать. Въ этихъ наставленіяхъ было сказано, что они должны обходиться съ Наполеономъ не иначе, какъ съ военноплѣннымъ Генераломъ; и что они подвергнутся отвѣтственности, давая ему высшій титулъ, или оказывая ему болѣе почестей, чѣмъ сколько присвоено сему званію. Никто не могъ знать лучше Наполеона, какъ строго военный человѣкъ долженъ исполнять свои обязанности, и укорять Сира Гудзона Лоу въ недостаткѣ великодушія, человѣколюбія и такъ далѣе, за то, что онъ повиновался даннымъ ему приказаніямъ, было столь же безразсудно, какъ и ожидать, что такіе упреки могутъ произвести что либо, кромѣ неудовольствій и ссоры. Ему бы слѣдовало вспомнить, что, изъявляя въ грубыхъ, оскорбительныхъ выраженіяхъ гнѣвъ свой за то, что офицеръ не даетъ ему титула, запрещеннаго его Правительствомъ, онъ только раздражалъ того, котораго ему бы должно стараться расположить къ себѣ, нисколько чрезъ то не подвигаясь къ цѣли, столь пламенно имъ желаемой.

И дѣйствительно, этотъ пустой, но несчастный предметъ ссоры дошелъ до такой утонченности, что онъ вкрадывался во всѣ сношенія Наполеона съ Губернаторомъ и отравлялъ желчью всѣ дѣлаемыя послѣднимъ попытки, поддержать хоть сколько нибудь вѣжливость и доброе согласіе. Эта пагубная преграда чинности мѣшала всѣмъ предупредительнымъ усиліямъ. Сиръ Жоржъ Кокбёрнъ, напримѣръ, далъ нѣсколько баловъ, на которые *Генералъ Бонапарте* и свита его были постоянно приглашаемы. Въ подобныхъ обстоятельствахъ, Генрихъ IV или Карлъ II вѣрно приняли бы его приглашеніе и поплясали бы на балѣ съ хорошенькими женщинами, не заботясь о томъ, что чрезъ сіе нарушаются права, основанныя на ихъ древнемъ, царскомъ происхожденіи. Бонапарте и Ласъ-Казъ, напротивъ того, сочли за обиду такую короткость и замѣтили оную у себя, какъ одно изъ самыхъ непростительныхъ оскорбленій со стороны Адмирала. Эти чувства были свойственны не человѣку, убѣжденному въ своемъ величіи, но такому, который полагаетъ почесть не столько въ томъ, чтобы существенно пользоваться высокимъ саномъ, пріобрѣтеннымъ чрезъ превосходные таланты, сколько въ томъ, чтобы носить одежды или слушать пышныя титла, оному присвоенныя.

Предметъ, гораздо болѣе возбуждающій участіе наше къ положенію

Наполеона, чѣмъ отнятіе у него Императорскаго пишула, есть завѣса, которая была какъ будто припянута между имъ и прочими, живущими на свѣтѣ людьми, и чрезъ которую не могло проникнуть ни одно письмо, даже къ самымъ близкимъ его родственникамъ и друзьямъ, не будучи предварительно сообщено Губернатору и имъ прочитано.

Правда, что сему неудобству подвергнуты во всѣхъ земляхъ военноплѣнные и что нигдѣ не считаютъ честное ихъ слово достаточнымъ для того, чтобы не разсматривать ихъ письма. Но высокое званіе, столь недавно еще занимаемое симъ падшимъ Монархомъ, кажется, могло бы доставить ему исключеніе на счетъ такого унизительнаго осмотра. Если посторонній человѣкъ, совершенно хладнокровный, и можетъ быть расположенный презрительно смотрѣть на выраженія нашей скорби или нѣжности, имѣетъ право читать все, что въ сердечномъ изліяніи мы говоримъ женѣ нашей, сестрѣ, брату или задушевному другу, то переписка теряетъ половину цѣны своей; и чрезъ принужденіе ограничивать оную предѣлами самой строгой осторожности, она становится для насъ скорѣе новымъ предметомъ огорченій, чѣмъ средствомъ сближенія съ отсутствующими особами, коихъ дружбу и привязанность мы считаемъ драгоцѣннѣйшею вещью въ мірѣ. Мы также полагаемъ, что такое для Наполеона послабленіе могло бы быть сдѣлано, не подвергая никакой опасности стражу надъ его особою; ибо мы совершенно увѣрены, что, не взирая на соблюдаемую въ этомъ строгость, она не достигла своей цѣли и что иногда за деньги, а иногда чрезъ состраданіе, онъ и его спутники всегда находили средства отправлять съ острова письма, миновавшія глазъ Губернатора. Что же касается до опасности, которой остерегались, то она гораздо скорѣе могла произойти отъ потайной переписки, чѣмъ отъ явной, хотя и въ запечатанныхъ письмахъ, производимой съ дозволенія Правительства. Мы замѣтимъ еще, что по осторожности Полиціи во всѣхъ земляхъ на счетъ писемъ, получаемыхъ съ острова Св. Елены, мало слѣдовало опасаться, чтобы чрезъ почту стали устроивать какія либо козни. И такъ, предположивъ, что изгнаннику было бы дозволено свободно писать, онъ поостерегся бы чрезъ сіе средство устроить побѣгъ свой. Ему все бы слѣдовало прибѣгнуть къ тайной перепискѣ, которая конечно возбудила бы подозрѣніе всякаго благонамѣреннаго человѣка; ибо поелику обыкновенныя средства сообщенія были для плѣнника открыты, то онъ не могъ ни подъ какимъ основательнымъ предлогомъ искать косвенныхъ путей для отсылки съ острова своихъ писемъ. Но излагая такимъ образомъ наше мнѣніе, мы нисколько чрезъ то не хотимъ сказать, чтобы Наполеонъ имѣлъ право на такое изъятіе; и положеніе его, какъ военноплѣннаго и притомъ весьма важнаго, давало Британскому Правительству право подчинять его всѣмъ обычнымъ при такихъ случаяхъ ограниченіямъ.

Другая причина къ жалобамъ На-

полеона и его заступниковъ основывалась на постановленіи, которое кляется намъ столь необходимымъ для обезпеченія стражи надъ плѣнникомъ, что мы даже удивляемся тому, что отъ онаго въ иныхъ случаяхъ отступали; ибо если бъ оно всегда надлежащимъ образомъ соблюдалось, то была бы возможность смягчить другія, болѣе тягостныя предосторожности. Правило, о которомъ мы говоримъ, состояло въ томъ, чтобы Наполеонъ два раза, или по крайней мѣрѣ одинъ разъ въ сутки показывался дежурному Англійскому офицеру. Если бъ Бонапарте безотговорочно покорился сему постановленію, то оно бы могло служить самымъ вѣрнымъ обезпеченіемъ противъ возможности его побѣга. Съ того часа, когда его видѣлъ офицеръ, до того времени, пока опять пришлось бы его свидѣтельствовать, ни одно судно не было бы отпущено съ острова, и предположивъ, что офицеръ не нашелъ бы его въ опредѣленный часъ, тревога повсюду бы распространилась, и хотя бы онъ скрылся гдѣ либо въ городѣ или на одномъ изъ кораблей, на рейдѣ стоящихъ, а его непремѣнно бы отыскали. Слѣдовательно слишкомъ на многое надобно бы отважиться для того, чтобы сдѣлать такую опасную попытку. Можно бы легко устроить, чтобы дежурный офицеръ исполнялъ сей приказъ съ наивозможною къ Наполеону уважительностью и чтобы послѣдній самъ избиралъ, когда и какъ ему на одну минуту показаться. Въ такомъ случаѣ, сообразивъ, какъ много было взято другихъ предосторожностей для воспрепятствованія его побѣгу — что всѣ, ведущія къ берегу дороги были бдительно стрегомы — и что островъ превратился въ цитадель, коей главными обитателями сдѣлались солдаты, — предположеніе, чтобы Наполеонъ покусился бѣжать, даже имѣя позволеніе ходить по всему острову, было невѣроятно, а успѣхъ сего замысла почти невозможенъ. Но для сего ему слѣдовало согласиться показывать себя въ извѣстный часъ Британскому офицеру; а Наполеонъ, рѣшась ни въ чемъ не уступать обстоятельствамъ, всѣми возможными средствами противился исполненію сего важнаго устава. Во многихъ случаяхъ Сиръ Гудзонъ Лоу закрывалъ на это глаза, довольствуясь тѣмъ, что дежурный офицеръ, не могши иначе увидать Наполеона, хоть мимоходомъ усматривалъ его прогуливающагося или ѣдущаго верхомъ, а иногда даже и только въ окно. Не такимъ образомъ слѣдовало бы исполнять это важное приказаніе, и Губернаторъ дурно былъ вознагражденъ, приплвъ на свою отвѣтственность упущеніе сей предосторожности.

Мы уже видѣли, что пространство, имѣющее въ окружности болѣе двѣнадцати миль, было предоставлено для свободной прогулки Наполеона. Никто чужой не вступалъ въ эту ограду безъ даннаго Бертраномъ пропуска; и Императоръ имѣлъ полную свободу гулять въ ней или ѣздить верхомъ безъ всякаго другаго сопровожденія, кромѣ своихъ приближенныхъ. Эти заповѣдныя границы Наполеону не дозволялось преступать иначе, какъ въ сопровожде-

ніи Англійскаго офицера; но съ такимъ стражемъ онъ могъ ѣздить по всему острову. Наполеона огорчало это распоряженіе, еще болѣе того, по которому Англійскій офицеръ долженъ былъ однажды въ день его видѣть. Были еще и другія неудовольствія; но какъ всѣ они большею частью возникали отъ частныхъ распрей съ Сиромъ Гудзономъ Лоу, отъ распоряженій, дѣлаемыхъ симъ офицеромъ, и отъ другихъ, незначительныхъ ограниченій, то мы удовольствуемся на эту минуту изображеніемъ жалобъ, болѣе важныхъ, коихъ причины, хотя стѣснительныя, но неразлучныя съ положеніемъ заключеннаго, походили на цѣпи узника, менѣе тяжкія, когда онъ имъ покорствуетъ, чѣмъ тогда, какъ онъ старается сорвать ихъ съ рукъ своихъ. Мы однако жъ вовсе не хотимъ чрезъ сіе сказать, чтобы бремя цѣпей и принужденіе легко было сносить. Мы живо чувствуемъ, сколь заключеніе долженствовало казаться тяжкимъ для того, который не только пользовался совершенною свободою въ своихъ собственныхъ поступкахъ, но имѣлъ неограниченное право распоряжать поступками другихъ. Нетерпѣливость, однако же, какъ въ этомъ, такъ и въ другихъ случаяхъ только усилила зло. Не взирая на то, что Бонапарте, находясь на островѣ Св. Елены, имѣлъ такъ много времени размышлять, мы не видимъ, чтобы онъ хоть разъ подумалъ о томъ, что несчастное его положеніе происходило не отъ тѣхъ, коимъ поручено было его стеречь, а отъ его честолюбія, которое, не уважая ни свободы Франціи, ни независимости Европы, наконецъ сдѣлали личную его свободу несовмѣстною съ правами всего свѣта вообще. Онъ чувствовалъ тягость своего положенія, но не могъ или не хотѣлъ вникать въ причины онаго. Невозможно вспоминать объ немъ иначе, какъ представляя его себѣ неустрашимымъ львомъ, посаженнымъ въ тѣсную клѣтку и показывающимъ ярость свою, отъ коей нѣкогда трепетали лѣса, надъ рѣшетками и засовами, которые, не взирая на свою незначительность, противятся необычайной его силѣ и удерживаютъ его въ плѣну.

Такое положеніе было конечно горько; и нельзя не принимать участія, не только въ самомъ узникѣ, но даже и въ томъ, кому была поручена трудная обязанность стеречь его. Обязанность сія долженствовала исполняться съ наивеличайшею строгостью, и требовала человѣка необычайно твердаго, котораго чувства никогда бы не брали власти надъ разсудкомъ, который былъ бы способенъ обнаруживать и опровергать всѣ хитрые доводы, употребляемые съ тѣмъ, чтобы отклонить его отъ строгаго исполненія обязанностей. Но въ то же время, съ этими рѣдкими качествами, ему слѣдовало соединять столь же трудное хладнокровіе и возвышенность духа, посредствомъ коихъ, будучи увѣренъ въ своемъ собственномъ благородствѣ и праводушіи, онъ бы могъ терпѣливо и съ состраданіемъ смотрѣть на ежедневныя, ежечасныя муки, причиняемыя безразсуднымъ честолюбіемъ и терзающія безпрерывною раздражитель-

ностью необыкновеннаго человѣка, находящагося подъ ихъ вліяніемъ. Дѣйствительно, Бонапарте и подражавшіе ему, его приближенные, могли быть сочтены людьми, дѣйствующими и говорящими подъ лихорадочнымъ вліяніемъ минувшихъ событій и совершенно лишенными способности къ хладнокровной разсудительности, основанной на одномъ настоящемъ положеніи дѣлъ. Императоръ не могъ забыть своего царства, супругъ — жены своей, отецъ — своего сына, герой — своихъ побѣдъ, законодатель — своей власти. Неестественно было, чтобы умъ, волнуемый такими воспоминаніями, пребылъ хладнокровенъ при столь ужасной перемѣнѣ или могъ бы спокойно помышлять о томъ, чѣмъ онъ былъ, представляя себѣ чрезвычайную противоположность настоящаго своего состоянія съ прошедшимъ. Смягчать сіи огорченія было бы тщетною попыткою; но честь Англіи требовала не подавать ему никакой причины къ раздраженію, кромѣ того, чего требовала необходимость, довольно уже тяжкая по званію узника.

Изъ сказаннаго нами о свойствахъ Сира Жоржа Кокбёрна можно заключить, что онъ старался сколько могъ, не нарушая только своей обязанности, сдѣлать положеніе Наполеона болѣе сноснымъ. Разные авторы, Докторъ О'Мера, Ласъ-Казъ, Сантини и другіе, сильно писавшіе противъ поступковъ Сира Гудзона Лоу, выставляли поведеніе Сира Жоржа Кокбёрна человѣколюбивымъ, почтеннымъ и снисходительнымъ. Однако жъ, когда изгнанники почувствовали неудобства пребыванія своего на островѣ Св. Елены и когда мечтательныя надежды ихъ навѣки угасли, то Наполеонъ и его приближенные стали заводить безразсудныя распри съ Адмираломъ. Въ такихъ случаяхъ, Сиръ Жоржъ съ непоколебимостью слѣдовалъ прямымъ путемъ своей обязанности, предоставляя Французскимъ плѣнникамъ сколько имъ угодно гнѣваться, и вновь вступая съ ними въ сообщеніе, какъ только они обнаруживали къ тому охоту. Вѣроятно, что эта непоколебимость, не взирая на многіе похвальные отзывы о поступкахъ Сира Жоржа съ ними, навлекла ему отъ Г. Ласъ-Каза порицаніе, а отъ Наполеона нѣчто, даже похожее на обиду. Поелику, не взирая на все сіе, признано, что Сиръ Жоржъ Кокбёрнъ исполнилъ свою противъ нихъ обязанность съ кротостью и умѣренностью, то мы не можемъ не разобрать сдѣланныхъ на него жалобъ, показывающихъ, сколько сіи несчастные были раздражены противъ тѣхъ, которымъ нечего было больше дѣлать, какъ исполнять обязанность, возложенную на нихъ Государемъ и отечествомъ.

Съ опасностью наскучить нашимъ читателямъ, мы приведемъ здѣсь жалобы Ласъ-Каза, который откровенно признается, что досада, произведенная ихъ положеніемъ, могла имѣть нѣкоторое вліяніе на судъ его о поступкахъ Сира Жоржа Кокбёрна; и послѣ каждой изъ сихъ жалобъ, помѣстимъ въ отвѣтъ наше по оной мнѣніе.

1. Адмирала обвиняютъ въ томъ,

что онъ называлъ Императора Наполеона *Генераломъ Бонапарте*, и произносилъ слова сіи съ видомъ самодовольствія, показывающимъ, сколько это ему нравилось. — На сіе отвѣтствуемъ, что наставленіями Сира Жоржа Коккёрна именно предписывалось давать Наполеону сей титулъ; что же касается до вида, съ коимъ онъ будто бы произносилъ слова сіи, то это преувеличено.

2. Наполеонъ былъ содержанъ два мѣсяца въ Брейерсѣ, между тѣмъ какъ самъ Адмиралъ жилъ въ Планшешенъ-Гоузѣ. — Отвѣчаемъ, что Правительство приказало, дабы Наполеонъ оставался на кораблѣ, пока для него приготовятъ домъ; но нашедъ, что сіе можетъ продлиться долѣе, чѣмъ предполагали, Сиръ Жоржъ Коккёрнъ на свою отвѣтственность перевезъ его на берегъ и помѣстилъ его въ Брейерсѣ, имъ самимъ предпочтительно избранномъ.

3. Адмиралъ поставилъ часовыхъ подъ окнами Наполеона. — Такимъ образомъ обыкновенно дѣлаютъ съ важными узниками; въ особенности же, если ими не дано честнаго слова, что они не будутъ покушаться къ побѣгу.

4. Сиръ Жоржъ Коккёрнъ не позволялъ никому безъ вѣдома своего посѣщать Наполеона. — Это было необходимымъ слѣдствіемъ его положенія, дабы сіе позволеніе получали только такіе посѣтители, которыхъ можно было съ безопасностью допускать къ столь важному плѣннику.

5. Онъ пригласилъ Наполеона на балъ, назвавъ его просто *Генераломъ Бонапарте*. — На счетъ сего титула было уже говорено; и не видно, почему употребленіе онаго въ приглашеніи на балъ было болѣе оскорбительно, чѣмъ при другихъ случаяхъ, гдѣ Адмиралъ долженъ былъ такъ именовать своего плѣнника.

6. Сиръ Жоржъ Коккёрнъ, безпрестанно получая отъ Бертрана записки, въ коихъ плѣнникъ именовался Императоромъ, насмѣшливо сказалъ, что онъ не знаетъ никакого Императора на островѣ Св. Елены и не слыхалъ, чтобы какой либо Европейскій Императоръ въ то время путешествовалъ. — На сіе можно отвѣтствовать наставленіями, данными Сиру Жоржу Коккёрну, и тѣмъ, что если Императоръ властенъ отречься отъ своего сана, то ужъ конечно Наполеонъ не былъ онымъ болѣе.

7. Сиръ Жоржъ Коккёрнъ взыскивалъ и съ другихъ за эту статью, и посадилъ подъ стражу нѣкоторыхъ изъ своихъ подчиненныхъ, употреблявшихъ титулъ Императора. — Отвѣтствуемъ, какъ и выше, что, имѣя повелѣніе не дозволять, чтобы Наполеона именовали Императоромъ, онъ былъ обязанъ наблюдать за исполненіемъ сего. Онъ даже не показалъ на счетъ сего слишкомъ большой строгости; ибо Ласъ-Казъ сообщаетъ, что офицеры 53-го полка, въ угодность плѣннику, называли его просто Наполеономъ и вѣроятно не противъ воли Губернатора.

Наконецъ остается только прибавить жалобу на то, что назна-

чался дежурный офицеръ для сопровожденія Наполеона за извѣстные предѣлы, — предосторожность весьма полезная и даже необходимая тамъ, гдѣ требуется за узникомъ бдительный надзоръ.

Изъ всѣхъ вышеприведенныхъ жалобъ читатель ясно увидитъ, что гнѣвъ Ласъ-Каза и его повелителя устремлялся не столько противъ Сира Жоржа Кокбёрна лично, какъ противъ его обязанности; и что Адмиралъ былъ бы ими расхваленъ, если бъ онъ могъ, уклонясь отъ своего долга, поступать съ Наполеономъ какъ съ Императоромъ и какъ со свободнымъ человѣкомъ, являлся бы къ нему, подобно Сиру Нилю Камбелю, только тогда, какъ сіе дозволялось этикетомъ Императорскаго Двора, и подвергнулъ бы себя опасности, въ награду за свою снисходительность неожиданно узнать, что Наполеонъ отплылъ въ Америку или, можетъ быть, во Францію. Вопросъ о томъ, имѣла ли Англія или, лучше сказать, Европа, право держать Наполеона въ плѣну, былъ рже разсмотрѣнъ. Если онѣ не имѣли сего права и если слѣдовало подвергнуться опасности вторичнаго возстанія Франціи и вторичной Ватерлоской битвы скорѣе, чѣмъ унизить достоинство Наполеона Бонапарте или стѣснить его свободу, въ такомъ случаѣ онъ могъ жаловаться на Министровъ, но не на офицера, коему наставленія служили вмѣстѣ и руководствомъ и оправданіемъ.

Между тѣмъ какъ сіе происходило на островѣ Св. Елены, Англійскій Кабинетъ старался еще болѣе обезпечить заключеніе бывшаго Императора посредствомъ Парламентскаго указа, воспрещающаго торговлю и всякое сношеніе съ островомъ Св. Елены всѣмъ, кромѣ кораблей Остъ-Индской Кампаніи, снабженныхъ законнымъ на то дозволеніемъ. Всѣ прочія, не имѣющія такого дозволенія суда, которыя покусились бы торговать съ островомъ, приставать къ оному, или даже бросить якорь ближе осьми миль отъ Св. Елены, были бы браны въ казну. Люди съ приходящихъ въ портъ судовъ, и прочіе, посѣщающіе островъ, могли быть отсылаемы обратно на корабли свои по усмотрѣнію Губернатора; тѣ же, кои бы стали укрываться на берегу, подвергались наказанію. Судамъ позволялось приближаться къ острову въ бурю, но отъ нихъ требовалось доказательствъ, что сіе было необходимо, и во все время пребыванія своего у острова Св. Елены, они находились подъ строгимъ надзоромъ. Особенною статьею слагалась отвѣтственность съ Губернатора и съ прочихъ чиновниковъ въ томъ, что они дѣлали уже прежде сверхъ правилъ, симъ указомъ постановленныхъ съ тѣхъ поръ, какъ Наполеонъ былъ ввѣренъ ихъ стражѣ. Симъ указомъ, 56-мъ при Георгѣ III, утверждено заключеніе Наполеона на островѣ Св. Елены.

Другой договоръ между главнѣйшими Европейскими Державами былъ заключенъ въ Парижѣ 20 Августа 1815 года, на счетъ Наполеона и его заключенія. Онымъ положено: 1. Что для предупрежденія всѣхъ дальнѣйшихъ покушеній Наполеона

Бонапарте противъ спокойствія Свѣта, онъ признается плѣнникомъ четырехъ Высокихъ договаривающихся Государей: Короля Великобританіи и Ирландіи, Императора Австрійскаго, Императора Россійскаго и Короля Прусскаго. 2. Что заключеніе его особы предоставляется Британскому Правительству, равно какъ выборъ надежнѣйшаго мѣста и средствъ къ его стражѣ. 3. Что Дворы Австрійскій, Россійскій и Прусскій назначатъ Комисаровъ, для жительства тамъ же, гдѣ будетъ избрано пребываніе Наполеона Бонапарте, которые, не отвѣтствуя за стражу его особы, будутъ свидѣтельствовать его тамъ присутствіе. Его Христіаннѣйшее Величество также приглашается послать туда Комисара. 4. Король Великобританскій обязывается свято исполнять условія, предписанныя ему симъ договоромъ.

Изъ сихъ Державъ, только три воспользовались властью или правомъ послать Комисаровъ на островъ Св. Елены. Оные были: Графъ де Бальменъ отъ Россіи, Баронъ Штурмеръ отъ Австріи и бывшій эмигрантъ, Маркизъ де Монтесіо, отъ Франціи. Пруссія, кажется, сочла издержку содержанія Комисара на островѣ Св. Елены безполезною. И точно, ни одинъ изъ сихъ Комисаровъ не имѣлъ большаго вліянія на островѣ Св. Елены; но присутствіе ихъ было необходимо, дабы все, происходившее тамъ, состояло подъ надзоромъ уполномоченныхъ отъ Высокихъ Державъ, заключившихъ Парижскій договоръ. Заключеніе Наполеона стало теперь дѣломъ не одной только Англіи, но всей Европы, и сочтено самыми могущественными Державами оной мѣрою, необходимою для общественнаго спокойствія.

За нѣсколько мѣсяцевъ до пріѣзда сихъ Комисаровъ, Сиръ Жоржъ Кокбёрнъ освободился отъ своей трудной обязанности чрезъ назначеніе Губернаторомъ Св. Елены Сира Гудзона Лоу, который пробылъ на этомъ мѣстѣ и стерегъ особу Наполеона до самой смерти сего достопримѣчательнаго человѣка. Поступки сего офицера были порицаемы во многихъ книгахъ о Наполеоновомъ заключеніи съ такою язвительностью, что невоздержность сихъ упрековъ отнимаетъ у нихъ силу, и заставляетъ сомнѣваться въ сдѣланныхъ противъ Сира Гудзона Лоу обвиненіяхъ, которыя кажутся слѣдствіемъ личной непріязни. Съ другой стороны, Сиръ Гудзонъ Лоу долженъ бы самъ опровергнуть или объяснить многія жалобы, на которыя до сихъ поръ ничего не было отвѣтствовано, для того, чтобы мы могли признать его человѣкомъ, одареннымъ тѣми высокими и рѣдкими качествами, которыя требовались для исполненія сей важной обязанности.

Сиръ Гудзонъ Лоу заслужилъ чины свои въ арміи, особенно же находясь въ Средиземномъ морѣ при содержимомъ тамъ Англіею иноземномъ отрядѣ. Тамъ онъ пріобрѣлъ свѣдѣнія во Французскомъ и въ Италіянскомъ языкахъ; что дѣлало его наиболѣе способнымъ для занятія вновь порученной ему должности. Въ кампанію 1814 года онъ

находился при арміи Союзниковъ и состоялъ въ перепискѣ съ Англійскимъ Правительствомъ, донося оному о военныхъ дѣлахъ; часть сихъ донесеній была напечатана, и показываетъ умъ и таланты сочинителя. Сиръ Гудзонъ Лоу получилъ отъ многихъ Союзныхъ Государей и отъ ихъ Генераловъ самые почетные знаки признательности за оказанныя имъ услуги. Такимъ образомъ онъ имѣлъ случай обходиться со знатными людьми и привыкъ къ важнымъ дѣламъ; сверхъ того подробно справились о томъ, на какомъ счету онъ находился относительно его чести, прежде чѣмъ его назначили. Всѣ сіи свѣдѣнія легко было собрать, и они оказались благопріятными для Сира Гудзона Лоу.

Но были еще другія, не менѣе важныя качества, обладаніе коими могло только опытомъ быть дознано. Въ необходимомъ, напримѣръ, хладнокровіи нельзя было удостовѣриться иначе, какъ когда онъ на дѣлѣ показалъ бы, что имѣетъ оное. Тоже самое можно сказать о твердости и рѣшительности, которыя указываютъ человѣку прямой путь его долга — устраняютъ всякое недоумѣніе при исполненіи его обязанности — внушаютъ ему увѣренность, что онъ точно сдѣлалъ то, что слѣдовало и, доставляя ему возможность противиться всѣмъ средствамъ, которыя бы употребили для совращенія его съ пути, заставляютъ его презирать клевету, на него взводимую.

Не зная Сира Гудзона Лоу лично и считая его благороднымъ, благовоспитаннымъ человѣкомъ, мы не можемъ, разсматривая поступки его, при всякомъ устраненіи привязокъ личныхъ враговъ его, не видѣть въ нихъ слѣдовъ пылкаго, раздражительнаго характера, который, кажется, выводилъ его изъ границъ и заставлялъ забывать, что узникъ его находился въ такомъ положеніи, что на самые безразсудные и досадные поступки его нельзя было сердиться, подобно какъ на другихъ людей, и отмщать ему. Положеніе Наполеона лишало его возможности наносить какую либо обиду, а потому человѣкъ, коему онъ бы хотѣлъ оную сдѣлать, долженствовалъ оставаться хладнокровнымъ и непоколебимымъ. Повидимому, это не всегда соблюдалось.

Равнымъ образомъ кажется, что Сиръ Гудзонъ Лоу, тревожимый важностью и затруднительностью своего положенія, предавался сильной раздражительности, въ слѣдствіе коей онъ часто дѣлалъ въ своихъ постановленіяхъ перемѣны, и принималъ мѣры, послѣ имъ отмѣняемыя или опять вводимыя. Такая неопредѣлительность доставляла Наполеону справедливый поводъ къ жалобамъ; ибо хотя плѣнникъ и можетъ нѣсколько привыкнуть къ цѣпямъ, ежедневно одинаковымъ образомъ имъ носимымъ, но онъ выйдетъ изъ терпѣнія, если каждый день будутъ что либо въ нихъ перемѣнять.

Вѣроятно, что пылкость Сира Гудзона Лоу нравилась Наполеону тѣмъ, что она доставляла ему средства къ возмездію надъ человѣкомъ, который служилъ непосредственнымъ орудіемъ къ его заключенію, заставляя его раздѣлять часть пы-

гости, имъ самимъ чувствуемой. Сиръ Жоржъ Кокбёрнъ былъ совсѣмъ иныхъ свойствъ. Онъ исполнялъ свою обязанность, не заботясь о томъ, что Наполеонъ думаетъ и говоритъ. Новый Губернаторъ не имѣлъ сего хладнокровія, его можно было разсердить, и слѣдовательно имѣть надъ нимъ поверхность. Такимъ образомъ Наполеонъ могъ наслаждаться удовольствіемъ мщенія, столь свойственнымъ сердцу человѣческому, огорчая того, который былъ исполнителемъ, хотя и не виновникомъ стѣсняющихъ его мѣръ. Но Наполеонъ не ограничивался только тѣмъ, чтобы дразнить Губернатора. Видъ его простирались гораздо далѣе, и такое поведеніе имѣло цѣлью возвратить себѣ свободу и приготовить средства, чрезъ которыя онъ надѣялся ее получить. Это заставляетъ насъ разсмотрѣть, на чемъ надежды сіи основывались, и представить читателямъ неоспоримыя свидѣтельства о томъ, какой политикѣ слѣдовали въ Лонгвудскомъ Совѣтѣ.

Должно прежде сказать, что Французы, которые столь благороднымъ образомъ доказали свою вѣрность, послѣдовавъ за Наполеономъ, дабы смягчить его бѣдствіе своимъ сообществомъ, не были соединены между собою никакими другими узами, кромѣ общаго уваженія къ ихъ злополучному повелителю. Не связанные, ни дружествомъ, ни одинаковыми чувствами или намѣреніями, не удивительно, что офицеры сіи, сѣдаемые скукою и ощущая досаду, обыкновенно производимую такимъ положеніемъ, имѣли размолвки и даже настоящія ссоры, не только съ Губернаторомъ, но и между собою. Въ этихъ обстоятельствахъ Генералъ Гурго отличился отъ прочихъ своимъ поведеніемъ. Послѣ Парижскаго мира, офицеръ сей былъ Адъютантомъ Герцога Беррійскаго, и оставилъ сіе званіе при возвратѣ Наполеона въ эпоху Ста Дней. Находясь при Императорѣ въ минуту его паденія, онъ счелъ долгомъ сопутствовать ему на островъ Св. Елены. Въ бытности свою тамъ, онъ менѣе принималъ участія въ жалобахъ Наполеона и въ распряхъ его съ Губернаторомъ, чѣмъ Генералы Бертранъ и Монтолонъ, и Графъ Ласъ-Казъ; не заводилъ никакихъ козней съ жителями и былъ почитаемъ отъ Сира Гудзона Лоу храбрымъ, вѣрнымъ воиномъ, который послѣдовалъ за своимъ Государемъ въ несчастіи, нисколько не участвуя въ дѣлахъ, считаемыхъ Губернаторомъ посягательствомъ на власть его. Таковымъ онъ выставленъ во всѣхъ донесеніяхъ Сира Гудзона Лоу къ Англійскому Правительству.

Офицеръ сей оставилъ во Франціи мать и сестру, къ которымъ онъ очень былъ привязанъ и которыя нѣжно его любили. По любви своей къ нимъ и по усильнымъ ихъ просьбамъ о пріѣздѣ къ нимъ, Генералъ Гурго пожелалъ возвратиться въ свое отечество; и онъ тѣмъ рѣшительнѣе принялъ сіе намѣреніе, что между имъ и Графомъ Бертраномъ возникли сильныя неудовольствія и зависть. Въ такихъ обстоятельствахъ онъ испросилъ себѣ у Губернатора позволеніе ѣхать

прямо въ Лондонъ. Передъ отъѣздомъ своимъ съ острова Св. Елены, онъ сообщилъ Сиру Гудзону Лоу и Австрійскому Коммисару Барону Штурмеру о тайныхъ надеждахъ и о планахъ, составляемыхъ въ Лонгвудѣ. По прибытіи своемъ въ Англію, весною 1818 года, онъ показалъ такую же искренность Британскому Правительству, объявивъ ему разные замыслы для бѣгства, предложенные Наполеону; удобства и затрудненія, съ оными сопряженныя, и причины, по которымъ онъ предпочиталъ оставаться на островѣ, не покушаясь на побѣгъ. Въ то время предполагали, что Генералъ Гурго желаетъ опять войти въ милость къ Королю Французскому; но каковы бы ни были его частные виды, а показанія, сообщенныя имъ на островѣ Св. Елены Сиру Гудзону Лоу и Барону Штурмеру, равно какъ и потомъ въ Лондонѣ помощнику Военнаго Статсъ-Секретаря, хранятся въ Архивахъ Департамента Иностранныхъ Дѣлъ. Свѣдѣнія сіи совершенно между собою согласны, и достовѣрность ихъ не подлежитъ никакому сомнѣнію. Всѣ подробности изложены съ наивеличайшею обстоятельностью, но съ соблюденіемъ самой строгой осторожности на счетъ именъ, такъ чтобы никто не могъ быть потревоженъ по этимъ показаніямъ, которыя вообще, какъ и слѣдовало ожидать, ознаменованы простотою и правдивостью. Мы часто будемъ ссылаться на эти документы, дабы читатель могъ сличать истинные замыслы Наполеона съ рѣчами, которыя онъ употреблялъ для того, чтобы достигнуть исполненія оныхъ; но мы извлекли изъ нихъ только то, что касалось до Наполеона. Извѣстно, что Генералъ Гурго, возвратясь на твердую землю, воспріялъ всю преданность свою къ памяти Императора, и вѣроятно пожалѣлъ о сообщеніи имъ тѣмничныхъ его тайнъ людямъ, менѣе къ нему расположеннымъ. Но эта перемѣна чувствъ не уменьшаетъ достовѣрности его показаній и не отнимаетъ у насъ права сдѣлать извѣстными свѣдѣнія, имъ сообщенныя.

Означивъ такимъ образомъ источникъ, изъ коего мы почерпали, мы вновь обращаемся къ распрямъ Наполеона съ Сиромъ Гудзономъ Лоу.

Не по недостатку средствъ къ побѣгу — какъ говоритъ Генералъ Гурго — Наполеонъ продолжалъ оставаться на островѣ Св. Елены. Однажды вздумали было вынести его въ связкѣ грязнаго бѣлья; и Англійскихъ часовыхъ считали такими дураками, что въ другой разъ предложили ему выйти изъ лагерной цѣпи, переодѣвшись слугою и неся блюдо. Когда Баронъ Штурмеръ представилъ невозможность исполненія такого замысла, то Гурго отвѣтствовалъ: «что нѣтъ невозможности для тѣхъ, у кого въ рукахъ были милліоны. — Повторяю,» продолжалъ онъ: «что Наполеонъ можетъ уйти отсюда и уѣхать въ Америку, если бъ ему это заблагоразсудилось.» — «Для чего жъ онъ остается?» спросилъ Баронъ Штурмеръ. На сіе Гурго отвѣчалъ: «что всѣ окружающіе убѣждали его сдѣлать попытку къ побѣгу, но что онъ предпочиталъ остаться на

островъ. Онъ тайно гордился важностью, которую полагали въ его заключеніи, и участіемъ, которое вообще возбуждалъ его жребій. Онъ часто говаривалъ: «Я не могу жить частнымъ человѣкомъ; и лучше хочу быть узникомъ здѣсь, чѣмъ свободнымъ въ Соединенныхъ Штатахъ.»

Генералъ Гурго говоритъ однако же, что Наполеонъ полагалъ надежду своего освобожденія на политическую при Великобританскимъ Дворѣ перемѣну, чрезъ которую нынѣшняя оппозиція вступитъ въ правленіе, и онъ думалъ можетъ быть слишкомъ неосновательно, что она возвратитъ ему свободу. Британскіе Министры получили отъ Генерала Гурго тоже самое удостовѣреніе. Оно такимъ образомъ положено въ подлинникѣ:

«На счетъ побѣга Генерала Бонапарте, Г. Гурго показалъ, что хотя Лонгвудъ, по своему положенію и кругомъ обставленъ часовыми, но онъ увѣренъ, что вовсе не трудно было бы во всякое время избѣгнуть бдительности часовыхъ, какъ стоящихъ вокругъ дома, такъ и въ цѣли находящихся, и что онъ вовсе не считаетъ невозможнымъ побѣгъ съ острова. Онъ сознался, что объ этомъ предметѣ часто разсуждали Наполеоновы приближенные, изъ которыхъ каждый хотѣлъ придумать свой планъ; но замѣтилъ, что, по его мнѣнію, Наполеонъ такъ былъ увѣренъ въ скоромъ своемъ освобожденіи съ острова Св. Елены, чрезъ перемѣну въ Министерствѣ или чрезъ то, что Англичанамъ наскучатъ расходы на его заключеніе, что онъ не хотѣлъ отваживаться на опасность, которой таковое покушеніе къ бѣгству его бы подвергнуло. Кажется также, по сознанію Генерала Гурго и по разнымъ другимъ обстоятельствамъ, имъ сообщеннымъ, что Бонапарте считалъ эпоху выступленія Союзныхъ войскъ изъ Франціи благопріятною для его возвращенія, и что онъ представлялъ Генералу Гурго могущія отъ сего произойти послѣдствія, дабы склонить его не уѣзжать съ острова Св. Елены до того времени.»

Далѣе Генералъ Гурго сообщаетъ, какъ сіе видно и изъ многихъ другихъ обстоятельствъ, что надѣясь получить себѣ свободу чрезъ впечатлѣніе, сдѣланное имъ на умы Англійскаго народа, Наполеонъ всячески старался, чтобы объ немъ не забывали, поддерживая о себѣ воспоминаніе разными сочиненіями, выходившими одно послѣ другаго, измѣняющимися по свойству и талантамъ ихъ авторовъ, но ознаменованными одинаковою печатью, показывающею, что они вполнѣ или отчасти были составлены во внутренности Лонгвуда. Въ слѣдствіе сего, книги Вардена, О'Меры, Сантини, письмо Монтолона и другія объ островѣ Св. Елены сочиненія были изданы одно за другимъ, дабы обратить на сей предметъ общее вниманіе; и хотя сочиненія сіи писаны повидимому разными людьми, но всѣ они имѣли ту же цѣль и казались стрѣлами, извлеченными изъ одного колчана. Гурго объяснилъ этотъ родъ бѣглаго огня и цѣль его. Даже *Рукопись острова Св. Елены*, въ коей чисел и событія смѣшаны и измѣне-

ны, была, по словамъ Генерала Гурго, сочинена Наполеономъ для того, дабы поставить въ тупикъ и одурачить Англійскую публику. Онъ сказалъ Сиру Гудзону Лоу, что ему не слѣдуетъ думать, что эти сочиненія писаны противъ него лично, но что оныя внушены политическою расчетливостью, съ тою цѣлью, чтобы чрезъ повтореніе жалобъ доставить себѣ нѣкоторое послабленіе. Даже знаменитое письмо Монтолона, по тому же свидѣтельству, было написано бо́льшею частью самимъ Наполеономъ, равно какъ и сочиненіе Саншини, хотя столь грубо изкаженное, что онъ въ послѣдствіи отъ него отрекся. Другія изданія — сказалъ онъ — явяшся подъ именемъ корабельщиковъ, купцевъ и проч., ибо Наполеона обуяла страсть писать, ни на минуту его не покидавшая. Слѣдовательно историкъ долженъ съ осторожностью принимать показанія тѣхъ, которые сами въ этомъ дѣлѣ участвовали и основывались на подробностяхъ, сообщенныхъ имъ тою стороною, до которой сіе наиболѣе касалось. Если Генералъ Гурго справедливо показываетъ, что Наполеонъ самъ за себя говоритъ подъ замешированными именами О'Меры, Саншини, Монтолона и проч. и даже если происшествія, въ сихъ сочиненіяхъ описанныя, и точно справедливы, то необходимо отдѣлить отъ нихъ преувеличенья и представить оныя въ настоящемъ видѣ, прежде чѣмъ объ нихъ судить.

Свидѣтельство О'Меры въ *Гласѣ съ острова Св. Елены*, показываетъ человѣка, обманувшагося въ своихъ ожиданіяхъ и сильно раздраженнаго противъ Сира Гудзона Лоу, какъ противъ виновника разрушенія его надеждъ. Онъ не имѣлъ нужды, чтобы Бонапарте поджигалъ гнѣвъ его своимъ; однако жъ надобно согласиться въ томъ, что они поддерживали другъ въ другѣ непріязненныя чувства. Вражда сдѣлалась тѣмъ непримиримѣе, что повидимому Докторъ О'Мера былъ сначала въ большой дружбѣ съ Сиромъ Гудзономъ Лоу и пересказывалъ въ Планте-шенъ-Гоузѣ толки, слышанные имъ въ Лонгвудѣ. Нѣкоторыя доказательства сего были выставлены въ журналѣ *Quarterly Review*; и Сиръ Гудзонъ Лоу, въ донесеніяхъ своихъ Правительству, часто ссылается на свидѣтельство Доктора О'Меры, * до той эпохи, пока взаимная ихъ пріязнь окончилась сильною ссорою.

Графъ Ласъ - Казъ безпристрастіемъ не много превосходитъ Доктора О'Меру. Онъ былъ первоначально Французскимъ эмигрантомъ, приверженцемъ Короля и слѣдовательно перемѣнилъ только кумира, а не

* Сиръ Гудзонъ Лоу писалъ, напримѣръ, въ Лорду Батёрсту 15 Мая 1816 года: — «Нашедъ, что Докторъ О'Мера, опредѣленный къ Наполеону, по увольненіи его Французскаго врача, очень полезенъ по сообщаемымъ намъ отъ него свѣдѣніямъ о разныхъ дѣлахъ и что его трудно было бы замѣнить другимъ человѣкомъ, столь же для Генерала Бонапарте пріятнымъ, — я разсудилъ оставить его при немъ на той же ногѣ, какъ сіе было до моего пріѣзда.» 29 Марта 1817 года, Сиръ Гудзонъ Лоу писалъ: — «Докторъ О'Мера сообщилъ мнѣ о происходившихъ тамъ разговорахъ и, со всегдашнею его въ такихъ случаяхъ готовностью, тотчасъ при мнѣ переписалъ оные.»

правила своего поклоненія, избравъ себѣ идоломъ Наполеона вмѣсто Бурбоновъ. Онъ раболѣпно вступился за выгоды своего новаго повелителя и не могъ видѣть ничего дурнаго въ томъ, что Наполеонъ находилъ хорошимъ. Онъ также былъ личнымъ врагомъ Сира Гудзона Лоу. Мы не думаемъ, чтобы онъ умышленно искажалъ истину; но не можемъ не усомниться въ вѣрности его памяти, встрѣчая въ журналѣ его выраженія и обстоятельства, прибавленныя гораздо послѣ того, какъ журналъ сей былъ написанъ и вѣроятно на память. Сиръ Гудзонъ Лоу имѣлъ у себя нѣсколько времени подлинную рукопись сего журнала и на сообщенномъ намъ печатномъ экземплярѣ онаго, Сиръ Гудзонъ Лоу своею рукою отмѣтилъ прибавки, сдѣланныя въ этомъ журналѣ съ тѣхъ поръ, какъ онъ чиналъ его въ первоначальномъ видѣ. Достойно замѣчанія, что всѣ или почти всѣ сіи прибавки состоятъ въ выраженіяхъ, чрезвычайно оскорбительныхъ для Сира Гудзона Лоу и изъ коихъ ни одно не находилось прежде въ подлинникѣ. Слѣдовательно сіи прибавленія были сдѣланы памятью, подстрекаемою мстительностью, когда ужъ они сначала не были сочтены довольно важными для того, чтобы ихъ помѣстить. Когда память находится подъ вліяніемъ гнѣва, или предубѣжденія, то она представляетъ намъ страшныя вещи и подобно свидѣтелю, допрашиваемому чрезъ пытку, говоритъ иногда то, чего никогда не случалось.

О Докторѣ Антомархи нечего много распространяться; онъ былъ одаренъ Наполеономъ по завѣщанію, состоялъ на пансіонѣ у вдовы его, и сверхъ того очень желалъ списать расположеніе сего, весьма богатаго семейства. Онъ никогда не говорилъ о Сирѣ Гудзонѣ Лоу иначе, какъ съ непріязнью. Первая обида, которую, по словамъ его, нанесъ ему Сиръ Гудзонъ, состояла въ произведенномъ надъ нимъ слѣдствіи, не имѣетъ ли онъ тайной переписки; а вторая въ томъ, что Губернаторъ воспрепятствовалъ толпѣ, на похоронахъ Наполеона, вырывать ивы, осѣняющія его могилу и поставилъ при его гробницѣ часоваго. Какой же истины можно ожидать отъ автора, который выставляетъ за обиды два обстоятельства — изъ коихъ одно предписывалось Сиру Гудзону Лоу его наставленіями; а другое было необходимо требуемо благопристойностью и должнымъ къ умершимъ уваженіемъ?

По всему видно, что дабы сохранить доброе согласіе или по крайней мѣрѣ хоть благопристойность съ Губернаторомъ, достаточно было бы не руководствоваться политикою человѣка, который желалъ находить причины къ жалобамъ и который не только не старался расположить къ себѣ своего стража для полученія отъ него какихъ либо облегченій; но напротивъ того, хотѣлъ вывесть Губернатора изъ предѣловъ человѣческаго терпѣнія, даже подвергаясь опасности навлечь на себя новыя неудовольствія, лишь бы только увеличить ими списокъ жалобъ, излагаемыхъ имъ предъ публикою.

Сіе доказывается пріемомъ, сдѣ-

лаппымъ Наполеономъ Сиру Гудзону Лоу, къ которому онъ, кажется, получилъ наисильнѣйшее отвращеніе съ самаго перваго ихъ свиданія, прежде чѣмъ Губернаторъ могъ подать ему какую либо причину къ неудовольствію. Мы приводимъ сей случай въ доказательство, что пленникъ былъ уже расположенъ раздражать и оскорблять Сира Гудзона Лоу, не ожидая, чтобы онъ самъ подалъ къ тому поводъ.

Первое притѣсненіе Губернатора (какъ сіе представлено) состояло въ томъ, что онъ потребовалъ у *Генерала Бонапарте* позволенія собрать его слугъ, дабы взять съ нихъ требуемое Правительствомъ обязательство о наблюденіи правилъ, положенныхъ для охраненія особы Наполеона. Въ семъ позволеніи было самымъ надменнымъ образомъ отказано. Если бъ Наполеонъ находился и въ Тюилери, то онъ не могъ бы болѣе разсердиться за такую просьбу. Слуги однако жъ собрались и дали требуемое отъ нихъ обязательство. Но обида не могла быть забыта: «Сиръ Гудзонъ Лоу вперся между Наполеономъ и его камердинеромъ.» Это произошло 27 Іюля 1816 года.

30-го числа Губернаторъ опять пріѣхалъ въ Лонгвудъ съ почтеніемъ, и былъ принятъ одною изъ тѣхъ, напередъ расчитанныхъ выходокъ, коими Наполеонъ привыкъ испытывать твердость и потрясать нервы тѣхъ, надъ кѣмъ онъ хотѣлъ пріобрѣсть вліяніе. Онъ сталъ возражать противъ Парижскаго договора, спрашивая, какое право имѣли Союзные Государи располагать тѣмъ, который всегда былъ равнымъ имъ, а часто и превышалъ ихъ. Онъ требовалъ отъ Губернатора смерти или свободы, какъ будто бы Сиръ Гудзонъ Лоу властенъ былъ дать ему то или другое. Сиръ Гудзонъ заговорилъ было объ удобствахъ, которыя доставитъ ему высылаемый изъ Англіи домъ, въ замѣну нынѣ имъ занимаемаго. Бонапарте съ гнѣвомъ отвергъ предлагаемое ему утѣшеніе. «Не домъ мнѣ нуженъ,» сказалъ онъ: «а палачъ и веревка. Это я почту милостью, а все прочее есть только обида.» Сиръ Гудзонъ Лоу въ отвѣтъ на сіе изъявилъ надежды свои, что онъ не подалъ повода ни къ какому личному оскорбленію. Ему напомнили сдѣланный имъ осмотръ слугамъ, и онъ выслушалъ сей упрекъ въ безмолвіи.

Вслѣдъ за тѣмъ Наполеонъ нашелъ новый, язвительный способъ искушать терпѣніе Сира Гудзона Лоу. Англійская книга о кампаніи 1814 года лежала на столѣ. Перевернувъ въ ней нѣсколько листовъ, Наполеонъ спросилъ съ весьма поднятымъ намѣреніемъ, не Губернаторъ ли авторъ сей книги. Получивъ утвердительный отвѣтъ Наполеонъ — какъ говоритъ Докторъ О'Мера — сказалъ Сиру Гудзону Лоу, что книга его наполнена глупостями и ложью; на что Губернаторъ, съ большимъ терпѣніемъ, чѣмъ какъ могли бы показать многіе люди, возразилъ: «Мнѣ казалось, что было такъ, какъ я описывалъ;» отвѣтъ, конечно самый умѣренный, какой только можно было сдѣлать на такую неумѣстную обиду. По выходѣ Сира Гудзона Лоу изъ горницы, въ

которой онъ былъ принятъ съ такою незаслуженною невѣжливостью, Наполеонъ началъ говорить о его невыгодной наружности, насмѣхался надъ нимъ самымъ грубымъ образомъ, и даже приказалъ своему камердинеру выкинуть за окно чашку съ кофе, за то, что она простояла нѣсколько минутъ на столѣ передъ Губернаторомъ.

Всѣ попытки къ примиренію, со стороны сего послѣдняго, казалось, только доставляли новый поводъ къ неудовольствіямъ. Онъ послалъ въ Лонгвудъ дичину, а Наполеонъ отвѣтствовалъ ему, что обидно дарить дичиною тамъ, гдѣ нѣтъ охоты; не взирая на то, что Сантини, по словамъ его, кормилъ обитателей Лонгвуда ружьемъ своимъ. Сиръ Гудзонъ Лоу выписалъ изъ Англіи и предложилъ Наполеону платья и другія вещи, въ коихъ онъ предполагалъ, что изгнанники имѣли нужду. Въ благодарность за то ему отвѣтствовали, что онъ считаетъ ихъ за нищихъ и что Губернатору слѣдовало бы, изъ уваженія, удержать вещи сіи у себя, сообщивъ управляющему Императорскимъ домомъ роспись онымъ, съ увѣдомленіемъ, что ему предоставляется, въ случаѣ надобности, взять ихъ. Въ третій разъ Сиръ Гудзонъ рѣшился поступить осторожнѣе. Желая дать балъ, онъ спросилъ у Доктора О'Меры, угодно ли будетъ Наполеону получить къ оному приглашеніе. Докторъ предупредилъ, что роковая надпись *Генералу Бонапарте* испортитъ все дѣло. Губернаторъ предложилъ устранить сей камень преткновенія, пригласивъ Наполеона на словахъ и лично. Но не взирая на всевозможную его при этомъ случаѣ вѣжливость, ему не удалось сдѣлать, чтобы приглашеніе его было принято. Губернаторъ острова Св. Елены, по замѣчанію самого Наполеона, долженствовалъ быть человѣкъ самый учтивый и въ то же время, самый твердый.

Наконецъ, 18 Августа, произошла явная ссора. Сиръ Гудзонъ Лоу былъ допущенъ къ свиданію, при коемъ также находился Сиръ Пельтеней Малькольмъ, Адмиралъ, сдѣланный начальникомъ стоящей при островѣ Св. Елены эскадры. Докторъ О'Мера передалъ намъ подробности сего свиданія, какъ они были сообщены на другой день самимъ Наполеономъ своимъ приближеннымъ.

«Этотъ Губернаторъ,» сказалъ Наполеонъ: «пріѣхалъ вчера съ тѣмъ, чтобы мнѣ надоѣдать. Онъ увидѣлъ меня прогуливающагося въ саду, и потому я не могъ ему отказать. Ему нужно было войти со мною въ нѣкоторыя подробности на счетъ уменьшенія расходовъ. Онъ осмѣлился сказать, что все было въ томъ же видѣ, какъ при его пріѣздѣ, и что онъ желаетъ оправдаться; что онъ для этого пріѣзжалъ ужъ два или три раза, но что я былъ въ ваннѣ. Я отвѣчалъ ему: — Нѣтъ, сударь, я не былъ въ ваннѣ, а только приказалъ вамъ такъ сказать для того, чтобы не видать васъ. Стараясь оправдаться, вы только дѣлаете хуже. Онъ сказалъ мнѣ, что я его не знаю; что если бъ я хорошенько узналъ его, то перемѣнилъ бы мнѣніе.» — «Васъ узнать! сударь,» отвѣчалъ я ему: «а какъ я

могу васъ узнать? Люди становятся извѣстными чрезъ дѣла свои, предводительствуя арміями. Вы никогда не предводительствовали въ битвѣ. Вы только были начальникомъ Корсиканскихъ бѣглецовъ, Піемонтскихъ и Неаполитанскихъ разбойниковъ. Мнѣ извѣстны имена всѣхъ отличившихся Англійскихъ Генераловъ; но объ васъ я никогда не слыхалъ иначе, какъ о Секретарѣ Блюхера или о разбойничьемъ предводителѣ. Вы никогда не начальствовали благородными людьми и даже не жили съ ними.» — Онъ сказалъ мнѣ, что онъ не искалъ мѣста, имъ занимаемаго. Я отвѣчалъ ему, что такихъ мѣстъ никто не ищетъ, а Правительство даетъ ихъ тѣмъ людямъ, которые себя обезчестили. — Онъ возразилъ, что исполняетъ свою обязанность и что я не долженъ осуждать его, ибо онъ дѣйствуетъ только по даннымъ ему приказаніямъ. — Я отвѣчалъ: точно то же дѣлаетъ и палачъ: онъ дѣйствуетъ по даннымъ ему приказаніямъ; но когда онъ надѣваетъ мнѣ на шею петлю, то неужели я долженъ любить его за то, что онъ исполняетъ полученный имъ приказъ? Притомъ же я не вѣрю, чтобы Правительство ваше могло быть столь подло, дабы дать такія приказанія, которыя вы здѣсь исполняете? Я сказалъ еще, что если ему угодно, онъ можетъ вовсе не присылать намъ вѣсть, что это я ему еще извиню и буду ходить обѣдать къ храбрымъ офицерамъ 53-го полка; ибо я увѣренъ, что изъ нихъ нѣтъ ни одного, который не почелъ бы за счастіе удѣлить блюдо отъ стола своего старому солдату; что въ цѣломъ полку нѣтъ рядоваго, который не былъ бы благороднѣе его; что неправеднымъ Парламентскимъ биллемъ опредѣлено поступать со мною, какъ съ плѣнникомъ, но что онъ обходится со мною хуже, чѣмъ съ осужденнымъ преступникомъ или съ колодникомъ, ибо тѣ получаютъ журналы и книги, а я и того лишенъ. Вы имѣете власть надъ моимъ тѣломъ, но не надъ душою. Душа сія столь же горделива, столь же возвышенна, столь же рѣшительна въ сію минуту, какъ и тогда, когда она повелѣвала Европою. Я ему сказалъ, что онъ Сицилійскій Сбиръ *, а не Англичанинъ; что я не желаю видѣть его иначе, какъ если онъ придетъ съ приказомъ лишить меня жизни и что въ такомъ случаѣ всѣ двери для него отворятся.»

Неудивительно, что такая грубая запальчивость раздражила Сира Гудзона. Онъ сказалъ Наполеону, что рѣчи его грубы и неприличны благовоспитанному человѣку, и что онъ не намѣренъ долѣе ихъ слушать. Въ слѣдствіе чего онъ тотчасъ уѣхалъ изъ Лонгвуда, даже не простясь.

Въ этихъ случаяхъ намъ кажется очевиднымъ, что Наполеонъ самъ былъ умышленнымъ и упрямымъ зачинщикомъ и что поступки его происходили, или отъ оскорбленной гордости или по расчету, заставлявшему его предпочитать вражду съ Сиромъ Гудзономъ Лоу доброму съ нимъ согласію. Съ другой стороны желательно бы, чтобъ Губернаторъ не начиналъ съ Наполеономъ разговора

* Полицейскій.

объ издержкахъ на заключеніе его. Предметъ сей былъ неумѣстенъ и не могъ произвесть благопріятныхъ послѣдствій.

Они въ послѣдствіи никакъ ужъ не могли подружиться или даже сохранить между собою хоть благопристойную вѣжливость, и сообщивъ подробности этой послѣдней между ими ссоры, намъ остается только изложить вообще разныя причины происшедшихъ между ими неудовольствій, которыя привели ихъ въ такое неблагопріятное другъ предъ другомъ отношеніе, что оба они рѣшились не внимать никакимъ убѣжденіямъ и ни въ чемъ не угождать, не уступать одинъ другому.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

—

Наставленія, данныя Сиру Гудзону Лоу относительно Наполеона. — Сумма, назначенная Англійскимъ Правительствомъ на издержки бывшаго Императора. — Разсмотрѣніе жалобъ его на недостатки въ столѣ. — Предложеніе Наполеона дополнить оные на свой счетъ. — Продажа его серебряной посуды — сдѣланная имъ съ тою цѣлью, чтобы дать ложное понятіе о положеніи, въ которомъ онъ находился. — Доказательство, что онъ имѣлъ у себя подъ спудомъ значительную сумму денегъ. — Деревянный домъ, построенный для Наполеона въ Англіи, перевезенъ на островъ Св Елены. — Свиданіе Наполеона съ Сиромъ Гудзономъ Лоу по привозкѣ сего дома. — Медлительность въ его постановленіи. — По окончаніи онаго, нездоровье препятствуетъ Наполеону перебраться въ новый домъ. — Положеніе, чтобы Англійскій офицеръ сопровождалъ его въ прогулкахъ верхомъ, кажется ему очень огорчительнымъ. — Свободное сообщеніе обитателей Лонгвуда съ Европою безъ вѣдома Губернатора. — Правила сношеній Наполеона съ жителями острова Св. Елены. — Общія размышленія о ссорахъ его съ Сиромъ Гудзономъ Лоу.

—

Прежде, чѣмъ мы приступимъ къ краткому разбору поступковъ новаго Губернатора съ Наполеономъ, необходимо представить здѣсь наставленія, полученныя Сиромъ Гудзономъ Лоу отъ Англійскаго Правительства относительно бывшаго Императора.

Доунинская Улица, 12 *Сентября*

1816.

«Имѣйте въ виду, что желаніе Королевскаго Правительства состоитъ въ томъ, чтобы Генералу Бонапарте было оказываемо всевозможное снисхожденіе, какое только совмѣстно съ вѣрною охраною его особы. Преграждение всѣхъ средствъ къ побѣгу и воспрещеніе всякихъ сообщеній, дѣлаемыхъ иначе, какъ чрезъ ваше посредство, должны быть вашимъ безпрестаннымъ стараніемъ; по обезпеченіи же сего, всѣ забавы и препровожденія времени, могущія примирить Бонапарте съ его заключеніемъ, могутъ быть дозволены.»

Черезъ нѣсколько недѣлъ послѣ того, Государственный Секретарь написалъ къ Сиру Гудзону Лоу письмо съ тою же цѣлью, какъ и первое, отъ 26 Октября 1816 года.

«Относительно самого Генерала Бонапарте, я не считаю нужнымъ давать вамъ дальнѣйшія наставленія.

Я увѣренъ что вы, по собственному побужденію, предупредите желанія Его Королевскаго Высочества, Принца Регента, и окажете снисходительность къ чувствамъ, которыя внезапная перемѣна положенія должна возбудить въ такомъ раздражительномъ какъ онъ человѣкѣ. Вы однако жъ не допустите, чтобы чрезъ вашу къ нему снисходительность или великодушіе, было сдѣлано хоть малѣйшее отступленіе отъ правилъ, постановленныхъ для воспрепятствованія его побѣгу, или которыя вы сами въ послѣдствіи признаете нужными для обезпеченія стражи надъ его особою.»

Справедливость и благородство правилъ, предписанныхъ Правительствомъ, очевидны. Но Сиру Гудзону Лоу предстояла весьма трудная, щекотливая обязанность держать подъ крѣпкою стражею человѣка, вѣроятно самаго нетерпѣливаго подъ игомъ поступая съ нимъ, въ то же время съ разборчивостью, которая скрывала бы отъ него самого его положеніе, буде не могла примирить, его съ онымъ. Если Сиру Гудзону Лоу сіе неудалось, то въ оправданіе себѣ онъ можетъ сказать, что немногіе бы люди въ томъ успѣли. А потому и Наполеонъ горько, сильно жаловался на Губернатора.

Первая статья неудовольствія Лонгвудскихъ жителей относилась къ назначенной Англійскимъ Правительствомъ на ихъ содержаніе суммѣ, казавшейся имъ недостаточною. На этотъ счетъ Наполеонъ не полагалъ приличнымъ самому входить въ объясненія. Его вниманіе было повидимому обращено на полученіе нѣкоторыхъ, относящихся къ этикету уступокъ, посредствомъ коихъ онъ бы вышелъ изъ положенія военноплѣннаго. Не взирая на то, жалобы на недостатокъ назначеннаго содержанія тѣмъ чаще повторялись, что заключенные знали, что нѣтъ предмета, которымъ больше можно бы тронуть за чувствительную струну Англійскій народъ, какъ сѣтованіемъ на недостатокъ или на дурное качество пищи, доставляемой изгнанникамъ. Монтолонъ жестоко жаловался на сіе въ письмѣ своемъ; а Сантини утверждалъ, что Императору приходилось бы иногда оставаться безъ обѣда, если бъ онъ (Сантини) не добывалъ припасовъ ружьемъ своимъ.

Вотъ какъ въ существѣ было дѣло. Британское Правительство опредѣлило, чтобы Наполеонъ имѣлъ столъ такой, какой полагается полному Генералу съ его штабомъ. Расходъ на такое содержаніе по положенію, сообщенному Сиру Гудзону Лоу отъ 15 Апрѣля и 22 Ноября 1816 года, предполагался до 8,000 гиней въ годъ, съ дозволеніемъ однако жъ тратить до 12,000 гиней если бъ сіе было сочтено нужнымъ. По мнѣнію Сира Гудзона Лоу, осьми тысячъ гиней было недостаточно, и потому онъ опредѣлилъ 12,000, выдаваемыхъ помѣсячно поставщику Г. Балькомбу, коему было поручено доставлять всѣ припасы въ Лонгвудъ. Если же бы даже и сіи 12,000 гиней, предположенныя самою большою издержкою, Губернаторъ счелъ по рѣдкости и по дороговизнѣ съѣстныхъ припасовъ или по чему либо другому, недостаточными на со-

держаніе Генеральскаго дома, то Сиру Гудзону Лоу предоставлено было безъ ограниченія увеличить выдаваемую поставщику сумму. Но буде, съ другой стороны, Французы пожелали бы имѣть что либо, признанное Губернаторомъ излишнимъ, суда по званію главной особы, то они должны были принять сію издержку уже на свой счетъ.

Нельзя ожидать, чтобы Англійское Правительство сдѣлало для Наполеона больше, какъ предоставивъ Губернатору давать ему содержаніе на основаніи того, которое слѣдуетъ Полному Генералу. Однако жъ дѣло повели такимъ образомъ, что послѣдствія оказались для Великобританіи не столь почетными, какъ то имѣло въ виду Правительство. Причиною сему было то, что добродѣтели, равно какъ и пороки, имѣли свои дни владычества въ Англіи; и по заключеніи мира, когда народъ насытился побѣдами, то люди начали, подобно гулякамъ послѣ пира, браниться за издержки. Всѣ ощутили сіе вліяніе, которое проникло даже въ Парламентскія Палаты, и бережливость сдѣлалась главнымъ предметомъ сужденій. Нѣтъ сомнѣнія, что разсудительная ограниченность въ расходахъ есть самый прочный источникъ народнаго богатства; но, подобно прочимъ добродѣтелямъ, бережливость можетъ быть доведена до крайности, и есть случаи, въ коихъ она впадаетъ въ мелочную скупость. Трапа нѣсколькихъ лишнихъ фунтовъ мяса, нѣсколькихъ сотъ полѣнъ дровъ и нѣсколькихъ бутылокъ вина, кажется, никогда бы не долженствовала сдѣлаться предметомъ преній между Англіею и Наполеономъ; и лучше было бы смотрѣть сквозь пальцы на расточительность людей, не имѣвшихъ никакой причины быть бережливыми, чѣмъ представлять такія мелочи на разсужденіе Государственному Совѣту и разбирать по этому предмету ссору Англіи съ ея плѣнникомъ. Если бъ въ такомъ случаѣ кто либо обвинилъ Правительство въ расточительности, то такимъ порицателямъ можно бы представить въ отвѣтъ, сколь великія суммы сберегались чрезъ увеличеніе издержекъ Наполеона на островѣ Св. Елены. Большая есть разница въ расходѣ даже самомъ неумѣренномъ для двадцати человѣкъ и тѣмъ, котораго требуетъ содержаніе трехъсотъ-тысячной арміи.

Но хотя такія распри и произошли, по нашему мнѣнію, отъ того, что Губернаторъ ошибся на счетъ видовъ Англійскаго Министерства, и хотя онъ, если только сіе дѣйствительно было, входилъ въ подробное разсмотрѣніе количества сахару или соли, издержанныхъ на Лонгвудской кухнѣ, а нѣтъ причинъ полагать, чтобы плѣнники точно имѣли поводъ жаловаться на какія либо лишенія, хотя припасы высшей доброты и невсегда столь же удобно могли быть доставаемы на островѣ Св. Елены, какъ въ Парижѣ. Остъ-Индская Компанія присылала къ поставщику всѣ припасы, и въ томъ числѣ невозможные предметы роскоши; такъ что небывалыя до сего на островѣ Св. Елены рѣдкости можно было доставать за деньги. Вино вообще было превос-

ходной доброты и самой высокой цѣны; * и сколько ни толковали о потребленномъ въ Лонгвудѣ великомъ количествѣ онаго, а мы ниже увидимъ, что онаго было доставлено даже больше, чѣмъ слѣдовало. И дѣйствительно, хотя Французскіе офицеры, отыскивая причины къ неудовольствіямъ, и жаловались на дурной столъ, распространяя въ книжкахъ, подобныхъ той, которую издалъ Сантини, величайшую брань на счетъ сего предмета; но будучи спрошены, какъ благородные люди, они вообще отдавали справедливость Губернатору.

Генералъ Бертранъ въ письмѣ своемъ къ Губернатору изъясняется слѣдующимъ образомъ: — «Будьте увѣрены, что мы совершенно знаемъ готовность вашу снабжать насъ всѣмъ нужнымъ, и что на счетъ припасовъ никогда съ нашей стороны не будетъ жалобъ, а если и будетъ, то на Правительство, а не на Губернатора, отъ котораго это нисколько не зависитъ.» Онъ прибавилъ: «что и таковы чувства Императора, что они точно находились въ затрудненіи до продажи серебряной посуды, но что съ тѣхъ поръ, они ни въ чемъ не нуждаются, и не имѣютъ никакихъ причинъ жаловаться.» Таково свидѣтельство Генерала Бертрана, добровольно на письмѣ данное имъ Губернатору.

Но мы имѣемъ также и мнѣніе самого Наполеона, сообщенное Докторомъ О'Мерою тогда, какъ онъ передавалъ еще Губернатору въ подробности все, о чемъ только ни говорили въ Лонгвудѣ.

5-*го Іюня* 1817.

«Онъ (Бонапарте) замѣтилъ, что сочиненная Сантини книга глупа, наполнена пустяками и ложью; что въ ней есть нѣкоторыя истины, но чрезвычайно преувеличенныя. Что нищета, имъ описанная, никогда не существовала; что припасовъ для ѣды всегда было довольно, хотя и неудовлетворительно для того, чтобы дать столу надлежащій видъ; что вина было довольно; правда, что иногда они терпѣли недостатокъ въ необходимыхъ вещахъ, но это происходило случайно; что, по его мнѣнію, частыя покупки хлѣба и другихъ припасовъ для Лонгвуда происходили отъ тѣхъ же причинъ. Я увѣренъ — прибавилъ онъ — что эту книгу писалъ какой нибудь Англичанинъ, а не Сантини.»

Объ этомъ сказано нѣчто и въ изданной Докторомъ О'Мерою книгѣ, но не столь подробно. Забавнѣе всего при этомъ опроверженіи Наполеономъ книги Сантини есть то, что по сдѣланному Генераломъ Гурго Англійскому Правительству объявленію, Наполеонъ самъ былъ авторомъ всей или большей части этой книги. Основаніе распрей между Губернаторомъ и плѣнникомъ было то, что столъ, приличный Генералу, конечно разнствуетъ отъ Императорскаго, и между тѣмъ какъ Губерна-

* Бордосское, напримѣръ, было по шести фунт. стерлинговъ за дюжину безъ пошлины. Каждый изъ главныхъ служителей получалъ въ день по бутылкѣ его вина, конечно столь же отличнаго и дорогаго, какъ и подаваемаго за царскими столами. Работники и солдаты имѣли каждый день по бутылкѣ отличнаго Тевериу.

торъ имѣлъ приказаніе давать первый, Наполеонъ считалъ себя въ правѣ требовать послѣдняго.

Данное Наполеону позволеніе (въ которомъ и дѣйствительно нельзя было отказать ему) покупать на свои деньги тѣ вещи, которыя онъ бы пожелалъ имѣть сверхъ того, что ему давалось отъ Британскаго Правительства, доставило Французамъ большое удобство, коимъ они и не пропустили воспользоваться. Деньги Наполеона были взяты временно на сохраненіе при съѣздѣ его съ *Беллерофона*, дабы лишить его возможности содѣйствовать подкупомъ своему бѣгству. Дозволить ему получать деньги отъ Банкира съ твердой земли, значило бы дать ему золотой ключъ, коимъ отворяются темничныя двери и доставить ему средства къ тайной перепискѣ со внѣшними друзьями, могущими помочь ему къ устроенію плана его побѣга.

Дѣйствительно, выгоды, которыя могла доставить такого рода переписка, столь были важны, что Наполеонъ сдѣлалъ чрезъ Генерала Монтолона слѣдующее предложеніе, отправленное Губернаторомъ къ Лорду Батёрсту 8 Сентября 1816 года. — «Императоръ,» сказалъ онъ: «желаетъ принять на себя *всѣ* свои расходы, если будетъ банкиръ здѣсь, въ Лондонѣ или на твердой землѣ въ Европѣ, назначенный по соглашенію съ Губернаторомъ или даже избранный имъ однимъ, чрезъ котораго можно бы дѣлать переводы суммъ подъ личнымъ обѣщаніемъ Генерала Бонапарте: что въ сихъ письмахъ будетъ говорено объ однихъ только денежныхъ дѣлахъ, съ тѣмъ однако же условіемъ, чтобы письма сіи доходили *запечатанныя* и *нераскрытыя* къ мѣсту своего назначенія.»

Вѣроятно, что Наполеонъ, по преніямъ, возникшимъ въ Парламентѣ о бережливости, заключалъ, что Англія близка къ несостоятельности и что предложеніе, избавить ее отъ ежегодной издержки 12,000 гиней, будетъ съ радостью принято Сиромъ Гудзономъ Лоу и Британскимъ Правительствомъ. Но Губернаторъ видѣлъ опасность сей мѣры, которая доставила бы въ распоряженіе бывшаго Императора неопредѣлительныя суммы, и могла бы косвенно содѣйствовать ко всякимъ тайнымъ сношеніямъ. Правда, что Наполеонъ предлагалъ слово свое, пользоваться симъ средствомъ только для денежныхъ дѣлъ своихъ; но Сиру Гудзону Лоу такое обезпеченіе не казалось удовлетворительнымъ. Губернаторъ предлагалъ однако же, чтобы письма къ банкирамъ были читаны только имъ и Лордомъ Батёрстомъ, Секретаремъ Колоніяльнаго Департамента, обязываясь честнымъ словомъ о сохраненіи въ глубочайшей тайнѣ содержанія оныхъ; но какъ такое распоряженіе не соотвѣтствовало видамъ Наполеона, то объ немъ больше и не было упоминаемо.

Около этого самаго времени Сиръ Гудзонъ Лоу изъявилъ желаніе распорядиться такъ, чтобы издержки Наполеона не превышали 12,000 гиней. Объ этомъ происходило сужденіе между Генераломъ Монтолономъ, управлявшимъ домомъ Наполеона, и Маіоромъ Горкуеромъ, принадлежав-

шимъ къ Штабу Сира Гудзона Лоу, и дѣйствовавшимъ отъ имени Губернатора. Кажется, что или Сиръ Гудзонъ Лоу не надлежащимъ образомъ понялъ наставленія своего Правительства и считалъ себя въ обязанности строго ограничить Лонгвудскіе расходы двѣнадцатью тысячами гиней въ годъ, упустивъ изъ виду, что ему дана власть превзойти сію сумму; или что онъ полагалъ излишекъ сверхъ 1000 гиней въ мѣсяцъ потребнымъ на такіе предметы прихоти, за которые Французы, по точному смыслу данныхъ ему наставленій, долженствовали платить сами, какъ за превышающій расходы на самый изобильный Генеральскій столъ. Генералъ Монтолонъ разсчиталъ, что домъ Наполеона, даже и при многихъ ограниченіяхъ, не могъ быть содержимъ менѣе какъ 15,194 гиніями. Онъ предлагалъ, что Императоръ возьметъ отъ банкира сей излишекъ суммы, лишь бы ему позволили послать о томъ запечатанное письмо. На сіе Маіоръ Горкуеръ не согласился. Тогда Графъ Монтолонъ объявилъ, что поелику Британское Правительство не дозволяетъ Императору употреблять деньги, которыя онъ имѣлъ въ Европѣ, то ему нечего больше дѣлать, какъ продать здѣсь свои вещи; и что если Императоръ долженъ самъ уплачивать излишки противъ назначенной ему Британіею суммы, то онъ продастъ свою серебряную посуду.

Сиръ Гудзонъ Лоу слишкомъ поспѣшно согласился, на этотъ вызовъ, между тѣмъ какъ присланныя ему 22 Ноября наставленія давали ему возможность предупредить обстоятельство, весьма способное къ тому, чтобы придать вѣроятіе говоренному и писанному о низости и скупости, оказанныхъ Французскому Императору. Наполеонъ, пожертвовавъ нѣкоторою частью своей старой серебряной посуды, пріобрѣлъ случай позабавиться отъ скуки, насмѣхаясь надъ несообразными свойствами Англійскаго народа — который, въ то же время, посылалъ ему домъ, стоющій отъ 60 до 70,000 фунтовъ стерлинговъ, и заставлялъ его продавать свою серебряную посуду и отсылать отъ себя слугъ для того, чтобы сберечь нѣсколько бутылокъ вина или нѣсколько фунтовъ мяса. Сиру Гудзону Лоу не слѣдовало бы подвергать землю такому обвиненію; и даже если бъ въ наставленіяхъ его не довольно ясно объ этомъ было сказано, онъ бы долженъ уплатить излишекъ и не подавать повода къ столь великому соблазну, котораго слѣдовало ожидать отъ необходимости, до которой довели Наполеона продавать свое серебро.

Но если уже Губернаторъ слишкомъ тѣсно понималъ свою обязанность при этомъ случаѣ, то что мы должны думать о самомъ Наполеонѣ, который, имѣя у себя въ сундукѣ втрое больше денегъ, чѣмъ сколько требовала сія издержка, предпочелъ прибѣгнуть къ этой жалкой продажѣ, дабы показать себя всей Европѣ нуждающимся и возбудить состраданіе къ человѣку, доведенному до такой крайности, что онъ принужденъ продавать со стола своего посуду для доставленія се-

въ съѣстныхъ припасовъ! Онъ зналъ, что объ немъ мало будутъ жалѣть, если подумаютъ, что онъ имѣлъ деньги для уплаты за все недостающее, не взирая на даваемое ему Англіею значительное содержаніе; и что одна только мысль о его бѣдности, доказанной повидимому поступкомъ, къ которому и частные люди прибѣгаютъ только въ самой крайности, можетъ произвесть сильное впечатлѣніе. Состраданіе, имъ возбужденное, обратилось бы совершенно въ другое чувство, если бъ настоящія обстоятельства тогда были извѣстны.

Изъ показаній, сообщенныхъ Генераломъ Гурго при разставаньи съ Сиромъ Гудзономъ Лоу, Губернаторъ узналъ любопытную вещь, что продажа серебра была сдѣлана только для виду, дабы произвесть впечатлѣніе на Англію и на Европу; ибо въ то время въ Лонгвудѣ было довольно денегъ. Сиръ Гудзонъ Лоу думалъ было, что Генералъ Гурго разумѣетъ подъ симъ принадлежавшія Ласъ-Казу деньги, которыя сей ревностный приверженецъ отдалъ въ распоряженіе Наполеона, но Генералъ Гурго возразилъ: «Нѣтъ нѣтъ; еще прежде этой сдѣлки было получено 240,000 франковъ, большею частью Испанскими дублонами» Онъ сказалъ еще, что деньги сіи были доставлены банкиромъ отъ Принца Евгенія. Въ Лондонѣ Генералъ Гурго показалъ тоже самое. Мы списываемъ здѣсь слова сего показанія, сдѣланнаго Лорду Батёрсту:

«Я замѣтилъ — говоритъ Генералъ Гурго — что Генералъ Бонапарте получилъ Испанскими дублонами значительную сумму, а именно десять тысячъ лундоровъ, въ то самое время, какъ онъ продавалъ свою посуду; и когда я убѣдительно просилъ его сказать мнѣ, кто именно въ этомъ участвовалъ, то Наполеонъ удовольствовался только удостовѣреніемъ, что способъ доставленія сихъ денегъ былъ совершенно случайный, и что посему онъ надѣется, что я не стану дѣлать розысковъ, которые, обнаруживъ людей, ему служившихъ, не произведутъ ничего, кромѣ того, что они подвергнутся наказанію или что это воспрепятствуетъ подобному случаю въ другой разъ. Притомъ же деньги сіи вовсе не были ему необходимы для подкупленія тѣхъ, кого онъ счелъ бы полезнымъ къ себѣ расположить; ибо не подлежало никакому сомнѣнію, что по всякому векселю, написанному Наполеономъ на имя Принца Евгенія или на какую либо другую особу его дома, деньги безпрепятственно были бы выданы.» Генералъ Гурго еще прибавилъ, что Наполеонъ придумалъ *способъ* къ исполненію своихъ замысловъ, помѣстивъ денежныя суммы на имя его Гурго, и что онъ подвергся неудовольствію Наполеона и докукамъ Генерала Бертрана, отказавшись содѣйствовать тайной перепискѣ.

Какое бы участіе Бонапарте ни заслуживалъ по причинѣ своихъ огорченій на островѣ Св. Елены, а очевидно, что онъ не терпѣлъ нужды въ деньгахъ, и что продажа его серебряной посуды была только хитрость, показывающая, что Наполеонъ любилъ употреблять обманы и что всѣ свидѣтельства словъ его

или поступковъ должны быть принимаемы не иначе, какъ съ осторожностью, когда ими что либо доказывается.

По полученіи въ Англіи донесенія Сира Гудзона Лоу, что излишекъ Лонгвудскаго расхода, превышающій 12,000 гиней, принятъ Наполеономъ на свой счетъ, сіе не было одобрено Министрами, и они опять напомнили Губернатору различіе, которое ему слѣдовало наблюдать между расходами, необходимыми на Генеральскій столъ и домъ, и принадлежащими совсѣмъ къ другому разряду или превосходящими то, чего могла требовать особа сего чина; ибо только сіи послѣдніе долженствовали уплачиваться самими Французами. Въ семъ повелѣніи, отъ 24 Октября 1817 года, сказано:

«Усмотрѣвъ изъ отчета, приложеннаго къ донесенію вашему за № 84, что расходъ на содержаніе дома Генерала Бонапарте превосходитъ 12,000 гиней въ годъ, и что излишекъ сверхъ сей суммы по день отправленія вашего отчета уплаченъ имъ самимъ, я считаю нужнымъ вновь обратить ваше вниманіе на ту статью моей депеши, отъ 25 Ноября прошедшаго года за № 15, коею, ограничивая издержки 12,000-ми гиней въ годъ, я, не взирая на то, предоставлялъ вамъ свободу увеличить расходъ сей, если вы признаете то необходимымъ для нуждъ Генерала Бонапарте; и повторяю вамъ, что *если вы сочтете 12,000 гиней недостаточными для приличнаго содержанія, котораго требуетъ домъ Генерала, то чтобы вы не затруднялись сдѣлать къ тому, какую вы заблагоразсудите, прибавку*. Но съ другой стороны, если издержка, уплаченная самимъ Генераломъ Бонапарте, выходитъ за предѣлы того, что по самому щедрому назначенію, можетъ быть предоставлено полному Генералу, то вы дозволите ему по прежнему уплачивать оную изъ своихъ денегъ.»

Эти опредѣлительныя и повторенныя наставленія служатъ доказательствомъ, что Англія вовсе не намѣрена была скупиться или даже стѣснять Наполеона; съ другой стороны, сознаніе Генерала Гурго показываетъ, что если Губернаторъ былъ слишкомъ строгъ на счетъ расходовъ, то узникъ имѣлъ достаточныя средства вознаградить себя за тѣ лишенія, на которыя его осуждала необходимость содержать себя столь незначительною суммою какъ 12,000 гиней въ годъ.

Мѣстопребываніе Наполеона также продолжало доставлять сильные предлоги къ несогласіямъ и къ распрямъ. Мы уже сказали, что Планшешенъ-Гоузъ, какъ лучшее зданіе на островѣ, долженствовалъ бы быть избранъ для его жительства. Если же однако противъ сего существовали какія либо препятствія, то постройка новаго дома, даже при недостаточныхъ къ сему на островѣ способахъ, была бы гораздо приличнѣе и, можетъ статься, дешевле, чѣмъ пріуготовленіе въ Лондонѣ и перевозка на островъ Св. Елены огромнаго деревяннаго зданія, которое прибыло туда съ принадлежащими къ оному мебелями въ Маѣ мѣсяцѣ 1816 года. Это однако жъ не былъ совершенно складной домъ, а

только матеріялы для построенія таковаго; такъ, чтобы онъ по волѣ Наполеона, могъ быть поставленъ особо, или употребленъ на придѣлку обширныхъ и удобныхъ пристроекъ къ дому, имъ уже занимаемому. Учтивость требовала узнать, угодно ли Наполеону, чтобы домъ былъ построенъ совершенно вновь, или онъ лучше желаетъ, чтобы прежнее зданіе осталось, а новое было прибавлено къ нему въ видѣ пристройки. Мы разсказывали о свиданіи Наполеона съ Губернаторомъ, словами перваго, сообщенными О'Мерою. Теперь мы приведемъ, какъ о семъ повѣствуетъ Сиръ Гудзонъ въ донесеніи къ Лорду Батёрсту отъ 17 Мая 1816 года.

«Поелику необходимо было узнать что нибудь рѣшительное на счетъ дома и мебелей, присланныхъ изъ Англіи для Генерала Бонапарте и для спутниковъ, то я рѣшился, съѣздивъ къ нему, объявить о привозѣ сихъ различныхъ вещей и спросить его мнѣнія прежде, чѣмъ на счетъ ихъ распорядиться. Предварительно обратился я къ Генералу Бертрану, дабы узнать, имѣетъ ли Наполеонъ время меня принять; и получивъ отъ него утвердительный отвѣтъ, я поѣхалъ въ Лонгвудъ. Встрѣтивъ тамъ Графа Ласъ-Каза, я просилъ его доложить обо мнѣ Генералу, освѣдомясь, угодно ли ему будетъ принять меня. Я получилъ въ отвѣтъ, что Императоръ со мною увидится.

«Чрезъ столовую его горницу вошелъ я въ гостиную. Онъ былъ одинъ и стоялъ, держа подъ мышкою шляпу, въ томъ видѣ, который онъ обыкновенно на себя принималъ, когда хотѣлъ показать себя Императоромъ. Онъ хранилъ молчаніе, ожидая, что я начну говорить. Видя, что онъ нерасположенъ вступать въ разговоръ, я началъ слѣдующими словами: — Милостивый Государь, вы вѣроятно читали въ нашихъ Англійскихъ газетахъ или другимъ образомъ уже знаете о намѣреніи Британскаго Правительства прислать сюда для васъ матеріялы для постройки дома и всѣ нужныя къ оному мебели. Вещи сіи теперь прибыли. Между тѣмъ Правительство увѣдомлено о состояніи зданія, вами обитаемаго, и мнѣ дано повелѣніе употребить сіи матеріялы, какъ будетъ удобнѣе, поставивъ ли изъ нихъ новый домъ или сдѣлавъ пристройки къ тому, который вы уже занимаете. Прежде чѣмъ приступить къ какимъ либо по сему распоряженіямъ, я ожидаю, не имѣете ли вы объявить мнѣ какихъ либо на счетъ сего желаній. » — Онъ стоялъ по прежнему, ничего не отвѣтствуя.

«Видя, что онъ продолжаетъ молчать, я опять началъ: — «Мнѣ кажется, Милостивый Государь, что пристройка двухъ или трехъ горницъ къ вашему теперешнему дому, при разныхъ другихъ поправкахъ, можетъ доставить вамъ удобство въ меньшее время, чѣмъ поставка новаго дома. »— Тутъ онъ началъ говорить, но съ такою скоростью, съ такимъ жаромъ и запальчивостью, что трудно было бы привести всѣ слова его. Какъ будто вовсе не слыхавъ сказаннаго мною, онъ заговорилъ такимъ образомъ: — «Я не понимаю поступковъ вашего Правительства со мною. Хочетъ ли оно умертвить меня? И не для того ли вы пришли сюда, чтобъ быть палачемъ моимъ, бывъ доселѣ тюремщикомъ? . . . Потомство будетъ судить поступки со мною. Бѣдствія, мною перенесимыя, падутъ на вашу землю. Нѣтъ, сударь, я не потерплю, чтобы входили во внутренность моего дома и въ мою спальню, какъ вами приказано. Узнавъ о пріѣздѣ вашемъ на островъ, я полагалъ, что вы, какъ сухопутный офицеръ, будете вѣжливѣе Адмирала, которому, какъ флотскому, свойственнѣе была суровость въ обхожденіи. Я не имѣю причинъ жаловаться на его сердце. Но вы, сударь. . . какъ вы со мною обходитесь. Вы обижаете меня, приглашая меня къ обѣду подъ именемъ Генерала Бонапарте. Я не Генералъ Бонапарте — я Императоръ Наполеонъ. Еще спрашиваю васъ, — за тѣмъ ли вы пріѣхали сюда, чтобъ быть моимъ тюремщикомъ — моимъ палачемъ? »—

Говоря сіе, онъ размахивалъ правою рукою; тѣло его было неподвижно; а глаза и осанка показывали человѣка, который хочетъ озадачить или раздражить другаго.

«Я далъ ему волю говорить, не безъ труда удерживаясь до тѣхъ поръ, пока онъ запыхался; и когда онъ умолкъ, то я сказалъ: — «Милостивый Государь, я не съ тѣмъ пришелъ сюда, чтобы подвергаться оскорбленіямъ, но чтобы поговорить о дѣлѣ, которое больше касается до васъ, чѣмъ, до меня. Если вы нерасположены вичего объ этомъ сказать. . . .»

«Я не намѣренъ оскорблять васъ, сударь,» возразилъ онъ: «но какъ вы со мною обходитесь? Прилично ли это солдату?»

«Я отвѣтствовалъ ему: — «Милостивый Государь, я солдатъ по обычаямъ земли моей и исполняю мою обязанность по ея уставамъ, а не по чужестраннымъ. И такъ, если вы считаете себя вправѣ на меня жаловаться, то вамъ стоитъ только написать ваше обвиненіе и я при первомъ случаѣ отошлю его въ Англію.»

«Къ чему это?» сказалъ онъ: «жалобы мои тамъ не болѣе будутъ обнародованы, какъ и здѣсь.

«Я отошлю ихъ напечатать во всѣхъ газетахъ твердой земли, если вы того желаете,» отвѣтствовалъ я ему. «Я исполняю долгъ мой и ни о чемъ болѣе не забочусь.» Тогда въ первый еще разъ обратясь съ предмету, за которымъ я пришелъ, онъ сказалъ: «Правительство ваше не извѣстило меня о привозѣ сего дома. Долженъ ли онъ быть поставленъ тамъ, гдѣ я пожелаю, или тамъ, гдѣ вы назначите.

«Я съ тѣмъ пришелъ, Милостивый Государь, чтобы объявить вамъ объ этомъ. Мнѣ не трудно отвѣчать на второй вопросъ вашъ. Если есть, мѣсто, гдѣ вы желаете, чтобы домъ сей былъ поставленъ, то я осмотрю его, и буде не встрѣтится препятствій, то онъ тамъ поставится. Если жъ найду какое затрудненіе, то извѣщу васъ. Для соглашенія съ вами объ этомъ дѣлѣ, я сюда пріѣхалъ.»

«Въ такомъ случаѣ, вамъ бы лучше переговорить съ Великимъ Маршаломъ и съ нимъ условиться.»

«Я предпочелъ обратиться къ вамъ. Несогласія такъ часто случаются при употребленіи посредства другихъ людей (какъ я то вижу особенно изъ словъ вашихъ на счетъ будто бы отданнаго мною приказа, насильно входить въ ваши комнаты), что я нахожу гораздо болѣе удовлетворительнымъ обращаться къ вамъ самимъ.»

«Онъ на это ничего не отвѣтствовалъ, походилъ нѣсколько времени, вѣроятно ломая себѣ голову, дабы придумать что нибудь, чѣмъ бы меня озадачить и настращать, и наконецъ сказалъ: — «Желаете ли вы чтобы я сказалъ вамъ правду? Да, сударь, спрашиваю васъ, желаете ли вы, чтобы я сказалъ вамъ правду? Я полагаю, что вы, получили приказъ убить меня — да, убить меня! Такъ, сударь, мнѣ кажется, что вы получили приказъ ни на что не смотрѣть — ни на что.» Тутъ онъ поглядѣлъ на меня, какъ бы ожидая отвѣта. Я отвѣтствовалъ: — „Вамъ угодно было сознаться, Милостивый Государь, при послѣднемъ нашемъ свиданіи, что вы ошиблись въ заключеніи вашемъ на счетъ духа Англійскаго народа. Позвольте жъ мнѣ вамъ замѣтить, что вы теперь столь же ложно заключаете о свойствахъ Англійскаго солдата.“

„Этимъ свиданіе наше кончилось и какъ мы ничего больше не имѣли сказать другъ другу, то и разстались.“

Сиръ Гудзонъ получилъ письмо въ отвѣтъ на донесеніе его объ этой странной, запальчивой сценѣ: благоразуміе и твердость его были одобрены. Но мы помѣщаемъ оное болѣе для того, что оно показываетъ, каковы были намѣренія Британскаго Правительства относительно Наполеона, уважительность его къ положенію, въ которомъ онъ находился, и снисхожденіе, которое оно желало, чтобы Губернаторъ острова Св. Елены ему оказывалъ.

„Великая разница въ томъ, какъ вы должны вести себя съ Наполеономъ и съ тѣми, которые рѣшились раздѣлить судьбу его, сопутствуя ему на островъ Св. Елены.

„Не великодушно было бы не оказывать снисходительности запальчивымъ рѣчамъ, коими первый можетъ увлекаться. Высота, съ коей онъ низвергнутъ, и всѣ обстоятельства, сопутствовавшія его паденію, достаточны, дабы привесть въ разстройство умъ, и менѣе раздражительный, и полагаю, что онъ мало можетъ утѣшать себя воспоминаніями какъ о средствахъ, чрезъ которыя онъ достигъ власти, такъ и объ образѣ ея употребленія. Слѣдовательно, пока запальчивость его ограничится одними только словами, то должно переносить ее; разумѣя однако жъ и внушая ему, что всякое съ его стороны умышленное нарушеніе правилъ, постановленныхъ вами для обезпеченія его храненія, приведетъ васъ въ необходимость прибѣгнуть къ строгимъ мѣрамъ, коихъ неполненіе весьма для васъ будетъ тягостно.

„На счетъ приближенныхъ его, они состоятъ совершенно въ другомъ отношеніи; имъ безпрестанно слѣдуетъ напоминать, что за пребываніе свое на островѣ, они обязаны снисходительности Англійскаго Правительства; и вы извѣстите ихъ о полученномъ вами именномъ приказаніи разлучить ихъ съ Генераломъ Бонапарте и выслать ихъ съ острова, если они не будутъ вести себя съ приличнымъ къ вашему чину уваженіемъ и со строгимъ наблюденіемъ установленныхъ вами правилъ, составляющихъ необходимое условіе, съ коимъ дозволяется имъ жить на островѣ."

Бурный споръ, происшедшій 17-го Мая 1816 года, оставилъ дѣло о домѣ вовсе нерѣшеннымъ; и можно по справедливости предполагать, что Наполеонъ предпочиталъ старое, неудобное свое жилище съ правомъ на него жаловаться, новому, спокойному дому, владѣніе коимъ заградило бы ему уста о такомъ обильномъ предметѣ упрековъ. Нѣсколько разъ возникали нелѣпыя пренія на счетъ сего предмета въ продолженіе двухъ или трехъ годовъ. Наполеонъ жаловался, что ему не даютъ обѣщаннаго дома, а Губернаторъ ссылался на то, что онъ Наполеона нельзя добиться, чтобы онъ объявилъ свое мнѣніе о планѣ и постройкѣ сего дома, или даже чтобы онъ сказалъ, что онъ предпочитаетъ передѣлку и распространеніе стараго, занявъ въ продолженіе работъ комнаты Г-на Бертрана. Иногда Наполеонъ говорилъ о перемѣнѣ мѣста для дома, но ни разу, какъ показываетъ Сиръ Гудзонъ Лоу, не объявилъ опредѣлительно своего желанія и не соблаговолилъ сказать, въ какомъ именно мѣстѣ онъ хочетъ, чтобы домъ былъ поставленъ. Наполеонъ, со своей стороны твердилъ, что его три года держали въ нездоровомъ сараѣ, между тѣмъ какъ Губернаторъ безпрестанно толковалъ о домѣ, котораго постройка не начиналась. Когда противныя стороны такимъ образомъ слагаютъ другъ на друга вину, то безпристрастный историкъ можетъ только сказать, что если бъ Сиръ Гудзонъ Лоу самовольно отложилъ постройку дома, то онъ подвергся бы строгому взысканію отъ Правительства, которое въ повелѣніяхъ своихъ безпрестанно подтверждало ему о скорѣйшемъ приведеніи сего къ концу. Губернаторъ ничего бы не могъ привесть противъ сего, кромѣ злобнаго своего желанія мучить Наполеона. Съ другой стороны, скорѣе рѣшался довольствоваться неудобнымъ жилищемъ, чѣмъ войти въ сно-

шенія съ ненавистнымъ для него человѣкомъ, Наполеонъ только слѣдовалъ принятому имъ правилу и жертвовалъ своимъ удобствомъ, а въ послѣдствіи и здоровьемъ, лишь бы только не подчиниться уставамъ, положеннымъ для его охраненія. Г. Элисъ, безпристрастный свидѣтель, объявляетъ, что старый домъ казался ему удобнымъ и хорошо снабженнымъ.

Судьба новаго дома была довольно странна. Наконецъ его поставили и говорятъ, что онъ былъ обширенъ и удобенъ. Но случилось, что по плану сего зданія, какъ сіе водится въ Англіи, оно долженствовало быть окружено глубокимъ рвомъ съ чугунными перилами для украшенія. Едва только Наполеонъ увидѣлъ эти приготовленія, какъ мысль о крѣпости и о темницѣ поселилась въ головѣ его; и его никакъ нельзя было разувѣрить, что эти перилы и ровъ дѣлались совсѣмъ не для того, чтобы увеличить собою способы содержанія его въ плѣну. Сиръ Гудзонъ Лоу, узнавъ объ этомъ возникшемъ затрудненіи, тотчасъ приказалъ засыпать ровъ и снять перилы. Но прежде чѣмъ сіе исполнилось, здоровье Наполеона стало слишкомъ ослабѣвать, такъ что онъ уже не въ состояніи былъ переѣхать, и умеръ подъ тою же самою кровлею, которая приняла его послѣ временнаго пребыванія въ Брейерсѣ.

Другая причина къ жалобамъ, на которую Наполеонъ очень опирался, состояла въ томъ, что Губернаторъ острова Св. Елены былъ не только точнымъ исполнителемъ наставленій, получаемыхъ имъ изъ Британіи, но, какъ законодавецъ, имѣлъ право перемѣнять постановленія, учрежденныя для стражи надъ Наполеономъ; уничтожалъ ихъ, оставлялъ и опять вновь вводилъ. — На это можно отвѣчать, что при такихъ обстоятельствахъ, когда Губернаторъ, имѣвшій столь важную порученность, находился въ такомъ далекомъ разстояніи отъ высшаго начальства, то ему должно было предоставить нѣкоторое полновластіе; ибо могли встрѣтиться случаи, въ коихъ онъ принужденъ былъ бы дѣйствовать соображаясь съ обстоятельствами, и необходимо было, чтобы онъ къ тому былъ уполномоченъ. Должно также вспомнить, что наставленія Государственнаго Секретаря могли быть различно толкуемы, и несовмѣстно, неудобно было бы, если бъ Губернаторъ не имѣлъ власти давать имъ такой смыслъ, какого требовали обстоятельства, и не менѣе того не приличествовало бы ему разсуждать со своимъ узникомъ о спорныхъ статьяхъ и, какъ простому исполнителю, ждать, пока пришлется изъ Англіи добавочное наставленіе.

Совсѣмъ другой вопросъ, на счетъ коего мы никакъ не можемъ столь же рѣшительно выразиться, состоитъ въ томъ: всегда ли Сиръ Гудзонъ Лоу пользовался правомъ своимъ съ надлежащею умѣренностью? Несправедливо было бы, не выслушавъ, осудить того, который никогда не готовился къ защищенію и противъ коего существуютъ одни только весьма сомнительныя свидѣтельства. Однако жъ кажется, сколько намъ извѣстно, что пере-

мѣны въ постановленіяхъ были дѣлаемы чаще, чѣмъ того повидимому требовала необходимость, — лучшее, если не единственное извиненіе оныхъ.

Напримѣръ, болѣе всего Наполеонъ жаловался на стѣсненіе пространства, гдѣ онъ могъ прогуливаться безъ сопровожденія Англійскаго офицера, которое вмѣсто двѣнадцати миль въ окружности, было уменьшено до двухъ третей. Все здѣсь въ мірѣ относительно, и мы очень понимаемъ, что лишеніе одной трети отъ мѣста для прогулки было въ эту минуту для Наполеона огорчительнѣе потери цѣлаго Королевства тогда, какъ онъ владѣлъ Европою.

Въ оправданіе сей мѣры приводили то, что Наполеонъ обнаружилъ расположеніе къ знакомству съ жителями Св. Елены болѣе, чѣмъ то было прилично. Мы охотно сему вѣримъ; ибо не только Наполеонъ могъ изъ полиники стараться пріобрѣсть себѣ сообщниковъ, въ высшихъ сословіяхъ — привлекательностью своего обхожденія, а въ низшихъ — своею ласкою и щедростью, но должно также предполагать, что чувство, столь свойственное несчастнымъ и заставляющее ихъ разнообразить свою одинокую жизнь, побуждало и его къ возобновленію связей съ людьми, онъ коихъ — кромѣ небольшаго числа его приближенныхъ — онъ былъ какъ бы отдѣленъ. Но этой охотѣ вступать въ сношенія съ людьми, встрѣчавшимися ему въ ограниченныхъ его прогулкахъ, можно бы кажется не препятствовать безъ всякаго опасенія, чтобы онъ употребилъ сіе во зло; поелику никто не могъ пройти безъ пропуска въ предѣлы, ему назначенные. Сиръ Гудзонъ Лоу вскорѣ послѣ того возстановилъ сіи предѣлы на прежнемъ пространствѣ; ибо Наполеонъ объявилъ, что безъ сего онъ не согласится дѣлать никакого движенія и не станетъ даже наблюдать того, что необходимо для его здоровья.

Приказъ, требующій, чтобы Наполеона ежедневно видѣлъ дежурный офицеръ, былъ при Сирѣ Гудзонѣ Лоу какъ и при Сирѣ Жоржѣ Кокбёрнѣ, предметомъ самаго сильнаго сопротивленія. Бонапарте до такой степени боялся, чтобы для исполненія сей мѣры не было употреблено насилія, что онъ зарядилъ свои пистолеты, дабы воспротивиться въ случаѣ, если бъ дежурный офицеръ вздумалъ насильно выполнять эту часть своей обязанности. Онъ съ сердцемъ упомянулъ объ этомъ обстоятельствѣ при ссорѣ, которая у него произошла съ Сиромъ Гудзономъ Лоу 17 Мая 1816 года. Однако жъ изъ всѣхъ непріятныхъ постановленій, коимъ подчиняются плѣнники въ ихъ заключеніи, противъ сего, кажется, наименѣе можно сдѣлать возраженій, поелику удостовѣряясь онъ времени до времени о присутствіи заключеннаго, оно даетъ возможность въ промежуткахъ предоставлять ему гораздо болѣе личной свободы, какая безъ сего могла бы допуститься: поелику краткость сего промежутка не оставляетъ ему времени для побѣга. Не взирая на то, Сиръ Гудзонъ Лоу, какъ уже упомянуто, уважилъ за-

пальчивыя угрозы Наполеона, и скорѣе рѣшился отступить на счетъ сего онъ исполненія данныхъ ему приказаній, чѣмъ отважиться на опасность, что узникъ его погибнетъ въ борьбѣ, коею онъ упорно грозился. Можетъ быть, что Губернатора въ этомъ случаѣ болѣе можно осудить за отступленіе отъ данныхъ ему по сему предмету наставленій, чѣмъ за слишкомъ строгое исполненіе оныхъ противъ достопримѣчательнаго человѣка, бывшаго его плѣнникомъ. Мы повторяемъ, что если бъ о присутствіи Наполеона отъ времени до времени съ точностью удостовѣрялись, то ему бы можно дозволить ходить по всему острову даже безъ сопровожденія военнаго офицера.

На этотъ надзоръ Наполеонъ наиболѣе жаловался. Онъ считалъ такое сопровожденіе очевиднымъ признакомъ своего плѣна, и рѣшился скорѣе оставаться въ предѣлахъ Лонгвуда, сколь они ни были тѣсны, чѣмъ вышедъ за оные, подвергаться необходимости имѣть при себѣ такого ненавистнаго стража. Можно сказать, что въ этомъ, мнѣніе Наполеона было, ни прилично философу, ни благоразумно. Несчастіе въ войнѣ не дѣлаетъ стыда, а плѣнъ и прежде сего бывалъ жребіемъ Царей и Императоровъ. Офицеры, назначаемые для сопровожденія его въ прогулкахъ, часто были бы люди умные, образованные, и сообщество ихъ могло бы нѣсколько разсѣять единообразіе Наполеоновой жизни.

Плѣнникъ однако же неспособенъ былъ принимать никакихъ разсѣяній, происходящихъ изъ такого источника. Столь же можно было ожидать отъ жителя темницы, что онъ станетъ дѣлать ботаническія изслѣдованія надъ растеніями, сыростью пораждаемыми. Наполеонъ не могъ забыть, чѣмъ онъ былъ и что онъ есть; и поступки его ясно показываютъ, что онъ скорѣе готовъ былъ умереть, чѣмъ, покорясь судьбѣ, явиться предъ всѣми съ признакомъ своего плѣна.

Однако жъ, не взирая на ненависть свою къ сему постановленію, Наполеонъ избралъ не настоящее средство, дабы отъ онаго избавиться. Сиръ Жоржъ Кокбёрнъ, вслѣдствіе сдѣланныхъ сначала пріѣзда на островъ возраженій, освободилъ его отъ слишкомъ близкаго сопровожденія офицера. Сія снисходительность была вдругъ прекращена въ бытность еще Адмирала на островѣ; и какъ Наполеонъ, такъ и прочіе Еленскіе авторы, а въ особенности Ласъ-Казъ, горько жалуются на Сира Жоржа Кокбёрна, который подвергалъ ихъ мученіямъ Тантала, давая имъ какую либо вещь, съ жестокимъ намѣреніемъ на другой день отнять оную. Это правда, но не совсѣмъ. Наполеонъ обѣщалъ Адмиралу за сію снисходительность не вступать ни въ какія сношенія съ жителями, коихъ онъ могъ встрѣтить въ своихъ прогулкахъ. Онъ нарушилъ слово въ первый день, какъ выѣхалъ одинъ, или только со своими приближенными; и съ этой минуты, Сиръ Жоржъ Кокбёрнъ, считая условіе нарушеннымъ, отнялъ у него сію льготу. И потому Наполеону не слѣдовало бы жаловаться, что Губернаторъ не расположенъ дозволить

ему то, изъ чего онъ сдѣлалъ употребленіе, совершенно противное его обязательствамъ. Должно замѣтить, что бывшій Императоръ совершенно по своему судилъ о своемъ дѣлѣ. Онъ считалъ всякую снисходительность, по временамъ ему оказываемую, возвращеніемъ малой части той свободы, которая по его мнѣнію была у него беззаконно и тиранскимъ образомъ похищена; и не болѣе затруднялся употреблять, то что имѣлъ, къ пріобрѣтенію большей степени свободы, сколько плѣнникъ, которому освободятъ руки, посовѣстился бы употребить оныя къ снятію оковъ съ ногъ своихъ. Нѣтъ сомнѣнія, если бъ Наполеонъ посредствомъ сего позволенія прогуливаться безъ сопровожденія офицера, могъ устроить свое бѣгство или способствовать оному, что онъ бы не затруднился, имъ воспользоваться.

Но, съ другой стороны, если таковъ былъ его образъ мыслей, едва имъ скрываемый, то Губернаторъ также принялъ свои мѣры, дабы не дѣлать никакого послабленія, въ надзорѣ, коего требовала стража надъ плѣнникомъ. Подобная снисходительность есть родъ довѣрія, которое стражъ изъ человѣколюбія, оказываетъ своему узнику, и по всей справедливости она не должна быть употребляема для споспѣшествованія такимъ дѣламъ, которыя могутъ причинить бѣду или даже гибель тому, кто ее оказываетъ. И потому, если Наполеонъ показывалъ расположеніе вступать въ болѣе тѣсныя и частыя сношенія съ жителями острова Св. Елены и съ чужестранцами, на оный пріѣзжающими, чѣмъ сіе было одобряемо Сиромъ Гудзономъ Лоу, то сему послѣднему оставалось только принять мѣры, чтобы такія свиданія не происходили безъ свидѣтеля, соблюдая постановленіе, по коему Англійскій офицеръ долженъ былъ сопровождать неукротимаго плѣнника въ его прогулкахъ.

Надобно замѣтить, что эти сообщенія съ жителями и съ пріѣзжими на островъ Св. Елены, представляли не одну только мнимую опасность; но тутъ была и настоящая, способная встревожить Сира Гудзона Лоу и принудить его къ усиленію данныхъ ему отъ Правительства наставленій. Признанія Генерала Гурго на этотъ счетъ очень опредѣлительны. Офицеръ сей, безъ околичностей сознался, что между обитателями Лонгвуда и жителями острова всегда существовало свободное, непрерываемое сообщеніе безъ вѣдома Губернатора; и что посредствомъ онаго не только получались и отправлялись письма, но были доставляемы книги, деньги и другія вещи, въ коихъ Лонгвудскіе жители могли по временамъ имѣть нужду; и что переписка, большею частью происходила прямо съ Великобританіею. Что люди, для сего употребляемые, были пріѣзжавшіе иногда на островъ Св. Елены Англичане, къ которымъ домочадцы Наполеона имѣли свободный доступъ и которые, говоря вообще, были готовы, иные безъ всякаго вознагражденія, а другіе за малую мзду, доставлять въ Европу ввѣряемыя имъ письма и посылки. Кажется также, что Капи-

шаны и прочіе люди на пристававшихъ къ острову судахъ, принадлежащихъ ли Остъ-Индской Компаніи, или другихъ, были почитаемы въ Лонгвудѣ особенно расположенными покоряться вліянію талантовъ Наполеона; такъ что Лонгвудскіе жители считали не весьма труднымъ, получить на одномъ изъ сихъ судовъ мѣсто для Генерала Бонапарте, еслибъ ему вздумалось спастись бѣгствомъ.

Къ подтвержденію сказаннаго нами о свободномъ сообщеніи между островомъ Св. Елены и Европою, служитъ разсказанная докторомъ Антомархи странная исторія о многихъ экземплярахъ книги Доктора О'Мера, привезенныхъ на островъ Св. Елены подъ видомъ сочиненій, распространяемыхъ духовнымъ обществомъ. Другое обстоятельство представлено Графомъ Ласъ-Казомъ, который, будучи удаленъ изъ Лонгвуда и лишенъ средствъ къ сообщенію со своимъ повелителемъ, очень затруднился, какъ доставить ему драгоцѣнное бриліантовое ожерелье, которое было ему ввѣрено и въ коемъ Наполеонъ по отъѣздѣ его могъ имѣть нужду. Онъ обратился случайно къ первому человѣку благовидной наружности, котораго онъ увидѣлъ идущаго въ Лонгвудъ, и заклиналъ его убѣдительнѣйшимъ образомъ, принять на себя доставленіе этой вещи. Незнакомецъ пошелъ тише, не сказавъ ни слова и указывая на карманъ свой. Ласъ-Казъ положилъ въ него свою посылку; и драгоцѣнность, ввѣренная честности неизвѣстнаго человѣка, благополучно достигла своего назначенія.

Почетно для человѣчества, что всякаго рода несчастіе, а въ особенности, когда оно дѣйствуетъ на воображеніе, возбуждая воспоминаніе о падшемъ величіи, находитъ себѣ великодушную помощь даже между тѣми, которые были врагами сего величія во время его процвѣтанія. Но Губернаторъ долженъ былъ остерегаться, чтобы состраданіе и романическое человѣколюбіе, равно какъ и соблазнъ мзды, не довели до покушеній, могущихъ обмануть его бдительность; и поелику Наполеонъ имѣлъ къ своимъ услугамъ и корысть и великодушіе, то Губернатору конечно слѣдовало по возможности отдѣлить его отъ тѣхъ людей, коихъ столь сильныя искушенія въ состояніи были склонить въ его пользу.

7-го Января 1818 года, Англійское Правительство сообщило, что оно одобряетъ распространеніе стѣсненныхъ на время предѣловъ для прогулки Наполеона, и дабы предоставить ему возможность принимать людей, которыхъ онъ заблагоразсудитъ, по дѣламъ или для посѣщенія, были постановлены слѣдующія правила: —

„Относительно сношеній съ жителями, я не вижу неудобства устроить сіе такимъ образомъ, какъ предлагалъ Графъ Бертранъ, увѣрявшій, что сіе наиболѣе соотвѣтствуетъ желаніямъ Генерала Бонапарте. Предложеніе Графа заключается въ томъ, чтобы составить списокъ извѣстнаго числа живущихъ на островѣ лицъ, которыя были бы пропускаемы въ Лонгвудъ по одному только приглашенію отъ Генерала, не обращаясь для сего каждый разъ къ Вашему Превосходительству. Впрочемъ вы властны утвердить или нѣтъ предложе-

ніе Графа Бертрана, и для сего вы пригласите его представить вамъ на утвержденіе списокъ, не превышающій числомъ пятидесяти, живущихъ на островѣ особъ, которыя могли бы въ приличные часы быть допускаемы въ Лонгвудъ безъ всякаго другаго вида, кромѣ приглашенія Генерала Бонапарте, разумѣя притомъ, что онѣ будутъ предъявлять сіи приглашенія, равно какъ имена свои, на заставѣ. При утвержденіи сего списка, вы сообразитесь, сколько дозволитъ ваша обязанность, съ желаніемъ Генерала Бонапарте; но вы ясно объявите ему, что вамъ предоставлено право исключенія изъ сего списка во всякое время тѣхъ лицъ, коимъ вы сочтете неприличнымъ продолжить такой свободный пропускъ; и вы особенно озаботитесь тѣмъ, чтобы дежурный офицеръ доносилъ вамъ объ особахъ, которыя будутъ допущены въ Лонгвудъ по приглашенію Генерала Бонапарте."

Мы коснулись сихъ различныхъ предметовъ, подававшихъ поводъ къ жалобамъ не какъ единственныхъ причинъ къ неудовольствіямъ или лучше сказать къ сильнымъ ссорамъ, существовавшимъ между бывшимъ Французскимъ Императоромъ и Губернаторомъ остр. Св. Елены, ибо были еще многія другія. Мы однако жъ не намѣрены, да и не въ состояніи, представить подробную, обстоятельную исторію сихъ частныхъ распрей, а означимъ только — поелику сего требуетъ весьма тягостная въ этомъ наша обязанность — цѣль и свойство сихъ запальчивыхъ раздоровъ. Изъ сего весьма естественно слѣдуетъ, что по объявленіи такимъ образомъ между двумя сторонами открытой войны, каждый спорный предметъ, возникавшій между Сиромъ Гудзономъ Лоу и Наполеономъ или между ихъ подчиненными, былъ тою или другою стороною превращаемъ въ обиду и строптиво оспориваемъ. Такимъ образомъ, когда сойдутся двѣ враждебныя арміи, то самыя мирныя мѣстоположенія и поля, теряютъ свое обыкновенное свойство и становятся мѣстами нападенія и защиты. Каждое обстоятельство, по дѣламъ или на счетъ какого либо обряда, встрѣчавшееся на островѣ Св. Елены, производило какую нибудь ссору между Наполеономъ, и Сиромъ Гудзономъ Лоу, почти всегда усиливая собою взаимную ихъ непріязнь. Историку неприлично описывать всѣ такія *сплетни*; и невозможно, не бывъ очевидцемъ, или не имѣя самыхъ обстоятельныхъ свѣдѣній о каждой ссорѣ, рѣшить, кто былъ правъ и кто виноватъ.

Намъ легко было бы, по удаленію нашему отъ мѣста сихъ распрей, осудить ту или другую сторону, или даже и обѣ, сказавъ, что разсудокъ и умѣренность должны бы внушить обѣимъ иные поступки, если бъ сіи качества не были пересиливаемы слабостями человѣческими, коимъ по несчастію люди, имѣющіе власть или притязанія, болѣе подвержены, чѣмъ низшія сословія, опымъ непричастныя.

Не трудно также было бы предположить въ воображеніи такого Губернатора Св. Елены, который, считая упреки и оскорбленія, безпрестанно Наполеономъ оказываемые, тщетною яростью волнъ, вздымаемыхъ бурею, — спокойно и терпѣливо ожидалъ бы, пока ярость ихъ смирится и утихнетъ, не встрѣчая никакого сопротивленія. Мы представляемъ себѣ такого человѣ-

ка, который, ополчась добродѣтелью, старается при исполненіи своего долга, посредствомъ снисходительныхъ поступковъ, тѣмъ болѣе пріятныхъ, что они неожиданны и ничѣмъ незаслуженны, усмирить негодованіе, весьма естественно возбуждаемое въ плѣнникѣ несчастнымъ его положеніемъ. Конечно, человѣкъ, столь рѣдкихъ свойствъ, нашелъ бы средства въ благопріятную минуту возстановить покрайней мѣрѣ хоть наружное, если не искреннее согласіе, которое уменьшило бы многочисленныя непріятности и Губернатора, и его узника. Но дабы составить себѣ понятіе о такомъ человѣкѣ, мы должны предположить его одареннымъ самою стоическою твердостью противъ самыхъ грубыхъ обидъ, которыя были вовсе имъ не заслуживаемы и ясно доказывали, что Наполеонъ заранѣе уже рѣшился противъ него враждовать; для сего должно бы имѣть необычайное хладнокровіе и стойкость. Гораздо естественнѣе, чтобы сановникъ, подобный Губернатору острова Св. Елены огорчался этими обидами, за которыя онъ не могъ получить никакого другаго удовлетворенія, кромѣ того, чтобы мучить человѣка, умышленно его оскорбившаго; или покрайней мѣрѣ чтобы онъ равнодушно смотрѣлъ на то, какъ огорчался плѣнникъ его принимаемыми имъ мѣрами, вмѣсто того, чтобы употребить для укрощенія его раздражительности кротость при исполненіи своего непріятнаго долга. Офицеръ, котораго въ глаза назовутъ лжецомъ, разбойникомъ, убійцею, воромъ и палачемъ, не много станетъ дѣлать околичностей съ тѣмъ, кто осыпалъ его столь незаслуженными ругательствами; а обидчикъ можетъ считаться объявившимъ войну съ нарушеніемъ всякой вѣжливости и съ пренебреженіемъ власти, коей жребій его подчинилъ.

Равнымъ образомъ, судя съ совершеннымъ безпристрастіемъ, мы не можемъ не сказать, что приближенные Наполеона гораздо лучше бы ему услужили, стараясь привесть къ согласію спорныя статьи съ Сиромъ Гудзономъ Лоу, вмѣсто того, чтобы усиливать неудовольствія своими собственными ссорами съ Губернаторомъ и съ его адъютантами, подстрекая тѣмъ страсти своего повелителя. Но хотя такое поведеніе и весьма было бы желательно, а нельзя не сознаться, что другое было гораздо естественнѣе. Генералы Бертранъ, Монтолонъ и Гурго были знаменитые воины, которые возвысились при глазахъ Наполеона и коихъ лавры процвѣли вмѣстѣ съ его собственными. Въ годину бѣдствія, они похвально и почтенно послѣдовали за нимъ въ изгнаніе, раздѣляя съ нимъ уединеніе и ссылку. Посему не должно удивляться, что наскучивъ уединенною, стѣсненною жизнью, ими ведомою, раздражаемые всѣмъ, что повидимому увеличивало бѣдствія ихъ падшаго повелителя, они болѣе были расположены раздувать пламя вражды, существовавшей между двумя сторонами, чѣмъ прекращать своимъ посредствомъ ссоры, которыя только дѣлали Наполеона раздражительнѣе, но ни въ какомъ отношеніи не могли доставить

ему облегченій, спокойствія или даже уваженія.

Скорѣе можно бы ожидать, что Наполеонъ, послѣ важной роли, которую онъ игралъ въ свѣтѣ, по великому его генію и по естественной гордости, происшедшей отъ убѣжденія въ своихъ талантахъ, покажетъ болѣе равнодушія къ пустымъ обрядамъ формъ и чинности; что онъ будетъ имѣть болѣе довѣренности къ своему собственному величію и болѣе благороднаго презрѣнія къ превратностямъ, произведеннымъ фортуною во всемъ, его окружающемъ. Мы могли бы надѣяться, что человѣкъ, столь неоспоримо превышавшій умственными способностями подобныхъ себѣ, меньше чѣмъ всякой другой будетъ заботиться о томъ, чтобы удержать остатки великолѣпныхъ одеждъ, отнятыхъ у него перемѣною судьбы, или добиваться соблюденія обрядовъ чинности, которые, если бъ ему ихъ и предоставили, были бы даны изъ одного состраданія. Мы бы думали, что побѣдитель въ столькихъ битвахъ долженствовалъ считать, даже если бъ его къ тому и подстрекали, неприличнымъ вести войну на словахъ съ Губернаторомъ небольшаго острова на Атлантическомъ морѣ; — войну, въ коей брань съ обѣихъ сторонъ могла быть единственнымъ оружіемъ и которая заставила его такъ измѣнить своему благородному характеру, что онъ первый началъ столь постыдную борьбу. Намъ кажется, такой великій мужъ долженъ бы предвидѣть, что въ неизбѣжныхъ бѣдахъ, хладнокровіе и терпѣніе суть не токмо благороднѣйшія средства для перенесенія оныхъ, но что даже относительно его свободы, такое поведеніе было бы болѣе благоразумно и сообразно съ политикою Европейскія Державы, и въ особенности Великобританія, скорѣе бы пожелали видѣть его освобожденнымъ отъ заключенія, если бъ онъ переносилъ его съ философскимъ хладнокровіемъ, чѣмъ видя его въ тѣсной его сферѣ обнаруживающимъ духъ строптивости и козней, который столь долго тревожилъ міръ и который казался столь съ нимъ неразлучнымъ, что довелъ его до унизительныхъ раздоровъ, нами описанныхъ. Но горделивѣйшіе и тщеславнѣйшіе люди подобны кумиру, видѣнному во снѣ Ассирійскимъ Монархомъ, — составленному изъ разныхъ металловъ, изъ самыхъ драгоцѣнныхъ и изъ самыхъ грубыхъ веществъ; соединяющему ломкость и слабость съ силою и незыблемостью. Наполеонъ, подобно многимъ Государямъ и героямъ, ему предшествовавшимъ, палъ жертвою собственныхъ страстей своихъ, побѣдивъ столько народовъ; и сдѣлался въ своемъ изгнаніи добычею мелкихъ досадъ, которыя доводили его до бѣшенства, разстроили его здоровье и даже, можетъ быть, сократили жизнь его, вмѣсто того, чтобы покориться съ благороднымъ терпѣніемъ тому, что по несчастію его, сдѣлалось уже неизбѣжнымъ.

ЖИЗНЬ
НАПОЛЕОНА БОНАПАРТЕ.

Т. IV. Ч. 14.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Образъ жизни Наполеона. — Препровожденіе времени. — Одежда его. — Отрывки Записокъ, которыя онъ диктовалъ Гг. Гурго и Монтолону. — Любя Литературу, онъ удивляется Оссіану. — Склонность его къ театральнымъ произведеніямъ — онъ предпочитаетъ Расина и Корнеля Вольтеру. — Тацитъ ему не нравится. — Онъ защищаетъ свойства Кесаря. — Обращеніе его съ приближенными. — Забавы его и упражненія. — Мнѣніе его о Сирѣ Пельтенѣ Малькольмѣ. — Сношенія его съ жителями Св. Елены и съ проѣзжавшими на сей островъ. — Свиданіе съ Капитаномъ Галломъ — съ Лордомъ Амгерстомъ и съ Англичанами, принадлежавшими къ Китайскому посольству.

Непріятныя и не дѣлающія чести ссоры, описанныя нами въ предъидущей главѣ, къ несчастію составляютъ самыя достопримѣчательныя событія послѣднихъ годовъ Наполеоновой жизни. Въ продолженіе пяти лѣтъ и семи мѣсяцевъ, проведенныхъ имъ на островѣ Св. Елены, мало произошло обстоятельствъ, измѣнившихъ печальное единообразіе его жизни, кромѣ тѣхъ, которыя раздражали его и вредили его здоровью. Мы ужъ говорили о томъ, что наиболѣе дѣйствовало на его характеръ; представимъ теперь общую картину его образа жизни и привычекъ тогда, какъ онъ занималъ свое печальное, уединенное жилище.

Жизнь Наполеона, до тѣхъ поръ, пока здоровье его начало разстроиваться, была самая правильная и единообразная. Поелику онъ не имѣлъ крѣпкаго сна, можетъ быть, отъ привычки его въ продолженіе дѣятельной эпохи его жизни, не назначать себѣ опредѣленнаго времени для отдыха, то часъ его пробужденія, былъ очень неодинаковъ, завися отъ сна, вкушеннаго имъ ночью. Сія

неправильность была причиною, что въ продолженіе дня онъ часто дремалъ на софѣ или въ креслахъ. Любимый его камердинеръ, Маршанъ, читалъ ему книгу, когда онъ ложился въ постелю, до тѣхъ поръ, пока онъ засыпалъ, что было, можетъ статься, лучшимъ средствомъ для разсѣянія безпрестанно скоплявшихся мыслей человѣка, который находился въ такихъ необычайныхъ и въ такихъ печальныхъ обстоятельствахъ. Вставъ съ постели, Наполеонъ или начинялъ диктовать одному изъ своихъ Генераловъ (большею частію Монтолону или Гурго), изображая тѣ черты своей достопримѣчательной жизни, которыя онъ желалъ сохранить; или, если позволяла погода и онъ былъ къ тому расположенъ, то ѣздилъ часа два верхомъ. Иногда завтракалъ онъ одинъ въ своей горницѣ, а иногда со своими приближенными, вообще около десяти часовъ и почти всегда что нибудь холодное. Утро проводилъ онъ обыкновенно въ чтеніи или диктуя кому либо изъ своихъ спутниковъ, а часу въ третьемъ принималъ особъ, имѣвшихъ дозволеніе его посѣщать. Прогулка въ коляскѣ или верхомъ обыкновенно слѣдовала за симъ пріемомъ, и тогда его сопровождали всѣ его приближенные. Лошади ихъ, привезенныя съ Мыса Доброй Надежды, были всѣ хорошей породы и красивой наружности. Возвратясь съ гулянья, онъ опять брался за книгу или диктовалъ до обѣда, происходившаго около осьми часовъ вечера. Онъ предпочитялъ простую пищу и ѣлъ много, съ большимъ апетитомъ. За обѣдомъ выпивалъ онъ нѣсколько рюмокъ вина. Иногда пилъ Шампанское; но воздержность его такъ была велика, что бокалъ этого легкаго вина производилъ краску въ лицѣ его. Никто меньше Наполеона не имѣлъ расположенія къ излишествамъ, унижающимъ человѣчество. Онъ никогда не ѣлъ болѣе двухъ блюдъ, и заключалъ обѣдъ свой небольшою чашкою кофе. Послѣ обѣда шахматы, карты, легкое чтеніе въ слухъ для забавы бесѣды или общій разговоръ, въ коемъ иногда участвовали дамы, его спутницы, занимали вечеръ до десяти или до одиннадцати часовъ; послѣ чего онъ уходилъ въ свою спальню, и тотчасъ ложился въ постель.

Къ этому краткому изображенію домашнихъ привычекъ Наполеона, мы можемъ прибавить, что онъ былъ очень тщателенъ на счетъ своего наряда. По утрамъ онъ обыкновенно являлся въ бѣломъ спальномъ халатѣ, въ широкихъ брюкахъ, съ краснымъ полосатымъ платкомъ на головѣ и съ открытымъ воротомъ у рубахи. Одѣвшись, онъ имѣлъ на себѣ простой зеленой мундиръ безъ всякихъ украшеній, подобный тому, которымъ Государь отличался отъ пышно-одѣтыхъ царедворцевъ въ Тюлліери; бѣлый жилетъ, бѣлыя или кипайчатыя панталоны, шелковые чулки и башмаки съ золотыми пряжками, черный галстухъ и треугольную шляпу, въ какой его изображаютъ на всѣхъ картинахъ и карикатурахъ, съ маленькою трехцвѣтною кокардою. Будучи въ полномъ нарядѣ, онъ обыкновенно надѣвалъ ленту и большой крестъ Почетнаго Легіона.

Таковы были привычки Наполеона, и получивъ объ оныхъ однажды общее понятіе, на нихъ нечего долго останавливаться. Значительная часть времени, употребленная имъ на диктовки, одна только возбуждаетъ наше любопытство и желаніе узнать, какъ онъ могъ находить средство наполнять столь многія страницы и заниматься этимъ столь многіе часы. Отрывки о военныхъ дѣлахъ, которые по временамъ писали со словъ его Генералы Гурго и Монтолонъ, не довольно обширны для того, чтобы занять все, посвящаемое на диктовку время; и даже, прибавя къ тому всѣ книжки и сочиненія, вышедшія съ острова Св. Елены, мы должны предполагать — или что существуютъ еще не изданныя рукописи, или что Наполеонъ сочинялъ медленно и затруднялся въ пріисканіи выраженій. Послѣдняя догадка кажется наиболѣе вѣроятною, ибо Французы въ особенности взыскательны на счетъ чистоты слога, и Наполеонъ, бывъ ихъ Императоромъ, не могъ не знать, что критики будутъ къ нему въ этомъ отношеніи безжалостны.

Признанныя имъ сочиненія, хоть и составленныя изъ отрывковъ, въ военномъ отношеніи очень любопытны; и описанія Италіянскихъ походовъ заключаютъ въ себѣ много драгоцѣнныхъ уроковъ воинскаго искусства. Политическое ихъ достоинство не столь значительно. Гурго, кажется, справедливо оцѣнилъ опыт, когда, будучи спрошенъ Барономъ Штурмеромъ, пишетъ ли Наполеонъ свою Исторію, онъ отвѣтствовалъ: «Онъ пишетъ отрывки безъ связи, которыхъ никогда не кончитъ. Если жъ спросить у него, почему онъ не передаетъ Исторіи вполнѣ всѣ событія, то онъ отвѣтствуетъ, что лучше оставить кое что для отгадки, чѣмъ сказать слишкомъ много. Кажется также, что считая свое необычайное поприще еще неоконченнымъ, онъ не хочетъ обнаруживать планы, которые еще не исполнены и за которые онъ можетъ нѣкогда съ большимъ успѣхомъ взяться.» Къ этимъ причинамъ пропусковъ и несовершенствъ его Исторіи должно прибавить опасность, которой вѣрный, искренній разсказъ его подвергъ бы многихъ людей, дѣйствовавшихъ въ происшествіяхъ, облекаемыхъ имъ завѣсою. Неоспоримо, что Наполеонъ изобразилъ своихъ непріятелей и въ особенности тѣхъ, которые были нѣкогда его соперниками, самыми черными красками, стараясь повидимому обвинить ихъ предъ существующими властями; но это же самое правило заставляло его щадить своихъ друзей, и не доставлять никакого оружія противъ тѣхъ, которые дѣйствовали въ его пользу, и никакого повода къ отнятію у нихъ возможности оказать ему дальнѣйшія услуги, если бъ положеніе ихъ то имъ дозволило.

Эти уважительныя причины остановили перо историка; и справедливо можно сказать, что ни одинъ человѣкъ, писавшій такъ много о своей жизни, составленной изъ столь необычайныхъ и важныхъ событій, не сказалъ такъ мало о самомъ себѣ, кромѣ извѣстнаго уже изъ другихъ источниковъ. Но подарокъ сей

тѣмъ не менѣе драгоцѣненъ; ибо иногда, изъ того, что умолчано, столько же можно извлечь свѣдѣній, сколько изъ показаній того, который желаетъ быть своимъ дѣеписателемъ; и защита или оправданіе событій достопримѣчательной жизни, хотя и пристрастно описанной, можетъ быть болѣе обнаруживаетъ читателю, чѣмъ искреннее сознаніе въ ошибкахъ и заблужденіяхъ, столь рѣдко дѣлаемое людьми, которые сами пишутъ свою исторію.

Записки Наполеона и спорныя статьи его противъ Сира Гудзона Лоу, кажется, составляли главнѣйшее его занятіе во время пребыванія на островѣ Св. Елены и, повидимому, единственную его забаву. Нельзя было ожидать, чтобы больной и несчастный, онъ сталъ заниматься науками даже и тогда, еслибъ первоначальное образованіе доставило ему болѣе къ тому способовъ. Надобно вспомнить, что онъ воспитанъ въ Бріенской Военной Школѣ, гдѣ онъ точно обнаружилъ большую склонность къ наукамъ. Но изученіе Математики и алгебры столь скоро было примѣнено имъ къ военному дѣлу, что сомнительно, чтобы въ немъ осталась охота разбирать отвлеченныя истины. Практическіе выводы столь долго были цѣлью его изысканій, что онъ пересталъ заниматься теоріею, не имѣя болѣе въ виду осадъ, многосложныхъ движеній и великихъ военныхъ цѣлей, т. е. когда все дѣло оканчивалось и начиналось однимъ только разрѣшеніемъ какой либо задачи.

Что Наполеонъ имѣлъ врожденную склонность къ Литературѣ, сіе неоспоримо; но время никогда не дозволяло ему заняться ею и усовершенствовать вкусъ свой и сужденія на счетъ сего предмета. Въ одобреніи, данномъ ему въ 1783 году для поступленія въ Парижскую Военную Школу, сказано, что онъ порядочно знаетъ Исторію и Географію, но недалекъ въ прочихъ отрасляхъ образованія и особенно въ Латинскомъ языкѣ. Семнадцати лѣтъ онъ пріѣхалъ въ Ла-Ферскій полкъ, и лишился всякой возможности довершить свое образованіе. Онъ однако жъ много читалъ, но подобно всѣмъ молодымъ людямъ, безъ выбора и больше для забавы, чѣмъ для наученія. Прежде чѣмъ онъ достигъ того возраста, когда молодой человѣкъ съ такими, какъ онъ способностями и въ особенности одаренный такою необычайною памятью, обыкновенно старается расположить и привесть въ порядокъ въ умѣ своемъ свѣдѣнія, почерпнутыя имъ изъ разнообразнаго чтенія, — мятежи въ Корсикѣ, а вслѣдъ за тѣмъ осада Тулона, перенесла его на поприще войны и политическихъ дѣлъ, сдѣлавшихся его сферою до самой той эпохи, до которой мы теперь достигли.

Недостатокъ познаній, нами упомянутый, подобно многимъ умнымъ людямъ, онъ замѣнялъ свѣдѣніями, почерпаемыми въ разговорахъ съ людьми учеными и способными передавать свою ученость. Никто не умѣлъ столь искусно, какъ Наполеонъ, извлекать у человѣка тѣ познанія, которыя онъ наиболѣе былъ способенъ сообщить ему; и во многихъ случаяхъ, дѣлая сіе, онъ успѣ-

валъ скрывать свое невѣдѣніе даже о тѣхъ вещахъ, которыя ему наиболѣе хотѣлось узнать. Но хотя такимъ образомъ онъ узнавалъ дѣла и послѣдствія, а невозможно было ему такимъ легкимъ способомъ совершенно познакомиться съ общими правилами и съ отношеніями ихъ къ послѣдствіямъ, онъ ихъ проистекающимъ.

Не менѣе того достовѣрно, что хотя Наполеонъ и могъ чрезъ разговоры пріобрѣтать желаемыя познанія и хотя таковыя познанія приносили ему существенную пользу въ дѣлахъ государственныхъ, а сего еще было недостаточно, дабы заставить его обратиться къ тѣмъ легкимъ занятіямъ, которыя столь любимы въ юности и которымъ въ зрѣломъ возрастѣ, уже не столь охотно предаются и труднѣе извлекаютъ изъ нихъ пользу. Посему онъ никогда не усовершенствовалъ себя въ изящной Литературѣ, но сохранилъ удивленіе къ Оссіану и къ другимъ писателямъ, первоначально его занимавшимъ. Витіеватый слогъ, плодовитость и поэтическія преувеличенія сего Цельтическаго Барда обыкновенно нравятся молодымъ людямъ; но Наполеонъ любилъ ихъ до конца своей жизни; и во многихъ его воззваніяхъ и бюлетеняхъ, можно замѣтить напыщенныя, иносказательныя выраженія, которыя кажутся намъ изящными въ молодости, но отвергаются вкусомъ, когда разсудокъ очиститъ и образуетъ оный. Въ оправданіе пристрастія Наполеона къ Оссіану, должно сказать, что Италіянскій переводъ онаго, сдѣланный Цезаротти́смъ, есть одно изъ лучшихъ произведеній на Тосканскомъ языкѣ. Книга сія всегда находилась при немъ.

Историческія, философическія и нравственныя сочиненія рѣже были читаемы въ Лонгвудѣ. Единственныя въ этомъ родѣ книги, къ коимъ Наполеонъ показывалъ рѣшительное пристрастіе, были Махіавель и Монтескьё, которыя онъ вѣроятно считалъ неприличными для чтенія въ слухъ. Тацита, который столь прямо представляетъ зеркало Государямъ, онъ, какъ говорятъ, ненавидѣлъ и рѣдко упоминалъ объ немъ, не хуля его и не обнаруживая своего къ нему нерасположенія; такимъ образомъ больной даже не можетъ смотрѣть безъ отвращенія на самое цѣлительное лекарство. Новые Французскіе романы служили иногда препровожденіемъ времени; но привычка Наполеона къ порядку и къ благопристойности, дѣлала ихъ неосновательность и недостатокъ разборчивости неприличными для такого общества.

Оставалась еще другая отрасль Литературы, доставлявшая обитателямъ Лонгвуда болѣе средствъ къ разсѣянію. Театральныя сочиненія составляли главное чтеніе, коимъ Наполеонъ услаждалъ тягостные часы своего заточенія. Это показывало, что онъ сохранилъ господствующій вкусъ Французовъ, которые охотно проводятъ, въ какихъ бы то ни было зрѣлищахъ, промежутокъ отъ обѣда до вечернихъ собраній. Невидя болѣе старинаго любимца своего, Тальму, Наполеонъ читалъ тѣ произведенія, въ коихъ онъ видѣлъ его, дающаго имъ жизнь.

Говорятъ, что самъ онъ читалъ со вкусомъ и съ чувствомъ, что согласно съ преданіемъ, сообщающимъ намъ, что онъ въ юности своей очень любилъ театръ. Въ послѣдовавшихъ за сими чтеніями сужденіяхъ, столь тщательно сохраненныхъ Ласъ-Казомъ, Бонапарте обнаруживалъ таланты свои въ разговорахъ, равно какъ вкусъ свой и мнѣнія.

Корнеля и Расина онъ гораздо больше уважалъ, чѣмъ Вольтера; и кажется, что имѣлъ основательныя къ тому причины. Они написали свои безсмертныя творенія подъ вліяніемъ Двора и по приказу самовластнѣйшаго изъ Монарховъ, Лудовика XIV. И потому въ ихъ произведеніяхъ нѣтъ ничего, могущаго оскорбить самаго мнительнаго Государя. Съ Вольтеромъ же, совсѣмъ другое дѣло. Сильный, наблюдательный духъ, произведшій впослѣдствіи Французскую революцію, въ то время обнаруживался, и Фернейскій Философъ, хотя еще не зная, до чего оный можетъ довести, тѣмъ не менѣе былъ имъ напитанъ. Посему въ сочиненіяхъ его находились многія мѣста, которыя могли быть примѣнены къ преобразованіямъ и переворотамъ современной Наполеону эпохи, къ самовластію его правленія и къ падшей отъ его меча свободѣ. По этому отношенію, Вольтеръ, коего сочиненія представляли тягостныя сравненія и воспоминанія, не могъ быть любимцемъ Наполеона. Сочиненнаго имъ *Магомета*, Бонапарте въ особенности ненавидѣлъ, сознаваясь въ уваженіи своемъ къ Восточному обманщику и говоря, что стихотворецъ неправильно его представилъ. Можетъ быть, что онъ тайно признавалъ нѣкоторое сходство между его собственнымъ жребіемъ и судьбою юнаго погонщика верблюдовъ, который, возвысясь вдругъ изъ низкой доли, въ коей судьба его поставила, сдѣлался завоевателемъ и законодавцемъ столькихъ народовъ. Можетъ быть также, что онъ помнилъ свои собственныя воззванія въ Египтѣ, сочиненныя въ Мусульманскомъ духѣ, которыя самъ онъ называлъ *шарлатанствомъ*; но прибавлялъ, что это было возвышенное, благородное шарлатанство.

Наполеонъ защищалъ также характеръ Кесаря. Французскій полководецъ не могъ быть равнодушенъ къ Римскому вождю, который, такъ же какъ и онъ, сначала отличился побѣдами своими надъ врагами Республики, подобно ему прекратилъ борьбу между Патриціями и Плебеями древняго Рима, покоривъ обѣ стороны своему неограниченному владычеству; и провозгласилъ бы себя Государемъ подъ ненавистнымъ въ Римѣ Царскимъ титломъ, если бъ не воспрепятствовалъ тому заговоръ; и который наконецъ, завладѣвъ своимъ отечествомъ, ни о чемъ болѣе не помышлялъ, какъ о распространеніи Имперіи, и безъ того уже слишкомъ обширной, завоевывая дальнія земли Скиѳовъ и Пароѳянъ. Правда, что въ личномъ отношеніи, между ими существовала большая разница; ибо Наполеонъ никогда не предавался грубому распутству и чувственности, приписываемымъ Кесарю, и мы не обрѣтаемъ въ немъ

ни авторскихъ шалавтовъ Римскаго Диктатора, ни кротости и забвенія обидъ, коими сей послѣдній отличался.

Однако жъ, хотя Наполеонъ и предавался иногда запальчивости, которую Кесарь счелъ бы постыдною, но съ людьми, которыхъ любилъ, онъ чрезвычайно какъ былъ ласковъ. Правда, что рѣшась быть Императоромъ въ Лонгвудѣ и въ небольшомъ своемъ владѣніи, онъ требовалъ отъ своихъ приближенныхъ того же строгаго чинопочитанія, которое соблюдалось при Тюлерійскомъ Дворѣ; но въ другихъ отношеніяхъ, онъ дозволялъ имъ свободно оспоривать его мнѣнія и возражать ему, даже преступая обыкновенные предѣлы. Казалось, будто бы онъ дѣлалъ различіе между обязанностью ихъ, какъ подданныхъ, и правами ихъ, какъ друзей. Всѣ были съ открытыми головами, и стояли въ его присутствіи, и даже тотъ, кто игралъ съ нимъ въ шахматы, иногда по нѣскольку часовъ не садился. Но въ разговорахъ съ нимъ они имѣли свободу, обращаясь къ нему, правда какъ къ начальнику, но не какъ къ Самодержцу. Капитанъ Мейтландъ описываетъ споръ, бывшій однажды у Наполеона съ Бертраномъ. Послѣдній вообразилъ себѣ нелѣпость, будто бы нужно 30,000 гиней въ годъ, или подобная сему неимовѣрная сумма на содержаніе Бленгеймскаго помѣстья. Наполеонъ, сообразивъ все, тотчасъ увидѣлъ, что это невозможно. Бертранъ настаивалъ на своемъ, и наконецъ Наполеонъ сказалъ съ горячностью: *Это быть не можетъ.* — «О!» отвѣтствовалъ Бертранъ, очень обидясь: «если вы такимъ образомъ будете отвѣчать, то это прекращаетъ всякія разсужденія;» и нѣсколько времени не хотѣлъ съ нимъ разговаривать. Нимало не разсердясь, Бонапарте всячески старался укротить его и развеселить, что ему не трудно было сдѣлать.

Но хотя Наполеонъ и дозволялъ въ этомъ отношеніи такую свободу, а онъ предоставлялъ себѣ Царское право избирать предметъ разговора и вести оный по своему благоусмотрѣнію, и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ казалось, что лишась существенной власти, онъ болѣе чѣмъ когда либо привязался къ соблюденію ея единообразной, утомительной и безполезной чинности. Къ этому могла быть и другая причина, кромѣ упрямой его склонности надъ всѣмъ владычествовать. Особы, обитавшія въ Лонгвудѣ, послѣдовали за нимъ изъ чистѣйшихъ побужденій, и нѣтъ причины предполагать, чтобы рѣшимость ихъ могла поколебаться, или почтеніе уменьшиться. Однако жъ взаимное положеніе низверженнаго Государя и бывшихъ его подданныхъ, поставляло ихъ въ короткость, могущую породить, если не пренебреженіе, то покрайней мѣрѣ неприличную степень свободы, которой нельзя было воспрепятствовать иначе, какъ строгою преградою чинопочитанія.

Возвращаемся къ Наполеоновымъ привычкамъ и забавамъ. Музыка не была въ числѣ ихъ. Хотя родясь Италіянцемъ и имѣя довольно музыкальное ухо для того, чтобы спѣть арію, онъ однако жъ никогда

не занимался симъ искусствомъ и не имѣлъ къ нему того врожденнаго пристрастія, которое свойственно Италіянцамъ; извѣстно также, что онъ искоренилъ въ Италіи жестокій способъ, употребляемый для сохраненія голосовъ.

Наполеонъ не былъ — по неохотному сознанію Денона — ни знатокомъ, ни даже любителемъ живописи. Онъ считалъ себя однако жъ свѣдущимъ въ ваяніи. Въ Музеѣ его находилась одна картина, предъ которою онъ имѣлъ привычку останавливаться, называя ее своею и говоря, что онъ не дозволитъ ни за какія деньги ее выкупить прежнему ея владѣльцу, Герцогу Моденскому. * Но онъ цѣнилъ сію картину не по достоинству ея, хотя это было и образцовое произведеніе, а по тому, что онъ доставилъ ее Музею цѣною большаго пожертвованія. На другія картины, составлявшія сіе огромное собраніе, не взирая на достоинство ихъ, онъ мало обращалъ вниманія. Онъ часто смущалъ любителей сего искусства презрѣніемъ своимъ къ недолговременности онаго. Услыхавъ однажды про одну отличную картину, что она сохранится не долѣе, какъ пять сотъ или шесть сотъ лѣтъ, онъ воскликнулъ: «Какая славная вѣчность!» Однако жъ, по совѣтамъ Денона и другихъ ученыхъ людей, Наполеонъ прославился, какъ великій покровитель искусствъ. Въ особенности медали его возбуждаютъ и заслуживаютъ удивленіе.

Что касается до движенія на островѣ Св. Елены, то Наполеонъ часто ходилъ пѣшкомъ, и пока былъ здоровъ, не боялся крутыхъ, трудныхъ и опасныхъ дорогъ. Не взирая на то, что на островѣ есть нѣсколько дичи, онъ никогда не охотился. Кажется, что онъ никогда не любилъ эту забаву, хотя въ бытность свою Императоромъ, онъ поставилъ гораздо на лучшую и великолѣпнѣйшую ногу противъ прежняго Придворную Охоту. Должно предполагать, что онъ занимался этою Царскою забавою — какъ ее называютъ — болѣе по любви къ пышности, чѣмъ по настоящей склонности къ этому упражненію. Мы приведемъ здѣсь собственное его повѣствованіе объ опасности, которой онъ однажды подвергся на кабаньей охотѣ. Картина эта напоминитъ любителямъ произведенія Рубенса и Шнейдера.

«Выѣхавъ однажды въ Марли на охоту за кабанами,» говоритъ Императоръ: «мы попали съ Султомъ и съ Бертье на трехъ огромныхъ вепрей, прямо на насъ бросившихся. Всѣ охотники со страха обратились въ бѣгство. Мы убили этихъ трехъ кабановъ; но мой меня оцарапалъ и едва не оторвалъ мнѣ палецъ (на немъ видѣнъ еще былъ большой рубецъ). Забавнѣе всего было, что охотники, окруженные своими собаками, столпясь позади трехъ героевъ, во все горло кричали: «Помогите Императору! спасите Императора!» а ни одинъ не трогался съ мѣста.» —

Говоря о прогулкахъ Наполеона, мы можемъ упомянуть здѣсь о другой опасности, которой онъ подвергался при забавѣ, болѣе употре-

* Смотри Часть I. стр. 71

бительной въ Англіи, чѣмъ во Франціи. Онъ вздумалъ однажды править лошадьми, и въ опасномъ мѣстѣ опрокинулъ карету, въ коей находилась Іозефина съ другими особами. Англійскій читатель вспомнитъ, что подобный случай былъ и съ Кромвелемъ, который — какъ говоритъ историкъ — въ состояніи будучи править тремя народами, полагалъ, что онъ можетъ править и шестеркою подаренныхъ ему горячихъ лошадей; и имѣвъ такую же неудачу, какъ постигла послѣ его Наполеона, опрокинулъ карету, къ великому страху сидѣвшаго въ ней Секретаря Тёрло и съ двойною для себя опасностью отъ паденія и отъ выстрѣла пистолета, который онъ всегда имѣлъ при себѣ заряженнымъ. Бонапарте замѣтилъ только: «что всякой долженъ браться за свое дѣло.»

Главнымъ средствомъ разсѣянія для Наполеона на островѣ Св. Елены, было общество и разговоръ только съ его приближенными; чего бы не случилось, если бъ онъ могъ повелѣвать своимъ нравомъ, который не измѣнялся при наивеличайшихъ бѣдствіяхъ, а теперь повидимому уступилъ слабости къ небольшимъ ссорамъ и досадамъ.

Губернаторъ и Штабъ его, естественнымъ образомъ не участвовали въ Лонгвудскомъ обществѣ по несогласіямъ, царствовавшимъ между Наполеономъ и Сиромъ Гудзономъ Лоу. Между офицерами стоявшихъ на островѣ полковъ, вѣроятно были образованные люди, которые, служивъ въ послѣднихъ войнахъ, конечно могли бы доставить своимъ обществомъ разсѣяніе Императору и его спутникамъ, но вообще они не ходили въ Лонгвудъ. Докторъ О'Мера говоритъ, будто бы Губернаторъ запретилъ офицерамъ знакомиться съ Французами; но Сиръ Гудзонъ Лоу отвергаетъ это, какъ клевету, ссылаясь на свидѣтельство самихъ офицеровъ 53-го полка. Но и предположивъ, что Англійскимъ офицерамъ не было сдѣлано такого запрещенія, весьма естественно, что военные не любили ходить туда, гдѣ они знали, что услышатъ самые неуважительные, грубые отзывы не только о ихъ начальникѣ, но о ихъ землѣ и Министерствѣ, не имѣя никакой возможности потребовать за то удовлетворенія.

Чинъ и свойства Сира Пёльтенея Малькольма, флотскаго Начальника, поставляли его превыше тѣхъ отношеній, которыя затрудняли низшихъ сухопутныхъ и морскихъ офицеровъ. Онъ часто посѣщалъ Наполеона, который очень его хвалитъ, и хотя, по тѣсной нашей дружбѣ съ Сиромъ Пёльтенеемъ мы знаемъ, что онъ совершенно заслуживаетъ похвалы сіи, но Наполеонъ тѣмъ охотнѣе ихъ дѣлалъ, что онѣ доставляли ему случай изливать свою досаду, сравнивая поведеніе Адмирала съ Губернаторомъ, самымъ невыгоднымъ для сего послѣдняго образомъ. Мы однако же приводимъ здѣсь этотъ отрывокъ, дабы показать, что Бонапарте умѣлъ при случаѣ отдавать справедливость и цѣнить достоинства, даже въ Англичанинѣ.

Послѣ свиданія съ новымъ Адмираломъ, онъ говоритъ: «Вотъ человѣкъ котораго обхожденіе пріятно, открыто, прямодушно и искренно. Это

настоящее Англійское лице: по чертамъ его можно угадать о сердцѣ; я увѣренъ, что онъ храбрый человѣкъ; я еще не видалъ никого, о комъ бы я такъ скоро составилъ себѣ столь выгодное понятіе, какъ объ этомъ красивомъ старикѣ воинственнаго вида; онъ держитъ голову прямо и открыто; и говоритъ что думаетъ, не боясь смотрѣть вамъ въ глаза. Лице его возбуждаетъ во всякомъ желаніе короче узнать его; оно внушило бы довѣренность самому подозрительному человѣку.»

Сиръ Пёльтеней Малькольмъ потому еще болѣе нравился Наполеону, что до него вовсе не касались дѣлаемыя узнику ограниченія, и что онъ не имѣлъ власти ни перемѣнить ихъ, ни уничтожить. Онъ былъ счастливъ и тѣмъ, что посредствомъ своего хладнокровія, могъ останавливать строптивыя рѣчи Наполеона, не признавая справедливости его жалобъ, но и не раздражая его прямымъ противорѣчіемъ. «Намѣревается ли ваше Правительство,» спросилъ однажды Наполеонъ у Англійскаго Адмирала: «продержать меня на этой скалѣ до дня моей смерти?» — «Къ сожалѣнію, я долженъ сказать,» отвѣтствовалъ Сиръ Пёльтеней: «что таково повидимому его намѣреніе.» — «Въ такомъ случаѣ конецъ мой скоро наступитъ,» сказалъ Наполеонъ. — «Надѣюсь, что нѣтъ,» возразилъ Адмиралъ, «надѣюсь, что вы проживете довольно времени для описанія вашихъ великихъ дѣлъ, которыя столь многочисленны, что это обѣщаетъ вамъ еще многія лѣта.» — Наполеонъ поклонился, вѣроятно довольный, и какъ герой, и какъ писатель. Не взирая на то, передъ отъѣздомъ Сира Малькольма съ острова, когда онъ сталъ оправдывать Губернатора въ нѣкоторыхъ несправедливыхъ обвиненіяхъ, взводимыхъ на него Наполеономъ, сей послѣдній опровергъ судъ его, сказавъ, что какъ Англичанинъ, онъ не можетъ быть безпристрастнымъ судьею. Они однако жъ разстались совершенно дружелюбно, и Наполеонъ часто послѣ говорилъ объ удовольствіи, доставленномъ ему обществомъ Сира Пёльтенея Малькольма.

Изъ жителей острова Св. Елены, какъ можно предполагать, мало было такихъ людей, которые по званію своему или образованности, могли бы быть приняты въ общество изгнанника. Притомъ, они находились въ тѣхъ же затрудненіяхъ, которыя препятствовали Англійскимъ офицерамъ вступать въ знакомство съ Лонгвудомъ и его обитателями. Если Губернаторъ былъ недоволенъ, слишкомъ частыми посѣщеніями какого либо человѣка, или начиналъ подозрѣвать такія сношенія, то онъ имѣлъ власть и — по мнѣнію островитянъ — желаніе, строго давать чувствовать свой гнѣвъ. Однако жъ Г. Балькомбъ, бывшій поставщикомъ, и еще человѣка два островскихъ жителей, посѣщали иногда Лонгвудъ. Сношенія между плѣнными Французами и островитянами производились посредствомъ Французскихъ слугъ, которымъ позволено было ходить въ Жемсъ-Тонъ, когда имъ угодно, не возбуждая тѣмъ никакого подозрѣнія. Но Лонгвудскіе жители ничего не выиграли чрезъ сношенія съ Жемсъ-Тономъ, кромѣ

того, что внѣшняя переписка изгнанниковъ чрезъ сіе очень распространилась. Она была производима большею частью чрезъ Баію; и дѣйствительно, имъ удалось переслать въ Европу много писемъ, хотя вообще полагаютъ, что они менѣе были счастливы въ полученіи отвѣтовъ.

Можно бы надѣяться, что Лонгвудское общество увеличится чрезъ прибытіе на островъ трехъ чиновныхъ особъ, Коммисаровъ Австрійскаго, Россійскаго и Французскаго, изъ коихъ двое пріѣхали со своими семействами. Но и тутъ чинность положила преграду, существенную или мнимую, смотря по мнѣнію тѣхъ, между коими она воздвигается. Коммисары Союзныхъ Державъ желали представиться Наполеону. Узнавъ о ихъ желаніи, онъ рѣшительно отказалъ принять ихъ въ ихъ офиціальномъ санѣ, отвергая право Европейскихъ Государей принимать участіе въ его заключеніи. Съ другой стороны Коммисары, видя, что ихъ не признаютъ въ этомъ званіи, отказались имѣть какое либо сообщеніе въ частномъ видѣ съ Лонгвудомъ; и такимъ образомъ изъ сего уединеннаго мѣста были устранены три человѣка, которые по своему свѣтскому образованію, могли бы сблизиться съ изгнанникомъ и съ его спутниками.

Общество Св. Елены очень однако же увеличивалось тогда, какъ приставали къ острову корабли, идущіе въ Индію, или возвращающіеся въ Европу. Всѣ офицеры и пассажиры при такихъ случаяхъ желали посмотрѣть на столь знаменитаго мужа, какъ Наполеонъ; и между ними находились такіе люди, которыхъ ему самому пріятно было видѣть. Правила для сихъ посѣщеній Лонгвуда, кажется, принадлежатъ къ небольшому числу тѣхъ постановленій, на которыя Наполеонъ не жаловался. Онъ имѣлъ весьма естественное отвращеніе удовлетворять собою пустому любопытству чужеземцевъ, и правила сіи очень защищали его отъ ихъ набѣговъ. Всѣ желавшіе видѣть Наполеона, должны были сперва обращаться къ Губернатору, который сообщалъ имена ихъ Генералу Бертрану, какъ Оберъ-Гофмаршалу Наполеонова дома, а тотъ уже доставлялъ отвѣтъ его, и если онъ былъ благопріятенъ, то назначалъ часъ, когда онъ ихъ приметъ.

Въ такихъ случаяхъ, Наполеонъ особенно заботился о соблюденіи всѣхъ обрядовъ Императорскаго Двора, между тѣмъ какъ напротивъ того, Губернаторъ внушалъ посѣтителямъ, чтобы они отнюдь не оказывали ему болѣе уваженія, какъ Генералу. И потому, если иногда случалось, что представленіе происходило на открытомъ воздухѣ, то приближенные къ Наполеону Французы не накрывались, между тѣмъ какъ Англичане, послѣ обычныхъ поклоновъ, надѣвали свои шляпы. Наполеонъ замѣтилъ неприличность сего, и приказалъ своимъ спутникамъ подражать въ этомъ Англичанамъ. Говорятъ, что они съ трудомъ и не безъ ропота ему повиновались.

Принимаемые въ Лонгвудѣ посѣтители были большею частію люди знатнаго рода, офицеры, извѣ-

стные въ арміи или во флотѣ, ученые (коихъ Наполеонъ принималъ съ особенною благосклонностью) или чужестранные путешественники, которые могли заплатить сообщаемыми имъ свѣдѣніями за удовольствіе представиться столь знаменитому мужу. Многіе изъ удостоившихся сихъ свиданій, напечатали оныя; а прочихъ мы имѣли случай видѣть записки. Всѣ согласно похваляютъ ласковость, величіе и благосклонность, показываемыя Наполеономъ при этихъ представленіяхъ, судя по коимъ, зрители никакъ не могли предполагать, чтобы, предавшись порыву гнѣва, или желая кого либо устрашить онымъ, Наполеонъ могъ быть тѣмъ запальчивымъ, грубымъ деспотомъ, какимъ другіе его изображали. Онъ обыкновенно дѣлалъ свои вопросы съ большою разборчивостью, приноравливая ихъ къ понятіямъ вопрошаемаго и стараясь обращать оные къ предметамъ, наиболѣе ему извѣстнымъ, дабы дать ему случай сказать что нибудь новое или любопытное о знакомомъ ему предметѣ.

Журналъ Флотскаго Капитана Василія Галла, весьма извѣстнаго талантами своими по службѣ и въ Литературѣ, представляетъ любопытный примѣръ того, что мы выше сказали, свидѣтельствуя въ то же время о необычайной памяти Наполеона. Онъ тотчасъ вспомнилъ имя Капитана Галла, поелику онъ видѣлъ отца его, Баронета Сира Жемса Галла, при посѣщеніи имъ Бріенской Военной Школы, которую онъ осматривалъ по любви своей къ наукамъ. Бонапарте объяснилъ, какимъ образомъ онъ могъ вспомнить имя частнаго человѣка, съ коимъ онъ одинъ только разъ встрѣтился. — «Это неудивительно,» сказалъ онъ Капитану: «батюшка вашъ былъ первый Англичанинъ, котораго я когда либо видѣлъ, и потому воспоминаніе объ этомъ осталось на всю жизнь мою.» Послѣ сего онъ подробно разспрашивалъ объ Эдинбургскомъ Королевскомъ Обществѣ, коего Сиръ Жемсъ Галлъ долго былъ Президентомъ. Потомъ перешелъ онъ къ любопытному предмету о вновь открытомъ островѣ Лу-Чу; и Капитанъ Галлъ сообщаетъ столь занимательныя подробности на счетъ сдѣланныхъ ему Наполеономъ вопросовъ, что мы бы поболѣлись отнять у нихъ цѣну, сокративъ оныя.

«По опредѣленіи положенія острова, онъ закидалъ меня вопросами о жителяхъ съ такимъ порядкомъ, съ такою строгою точностью, что я не могъ бы себѣ того вообразить. Вопросы его не были дѣлаемы на удачу, но каждый изъ нихъ имѣлъ опредѣлительную связь съ предъидущимъ и съ послѣдующимъ. Я вскорѣ почувствовалъ себя такъ предъ нимъ обнаруженнымъ, что мнѣ невозможно было бы скрыть или измѣнить малѣйшаго обстоятельства. Быстрота, съ которою онъ обнималъ любопытные предметы, и удивительная способность располагать ихъ въ порядкѣ, были таковы, что онъ иногда опережалъ меня въ разсказѣ, заранѣе угадывалъ мои заключенія и самъ дополнялъ то, что я готовился ему сообщить.

«Однако жъ нѣкоторыя подробности о жителяхъ Лу-Чу даже и его

отчасти удивили; и я имѣлъ удовольствіе нѣсколько разъ видѣть его въ недоумѣніи, не могшаго постигнуть чудесъ, мною ему разсказываемыхъ. Ничто столько не поразило его, какъ неимѣніе у нихъ оружія. — «Нѣтъ оружія!» воскликнулъ онъ: «т. е. нѣтъ пушекъ; но у нихъ есть ружья?» — И ружей нѣтъ, отвѣчалъ я. — «Ну такъ копья, или покрайней мѣрѣ луки и стрѣлы?» — Я сказалъ ему, что и они не употребляются. — «Ни даже кинжалы?» вскричалъ онъ съ возрастающимъ жаромъ. — «Ничего нѣтъ.» — «Но,» возразилъ Бонапарте, сжавъ кулакъ и сильно возвысивъ голосъ: «безъ оружія, какъ же они сражаются?»

«Я могъ только отвѣтствовать, что сколько мы въ состояніи были заключить, они никогда не имѣли никакой войны, пребывая во внутреннемъ и внѣшнемъ мирѣ. — «Не имѣли войны!» вскричалъ онъ съ пренебреженіемъ и недовѣрчивостью, какъ будто бы существованіе подъ солнцемъ народа, безъ войны было самымъ необычайнымъ дѣломъ въ природѣ.

«Такимъ же образомъ, но не съ тою же горячностью усомнился онъ, когда я разсказалъ ему, что у нихъ нѣтъ денегъ и что они не даютъ никакой цѣны нашимъ серебренымъ и золотымъ монетамъ. Выслушавъ сіе, онъ задумался и началъ твердить про себя: — «Не знаютъ употребленія денегъ! — ни во что ни цѣнятъ золото и серебро!» Въ эту минуту, взглянувъ на меня, онъ отрывисто спросилъ: — «Какимъ же образомъ вы платили этому странѣйшему изъ всѣхъ народовъ за быковъ и другіе припасы, доставленные вамъ на корабли?» Когда я сказалъ ему, что мы не могли уговорить жителей Лу-Чу къ принятію какой либо платы, то онъ чрезвычайно какъ дивился ихъ щедрости, и заставилъ меня два раза перечесть всѣ вещи, доставленныя намъ этими гостепріимными островитянами.

«Разговоръ продолжался съ тою же занимательностью, и я имѣлъ случай замѣтить необычайную проницательность, съ которою Бонапарте постигалъ самые замѣчательные, самые любопытные предметы, несмотря на обыкновенный безпорядокъ разговора. Жалкое состояніе служителей вѣры на островѣ Лу-Чу особенно обратило на себя его вниманіе, но онъ не получилъ объ ономъ удовлетворительныхъ объясненій. Капитанъ Галлъ объявилъ, что невѣдѣніе жителей Лу-Чу обо всемъ свѣтѣ такъ далеко простирается, что имъ извѣстно только происходящее въ Японіи и въ Китаѣ, что они понятія не имѣютъ о Европѣ — не знаютъ ни Франціи, ни Англіи — и даже никогда не слыхивали о Его Величествѣ; при этомъ послѣднемъ доказательствѣ ихъ совершеннаго отчужденія отъ свѣта, Бонапарте сильно расхохотался. Въ продолженіе всего разговора, Наполеонъ съ величайшимъ терпѣніемъ ожидалъ на свои вопросы отвѣтовъ; съ любопытствомъ разспрашивалъ о занимательныхъ предметахъ и сдѣлалъ самое благопріятное впечатлѣніе на своего гостя.

«Бонапарте,» говоритъ сей наблюдательный путешественникъ: «поразилъ меня несходствомъ своимъ со всѣми, видѣнными мною его портретами и бюстами. Лице его показалось мнѣ болѣе и шире, чѣмъ на всѣхъ его изображеніяхъ. Тучность его, которую всѣ въ это время описывали чрезмѣрною, не имѣла въ себѣ ничего особеннаго. Онъ скорѣе казался крѣпкимъ и жилистымъ. На щекахъ его не обнаруживалось ни малѣйшаго румянца; и кожа его скорѣе походила на мраморъ, чѣмъ на обыкновенное тѣло. На челѣ его и на лицѣ не замѣтно было ни одной морщинки. Здоровье его и духъ казались въ лучшемъ положеніи; хотя въ это время въ Англіи вообще думали, что онъ подверженъ многосложнымъ недугамъ и совершенно упалъ духомъ. Разговоръ его былъ болѣе медленъ, чѣмъ быстръ и совершенно ясенъ; онъ ждалъ съ величайшимъ терпѣніемъ и ласково, пока я оканчивалъ отвѣты мои на его вопросы, и одинъ только разъ въ продолженіе всего разговора обратился къ Графу Бертрану. Сверкающій и иногда даже ослѣпительный блескъ очей его невозможно было выдержать. Этотъ блескъ однако жъ не былъ всегдашній, но въ особенности являлся тогда, какъ вниманіе его чѣмъ нибудь возбуждалось. Невозможно вообразить себѣ выраженія, болѣе кроткаго, болѣе благосклоннаго, какъ то, которое царствовало на лицѣ его въ продолженіе всего свиданія. И такъ, если въ сіе время здоровье его было уже разстроено и духъ въ упадкѣ, то власть его надъ самимъ собою должно признать еще болѣе необычайною, чѣмъ вообще предполагали; ибо всѣ его ухватки, разговоръ и выраженіе лица показывали человѣка совершенно здороваго и въ лучшемъ расположеніи духа.» —

Сіе свиданіе происходило 13 Августа 1817 года. При ономъ Бонапарте показалъ себя въ своемъ настоящемъ видѣ. Въ другомъ достопримѣчательномъ случаѣ, 1 Іюля 1817 года, когда онъ принималъ Лорда Амгерста и чиновниковъ его посольства на возвратномъ ихъ пути изъ Китая, его обхожденіе и разговоръ были гораздо болѣе притворны, принужденны и изысканны. Очевидно было, что онъ хотѣлъ чрезъ притворство произвесть впечатлѣніе, конечно не думая посѣять сѣмена свои на безплодную землю, но надѣясь, что семяна сіи будутъ собраны, отвезены въ Англію и произведутъ обильную жатву. Онъ вдругъ пустился въ политическія разсужденія, объявивъ, что перевѣсъ Россіи будетъ гибеленъ для Европы, замѣтивъ однако же, что Французскія и Англійскія войска одни только заслуживаютъ вниманіе по ихъ устройству и нравственнымъ качествамъ. Вслѣдъ за тѣмъ онъ сбилъ Англичанъ съ поля, сославшись на малочисленность нашей арміи; и сказалъ, что если мы слишкомъ будемъ надѣяться на свои военныя силы, то потеряемъ первенство наше на морѣ. Тутъ онъ попалъ на любимый предметъ свой — заговоривъ объ оплошности Лорда Кастельрига, который не доставилъ намъ или, лучше сказать, не исторгнулъ у Франціи торговаго договора и не вытре-

бовалъ у Португаліи вознагражденія за наши издержки. Онъ, казалось, считалъ сіе пожертвованіемъ выгодами и благосостояніемъ своего отечества, и говорилъ сіе съ умышленною увѣренностью, дабы убѣдить слушателей въ томъ, что онъ отъ искренняго сердца говоритъ несовмѣстности, имъ возвѣщаемыя.

Онъ однако жъ не успѣлъ сдѣлать никакого впечатлѣнія на Лорда Амгерста или на Г. Генриха Эллиса, третьяго Коммисара Посольства, къ коему была обращена большая часть сей сильной выходки и который давалъ намъ читать свой собственный журналъ, гдѣ подробнѣе изображено сіе свиданіе, чѣмъ въ печатномъ описаніи сего Посольства, изданномъ въ 1817 году.

Выставя мнимые проступки Лорда Кастельрига противъ Государства, Наполеонъ не умолчалъ и о своихъ собственныхъ неудовольствіяхъ. Особенно въ разговорѣ своемъ съ Лордомъ Амгерстомъ, онъ горько жаловался на поступки съ нимъ Сира Гудзона Лоу въ разныхъ случаяхъ; но совершенно не успѣлъ никого въ этомъ убѣдить. Напротивъ того, Посланнику и свитѣ его показалось, что никогда еще важный узникъ не бывалъ столь мало стѣсненъ въ своей личной свободѣ, какъ бывшій Монархъ Франціи. Г. Эллисъ, послѣ личнаго во всемъ удостовѣренія, призналъ жалобы его на счетъ вина и припасовъ совершенно не заслуживающими вниманія и сожалѣлъ о томъ, что истинное или притворное негодованіе довело, столь великаго мужа до такихъ ничтожныхъ и несправедливыхъ жалобъ. Лонгвудскій домъ, для жительства Государя, по сознанію Г. Эллиса, былъ малъ и недостаточенъ; но съ другой стороны, смотря на него, какъ на обитель знатной особы, ведущей уединенную жизнь, какою въ Англіи считали плѣнника, онъ былъ по его мнѣнію и приличенъ, и удовлетворителенъ. На счетъ же назначенныхъ ему предѣловъ, Г. Эллисъ замѣчаетъ, что большей свободы нельзя было дать человѣку, коего заключенія требовала всеобщая безопасность. Сношенія его съ чужими людьми состояли конечно подъ надзоромъ, ибо никому не дозволялось входить въ Лонгвудскіе предѣлы безъ пропуска отъ Губернатора; но пропускъ сей, по его увѣренію, тотчасъ былъ даваемъ, и никогда не препятствовалъ Наполеону видѣть желаемыхъ имъ посѣтителей. Стѣсненіе его переписки признано непріятнымъ и огорчительнымъ для чувствъ его; но это неизбѣжное слѣдствіе того, что онъ теперь есть и чѣмъ онъ былъ. «Отъ двухъ причинъ,» говоритъ Г. Эллисъ: «по моему мнѣнію, происходятъ неосновательныя Наполеоновы жалобы. Первая и главная есть та, чтобы возбуждать общественное участіе въ Европѣ, и въ особенности въ Англіи, гдѣ онъ надѣялся имѣть себѣ сообщниковъ; а другую, я думаю, можно приписать личнымъ свойствамъ и привычкамъ Бонапарте, который находитъ занятіе въ этихъ пустыхъ ссорахъ и жалкое удовольствіе въ производимыхъ ими сплетняхъ и досадѣ.»

Прозорливость Г. Эллиса не обманулась: ибо Генералъ Гурго, между прочими своими показаніями, со-

общаетъ удовольствіе, которое доставило Наполеону свиданіе съ Посольствомъ, возвращавшимся изъ Китая въ Англію, и увѣренность его, что доводами своими, онъ произвелъ сильное на него впечатлѣніе. Обнародованный отчетъ Г. Эллиса разрушилъ мечту сію, и жестоко обманулъ надежды изгнанника острова Св. Елены.

Описавъ разныя обстоятельства пребыванія Наполеона на Св. Еленѣ, пока онъ наслаждался совершеннымъ здоровьемъ, образъ его жизни, занятія и забавы, и приведя два достопримѣчательныя его свиданія съ умными, прозорливыми чужестранцами, — намъ остается въ слѣдующей главѣ изобразить печальныя подробности упадка его здоровья, и немногія, незначительныя событія, случившіяся между началомъ и концемъ его послѣдняго недуга.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

—

Болѣзнь Наполеона. — Ракъ въ желудкѣ. — Мнѣніе Доктора Арнотта, что недугъ сей не произведенъ климатомъ, а существовалъ ужъ въ немъ, усиливаясь съ 1817 года. — Наполеонъ нисколько не старается показать такое расположеніе, которое могло бы содѣйствовать къ облегченію суровости его плѣна. — Удаленіе отъ него Лясъ-Каза. — Разныя жалобы Монтолона, представленныя Палатѣ Перовъ Лордомъ Голландомъ и опровергнутыя Лордомъ Батёрстомъ. — Дѣйствіе, произведенное неудачею Лорда Голланда на Бонапарте. — Признаки его болѣзни усиливаются. — Онъ не хочетъ, ни дѣлать движенія, ни принимать лекарствъ. — Удаленіе Доктора О'Меры отъ Наполеона, — который не соглашается принять посѣщенія никакого другаго Англійскаго врача. — Два Римско-Католическіе Священника присланы по его желанію на островъ Св. Елены. — Мнѣніе Наполеона о вѣрѣ. — Докторъ Антомархи пріѣзжаетъ для того, чтобы заступить мѣсто О'Меры. — Продолженіе ссоръ между Бонапарте и Сиромъ Гудзономъ Лоу. — Планы для побѣга Наполеона. — Умыселъ Жонстона, смѣлаго контрабандиста, пристать къ Св. Еленѣ на подводномъ судѣ и принять на оное плѣнника. — Судно его захвачено, и умыселъ разстроенъ. — Волненія въ Италіи дѣлаютъ необходимымъ усилить бдительность охраненія особы Наполеона. — Болѣзнь его усиливается. — Письмо, изъявляющее участіе, принимаемое Его Британскимъ Величествомъ въ положеніи Наполеона. — Бонапарте соглашается допустить къ себѣ доктора Арнотта. — Онъ пишетъ свое завѣщаніе — и объявляетъ послѣднюю свою волю на случай смерти. — Причащеніе Святыхъ Тайнъ. — *Смерть его*, 5 Мая 1821 года. — Вскрытіе тѣла. — Похороны.

—

Давно уже носились слухи о разстройствѣ Наполеонова здоровья, даже еще до Ватерлооской битвы; и многіе приписываютъ неудачу его въ этомъ рѣшительномъ походѣ, не столько превосходству надъ нимъ его непріятелей, сколько упадку его собственной дѣятельности. Это мнѣніе невѣроподобно: быстрота, съ коею онъ сосредоточилъ силы свои при Шарльруа, совершенно его опровергаетъ. Онъ былъ иногда подверженъ дремотѣ, какъ и многіе люди за сорокъ лѣтъ, которые дурно спятъ, рано встаютъ и много трудятся. Когда онъ вышелъ на берегъ острова Св. Елены, то здоровье его столь мало казалось разслабленнымъ, что одинъ Англійскій гренадеръ, увидѣвъ его, воскликнулъ со своею народною приговоркою: «Намъ сказывали, что онъ ужъ состарѣлся; а у него еще добрыхъ сорокъ походовъ сидитъ въ брюхѣ — чортъ

его поберв!» Это изреченіе Французы присвоили себѣ, какъ будто бы произнесенное солдатомъ старой гвардіи. — Мы сообщили отчетъ Капитана Галла о наружномъ видѣ его здоровья лѣтомъ 1817 года; показаніе Г. Эллиса около того же времени съ онымъ согласно, и врачъ сей увѣренъ, что никогда еще Бонапарте не былъ столь способенъ къ перенесенію военныхъ трудовъ, какъ въ ту минуту, когда онъ его видѣлъ. Однако жъ около той же поры, въ Іюлѣ мѣсяцѣ 1817 года, Наполеонъ ссылался на разстройство своего здоровья, дабы получить разныя послабленія, между тѣмъ какъ онъ не хотѣлъ дѣлать необходимаго, для поддержки себя движенія до тѣхъ поръ, пока уменьшатъ строгость соблюдаемаго надъ нимъ надзора. Вѣроятно однако жъ, что онъ тогда уже ощущалъ признаки внутренняго недуга, прекратившаго впослѣдствіи жизнь его. Теперь уже совершенно извѣстно, что онъ страдалъ тою же болѣзнью, которою умеръ отецъ его, а именно, ракомъ въ желудкѣ, на счетъ коей онъ неоднократно изъявлялъ свои опасенія, находясь въ Россіи и въ другихъ мѣстахъ. Успѣхи сей болѣзни должны однако жъ быть очень медленны и скрытны, если она точно началась еще съ 1817 года. Гурго гораздо позже сего объявилъ, что онъ вовсе не вѣритъ существованію сего недуга. Онъ правда говоритъ, что, «Наполеонъ былъ въ такомъ уныніи духа, что даже замышлялъ запереться со своими вѣрными приближенными въ небольшую горницу, и лишить себя и ихъ жизни чадомъ древеснаго уголья, что химикъ Бертолетъ называетъ легкою смертью. Однако жъ на счетъ здоровья Генерала Бонапарте, Гурго показывалъ, что Англичанъ старались б-мануть; ибо они вовсе не было разстроено, и представленія объ этомъ мало или даже вовсе не заслуживали вѣроятія. Докторъ О'Мера конечно не могъ устоять противъ того вліянія, которое Бонапарте всегда производилъ на людей, къ нему приближенныхъ, и хотя онъ (Генералъ Гурго) вообще не имѣетъ повода сказать о Г. О'Мерѣ ничего, кромѣ похвальнаго, но зная коротко положеніе Генерала Бонапарте, онъ можетъ утвердительно засвидѣтельствовать, что здоровье его было вовсе не хуже того, какъ за нѣсколько времени до прибытія на островъ Св. Елены.»

Однако жъ, несмотря на это невѣріе и друзей его и враговъ, по всему кажется, что ужасная болѣзнь, коею Наполеонъ умеръ, уже существовала въ его внутренности, хотя и не обнаруживалась еще рѣшительно никакими внѣшними признаками. Докторъ Арнотъ, врачъ 20-го полка, лечившій Наполеона на смертномъ одрѣ, сдѣлалъ слѣдующія замѣчанія объ этомъ важномъ предметѣ:

«Мы полагаемъ, основываясь на мнѣніи искусныхъ врачей, что этотъ желудочный недугъ не можетъ произойти безъ сильнаго, предварительнаго расположенія тѣла къ сей болѣзни. Не скажу ничего рѣшительно, но странно, что Наполеонъ часто твердилъ, что отецъ его умеръ отъ нарыва въ желудкѣ; что по

смерти его тѣло было вскрыто и сіе дѣйствительно оказалось. Вѣрнѣйшіе его приближенные, Графъ и Графиня Бертранъ и Графъ Монтолонъ, неоднократно то же самое мнѣ повторяли.

«И такъ, если принять, что предварительное расположеніе къ сей болѣзни уже существовало, то развѣ душевныя страсти немогли чрезъ раздраженіе оной содѣйствовать? Весьма вѣроятно, что умственныя страданія Наполеона на островѣ Св. Елены были ужасны. Человѣкъ, столь непомѣрно честолюбивый и замышлявшій нѣкогда владычествовать надъ цѣлымъ свѣтомъ, долженъ былъ жестоко чувствовать свое заточеніе.

«Климатъ острова Св. Елены считаю я здоровымъ; воздухъ чистъ, умѣренъ, и Европейцы наслаждаются тѣмъ же здоровьемъ и тѣлесною силою, какъ и на своей родинѣ.»

Докторъ Арнотъ далѣе говоритъ, что невзирая на сіе общее заключеніе, кровавый поносъ, воспалительныя желудочныя болѣзни свирѣпствовали въ войскахъ. Это онъ приписываетъ небережливости и невоздержности Англійскихъ солдатъ, равно какъ чрезмѣрному утомленію; ибо офицеры, коимъ рѣдко случалось быть по ночамъ на службѣ, сохранили тоже здоровье и силу, какъ въ Европѣ. «И потому я увѣрительно могу сказать,» продолжаетъ врачъ сей: что всякой человѣкъ, ведущій воздержную жизнь, неподверженный слишкомъ большому утомленію, ночному воздуху и перемѣнамъ погоды, что для солдата неизбѣжно, можетъ быть болѣнъ на островѣ Св. Елены, такъ же какъ и въ Европѣ; притомъ же я совершенно убѣжденъ, что болѣзнь, которою умеръ Наполеонъ, *не была* слѣдствіемъ климата.»

Мнѣніе доктора Арнотта подтверждается тѣмъ, что изъ многочисленнаго Наполеонова дома, состоявшаго почти изъ пятидесяти человѣкъ, со включеніемъ Англійскихъ служителей, только одинъ умеръ въ продолженіе пяти-лѣтняго пребыванія на островѣ; и этотъ человѣкъ (дворецкій Чипріани) получилъ похитившую его болѣзнь, родъ чахотки, еще до отъѣзда своего изъ Европы.

Докторъ Арнотъ, которому мы очень вѣримъ, какъ по славѣ, имъ заслуженной, такъ и по удобству, которое онъ имѣлъ все въ точности изслѣдовать, говоритъ, что нарывъ или ракъ въ желудкѣ, есть болѣзнь скрытная, коей признаки подобны признакамъ прочихъ недуговъ сей же части тѣла; однако жъ онъ уже ранѣе заключилъ, что какое нибудь разстройство произошло въ брюшной полости, особенно узнавъ, что отецъ большаго умеръ отъ рака въ желудкѣ. Онъ заключилъ, какъ уже сказано, что зародышъ недуга существовалъ съ 1817 года, когда больной началъ чувствовать боли въ желудкѣ, тошноту и позывъ на рвоту, особенно послѣ принятія пищи; каковые признаки съ сего времени уже его не покидали, но постепенно усиливались до самаго дня его смерти.

Слѣдовательно съ этой поры Наполеонъ находился въ положеніи, ко-

шорое, судя по его великимъ подвигамъ и высокому нѣкогда его жребію — заслуживало сострадание даже самыхъ злѣйшихъ его непріятелей и участіе всѣхъ людей, расположенныхъ воспользоваться нравственнымъ урокомъ наивеличайшихъ человѣческихъ превратностей, какой когда либо представляла намъ Исторія, и мы нисколько не сомнѣваемся, что эти чувства произвели бы со временемъ большое ослабленіе строгости, съ которою былъ содержимъ узникъ, а можетъ быть, и совершенное его освобожденіе. Но для достиженія сего, Наполеону слѣдовало, находясь въ заключеніи, совсѣмъ иначе вести себя. Во-первыхъ, дабы пріобрѣсть состраданіе и уваженіе, на которыя имѣетъ право страждущій, ему слѣдовало допустить къ себѣ врачей, коихъ свидѣтельство признали бы совершенно безпристрастнымъ. Это не могло произойти чрезъ Доктора О'Меру, который находился въ службѣ у Наполеона, пользовался его довѣріемъ, и состоялъ въ самыхъ дурныхъ отношеніяхъ съ Губернаторомъ; и Наполеонъ, рѣшительно отвергая всѣ другія пособія, тѣмъ только подтверждалъ мысль, хотя и несправедливую, что онъ притворялся больнымъ или хотѣлъ воспользоваться легкими признаками недуга, дабы принудить Губернатора къ ослабленію надъ нимъ надзора. Нельзя также было предполагать, чтобы показаніе Доктора Антомархи, находившагося въ совершенной зависимости у Наполеона, могло впушить болѣе довѣренности, не будучи подкрѣплено другимъ постороннимъ и достаточнымъ врачебнымъ свидѣтельствомъ.

Во-вторыхъ, должно вспомнить, что коренною причиною заключенія Наполеона была несовмѣстность свободы его со спокойствіемъ Европы. Дабы доказать сему противное, бывшему Императору слѣдовало бы изъявить желаніе удалиться навсегда отъ политическихъ дѣлъ и обезпечить чѣмъ нибудь рѣшительность свою оставить и навѣки забыть честолюбивые замыслы, которые столь долго тревожили Европу. Тогда, — можетъ быть, — состраданіе и удивленіе къ великимъ его талантамъ подвигли бы Европейскія Державы повѣрить этой рѣшительности человѣка, въ коемъ лѣта, недуги и страданіе, казалось, возбуждали желаніе провести остальные дни свои въ спокойномъ уединеніи, которое послужило бы вѣрнымъ залогомъ его миролюбивыхъ намѣреній. Но онъ былъ очень далекъ отъ подобныхъ мыслей, и все исходящее съ острова Св. Елены очевидно показывало, что бывшій Императоръ питаетъ всѣ свои прежніе замыслы и одобряетъ всѣ прежніе свои поступки. Онъ нехотѣлъ, дабы свѣтъ думалъ, что честолюбіе его угасло и притязанія на царство оставлены. Напротивъ того, всѣ его усилія и сочиненія, въ коихъ обнаруживался духъ его, клонились къ тому, дабы доказать, если возможно, что онъ никогда не былъ виновенъ своимъ честолюбіемъ, — что притязанія его на царство основаны на правахъ народныхъ и справедливыхъ — что онъ прежде имѣлъ на нихъ право — и что, обладая еще и теперь онымъ,

расположенъ былъ его поддерживать. Онъ хотѣлъ показать свѣту, что онъ нисколько не перемѣнился, что онъ не стыдился своихъ замысловъ и отъ нихъ не отказывался; но что возвращась въ Европу, онъ сдѣлался бы опять во всѣхъ отношеніяхъ тѣмъ же самымъ человѣкомъ, съ тѣми же притязаніями и дѣятельностью, какъ въ то время, когда онъ присталъ къ берегу въ Каннѣ, дабы завоевать Французскую Имперію.

Неизбѣжнымъ слѣдствіемъ такого поведенія было, что всѣ полагавшіе сначала необходимымъ ограничить его свободу (какъ думала большая часть Европы), утвердились въ мысли, что причины, требовавшія сего ограниченія, продолжали еще существовать. Мы неохотно прибѣгаемъ опять къ употребленному уже нами сравненію заключеннаго льва; но вѣроятно, что если бъ царь звѣрей, о выпущеніи коего просилъ Донъ Кихотъ, вмѣсто того, чтобы показать себя кроткимъ и миролюбивымъ, началъ бы ревѣть, прыгать и грызть запоры своей клѣтки, то сомнительно, чтобы и самъ Великій Исправитель злоупотребленій сталъ ходатайствовать о его освобожденіи.

Въ Ноябрѣ мѣсяцѣ 1816 года, Наполеонъ понесъ очень чувствительную потерю, чрезъ удаленіе отъ него Графа Ласъ-Каза. Неограниченная привязанность Графа къ Императору не подлежитъ никакому сомнѣнію, а лѣта его и гражданское его званіе устраняли его отъ ссоръ и распрей, которыя, не взирая на всеобщую привязанность къ Наполеону, возгорались иногда между военными офицерами его Лонгвудскаго дома. Онъ имѣлъ склонность къ Литературѣ, и былъ въ состояніи разговаривать о главныхъ предметахъ Исторіи и Наукъ. Бывъ эмигрантомъ и зная всѣ происки, всѣ козни стариннаго дворянства, онъ забавлялъ Наполеона пріятными для него разсказами. Сверхъ того онъ собиралъ и записывалъ все, говоренное Наполеономъ, съ наивеличайшею точностью и съ неутомимымъ прилежаніемъ. Подобно автору одной изъ занимательнѣйшихъ книгъ на Англійскомъ языкѣ (Босвелевой *Жизни Жонсона*), Графъ Ласъ-Казъ не находилъ ничтожнымъ ничего, служащаго къ изображенію избраннаго имъ предмета. Подобно также Босвелю, удивленіе его къ своему герою такъ было велико, что иногда можно счесть его вовсе лишеннымъ понятія о добрѣ и злѣ: такъ онъ неизмѣнно считалъ хорошимъ все, сказанное или сдѣланное Наполеономъ. Но если привязанность отчасти его и ослѣпляла, то покрайней мѣрѣ она происходила прямо отъ сердца. Графъ существеннымъ образомъ доказалъ свою искренность, предоставя своему повелителю въ распоряженіе 4,000 фунтовъ стерлинговъ или около сей суммы, что составляло все его имущество, положенное имъ въ Англійскій банкъ.

Къ несчастію нашему и къ его собственному, ибо онъ конечно считалъ таковымъ разлуку свою съ Наполеономъ, Графъ Ласъ-Казъ подвергся искушенію сдѣлать поступокъ, противный данному имъ и прочими спутниками Наполеона обяза-

тельству, не производить тайной переписки за предѣлами острова. Случай возвращенія одного изъ служителей въ Англію, побудилъ его ввѣрить сему человѣку письмо, написанное на кускѣ бѣлой шелковой ткани и вшитое для лучшей скрытности въ одежду. Письмо это было надписано на имя Принца Луціана Бонапарте. Такъ какъ это было явнымъ нарушеніемъ, и по весьма важной статьѣ обязательствъ, которыя Графъ Ласъ-Казъ обѣщалъ соблюдать, то его выслали съ острова на Мысъ Доброй Надежды, а оттуда въ Европу. Журналъ его оставался нѣсколько времени въ рукахъ Сира Гудзона Лоу; но, какъ мы ужъ имѣли случай замѣтить, впослѣдствіи были въ немъ сдѣланы перемѣны и прибавленія, вообще для Губернатора неблагопріятныя, противъ того, какъ рукопись первоначально была написана при отъѣздѣ Графа съ острова Св. Елены. Сокращеніе пребыванія Ласъ-Каза на островѣ тѣмъ болѣе достойно сожалѣнія, что журналъ его заключаетъ въ себѣ лучшее собраніе, не только настоящихъ мыслей Наполеона, но и мнѣній, которыя онъ желалъ за таковыя выдать. Безъ сомнѣнія, разлука съ симъ вѣрнымъ слугою долженствовала усилить отчаяніе безутѣшнаго Лонгвудскаго изгнанника; но нельзя не замѣтить, что если ужъ одинъ изъ самыхъ приближенныхъ къ Наполеону людей позволялъ себѣ такимъ образомъ нарушать свои обязательства, то Сиръ Гудзонъ Лоу имѣлъ полное право недовѣрять даваемымъ ему обѣщаніямъ и отказывать въ ослабленіи строгости надзора, необходимой для воспрепятствованія побѣгу узника.

Жалобы Наполеона и его спутниковъ естественнымъ образомъ подали поводъ къ изслѣдованіямъ — на счетъ обхожденія съ бывшимъ Императоромъ — въ Англійскомъ Парламентѣ; но общія понятія, выше нами изложенныя, и сдѣланныя Министрами опроверженія, преувеличенныхъ показаній, полученныхъ съ острова Св. Елены, перевѣсило доводы краснорѣчиваго и чувствительнаго Наполеонова заступника, Лорда Голланда.

Дѣло сіе было представлено Палатѣ Перовъ 18 Марта 1817 года. Лордъ Голландъ, въ благоразумной, умѣренной рѣчи, сказалъ, что онъ не станетъ покушаться склонять Палату къ перемѣнѣ политическихъ мѣръ, опредѣленныхъ для Наполеона. Мѣры сіи были приняты вопреки его (Лорда Голланда) мнѣнію; но онѣ утверждены одобреніемъ Парламента, и онъ не надѣется, чтобы Палата согласилась уничтожить свое опредѣленіе. Но если заключеніе Наполеона было, какъ тогда сказано, мѣрою необходимости; то изъ сего же слѣдуетъ, что оно не должно простираться за предѣлы того, что дѣйствительно необходимо, и что не должно употреблять противъ плѣнника никакой безполезной строгости. Лордъ Голландъ представлялъ доставленныя ему свѣдѣнія, не какъ неоспоримыя доказательства, но только какъ слухи, требующіе изслѣдованія дѣла, столь близко касающагося чести Англіи. Большая часть доводовъ, на коихъ Лордъ Голландъ

основывалъ свое представленіе, заключалась въ спискѣ жалобъ, доставленномъ отъ Генерала Монтолона. О свойствѣ сихъ жалобъ мы уже говорили выше, но теперь вкратцѣ можно еще упомянуть объ нихъ вмѣстѣ съ отвѣтами на оныя Британскаго Правительства.

Первая жалоба имѣла предметомъ стѣсненіе мѣста для прогулки, первоначально назначеннаго Наполеону. Лордъ Голландъ соглашался въ томъ, что климатъ острова Св. Елены хорошъ, но онъ жаловался на то, что верхняя часть острова, гдѣ лежалъ Лонгвудъ, была сыра и нездорова. Другимъ предметомъ жалобъ, было неудобство дома.

Лордъ Батёрстъ, Государственный Секретарь Колоній, на сіе отвѣтствовалъ, что по всѣмъ свѣдѣніямъ, Лонгвудъ есть мѣсто здоровое. Онъ всегда прежде былъ загороднымъ домомъ Вице-Губернатора, что доказывало, что въ немъ не непріятно жить. Мѣсто это было избрано самимъ Наполеономъ, который такъ нетерпѣливо желалъ туда переселиться, что даже велѣлъ разбить себѣ тамъ палатку, пока приготовляли для него домъ. Мѣсто прогулки его было стѣснено потому, что Наполеонъ обнаружилъ желаніе вступить въ сношенія съ жителями. Ему однако жъ все еще было оставлено восемь миль пространства, по коему онъ могъ ходить безъ всякаго сопровожденія и надзора. Если же бы онъ пожелалъ идти далѣе, то онъ имѣлъ свободу гулять по всему острову, дозволивъ только слѣдовать за собою дежурному офицеру. Если онъ отказывался воспользоваться на такомъ условіи прогулкою, то въ этомъ не было виновно Англійское Правительство; и если здоровье Наполеона отъ сего бы пострадало, то это должно приписать не уставамъ — разсудительнымъ и необходимымъ — а его собственному упрямству онымъ покориться.

Вторымъ отдѣленіемъ представленныхъ Лордомъ Голландомъ жалобъ, было суровое и несправедливое, по его мнѣнію, запрещеніе изгнаннику имѣть сообщеніе съ Европою. Онъ не могъ — говорилъ Лордъ — ни получить книгъ, ни подписаться на журналы и газеты. Знаменитому узнику были воспрещены всѣ письменныя сношенія, даже съ женою его, съ сыномъ и съ ближайшими, любимѣйшими его родственниками. Онъ не могъ послать запечатаннаго письма даже къ Принцу Регенту.

На сіи различныя статьи Лордъ Батёрстъ отвѣтствовалъ, что списокъ книгъ, цѣною на 1400 или 1500 фунтовъ стерлинговъ (что Генералъ Монтолонъ называлъ небольшимъ количествомъ книгъ), былъ присланъ Наполеономъ въ Британію; что списокъ сей препровожденъ къ одному изъ первыхъ Французскихъ книгопродавцевъ, приславшему всѣ книги, которыя можно было достать въ Лондонѣ и въ Парижѣ; но что въ числѣ ихъ были многія, большею частію военнаго содержанія, коихъ нельзя было отыскать. Доставленныя такимъ образомъ книги были отосланы съ оговоркою на счетъ тѣхъ, которыя не препровождались, но жители Лонгвуда не уважили сей

причины. На счетъ дозволенія свободной подписки Наполеона на всѣ журналы, Лордъ Батёрстъ счелъ долгомъ сіе ограничить, ибо были уже дѣланы попытки учредить съ Наполеономъ посредствомъ газетъ переписку. Относительно сообщеній съ Европою чрезъ письма, Лордъ Батёрстъ объявилъ, что оное не запрещено, съ тѣмъ только условіемъ, чтобы Сиръ Гудзонъ Лоу предварительно читалъ письма о дѣлахъ и другія. Обязанность сія — говорилъ Лордъ Батёрстъ — была исполняема только самимъ Губернаторомъ съ наивеличайшею разборчивостью и уваженіемъ; онъ опровергъ самыми ясными доводами показаніе Монтолона, будто бы Губернаторъ острова Св. Елены распечатывалъ и удерживалъ у себя письма подъ тѣмъ предлогомъ, что они получены не чрезъ посредство Англійскаго Министерства. Лордъ Батёрстъ сказалъ, что Сиръ Гудзонъ Лоу приглашалъ Генерала Монтолона представить хоть одинъ примѣръ такого притѣсненія, но что Французскій Генералъ сохранилъ молчаніе: ибо сіе обвиненіе было совершенно ложно. Всѣ письма, которыя родственники Наполеона заблагоразсудили бы отправить чрезъ канцелярію Лорда Батёрста, немедленно были бы отправлены, если бъ ихъ кто либо писалъ. Но письмо отъ Іосифа, полученное въ Октябрѣ мѣсяцѣ прошедшаго года, и немедленно отправленное, было единственное отъ его семейства и родственниковъ, присланное въ его канцелярію. Тогда Лордъ коснулся постановленія, чтобы всѣ письма, даже къ Принцу Регенту, поступали незапечатанныя къ Губернатору острова Св. Елены. Лордъ Батёрстъ объяснилъ, что сіе постановленіе не давало права Губернатору останавливать письмо, которое долженствовало быть немедленно отправлено. Требовалось только, чтобы Сиръ Гудзонъ Лоу зналъ содержаніе письма, дабы въ случаѣ, если бъ въ немъ была заключена какая либо на него жалоба, защищеніе его, или оправданіе, могло бы достигнуть въ Лондонъ вмѣстѣ съ обвиненіемъ. Это, какъ Его Превосходительство замѣтилъ, было необходимо для того, чтобы Правительство имѣло возможность, не теряя времени, удовлетворять справедливыя жалобы или отвергать пустыя, неосновательныя обвиненія. Онъ прибавилъ, что если бъ запечатанное письмо было прислано отъ Наполеона къ Принцу Регенту, то онъ, Лордъ Батёрстъ, счелъ бы обязанностью распечатать его, буде Губернаторъ сего бы и не сдѣлалъ. Онъ конечно долженъ бы тотчасъ отправить его по надписи, узнавъ о его содержаніи; но, отвѣтствуя по своему Департаменту за дѣла Государя, ему слѣдовало предварительно узнать о предметѣ сношенія.

Въ-третьихъ, Лордъ Голландъ коснулся недостатка суммы, назначенной на содержаніе Наполеона, сказавъ, что постыдно заставлять его самого уплачивать свои издержки. «Министры» — говорилъ онъ — «приведя его въ положеніе, требующее большихъ расходовъ, хотѣли, чтобы онъ большею частію принялъ ихъ на себя.»

Лордъ Батёрстъ возразилъ на сіе, представя извѣстныя уже читателю обстоятельства. Онъ сказалъ, что 8,000 фунтовъ стерлинговъ были сочтены достаточными, кромѣ издержекъ на первоначальное обзаведеніе, и что сумма сія, по представленію Сира Гудзона Лоу, была увеличена до 12,000 ф. с. Это самое содержаніе давалось Губернатору, долженствующему дѣлать разные по своему мѣсту расходы. Правительство не полагало, чтобы содержаніе дома Наполеона, сравненнаго съ Генераломъ, долженствовало стоить болѣе, чѣмъ сколько давалось Сиру Гудзону Лоу, который, имѣя сей же чинъ, обязанъ былъ содержать свой Штабъ, не говоря уже о прочихъ расходахъ, требуемыхъ его мѣстомъ. Онъ представилъ нѣкоторыя подробности на счетъ припасовъ и напитковъ — изъ коихъ явствовало, что кромѣ обыкновенныхъ винъ, къ столу Наполеона отпускалось ежедневно по двѣ бутылки на человѣка отличнѣйшаго вина.

Лордъ Голландъ въ заключеніе сказалъ, что хотя Королева Марія могла быть сочтена не иначе, какъ злѣйшею непріятельницею знаменитой Елизаветы, а величайшимъ пятномъ для памяти сей послѣдней Государыни было несправедливое, ибо сіе не было *несправедливо*, а суровое и не великодушное обхожденіе ея съ соперницею. Онъ напомнилъ Палатѣ, что потомство не станетъ разбирать, справедливо ли Бонапарте былъ наказанъ за свои преступленія, а спроситъ только, оказала ли Британія великодушіе, приличное великой Державѣ. Тогда онъ предложилъ о представленіи въ Палату бумагъ и переписки острова Св. Елены съ Англійскимъ Правительствомъ, могущихъ объяснить подробности обхожденія съ Наполеономъ.

Можно замѣтить, что при этомъ искреннемъ, великодушномъ заступничествѣ, Лордъ Голландъ привелъ сравненіе, послужившее доводомъ противъ него самаго. Для надлежащаго сравненія поступковъ съ Маріею (коихъ Лордъ признавалъ справедливость, порицая только ихъ невеликодушіе) и обстоятельствъ, въ коихъ находился Наполеонъ, недоставало двухъ важныхъ вещей. Во-первыхъ, Марія, не только не воевала съ Королевою Елизаветою, но находилась съ нею повидимому въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ, тогда какъ она предалась ей, испрашивая себѣ убѣжища въ Англіи; а второе, что Англійское Министерство вовсе не обнаруживало намѣренія прекратить плѣнъ Наполеона, отрубивъ ему голову.

Лордъ Дарилей, который, вмѣстѣ съ Лордомъ Голландомъ, желалъ изслѣдованія сего дѣла, сознался, что Лордъ Батёрстъ, своими основательными и искренними доводами, совершенно опровергъ всѣ сдѣланныя противъ него показанія и былъ того мнѣнія, что Лорду Голланду не слѣдуетъ болѣе настаивать. Маркизъ Бёккингамъ, основываясь на проступкахъ Наполеона противъ Европы и въ особенности противъ Англіи, полагалъ, что всѣ мѣры, необходимыя для предупрежденія его побѣга, должны быть строго соблюдаемы. «Суровый и тѣсный плѣнъ, въ коемъ находится Генералъ Бона-

парше» — сказалъ Лордъ — «есть дѣло не мщенія, а безопасности. Это мѣра политическаго правосудія, коею мы обязаны Европѣ, и коей нельзя преступить, не подвергнувъ свѣтъ новымъ тревогамъ.»

Представленіе Лорда Голланда, никѣмъ не поддержанное, было единогласно отвергнуто.

Нѣтъ сомнѣнія, что эта неудача сдѣланной за Наполеона попытки въ Британскомъ Парламентѣ, произвела сильное впечатлѣніе на умъ его, и, можетъ быть, усилила расположеніе его къ желудочному недугу, коего уже подозрѣвали существованіе. Ничто лучше не дознано — хотя это и труднѣе всего удовлетворительно объяснить — какъ тайная связь между умственными огорченіями и дѣйствіемъ пищеваритель ныхъ органовъ. Жестокія болѣзни часто бываютъ слѣдствіемъ сильныхъ и внезапныхъ скорбей, и почти всякой человѣкъ болѣе или менѣе чувствуетъ вліяніе на желудокъ сильныхъ и тягостныхъ душевныхъ ощущеній. Здѣсь можно прибавить, что участіе и состраданіе Лорда Голланда къ великому мужу, доведенному до столь ужаснаго положенія, было доказано множествомъ услугъ, свидѣтельствующихъ о разборчивомъ вниманіи къ изгнаннику, какъ съ его стороны, такъ и отъ Леди Голландъ; и что посылка книгъ и другихъ вещей, исправно доставляемыхъ чрезъ Министерство Иностранныхъ Дѣлъ, продолжала отъ времени до времени доказывать Наполеону принимаемое ими въ немъ участіе. Но хотя онъ и съ признательностью чувствовалъ такое вниманіе, а страданія его какъ тѣлесныя, такъ и умственныя, до такой степени усилились, что онъ не способенъ уже былъ принимать утѣшеній.

Это несчастное положеніе поддерживалось и продолжалось чрезъ упрямую рѣшительность Наполеона противиться всѣмъ постановленіямъ на счетъ его стражи; такъ что всякой новый случай производилъ борьбу съ властью Сира Гудзона Лоу или новыя усилія вытребовать себѣ Императорскія почести, которыя онъ считалъ своею принадлежностью.

На счетъ сей послѣдней статьи онъ дошелъ наконецъ до ребяческаго безразсудства. Необходимо, напримѣръ, было, чтобы Докторъ О'Мера доносилъ Губернатору острова о здоровьи плѣнника, которое начало возбуждать сильныя опасенія. Наполеонъ требовалъ, когда сіи донесенія дѣлались письменно, чтобы О'Мера, коего онъ считалъ состоящимъ у него въ службѣ, давалъ ему титулъ Императора. Тщетно докторъ представлялъ ему, что наставленія Правительства и приказы Генералъ-Лейтенанта Лоу воспрещали ему употреблять сей заповѣдный титулъ; и онъ съ трудомъ наконецъ испросилъ дозволеніе употреблять слово особа или больной, вмѣсто оскорбительнаго выраженія *Генерала Бонапарте*. Если бъ не придумали сего средства, то Правительство не могло бы имѣть письменныхъ свѣдѣній о здоровьи Наполеона.

Врачу Наполеона до сихъ поръ было немного дѣла. Наслаждаясь природнымъ здоровьемъ, Императоръ, подобно многимъ людямъ, которые

пользуются симъ неоцѣненнымъ благомъ, сомнѣвался въ цѣлительности врачебныхъ средствъ, коихъ онъ никогда не имѣлъ нужду употреблять. Воздержаніе было главнымъ его лекарствомъ при желудочныхъ боляхъ, и онъ прибѣгнулъ къ частымъ ваннамъ, когда припадки оныхъ усилились. Онъ также считалъ нужнымъ, въ случаѣ какого либо нездоровья, перемѣнять свой образъ жизни. Если онъ долго сидѣлъ на мѣстѣ, то онъ ѣздилъ много верхомъ и дѣлалъ сильное движеніе; если же, напротивъ того, онъ передъ тѣмъ болѣе обыкновеннаго дѣлалъ движенія, то онъ предписывалъ себѣ продолжительный покой. Но въ послѣднее время, онъ ужъ не любилъ, ни ѣздить верхомъ, ни дѣлать какое либо движеніе.

Около 25 Сентября 1818 года, здоровье Наполеона весьма разстроилось. Онъ очень жаловался на дурноту; ноги его распухли и многіе другіе неблагопріятные признаки, заставили врача его, сказать ему, что сложеніе его требуетъ сильной дѣятельности; что безпрестанное употребленіе умственныхъ и тѣлесныхъ способностей, для него необходимо, и что безъ движенія, онъ скоро потерлетъ свое здоровье. Бонапарте тотчасъ объявилъ, что находясь подъ стражею часовыхъ, онъ не станетъ дѣлать движенія, хотя бы оное и было для него необходимо. Докторъ О'Мера предложилъ пригласить Г. Бакстера, искуснаго врача, состоящаго при Штабѣ Сира Гудзона Лоу. «Онъ скажетъ то же, что и вы,» возразилъ на сіе Наполеонъ: «и предпишетъ мнѣ ѣздить верхомъ; но пока существуютъ теперишнія постановленія, я не намѣренъ трогаться съ мѣста. Въ другое время, изъявивъ ту же рѣшительность, онъ сказалъ, что не намѣренъ принимать никакихъ лекарствъ. Докторъ О'Мера отвѣтствовалъ ему, что если противъ его болѣзни не употребится вовремя надлежащія средства, то она можетъ дурно кончиться. Отвѣтъ его замѣчателенъ: «Я покрайней мѣрѣ утѣшусь тѣмъ, что смерть моя будетъ вѣчнымъ стыдомъ для Англіи, которая послала меня въ этотъ край для того, чтобы умеретъ отъ рукъ"".» Докторъ опять представилъ ему, что не принимая лекарствъ, онъ ускоритъ тѣмъ смерть свою. «То, что тамъ написано, свершится,» сказалъ Наполеонъ, возведя взоры свои къ небу, «дни наши сочтены.»

Эта сожалѣнія достойная и отчаянная рѣшительность, кажется, была имъ принята частію для того, чтобы дразнить Сира Гудзона Лоу, а частію произведена унынiемъ и безпечностью, бывшими слѣдствіемъ его положенія, равно какъ и дѣйствіемъ самой болѣзни, отнимавшей у него охоту къ движенію. Наполеонъ могъ также надѣяться, что чрезъ угрозы повредить своему здоровью, не дѣлая движенія, онъ заставитъ Губернатора склониться на нѣкоторыя, спорныя между ними статьи. Когда Губернаторъ сдѣлалъ ему предложеніе распространить мѣсто для его верховой ѣзды и когда Докторъ О'Мера совѣтовалъ ему этимъ воспользоваться, то онъ отвѣтствовалъ, что его будутъ останавли-

вать и оскорблять часовые и что онъ не намѣренъ покоряться приходящимъ Губернатора, который, давъ сего дня это позволеніе, можетъ завтра отнять у него оное. Подъ этими-то предлогами, — которые, сообразивъ все, основывались лишь на томъ, что будучи плѣнникомъ и весьма важнымъ, онъ находился подъ надзоромъ, тѣмъ болѣе необходимымъ, что безпрестанно составлялись умыслы о его побѣгѣ, — онъ разсудилъ лишать себя движенія и лекарствъ, необходимыхъ для сохраненія его здоровья. Поведеніе его въ этихъ случаяхъ вовсе не приличествуетъ его великому духу; онъ очень походилъ имъ на упрямаго ребенка, который не хочетъ ѣсть или принимать лекарства потому, что не исполняютъ его желаній.

Удаленіе Доктора О'Меры отъ особы Наполеона, сочтенное симъ послѣднимъ великою обидою, было однимъ изъ важныхъ происшествій, ознаменовавшихъ единообразіе его жизни. По приведеннымъ выше обстоятельствамъ, кажется, что Докторъ О'Мера былъ нѣсколько времени повѣреннымъ Сира Гудзона Лоу, который писалъ объ немъ къ Министрамъ, какъ о человѣкѣ, чрезъ коего можно узнавать все, происходящее въ домѣ у Наполеона. Но въ послѣдствіи времени, Докторъ О'Мера, можетъ быть, болѣе подружась съ плѣнникомъ, не захотѣлъ сообщать Губернатору свѣдѣній, на которыя онъ сначала такъ былъ щедръ, и сіе произвело размолвку между имъ и Сиромъ Гудзономъ Лоу. Мы уже сказали, что при описаніи происходившихъ у него съ Губернаторомъ сценъ, Докторъ О'Мера обнаруживаетъ личную непріязнь, не дозволяющую имѣть къ нему совершенную довѣренность. Но причиною высылки его съ острова Св. Елены, долженствовало быть гораздо болѣе, очевидное участіе, принятое имъ въ злополучіи Наполеона, чѣмъ одинъ только отказъ его извѣщать Сира Гудзона Лоу о томъ, что говорилось въ Лонгвудѣ.

Кажется, что Докторъ О'Мера не ограничился одинъ только заступничествомъ за Наполеона въ распряхъ его съ Губернаторомъ, но участвовалъ въ учрежденіи тайной переписки съ Г. Голмсомъ, повѣреннымъ Наполеона въ Лондонѣ. Это доказывается перехваченнымъ письмомъ этого повѣреннаго, въ коемъ упомянуто о пересылкѣ на островъ Св. Елены чрезъ посредство Доктора значительныхъ суммъ. * Вслѣдствіе сего подозрѣнія, Докторъ О'Мера, по приказу Губернатора, былъ удаленъ отъ особы Наполеона и отосланъ обратно въ Англію. Наполеонъ никогда не слѣдовалъ его врачебнымъ предписаніямъ, но горько жаловался на его удаленіе, говоря, что отнятіе у него Доктора было явнымъ и прямымъ знакомъ умысла умертвить его. Вѣроятно однако жъ, что онъ болѣе жалѣлъ о тайныхъ услугахъ О'Меры, чѣмъ о врачебныхъ его пособіяхъ.

Сиръ Гудзонъ Лоу опять предло-

* Письмо сіе помѣщено вполнѣ въ журналѣ Quarterly Review. Оно обнаружено уже послѣ высылки Доктора О'Меры, которое посему произошло по одному только подозрѣнію, въ послѣдствіи оправдавшемуся.

жилъ услуги Доктора Бакстёра, но это было принято въ Лонгвудѣ за новую обиду. Это предложеніе сочли даже очень подозрительнымъ. Говорили, будто бы Губернаторъ для того старается помѣстить своего собственнаго врача къ Императору, чтобъ быть полнымъ властелиномъ его жизни. Съ другой стороны Англійскіе Министры старались, чтобы все было сдѣлано для предупрежденія жалобъ по сему предмету.

«Вы не можете ничѣмъ лучше выполнить желаній Королевскаго Правительства — говорить Лордъ Батёрстъ въ одномъ изъ своихъ повелѣній — какъ содѣйствуя всѣми зависящими отъ васъ мѣрами къ тому, дабы Генералъ Бонапарте не имѣлъ, ни настоящихъ, ни мнимыхъ причинъ жаловаться на недостаточность врачебныхъ пособій.»

Докторъ Стоко, врачъ корабля *Конкерора*, былъ потомъ приглашенъ въ Лонгвудъ. Но вслѣдствіе возникшаго у него съ Губернаторомъ неудовольствія, ему вскорѣ приказано было прекратить свои къ Наполеону посѣщенія.

Послѣ сего, плѣнникъ объявилъ, что до какой бы крайности онъ ни дошелъ, а не дозволитъ посѣщать себя Англійскому медику; почему написали въ Италію для приглашенія извѣстнаго врача изъ какого либо Университета. Въ то же время Наполеонъ изъявилъ желаніе имѣть Католическаго Священника. Просьба объ этомъ была сдѣлана чрезъ дядю его, Кардинала Феша, Папскому Правительству, съ охотнымъ на сіе дозволеніемъ Англійскаго Министерства. Кажется, что Его Святѣйшество счелъ сію миссію подобною тѣмъ, которыя отправляются въ дальнія, языческія страны; ибо два Священника были посланы на островъ Св. Елены, вмѣсто одного.

Одинъ изъ нихъ, отецъ Бонавита, былъ старикъ, подверженный всѣмъ немощамъ преклонныхъ лѣтъ своихъ, и изнуренный двадцати-шестью лѣтнимъ пребываніемъ въ Мексикѣ. Языкъ его былъ поврежденъ ударомъ паралича. Права его къ сему назначенію основывались на томъ, что онъ былъ духовникомъ Наполеоновой матери. Товарищемъ его былъ молодой Аббатъ, по имени Виніали. Оба они были люди благочестивые, достойные и способные сообщить Наполеону тѣ утѣшенія, которыя даетъ ихъ Церковь вѣрующимъ въ оную; но, можетъ быть, не довольно искусные для того, чтобы направлять на истинный путь заблудшихся или убѣждать тѣхъ, которые сомнѣвались въ правилахъ вѣры.

Въ доводахъ и убѣжденіяхъ не оказалось однако же нужды. Бонапарте объявилъ свою рѣшительность умереть въ религіи своихъ предковъ. Онъ не былъ, по словамъ его, ни безбожникъ, ни философъ. Если сомнительно, чтобы человѣкъ, поступившій съ Папою такъ какъ Наполеонъ и отлученный отъ Церкви (хотя сіе отлученіе теперь и было уже съ него снято) могъ питать искреннее усердіе къ Католической вѣрѣ, то изгнанника однако же нельзя обвинить и въ холодномъ безвѣріи. Во многихъ случаяхъ онъ съ пламенною набожностью изъявлялъ увѣрен-

ность свою о существованіи Бога; главная истина, на коей основывается вся вѣра; и онъ дѣлалъ сіе въ такое время, когда ненавистное ученіе безбожія и матеріялизма было распространяемо во Франціи. Вскорѣ по возвышеніи своемъ въ санъ Перваго Консула, онъ вознамѣрился возстановить вѣру; и сдѣлалъ сіе по соединенію набожныхъ и политическихъ чувствъ, какъ онъ о томъ объяснился Государственному Совѣтнику, Тибодо. Оспоривая долгое время системы новыхъ философовъ, касательно разныхъ родовъ богопочитанія, деизма, природной религіи и проч., онъ прибавилъ: «Въ прошедшее Воскресенье, посреди всеобщаго безмолвія, прогуливался я въ садахъ сихъ (въ Мальмезонѣ); вдругъ звонъ Рюэльскаго колокола поразилъ слухъ мой и возобновилъ всѣ впечатлѣнія моей юности. Я пришелъ въ умиленіе: такъ велика сила первыхъ нашихъ привычекъ. Я сказалъ самому себѣ: если ужъ со мною это дѣлается, то какое дѣйствіе подобныя воспоминанія производятъ на простыхъ, слѣпо вѣрящихъ людей? Пусть ваши философы на это отвѣтятъ. Народу необходима вѣра.» Онъ упомянулъ объ условіяхъ, предложенныхъ имъ Папѣ, и въ заключеніе сказалъ. «Иной подумаетъ, что я паписмъ. Я ничего. Я былъ Магометаниномъ въ Египтѣ и буду Католикомъ здѣсь для блага народа. Я вѣрю не наружнымъ обрядамъ религіи, но существованію Бога!» и воздѣвъ руки къ небу: «Кто сотворилъ все сіе?» Это высокое изреченіе, доказываетъ, что если Наполеонъ къ несчастію и не достигъ до святилища Христіанскаго храма, то онъ покрайней мѣрѣ вступилъ во врата онаго, вѣруя и поклоняясь Великому Творцу Вселенной.

Миссіонеры были приняты на островѣ Св. Елены благосклонно, и служили по временамъ обѣдно въ Лонгвудѣ. Оба священника были люди кроткіе; они ни во что не вмѣшивались и ограничивались только исполненіемъ своихъ духовныхъ обязанностей, вовсе не показывая той дѣятельности духа и того пронырства, которыя протестанты всегда приписываютъ Католическому духовенству.

Тотъ же корабль, на которомъ пріѣхали на островъ Св. Елены 18 Сентября 1819 года эти духовные врачи, привезъ доктора Ф. Антомархи, Прозектора (т. е. Адъюнктъ-Профессора) Анатоміи въ Ново-Маріинской Больницѣ во Флоренціи и состоявшаго при Университетѣ въ Пизѣ, который былъ назначенъ для занятія при плѣнникѣ мѣста Доктора О'Меры, на коемъ временно находился Докторъ Стоко. Онъ исполнялъ сію обязанность до самой смерти Наполеона, и сочиненное имъ *Описаніе послѣднихъ его минутъ*, въ двухъ частяхъ, хотя не столь занимательно и не столь хорошо написано, какъ сочиненія Ласъ-Каза и О'Меры, однако жъ полезно и любопытно тѣмъ, что въ немъ представлены послѣдніе дни жизни сего необыкновеннаго человѣка. Докторъ Антомархи, кажется, удостоился отъ Наполеона благопріятнаго пріема тѣмъ болѣе, что онъ былъ Корсиканскій уроженецъ. Онъ привезъ также извѣстія отъ его семейства.

Принцесса Полина Боргезе предлагала пріѣхать къ нему. «Пусть она остается тамъ, гдѣ есть,» сказалъ Наполеонъ: «я не хочу, чтобы она была свидѣтельницею унизительнаго положенія, до котораго я доведенъ, и оскорбленій, которымъ я подвергаюсь.»

Безполезно было бы опять распространяться на счетъ сихъ, дѣлаемыхъ ему, по его мнѣнію оскорбленій. Они состояли въ предосторожностяхъ, которыя Сиръ Гудзонъ Лоу счелъ обязанностью употребить для обезпеченія стражи надъ плѣнникомъ; особенно же въ требованіи, чтобы Англійскій офицеръ ежедневно удостовѣрялся о присутствіи его въ Лонгвудѣ и чтобы другой, не ниже Капитанскаго чина, провожалъ его въ прогулкахъ, дѣлаемыхъ имъ по острову. На счетъ сихъ двухъ статей Наполеонъ вознамѣрился рѣшительно сопротивляться; и объявилъ, какъ мы уже видѣли, что не станетъ дѣлать никакого движенія, хотя необходимаго для его здоровья, пока не отмѣнятъ ограниченій его прогулокъ, или устроятъ оныя такъ, какъ ему сіе будетъ угодно. Это упорство долженствовало очень затруднять и безпокоить Губернатора, ибо если бъ здоровье плѣнника разстроилось, хотя бы вслѣдствіе его собственнаго упрямства, то Сиръ Гудзонъ Лоу не надѣялся избѣгнуть нареканія. Съ другой стороны, если бъ онъ однажды уступилъ этому доводу, то его бы наконецъ принудили предоставить плѣннику дозволенія, несовмѣстныя съ вѣрностью его стражи. Притомъ же и бдительность его безпрестанно была возбуждаема донесеніями о заговорахъ, дѣлаемыхъ для освобожденія Наполеона; а по денежнымъ суммамъ, находившимся въ распоряженіяхъ его и семейства его, опасно было полагаться на обезпеченіе, представляемое естественнымъ положеніемъ острова. Надобно также замѣтить, что требуя, какъ вещи, по праву ему принадлежащей, отмѣны стѣсненій, на которыя онъ жаловался, Бонапарте съ своей стороны никогда не предлагалъ никакихъ ручательствъ, какъ напримѣръ слова своего или тому подобнаго, чтобы могло доставить нравственное обезпеченіе въ замѣнъ тѣхъ ограниченій, отъ коихъ онъ желалъ быть освобожденнымъ. Однако жъ, дабы по возможности угодить упрямству своего плѣнника, Сиръ Гудзонъ Лоу допустилъ, чтобы Англійскій офицеръ, коему поручалось доносить о присутствіи Наполеона въ Лонгвудѣ, довольствовался случайнымъ въ томъ удостовѣреніемъ, когда онъ прогуливался въ саду или подходилъ къ окну, причемъ ему даже приказано было стараться, чтобы его не видали. Чрезъ сіе случалось, что въ иные дни вовсе не было донесенія о семъ важномъ предметѣ, за который Сиръ Гудзонъ Лоу подвергся бы въ случаѣ побѣга большой отвѣтственности. Въ книгѣ Доктора Антомархи описаны особенныя и отвратительныя средства, чрезъ которыя, для соглашенія необходимости сего устава съ упорствомъ Наполеона, приближенные показывали его безъ его вѣдома.

Въ умыслахъ къ освобожденію На-

полеона не было недостатка. Говорятъ, что Полковникъ Латапи, отличный партизанскій офицеръ, былъ главою попытки увезть его съ острова Св. Елены, съ помощью шайки Американскихъ удальцовъ; но Наполеонъ сказалъ, что ему слишкомъ хорошо извѣстны свойства этихъ людей для того, чтобы отъ нихъ можно было чего либо надѣяться. Правительство имѣло донесенія еще и о другихъ, сдѣланныхъ въ Америкѣ замыслахъ; но кажется что ни къ одному изъ нихъ рѣшительно не приступали.

Но не таково было предпріятіе Жонстона, чрезвычайно рѣшительнаго контрабандиста, коего вся жизнь составлялась изъ цѣпи самыхъ отчаянныхъ дѣлъ. Онъ достопримѣчательнымъ образомъ убѣжалъ изъ Ньюгетской тюрьмы и взялся быть кормчимъ на кораблѣ Лорда Нельсона при осадѣ Копенгагена, тогда, какъ всѣ прочіе лоцмана отъ сего отказались. Говорятъ, что Жонстонъ и прежде уже покушался увезть Наполеона, при другихъ обстоятельствахъ, въ то время, какъ онъ ѣхалъ водою въ Флиссингенъ. *

Теперь же онъ дѣйствительно придумалъ странный способъ увезть Наполеона съ острова Св. Елены. Для исполненія сего предпріятія намѣревались употребить *подводное судно*, т. е. такое, которое могло бы погружаться на нѣсколько времени въ воду и потомъ, по произволу всплывать, по убавленіи съ него извѣстнаго количества груза. Думали, что судно это, погрузясь днемъ въ воду, можетъ избѣгнуть бдительности Англійскихъ сторожевыхъ кораблей, а всплывя ночью, подойдетъ къ стрегомой скалѣ, не будучи обнаружено. Постройка сего судна была дѣйствительно начата на одной изъ Темзенскихъ верфей; но поелику странность его устройства возбудила подозрѣніе, то оно было захвачено Англійскимъ Правительствомъ.

Эти и другія предпріятія, которыя можно бы привести, были очень опасны и отчаянны, но они возбуждали бдительность; поелику при всѣхъ случаяхъ, когда великія естественныя препоны были преодолѣваемы такими замыслами, это происходило отъ того, что на препоны сіи слишкомъ много полагались. Но между тѣмъ, какъ онѣ времени до времени были предпринимаемы такія опасныя средства къ побѣгу, надежда, на которую Наполеонъ втайнѣ полагался для своего освобожденія, угасла въ глазахъ его.

Объ немъ зашла рѣчь въ Палатѣ Депутатовъ, но только случайно, 12

* Такой покрайней мѣрѣ носился слухъ. Жонстонъ и его смѣлые товарищи предполагали, сѣвъ въ шлюпку, пуститься по Шельдѣ къ Флиссингену, въ ту самую минуту, какъ Наполеонъ поѣхалъ бы въ сей городъ. Они намѣревались пристать къ Императорской яхтѣ, побросать всѣхъ въ море, кромѣ Наполеона, и посадивъ его на свою шлюпку, отвезти его на Англійскую эскадру, плававшую тогда на высотахъ сего острова. Прибавляютъ, что Наполеонъ встревожился, увидя быстро идущую къ нему шлюпку и приказалъ своимъ гребцамъ ударить въ весла, такъ, что Жонстонъ не могъ захватить яхты, прошелъ у ней подъ кормою и случай былъ потерянъ. Мы не ручаемся однако жъ за достовѣрность сего происшествія.

Іюля 1819 года. Предметы сего коснулись разсуждая о состояніи финансовъ, и Г. Гётчинсонъ сказалъ, что тратить полмилліона фунтовъ стерлинговъ въ годъ для содержанія Наполеона на островѣ Св. Елены, значитъ безполезно расточать казну. Мнѣніе его было поддержано однимъ только Г. Іосифомъ Юмомъ. На него отвѣтствовалъ Канцлеръ Казначейства, что издержка сія не составляетъ и пятой части вышепоказанной суммы. Главные члены оппозиціи не приняли въ этомъ дѣлѣ никакого участія; и на островѣ Св. Елены полагаютъ, что это равнодушіе было для Наполеона — надѣявшагося, что за него жарко вступятся — главною причиною упадка духа и отчаянія.

Дѣйствительно, обстоятельства того времени были таковы, что они усиливали необходимость содержать Наполеона въ заключеніи. Состояніе Англіи, произведенное неудовольствіями и потерями фабричныхъ ея областей — а въ особенности положеніе Италіи, потрясенной кратковременными возмущеніями въ Неаполѣ и въ Савоіи — дѣлали строгій надзоръ за Наполеономъ гораздо важнѣйшимъ, нежели въ какую либо другую эпоху со времени его паденія. Нельзя предузнать, какое дѣйствіе произвело бы его имя въ эту минуту всеобщаго броженія умовъ; но слѣдствія его побѣга конечно были бы ужасны.

Британскій Министръ, зная, сколь сильно такой человѣкъ подѣйствовалъ бы на бунтующія стихіи, озаботился предписать Губернатору Св. Елены объ усиленіи надъ нимъ бдительности.

Ниспроверженіе Неаполитанскаго Правительства, революціонный духъ, царствующій болѣе или менѣе во всей Италіи и сомнительное положеніе самой Франціи, должно возбуждать вниманіе Наполеона и ясно показывать ему, что быстро наступаетъ, если уже не наступилъ переломъ, когда побѣгъ его можетъ произвесть важнѣйшія послѣдствія. Что сообщники его дѣйствуютъ, въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія; и если онъ расположенъ сдѣлать эту попытку, то вѣрно не пропуститъ такого случая къ освобожденію. Посему обратите наивозможное вниманіе за всѣми его поступками, извѣстивъ Адмирала о наивеличайшей бдительности, ибо отъ флота большею частію все зависитъ.

Опасенія сіи были весьма естественны; но настоящей причины къ онымъ не существовало. Полчника и война не долженствовали уже болѣе ощущать на себѣ могущественное вліяніе Наполеона Бонапарте. Обманутыя надежды усилили жестокій его недугъ, возникшій въ желудкѣ, и болѣзнь скрытно разстроила весь жизненный составъ его. Смерть долженствовала скоро положить конецъ мелочнымъ распрямъ, столь же тягостнымъ для того, кто заводилъ оныя, какъ и для того, кто принужденъ былъ ихъ выдерживать, открывъ врата темницы, для коихъ самая Надежда не могла уже доставить другаго ключа. Признаки разстройства пищеварительныхъ органовъ начинали становиться болѣе и болѣе очевидными, а упрямство Наполеона принимать ле-

* Повелѣніе Сиру Гудзону Лоу, отъ 30 Сентября 1820.

карства — какъ будто бы онъ предчувствовалъ, что всѣ врачебныя пособія безполезны — по прежнему продолжалось. При одномъ изъ многочисленныхъ по сему предмету споровъ, онъ сказалъ врачу своему Антомархи: — «Докторъ! безъ лекарствъ; я ужъ вамъ разъ сказалъ, что мы одушевленная машина; мы для сего созданы: это наша природа. Не препятствуйте жизненной силѣ; пусть она сама защищается; это будетъ лучше вашихъ лекарствъ. Тѣло наше часы, которые идутъ извѣстное время; часовщикъ не долженъ открывать ихъ и поправляетъ ихъ не иначе, какъ ощупью съ закрытыми глазами. Если онъ вздумаетъ насильственно понуждать ихъ къ ходу своими кривыми инструментами, то онъ еще больше имъ повредитъ и наконецъ совсѣмъ ихъ испортитъ.» Это было 14 Декабря 1820 года.

По мѣрѣ, какъ здоровье бывшаго Императора разстроивалось, не удивительно, что и духъ его болѣе и болѣе упадалъ. За недостаткомъ другихъ способовъ къ забавамъ, онъ занялся устроеніемъ въ Лонгвудѣ пруда, въ который приказалъ напустить мелкой рыбы. Мѣдяный составъ, употребленный при обдѣлкѣ береговъ пруда сего, испортилъ воду, и бѣдныя рыбки, забавлявшія Наполеона, начали одна послѣ другой хворать и издыхать. Онъ былъ очень этимъ огорченъ, и въ словахъ, напоминающихъ прекрасные стихи Томаса Мура, выразилъ чувства свои о бѣдствіи, повидимому надъ нимъ тяготѣющемъ: «Все, что я люблю, все къ чему я привязанъ,» воскликнулъ онъ: «тотчасъ поражается судьбою: небо и люди противъ меня соединились!» Въ другое время онъ жаловался на упадокъ своей силы. «Постель,» говорилъ онъ, «сдѣлалась для меня мѣстомъ наслажденія; я не промѣняю ее на всѣ троны въ мірѣ. Какъ я перемѣнился! Послѣ моей прежней, необычайной дѣятельности, я теперь долженъ дѣлать усиліе для того, чтобы открыть глаза.» Онъ вспоминалъ, что онъ иногда диктовалъ вдругъ четыремъ или пяти секретарямъ. «Но тогда,» сказалъ онъ: «я былъ Наполеонъ; а теперь я ничто: силы мои, способности мои меня оставляютъ; я ужъ не живу, а прозябаю.» Часто онъ молчалъ по нѣскольку часовъ, сильно повидимому страдая и погружаясь въ глубокую задумчивость.

Около 22 Января 1821 года, Наполеонъ, казалось, воспріялъ нѣкоторую силу и рѣшился помочь себѣ въ болѣзни движеніемъ. Онъ сѣлъ на лошадь и въ послѣдній разъ объѣхалъ предѣлы Лонгвуда, сдѣлавъ не менѣе пяти или шести миль; но это усиліе совершенно его истощило. Онъ жаловался, что силы быстро его оставляютъ.

Губернаторъ послалъ уже въ Англію донесеніе объ упадкѣ Наполеонова здоровья, не въ состояніи однако жъ будучи удостовѣриться, точно ли такъ сильна болѣзнь, или Бонапарте только притворяется. Больной не хотѣлъ допустить къ себѣ никакого Англійскаго врача или лекаря, и не дозволялъ Доктору Антомархи имѣть сообщеніе съ Сиромъ Гудзономъ Лоу. Слѣдовательно Губернаторъ говорилъ о болѣзни На-

полеона только какъ о слухѣ, въ которомъ ему невозможно было удостовѣриться. Великодушный мужъ, правящій Великобританіею, не могъ не принять живѣйшаго участія въ судьбѣ пѣшника, и поспѣшилъ всѣми, зависѣвшими отъ него средствами, а въ особенности изъявленіемъ своего сожалѣнія, сообщить Наполеону всѣ надежды и утѣшенія, которыя онъ могъ принять, оставаясь въ своемъ заключеніи. Вотъ депеша объ этомъ любопытномъ предметѣ, писанная Лордомъ Батёрстомъ къ Сиру Гудзону Лоу отъ 16 Февраля 1821 года:

«Знаю, сколь трудно вамъ вступать въ какое либо съ Генераломъ сообщеніе, не подавъ повода къ непріятностямъ; если жъ однако онъ точно боленъ, то ему конечно утѣшительно будетъ узнать, что извѣстія о разстройствѣ его здоровья не были приняты съ равнодушіемъ. И потому вы сообщите Генералу Бонапарте, что Его Величество, принимая живѣйшее участіе въ его болѣзни, желаетъ оказать ему всѣ пособія, могущія быть допущенными при его положеніи. Вы увѣрите Генерала Бонапарте, что нѣтъ врачебныхъ пособій и другихъ средствъ, совмѣстныхъ съ заключеніемъ его на островѣ Св. Елены (ибо Его Величество не можетъ дать ему никакой надежды къ освобожденію), которыя Его Величество не былъ бы готовъ и радъ ему доставить. Вы не только повторите ему неоднократно уже дѣланное предложеніе, предоставить къ его услугамъ всѣ врачебныя пособія, имѣющіяся на островѣ Св. Елены, но предложите ему потребовать къ себѣ кого ему угодно изъ врачей, находящихся на Мысѣ Доброй Надежды, гдѣ есть, покрайней мѣрѣ одинъ, весьма искусный въ своемъ дѣлѣ; и въ случаѣ, если Генералъ изъявитъ на то свое согласіе, вамъ дается право написать на Мысъ и принять всѣ зависящія мѣры для немедленной присылки къ вамъ избраннаго Генераломъ врача.»

Наполеонъ не имѣлъ удовольствія узнать о принимаемомъ Его Величествомъ въ болѣзни его участіи, которое конечно озарило бы его нѣкоторымъ лучемъ утѣшенія. Содержаніе сего письма, можетъ быть, заставило бы его размыслить, что его собственное, упрямое сопротивленіе властямъ, въ зависимости у коихъ онъ находился, было виною сомнѣнія о дѣйствительности болѣзни, ведущей его ко гробу, и лишило его знаковъ участія и вспомоществованія, которые могли бы усладить жребій, столь достойный состраданія.

Къ концу Февраля, болѣзнь приняла еще болѣе опасный видъ, и Докторъ Антомархи изъявилъ желаніе посовѣтоваться съ кѣмъ либо изъ Англійскихъ врачей. Отвращеніе къ онымъ Императора усилилось еще чрезъ благонамѣренное предложеніе Губернатора прислать для пользованія Генерала Бонапарте вновь прибывшаго на островъ искуснаго врача.* Это предложеніе, подобно какъ и всѣ прочіе вызовы Сира Гудзона Лоу, было сочтено за умышленную обиду. «Онъ хочетъ обманывать Европу ложными извѣстіями,» сказалъ Наполеонъ: «мнѣ не надобно человѣка, который будетъ имѣть съ нимъ сообщеніе.» Наполеонъ конечно имѣлъ полное право не допускать къ себѣ другаго врача, кромѣ своего, и въ этомъ больше не настаивали. Но

* Докторъ Шортъ, сухопутный врачъ, который въ это время былъ назначенъ вмѣсто Г. Бакстёра Главнымъ Медикомъ на Островъ Св. Елены, и которому мы обязаны за многія драгоцѣнныя свѣдѣнія.

упрямствомъ своимъ не принимать безпристрастнаго медика, свидѣтельство коего относительно его здоровья было бы уважено, Наполеонъ естественнымъ образомъ утвердилъ всѣхъ въ той мысли, что положеніе его не столь опасно, какъ сіе оказалось.

Наконецъ Императоръ согласился, чтобы Докторъ Антомархи принялъ содѣйствіе Г. Арнотта, врача 20-го полка. Но общій совѣтъ сихъ медиковъ не могъ восторжествовать надъ отвращеніемъ Наполеона отъ принятія всякихъ лекарствъ, или поколебать вѣру его въ роковое предопредѣленіе. «Quod scriptum, scriptum,» твердилъ онъ языкомъ Мусульманина. *«Какъ написано, такъ и будетъ.* Часъ нашъ означенъ и не въ нашей власти прожить минуту долѣе, чѣмъ опредѣлено Судьбою.»

Доктору Антомархи удалось неходатайствовать, чтобы Г. Арноттъ былъ допущенъ въ комнату и въ присутствіе больнаго, который въ особенности жаловался на боль въ желудкѣ, на тошноту и на разстройство пищеваренія. Докторъ Арноттъ увидѣлъ его въ первый разъ 1 Апрѣля 1821 года, и постоянно продолжалъ уже свои посѣщенія. Наполеонъ объявилъ свое мнѣніе, что у него повреждена печень. Сдѣланныя новымъ врачемъ замѣчанія, заставили его думать, что хотя дѣйствія печени и могли быть несовершенны, но что болѣзнь не въ ней пребываетъ. Достопримѣчательно, что Наполеонъ съ досадою оспорилъ Доктора Арнотта, изъявившаго сомнѣніе на счетъ его желудка, хотя онъ внутренно былъ увѣренъ, что страждетъ тою же болѣзнію, какъ и отецъ его. Такимъ образомъ, по свойственной больному странной прихоти, онъ объявлялъ нѣкоторымъ изъ своихъ приближенныхъ, чѣмъ онъ именно боленъ, хотя, боясь, можетъ быть, предложенія какихъ либо лекарствъ, онъ не хотѣлъ открыть врачамъ своихъ подозрѣній. * Отъ 15 до 25 Апрѣля, Наполеонъ занимался по временамъ составленіемъ своего завѣщанія, въ коемъ очень обнаружены чувства его и характеръ. 25 же числа, послѣ сильнаго отъ письма утомленія, въ немъ обнаружились признаки горячки, между коими смѣло можно помѣстить планъ его соединить всѣ духовныя секты во Франціи, который онъ намѣревался привесть въ исполненіе.

По мѣрѣ того, какъ силы больнаго постепенно ослабѣвали, признаки недуга его становились менѣе сомнительными, а послѣдовавшая, 27 Апрѣля, рвота водянистою, черноватою жидкостью, совершенно обнаружила свойство его болѣзни. Докторъ Антомархи настаивалъ въ томъ, что недугъ сей есть слѣдствіе климата, чѣмъ онъ очень угождалъ больному, желавшему покрайней мѣрѣ сложить вину своей смерти на заключеніе его на островѣ Св. Елены; между тѣмъ какъ, по мнѣнію Доктора Арнотта, болѣзнь сія была та же самая, которою у-

* Госпожа Бертранъ сказала Доктору Шорту, что Наполеонъ думаетъ умереть отъ рака въ желудкѣ, но что она считаетъ это мечтою.

меръ отецъ его подъ прекраснымъ Монпельерскимъ небомъ. Докторъ Антомархи переспорилъ своего соперника тѣмъ, что онъ говорилъ послѣдній, хотя Докторъ Арнотпъ имѣлъ въ пользу свою и собственное сознаніе больнаго. 28 Апрѣля, Наполеонъ далъ Доктору Антомархи приказаніе, чтобы по смерти его, тѣло было вскрыто, но чтобы никакой Англійскій врачъ къ оному не прикасался, кромѣ только необходимой нужды въ чьей либо помощи, и что въ такомъ случаѣ онъ дозволяетъ ему пригласить Доктора Арнотта. Онъ пожелалъ, чтобы сердце его было отослано въ Парму къ Маріи Луизѣ; и въ особенности просилъ о тщательномъ разсмотрѣніи его желудка, и о сообщеніи того, что окажется, его сыну. «Почти безпрестанно возобновляющаяся рвота,» сказалъ онъ: «заставляетъ меня думать, что главное пребываніе моей болѣзни въ желудкѣ; и я заключаю, что въ немъ находится то самое поврежденіе, которое свело въ гробъ отца моего; т. е. ракъ.» 2 Мая, больной опять обратился къ этому любопытному предмету, подтвердивъ Г. Антомархи о тщательномъ разсмотрѣніи его желудка. «Монпельерскіе врачи,» прибавилъ онъ: «объявили, что ракъ въ желудкѣ будетъ наслѣдственнымъ въ нашемъ семействѣ. Мнѣніе ихъ объ этомъ находится, какъ я думаю, у Лудовика. Возьмите его и сличите съ вашими наблюденіями, дабы я могъ покрайней мѣрѣ спасти хоть сына моего отъ этихъ ужасныхъ страданій.»

Въ продолженіе 3 Мая обнаружилось, что жизнь Наполеона видимо приходитъ къ концу; и приближенные его, а въ особенности врачи, изъявили желаніе составить медицинскій совѣтъ; почему и были приглашены Г. Шортъ, Главный Докторъ сухопутныхъ силъ, и Г. Митчель, врачъ Адмиральскаго корабля. Докторъ Шортъ счелъ нужнымъ поддержать достоинство врача, и не хотѣлъ объявить своего мнѣнія въ столь важномъ обстоятельствѣ, не видавъ и не разсмотрѣвъ больнаго. Приближенные къ Наполеону офицеры извинились строгимъ запрещеніемъ Императора, не допускать къ его смертному одру никакого Англійскаго врача, кромѣ Доктора Арнотта. Они сказали, что даже если бъ онъ и лишился употребленія языка, то они не могли бы перенести взоровъ, которые онъ обратилъ бы на нихъ съ укоризною за ихъ ослушаніе.

Около двухъ часовъ того же дня Священникъ Виніали пріобщилъ его Святыхъ Тайнъ. За нѣсколько дней передъ тѣмъ, Бонапарте изъявилъ ему желаніе чтобы тѣло его было выставлено въ покоѣ, освѣщенномъ восковыми свѣчами, что у Католиковъ называется *Траурною Залою* (*Chambre Ardente*). «Я не философъ и не безбожникъ,» сказалъ онъ повторяя приведенныя уже нами выше слова: «я вѣрую въ Бога, и чту религію отцевъ моихъ; не всякой можетъ быть атеистомъ. Я родился въ Католической вѣрѣ; хочу исполнить обязанности, ею налагаемыя, и принять пособія, которыя она даетъ намъ.» Тутъ онъ обратился къ Антомархи, котораго онъ

подозрѣвалъ въ безвѣріи, хотя Докторъ сіе и отрицаетъ. «Можете ли вы до того дойти?» сказалъ онъ: «можете ли вы не вѣрить въ Бога? ибо все свидѣтельствуетъ о его существованіи, и самые великіе умы оному вѣрили.»

Какъ бы для ознаменованія послѣдней черты сходства между Кромвелемъ и Наполеономъ, сильная буря поднялась 4 Мая, предшествовавшее дню, въ который должно было прекратиться земное существованіе сего необыкновеннаго мужа. Любимая изгнанникомъ ива, подъ коею онъ часто наслаждался прохладою, была исторгнута вихремъ; и почти всѣ, окружавшія Лонгвудъ деревья подверглись той же участи.

5-е Мая наступило съ вѣтромъ и дождемъ. Отходящая душа Наполеона находилась въ бреду и въ борьбѣ, превосходящей силою ту, которая волновала стихіи. Слова: *tête d'armée* (фронтъ арміи) послѣднія, исшедшія изъ устъ его, обнаружили, что мысли его блуждали въ пылу битвы. Вечеромъ, въ шесть часовъ, безъ одиннадцати минутъ, Наполеонъ, послѣ борьбы, доказавшей силу его сложенія — испустилъ духъ.

Офицеры Наполеонова дома хотѣли было произвесть вскрытіе тѣла тайно. Но Сиръ Гудзонъ Лоу слишкомъ хорошо зналъ отвѣтственность, коей онъ подвергалъ себя самого и свое отечество, для того, чтобы сіе дозволить. Онъ объявилъ, что еслибъ даже пришлось употребить и силу, то вскрытіе не будетъ сдѣлано иначе, какъ въ присутствіи Англійскаго врача.

Генералы Бертранъ и Монтолонъ съ Маршаномъ, камердинеромъ умершаго, присутствовали при этомъ вскрытіи, сдѣланномъ 6 Мая. При ономъ также находились: Сиръ Томасъ Ридъ и другіе офицеры Англійскаго Штаба, равно какъ Доктора: Томасъ Шортъ, Архибальдъ Арнотъ, Карлъ Мэтчель, Матвѣй Ливингстонъ и Францискъ Бёртонъ. Причина смерти была очевидна. Обширная язва занимала почти весь желудокъ; и одно только крѣпкое приращеніе болящихъ частей сего органа къ вогнутой поверхности доли печени, лежавшей надъ язвою, препятствуя проходу содержимаго желудкомъ въ брюшную полость, продолжило жизнь больнаго. Всѣ прочія части внутренностей были найдены довольно въ здоровомъ положеніи. Свидѣтельство было подписано всѣми, присутствовавшими Англійскими врачами. Когда Докторъ Антомархи хотѣлъ тоже сдѣлать, то онъ былъ отъ того удержанъ, какъ намъ сообщено, Генераломъ Бертраномъ, по той причинѣ, что въ свидѣтельствѣ было сказано, что вскрытіе произведено надъ тѣломъ *Генерала Бонапарте*. Показаніе Доктора Антомархи немногимъ различествуетъ отъ свидѣтельства Англійскихъ врачей, хотя онъ и выводитъ изъ него заключенія, несогласныя съ убѣжденіемъ самого больнаго и съ ужасною очевидностью, обнаружившеюся при вскрытіи тѣла. Онъ продолжалъ утверждать, что

его бывшій повелитель умеръ не отъ нарыва или отъ рака въ желудкѣ, а отъ хроническаго воспаленія желудка и печени, будто бы свойственнаго острову Св. Елены, хотя нѣтъ нигдѣ показанія или доказательства, чтобы кто либо, въ тамошней больницѣ, умеръ отъ недуга, похитившаго плѣнника.

Приближенные Наполеона желали, чтобы сердце его было сохранено и ввѣрено ихъ попеченіямъ. Но Сиръ Гудзонъ Лоу не счелъ себя въ правѣ на то согласиться. Онъ однако жъ дозволилъ, чтобы сердце было положено въ наполненный спиртомъ серебряный сосудъ, и погребено въ землю вмѣстѣ съ шѣломъ; дабы въ случаѣ, если онъ получитъ на сіе изъ Англіи дозволеніе, то его можно было бы послѣ вырыть изъ земли и отправить въ Европу.

Мѣсто погребенія сдѣлалось послѣ того предметомъ споровъ. На этотъ счетъ Наполеонъ былъ очень неоснователенъ. Въ завѣщаніи своемъ онъ обнаружилъ желаніе, чтобы остатки его были погребены на берегахъ Сены — желаніе, на которое никакъ нельзя было полагать, что согласятся, и вѣроятно сдѣланное только съ тою цѣлью, чтобы произвесть онымъ впечатлѣніе. Минутное размышленіе показало бы ему, что, сидя на престолѣ, онъ самъ не дозволилъ бы Лудовику XVII быть похороненнымъ въ землѣ своихъ предковъ; и что онъ не далъ остаткамъ Герцога Ангенскаго другой могилы, какъ послѣднему изъ преступниковъ, котораго погребаютъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ онъ умеръ. Притомъ же и всеобщее волненіе народнаго духа во всей Италіи не дозволяло сего сдѣлать.

Похоронить Императора Французовъ въ предѣлахъ упеисшаго острова, на коемъ онъ провелъ послѣдніе свои годы, оставалось единственнымъ средствомъ; и предвидя, что это вѣроятно такъ будетъ, онъ самъ назначилъ мѣсто, гдѣ онъ желалъ покоиться. Это была небольшая, уединенная долина, называемая Еленъ или Генъ, гдѣ былъ источникъ, изъ котораго служители его обыкновенно черпали воду въ серебряные сосуды для Наполеонова употребленія. Мѣсто сіе имѣло болѣе зелени и тѣни, чѣмъ во всѣхъ окрестностяхъ, и знаменитый изгнанникъ имѣлъ привычку часто отдыхать подъ прекрасными плакучими ивами, осѣняющими источникъ. Тѣло, выставленное на нарядной постелѣ въ небольшой его спальнѣ, гдѣ его посѣщали всѣ именитые на островѣ люди, было погребено 8 Мая. Гробъ облекли вмѣсто покрова военнымъ плащемъ, который Наполеонъ имѣлъ на себѣ въ день Маренгской битвы. Всѣ люди, принадлежащіе къ дому покойнаго, провожали его въ печальныхъ одеждахъ; причемъ находились Губернаторъ, Адмиралъ и всѣ гражданскіе и военные чиновники острова. Всѣ войска стояли подъ ружьемъ при этомъ печальномъ торжествѣ. Поелику дорога не дозволила дрогамъ доѣхать до могилы, то Англійскіе гренадеры имѣли честь отнести до оной гробъ. Похоронный обрядъ былъ свершенъ Аббатомъ Виніали. Чрезъ каждую минуту палили изъ пушекъ съ Адмиральскаго корабля. Наконецъ гробъ

былъ опущенъ въ могилу при трехъ залпахъ артиллеріи, по пятнадцати выстрѣловъ каждый. Большой камень былъ положенъ на могилу — и покрылъ ограниченное пространство, вмѣстившее въ себѣ человѣка, для котораго вся Европа казалась тѣсною.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Достигнувъ конца сего достопамятнаго повѣствованія, читатель, можетъ быть, пожелаетъ на минуту остановиться, дабы размыслить о свойствахъ удивительнаго мужа, коего фортуна осыпала столь многими дарами въ началѣ и въ срединѣ его поприща, отягчивъ конецъ его столь сильными и столь необычайными огорченіями.

Наружность Наполеона, съ перваго взгляда, не имѣла ничего величественнаго, ибо онъ былъ ростомъ только пять съ половиною Англійскихъ футъ. Худощавый въ молодости, онъ потолстѣлъ, вошедъ въ зрѣлыя лѣта, и хотя по видимому онъ былъ болѣе нѣжнаго, чѣмъ крѣпкаго сложенія, но никто лучше его не могъ переносить усталость и лишенія. Онъ ѣздилъ верхомъ не красиво и не умѣлъ управлять лошадью съ совершеннымъ искусствомъ; почему онъ много терялъ, имѣя подлѣ себя такого всадника, какъ Мюратъ. Но онъ ничего не боялся; сидѣлъ на сѣдлѣ крѣпко; скакалъ во весь духъ, и былъ въ состояніи ѣздить дольше всякаго другаго. Мы ужъ говорили о равнодушіи его къ пищѣ, о способности переносить всякія лишенія. Какая нибудь закуска и бутылка вина, привязанныя къ сѣдлу, были ему достаточны, въ первые его походы, на нѣсколько дней. Въ послѣднія его войны онъ чаще ѣздилъ въ каретѣ; не по нездоровью, какъ сіе предполагали, а потому, что онъ чувствовалъ въ тѣлѣ, находившемся въ столь безпрерывномъ движеніи, преждевременное дѣйствіе лѣтъ.

Наружность Наполеона извѣстна почти всякому по описаніямъ и портретамъ, вездѣ находящимся. Темнорусые его волосы не показывали, чтобы онъ много заботился о своей прическѣ. Лице его было шире, чѣмъ обыкновенно у прочихъ людей. Сѣрые глаза его отличались выразительностью, зрачки были большіе, а брови не очень густыя. Лобъ и верхняя часть лица имѣли въ себѣ нѣчто важное. Носъ его и ротъ были очень хороши; а верхняя губа весьма коротка. Зубы его были не красивы, но онъ мало ихъ показывалъ разговаривая. * Улыбка его была удивительно какъ пріятна и даже, говорятъ, непреодолима. Цвѣтъ лица его былъ свѣтлооливковый, безъ всякаго румянца. Выраженіе лица его было вообще важно, даже задумчиво, но безъ всякаго знака суровости и

* Находясь на островѣ Св. Елены, онъ часто жаловался на боль зубовъ и десенъ.

жестокости. Величественное спокойствіе, сохранившееся по смерти въ чертахъ его, придало имъ особенную красоту, и возбудило удивленіе всѣхъ тѣхъ, которые на него смотрѣли.

Такова была наружность Наполеона. Характеръ его вообще отличался любезностью, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда онъ былъ обиженъ, или считалъ себя обиженнымъ, а въ особенности, если обида относилась къ нему лично: тогда онъ показывалъ запальчивость и мстительность. Но его легко могли укротить даже враги его, предавшись въ его волю; однако жъ онъ не имѣлъ того, великодушія, которое уважаетъ неукрепность мужественнаго, благороднаго соперника. Съ другой стороны, никто не награждалъ такъ щедро, какъ онъ, услуги друзей своихъ. Онъ былъ прекрасный мужъ, добрый родственникъ, и когда не мѣшала тому политика, отличный братъ. Генералъ Гурго, который не всегда выгодно отзывается о Наполеонѣ, говоритъ, что онъ былъ лучшій изъ господъ, старавшійся дѣлать все, что могъ для своихъ служителей; умѣвшій цѣнить достоинства, коими они обладали и приписывавшій имъ иногда такія, которыхъ они вовсе не имѣли.

Онъ былъ кроткихъ и даже нѣжныхъ свойствъ, чувствовалъ сильное огорченіе, проѣзжая по полю битвы, которое честолюбіе его усѣяло убитыми и умирающими, и не только оказывалъ желаніе помочь падшимъ жертвамъ — отдавая приказы, которые часто не были и не могли быть исполнены — но обнаруживалъ наклонность къ болѣе сильному соучастію, называемому чувствительностью. Онъ разсказываетъ случай, свидѣтельствующій о склонности его къ умиленію. Проѣзжая однажды въ Италіи по полю битвы съ нѣкоторыми изъ своихъ Генераловъ, онъ увидѣлъ покинутую собаку, лежащую на тѣлѣ своего убитаго господина. Бѣдное животное побѣжало къ нимъ, и опять воротилось къ трупу съ жалобнымъ воемъ, какъ будто прося у нихъ помощи. «По расположеніи ли, въ которомъ я находился,» говоритъ Императоръ: «отъ мѣста ли, времени, часа или отъ самаго сего дѣйствія, или, я не знаю, отъ чего, а никогда ничто на полѣ битвы не производило на меня такого впечатлѣнія. Я невольно остановился, глядя на сіе зрѣлище. Этотъ человѣкъ — сказалъ я самъ себѣ — можетъ быть, имѣетъ друзей, а здѣсь лежитъ покинутый всѣми, кромѣ своей собаки! Что значитъ человѣкъ! и какъ таинственна сила впечатлѣній! Я безъ состраданія повелѣвалъ битвы, долженствовавшія рѣшить судьбу арміи; я хладнокровно смотрѣлъ на исполненіе движеній, долженствовавшихъ причинить гибель множества людей — а здѣсь, я тронутъ, даже разстроенъ воемъ и горестью собаки! Достовѣрно, что въ эту минуту, я оказалъ бы болѣе сговорчивости умоляющему меня непріятелю; я тогда лучше понялъ Ахиллеса, отдающаго тѣло Гектора слезамъ Пріама.* Анекдотъ сей доказываетъ, что На-

* *Записки Острова Св. Елены.* Часть II. стр. 101.

полеонъ имѣлъ сердце человѣколюбивое, но что онъ умѣлъ подчинять его суровымъ законамъ военной твердости. Онъ часто съ выразительностью говаривалъ, что сердце политика должно быть у него въ головѣ; но иногда онъ самъ предавался чувствамъ, болѣе нѣжнымъ.

Склонный къ Математикѣ отъ природы и по привычкѣ, Наполеонъ любилъ порядокъ и добрую нравственность, въ коей порядокъ наиболѣе соблюдается. Сатиры того времени упоминали о нѣкоторыхъ соблазнительныхъ случаяхъ для доказательства противнаго сему, но нѣтъ причины онымъ вѣрить. Наполеонъ слишкомъ много уважалъ самого себя и слишкомъ хорошо зналъ цѣну общественнаго мнѣнія для того, чтобы предаться распутству.

И потому, относительно врожденныхъ его наклонностей, можно полагать, что если бъ Наполеонъ остался въ предѣлахъ частной жизни и если бъ страсти и жажда мщенія не представляли ему на пути слишкомъ сильныхъ искушеній, то онъ вообще былъ бы почитаемъ такимъ человѣкомъ, коего дружба желательна и коего не безопасно противъ себя раздражать.

Но случай, доставленный ему обстоятельствами, и гибкостью его великихъ талантовъ, какъ воинскихъ, такъ и политическихъ, возвысилъ его съ невѣроятною быстротою въ сферу великаго могущества, изобилующую искушеніями. Прежде чѣмъ разсмотримъ употребленіе, которое онъ сдѣлалъ изъ власти, имъ достигнутой, сдѣлаемъ краткое обозрѣніе причинъ, проложившихъ ему путь къ оной.

Послѣдствія революціи, хотя и гибельныя для частныхъ семействъ, создали арміи, какихъ Европа никогда еще не видывала, и какихъ, можно надѣяться, она уже больше не увидитъ. Не было безопасности, чести, даже возможности существовать ни въ какомъ званіи, кромѣ военнаго; вслѣдствіе чего, оно сдѣлалось прибѣжищемъ лучшаго, храбрѣйшаго юношества Франціи; такъ что войска не стали уже набираться, какъ у большей части народовъ, изъ самой жалкой, безпутной черни, но, наполняясь лучшими сословіями въ государствѣ, состояли изъ цвѣта Франціи относительно здоровья, нравственныхъ качествъ и возвышенности духа. Съ такими людьми, республиканскіе генералы свершили многія, великія побѣды, но не пріобрѣтя соотвѣтственныхъ онымъ выгодъ. Это происходило большею частію отъ зависимости, въ коей вожди сіи состояли у различныхъ правителей Республики, — каковая зависимость объясняется необходимостью прибѣгать къ Парижскимъ властямъ, для полученія средствъ на уплату и продовольствіе войскъ. Перешедъ чрезъ Альпы, Наполеонъ измѣнилъ сей порядокъ вещей; и не только извлекъ онъ завоеванныхъ земель, чрезъ налоги и опись въ казну, средства содержать армію, но даже снабжалъ деньгами и самое Правительство. Такимъ образомъ война, бывшая до тѣхъ поръ бременемъ для Республики, сдѣлалась у него въ рукахъ источникомъ государственныхъ дохо-

довъ; между тѣмъ какъ юный вождь, снабжая деньгами Правительство, коему предшественники его были въ тягость, привелъ себя въ возможность достичь независимости, бывшей главною его цѣлью, и обходиться съ Директоріею почти на степени равенства. Воинскіе его таланты и званіе побѣдоноснаго Генерала, скоро возвысили его отъ равенства къ первенству.

Таланты его столько же обнимали общій планъ кампаніи, какъ и частныя распоряженія битвы. Въ той и въ другой изъ сихъ великихъ военныхъ отраслей, Наполеонъ не только былъ ученикомъ знаменитѣйшихъ мастеровъ сего дѣла, но самъ усовершалъ, придумывалъ и изобрѣталъ.

Въ стратегіи онъ примѣнилъ къ обширнѣйшему размѣру правила Фридриха Великаго, и чрезъ оныя пріобрѣталъ столицу или Королевство тогда, какъ Фридрихъ завоевалъ бы городъ или область. Способъ его состоялъ въ томъ, чтобы собрать наибольшее число силъ въ слабую точку позиціи непріятеля, и не допустивъ тѣмъ къ дѣйствію двѣ трети его арміи, разбить остальную треть, а потомъ рѣшить побѣду, истребивъ прочія части по одиначкѣ. Съ этою цѣлью онъ научалъ своихъ Генераловъ, какъ раздѣлять на походѣ войска для ускоренія движеній и удобнѣйшаго продовольствія, и какъ соединять ихъ въ минуту боя тамъ, гдѣ наименѣе сопротивленія по причинѣ неожиданности атаки. Для сего также онъ избавлялъ армію отъ всякаго обоза, кромѣ самаго необходимаго — замѣнялъ недостатокъ магазиновъ налогами, требуемыми съ земель или съ частныхъ лицъ, посредствомъ правильнаго грабежа (maraude), и уничтожилъ въ полкахъ палатки, располагаясь со своими солдатами на открытомъ воздухѣ, если не было въ окрестностяхъ хижины и не доставало времени для устроенія ему навѣса. Способъ его былъ гибеленъ умноженіемъ числа умирающихъ, ибо онъ часто даже не заботился объ устроеніи военныхъ госпиталей; но хотя Моро и называлъ Наполеона завоевателемъ, тратившимъ по десяти тысячъ человѣкъ въ день, однако жъ чрезъ такія пожертвованія онъ долгое время достигалъ предположенныхъ имъ себѣ цѣлей. Занимающій обширное пространство, непріятель, приводимый въ недоумѣніе слухами о движущихся по разнымъ направленіямъ колоннахъ, подвергался нападенію и былъ разбиваемъ соединенными Французскими силами, собравшимися тамъ, гдѣ ихъ наименѣе ожидали. Не прежде, какъ научась отступать отъ его натисковъ съ такою же быстротою, съ какою оные были дѣлаемы, Союзники привели себя въ возможность избѣгать пораженія отъ его подвижныхъ колоннъ.

Наполеонъ не менѣе отличался повизною средствъ своихъ въ тактикѣ, какъ и въ стратегіи. Движенія его на полѣ битвы имѣли внезапность и быстроту молніи. При начатіи боя, подобно какъ и въ мѣрахъ для приведенія войскъ своихъ къ оному, онъ обыкновенно обманывалъ непріятеля, завода дѣло въ разныхъ точкахъ и потомъ внезапно

наносл ударъ въ одной изъ нихъ бо́льшею частью войскъ своихъ. Прорванная имъ линія, обойденный флангъ, составлявшіе цѣль его съ самаго начала битвы, обыкновенно прикрывались множествомъ предварительныхъ движеній, и онъ не прежде отваживался наносить ударъ, какъ когда нравственныя и физическія силы непріятеля были уже истощены продолжительнымъ боемъ. Тогда то онъ двигалъ свою гвардію, которая, горя нетерпѣніемъ, давно уже стояла въ готовности, и спущенная, подобно разъяренному псу со своры, имѣла славную обязанность, рѣдко ей не удававшуюся, рѣшить продолжительную борьбу. Можно еще прибавить, какъ отличительную черту его тактики, что онъ предпочиталъ натискъ колоннами атакѣ фронтомъ; можетъ быть, по увѣренности, которую онъ имѣлъ въ непоколебимомъ мужествѣ водившихъ колонны Французскихъ офицеровъ.

Любовь которую Наполеонъ пріобрѣлъ у Французскихъ солдатъ частою раздачею имъ наградъ и знаковъ отличій, равно какъ дружеское его съ ними обхожденіе и вниманіе къ ихъ нуждамъ, въ соединеніи съ самовластіемъ и независимостью имъ себѣ присвоенными, сдѣлали для него не труднымъ пріобрѣсть содѣйствіе ихъ къ поддержанію его въ революцію 18 Брюмера и къ постановленію его главою Правительства. Большей части народа чрезвычайно какъ надоѣла непостоянная форма правительства, и сдѣланныя въ ономъ разныя перемѣны, начиная съ мечтательныхъ бредней Жирондистовъ и звѣрской, кровожадной свирѣпости Якобинцевъ, до корыстолюбивой шаткости и безумства Директоріи; и народъ вообще желалъ постоянной формы правительства, если и менѣе свободнаго, то покрайней мѣрѣ болѣе прочнаго и болѣе способнаго къ обезпеченію собственности и личныхъ правъ, чѣмъ всѣ тѣ, которыя послѣдовали за паденіемъ Монархіи. Побѣдоносный генералъ, болѣе робкій или болѣе совѣстливый, чѣмъ Наполеонъ, вздумалъ бы, можетъ статься, возстановить Бурбоновъ. Но Наполеонъ предвидѣлъ затрудненія, долженствовавшія возникнуть при соглашеніи возврата эмигрантовъ съ обезпеченіемъ продажи недвижимыхъ имѣній, и справедливо заключилъ, что раздирающія Францію партіи, гораздо удобнѣе могутъ быть соединены подъ властью человѣка, бо́льшею частью всего этого чуждаго.

Достигнувъ верховной власти, сей высоты, которая столь многихъ сводитъ съ ума и ослѣпляетъ, Наполеонъ, казалось, занялъ только мѣсто, для коего онъ былъ рожденъ, и на которое отличныя его способности и блистательная цѣпь успѣховъ, давали ему во всѣхъ отношеніяхъ неоспоримое право. Посему онъ началъ съ хладнокровіемъ и просвѣщенною мудростью разсматривать средства для утвержденія своей власти, для уничтоженія республиканскаго духа, и для учрежденія Монархіи, коей онъ располагалъ сдѣлаться главою. Многимъ людямъ, попытка возстановить въ пользу военнаго пришлеца форму правленія, отвергнутую повиднмому гласомъ народа со всеобщими кликами, показа-

лась бы дѣломъ отчаяннымъ. Приверженцы Республики были искусные сановники, люди съ отличными талантами, привыкшіе управлять буйною демократіею и устроивать козни, ниспровергнія престолы и алтари; и врядъ ли бы можно надѣяться, что такіе люди, хоть изъ одного только стыда, допустятъ, чтобы всѣ десятилѣтніе труды ихъ были изглажены мечемъ столь юнаго, хотя и побѣдоноснаго вождя.

Но Наполеонъ зналъ ихъ и самого себя; онъ былъ внутренно увѣренъ, что тѣ, которые участвовали во власти чрезъ происшедшіе перевороты, готовы будутъ унизиться для того, чтобы стать орудіями его возвышенія и второстепенными агентами его могущества, удовольствовавшись такою же частью добычи, какую левъ кидаетъ шакалу.

Вообще всему Государству, при каждомъ новомъ шагѣ, дѣлаемомъ имъ къ владычеству, онъ предъявлялъ права свои на оное, состоящія въ превосходномъ его геніи, доказанномъ славнѣйшими успѣхами, и онъ возсѣлъ на престолъ Франціи, принявъ горделивый символъ: *Detur dignissimo* (Да будетъ дано достойнѣйшему). Никто не покушался оспоривать законность правъ его. Внѣшнее управленіе его было блистательно, а внутреннее, за нѣсколькими исключеніями, щедро и умѣренно. Ужасное убійство Герцога Ангенскаго показало свирѣпую мстительность; но вообще общественныя дѣла Наполеона, при началѣ его поприща, были достойны всякой хвалы. Маренгская битва, съ ея послѣдствіями — усмиреніе внутреннихъ междоусобій — примиреніе съ Римскою Церковью — возвратъ многочисленнаго сословія эмигрантовъ — и сочиненіе Народнаго Уложенія — были дѣла, способныя польстить воображенію и даже пріобрѣсть любовь народа.

Но съ искусствомъ, ему свойственнымъ, Наполеонъ, уничтоживъ Республику, умѣлъ обратить въ свою пользу демократическія понятія, отъ коихъ возникла революція. По прозорливости своей, онъ видѣлъ, что сопротивленіе народа прежнему Правительству возникло менѣе отъ непріязни къ королевской власти, чѣмъ отъ ненависти къ преимуществамъ, дарованнымъ сію дворянству и духовенству, которыя одни только имѣли право занимать всѣ высшія мѣста, заграждая дорогу прочимъ, хотя и превосходящимъ ихъ въ достоинствахъ. Посему Наполеонъ, при учрежденіи своего новаго монархическаго правительства, основательно разсудилъ, что онъ не связанъ, подобно наслѣдственнымъ государямъ, никакими особенными постановленіями, основанными на прежнихъ обычаяхъ; но, будучи самъ творцемъ своей власти, онъ имѣетъ право дать ей такую форму, какую ему заблагоразсудится. Онъ такъ легко восшелъ на престолъ по всеобщему признанію его достоинствъ, что ему не нужно было для сего содѣйствіе никакой партіи; слѣдовательно, не будучи стѣсненъ никакими прежними обязательствами, ни необходимостью награждать прежнихъ пособниковъ или пріобрѣтать себѣ новыхъ, онъ имѣлъ великую выгоду

дѣйствовать съ совершенною, неограниченною свободою.

И такъ, достигнувъ высшей степени человѣческой власти, онъ мудро и съ основательностью учредилъ престолъ свой на томъ же демократическомъ правилѣ, которое ему самому отверзло путь и которое состояло въ томъ, чтобы предоставить всѣмъ людямъ съ достоинствами, хотя и не имѣющимъ титловъ, право пріобрѣтенія почестей по разнымъ Государственнымъ отраслямъ. Это-то былъ тайный ключъ Наполеоновой политики; и онъ такъ хорошо умѣлъ онымъ пользоваться при содѣйствіи отличнаго искусства своего узнавать людей и своего врожденнаго добродушія, коимъ онъ обладалъ въ минуты хладнокровія, что онъ никогда, при всѣхъ превратностяхъ своей судьбины, не пропускалъ случая привязывать къ себѣ народъ и угождать ему, умѣл кстати отличать и награждать таланты. Онъ часто къ сему обращался, говоря, что этимъ-то онъ заслужилъ себѣ наибольшія похвалы. Мы, не колеблясь, повторимъ, что открывъ сіе поприще для всякаго рода талантовъ, онъ положилъ красугольный камень своей славы и главное основаніе своего могущества. По несчастію, вниманіе его къ достоинствамъ и готовность награждать оныя основывались — не исключительно на одной только патріотической ревности къ общественному благу, а тѣмъ еще менѣе на одномъ только благонамѣренномъ желаніи награждать дѣйствительно достойныхъ, — а на себялюбивой политикѣ, которой должно приписать большую часть его успѣховъ, многія изъ его бѣдствій и почти всѣ его политическія преступленія.

Мы уже помѣстили выше описаніе, которое Луціанъ сдѣлалъ о Императорѣ, своемъ братѣ, вѣроятно въ минуту досады, но которое однако жъ подтверждено всѣми приближенными къ Наполеону особами, коихъ мы имѣли случай разспрашивать. «Въ дѣлахъ своихъ,» говоритъ Луціанъ: «онъ руководствуется только своею политикою; а политика его основана на одномъ лишь эгоизмѣ.» Никто въ мірѣ, можетъ быть кромѣ исключеній, о коихъ ниже упоминается, не имѣлъ въ такой степени эгоизма, свойственнаго впрочемъ всякому роду человѣческому. Онъ былъ посѣянъ природою въ его сердцѣ и укорененъ воспитаніемъ полумонашескимъ и полувоеннымъ, которое столь рано отдѣлило его отъ общества; чувство это утвердилось въ немъ чрезъ убѣжденіе въ своихъ талантахъ, не дозволявшее ему равнять себя съ другими людьми, между коими помѣстилъ его жребій, и сдѣлалось въ немъ привычкою чрезъ отдѣльное положеніе его при первомъ вступленіи въ свѣтъ безъ друга, безъ покровителя и безъ заступника. Похвалы, чины, имъ получаемые, давались его генію, а не ему самому; и человѣкъ, внутренно чувствующій, что онъ самъ проложилъ себѣ дорогу, мало былъ обязанъ признательностью или ласкою тѣмъ, которые уступили ему мѣсто, только потому, что не посмѣли его остановить. Честолюбіе его также проистекало отъ эгоизма, конечно утонченнаго въ своихъ дѣйствіяхъ,

но въ которомъ, при строгомъ разсмотрѣніи, обнаруживалось тоже начало.

Читатель не долженъ однако же предполагать, чтобы эгоизмъ Наполеона имѣлъ то низкое, презрительное свойство, которое производитъ скупость, обманъ и притѣсненія въ обыкновенной жизни; или, подъ чертами, болѣе благовидными, ограничиваетъ усилія эгоиста тѣмъ только, что клонится къ его личной выгодѣ, заграждая путь въ его сердце всякому чувству любви къ отечеству или общественнаго благорасположенія. Наполеоновъ эгоизмъ или себялюбіе, было гораздо болѣе благороднаго, болѣе возвышеннаго свойства, хотя происходило и изъ того же источника; — подобно какъ крылья орла, парящаго подъ небесами, устроены на тѣхъ же самыхъ началахъ, какъ и крылья тяжелой курицы, не могущей перелетѣть чрезъ заборъ своего птичника.

Дабы еще больше сіе объяснить, мы прибавимъ, что Наполеонъ любилъ Францію по тому, что Франція была его достояніе. Онъ дѣлалъ для нея все, потому, что выгоды относились къ Императору, получала ли она новыя учрежденія, или пріобрѣтала новыя земли. Онъ хвалился тѣмъ, что представляетъ въ своей особѣ и народъ, и монарха Франціи; онъ соединялъ въ себѣ ея преимущества, славу и величіе, и всѣ дѣла его долженствовали клониться къ тому, чтобы прославить Императора и Имперію. Однако жъ Государь и государство могли раздѣлиться, и наконецъ дѣйствительно раздѣлились; и себялюбивый характеръ Наполеона, послѣ сего раздѣленія, нашелъ еще, чѣмъ заняться на небольшомъ поприщѣ острова Эльбы, коимъ ограничилась его дѣятельность. Подобно волшебному шатру въ Арабскихъ сказкахъ, его способности могли, распростершись, обнимать половину міра со всѣми его дѣлами и предназначеніями или по произволу стѣсниться на небольшомъ островѣ Средиземнаго моря, занявшись неважными его дѣлами, ограничившими его кругъ дѣйствій. Мы вѣримъ, что пока Франція признавала Наполеона своимъ Императоромъ, онъ охотно отдалъ бы за нея жизнь свою; но мы очень сомнѣваемся, что если бъ ему приходилось поднять только палецъ для того, чтобы обезпечить ея счастіе подъ владычествомъ Бурбоновъ, (если бъ сей поступокъ не возвысилъ его собственной личной славы) поднялъ ли бы онъ сей палецъ. Однимъ словомъ, чувство личной его выгоды было средоточіемъ круга, коего окружность могла по произволу расширяться и стѣсняться, но коего центръ пребывалъ всегда твердъ и неподвиженъ.

Безполезно разбирать, до какой степени эта постоянная, и должно прибавить, умная забошливость о собственныхъ выгодахъ содѣйствовала Наполеону къ достиженію верховной власти. Мы ежедневно видимъ людей съ весьма обыкновенными, способностями которые, тщательно стремясь къ достиженію какой либо цѣли, и не поддаваясь соблазну удовольствій, привлекательности нѣги, наконецъ достигаютъ предмета своихъ желаній. Если же мы теперь предста-

вимъ себѣ обширный умъ Наполеона, одушевленный неограниченною пылкостью воображенія и неизмѣнною стойкостью въ его замыслахъ, идущій твердо, не уклоняясь, безъ остановки къ предположенной имъ себѣ цѣли, состоящей не менѣе, какъ въ завоеваніи всего Свѣта, то намъ не покажется удивительною непомѣрная высота, до которой онъ достигъ.

Но эгоизмъ, управлявшій всѣми его поступками — хотя и подчиненный его отличному уму и старанію сохранить вліяніе на духъ общественный, — способствуя успѣху бо́льшей части его различныхъ предпріятій, подъ конецъ причинилъ ему однако же болѣе зла, чѣмъ добра; ибо онъ внушилъ ему самые отчаянные замыслы, и былъ источникомъ самыхъ непростительныхъ его поступковъ.

Разсудительные политики согласятся, что учредивъ Императорское правленіе вмѣсто Республиканскаго, глава онаго долженъ былъ пріять твердую, сильную власть, дабы возстановить внутреннее устройство и поддержать существующій порядокъ вещей — необходимые для прекращенія безпрестанно возобновлявшихся революцій. Если бъ Наполеонъ на этомъ остановился, то никто бы не могъ упрекать и порицать его, кромѣ развѣ самыхъ жаркихъ приверженцевъ Бурбонскаго дома, коему провидѣніе, казалось, навѣки закрыло врата къ возвращенія во Францію. Но себялюбивый духъ его не удовольствовался до тѣхъ поръ, пока онъ совершенно истребилъ малѣйшіе признаки свободныхъ постановленій, пріобрѣтенныхъ цѣною столькихъ опасностей, слезъ и крови, доведя Францію — за исключеніемъ могущества общественнаго мнѣнія — до положенія Константинополя или Алжира. Ему принадлежала честь возстановленія престола, и весьма естественно было, чтобы сдѣлавшій сіе, восшелъ на оный; ибо, уступивъ его Бурбонамъ, онъ измѣнилъ бы тѣмъ, изъ рукъ коихъ онъ пріялъ власть свою; но отнимать у своихъ подданныхъ права, ими пріобрѣтенныя, значило свершить родъ отцеубійства. Чрезъ его безпрерывныя посягательства, народъ потерялъ и свободу, которую предоставляло ему прежнее правительство, и всѣ преимущества, пріобрѣтенныя имъ революціею. Политическія права, частныя выгоды, церковная собственность, успѣхи воспитанія, наукъ, духа и чувствъ — все было захвачено его правительствомъ. Франція сдѣлалась огромною арміею, подъ неограниченнымъ начальствомъ военнаго предводителя, неподчиненнаго никакой власти и отвѣтственности. Въ этой землѣ, столь недавно еще волнуемой ночными собраніями тысячи политическихъ клубовъ, никакое сословіе гражданъ, ни подъ какимъ предлогомъ не имѣло права сбираться для обнаруженія своихъ мнѣній. Народу не осталось, ни въ правахъ, ни въ законахъ, никакихъ средствъ исправлять ошибки или противиться злоупотребленіямъ. Франція уподобилась Константинополю, за исключеніемъ неповиновенія пашей, скрытнаго сопротивленія Улемовъ и частыхъ Янычарскихъ бунтовъ. Между тѣмъ какъ Наполеонъ посте-

пенно истреблялъ всѣ права общественной свободы — между тѣмъ какъ онъ строилъ новыя государственныя темницы и учреждалъ высшую полицію, наполнившую Францію шпіонами и надзорщиками — между тѣмъ какъ онъ исключительно прибралъ себѣ къ рукамъ книгопечатаніе — политика его и вмѣстѣ съ оною эгоизмъ, побудили его предпринять тѣ великія общественныя постройки, которыя, принеся бо́льшую или меньшую пользу, во во всякомъ случаѣ долженствовали остаться памятниками величія Императора. Даваемое ему рабочими людьми имя Главнаго Подрядчика, было вовсе не неприлично; но предпріятія сего рода свершаются гораздо съ большимъ успѣхомъ, когда ихъ дѣлаютъ искусные, промышленные люди, старающіеся извлечь чрезъ то пользу изъ своихъ капиталовъ, нежели при употребленіи на нихъ вдвое противъ того денегъ по волѣ самовластнаго повелителя! Однако жъ желательно было бы, чтобы мосты, дороги, гавани и общественныя зданія остались единственными вознагражденіями, которыя Наполеонъ предложилъ Французскому народу за права, у него взятыя. Но дабы заглушить всѣ тягостныя и унизительныя воспоминанія, онъ подпесъ ему и самъ испилъ съ нимъ очаровательную и роковую чашу воинской славы и всемірнаго владычества. Повергнуть всю вселенную къ стопамъ Франціи, между тѣмъ какъ сама Франція была бы только первою рабою своего владыки, было исполинскимъ замысломъ, объ исполненіи коего онъ старался съ такою настойчивою ревностью. Это былъ баснословный Сизифовъ камень, вскаченный имъ на вершину утеса до такой высоты, что онъ наконецъ низвергся и раздавилъ его самого при своемъ паденіи.

Главное исполненіе сего обширнаго замысла происходило въ то время, когда духъ честолюбія его былъ въ полной своей силѣ; и никто, даже въ совѣтахъ его, не смѣлъ опровергать принятыхъ имъ намѣреній. Если бъ успѣхъ не столь постоянно увѣнчивалъ его оружіе, то можетъ быть, что онъ бы остановился и предпочелъ бы обезпеченіе одному государству свободы и благоденствія покоренію цѣлой Европы. Но постоянное счастіе, сопутствовавшее Наполеону во всѣхъ его предпріятіяхъ при самыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, и слѣпая вѣра его въ предопредѣленіе, совокупно съ непомѣрнымъ чувствомъ своей собственной важности, внушили эту мысль, что онъ не въ числѣ обыкновенныхъ людей и побудили его отважиться на самыя безразсудныя предпріятія, внимая менѣе разсудку, чѣмъ внутренней увѣренности въ успѣхѣ. Говорятъ, что послѣ великихъ неудачь, онъ обнаруживалъ сильное уныніе; и оно то заставило его четыре раза уѣхать отъ своей арміи, при затруднительныхъ обстоятельствахъ, какъ будто бы онъ ужъ не имѣлъ болѣе увѣренности въ своемъ генія, или полагалъ, что на ту минуту оставленъ своимъ ангеломъ хранителемъ. Точно такое же неравенство, если вѣрить Генералу Гурго, замѣчалось и въ рѣчахъ его. Иногда онъ говорилъ какъ богъ, а

иногда какъ самый обыкновенный смертный.

Эгоизму же Наполеона можно приписать обманчивость, которою ознаменована его общественная политика и даже частный его разговоръ, когда дѣло шло о предметахъ, лично до него касавшихся.

Посредствомъ власти своей, онъ такъ стѣснилъ свободу книгопечатанія, что Франція не могла ни о чемъ узнать иначе, какъ чрезъ Наполеоновы бюллетени. О Трафальгарскомъ сраженіи было объявлено уже чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ того, какъ оно происходило, и притомъ совершенно въ превратномъ видѣ; и завѣса, скрывающая самыя любопытныя для народа событія, столь была непроницаема, что въ тотъ самый вечеръ, какъ происходилъ бой на Монмартрѣ, *Монитёръ*, главный отголосокъ общественныхъ извѣстій, заключалъ въ себѣ только статью о болѣзняхъ и разборъ драмы *Цѣломудренная Сусанна*. Отъ скрытія истины, до изобрѣтенія лжи одинъ только шагъ, и чрезъ свои повременныя объявленія, Наполеонъ такъ прославился въ томъ и въ другомъ отношеніи, что слова: *Лжетъ какъ бюллетень*, вошли въ пословицу, которая вѣрно долго останется во Французскомъ языкѣ и которая тѣмъ болѣе постыдна для Наполеона, что онъ, какъ извѣстно, почти всегда самъ писалъ эти официальныя объявленія.

Даже самая эта лживость, это стараніе держать народъ въ невѣдѣніи или обманывать его выдумками, показывали какое-то уваженіе къ общественному мнѣнію. Люди любятъ мракъ, когда ихъ дѣла преступны. Наполеонъ не дерзнулъ представить публикѣ истинное изображеніе вѣроломной войны его съ Испаніею, доказывавшей самое грубое нарушеніе народныхъ правъ и существовавшихъ договоровъ. Онъ также не захотѣлъ бы представить на общественный судъ свою континентальную систему, сочиненную съ совершеннымъ незнаніемъ правилъ политической экономіи, послѣдствіемъ коей было, сперва всеобщее разореніе, а потомъ возстаніе всей Европы противъ Французскаго ига. Нельзя также предполагать, если бъ публика имѣла возможность предварительно объявить свое мнѣніе на счетъ вѣроятныхъ послѣдствій Русскаго похода, чтобы сіе опрометчивое предпріятіе когда либо привелось, въ исполненіе. Заглушая голосъ мудрыхъ, благонамѣренныхъ людей, искусныхъ и просвѣщенныхъ политиковъ, и слушаясь только совѣтниковъ, служившихъ отголосками его воли, Бонапарте, подобно царю Леару, умерщвлялъ врача своего, давая усиливаться своему недугу.

Это было тѣмъ вреднѣе, что свѣдѣнія Наполеона о политикѣ, выгодахъ и свойствахъ другихъ Дворовъ, кромѣ Италіянскаго, были весьма несовершенны. Аміенскій миръ могъ бы не быть прерваннымъ, и доброе согласіе между Франціею и Швеціею никогда бы не нарушилось, если бъ Наполеонъ постигъ свободную конституцію Англіи, дозволяющую всякому печатать и издавать все, что ему вздумается; или если бъ онъ могъ убѣдиться въ томъ, что постановленія Швеціи не дозволяютъ

ся правительству отдать свои флоты и войска въ распоряженіе чуждой Державѣ, или низвести древнее Готское Царство на степень второстепенной, зависимой Державы.

Самолюбіе, столь раздражительное какъ Наполеоново, въ особенности было чувствительно къ сатирамъ; а посему помѣщаемыя въ Англійскихъ журналахъ насмѣшки и выставляемыя въ Лондонскихъ лавкахъ карикатуры, были втайнѣ главными причинами, которыя побудили его нарушить Амієнскій миръ. Любящимъ посмѣяться Французамъ запретили сатиры, которыя пользовались полною свободою во времена Республики, и даже при прежней Монархіи наказывались только краткимъ заключеніемъ въ Бастиліо. Будучи Консуломъ, Наполеонъ узналъ, что Комическая Опера, въ родѣ Англійской Гарриковой фарсы: *Гостиная въ передней, или слуги господа,* * была сочинена и представлена на театрѣ, и что въ этой дерзкой піесѣ три лакея передразнивали въ ухваткахъ и даже въ одеждѣ трехъ Консуловъ, а въ особенности его. Онъ приказалъ выставить актеровъ на Гревской площади въ одеждахъ, которыя они осмѣлились на себя надѣть, и которыя долженствовали быть сорваны съ нихъ палачемъ; сочинителя же велѣно отправить на островъ Сен-Доминго для употребленія на службу по назначенію главнокомандующаго. Приговоръ сей не былъ исполненъ, поелику по изслѣдованіи оказалось, что обида не существовала или покрайней мѣрѣ была не въ той степени, какъ ему донесли.

Но ни разсудокъ, ни совѣты благоразумія не имѣли власти надъ симъ ненасытнымъ честолюбіемъ, которое заставляло Наполеона желать, чтобы управленіе цѣлымъ свѣтомъ, не только издалека, но прямо и непосредственно, зависѣло отъ одной его воли. Раздавая королевства своимъ братьямъ, онъ именно внушалъ имъ, что они должны во всемъ слѣдовать по политической стезѣ, имъ предначертанной; и казалось, какъ будто онъ для того только учреждалъ зависимыя государства, чтобы послѣ опять отбирать ихъ. Онъ лишилъ престола брата своего, Лудовика, за отказъ исполнить притѣсненія, наложенныя имъ отъ имени Франціи на Голландію; и думалъ было удалить Іосифа изъ Испаніи, увидѣвъ, какого прекраснаго государства онъ сдѣлалъ его королемъ. Въ безразсудномъ и ненасытномъ своемъ желаніи управлять лично всѣми, завоеванными имъ землями, не взирая на великій умъ свой, онъ походилъ на избалованнаго ребенка, который непремѣнно хочетъ имѣть въ рукахъ все, что онъ видитъ глазами. Система, основанная на такомъ необузданномъ честолюбіи, въ самой себѣ уже заключала свое разрушеніе. Гонецъ, никогда не останавливающійся для отдыха, наконецъ долженъ пасть отъ утомленія. Если бъ Наполеону удалось и въ Испаніи, и въ Россіи, то онъ все еще бы не остановился до тѣхъ поръ, пока въ другомъ мѣстѣ не обрѣлъ бы бѣдствій Байленскихъ и Московскихъ.

* The High life below Stairs.

Слѣдствіемъ непростительныхъ посягательствъ Французскаго Императора были убійства, пожары и всякаго рода бѣдствія, производимыя честолюбіемъ одного человѣка, который, нимало не раскаявясь въ безчисленныхъ напастяхъ, имъ причиненныхъ, напротивъ того оправдывалъ оныя и ими гордился. Это честолюбіе, столь же ненасытное, какъ и несцѣлимое, оправдывало Европу въ заключеніи его, какъ бѣшенаго, коего слѣпая ярость устремлялась не противъ одного человѣка, но противъ всего просвѣщеннаго міра. Европа, почти совершенно имъ низложенная и съ трудомъ возставшая, имѣла полное право обезпечить себя противъ безразсудныхъ замысловъ существа, руководимаго повидимому страстями, превышающими человѣческія, и способнаго употребить для исполненія своихъ намѣреній силы, превыше естественныхъ.

Тотъ же самый эгоизмъ, таже самая лживость, которые обнаруживались въ Наполеонѣ въ продолженіе длинной и страшной цѣпи его успѣховъ, послѣдовали за нимъ и въ изгнаніе. Онъ сочинялъ себѣ оправданія для небольшаго числа своихъ спутниковъ, подобно какъ онъ прежде сочинялъ бюлетени для Великаго Народа. Тѣ, коимъ оправданія сіи представлялись — Ласъ-Казъ и другіе его приближенные — были слишкомъ ему преданы и слишкомъ великодушны для того, чтобы оспоривать послѣ его паденія то, чему опасно было бы противорѣчить во время его могущества; они принимали всѣ слова его за истины, произносимыя пророкомъ, вѣроятно приписывая вдохновенію то, чего — не взирая на всѣ свои усилія — они не могли согласить съ очевидностью. Ужасныя бѣдствія, удручавшія Европу въ продолженіе его владычества, были представлены имъ (въ чемъ, можетъ быть, онъ и самъ себя старался увѣрить) послѣдствіями, которыхъ Императоръ не желалъ и не предвидѣлъ, но которыя неизбѣжно соединялись съ великими планами, предназначенными для исполненія призванному на землю Мужу Судебъ, подобно багровому, страшному хвосту, сопровождающему быстрое движеніе блистательной кометы, пущенной законами міра, въ неизмѣримое пространство неба.

Онъ свершилъ нѣсколько преступленій другаго свойства, которыя не могли, подобно общимъ бѣдствіямъ войны, быть приписаны исполненію великихъ политическихъ или военныхъ плановъ, но долженствовали пронестекать отъ гнѣва и мстительности. Впереди всѣхъ ихъ стояло убійство Герцога Ангенскаго, дѣло вѣроломное и жестокое, которое, будучи неоспорнымъ доказано, заставляетъ подозрѣвать Наполеона и въ другихъ тайныхъ, кровавыхъ преступленіяхъ — въ умерщвленіи Пишегрю и Райта, — въ пропажѣ безвѣсти Г. Виндгама, — и въ другихъ, столь же свирѣпыхъ поступкахъ. Мы не станемъ однако же обвинять его въ томъ, что не совершенно доказано. Ибо хотя и достовѣрно, что онъ былъ склоненъ къ мстительности, свойственной, какъ говорятъ, его единоземцамъ, но извѣстно также, что горячій по нраву, онъ былъ кротокъ и умѣренъ

изъ политики; и что, послѣдовавъ первой изъ сихъ склонностей, онъ могъ бы столь удобно предаваться ей при содѣйствіи своей пагубной полиціи, что свирѣпостью своею онъ сравнялся бы съ однимъ изъ Римскихъ Императоровъ. Онъ увидѣлъ, но уже поздно, всеобщее негодованіе, возбужденное противъ него убійствомъ Герцога Ангенскаго и, кажется, не хотѣлъ впредь подвергать себя народной ненависти, удовлетворя своему личному мщенію. Однако жъ полицейскіе архивы и гоненія, претерпѣнныя тѣми, коихъ Наполеонъ почиталъ своими личными врагами, доказываютъ, что покрайней мѣрѣ по временамъ, природа брала свое, и что тотъ, который не былъ обузданъ ничѣмъ, кромѣ уваженія своего къ общественному мнѣнію, иногда уступалъ искушенію отмщать за свои личныя обиды. Онъ называлъ слабостью въ характерѣ любимца своего, Кесаря, что онъ оставлялъ врагамъ своимъ возможность вредить ему; и Аппомархи, сообщившій сіе замѣчаніе, сознается, что глядя на человѣка, сіе сказавшаго, нельзя было полагать, что онъ самъ впадетъ въ сію же погрѣшность.

Когда Наполеонъ отлагалъ всякую осторожность и обнаруживалъ повидимому настоящія свои чувства, то онъ старался оправдать дѣла своего царствованія, нарушавшія законы справедливости и нравственности политическою необходимостью или государственными причинами; т. е. въ другихъ словахъ, своею личною выгодою. Этотъ способъ оправданія онъ предоставлялъ однако жъ только самому себѣ, такъ не дозволяя другимъ Государямъ употреблять оный. Считая *себя* въ правѣ нарушать народные уставы, тогда какъ его выгоды того требовали, онъ однако же съ жаромъ защищалъ общественные законы, когда полагалъ оные нарушенными другими Державами, какъ будто бы самъ онъ всегда свято соблюдалъ оные.

Но хотя Наполеонъ такимъ образомъ и приводилъ государственную необходимость причиною поступковъ, иначе не извинительныхъ, а онъ чаще того старался скрывать свои погрѣшности, отрицаясь отъ нихъ или оправдывая оныя доводами, не имѣющими никакого основанія. Привычка скрывать истину и выдумывать обманы такъ въ немъ усилилась, что даже духовное его завѣщаніе ознаменовано самыми грубыми чернами лживости. Онъ говоритъ въ своей духовной, будто бы по признанію Герцога Ангенскаго, Графъ д'Артуа имѣлъ шестьдесятъ наемныхъ убійцъ, облизавшихся лишить его жизни; и что по сей причинѣ Герцогъ Ангенскій былъ осужденъ, приговоренъ къ смерти и казненъ. Въ сдѣланномъ Герцогу вопросѣ нѣтъ такого признанія, но онъ напротивъ того заключаетъ въ себѣ рѣшительное отреченіе отъ столь ненавистнаго поклепа; и не было сдѣлано ни малѣйшаго покушенія, дабы противопоставить ему въ этомъ свидѣтелей. Онъ равномѣрно одарилъ въ своемъ завѣщаніи злодѣя, покушавшагося убить Герцога Веллингтона; ибо убійца сей, по его странному замѣчанію, имѣлъ такое же право

умерщвить его соперника и побѣдителя, какъ Англичане содержать его плѣнникомъ на островѣ Св. Елены. Эта статья въ духовной умирающаго человѣка поражаетъ, не только своею свирѣпостью, но и ложностью своего основанія. Наполеонъ выставлялъ въ сравненіе два случая, которые вслѣдствіе сего долженствовали быть, или оба справедливы, или оба неправедны. Если оба они неправедны, то зачѣмъ было ему награждать убійцу въ своемъ завѣщаніи? Если жъ оба справедливы, то зачѣмъ было жаловаться на то, что Англійское Правительство содержало его въ заключеніи на островѣ Св. Елены?

Но вообще въ жизни Наполеона, имъ самимъ написанной, обнаруживается желаніе раздѣлить родъ человѣческій на два разряда, — на друзей его и на непріятелей, съ тѣмъ, чтобы первыхъ хвалить и оправдывать, а послѣднихъ унижать, бранить и осуждать, не заботясь о справедливости, правосудіи и основательности. Разительнымъ сему примѣромъ служитъ утвердительное его показаніе, будто бы сокровища, вывезенныя въ Апрѣлѣ 1814 года изъ Парижа и оставленныя въ Орлеанѣ, были захвачены и раздѣлены между Министрами Союзныхъ Державъ — Талейраномъ, Меттернихомъ, Гарденбергомъ и Кастельригомъ; и что въ захваченной тамъ казнѣ находилось приданое Императрицы Маріи Луизы. * Если бъ эта сказка была справедлива, то она доставила бы Наполеону легчайшій способъ очистить Лорду Кастельригу, объявивъ сію тайну Англійской публикѣ.

Не менѣе того замѣчательно, что Наполеонъ, будучи самъ воиномъ и воиномъ знаменитымъ, никогда не могъ воздать искренней хвалы войскамъ и вождямъ, успѣшно противъ него сражавшимся. Описывая свои побѣды, онъ часто хвалитъ мужество и дѣйствія побѣжденныхъ. Это есть не что иное, какъ новый, искусный способъ хвалить самого себя и свои войска, низложившія непріятеля. Но онъ никогда не приписывалъ никакого достоинства тѣмъ, коими онъ въ свою очередь былъ побѣжденъ. По его мнѣнію, Пруссаки дрались хорошо только подъ Іеною, а Русскіе только подъ Аустерлицемъ. Всѣ же войска сихъ народовъ, коихъ онъ слишкомъ испыталъ на себѣ силу въ походахъ 1812 и 1813 годовъ и предъ коими онъ съ такимъ урономъ отступилъ подъ Москвою и при Лейпцигѣ, были, по его выраженію, сволочь.

Равномѣрно, описывая дѣла, въ коихъ онъ воспоржествовалъ, онъ не пропускаетъ хвалиться, подобно древнимъ Грекамъ (и, можетъ быть, весьма справедливо), что фортуна нисколько въ томъ не участвовала; между тѣмъ какъ претерпѣнныя имъ пораженія вполнѣ и исключительно приписаны ярости стихій, стеченію самыхъ необычайныхъ и неожиданныхъ обстоятельствъ, смерти ко-

* Смотри *Гласъ съ Острова Св. Елены* Доктора О'Меры, который повидимому самъ удивленъ смѣлостью сей выдумки. Она еще болѣе кажется странною тѣмъ, что Наполеонъ въ своемъ завѣщаніи располагаетъ частію сей суммы, какъ будто бы она еще находилась въ рукахъ Маріи Луизы.

тораго либо изъ его вождей или маршаловъ, или наконецъ упорству непріятельскаго военачальника, который въ глупомъ своемъ ослѣпленіи достигъ успѣха путемъ, долженствовавшимъ довести его до погибели.

Однимъ словомъ, во всемъ сочиненіи Наполеона, съ начала до конца, врядъ ли найдется его признаніе въ одной ошибкѣ или въ одномъ безразсудствѣ, кромѣ такихъ, которыя, происходя отъ слишкомъ большой увѣренности или великодушія, выставляются людьми въ похвалу себѣ, между тѣмъ, какъ повидимому, они отдаютъ ихъ на общій судъ. Если вѣрить словамъ его, то мы должны считать его существомъ совершеннымъ и безгрѣшнымъ. Если жъ нѣтъ, то онъ представляется человѣкомъ, который въ дѣлахъ, касающихся до его собственной славы, повѣствуетъ объ оныхъ безъ всякаго уваженія къ искренности и къ правдѣ.

Можетъ быть, вслѣдствіе сего же равнодушія къ правдивости, Наполеонъ благосклонно принялъ Французскихъ офицеровъ, нарушившихъ свое слово побѣгомъ изъ Англіи. Это — по словамъ его — сдѣлалъ онъ въ возмездіе за таковой же поступокъ Англійскаго Правительства. Показаніе сіе ложно, но если бъ оно было и справедливо, то оно не можетъ извинить Государя или полководца, одобряющаго нарушеніе уставовъ чести въ благородномъ человѣкѣ и въ воинѣ. Французскіе офицеры, освободившіеся такимъ способомъ, были тѣмъ не менѣе люди безчестные и недостойные начальствовать во Французской арміи, хотя бы они и могли справедливо сослаться на подобные же примѣры вѣроломства въ Англіи.

Но самымъ разительнымъ доказательствомъ Наполеоновой лживости и желанія его выставлять себя во всѣхъ возможныхъ обстоятельствахъ въ благопріятнѣйшемъ видѣ, служитъ попытка его выдать себя за друга и покровителя свободныхъ независимыхъ понятій. Онъ истребилъ всѣ признаки свободы во Франціи, — гналъ какъ мечтателей тѣхъ, кто тужилъ объ оной — хвалился возстановленіемъ монархическаго правленія; — война между имъ и поборниками конституціи, прекращенная по возвращеніи его съ острова Эльбы лицемѣрнымъ миромъ, опять возобновилась, и свободномыслящіе были изгнаны имъ изъ столицы — онъ назвалъ въ своемъ завѣщаніи *изгнанникомъ* Лафайета, одного изъ главнѣйшихъ и искреннѣйшихъ вождей ихъ; — и, не взирая на постоянную свою войну съ поборниками свободномыслія, онъ дерзнулъ назвать себя другомъ онаго! Онъ дерзнулъ сіе сдѣлать, и ему повѣрили.

Это однако жъ можно себѣ объяснить. Друзья Революціи, по правиламъ ихъ, суть враги старинныхъ существующихъ Правительствъ. — Наполеонъ по обстоятельствамъ сдѣлался соперникомъ существующихъ Державъ; не потому, чтобы онъ оспоривалъ ихъ законность, но потому, что онѣ не хотѣли принять его въ среду свою; и хотя между имъ и свободномыслящими не могло существовать никакой истинной связи, но оба имѣли однихъ соперниковъ,

и каждый изъ нихъ любилъ въ другомъ врага своихъ враговъ. Наполеонъ въ послѣдніе дни свои старался расположить къ себѣ, — если сіе можно было сдѣлать убѣжденіями, — всякаго рода политиковъ, между тѣмъ какъ тѣ, къ коимъ онъ обращался, не могли быть равнодушны къ тому, чтобы даже хоть въ послѣдній часъ видѣть между своими учениками имя Наполеона. Это походило на случающееся иногда въ Католической церкви, когда богатый и могущественный грѣшникъ получаетъ на смертномъ одрѣ за дешевую цѣну церковное разрѣшеніе и послѣ проведенной въ порокахъ жизни умираетъ, препоясанный веревкою и облеченный въ рясу какого либо наистрожайшаго монашескаго ордена. Память Наполеона, бывшаго въ жизни своей деспотомъ и завоевателемъ, была почтена и благословлена тѣми людьми, которые хвастливо называются друзьями свободы.

Ошибки Наполеона, скажемъ мы, какъ при началѣ, такъ и въ заключеніе, были ошибки больше Государя и политика, чѣмъ частнаго лица. Мудро написано, что если мы говоримъ, что мы безъ грѣховъ, то мы сами себя обманываемъ и истина въ насъ не пребываетъ. Ненасытное честолюбіе сдѣлало Наполеона бичемъ Европы: а усилія скрыть сіе самолюбивое чувство заставили его прибѣгнуть къ силѣ и къ хитрости и учредить правильную систему для обольщенія тѣхъ, коихъ онъ не могъ покорить. Если бъ онъ былъ холодно жестокъ, подобно Октавію, или, если бъ онъ предался пылкости страстей своихъ подобно другимъ самодержцамъ, то исторія его жизни и походовъ долженствовала бъ быть начертанною кровавыми буквами. Если же, вмѣсто того, чтобы утверждать, что онъ никогда не дѣлалъ преступленій, онъ ограничилъ бы свое оправданіе, сказавъ, что имѣя въ своихъ рукахъ верховную власть, онъ успокоилъ противъ соблазна свершить многія, то никто бы не сталъ ему противорѣчить. А это ужъ не малая похвала.

Система его правленія была до чрезвычайности лжива. Она заключала въ себѣ рабство Франціи и клонилась къ покоренію цѣлаго свѣта. Но Франція получила много въ награду за благо, у ней похищенное. Наполеонъ далъ ей благоустроенное Правительство, школы, учрежденія, суды и судебное уложеніе. Въ Италіи владычество его было столько же достославно и полезно. Счастливыя послѣдствія, произведенныя для другихъ земель его царствованіемъ и характеромъ, также начинаютъ ощущаться, хотя они конечно не того свойства, которое онъ бы желалъ произвесть. Вторженія его укротили раздоры, существовавшія во многихъ государствахъ между владыками и подвластными, научили ихъ соединяться для возстанія противъ общаго врага, содѣйствовали къ ослабленію феодальнаго ига, къ просвѣщенію государей и народовъ, и произвели многія удивительныя послѣдствія, которыя будутъ столько же прочны, какъ полезны, хотя они произведены медленно и безъ потрясеній.

Оканчивая ЖИЗНЬ НАПОЛЕО-

НА БОНАПАРТЕ, мы должны замѣтить, что онъ подвергся испытанію въ двухъ крайностяхъ, — въ самомъ высокомъ могуществѣ и въ самомъ неслыханномъ злополучіи; и если онъ казался иногда тщеславнымъ, имѣя въ своемъ распоряженіи войска половины земнаго шара, или слишкомъ склоннымъ къ жалобамъ, будучи заключенъ въ тѣсныхъ предѣлахъ острова Св. Елены, то тѣ, которые никогда не выходили изъ средняго состоянія въ жизни, не могутъ судить, ни о силѣ искушенія, предъ коими онъ палъ, ни о твердости духа, съ коею онъ воспротивился тѣмъ, которые ему удалось преодолѣть.

КОНЕЦЪ ЖИЗНИ НАПОЛЕОНА БОНАПАРТЕ.

ОБЩЕЕ ОГЛАВЛЕНІЕ

СТАТЕЙ,

СОДЕРЖАЩИХСЯ ВЪ СЕЙ КНИГѢ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Стран.

Глава I.

Корсика. — Семейство Бонапарте. — Наполеонъ, родившійся 15 Августа 1769 года. — Его юность. — Онъ помѣщенъ въ Бріенскую Военную Школу. — Успѣхи его въ математическихъ наукахъ. — Малознаніе классической Литературы. — Анекдоты во время бытности его въ Школѣ. — Онъ переведенъ въ главную Парижскую школу. — На семнадцатомъ году пожалованъ въ Подпоручики Артиллеріи. — Его первыя политическія чувства. — Произведенъ въ Капитаны. — Паскаль Паоли. — Наполеонъ беретъ сторону Французскаго Правительства противъ Паоли. — Вмѣстѣ съ братомъ своимъ, Луціаномъ, онъ изгнанъ изъ Корсики. — Никогда уже туда не возвращался; — и не былъ любимъ тамъ. . . . 1

Стран.

ГЛАВА II.

Осада Тулона. — Бонапарте сдѣланъ баталіоннымъ командиромъ и начальникомъ осадной артиллеріи. — Онъ находитъ все въ безпорядкѣ. — Планъ его для овладѣнія крѣпостью. — Анекдоты въ продолженіе осады. — Союзныя войска рѣшаются выйти изъ Тулона. — Ужасы при ихъ выступленіи. — Англія обвиняется въ этомъ случаѣ. — Лордъ Лейндокъ. — Слава Наполеона возрастаетъ, и онъ отправленъ баталіоннымъ командиромъ въ Италіянскую армію. — Прибытіе его въ главную квартиру въ Ниццѣ. — При паденіи Робеспьера, Бонапарте отрѣ-

Стран.

шенъ отъ должности. — Онъ пріѣзжаетъ въ Парижъ въ Маѣ мѣсяцѣ 1795 года, искать себѣ мѣсто. — Не успѣваетъ въ томъ. — Тальма. — Обозрѣніе дѣйствій Народнаго Собранія. — Затрудненія при составленіи новой Конституціи. — Учрежденіе Директоріи. — Двухъ Совѣтовъ: Старѣйшинъ и Пятисотнаго. — Большая часть народа, и въ особенности Парижъ, негодуютъ за ихъ притязанія. — Ополченіе частей города Парижа. — Генералъ Данканъ назначенъ главнымъ предводителемъ оныхъ. — Директорія поручаетъ Мену обезоружить народную гвардію. — Онъ отрѣшенъ за неспособность. — Бонапарте заступаетъ его мѣсто. — День частей Парижа. — Сраженіе между войсками Конвента подъ предводительствомъ Бонапарте и ополченіемъ городскихъ частей подъ начальствомъ Данкана. — Послѣднее разбито съ большимъ урономъ. — Бонапарте назначенъ вторымъ начальникомъ внутренней арміи и потомъ Главнокомандующимъ. — Женится на Госпожѣ Богарне. — Ея характеръ. — Бонапарте тотчасъ послѣ того отправляется въ Италіянскую армію. 36

Глава III.

Альпы. — Чувства и виды Наполеона при назначеніи его предводителемъ Италіянской арміи. — Общее обозрѣніе его новыхъ правилъ тактики. — Гористыя страны, въ особенности оными благопріятствующія. — Взглядъ на военныя происшествія съ Октября 1795 года. — Вражда

Стран.

Французскаго Правительства съ Папою. — Умерщвленіе Французскаго Посланника Бассевила въ Римѣ. — Австрійская армія подъ предводительствомъ Болiё. — Планъ Наполеона для вступленія въ Италію. — Монтенотское сраженіе и первая побѣда Бонапарте. — Вторичное разбитіе Австрійцевъ при Милезимо, и вновь при Колли. — Взятіе Хераско. — Король Сардинскій проситъ перемирія, вслѣдствіе коего заключенъ миръ на тяжкихъ условіяхъ. — Окончаніе Піемонтскаго похода. — Характеръ Наполеона въ эту эпоху. 128

Глава IV.

Дальнѣйшіе успѣхи Французовъ подъ предводительствомъ Бонапарте. Онъ переходитъ чрезъ По въ Піаченцѣ, 7 Мая. — Сраженіе при Лоди 10 числа, въ которомъ Французы побѣждаютъ. — Тактика Наполеона въ этомъ знаменитомъ дѣлѣ. — Французы берутъ Кремону и Пиччигтоне. — Миланъ, оставленъ Эрцгерцогомъ Фердинандомъ и его супругою. — Бонапарте вступаетъ въ Миланъ 14 Мая. — Общее положеніе Италіянскихъ Державъ въ эту эпоху. Наполеонъ беретъ дань съ нейтральныхъ Герцогствъ Пармы и Модены, и похищаетъ у нихъ нѣсколько отличнѣйшихъ картинъ. — Разсужденіе объ этомъ новомъ насильствѣ. 175

Глава V.

Директорія намѣревается раз-

Стран.

дѣлить Италіянскую армію между Бонапарте и Келлерманомъ. — Бонапарте требуетъ отставки, и Директорія оставляетъ свое намѣреніе. — Возмущеніе противъ Французовъ въ Павіи; усмирено и зачинщики разстрѣляны. — Тоже въ Имперскихъ ленахъ и въ Люго; открыто и наказано такимъ же образомъ. — Размышленія. — Австрійцы разбиты при Боргето, и отступаютъ за Адижъ. — Бонапарте едва избѣгаетъ плѣна въ Валеджіо. — Обложеніе Мантуи. — Верона занята Французами. — Король Неаполитанскій отдѣляется отъ Австріи. — Перемиріе, купленное Папою. — Нейтралитетъ Тосканы нарушенъ, и Ливорна занята Французскими войсками. — Умыселъ Наполеона возмутить Италію; онъ выжидаетъ. — Дѣйствія Австрійскаго правительства въ продолженіе сего переворота. — Болѣе смѣненъ, и вмѣсто его назначенъ Вурмзеръ. — Бонапарте становится лагеремъ передъ Мантуей . 75

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Глава VI.

Рейнскій походъ. — Планъ онаго. — Вартенслебенъ и Эрцгерцогъ Карлъ оттѣснены назадъ Журданомъ и Моро — Эрцгерцогъ соединяется съ Вартенслебеномъ и, разбивъ Журдана, принуждаетъ его отступить. — Моро также производитъ свое знаменитое отступленіе чрезъ Черный Лѣсъ. — Бонапарте, снявъ осаду Мантуи, поражаетъ Австрійцевъ при Сало и Лонато. — Французскій Генералъ Валентъ разжалованъ за безпорядки при отступленіи. — Лонато взятъ съ находившеюся въ немъ Французскою артиллеріею, 3 Августа. — Отбитъ обратно Массеною и Ожеро. — Чудное спасеніе Наполеона отъ плѣна въ Лонато. — Вурмзеръ, разбитый при Лонато и Кастиліоне, отступаетъ къ Тренту и Ровередо. — Бонапарте занимаетъ прежнюю свою позицію передъ Мантуей. — Вліяніе, одержанныхъ Французами побѣдъ на разныя Италіянскія государства. — Непреклонность Австріи. — Вурмзеръ получаетъ подкрѣпленія. — Битва при Ровередо. — Французы побѣждаютъ, и Массена занимаетъ Трентъ. — Бонапарте разбиваетъ Вурмзера подъ Примолано, и 8 Сентября при Бассано. — Вурмзеръ бѣжитъ въ Виченцу. — Сраженіе при Арколѣ. — Вурмзеръ наконецъ запирается въ стѣнахъ Мантуи. 91

Глава VII.

Корсика присоединена къ Фран- 40

Стран.

ціи. — Опасное положеніе Наполеона въ Италіи въ эту эпоху. — Австрійскій Генералъ Альвинци назначается Главнокомандующимъ новой арміи. — Разныя сраженія, не имѣвшія никакихъ рѣшительныхъ послѣдствій. — Несогласія между Австрійскими Генералами. — Первая битва при Арколѣ. — Наполеонъ подвергается личной опасности. — Никакихъ рѣшительныхъ послѣдствій. — Второе сраженіе при Арколѣ. — Французы побѣждаютъ. — Новый раздоръ между Австрійскими Генералами. — Общее обозрѣніе военныхъ и политическихъ дѣлъ, по окончаніи четвертнаго Италіянскаго похода. — Австрія предпринимаетъ пятый походъ, но не воспользовалась прежнимъ опытомъ. — Ривольская битва и побѣда, одержанная Французами. — Новый успѣхъ при Ла-Фаворитѣ. — Французы возвращаютъ земли, потерянныя ими въ Италіи. — Сдача Мантуи. — Примѣры Наполеонова великодушія 106

Глава VIII.

Положеніе и виды Наполеона въ эту эпоху кампаніи — Политика его въ обхожденіи съ Италіянцами. — Любовь къ нему. — Суровыя условія мира, предложенныя Папѣ, — отвергнуты. — Бонапарте не согласенъ съ мнѣніемъ Директоріи и переговоры возобновляются, — но опять прерваны. — Папа сбираетъ сорокатысячную армію. — Наполеонъ вторгается въ Папскія владѣнія. — Папскія войска разбиты близь Имолы — и при Анконѣ, которая взята. — Лоретто также. — Милосердіе Наполеона къ ослушному Французскому Духовенству. — Толентинскій миръ. — Письмо Наполеона къ Папѣ. — Сан-Марино. — Взглядъ на положеніе различныхъ Италіянскихъ Державъ. — Римъ. — Неаполь. — Тоскана. — Венеція. 125

Глава IX.

Эрцгерцогъ Карлъ. — Сравненіе его съ Наполеономъ. — Препятствія, дѣлаемыя ему Военнымъ Совѣтомъ. — Наполеонъ хитростью переходитъ чрезъ Таліаменто, и принуждаетъ Эрцгерцога отступить. — Градиска взята приступомъ. — Кіуза-Винета взята Массеною съ 5000 Австрійцевъ, съ обозомъ, пушками и проч. — Приморскія гавани Тріестъ и Фіуме заняты Французами. — Венеція нарушаетъ нейтралитетъ, и начинаетъ враждебныя дѣйствія умерщвленіемъ сна Французовъ въ Веронѣ. — Устрашена извѣстіемъ, что между Франціею и Австріею заключено перемиріе. — Обетолительства, бывшія поводомъ къ оному. — Эрцгерцогъ поспѣшно отступаетъ къ Вѣнѣ. — Средства его къ защитѣ оной. — Нерѣшительность Правительства и народа; подписаніе Леобенскаго договора. — Венеція покоряется тогда самымъ унизительнымъ образомъ. Рѣчь Наполеона къ Венеціянскимъ посламъ. — Онъ объявляетъ Венеціи войну, и ослушивается указа Директоріи о пощадѣ оной. — Великій Совѣтъ, 31 Мая, предоставя все на волю Наполеона, въ ужасѣ разбѣ-

Стран.

гается. — Условія, предписанныя Французскимъ Генераломъ. 141

Глава X.

Любовная переписка Наполеона съ Іозефиною. — Дворъ его въ Монтебелло. — Соединеніе тамъ дѣлъ съ забавами. — Мятежный духъ Генуэзцевъ. — Они бунтуютъ, но усмирены правительствомъ, а жившіе въ Генуѣ Французы ограблены и заключены въ темницу. — Бонапарте, разсудивъ сіе дѣло, даетъ уставъ новаго правительства. — Сардинія. — Неаполь. — Циспаданская, Транспаданская и Эмилійская Республики соединяются подъ названіемъ Цизальпинской Республики. — Вальтелина. — Граубинденъ. — Вальтелина присоединена къ Ломбардіи. — Великія улучшенія въ Италіи и въ характерѣ Италіянцевъ, произведенныя сими перемѣнами. — Затрудненія при переговорахъ между Франціею и Австріею.— Директорія и Наполеонъ несогласны въ мнѣніяхъ. — Кампо-Формійскій трактатъ. — Бонапарте, разставшись съ Италіянскою арміею, отправляется Французскимъ уполномоченнымъ въ Раштадтъ 159

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

Глава I.

Размышленія. — Директорія— теряетъ народную любовь; — причины сего нерасположенія; — ея внутреннія распри. — Общественное мнѣніе во Франціи. — По числу, склоняется въ пользу Бурбоновъ; но войска и владѣльцы недвижимыхъ имѣній возстаютъ противъ нихъ. — Пишегрю, глава роялистовъ, наименованъ Предсѣдателемъ Пятисотнаго Совѣта. — Барбе Марбуа, другой роялистъ, Предсѣдатель Совѣта Старѣйшинъ. — Директорія прибѣгаетъ къ помощи Гоша и Бонапарте. — Разсмотрѣніе личныхъ видовъ Наполеона. — Переписка Пишегрю съ Бурбонами. — Бонапарте объ ней узнаетъ. — Онъ отправляетъ Ожеро въ Парижъ. — Директорія, 18 фруктидора, беретъ подъ стражу своихъ главныхъ противниковъ въ Совѣтахъ, и осуждаетъ ихъ на изгнаніе въ Гвіану. — Неблагоразумная скупость Директоріи относительно Наполеона. — Умыселъ вторженія въ Англію. 171

Глава II.

Взглядъ на взаимное положеніе Франціи и Великобританіи при возвращеніи Наполеона изъ Италіи. — Переговоры въ Лиллѣ,

Стран.

— прерваны и Лордъ Мальмсбёри получаетъ повелѣніе оставить Республику. — Армія противъ Англіи составлена, и Бонапарте назначенъ предводителемъ оной. — Онъ пріѣзжаетъ въ Парижъ. — Описаніе его личныхъ свойствъ и права. — Госпожа Сталь. — Всенародныя почести, оказанныя Наполеону. — Умыселъ вторженія отмѣняется съ обнаруженіемъ, что настоящею цѣлью Директоріи былъ походъ въ Египетъ. — Сравненіе Италіянской арміи съ Рейнскою. — Цѣль и замыслы Наполеона относительно Египетскаго похода. — Виды на счетъ онаго Директоріи. — Разсмотрѣніе невыгодъ сего предпріятія. — Любопытныя подробности о Наполеонѣ, предъ его отъѣздомъ. — Эскадра отправляется изъ Тулона 19 Мая 1798 года. — Прибытіе Наполеона къ Мальтѣ 10 Іюня. — Онъ продолжаетъ путь свой, и, избѣгнувъ Англійской эскадры, выходитъ на берегъ близь Александріи, 1 Іюля. — Описаніе различныхъ жителей Египта: — 1 Феллаги и Бедуины; — 2 Копты; — 3 Мамелюки. — Воззваніе Наполеона противъ Мамелюковъ. — Походъ на нихъ 7 Іюля. — Описаніе ихъ способа войны. — Неудовольствіе Французскихъ войскъ и ихъ начальниковъ. — Прибытіе въ Каиръ. — Бой при пирамидахъ 21 Іюля, въ которомъ Мамелюки совершенно разбиты и разсѣяны. — Сдача Каира. 185

Глава III.

Французскій флотъ. — Несходныя показанія объ ономъ Наполеона и Адмирала Гантома. — Абукирская битва, 1-го Августа 1798 года. — Число и расположеніе непріятельскихъ и Англійскихъ кораблей. — Подробности дѣла. — Французскій Адмиралъ Брюе, убитъ, и корабль его, Востокъ, взорванъ на воздухъ. — Побѣда совершенна — только два Французскіе корабля и два фрегата спасаются бѣгствомъ, поутру 2-го числа. — Дѣйствія сей бѣды на Французскую армію. — Средства, чрезъ которыя Наполеонъ располагаетъ утвердиться въ Египтѣ. — Управленіе его, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ полезное и хвалы достойное — въ другихъ, поступки его неблагоразумны и нелѣпы. — Онъ старается прослыть Посланникомъ Божіимъ, но безуспѣшно. Ему также не удается умилостивить къ себѣ Порту. — Крѣпость Эль-Аришъ взята имъ. — Убійство въ Яффѣ, — признанное самимъ Наполеономъ. — Доводы его въ защиту онаго. — Возраженіе противъ нихъ. — Общія заключенія. — Чума обнаруживается во Французской арміи. — Человѣколюбіе и мужество Наполеона при этомъ случаѣ. — Движеніе къ Акрѣ противъ Джеззарь-Паши. Сиръ Сидней Смитъ. — Характеръ его. — Беретъ въ плѣнъ отрядъ Французскихъ транспортовъ, и запирается въ Сенъ-Жанъ д'Акрѣ. — Французы приходятъ къ Акрѣ 17-го Марта 1799 года, и 28-го числа дѣлаютъ проломъ, но отбиты. — Нападеніе на нихъ мусульманскаго войска разныхъ народовъ за стѣнами Акры, которыхъ они разбиваютъ и раз-

Стран.

гоняютъ. — Любопытныя подробности осады. — Личное несогласіе и вражда между Наполеономъ и Сиромъ Сидней Смитомъ. — Объясненіе сего. — Бонапарте наконецъ принужденъ снять осаду и отступить. . . 206

Глава IV.

Разсужденіе о предполагаемой отравѣ больныхъ въ Яффскомъ госпиталѣ. — Наполеонъ въ этомъ оправданъ. — Французская армія возвращается въ Каиръ 14 Іюля. — Обзоръ происшествій въ Верхнемъ и Нижнемъ Египтѣ, въ продолженіе его отсутствія. — Набѣгъ Мурадъ-Бея. — 18,000 Турокъ занимаютъ Абукиръ. — Они атакованы и разбиты Наполеона. — Побѣда сія заключаетъ поприще Наполеона въ Египтѣ. — Положеніе его послѣ сей битвы. — Адмиралъ Гантомъ получаетъ повелѣніе приготовиться къ выходу въ море. — 23-го Августа Наполеонъ отправляется во Францію, оставя Клебера и Мену предводителями арміи. — Онъ пріѣзжаетъ въ Алчіо въ Корсикѣ 30-го Сентября и пристаетъ къ берегу во Франціи, въ Фрежюсѣ 9-го Октября. 224

Глава V.

Обозрѣніе происшествій, случившихся во Франціи со времени отъѣзда Наполеона въ Египетъ. — Вторженіе въ Швейцарію и овладѣніе оною. — Взятіе Турина. — Изгнаніе Папы. — Неаполитанцы объявляютъ Франціи войну — они разбиты — и Французы вступаютъ въ Неаполь. — Постыдная алчность Директоровъ — особенно въ дѣлахъ съ Американскими Соединенными Штатами — имъ не удается, и стыдъ ихъ обнаруживается. — Россія приступаетъ къ союзу противъ Франціи. — Сила ея и способы. — Неудачи Французовъ въ Италіи и на Рейнѣ. — Возмущеніе въ Бельгіи и въ Голландіи противъ Французовъ. — Англо-Русская экспедиція отправляется въ Голландію. — Шуаны вновь ополчаются. — Сильная и всеобщая ненависть къ Директоріи. — Положеніе партій во Франціи. — Законъ заложниковъ. — Аббатъ Сіесъ назначается Директоромъ. — Свойства его и способности. — Конституція, предложенная имъ на третій годъ. — Дюкосъ, Гойе и Муленъ также вступаютъ въ Директорію. — Родственники Наполеона стараются расположить къ нему народъ. — Благопріятная перемѣна дѣлъ Франціи. — Англо-Русская армія выходитъ изъ Голландіи. — Корсаковъ разбитъ Массеною, — а Суворовъ отступаетъ передъ Лекурбомъ. 234

Глава VI.

Всеобщая радость о возвращеніи Наполеона. — Онъ живетъ въ уединеніи и занимается Литературою. — Вызовы, дѣлаемые ему со всѣхъ сторонъ. — Бонапарте присоединяется къ Аббату Сіесу. — Революція 18-го Брюмера. — Подробности сего событія. — Противоположные виды Совѣтовъ Старѣйшинъ и Пятисотнаго. — Бар-

Стран.

расъ и товарищи его слагаютъ съ себя власть, предоставя оную Наполеону. — Засѣданія Совѣтовъ — 18-го и 19-го Брюмера. — Они переводятся изъ Парижа въ Сен-Клу. — Бонапарте посѣщаетъ оба. — Сильное волненіе въ Пятисотномъ Совѣтѣ. — Наполеонъ принятъ враждебнымъ образомъ, осыпанъ угрозами, окруженъ и наконецъ, задыхающійся, избавленъ своими

Стран.

гренадерами. — Луціанъ Бонапарте, Предсѣдатель Совѣта, выходитъ изъ онаго подъ шакимъ же прикрытіемъ. — Онъ объявляетъ Пятисотный Совѣтъ уничтоженнымъ. — Членовъ онаго разгоняютъ военною силою. — Разсужденія. — Оба Совѣта отложены до 19-го Февраля 1800 года, по учрежденіи Временнаго Консульскаго Правленія изъ Наполеона, Сіеса и Дюкоса. 249

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Глава VII.

Послѣдствія побѣды 18-го и 19-го Брюмера. — Милосердіе новаго Консульскаго правленія.— Благопріятная перемѣна въ финансахъ. — Законъ заложниковъ уничтоженъ. — Свобода Богослуженія возстановлена. — Улучшенія по Военному Департаменту. — Покореніе Шуановъ и усмиреніе Ванден. — Власть Наполеона надъ прочими Консулами. — Неудача Аббата Сіеса. — Комитетъ, составленный для разсмотрѣнія Сіесова плана Конституціи. — Часть онаго принята — но главныя статьи отвергнуты. — Принимается новая Конституція, монархическая по всему, кромѣ наружной формы. — Сіесъ оставляетъ службу съ пансіономъ. — Общій обзоръ новаго Консульскаго правленія. — Самовластіе Перваго Консула. — Размышленія о поступкахъ Наполеона при этомъ случаѣ. 263

Глава VIII.

Мѣры Наполеона для утвержденія своей власти. — Великій успѣхъ его. — Причины сего успѣха. — Камбасересъ и Лебрёнъ назначены вторымъ и третьимъ Консулами. — Талейранъ сдѣланъ Министромъ Иностранныхъ дѣлъ, а Фуше Министромъ Полиціи. — Ихъ характеры.— Прочіе Министры. — Различныя перемѣны, сдѣланныя для введенія новаго порядка вещей. — Наполеонъ пишетъ собственноручное письмо къ Англійскому Королю. — Лордъ Гренвиль ему отвѣтствуетъ. — Переговоры о мирѣ, едва только начатые, прерваны. — Походы въ Италіи и на Рейнѣ. — Успѣхи Моро. — Бонапарте охуждаетъ его за излишнюю осторожность.—

Стран.

Разборъ сего обвиненія. — Первый Консулъ рѣшается личнымъ предводительствомъ опять призвать побѣду къ Французскимъ знаменамъ въ Италіи. — Пріуготовленія къ сей войнѣ. 278

Глава IX.

Первый Консулъ оставляетъ Парижъ 6 Мая 1800 года. — Онъ видится съ Неккеромъ въ Женевѣ, 8 числа. — Пріѣзжаетъ въ Лозанну, 13. — Войска готовятся перейти чрезъ Альпы. — Наполеонъ предводительствуя главною арміею, выступаетъ 15 числа и идетъ чрезъ гору Сен-Бернардъ. — Затрудненія сего перехода. — 16 числа авангардъ беретъ Аостъ. — Крѣпость и городъ Бардъ угрожаютъ разрушеніемъ цѣлаго плана. — Городъ взятъ — и Наполеонъ проводитъ чрезъ него свою артиллерію подъ крѣпостными выстрѣлами, между тѣмъ, какъ его пѣхота и кавалерія идутъ чрезъ Альбаредо. — Ланцъ беретъ Иврею. — Обзоръ предшествовавшихъ событій. — Дѣйствія Австрійскаго Генерала Меласа. — При самомъ началѣ кампаніи, онъ идетъ къ Генуѣ. — Сраженія его съ Массеною. — Въ Мартѣ, Лордъ Кейтъ блокируетъ Генуу. — Меласъ принуждаетъ отступить отъ Генуи. Онъ входитъ въ Ниццу. — Вызванъ оттуда извѣстіемъ о переходѣ Наполеона чрезъ гору Сен-Бернардъ. — Генуа сдается. — Бонапарте вступаетъ въ Миланъ. — Сраженіе при Монтебелло и одержанная Французами побѣда. — Дезе является къ Первому Консулу во время боя. — Великая битва при Маренго 14 Іюня, и совершенная побѣда Французовъ. — Смерть Дезе. — Договоръ 15 числа, которымъ Генуа и другіе города уступлены Французамъ. — Наполеонъ возвращается въ Парижъ 2 Іюля, и принятъ всѣми, какъ торжествующій побѣдитель. 291

Глава X.

Наполеонъ предлагаетъ новый договоръ, принятый Австрійскимъ уполномоченнымъ. — Императоръ отказывается утвердить оный, пока не будетъ включена въ него Англія. — Переговоры съ Англіею. — Они безуспѣшны, и Австрія рѣшается продолжать войну. — Разсужденіе о семъ поступкѣ. — Непріязненныя дѣйствія возобновляются послѣ сорока пятидневнаго перемирія. Сраженіе при Гогенлинденѣ, выигранное Генераломъ Моро 3-го Декабря 1800 года. — Другія битвы, которыя доводятъ до крайности дѣла Австрійцевъ, и принуждаютъ ихъ къ принятію отдѣльнаго мира. — Заключеніе перемирія, за которымъ слѣдуетъ Люневильскій миръ. — Договоръ Франціи съ Соединенными Штатами. — Обозрѣніе предшествовавшихъ событій. — Королева Неаполитанская отправляется въ Петербургъ искать защиты у Императора Павла. — Первоначально не любившій Французовъ, Государь сей дѣлается холоднымъ и непріязненнымъ къ Австріи, пристрастясь къ славѣ и особѣ Перваго Консула. — Онъ принимаетъ Королеву

Стран.

Неаполитанскую благосклонно и ходатайствуетъ за нея у Бонапарте. — Посланникъ Его принятъ въ Парижѣ съ особеннымъ отличіемъ и Королевская Неаполитанская Фамилія на время спасена, хотя и на суровыхъ условіяхъ. — Неаполитанскій полководецъ принужденъ очистить Римскія владѣнія. — Римъ возвращенъ подъ власть Папы. — Наполеонъ требуетъ, чтобы Король Испанскій объявилъ войну Португаліи. — Взятіе Оливенцы и Альменды. — Притѣснительные и самовластные поступки Наполеона съ державами Пиренейскаго полуострова. — Одна только Англія дѣятельно возстаетъ противъ Франціи. — Мальта, послѣ двухгодовой блокады, принуждена сдаться Англичанамъ. 309

Глава XI.

Внутреннее управленіе Франціею. — Всеобщая привязанность къ Первому Консулу, не смотря на вражду, питаемую къ нему республиканцами и роялистами. — Заговоръ первыхъ умертвить его — не удается. — Тщетныя надежды роялистовъ, что Наполеонъ сдѣлается орудіемъ возстановленія Бурбоновъ. — Неудача сдѣланныхъ съ этою цѣлью покушеній.—Роялисты устроиваютъ заговоръ адской машины — описаніе онаго — и сей заговоръ также безуспѣшенъ. — Подозрѣніе сначала падаетъ на республиканцевъ и многіе изъ начальниковъ оныхъ указомъ приговорены къ ссылкѣ — но это не исполняется. — Настоящіе заговорщики отданы подъ судъ и казнены. — Польза, которую извлекаетъ Бонапарте изъ сего заговора для утвержденія своего самовластія. — Различныя мѣры, изобрѣтенныя съ этою цѣлью. — Полицейская Управа. — Фуше. — Искусство его, вліяніе и власть. — Наполеонъ начинаетъ его опасаться и беретъ противъ него мѣры предосторожности. — Опасенія, которыя возбуждаютъ въ Первомъ Консулѣ произведенія Литературы и поступки его противъ оной. — Гоненіе на госпожу Сталь. — Конкордатъ — разсмотрѣніе онаго съ разныхъ сторонъ. — Прощеніе эмигрантовъ. — Планы общественнаго воспитанія. — Улучшенія по другимъ отраслямъ. — Надежда на всеобщій миръ. 321

Глава XII.

Продолженіе обзора внѣшнихъ отношеній Франціи. — Ея всеобщее вліяніе. — Старанія Наполеона расположить къ себѣ Императора Павла. — Замыселъ уничтоженія Британской власти въ Индіи. — Право морскаго обыска. — Смерть Павла. — Впечатлѣніе, сдѣланное ею на Бонапарте. — Египетскія дѣла. — Умерщвленіе Клебера. — Мену назначается его преемникомъ. — Англійская армія дѣлаетъ высадку въ Египетъ. — Сраженіе и побѣда при Александріи. — Смерть Сира Гальфа Абберкромби. — Генералъ Гутчинсонъ заступаетъ его мѣсто. — Французскій Генералъ Беліаръ заключаетъ договоръ. — Мену также. — По-

Стран.
бѣдоносное окончаніе Египетской войны. 339

Глава XIII.

Пріуготовленія къ высадкѣ въ Британію. — Нельсонъ предводительствуетъ морскими силами. — Нападеніе на Булонскій флотъ. — Питтъ оставляетъ Министерство. — Мѣсто его заступаетъ Аддингтонъ. — Переговоры о мирѣ. — Справедливое наказаніе, постигшее Англію, относительно завоеванныхъ непріятельскихъ колоній. — Она принуждена возвратить ихъ всѣ, исключая Цейлана и Тринидада. — Мальта отдана подъ ручательство нейтральной Державы. — Подписаніе предварительныхъ условій. — Радость Англійской черни и сомнѣнія высшихъ сословій. — Заключеніе Амієнскаго трактата. — Наполеонъ, не смотря на то, продолжаетъ исполнять свои честолюбивые замыслы. — Распространеніе власти его въ Италіи. — Онъ назначенъ Консуломъ на всю жизнь, съ правомъ наименовать себѣ наслѣдника. — Положеніе его въ эту эпоху. 346

ЧАСТЬ ПЯТАЯ.

Глава I.

Различныя понятія Англійскаго Министерства и Перваго Консула на счетъ исполненія Амієнскаго трактата. — Обманутый кликами Лондонской черни, Наполеонъ ошибочно заключаетъ о настоящихъ чувствахъ Англійскаго народа. — Онъ продолжаетъ посягать на независимость Европы. — Поступки его со Швейцаріею. — Онъ безъ всякаго приглашенія вмѣшивается въ политическія дѣла ея. — Необычайное воззваніе его къ Швейцарцамъ. — Ней вступаетъ въ Швейцарію съ сорокатысячною арміею. — Патріотъ Рединъ распускаетъ свои войска, и заключенъ въ темницу.— Швейцарія принуждена дать Франціи шестнадцати-тысячную вспомогательную армію. — Первый Консулъ принимаетъ титулъ Великаго Посредника Гельветической Республики. . . 1

Глава II.

Возрастающія неудовольствія между Франціею и Англіею. — Новыя посягательства и обиды со стороны первой. — Необычайныя наставленія, данныя первымъ Консуломъ его коммерческимъ агентамъ въ Британскихъ портахъ. — Англійское Правительство объявляетъ, что лица, которыя явятся въ семъ

Стран.

званія, будутъ высланы. — Брань въ журналахъ Англійскихъ и Французскихъ. — Знаменитое повременное изданіе романиста Пельтье *L'Ambigu* (Двусмысленный). — Бонапарте отвѣтствуетъ въ *Монитёрѣ*. — Требованія, сдѣланныя чрезъ Г. Отто. — Отвѣтъ на оныя Лорда Гакесбюри. — Пельтье позванъ къ суду за сатиру на Перваго Консула — обвиненъ; — но приговоръ не исполненъ. — Негодованіе Наполеона увеличивается. — Сильные споры на счетъ Аміенскаго трактата. — Мальта. — Оскорбительное донесеніе Генерала Себастіани. — Принятыя вслѣдствіе онаго Британскимъ Правительствомъ мѣры. — Свиданія Бонапарте съ Лордомъ Витвортомъ. — Предложеніе Короля Парламенту объ усиленіи войскъ. — Ссора Наполеона съ Лордомъ Витвортомъ на придворномъ съѣздѣ. — Негодованіе Англіи по сему случаю. — Новые споры о Мальтѣ. — Причины, заставившія Бонапарте желать прекращенія переговоровъ. — Англія объявляетъ Франціи войну 18-го Мая 1803 года. 9

Глава III.

Взглядъ на предшествовавшія событія. — Сен-Доминго. — Негры, побѣдивъ бѣлыхъ и мулатовъ, раздѣляются на отряды подъ предводительствомъ различныхъ вождей. — Туссенъ-Лувертюръ, знаменитѣйшій изъ нихъ. — Предположенія его улучшить жребій своихъ подданныхъ. — Онъ учреждаетъ, по примѣру Франціи, Консульское

Стран.

Правленіе. — Франція посылаетъ противъ Сен-Доминго войско, подъ начальствомъ Генерала Леклерка, въ Декабрѣ мѣсяцѣ 1801 года; оно побѣждаетъ и Туссенъ покоренъ. — Вскорѣ послѣ сего онъ отправленъ во Францію, и умираетъ въ тяжкомъ заточеніи. — Французы, поступившіе желтою лихорадкою, атакованы Неграми, и война вновь возгорается съ ужасною яростью. — Леклеркъ умираетъ сею болѣзнью, и мѣсто его заступаетъ Рошамбо. — Французы наконецъ принуждены сдаться Англійской эскадрѣ 1-го Декабря 1803 года. — Планъ Наполеона для утвержденія своей власти во Франціи. — Консульская гвардія увеличена до 6000 человѣкъ. — Описаніе оной. — Почетный Легіонъ. — Оппозиція, составленная по примѣру Англійской противъ Консульскаго Правленія. — Она сопротивляется учрежденію Почетнаго легіона, который однако жъ установленъ. — Предложеніе Графу Прованскому (Лудовику XVIII) отказаться отъ короны — отвергнуто. 23

Глава IV.

Взаимныя чувства Наполеона и Британіи при возобновленіи войны. — Первыя враждебныя мѣры съ обѣихъ сторонъ. — Англія полагаетъ запрещеніе на Французскіе корабли, находящіеся въ ея гаваняхъ. — Наполеонъ, въ отплату за сіе, задерживаетъ во Франціи Британскихъ подданныхъ. — Слѣдствія сего необычайнаго поступка. — Ганноверъ и другія земли заняты

Стран.

Французами. — Возобновленный умыселъ вторженія. — Описаніе Наполеоновыхъ пріуготовленій. — Оборонительныя мѣры Англіи. — Размышленія. 34

Глава V.

Неудовольствіе противъ Наполеона начинаетъ возникать между солдатами. — Умыселъ противопоставить ему Моро. — Характеръ сего Генерала. — Причины его нерасположенія къ Наполеону. — Пишегрю. — Герцогъ Ангенскій. — Жоржъ Кадудаль, Пишегрю и другіе роялисты пріѣзжаютъ во Францію. — Отчаянное предпріятіе Жоржа; — оно не удается. — Взятіе подъ стражу Моро, — Пишегрю, — и Жоржа. — Капитанъ Райтъ. — Герцогъ Ангенскій схваченъ въ Этштенгеймѣ; — привезенъ въ Парижъ; — перевезенъ въ Венсеннъ, — отданъ подъ военный судъ; — осужденъ — и казненъ. — Всеобщее негодованіе Франціи и Европы. — Бонапарте оправдываетъ свой поступокъ. — Разборъ сего оправданія. — Пишегрю найденъ мертвый въ темницѣ. — Смерть его приписываютъ самоубійству. — Капитанъ Райтъ найденъ съ перерѣзаннымъ горломъ. — Его также обвиняютъ въ самоубійствѣ. — Жоржъ и другіе заговорщики отданы подъ судъ — осуждены — и казнены. — Роялисты принуждены къ молчанію. — Моро сосланъ. 44

Глава VI.

Всеобщее негодованіе Европы, возбужденное убійствомъ Герцога Ангенскаго. — Россія обращается къ Талейрану, вступясь за нарушеніе правъ Бадена; и вмѣстѣ со Швеціею излагаетъ свои жалобы предъ Германскимъ Сеймомъ — но безполезно. — Наполеонъ обвиняетъ Г-дъ Драфе и Спенсера Смита — которые, вслѣдствіе сего, отозваны отъ Дворовъ Минхенскаго и Штутгардскаго. — Взятіе подъ стражу, заключеніе, и высылка Сира Жоржа Румбольда, Британскаго посланника въ Нижней Саксоніи. — Вѣроломство, употребленное противъ Лорда Эльгина агентами Наполеона. — Оно уничтожено примѣрною осторожностью сего вельможи. — Дѣло сіе представлено Палатѣ Депутатовъ и совершенно опровергнуто Канцлеромъ Казначейства. . . . 62

Глава VII.

Наполеонъ намѣревается перемѣнить титулъ Перваго Консула на Императорскій. — Предложеніе о томъ Трибунату. — Карно противъ него возражаетъ. — Оно утверждено Сенатомъ и Трибунатомъ. — Краткое обозрѣніе новой системы, холодно принятой народомъ. — Наполеонъ посѣщаетъ Булонь, Ахенъ и границы Германіи, гдѣ его встрѣчаютъ съ уваженіемъ. — Коронація. — Пій VII вызванъ для сего обряда изъ Рима въ Парижъ. — Подробности. — Размышленія. — Перемѣны, происшедшія въ Италіи. — Наполеонъ наименованъ Королемъ Италіянскимъ и коронованъ въ Миланѣ. —

Стран.

Генуа присоединена къ Франціи. 68

Глава VIII.

Наполеонъ пишетъ второе письмо прямо къ Англійскому Королю. — Разсужденіе о неудобствахъ и о неприличіи сей новизны. — Отвѣтъ Британскаго Министра Талейрану. — Союзъ, заключенный между Россіею и Англіею. — Пруссія остается нейтральною, и Императоръ Александръ посѣщаетъ Берлинъ. — Австрія готовится къ войнѣ, и вводитъ войска свои въ Баварію. — Неблагоразуміе, съ которымъ она слишкомъ рано начала враждебныя дѣйствія, и поступки ея въ Баваріи. — Неспособность Австрійскаго генерала Мака. — Курфирсты Баварскій, Виртембергскій и Герцогъ Баденскій присоединяются къ Наполеону. — Искусныя дѣйствія Французскихъ военачальниковъ и постоянныя потери Австрійцевъ. — Наполеонъ нарушаетъ нейтралитетъ Пруссіи, прошедъ чрезъ земли Анспаха и Барейта. — Новыя пораженія Австрійскихъ генераловъ, и возникшія между ними, вслѣдствіе оныхъ, несогласія. — Макъ заперитъ въ Ульмѣ. — Онъ пишетъ грозное объявленіе 16 Октября — а на другой день сдается. — Пагубныя слѣдствія его трусости, неспособности, а можетъ быть и измѣны. . . 82

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ.

Глава IX.

Положеніе Французскихъ армій. — Наполеонъ идетъ къ Вѣнѣ. — Императоръ Францискъ оставляетъ свою столицу. — Французы входятъ въ Вѣну 13-го Ноября. — Обозрѣніе успѣховъ, пріобрѣтенныхъ Французами въ Италіи и въ Тиролѣ. — Средства, употребленныя Наполеономъ, дабы принудить непріятеля къ общему сраженію. — Онъ успѣваетъ. — Битва подъ Аустерлицемъ 2 Декабря, и совершенное пораженіе соединенной Австро-Россійской арміи. — Свиданіе Императора Австрійскаго съ Наполеономъ. — Императоръ Александръ возвращается въ Россію. — Пресбургскій трактатъ, подписанный 27 Декабря. — Условія онаго. — Судьба Короля Шведскаго — и Короля Обѣихъ Сицилій. 95

Глава X.

Обоюдное положеніе Франціи и

Стран.

Англіи. — Непріязненныя дѣйствія съ Испаніею начинаются задержаніемъ командоромъ Муромъ четырехъ Испанскихъ кораблей, изъ которыхъ три взяты, а четвертый взлетаетъ на воздухъ. — Изложеніе и разборъ Наполеонова плана вторженія. — Способъ Джона Клерка Эльдина для разорванія линіи флота. — Французскій Адмиралъ Вильнёвъ присоединяется къ Испанскому флоту, предводительствуемому Гравиною. — Онъ атакованъ и разбитъ Сиромъ Робертомъ Кальдеромъ съ потерею двухъ линѣйныхъ кораблей. — Назначеніе Нельсона главнымъ предводителемъ въ Средиземномъ морѣ. — Трафальгарское сраженіе, данное 21 Октября 1805 года. — Исчисленіе силъ каждой стороны и подробности битвы. — Смерть Нельсона. — Слова Наполеона при полученіи извѣстія объ этомъ ужасномъ пораженіи. — Вильнёвъ лишаетъ себя жизни. — Рѣчь Наполеона Законодательному Корпусу. — Отчетъ Г. Шампаньи о внутреннемъ положеніи Франціи. — Возведеніе Наполеоновыхъ братьевъ, Лудовика и Іосифа на престолы Голландскій и Неаполитанскій. — Княжество Лукка отдано Элизѣ, старшей сестрѣ Бонапарте, а Гвастала Полинѣ, младшей сестрѣ его. — Другіе союзы, сдѣланные въ его семействѣ. — Размышленія. — Наполеонъ учреждаетъ новое наслѣдственное дворянство.—Разсмотрѣніе сей мѣры въ отношеніи къ политикѣ. — Приверженцы, отыскиваемые между прежнимъ дворянствомъ и щедро вознаграждаемые. — Учрежденіе Рейнскаго Союза подъ покровительствомъ Наполеона. — Императоръ Францискъ слагаетъ съ себя титулъ Императора Германіи, оставя себѣ только званіе Императора Австрійскаго. — Поступки Пруссіи. 109

Стран.

Глава XI.

Смерть Питта. — Фоксъ назначенъ послѣ него въ званіе Перваго Министра. — Обстоятельства, произведшія переговоры съ Франціею. — Графъ Лаудердель посланъ въ Парижъ уполномоченнымъ отъ Британіи. — Переговоры прерваны вслѣдствіе отказа Англіи уступить Сицилію Франціи — и Графъ Лаудердель выѣзжаетъ изъ Парижа. — Разсужденіе о прочности мира, въ случаѣ, если бъ оный былъ заключенъ.— Пруссія — ея колеблющаяся политика. — Покушеніе оной составить союзъ противъ Рейнскаго союза, ниспровергнуто Наполеономъ. — Сильное и всеобщее расположеніе Прусаковъ къ войнѣ. — Умерщвленіе книгопродавца Пальма усиливаетъ сіе чувство. — Императоръ Александръ вторично посѣщаетъ Берлинъ. — Пруссія начинаетъ ополчаться въ Августѣ 1806 года, и послѣ нѣсколькихъ переговоровъ, войска ея выступаютъ въ поле подъ предводительствомъ Герцога Брауншвейскаго. — Погрѣшности ея военныхъ плановъ. — Битва при Сальфельдѣ, потерянная Пруссаками. — Послѣдовавшее за оною совершенное

Стран.

пораженіе при Ауершадтѣ или Іенѣ, 14 Октября. — Подробности битвы. — Герцогъ Брауншвейгскій смертельно раненъ.— Слѣдствія сего пораженія. — Всѣ Прусскія крѣпости сдаются безъ сопротивленія. — Бонапарте беретъ Берлинъ 25 числа. — Положеніе Австріи и Пруссіи послѣ ихъ многихъ потерь. — Размышленія о паденіи Пруссіи. 132

Глава XII.

Жестокій поступокъ Наполеона съ Герцогомъ Брауншвейгскимъ. — Приближеніе Французскихъ войскъ къ Брауншвейгу, заставляетъ сего умирающаго Принца переѣхать въ Альтону, гдѣ онъ кончаетъ жизнь свою. — Клятва мщенія, произнесенная его сыномъ. — Въ Потсдамѣ и въ Берлинѣ, Бонапарте поступаетъ столь же сурово и мстительно. — Милосердіе его къ Князю Гацфельду. — Поступки его съ мелкими владѣльцами. — Іеронимъ Бонапарте. — Занятіе Гамбурга. — Знаменитые указы изъ Берлина противъ Англійской торговли. — Наполеонъ отвергаетъ всѣ просьбы и ходатайство торговыхъ городовъ твердой земли о смягченіи или объ отмѣнѣ оныхъ. — Торговля однако же, на зло имъ, процвѣтаетъ. — Второй наборъ въ зачетъ конскрипціи 1807 года. — Король Прусскій проситъ перемирія, но ему предлагаютъ свое на столь суровыхъ условіяхъ, что онъ принужденъ ихъ отвергнуть. 156

Стран.

Глава XIII.

Взглядъ на прежній раздѣлъ Польши. — Наполеонъ получаетъ отъ Поляковъ просьбы, отъ исполненія коихъ онъ уклоняется. — Онъ идетъ въ Польшу, и Бенигсенъ предъ нимъ отступаетъ. — Свойства Русскаго солдата. — Казаки. — Бой при Пултускѣ, 26 Декабря, кончившійся къ невыгодѣ Французовъ. — Бенигсенъ продолжаетъ отступать. — Французы становятся на зимнія квартиры. — Бенигсенъ назначенъ главнокомандующимъ вмѣсто Каменскаго, по болѣзненному состоянію послѣдняго. — Онъ начинаетъ опять дѣйствовать наступательно. — Эйлауская битва, 8 Февраля 1807 года — сочтена за побѣду обѣими сторонами. — Потеря съ обѣихъ сторонъ простирается до 50,000 убитыми, большею частію Французовъ. — Бенигсенъ отступаетъ къ Кенигсбергу. — Наполеонъ предлагаетъ на выгодныхъ условіяхъ перемиріе Королю Прусскому, который несоглашается договариваться иначе, какъ о всеобщемъ мирѣ. — Наполеонъ отодвигается назадъ къ линіи Вислы. — Данцигъ осажденъ и сдается. — Русская армія слабо снабжена рекрутами. — Французская сильно подкрѣплена. — Дѣла въ продолженіе лѣта. — Бой при Гейльсбергѣ и отступленіе Русскихъ. — Сраженіе подъ Фридландомъ 14 Іюня и разбитіе Русскихъ послѣ кровопролитнаго боя. — Перемиріе заключено 23 числа. 166

ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ.

Стран.

Глава I.

Походъ Англичанъ въ Калабрію, подъ предводительствомъ Сира Жона Стуарта. — Свойства тамошнихъ жителей. — Генералъ Ренье посланъ противъ Англичанъ. — Сраженіе при Медѣ, 4 Іюля 1806 года. — Разбитіе Французовъ. — Англичане выходятъ изъ Калабріи. — Ошибочныя понятія Англійскаго Министерства о торговлѣ и о военныхъ дѣлахъ. — Неудачное нападеніе на Буеносъ-Айресъ. — Генералъ Вайтлокъ разжалованъ. — Походъ противъ Турціи и земель, ей подвластныхъ. — Эскадра Адмирала Дукворта послана къ Константинополю. — Она проходитъ взадъ и впередъ Дарданеллы, ничего не сдѣлавъ. — Походъ на Александрію. — Она занята генераломъ Фрезеромъ. — Нападеніе на Розетту. — Англійскія войска разбиты — и выходятъ изъ Египта въ Сентябрѣ мѣсяцѣ 1807 года. — Кюрасао и мысъ Доброй Надежды взяты Англичанами. — Британское Правительство принимаетъ болѣе дѣятельныя мѣры. — Походъ противъ Копенгагена — причины и цѣль онаго — цитадель его, укрѣпленія и флотъ сдаются Англичанамъ. — Дѣйствіе, произведенное сими событіями на Францію и на Россію. — Союзъ Франціи, Австріи и Пруссіи противъ Британской торговли. 195

Стран.

Глава II.

Взглядъ на внутреннее управленіе Наполеона въ эпоху Тильзитскаго мира. — Трибунатъ уничтоженъ. — Государственный Совѣтъ. — Префектуры, — цѣль ихъ и свойства. — Уложеніе Наполеона. — Достоинство его и недостатки. — Сравненіе сего Судебника съ Англійскими законоположеніями. — Похвальное стараніе Наполеона объ исполненіи онаго. . . 207

Глава III.

Система воспитанія, введенная во Франціи Наполеономъ. — Народный Университетъ. — Свойства и цѣль его. — Лицеи. — Предположенное заведеніе къ Мёдонѣ. 237

Глава IV.

Военныя подробности. — Конскрипція. — Уставъ ея. — Неумолимая ея строгость. — Вліянія оной на общія свойства Французскихъ войскъ. — Новый способъ войны, введенный революціею. — Устройство Французскихъ армій. — Ускоренные марши. — Военный грабежъ (La Maraude). — Свой-

Стран.

ства онаго и слѣдствія для непріятельскихъ земель и для самихъ Французскихъ солдатъ.— Политика Наполеона относительно офицеровъ и солдатъ.— Перемѣна свойствъ Французскаго солдата во время революціи и послѣ оной. — Причины сего. 241

Глава V.

Свойства Тильзитскаго мира.— Понятіе Наполеона о мирѣ. — Континентальная система. — Берлинскій и Миланскій указы. — Постановленіе Британіи. — Испанія. — Обзоръ сношеній оной съ Франціею со времепъ революціи. — Годой; — его власть. — Характеръ и политическіе виды. — Фердинандъ, Принцъ Астурійскій, испрашиваетъ помощи у Наполеона. — Португальскія дѣла. — Фонтенблоссскій трактатъ. — Отъѣздъ Наслѣднаго Принца въ Бразилію. — Вступленіе Жюно въ Лиссабонъ. — Его непомѣрное хищничество. — Волненія въ Мадритѣ. — Фердинандъ обнаруженъ, какъ участникъ заговора противъ отца его, и заключенъ въ темницу. — Король Карлъ обращается къ Бонапарте — Хитрая политика Наполеона. — Онъ приказываетъ Французской арміи вступить въ Испанію. . . . 248

Глава VI.

Пампелуна, Барцелона, Монжуи и Санъ Себастіанъ, чрезъ обманъ, взяты Французами. — Король Карлъ намѣревается уѣхать въ Южную Америку. —

Стран.

Вслѣдствіе сего въ Аранжуэцѣ возникаетъ возмущеніе. — Карлъ отказывается отъ престола въ пользу Фердинанда. — Мюратъ входитъ въ Мадритъ. — Карлъ отпирается отъ своего отреченія. — Пріѣздъ въ Мадритъ генерала Савари. — Письмо Наполеона къ Мюрату, касательно вторженія въ Испанію. — Фердинанда склоняютъ ѣхать къ Наполеону на встрѣчу. — Онъ останавливается въ Витторіи, и слишкомъ уже поздо узнаетъ Наполеоновы противъ него замыслы. — Онъ ѣдетъ для свиданія съ Бонапарте въ Байонну. — Наполеонъ открываетъ свои замыслы Ескойквицу и Савальосу, которые оба онымъ противятся. — Онъ призываетъ въ Байонну Карла, Королеву его супругу, и Годоя. — Непріличная сцена съ Фердинандомъ, въ которой его принуждаютъ отказаться отъ престола въ пользу отца своего, а сей послѣдній, на другой же день отдаетъ свой престолъ Наполеону. — Сія передача неохотно подтверждена Фердинандомъ, который вмѣстѣ съ братьями своими отправленъ въ заключеніе въ Валенцію. — Іосифъ Бонапарте назначенъ Королемъ Испаніи, и пріѣзжаетъ къ Наполеону въ Байонну. — Созваніе Нотаблей. 260

Глава VII.

Нравы и обычаи Испаніи. — Дворянство — среднее сословіе — чернь. — Негодованіе народа сильно возникаетъ противъ Французовъ. — Бунтъ въ Мадритѣ 2 Мая, въ кото-

Стран.

ромъ множество Французскихъ войскъ побито. — Мюратъ объявляетъ всепрощеніе, не взирая на которое, болѣе 200 Испанскихъ плѣнниковъ казнены. — Король Карлъ объявляетъ назначеніе Мюрата Намѣстникомъ Королевства и отреченіе Фердинанда отъ престола. —

Стран.

Мюратъ представляетъ планъ предполагаемаго правительства Кастильскому Совѣту, и адресы покорности отъ разныхъ мѣстъ посланы къ Наполеону. — Нотабли созваны въ Байонну къ 15 Іюню. — Духъ сопротивленія распространяется по всей Испаніи. 275

ЧАСТЬ ОСЬМАЯ.

Глава VIII.

Оборонительныя мѣры Испанскихъ Юнтъ. — Жестокость Французскихъ войскъ, и закоренѣлая ненависть Испанцевъ. — Успѣхи вторженія. — Разбитіе при Ріо-Секко. — Торжество Наполеона. — Іосифъ выѣзжаетъ въ Мадритъ. — Встрѣча, ему сдѣланная. — Дюгемъ принужденъ отступить къ Барцелонѣ, а Монсей отъ Валенціи. — Дюпонъ разбитъ Кастаньосомъ при Байленѣ. — Армія его сдается военноплѣнною. — Слѣдствія сей побѣды. — Безразсудныя надежды Англійской публики. — Іосифъ, оставивъ Мадритъ, удаляется въ Витторію. — Оборона Сарагоссы. 285

Глава IX.

Британія усердно вступается за Испанцевъ. — Положено отправить помощь въ Португалію. — Обозрѣніе происшествій въ странѣ сей. — Португальскіе Нотабли призваны въ Байонну. — Странный пріемъ, сдѣланный имъ Наполеономъ. — Дѣйствіе одержанныхъ Испанцами успѣховъ на Португалію. — Сиръ Артуръ Веллеслей. — Военныя его качества. — Онъ назначенъ предводителемъ Португальской экспедиціи. — Нападеніе его на Французовъ, и разбитіе ихъ при Ролиссѣ. — Ополченіе Португаліи распространяется. — Сраженіе и побѣда при Вименрѣ. — Сиръ Гарри Бёррардъ Ниль беретъ начальство и лишаетъ Сира Артура Веллеслея послѣдствій, коихъ онъ ожидалъ отъ сей побѣды. — Сиръ Гарри Вёррардъ смѣненъ Сиромъ Нью Дальримплемъ, такъ что Британская армія въ теченіе сутокъ имѣетъ трехъ предводителей. — Цинтрскій договоръ. — Въ Англіи онымъ недоволь-

Стран.

ны — и наряжается судъ для изслѣдованія онаго. 295

Глава X.

Двуличность Наполеона по возвращеніи его въ Парижъ. — Уничтожительныя его объявленія въ *Монитёрѣ*. — Два донесенія Шампаньи, Министра Иностранныхъ дѣлъ. — Послѣднимъ изъ нихъ онъ требуетъ набора 80,000 человѣкъ. — Наборъ утвержденъ Сенатомъ. — Обзоръ сношеній Франціи съ различными Европейскими Державами. — Всеобщій духъ сопротивленія, возникающій въ Германіи. — Россія. — Наполеонъ и Александръ имѣютъ свиданіе въ Эрфуртѣ 27 сентября, и повидимому дружелюбно разстаются 14 Октября. — Настоящія чувства сихъ самодержцевъ. — Совокупное письмо Ихъ къ Королю Великобританскому съ предложеніемъ мира, на томъ основаніи, чтобы каждый сохранилъ то, чѣмъ владѣетъ. — Причина, по которой предложеніе сіе отвергнуто. — Дѣла въ Испаніи. — Каталоніи. — Возвращеніе Ла Романы въ Испанію. — Арміи Блака, Каспаньоса и Палафокса. — Походъ Генерала Мура. — Онъ отчаявается въ дѣлѣ Испанцевъ. — Планы его. — Разбитіе Блака и Каспаньоса. — Измѣна Мормы. — Сиръ Джонъ Муръ отступаетъ въ Корунью. — Бѣдствія его на походѣ. — Битва при Корунѣ — и смерть Сира Джона Мура. 307

Стран.

Глава XI.

Генералъ Беліаръ занимаетъ Мадритъ 4 Декабря 1808 года. — Наполеонъ возвращается во Францію. — Странный разговоръ въ Валладолидѣ между имъ и Аббатомъ Прадтомъ. — Причины его поспѣшнаго возвращенія. — Обзоръ обстоятельствъ, произведшихъ разрывъ съ Австріею. — Чувства Россіи по этому случаю. — Тайныя старанія Талейрана сохранить миръ. — Великія пріуготовленія Австріи. — Распредѣленіе ея армій. — Мѣры, принятыя Наполеономъ. — Австрійская армія вступаетъ въ Баварію 9 Апрѣля 1809 года. — Наполеонъ спѣшитъ ее встрѣтить. — Австрійцы разбиты при Абенсбергѣ 20 — и при Экмюлѣ 22 числа съ великимъ урономъ. — Они прогнаны къ Ратисбону 23 числа. — Эрцгерцогъ Карлъ отступаетъ въ Богемію. — Наполеонъ идетъ впередъ къ Вѣнѣ, которая послѣ краткаго сопротивленія занята Французами 12 Мая. — Обозрѣніе предшествовавшихъ военныхъ дѣйствій въ Польшѣ, въ Италіи, въ Сѣверной Германіи и въ Тиролѣ. — Предпріятіе Шилля, — и Герцога Брауншвейгъ-Ельскаго. — Дѣйствія въ Тиролѣ. — Нравы и обычаи Тирольцевъ. — Отступленіе Эрцгерцога Іоанна въ Венгрію. 326

Глава XII.

Положеніе Французской и Австрійской армій послѣ Экмюльскаго сраженія. — Наполеонъ переходитъ чрезъ Дунай 20 Мая.

Стран.

— Важное дѣло при Асперне 21 и 22 числъ, гдѣ обѣ стороны присвоваютъ себѣ побѣду. — Обѣ арміи получаютъ сильныя подкрѣпленія. — Ваграмская битва, данная 6 Іюля, и совершенное пораженіе Австрійцевъ съ потерею 20,000 плѣнныхъ. — Перемиріе, заключенное въ Знаимѣ. — Конецъ подвиговъ Шилля и Герцога Брауншвейгъ-Ельскаго. — Защита Тироля.— Несчастныя послѣдствія оной. — Духъ сопротивленія обнаруживается во всей Германіи — Впечатлѣніе, произведенное онымъ на Бонапарте. — Странный манифестъ его, помѣщенный въ *Монитёрѣ*. — Разборъ сего манифеста. 342

Глава XIII.

Поведеніе Россіи и Англіи въ продолженіе войны съ Австріею. — Предположенный походъ Англичанъ на твердую землю. — Британскія войска посланы на островъ Вальхеренъ. — Бѣдственныя послѣдствія сего похода. — Несправедливые и предосудительные поступки Наполеона съ Папою. — Генералъ Міоллисъ входитъ въ Римъ. — Наполеонъ указомъ своимъ присоединяетъ церковную Область къ Французской Имперіи. — Отлученіе его отъ церкви. — Пій VII изгнанъ изъ Рима и отправленъ въ Гренобль; — потомъ перевезенъ обратно въ Савону. — Размышленія о сихъ поступкахъ. — Убійца нападаетъ на Наполеона. — Цѣль его. — Окончательный мирный договоръ, подписанный въ Шёнбруннѣ, — статьи онаго. — Наполеонъ возвращается во Францію 14 Ноября 1809 года. 357

ЧАСТЬ ДЕВЯТАЯ.

Глава I.

Перемѣна, происшедшая въ домашнемъ быту Наполеона послѣ Вѣнскаго мира.—Причины оной. —Желаніе его имѣть наслѣдника.—Сынъ брата его, Лудовика, назначается онымъ, но умираетъ въ дѣтствѣ.—Свойства и вліяніе Іозефины. — Сильная взаимная привязанность между ею и Наполеономъ. — Фуше сообщаетъ Іозефинѣ о предполагаемомъ разводѣ.--Ея сильное огорченіе.—

Стран.

5 Декабря самъ Наполеонъ объявляетъ Іозефинѣ судьбу ея.—15 числа они торжественно разлучаются въ присутствіи Императорскаго Совѣта. — Іозефина удерживаетъ званіе Императрицы на всю жизнь.—Свадьба Наполеона съ Маріею Луизою Австрійскою празднуется въ Вѣнѣ, 11 Марта 1810 г. — Сравненіе и противоположность Іозефины съ ея преемницею.--Послѣдствія сего союза различествуютъ отъ тѣхъ, которыхъ ожидали. — Императоръ Александръ оныя предвидѣлъ. 1

Глава II.

Почти всѣ Французскія колоніи достаются во власть Англичанамъ.— Французская эскадра истреблена предъ островомъ Ре, Лордомъ Кохраномъ; — и заливѣ острова Розы Лордомъ Колингвудомъ.—Обращеніе къ Испанскимъ дѣламъ. Сультъ беретъ Опорто.--Онъ атакованъ и разбитъ Сиромъ Артуромъ Веллеслеемъ и принужденъ къ бѣдственному отступленію. — Ферроль и Корунья взяты обратно ополченными. — Талаверская битва, выигранная Сиромъ Артуромъ Веллеслеемъ, который, не взирая на сіе, по упрямству и суевѣрію Кузеты принужденъ отступить въ Португалію.—Онъ пожалованъ Лордомъ Веллингтономъ. — Французскія арміи берутъ многіе города и крѣпости. — Верховная Юнта удаляется въ Кадиксъ.— Непреодолимый духъ Испанскаго народа.—Способъ войны Гверильясовъ (земскихъ ратниковъ). —Обоюдныя жестокости Гверильясовъ и Французскихъ войскъ. — Возрастающія неудачи Наполеона.— Его великія усилія. — Многочисленная армія, собранная подъ названіемъ Португальской, ввѣрена предводительству Массены. —Лордъ Веллингтонъ принужденъ оставаться въ бездѣйствіи, по причинѣ своей малочисленности. — Сраженіе при Бузако, въ которомъ Французы разбиты съ большимъ урономъ. — Знаменитое отступленіе Лорда Веллингтона къ Торресъ-Ведрасу. 11

Глава III.

Перемѣна въ образѣ правленія Наполеона. — Причины, оную произведшія. — Онъ начинаетъ недовѣрять Талейрану и Фуше. —Объясненіе съ послѣднимъ, на время его удовлетворившее. — Фуше, безъ вѣдома Наполеона, старается удостовѣриться о настоящихъ видахъ Англіи касательно мира.—Планъ его разстроенъ странною встрѣчею съ такимъ же замысломъ самаго Наполеона, предпринятымъ безъ вѣдома его Министра,— и Фуше отправленъ генералъ-губернаторомъ въ Римъ.—Нравственный и политическій его характеръ.— Объ удаленіи его жалѣютъ. —Ропотъ народа на союзъ съ Австріею и предполагаемыя послѣдствія онаго. — Континентальная система. — Цѣль ея.—Невѣдѣніе Наполеона о настоящихъ политическихъ чувствахъ Великобританіи. — Система дозволеній; — свойства оной и послѣдствія.— Лудовикъ Бонапарте —тщетно старается защитить Голландію отъ

Стран.

принѣсеній континентальной системы. — Отказавшись отъ престола, онъ удаляется въ Грецъ въ Штирін. — Голландія присоединена къ Французской Имперіи.—Мѣра сія неодобряется народомъ. 25

Глава IV.

Густавъ IV, Король Шведскій свергнутъ съ престола и дядя его ему наслѣдуетъ. — Кронпринцъ умираетъ, ушибомъ при паденіи съ лошади.— Предложенные въ преемники ему кандидаты.—Шведы, думая угодить Наполеону, избираютъ Бернадота, князя Понте-Корво.— Причины, заставляющія предполагать, что выборъ сей былъ не весьма пріятенъ Наполеону —который неохотно соглашается на оный. —Послѣднее свиданіе при разлукѣ Бернадота съ Наполеономъ. —Покушеніе Наполеона вовлечь Швецію въ политику Франціи. — Кронпринцъ неохотно приступаетъ въ континентальной системѣ.— Наполеонъ объѣзжаетъ Фландрію и Голландію— возвращается въ Парижъ и принимаетъ мѣры для распространенія континентальной системы.— Взятіе Валлиса.—Весь берегъ Нѣмецкаго моря причисленъ къ Франціи.— Протестъ Россійскаго Императора противъ занятія Ольденбурга. — Россія дозволяетъ ввозъ въ нѣкоторые порты Англійскихъ товаровъ. —Переговоры между Франціею и Англіею о размѣнѣ плѣнныхъ и о всеобщемъ мирѣ прерваны несовмѣстными требованіями Наполеона 43

Стран.

Глава V.

Исполинская власть Наполеона въ эту эпоху. — Императрица Марія Луиза разрѣшается отъ бремени сыномъ. — Охужденіе даннаго ему титула, Короля Римскаго. — Разборъ выгодъ и невыгодъ сего происшествія.— Взглядъ на предшествовавшія событія. — Отрѣшенная Королева Этрурская. — Суровый и непростительный поступокъ съ нею Наполеона.—Луціанъ Бонапарте приглашенъ въ Англію, гдѣ онъ сочиняетъ эпическую поэму. — Неудачное покушеніе освободить Фердинанда. — Его малодушіе.—Дѣла въ Португаліи.—Отступленіе Массены. — Поступки его какъ человѣка, и какъ полководца. — Искусство, показанное имъ въ обоихъ отношеніяхъ. — Сраженія: Фуэнтесъ-Онорско данное Лордомъ Веллингтономъ; — на южной Португальской границѣ, Лордомъ Бересфордомъ — при Баросcѣ, Генераломъ Граамомъ, — въ коихъ вездѣ Англичане побѣждаютъ. — Предпріятіе Арройо-Молиниаса. — Испанцы разбиты подъ предводительствомъ Блака. — Валенція взята Французами, а Блакъ со своею арміею попадаетъ въ плѣнъ. — Несогласіе между Французскими Генералами. — Іосифъ пишетъ къ Наполеону, желая отказаться отъ Испанскаго престола. 57

Глава VI.

Обозрѣніе причинъ, произведшихъ разрывъ съ Россіею. — Онѣ возникли еще со времени Тильзитскаго трактата. —

Стран.

Предметы неудовольствій Россіи. — Убѣжденія Наполеоновыхъ совѣтниковъ противъ войны съ Россіею. — Фуше противится войнѣ сей, — онъ подаетъ Наполеону объ этомъ предметѣ докладную записку. — Отвѣтъ, ему сдѣланный. — Виды Наполеона на счетъ войны, объясненные имъ его совѣтникамъ. 70

Глава VII.

Союзники, на коихъ Наполеонъ могъ полагаться. — Причины, отторгнувшія отъ него Наслѣднаго Принца Шведскаго — который заключаетъ договоръ съ Россіею. — Затруднительное положеніе Короля Прусскаго, отъ союза съ коимъ Императоръ Александръ по сей причинѣ уклоняется. — Договоръ съ Франціею, подписанный въ Пруссіи. — Дружество между Австріею и Франціею; — для поддержанія онаго Наполеонъ принужденъ обязаться, что онъ не будетъ возстановлять Польшу. — Политическая ошибка его въ томъ, что онъ пренебрегъ склонить на свою сторону Порту. — Число Наполеоновой арміи. — Первый, вторый и третій наборы народной стражи для защиты Франціи во время отсутствія Императора. — Ціудадъ-Родриго взятъ приступомъ Лордомъ Веллингтономъ. — Бонапарте вступаетъ въ переговоры съ Лордомъ Кастельрягомъ. — Переговоры прерываются. — Окончательное требованіе Россіи отвергнуто и дѣлается поводомъ къ войнѣ. — Наполеонъ отправляется изъ Парижа 9 Мая 1812 года. — Собравъ Государей, своихъ союзниковъ, въ Дрезденѣ, онъ даетъ имъ царскія празднества. — Послѣдняя попытка Наполеона къ переговорамъ съ Александромъ остается безуспѣшною. 80

Глава VIII.

Наполеоновъ планъ похода противъ Россіи, — проникнутъ и предупрежденъ генераломъ Барклаемъ де Толли, Россійскимъ главнокомандующимъ. — Составъ большой Французской и большой Россійской армій. — Бѣдственный случай на рѣкѣ Виліѣ. — Обзоръ предстоявшихъ Французамъ затрудненій. — Неустройство ихъ продовольственной и госпитальной частей. — Происшедшія отъ того великія потери. — Причины, по коимъ Наполеонъ рѣшился итти впередъ. — Ускоренные его переходы затрудняютъ движеніе. — Наполеонъ останавливается на нѣсколько дней въ Вильнѣ. — Аббатъ Прадтъ. — Старанія его возмутить Поляковъ. — Обязательства Наполеона съ Австріею препятствуютъ онымъ. — Попытка произвесть возмущеніе въ Литвѣ также не удается. 98

Глава IX.

Дѣйствія арміи князя Багратіона. — Дѣйствія противъ него Наполеона. — Король Вестфальскій Іеронимъ лишенъ начальства за недѣятельность. — Багратіонъ разбитъ Мар-

Стран.

шаломъ Даву, но успѣваетъ отступить во внутренность Россіи и возстановить сообщенія свои съ главною арміею, — которая отступаетъ къ Дриссѣ. — Барклай де Толли и Багратіонъ сходятся въ Смоленскѣ 20 Іюля. — Французскіе генералы желаютъ, чтобы Наполеонъ кончилъ кампанію сего года въ Витебскѣ. — Онъ настаиваетъ въ томъ, чтобы итти впередъ. — Движенія обѣихъ армій при Смоленскѣ. — Барклай де Толли оставляетъ оный, зажгя его. — Ослабленіе Французской арміи и возрастающія силы Россійскихъ войскъ. — Миръ заключенный между Россіею, Англіею, Швеціею и Турціею. — Наполеонъ рѣшается итти къ Москвѣ. . 113

Глава X.

Наполеонъ посылаетъ Мюрата и другихъ генераловъ преслѣдовать Россіянъ. — Кровопролитное, но ни чѣмъ не рѣшившееся дѣло при Валутинѣ. — Оборонительная система Барклая де Толли оставлена и Кутузовъ назначенъ главнокомандующимъ Россійской арміи. — Наполеонъ выходитъ изъ Смоленска. — Битва при селѣ Бородинѣ, данная 5 Сентября. — Побѣда остается за Французами, но не доставя имъ никакой существенной выгоды. — Князь Багратіонъ убитъ. — Кутузовъ отступаетъ къ Можайску, а оттуда къ Москвѣ. — Наполеонъ 12-го числа продолжаетъ свое наступательное движеніе. — Графъ Растопчинъ, Московскій губернаторъ. —

Стран.

Характеръ его. — Русскіе выходятъ изъ Москвы, которая оставлена жителями но вывозѣ оттуда архивовъ, казны и опустошеніи магазиновъ. — 14 Сентября, большая Россійская армія проходитъ чрезъ Москву. — Послѣдній всенародный судъ, произведенный тамъ Растопчинымъ, послѣ коего онъ отправляется вслѣдъ за арміею. . . . 126

Глава XI.

14 Сентября Наполеонъ вступаетъ въ Москву, которую находитъ покинутою жителями. — Около полуночи пожаръ распространяется въ городѣ.— Наполеонъ учреждаетъ квартиру свою въ Кремлѣ. — Огонь потушенъ на другой день, но ночью опять загарается. — По подозрѣнію объ умышленномъ зажигательствѣ города, нѣсколько Русскихъ взято подъ стражу и разстрѣляно. — На третью ночь огонь появляется въ Кремлѣ. — Бонапарте, оставя оный, переѣзжаетъ въ Петровскій дворецъ. — Пожаръ свирѣпствуетъ до 19 числа, истребивъ четыре-пятыхъ части города. — 20 числа Бонапарте возвращается въ Кремль. — Разсужденія о настоящей причинѣ сего великаго пожара. — Разстройство и неповиновеніе Французской арміи. — Затрудненія при выборѣ дороги для выхода изъ Москвы. — Лористонъ посланъ съ письмомъ къ Императору Александру. — Обзоръ предшествовавшихъ движеній Россійской арміи, по выходѣ ея изъ

Стран.

Москвы. — Лористонъ имѣетъ свиданіе съ Кутузовымъ 5 Октября. — Послѣдствія онаго. Перемиріе, заключенное Мюратомъ. — Пріуготовленія къ отступленію. — Императоръ Александръ отказывается входить въ переговоры. 136

ЧАСТЬ ДЕСЯТАЯ.

Глава XII.

Мюратово перемиріе прервано. Онъ атакованъ и разбитъ. — Наполеонъ выѣзжаетъ изъ Москвы 19 Октября. — Кровопролитный бой при Мало-Ярославцѣ. — Наполеонъ подвергается великой опасности, дѣлая обозрѣніе. — Отступивъ къ Вереѣ, онъ находитъ тамъ Мортье съ молодою гвардіею. — Винценгероде взятъ въ плѣнъ и осыпанъ упреками Наполеономъ. — Кремль подорванъ Французами. — Наполеонъ продолжаетъ свое отступленіе къ Пельтѣ. — Ужасы онаго. — Сраженіе при городѣ Вязьмѣ 3 Ноября, гдѣ Французы теряютъ 4,000 человѣкъ. — Переправа чрезъ рѣку Вязьму ночью. — Дѣйствія Вице-Короля Италіянскаго. — Онъ приходитъ въ Смоленскъ 13 числа въ бѣдственномъ положеніи. — Прибытіе Наполеона въ Смоленскъ съ передовою дивизіею большой арміи. — Очеркъ бѣдственнаго отступленія Неевой дивизіи. — Вся Французская армія сбирается въ Смоленскѣ. — Обзоръ дѣйствій на флангахъ Наполеоновой линіи. — Осторожное поведеніе Князя Шварценберга. — Винценгероде на пути своемъ въ Парижъ освобожденъ отрядомъ Казаковъ. — Чичаговъ занимаетъ Минскъ 14 Ноября, а графъ Ламбертъ, одинъ изъ его генераловъ, беретъ Борисовъ, послѣ упорнаго боя. — Опасное положеніе Наполеона 151

Глава XIII.

Наполеонъ раздѣляетъ армію свою на четыре отряда, которые, вышедъ изъ Смоленска, идутъ въ Польшу. — Осторожныя мѣры Кутузова. — Отрядъ Вице-Короля атакованъ Милорадовичемъ, и претерпѣвъ значительный уронъ, присоединяется къ Наполеону въ Красномъ. — Кутузовъ атакуетъ непріятеля въ Красномъ, но сіе нападеніе ограничивается отдаленною пальбою. — Дивизія Даву присоединяется къ Наполеону въ самомъ жалкомъ положеніи. — Наполеонъ идетъ

Стран.

къ Лядамъ, а Мортье и Даву атпакованы съ понесеніемъ великаго урона убитыми, ранеными, плѣнными и артиллеріею.— Подвижности отступленія Нея. —Онъ переходитъ чрезъ Лосмину, потерявъ множество людей и багажа и присоединяется къ Наполеону въ Оршѣ, съ дивизіею своею, въ коей остается только 1500 человѣкъ.—Вся большая армія уменьшается до 12.000 человѣкъ, кромѣ состоящихъ при ней 30.000 бродягъ. — Ужасное бѣдствіе и затрудненія Бонапарте и его арміи. —Страшная сцена между Наполеономъ, Дюрокомъ и Дарю.— Наполеонъ идетъ къ Борисову и встрѣчается съ корпусами Виктора и Удино. — Кутузовъ останавливается въ Конысѣ, не напавъ на Бонапарте. — Наполеонъ переправляется чрезъ Березину у Студенки. — Дивизія Дарпуно отрѣзана Витгенштейномъ.— Жестокій бой на обоихъ берегахъ рѣки. — Ужасная потера, понесенная Французами при переправѣ чрезъ оную.— По показаніямъ Русскихъ, 36.000 тѣлъ было найдено при Березинѣ по разстаяніи снѣга. 173

Глава XIV.

Наполеонъ рѣшается возвратиться въ Парижъ.—Онъ выѣзжаетъ изъ Сморгони 5 Декабря.—Прибытіе его въ Варшаву 10 числа —Любопытное его свиданіе съ Аббатомъ Прадтомъ. —Онъ пріѣзжаетъ въ Дрезденъ 14 числа, — а 18-го ночью въ Парижъ. — Ужасное положеніе большой арміи, по оставленіи оной Наполеономъ.—Она приходитъ въ Вильно, и будучи выгнана оттуда Казаками, бѣжитъ въ Ковно.— Раздоръ между Французскими Генералами. — Осторожная политика Австрійцевъ, предводительствуемыхъ Шварценбергомъ.— Опасное положеніе Макдональда.— Отступленіе его въ Тильзитъ. — Іоркъ отдѣляется съ войскомъ своимъ отъ Французовъ. —Макдональдъ идетъ къ Кенигсбергу. — Конецъ похода въ Россію, съ потерею Французами 450.000 человѣкъ убитыми и плѣнными. — Разсужденіе о причинахъ, доведшихъ до такого страшнаго бѣдствія. 189

Глава XV.

Дѣйствіе Наполеонова возвращенія на Парижанъ. —Поздравленія и адресы всѣхъ государственныхъ сановниковъ.—Заговоръ генерала Мале — едва было не удавшійся. — Какимъ образомъ онъ наконецъ ниспровергнутъ.— Впечатлѣніе, произведенное симъ случаемъ на Бонапарте, какъ во время бытности его въ Россіи, такъ и по его возвращеніи. —Споры съ Папою, который привезенъ во Францію, но остается непреклоннымъ.— Дѣла въ Испаніи.—Великія и удачныя усилія Наполеона вновь устроить свое воинство. — Почетная гвардія.—Въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ, армія доведена до 350.000 человѣкъ, кромѣ войскъ, оставленныхъ для содержанія гарнизоновъ въ Германіи, въ Испаніи и въ Италіи 210

Глава XVI.

Мюратъ внезапно оставляетъ

Стран.

большую армію. — Евгеній назначенъ на его мѣсто. — Мѣры, принятыя Королемъ Прусскимъ для своего освобожденія.—Доводы въ его пользу противъ осужденія его Французскими историками. — Онъ пріѣзжаетъ изъ Берлина въ Бреслау.—Договоръ, заключенный между Россіею и Пруссіею вначалѣ Марта. — Александръ пріѣзжаетъ въ Бреслау 15 числа; а 16 Пруссія объявляетъ войну Франціи. — Военныя пріуготовленія Пруссіи. — Всеобщій, повсемѣстный восторгъ оной. — Блюхеръ назначенъ главнокомандующимъ. — Оправданіе Шведскаго наслѣднаго принца въ томъ, что онъ присоединился къ союзу противъ Франціи.—Поступки Австріи.—Непреклонная гордость и притязанія Наполеона. — Во Франціи учреждается на время его отсутствія Регентство, и Марія Луиза назначена Правительницею, съ одною токмо наружною властью. 221

Глава XVII.

Составъ Французской большой арміи. — Русскіе идутъ впередъ и являются на Эльбѣ, усиливаемые повсемѣстнымъ присоединеніемъ къ нимъ жителей.— Французы выходятъ изъ Берлина и отступаютъ къ Эльбѣ. —Наслѣдный принцъ Шведскій присоединяется къ союзникамъ съ 35.000 человѣкъ.— Дрезденъ занятъ Россійскимъ и Прусскимъ государями. — Маршалъ Бессіеръ убитъ 1 Мая.—Люценское сраженіе 2 числа. — Союзники теряютъ 20.000 человѣкъ убитыми и ранеными, а Французы

Стран.

удерживаютъ за собою поле сраженія, понеся великій уронъ. — Союзники отступаютъ къ Бауцену. — Гамбургъ взятъ Данчанами и Французами.—Бауценская битва, происшедшая 20 и 21 Мая съ великою потерею для обѣихъ сторонъ; при чемъ Французы удерживаютъ за собою поле сраженія. — Союзники отступаютъ въ совершенномъ порядкѣ.—Французскіе генералы: Брюйеръ и Дюрокъ убиты 22 числа. — Скорбь Наполеона о смерти послѣдняго изъ нихъ.— Перемиріе, заключенное 4 Іюня. 231

Глава XVIII.

Перемѣна впечатлѣній, производимыхъ побѣдами Французовъ.— Уныніе ихъ генераловъ. — Упадокъ устройства въ войскахъ. — Виды Австріи. — Разсмотрѣніе доводовъ, въ пользу мира.—Непреклонность Наполеона. — Внутреннее положеніе Франціи. — Свиданіе Наполеона съ Австрійскимъ министромъ, Меттернихомъ.—Планъ къ замиренію, предложенный Австріею 7 Августа.— Перемиріе прервано 10 числа, и Австрія присоединяется къ союзникамъ. — Внезапное расположеніе Наполеона къ миру въ эту эпоху. — Его приписываютъ полученному имъ извѣстію о битвѣ при Витторіи. 244

Глава XIX.

Число и расположеніе Французской арміи при возобновленіи непріязненныхъ дѣйствій.— Союзныя арміи.—Планы кампаній обѣихъ сторонъ. — Возвращеніе Моро изъ Америки съ цѣлью,

Стран.

чтобы присоединиться къ союзникамъ.—Союзники аттакуютъ Дрезденъ 26 Августа.— Наполеонъ спѣшитъ къ нему на помощь.—Бой продолжается 27 числа. — Смерть генерала Моро.—Разбитіе и отступленіе союзниковъ съ большою потерею.—Наполеонъ возвращается въ Дрезденъ нездоровый.—Вандамъ аттакуетъ союзниковъ при Кульмѣ—но опрокинутъ и прогнанъ къ Петерсвальду. — Бой между Французами и Пруссаками на высотахъ Петерсвальдскихъ. — Вандамъ разбитъ и взятъ въ плѣнъ съ большимъ урономъ. — Дѣйствіе Кульмской побѣды на союзниковъ и на Бонапарте. 207

Глава XX.

Продолженіе военныхъ дѣйствій въ Сѣверной Германіи, гдѣ Французы вообще претерпѣваютъ неудачи. — Лукау покоряется наслѣдному принцу Шведскому. — Сраженія: Гросъ-Беренское и Кацбахское, въ коемъ Французы подвергаются значительной потерѣ людей и пушекъ.—Дѣйствія Нея противъ Берлина.— Онъ разбитъ при Дешевицѣ 6 Сентября. — Опасное и затруднительное положеніе Наполеона.—Онъ оставляетъ весь правый берегъ Эльбы союзникамъ. — Движенія союзниковъ съ цѣлью соединиться.—Противодѣйствія сему Наполеона. — Французскіе генералы не хотятъ продолжать войну въ Германіи. — Распри между ими и Императоромъ. — Наполеонъ наконецъ рѣшается отступить къ Лейпцигу 269

Стран.

Глава XXI.

Наполеонъ пріѣзжаетъ въ Лейпцигъ 15 Октября. — Описаніе сего города. — Расположеніе Французскихъ и союзныхъ силъ. —Лейпцигская битва, начавшаяся 16 числа и оконченная съ невыгодою для Французовъ при наступленіи ночи. — Наполеонъ отправляетъ генерала Мерфельдта (своего плѣнника) къ Императору Австрійскому съ предложеніемъ перемирія. — Онъ не получаетъ на сіе никакого отвѣта. — Сраженіе возобновлено утромъ 18 числа, и продолжается до самаго вечера, пока Французы наконецъ принуждены отступить, послѣ значительной потери съ обѣихъ сторонъ.— Они выходятъ изъ Лейпцига 19 числа; и союзники ихъ преслѣдуютъ. — Отступленіе дѣлается еще кровопролитнѣе чрезъ разрушеніе одного изъ мостовъ. — Князь Понятовскій погибаетъ въ Эльстерѣ.—25.000 Французовъ взяты въ плѣнъ.— Союзные монархи съѣзжаются съ торжествомъ на большей Лейпцигской площади. — Король Саксонскій отосланъ подъ стражею въ Берлинъ.—Размышленія. 280

Глава XXII.

Выходъ Французовъ изъ Германіи.—Всеобщее отложеніе Наполеоновыхъ союзниковъ.—Гапауская битва, происшедшая 30 и 31 Октября, въ коей Французы одерживаютъ верхъ. — Они продолжаютъ свое отступленіе.—Наполеонъ пріѣзжаетъ въ Парижъ 9 Ноября. — Положеніе, въ коемъ онъ находитъ

Стран.

общественный духъ въ столицѣ.—Участь Французскихъ гарнизоновъ, оставленныхъ въ Германіи. — Прибытіе союзныхъ армій на берега Рейна.—Всеобщій восторгъ Германіи.—Союзники останавливаются на Рейнѣ.— Всеобщій обзоръ политическихъ сношеній Наполеона въ эту эпоху.—Италія.—Испанія. — Возстановленіе Фердинанда. —Папа, получивъ свободу, возвращается въ Римъ.—Освобожденіе Голландіи. 295

ЧАСТЬ ОДИННАДЦАТАЯ.

Глава I.

Приготовленія Наполеона противъ нашествія на Францію.— Мирныя условія, предложенныя союзниками чрезъ Барона де Сентъ-Эньяна. — Конгрессъ въ Мангеймѣ.—Лордъ Кастельригъ. — Манифестъ Союзниковъ. — Отвѣтъ Наполеона. — Его неискренность. — состояніе партій во Франціи. — 1) Приверженцы Бурбоновъ, —ихъ главные начальники.—2) Прежніе республиканцы.—Французскій народъ вообще, утомленный войною, желаетъ отрѣшенія Наполеона. — Неудачное его покушеніе возбудить народный духъ.—Необыкновенное засѣданіе Государственнаго Совѣта 11 Ноября, въ коемъ опредѣлены новые налоги и предписана новая конскрипція 300.000 человѣкъ. —Непріязнь совѣта и вспыльчивость Наполеона. — Докладъ о состояніи Государства, поднесенный Наполеону Законодательнымъ корпусомъ. — Гнѣвъ его при полученіи онаго.—Законодательный корпусъ уничтоженъ.—Коммиссары посланы по департаментамъ для возбужденія народа къ ополченію — но безуспѣшно.— Неутомимая дѣятельность Императора.— Созваніе народной гвардіи. — Поручивъ ей Императрицу, свою супругу, и сына, Наполеонъ прощается съ народомъ.—Онъ выѣзжаетъ изъ Парижа въ армію 25 Генваря 1814 года, исполненный печальныхъ предчувствій. 1

Глава II.

Объявленіе цѣли союзниковъ при вступленіи во Францію. — Они входятъ въ Швейцарію и берутъ Женеву.—Князь Шварценбергъ переходитъ чрезъ Рейнъ. — Равнодушіе Французовъ. — Присоединеніе Блюхера къ большой арміи.—Поведеніе наслѣднаго принца Шведскаго.—Мед-

Стран.

лительность союзниковъ. — Превосходство ихъ въ числѣ предъ Наполеономъ.— Сраженія: Бріенское и ла Ропіерское. — Затрудненія Наполеона, заставляющія его принять намѣреніе отказаться отъ престола.— Отъ удачно нападаетъ на Силезскую армію при Шампоберѣ. —Блюхеръ принужденъ отступить.—Большая союзная армія беретъ Ножанъ и Монтеро.— Она атакована Наполеономъ, и Шварценбергъ пишетъ къ нему отъ имени союзныхъ монарховъ письмо. — Монтеро взятъ приступомъ.—Суровость Бонапарте съ его генералами. —Австрійцы рѣшаются на общее отступленіе до Наши и до Ланграа. — Причины сего. — Негодованіе и буйство Австрійскихъ войскъ.—Отвѣтъ Наполеона на письмо князя Шварценберга. — Князь Венцеславъ Лихтенштейнъ посланъ въ главную квартиру Наполеона договариваться о перемиріи.— Французы бомбардируютъ городъ Троа и вступаютъ въ оный 23 Февраля. — Казнь роялиста Гуо.— Смертный приговоръ, произнесенный противъ всѣхъ, носящихъ символы Бурбоновъ, и противъ эмигрантовъ, которые перейдутъ къ союзникамъ. — Обзоръ предшествовавшихъ движеній на границахъ. 328

Глава III.

Обзоръ воинскихъ происшествій на границахъ Франціи.—Отложеніе Мюрата, который переходитъ къ союзникамъ.—Слѣдствія сего.— Ожеро принужденъ выйти изъ Франшъ - Конше.—

Стран.

Франція теряетъ Сѣверную Германію и Фландрію — Карно вѣрено управленіе Антверпеномъ.—Бергенъ-оп-Домъ едва не взятъ Сиромъ Граамомъ, но потерянъ чрезъ безпорядокъ, происшедшій въ войскахъ въ минуту успѣха.—Союзники берутъ Соассонъ и оставляютъ оный. — Бюловъ и Винценгероде присоединяются къ Блюхеру. — Герцогъ Веллингтонъ гонится проложить себѣ путь чрезъ Гласскую землю. — Положеніе роялистовъ въ западной части Франціи.— Неудовольствія старыхъ республиканцевъ на правленіе Наполеона. — Виды разныхъ членовъ союза на счетъ династій Бурбонской и Наполеоновой.— Дѣйствія герцоговъ Беррійскаго, Ангулемскаго и королевскаго брата (Monsieur), изъ коихъ два послѣдніе въѣзжаютъ во Францію. — Французы разбиты Веллингтономъ при Ортецѣ.—Бордо добровольно сданъ маршалу Бересфорду жителями, которые надѣваютъ бѣлыя кокарды.— Подробности Шатильонскихъ переговоровъ. —Шомонскій трактатъ, коимъ союзники вновь обязываются дѣятельно вести войну.—Наполеонъ представляетъ странный, неосновательный свой планъ договора, въ Шатильонѣ. — Разрывъ Шатильонскаго конгресса. 347

Глава IV.

Затрудненія Наполеона. — Онъ идетъ противъ Блюхера, владѣющаго Соассономъ—и атакуетъ городъ сей безъ успѣха. — Краонская битва, 7 Марта, не имѣвшая рѣшительныхъ послѣдствій. — Блюхеръ отступаетъ

Стран.

къ Лаону. — Бой при Лаонѣ 9 числа.—Наполеонъ принужденъ отступить 11 числа съ большою потерею. —Онъ нападаетъ на Реймсъ, изъ коего Русскіе выходятъ.—Разбитіе при Барсюр-Обѣ Французскихъ дивизій, подъ предводительствомъ Удино и Жерара, которые, равно какъ и Макдональдъ, принуждены отступить на большую Парижскую дорогу.—Шварценбергъ хочетъ отступить за Объ,—но Императоръ Александръ и Лордъ Кастельригъ противятся сей мѣрѣ, почему и положено итти къ Парижу.—Наполеонъ занимаетъ Арсисъ.—Арсисская битва 20 числа.—Къ Наполеону присоединяются ночью послѣ боя Макдональдъ, Удино и Жераръ.— Не взирая на сіе, онъ отступаетъ по обоимъ берегамъ рѣки Оба съ незначительною потерею 366

Глава V.

Планы Наполеона въ его затруднительномъ положеніи. — Военные и политическіе вопросы на счетъ Парижа.—Наполеонъ рѣшается итти къ восточной границѣ, и переходитъ чрезъ Марну 22 Марта. — Взглядъ на событія въ окрестностяхъ Ліона и проч. — Союзники идутъ къ Парижу. — Пораженіе Французовъ въ разныхъ мѣстахъ.— Мармонтъ и Мортье, съ ихъ оробѣвшими и разстроенными войсками, отступаютъ подъ стѣны Парижа.—Оборонительныя средства Парижа. — Усилія Іосифа Бонапарте.— Императрица Марія Луиза и гражданскія присутственныя мѣста выѣзжаютъ изъ города.—Приступъ къ Парижу 30 числа и повсемѣстное разбитіе Французовъ.— Заключеніе перемирія.— Іосифъ Бонапарте спасается бѣгствомъ со всѣми своими приближенными. 377

Глава VI.

Состояніе партій въ Парижѣ. —Роялисты. — Приверженцы революціи. —Бонапартисты.— Талейранъ—планы его и виды. —Шатобріанъ — дѣйствіе его краснорѣчія въ пользу роялистовъ. — Посланіе отъ роялистовъ къ союзнымъ государямъ. —Отвѣтъ ихъ.—Усилія Бонапартистовъ.— Чувства низшихъ Парижскихъ сословій — среднихъ классовъ. — Равнодушіе народной гвардіи. — Возрастающая сила и увѣренность роялистовъ. — Они раздаютъ воззванія и бѣлыя кокарды.—Толпа, собравшаяся на булеварахъ смотрѣть на вступленіе союзниковъ. — Непостоянство Французскаго характера.—Союзники приняты съ радостными кликами.—Арміи ихъ располагается по квартирамъ, а Казаки становятся бивуаками на Елисейскихъ поляхъ. 394

Глава VII.

Опасенія Парижанъ.—Дѣйствія Наполеона. — Онъ узнаетъ о прекращеніи — Шатильонскаго конгресса.. — Дѣйствія Французской кавалеріи вылу у союзниковъ. — Взятіе въ плѣнъ Австрійскаго барона Вейссемберга.—Императоръ Францискъ едва не захваченъ.—Наполеонъ спѣшитъ къ Парижу и прихо-

Стран.

дитъ въ Троа 29 Марта.— Мнѣніе Макдональда о невозможности спасти Парижъ — Наполеонъ, выѣхавъ изъ Труа 30 числа, встрѣчаетъ за нѣсколько милъ отъ Парижа отступающаго Белліарда. — Разговоръ ихъ. — Онъ рѣшается продолжать путь свой къ Парижу, но наконецъ отклоненъ отъ того — и отправляетъ Коленкура въ столицу, дабы принять условія отъ союзныхъ монарховъ. — Самъ онъ возвращается въ Фонтенбло 401

Глава VIII.

Союзные Государи издаютъ прокламацію, что они не вступятъ ни въ какіе переговоры съ Наполеономъ. — Блюстительный сенатъ учреждаетъ временное правительство, и объявляетъ указъ объ отрѣшеніи Наполеона. — Указъ сей подтвержденъ объявленіями всѣхъ правительствующихъ мѣстъ Парижа. — Разсмотрѣніе законности сихъ дѣйствій. — Чувства къ Наполеону низшихъ сословій и военныхъ. — 4-го Апрѣля Бонапарте подписываетъ отреченіе свое отъ Французскаго престола. — Онъ колеблется и изъявляетъ желаніе продолжить войну. — Актъ отреченія наконецъ отправленъ 407

ЧАСТЬ ДВѢНАДЦАТАЯ.

Глава IX.

Викторъ и другіе Французскіе маршалы признаютъ временное правительство. — Мармонтъ заключаетъ отдѣльный договоръ, но присутствуетъ въ Парижскихъ засѣданіяхъ, передавъ начальство надъ арміею Сугаму. — Маршалы имѣютъ свиданіе съ Императоромъ Александромъ. — Сугамъ переходитъ со своею арміею къ союзникамъ; вслѣдствіе чего союзные государи настоятельно требуютъ безусловнаго отреченія Наполеона. — Поступки его, когда онъ узналъ объ этомъ рѣшеніи, — и нехотѣніе, съ которымъ онъ наконецъ соглашается. — Условія, ему данныя. — Разсмотрѣніе оныхъ въ политическомъ отношеніи. — Неодобреніе оныхъ Лордомъ Кастльригомъ. — Всѣ оставляютъ Наполеона. — Императрица Марія Луиза возвращается подъ покровительство своего родителя. — Смерть Іозефины. — Страшный разсказъ Барона Фена, Наполеонова секретаря, о покушеніи Императора лишить себя жизни. — Послѣ сего онъ показываетъ болѣе твердости. — Виды его на счетъ политики,

Стран.

наиболѣе приличной Бурбонамъ, его преемникамъ.—Онъ отправляется изъ Фонтенбло на островъ Эльбу 20 Апрѣля. 1

Глава X.

Коммиссары, назначенные для сопровожденія Наполеона. — Онъ выѣзжаетъ изъ Фонтенбло 20 Апрѣля.—Свиданіе его съ Ожеро въ Валансе.—Народная ненависть къ Наполеону въ южной Франціи. — Страхъ на счетъ его личной безопасности.— Боязнь его и взятыя имъ предосторожности.—По прибытіи въ Фрежюсъ, онъ садится на корабль Эмпрендидъ съ Британскимъ и Австрійскимъ Коммиссарами. — Приплывъ къ Эльбѣ, 4 Мая, онъ пристаетъ къ Порто-Ферраіо. 15

Глава XI.

Эльба. — Образъ жизни и занятія Наполеона.—Дѣйствіе пребыванія его на островѣ Эльбѣ на сосѣдственное съ нимъ королевство Италію.— Его посѣщаютъ: мать его, Принцесса Полина — и одна Польская госпожа. — Сиръ Ниль Камбель остается только одинъ Коммиссаромъ на Эльбѣ. — Разговоры Наполеона о состояніи Европы. — Нужда его въ деньгахъ, и опасенія, чтобъ не быть умерщвленнымъ. — Нетерпѣливость его при изложеніи жалобъ по симъ предметамъ. — Пестрота его двора.—Онъ ограждаетъ себя придворными формами отъ всякихъ сношеній съ Сиромъ Камбелемъ.— Признаки приближающагося переворота.—Часть старой гвардіи распущена возвращается во Францію. — Наполеонъ уходитъ съ Эльбы. —Сиръ Ниль Камбель тщетно его преслѣдуетъ. 22

Глава XII.

Взглядъ на предшествовавшія событія.—Возстановленіе Бурбоновъ не нравится солдатамъ, но пріятно народу.—Снисходительныя условія, дарованныя Франціи союзниками.— Негодованіе на то, какимъ образомъ была дана хартія.—Другія причины неудовольствія. — Боязнь, чтобы духовныя и казенныя имѣнія не были отобраны. — Возстаніе якобинской партіи. —Усиливающіяся неудовольствія въ арміи. — Сужденіе въ пользу эмигрантскихъ правъ въ Палатѣ Депутатовъ. — Предложеніе маршала Макдональда.—Затрудненія въ финансахъ. — Ограниченіе свободы книгопечатанія. 36

Глава XIII.

Меморія Карно о положеніи общественныхъ дѣлъ. — Фуше, не успѣвъ войти къ королю въ милость, переходитъ къ якобинцамъ.— Разные замыслы сей партіи, которая наконецъ соединяется съ Бонапартистами. — Начало дѣятельныхъ казней. —Вѣнскій конгрессъ.—Мюратъ, устрашенный дѣйствіями онаго входитъ въ сношенія съ Наполеономъ. — Планы заговорщиковъ. — Бонапарте уходитъ съ Эльбы. — Пристаетъ въ Канетъ и идетъ во Францію.—Въ Гренобле присоединяются къ нему

Стран.

3000 человѣкъ войска. — Остановясь въ Ліонѣ, онъ учреждаетъ Министерство и издаетъ многіе указы. — Страхъ Королевскаго правительства. — Происки Фуше. — Измѣна Нея. — Возмущеніе армій Бурбоновъ въ Греленѣ. — Король оставляетъ Парижъ, а Бонапарте туда въѣзжаетъ. — Пріемъ, ему сдѣланный. 59

Глава XIV.

Разныя, неудачныя попытки къ защитѣ Бурбоновъ. — Бонапарте, возсѣвъ опять на Французскій престолъ, желаетъ остаться въ мирѣ съ союзниками — но не получаетъ отвѣта на свои письма. — Вѣнскій трактатъ. — Доводы Наполеона въ оправданіе принятой имъ мѣры. — Пренія въ Британской Палатѣ Депутатовъ о возобновленіи войны. — Мюратъ занимаетъ Римъ съ 50.000 человѣкъ, — воззваніе его, призывающее всѣхъ Италіянцевъ къ оружію. — Онъ идетъ противъ Австрійцевъ; — опрокинутъ при Окхіо-Белло — разбитъ при Толентино и бѣжитъ въ Неаполь, а оттуда, переодѣтый, во Францію, гдѣ Наполеонъ отказывается принять его 85

Глава XV.

Покушенія Наполеона расположить къ себѣ Англію. — Заговоръ увезти Марію Луизу, неудается. — Образъ мыслей во Франціи, на счетъ возвращенія Наполеона. — Фуше и Сіесъ сдѣланы перами. — Свобода книгопечатанія дарована и нарушена. — Смѣлый поступокъ Г. Конта, издателя

Стран.

Цензора. — Неудовольствія низшихъ сословій. — Часть оныхъ остается преданною Наполеону. — Они сбираются предъ Тюльери и рукоплещутъ Императору. — Праздникъ Федератовъ. — Новая конституція — принята съ неудовольствіемъ. — Собраніе на Майскомъ-полѣ для утвержденія оной. — Адресы Наполеона къ палатамъ перовъ и представителей. — Духъ якобинства господствуетъ въ послѣдней . . 96

Глава XVI

Пріуготовленія къ возобновленію войны. — Расположеніе союзныхъ войскъ, простирающихся до милліона человѣкъ. — Силы Бонапарте, непревышающія 200.000 человѣкъ — Онъ не отваживается сдѣлать конскрипцію. — Народная гвардія; — нерасположеніе оной къ службѣ. — Многія области оказываютъ непріязнь къ дѣлу Наполеона. — Докладъ Фуше обнаруживаетъ всеобщее нерасположеніе. — Возмущеніе Ванде усмирено. — Военные способы Франціи. — Наполеоновъ планъ кампаніи. — Парижъ приведенъ въ оборонительное положеніе. — Пограничные города и приходы также укрѣплены. — Генералы, поступившіе съ службу къ Наполеону. — Онъ объявляетъ намѣреніе свое сразиться съ Веллингтономъ 109

Глава XVII.

Армія Веллингтона прикрываетъ Брюссель. — А войска Блюхера сосредоточиваются на Самбрѣ и на Маасѣ. — Наполеонъ осматриваетъ свою боль-

Стран.

шую армію 14 Іюня. — Онъ идетъ къ Шарльруа. — Умыселъ его, раздѣлить арміи двухъ непріятельскихъ вождей, не удается. — Свиданіе Веллингтона съ Блюхеромъ въ Бри. — Британская армія сосредоточена при Катръ-Бра.—Наполеоновъ планъ аттаки.—Сраженіе при Линьи, и разбитіе Блюхера 16 Іюня. — Дѣло при Катръ-Бра въ тотъ же день. — Англичане удерживаютъ за собою поле сраженія. Блюхеръ уходитъ отъ непріятельской погони.—Наполеонъ соединяется съ Неемъ.—Отступленіе Англичанъ къ Ватерло, гдѣ Веллингтонъ рѣшается остановиться.—Мѣстоположеніе сего знаменитаго поля. 117

Глава XVIII.

Надежда Наполеона, что Священный союзъ разрушится, если онъ побѣдитъ Англичанъ въ Бельгіи.—Англійская армія занимаетъ мѣста свои 17 Іюня, а Французская въ слѣдующее утро. —Силы обѣихъ армій.—Планы ихъ Полководцевъ.— Ватерлосская битва, начатая утромъ 18 Іюня.—Французы устремляются на Британскій центръ. —Кирасирскій натискъ—и отраженіе онаго.—Прибытіе Прусаковъ.—Аттака Нея съ Императорскою гвардіею.—Онъ отраженъ—и Наполеонъ приказываетъ отступить.—Свиданіе двухъ побѣдоносныхъ вождей въ Бель-Аліансѣ.— Поступки Наполеона во время боя.—Блюхеръ преслѣдуетъ Французовъ. — Потеря Англичанъ и Французовъ. — Покушеніе Наполеона унизить воинскіе таланты герцога Веллингтона. — Отвѣтъ на сіе. — Несправедливое его осужденіе генерала Груши.—Опроверженіе мнѣнія, будто бы Англичане проигрывали сраженіе въ ту минуту, какъ прибыли Пруссаки. 127

ЧАСТЬ ТРИНАДЦАТАЯ.

Глава I.

Прибытіе Наполеона въ Парижъ. —Обѣ Палаты, собравшись, пріемлютъ мѣры, показывающія ихъ желаніе, чтобы Бонапарте отрекся отъ престола.—Наполеонъ сбираетъ общій совѣтъ. — Фуше подноситъ представителямъ актъ отреченія Наполеона, съ условіемъ, чтобы сынъ его былъ ему преемникомъ. — Преувеличенное донесеніе Карно палатѣ перовъ на счетъ оборонительныхъ средствъ. — Возраженіе на оное Нея.— Бурныя пренія въ палатѣ перовъ объ актѣ отреченія.—Обѣ Палаты уклоняются отъ опредѣлительнаго признанія Наполеона II.— Учрежденіе временнаго правительства.—Наполеона приглашаютъ удалиться въ Мальмезонъ. — Предложенныя имъ услуги для защиты Парижа отвергнуты.—Онъ отданъ подъ надзоръ генерала Беккера.—Мѣры, принятыя въ Рошфорѣ для отъ-

Стран.

ѣзда его въ Соединенные Штаты.—Онъ пріѣзжаетъ въ Рошфоръ 3 Іюля.—Временное правительство тщетно старается вступить въ переговоры съ союзниками или возмутить Французовъ къ сопротивленію.—Союзники идутъ къ Парижу; и, на заключеніи перемирія, вступаютъ въ оный 7 Іюля.—Палата перовъ расходится, а члены Нижней Палаты выгнаны изъ залы своихъ засѣданій. — Лудовикъ XVIII возвращается въ Парижъ 8 Іюля. — Размышленія о семъ вторичномъ возстановленіи Бурбоновъ 1

Глава II.

Расположеніе Британскаго флота вдоль западныхъ береговъ Франціи, для воспрепятствованія побѣгу Наполеона. *Беллерофонъ* поставленъ противъ Рошфора. —Приказанія, данныя Капитану Метланду. - Замыселъ, поставленный для бѣгства Наполеона. Обстоятельства, доказывающія, что Бонапарте не могъ не сдаться. — Савари и Ласъ-Казъ вступаютъ въ переговоры съ капитаномъ Метландомъ.— Показаніе капитана Метланда о томъ, что происходило при этихъ свиданіяхъ. Показаніе Ласъ-Каза.—Сравненія сихъ двухъ показаній и преимущество, отданное Метланду.—Письмо Наполеона къ Принцу Регенту.—Онъ пріѣзжаетъ на *Беллерофонъ* 15 Іюля. —Поступки его въ продолженіе переѣзда.—Прибытіе на высоту Торбея—и къ Плимуту.—Великое любопытство Англійскаго народа его увидѣть. Всякое сообщеніе съ кораблемъ воспрещено.—Окончательное опредѣленіе

Стран.

Англійскаго правительства о ссылкѣ Наполеона на островъ Св. Елены, ему объявлено.—Возраженія Наполеона противъ сей мѣры. 171

Глава III.

Истинныя чувства Наполеона на счетъ отсылки его на островъ Св. Елены. — Доказательства, что капитанъ Метландъ не заключалъ съ нимъ никакихъ условій. — Вѣроятность того, что сіе показаніе сдѣлано Ласъ-Казомъ, негодующимъ на неуспѣхъ порученныхъ ему переговоровъ.—Умыселъ вызвать Бонапарте съ *Беллерофона,* какъ свидѣтеля въ дѣлѣ за сатиру.— Угрозы Наполеона лишить себя жизни—и его приверженцевъ, что они умертвятъ его, сдѣланныя только съ тѣмъ, чтобы устрашить правительство. — Наполеонъ переѣзжаетъ на *Нортумберландъ,* который отправляется на островъ Св. Елены. —Поведеніе его на дорогѣ —Обхожденіе съ нимъ Сира Жоржа Кокберна.—Прибытіе къ острову Св. Елены и выходъ на берегъ 16 Октября. 188

Глава IV.

Причины, оправдывающія Англійское правительство въ заключеніи Наполеона.—Онъ былъ военноплѣнный, и нарушеніемъ Фонтенблоскаго трактата, показалъ уже, что къ нему нельзя имѣть довѣренности. — Правительство подверглось даже осужденію за то, что оно не приняло болѣе строгихъ мѣръ для предупрежденія побѣга его съ

Стран.

острова Эльбы.—Желаніе Наполеона удалиться въ Англію происходило отъ того, что живя неподалеку отъ Франціи, онъ бы опять могъ принять участіе въ дѣлахъ ея. — Причины отнятія у него титула Императора. Выгоды острова Св. Елены для мѣста ссылки. Данныя Сиру Жоржу Кокберну наставленія, какъ поступать съ Наполеономъ.—Лонгвудъ назначенъ мѣстопребываніемъ изгнаннаго Императора.—Временное жилище, устроенное для него въ Брейерсѣ.—Онъ переѣзжаетъ въ Лонгвудъ.—Предосторожности, взятыя для надежнаго охраненія плѣнника.—Правила для приходящихъ къ порту судовъ. 199

Глава V.

Разсмотрѣніе жалобъ Наполеона.—Право, которое имѣла Великобританія лишить его свободы.—Приличность отнятія у него Императорскаго титула.—Можно бы не разсматривать его переписку.—Постановленіе, чтобы Англійскій офицеръ, въ извѣстный часъ, ежедневно навѣщалъ Наполеона—важность сего.—Предѣлы, дозволенные Наполеону для прогулки и верховой ѣзды.—Жалобы Ласъ-Каза на Сира Жоржа Кокберна.—Мѣры, принятыя Европейскими державами для надежнѣйшаго охраненія Наполеона,—Сиръ Гудзонъ Лоу назначенъ Губернаторомъ острова Св. Елены.—Качества его для исполненія сей должности.—Свѣдѣнія, сообщенныя Правительству генераломъ Гурго.—Разные замыслы къ освобожденію Наполеона. Сочиненія о жительствѣ Наполеона на островѣ Св. Елены.—Онъ раздраженъ поступками съ нимъ Сира Гудсона Лоу.—Ихъ свиданія 209

Глава VI.

Наставленія, данныя Сиру Гудсону Лоу относительно Наполеона.—Сумма, назначенная Англійскимъ Правительствомъ на издержки бывшаго Императора. — Разсмотрѣніе жалобъ его о недостаткахъ въ столѣ.—Предложеніе Наполеона дополнить оные на свой счетъ.—Продажа его серебряной посуды сдѣланная имъ съ тою цѣлью, чтобы дать ложное понятіе о положеніи, въ которомъ онъ находился.—Доказательство, что онъ имѣлъ у себя подъ спудомъ значительную сумму денегъ.—Деревянный домъ, построенный для Наполеона въ Англіи, перевезенъ на островъ Св. Елены. Свиданіе Наполеона съ Сиромъ Гудсономъ Лоу по привозѣ сего дома.—Медленность въ его постановленіи.—По окончаніи онаго, нездоровье препятствуетъ Наполеону перебраться въ новый домъ.—Положеніе, чтобы Англійскій офицеръ сопровождалъ его въ прогулкахъ верхомъ, кажется ему очень огорчительнымъ.—Свободное сообщеніе обитателей Лонгвуда съ Европою безъ вѣдома Губернатора.—Правила сношеній Наполеона съ жителями острова Св. Елены. — Общія размышленія о ссорахъ его съ Сиромъ Гудсономъ Лоу. 234

ЧАСТЬ ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Глава VII.

Стран.

Обзоръ жизни Наполеона.—Препровожденіе времени. — Одежда его.—Отрывки записокъ, которыя онъ диктовалъ Гг. Гурго и Монтолону. — Любя литературу, онъ удивляется Оссіану. —Склонность его къ театральнымъ произведеніямъ—Онъ предпочитаетъ Расина и Корнеля Вольтеру.—Тацитъ ему не нравится.—Онъ защищаетъ свойства Кесаря.—Обращеніе его съ приближенными.—Забавы его и упражненія.—Мнѣніе его о Сиръ Пельтенеѣ Малькольмѣ.—Сношенія его съ жителями Св. Елены и съ пріѣзжавшими на сей островъ. Свиданіе съ капитаномъ Галломъ, съ Лордомъ Амгерстомъ и съ Англичанами, принадлежавшими къ Китайскому посольству. 253

Глава VIII.

Болѣзнь Наполеона. — Ракъ въ желудкѣ—Мнѣніе Доктора Арнотта, что недугъ сей не произведенъ климатомъ, а существовалъ уже въ немъ, усиливаясь съ 1817 года. — Наполеонъ нисколько не старается показать такое расположеніе, которое могло бы содѣйствовать къ облегченію суровости его плѣна.—Удаленіе отъ него Ласъ-Каза. — Разныя жалобы Монтолона, представленныя Палатѣ Перовъ Лордомъ Голландомъ и опровергнутыя Лордомъ Батерстомъ. — Стран.

Стран.

ствіе, произведенное неудачею Лорда Голланда на Бонапарте. —Признаки его болѣзни усиливаются. — Онъ не хочетъ, ни дѣлать движенія, ни принимать лекарствъ.—Удаленіе доктора О'Меры отъ Наполеона, который не соглашается принять посѣщенія никакого другаго Англійскаго врача. — Два Римско-Католическіе священника присланы по его желанію на островъ Св. Елены. Мнѣніе Наполеона о вѣрѣ. — Докторъ Антомархи пріѣзжаетъ для того, чтобы заступить мѣсто О'Меры.—Продолженіе ссоръ между Бонапарте и Сиромъ Гудсономъ Лоу. —Планы для побѣга Наполеона. —Умыселъ Жонстона, смѣлаго контрабандиста, принять къ Св. Еленѣ на подводномъ суднѣ и принять на оное плѣнника. Судно его захвачено, и умыселъ разстроенъ.—Волненія въ Италіи дѣлаютъ необходимымъ усилить бдительность охраненія особы Наполеона.—Болѣзнь его усиливается.—Письмо, изъявляющее участіе, принимаемое Его Британскимъ Величествомъ въ положеніи Наполеона,—Бонапарте соглашается допустить къ себѣ доктора Арнотта. — Онъ пишетъ свое завѣщаніе и объявляетъ послѣднюю волю на случай смерти. — Причащеніе Святыхъ Тайнъ.—*Смерть его*, 5 Мая 1821 года. — Вскрытіе тѣла.—Похороны. 289

ЗАКЛЮЧЕНІЕ. 293

REGIONE LAZIO ASSESSORATO CULTURA BIBL. LIBRARI ACADEMIA SORRENTINA

1234854

RL 031819

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google